ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 4 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 4 2025

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
докт. ист. наук, профессор *В.А. Иванов*

Редакционная коллегия номера:

М.Ш. Галимова к.и.н. (Казань); **А.А. Чижевский** к.и.н. (Казань); **Р.Р. Саттаров** к.и.н. (Казань); **Т.Б. Никитина** д.и.н. (Йошкар-Ола); **А.М. Губайдуллин** д.и.н. (Казань); **Д.Г. Мухаметшин** к.и.н. (Болгар); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., член-корр. АН РТ (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2025
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Doctor of Historical Sciences, Professor **Vladimir A. Ivanov**

Editorial board:

Madina Sh. Galimova, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Andrei A. Chizhevsky,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ruzil R. Sattarov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Tatyana B. Nikitina,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Airat M. Gubaidullin**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); .

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Селин Д.В. *(Новосибирск, Россия)*, **Лебединцев А.И., Гребенюк П.С.** *(Магадан, Россия)*, **Федорченко А.Ю.** *(Новосибирск, Россия)* Керамика с комплекса памятников на мысе Ванкарем (Чукотский п-ов): технико-технологический анализ 8

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Дороничева Е.В. *(Санкт-Петербург, Россия)* Хронология и культурная вариабельность среднего палеолита Кавказа: синтез данных за последнюю четверть века 20

Вахрушев Л.А., Карманов В.Н., Попов Е.В., Дымов А.А. *(Сыктывкар, Россия)* Содержание фосфора в почвах памятника археологии Эньты IA 31

Дога Н.С., Выборнов А.А. *(Самара, Россия)*, **Пархомчук Е.В**. *(Новосибирск, Россия)*, **Кулькова М.А.** *(Санкт-Петербург, Россия)*, **Сомов А.В.** *(Самара, Россия)* Результаты исследования стоянки позднего неолита Таскудук в 2024 году 46

Жульников А.М. *(Петрозаводск, Россия)* Энеолитические погребения в Западном Прибеломорье: культурно-хронологическая атрибуция 58

Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Кульков А.М. *(Санкт-Петербург, Россия)*, **Тихомиров В.А.** *(Симферополь, Россия)* Химический состав «киммерийского металла» как индикатор межкультурных взаимодействие в начале железного века 73

Красноперов А.А. *(Ижевск, Россия)* Бусы группы типов «Алексеева-480-482,490,496 (А-480-482,490,496/Т-М-362) в Прикамье 88

Шишкина О.О. *(Кемерово, Россия)* Петроглифы на плитах Тесинского кургана-склепа Тепсей XVI: вопросы хронологии 107

Моргунова Н.Л. *(Оренбург, Россия)* Погребение с фаясовой шкатулкой савроматской культуры в Оренбужье 120

Бородовский А.П. *(Новосибирск, Россия)* Особенности косторезного дела в кочевой среде Евразии эпохи раннего железа в изготовлении деталей защитного снаряжения 129

Прокопенко Ю.А. *(Ставрополь, Россия)*, **Рудницкий Р.Р.** *(Железноводск, Россия)* Уздечные принадлежности и амулеты, антропоморфные и оформленные в зверином стиле, из могильника №1 Томузловского городища 138

Столяров Е.В. *(Тула, Россия)* Находки бронзовых зеркал скифо-сарматского времени с территории Окско-Донского водораздела 154

Серегин Н.Н., Матренин С.С. *(Барнаул, Россия)*, **Марсадолов Л.С.** *(Санкт-Петербург, Россия)* Новые сведения о комплексах эпохи Великого переселения народов из Северо-Западного Алтая (по материалам исследований М.П. Грязнова) 164

Алышов Н.А., Джафарова Э.Б. *(Баку, Азербайджан)* Поливная керамика с храмового комплекса Килседаг 174

Богенбаев Н. *(Астана, Казахстан)*, **Кентбек С.** *(Караганда, Казахстан)*, **Молдабай Т.** *(Астана, Казахстан)*, **Смагулов Н.** *(Караганда, Казахстан)*, **Жалмырза А.** *(Астана, Казахстан)* Некоторые аспекты изучения археологических памятников Тюркского периода (Монголия и Алтай) 187

Васильев С.В. *(Москва, Россия)*, **Кузьмин Я.В.** *(Новосибирск, Россия)* Диета средневекового населения Центра Русской равнины по изотопным данным 199

Археология Урало-Поволжья в свете новых исследований*

Хурмаев А.А. *(Ижевск, Россия)* Новые исследования памятников эпохи энеолита и позднего средневековья в лесостепном Предуралье 208

Смертина Н.С., Томилина Е.М. *(Пермь, Россия)* Первые результаты петрографического исследования материалов поселения Драчево II 217

Казанцева О.А. *(Ижевск, Россия)* К вопросу об изучении кремаций населения Среднего Прикамья (на примере могильников III–V вв.) 225

---

* *Материалы IX Халиковских чтений*

Мурыгин А.М. *(Сыктывкар, Россия)*
О границах ареала ванвиздинской археологической культуры 234

Подосёнова Ю.А. *(Пермь, Россия)* Техника изготовления и химический состав металла серебряных изделий Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры 244

Сарапулкин В.А. *(Белгород, Россия)*, **Соловьев Д.С.***(Казань, Россия)*
Поселения хазарского времени в Дельте Волги (по результатам работ 2023 года) 258

Федулов М.И. *(Чебоксары, Россия)*
Материальная культура сельских поселений XIV–XV вв. в Чувашском Присурье 271

Бугарчев А.И. *(Казань, Россия)*, **Ушакова С.В.** *(Москва, Россия)* Медные динары Булгара XIII в. из фондов Государственного исторического музея (Москва).....284

Малкова Н.М. *(Казань, Россия)*
Головные уборы в позднесредневековых погребениях эрзи и мокши 293

Евгеньев А.А. *(Оренбург, Россия)* Переписка К.Ф. Смирнова и С.А. Попова в архиве Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея как источник по истории научной коммуникации в 1950-70-е годы 309

Хроника

Абдуллоев Ш.Б. *(Термез Узбекистан)*, **Ситдиков А.Г.** *(Казань, Россия)*, **Курбонов А.М.** *(Термез, Узбекистан)*, **Воробьева Е.Е.** *(Казань, Россия)*
Археолог со стальной волей, открывший секреты эпохи бронзы и раннего железного века (к 65-летию профессора Ш.Б. Шайдуллаева) 319

Критика и библиография

Косинская Л.Л. *(Екатеринбург, Россия)* Каменный век на Востоке Русской равнины. Рецензия на том «Каменный век» многотомного издания «Археология Волго-Уральского региона» 330

Боталов С.Г. *(Екатеринбург, Челябинск, Россия)*
Рецензия на монографию Горбунова В.В., Тишкина А.А. «Курганы сростинской культуры на Приобском плато». 2022. 346

Список сокращений.....350

Правила для авторов.....351

CONTENT

Selin D.V. *(Novosibirsk, Russian Federation)*, **Lebedintsev A.I., Grebenyuk P.S.** *(Magadan, Russian Federation)*, **Fedorchenko A.Yu.** *(Novosibirsk, Russian Federation)* Pottery from the Sites at Cape Vankarem (Chukotka Peninsula): a technical and technological analysis..... 8

Doronichev V.B., Golovanova L.V., Doronicheva E.V. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Chronology and Cultural Variability of the Middle Paleolithic of the Caucasus: data synthesis over the last quarter century 20

Vakhrushev L.A., Karmanov V.N., Popov E.V., Dymov A.A. *(Syktyvkar, Russian Federation)* Phosphorus Content in Soils of the Archaeological Site of Enty IA..... 31

Doga N.S., Vybornov A.A. *(Samara, Russian Federation),* **Parkhomchuk E.V.** *(Novosibirsk, Russian Federation),* **Kulkova M.A.** *(Saint Petersburg, Russian Federation),* **Somov A.V.** *(Samara, Russian Federation)* Results of the Study of the Late Neolithic Taskuduk Campsite in 2024..... 46

Zhulnikov A.M. *(Petrozavodsk, Russian Federation)* Eneolithic Burials in the Western White Sea Region: cultural and chronological attribution..... 58

Kulkova M.A., Kashuba M.T., Kulkov A.M. *(Saint Petersburg, Russian Federation)*, **Tikhomirov V.A.***(Simferopol, Russian Federation)* Chemical Composition "Cimmerian metal" of Crimea as Indicator of Intercultural Interactions at Beginning of Iron Age..... 73

Krasnopeorov A.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* Group of Types Beads "Alekseva-480-482,490, 496" (A-480-482,490,496/T-M-362) in the Kama region 88

Shishkina O.O. *(Kemerovo, Russian Federation)* Petroglyphs on the Slabs of the Tes Culture Barrow-Vault of Tepsey XVI: issues of dating 107

Morgunova N.L. *(Orenburg, Russian Federation)* A Sauromatian Culture Burial with a Faience Casket in the Orenburg Region 120

Borodovsky A.P. *(Novosibirsk, Russian Federation)* Characteristics of Bone Carving Craft in the Eurasian Nomadic Milieu during the Early Iron Age: manufacturing protective equipment parts..... 129

Prokopenko Yu.A. *(Stavropol, Russian Federation)*, **Rudnitsky R.R.** *(Zheleznovodsk, Russian Federation)* Bridle Set Components and Amulets in the Anthropomorphic and Zoomorphic Style from the Burial Ground No. 1 at the Tomuzlovka Hillfort 138

Stolyarov E.V. *(Tula, Russian Federation)* Bronze Mirror Finds of the Scythian-Sarmatian Period from the Oka-Don Watershed Area 154

Seregin N.N., Matrenin S.S. *(Barnaul, Russian Federation)*, **Marsadolov L.S.** *(Saint Petersburg, Russian Federation)* New Data on the Migration Period Assemblages from Northwestern Altai (based on the research materials by M.P. Gryaznov) 164

Alishov N.A., Jafarova E.B. *(Baku, Azerbaijan)* Glazed Ceramics from the Temple Complex of Kilsedagh 174

Bogenbaev N. *(Astana, Kazakhstan)*, **Kentbek S.** *(Karaganda, Kazakhstan)*, **Moldabai T.** *(Astana, Kazakhstan)*, **Smagulov N.** *(Karaganda, Kazakhstan)*, **Zhalmyrza A.** *(Astana, Kazakhstan)* Some Aspects of the Study of Turkic Period Archaeological Sites (Mongolia and Altai) 187

Vasiliev S.V. *(Moscow, Russian Federation)*, **Kuzmin Ya.V.** *(Novosibirsk, Russian Federation)* Diet of the Medieval Population in the Center of the East European Plain based on Isotope Data .. 199

Archaeology of the Ural-Volga Region in the light of new research

Khurmaev A.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* New studies of the Eneolithic and Late Middle Ages sites in the forest-steppe zone of the Fore-Urals..... 208

Smertina N.S., Tomilina E.M. *(Perm, Russian Federation)* First Results of Petrographic Analysis of Materials from the Drachevo II Settlement 217

Kazantseva O.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* On Studying the Cremation Practices of the Middle Kama Region Population (based on the materials from the burial grounds of the III–V centuries) . 225

Murygin A.M. *(Syktyvkar, Russian Federation)*
On the Borders of the Vanvizdino Archaeological Culture Area 234

Podosenova Yu.A. *(Perm, Russian Federation)* Manufacturing Technique and Chemical Composition of Silver Items from Boyanovo Burial Ground of Lomovatovka Archaeological Culture 244

Sarapulkin V.A. *(Belgorod, Russian Federation)*, **Solovyov D.S.** *(Kazan, Russian Federation)*
Settlements of the Khazar Period in the Volga Delta (following the 2023 research results) 258

Fedulov M.I. *(Cheboksary, Russian Federation)*
Material Culture of Rural Settlements of the XIV–XV Centuries in the Chuvash Sura Basin 271

Bugarchev A.I. *(Kazan, Russian Federation)*, **Ushakova S.V.** *(Moscow, Russian Federation)*
Copper Dinars of Bolgar of the 13th Century
from the Holdings of the State Historical Museum (Moscow) 284

Malkova N.M. *(Kazan, Russian Federation)*
Headdresses in Late Medieval Burials of the Erzya and Moksha 293

Evgeniev A.A. *(Orenburg, Russian Federation)* Correspondence between K.F. Smirnov and S.A. Popov in the Archive of the Orenburg Governor Museum for History and Regional Studies as a Source on the History of Scientific Communication in the 1950s-70s 309

Chronicle

Abdulloev Sh.B. *(Termez, Uzbekistan)*, **Sitdikov A.G.** *(Kazan, Russian Federation)*, **Kurbonov A.M.** *(Termez, Uzbekistan)*, **Vorobyova E.E.** *(Kazan, Russian Federation)*
The Archaeologist with an Iron Will, Who Uncovered the Secrets of the Bronze and Early Iron Ages (celebrating the 65th anniversary of professor Sh.B. Shaidullaev) 319

Critics and Bibliography

Kosinskaya L.L. *(Yekaterinburg, Russian Federation)*
The Stone Age in the East of the East European Plain. Review of the "The Stone Age" Volume of the Multi-Volume Edition "Archaeology of the Volga-Urals" 330

Botalov S.G. *(Yekaterinburg, Chelyabinsk, Russian Federation)* Review on the Monograph Gorbunov V.V., Tishkin A.A.“The Srostki Culture Barrows on the Ob Plateu“. 2022 346

List of Abbreviations 350

Instructions for Authors 351

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.8.19

КЕРАМИКА С КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ НА МЫСЕ ВАНКАРЕМ (ЧУКОТСКИЙ П-ОВ): ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

©2025 г. Д.В. Селин, А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк, А.Ю. Федорченко

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики с комплекса разновременных археологических памятников на м. Ванкарем (Чукотский п-ов). Исследованы фрагменты посуды из землянок и могил, относящихся к неоэскимосским культурам Бирнирк, Пунук (конец I – начало II тыс. н.э.). Определено, что для изготовления керамики использовались ожелезненные глины двух подвидов – слабо и среднезапесоченные. Выявлено восемь рецептов формовочных масс, включающих добавки дресвы, песка, шерсти, органического раствора, в т.ч. в различных сочетаниях. Сосуды изготавливались на форме-основе с применением выбивки, обрабатывались заглаживанием и лощением. Обжиг проходил при температурах выше каления глины. Планиграфический анализ позволил установить локальные различия в традициях составления формовочных масс между группами землянок и могил. Прослежено изменение традиций во времени: на позднем этапе существования поселения (4-я группа землянок) отмечено увеличение доли органических примесей. В то же время, в отличие от древнеберингоморской культуры, в керамике с м. Ванкарем не зафиксировано использование органических растворов и шерсти в однокомпонентных рецептах. Наличие смешанных рецептов в части объектов свидетельствует о процессах взаимодействия носителей разных гончарных традиций. Выявлено определенное сходство технологии с керамикой более ранней древнеберингоморской культуры (отбор слабо- и среднезапесоченных глин, сходный ассортимент искусственных примесей, конструирование на форме-основе с выбивкой). Вместе с тем, отмечены изменения и локальная специфика традиций в период развития культур Бирнирк, Пунук.

Ключевые слова: археология, Чукотка, керамика, неоэскимосские культуры, технико-технологический анализ, древнеберингоморская культура, Бирнирк, Пунук.

POTTERY FROM THE SITES AT CAPE VANKAREM (CHUKOTKA PENINSULA): A TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS[2]

D.V. Selin, A.I. Lebedintsev, P.S. Grebenyuk, A.Yu. Fedorchenko

This paper deals with the results of the technical and technological analysis of pottery from the sites of different periods at Cape Vankarem (Chukotka). Fragments of pottery from pithouses and graves related to the Neo-Eskimo cultures of Birnirk and Punuk (end of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD) were studied. It was found that iron-bearing clays of two sub-types – a light sandy clay and a medium sandy clay – were used for the production of pottery. Eight recipes for paste were identified, including inclusions of grit, sand, wool, organic solution, including various combinations. The vessels were made on a mould base by beating, smoothing and polishing. Burning was carried out at temperatures above the vitrification point of the clay. Spatial analysis revealed local differences in the traditions of mould composition between groups of dug-outs and burials. Changes in traditions over time were traced: in the late phase of the settlement (4th group of dugouts) an increase in the proportion of organic additives in multi-component recipes combined with mineral additives was noted. At the same time, compared to the Old Bering Sea culture, the role of organic additives as independent additives decreased in the materials from Cape Vankarem. The presence of mixed recipes in some objects indicates processes of interaction between bearers of different pottery traditions. A certain similarity in technology with the pottery of the earlier Old Bering Sea culture (light and medium sandy clays, a similar set of additives, construction on a mould base with beating) was revealed. At the same time, changes and local specificity of traditions during the development of the Birnirk and Punuk cultures were noted.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» (rscf.ru/project/22-18-00319/), руководитель – А.И. Лебединцев.

[2] The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00319 "The genesis of ancient cultures of the Far Northeast of Asia" (rscf.ru/project/22-18-00319 /), headed by A.I. Lebedintsev.

Keywords: archaeology, Chukotka, pottery, Neo-Eskimo cultures, technical and technological analysis, Old Bering Sea culture, Birnirk, Punuk.

Рис. 1. Месторасположение комплекса памятников на мысе Ванкарем.
Fig. 1. Location of the sites at Cape Vankarem.

Введение

Неоэскимосские культуры, представленные рядом последовательно сменявших друг друга и сосуществующих традиций, получили широкое распространение в Берингоморье и на Чукотке в I–II тыс. н. э. Древнеберингоморская культура (200 г. до н. э. – 700 г. н. э.) развилась в культуру Бирнирк (700–1300 г. н. э.) и Пунук (800–1200 г. н. э.). Около 1000 г. н. э. на севере Аляски на основе культуры Бирнирк возникла культура Туле, стремительно распространившаяся после 1200 г. н. э. в Американской Арктике и ставшая доминирующей в регионе.

Керамика, являясь важным индикатором культурных процессов и взаимодействий, может пролить свет на развитие неоэскимосской традиции на Чукотке. В этом отношении большой интерес представляет комплекс разновременных археологических памятников на м. Ванкарем, расположенном на севере Чукотского п-ова (рис. 1). Здесь экспедицией под руководством Н.Н. Дикова в 1957 и 1963 гг. были исследованы четыре группы землянок двух типов (большие диаметром 30 м и малые диаметром 20 м), в трех из которых (1-й, 3-й и 4-й группы) обнаружена керамическая посуда, а также две могилы, расположенные между 3-й и 4-й группами землянок на возвышенной части мыса (Диков, 1958; 1968; 1977; 1979). Керамические материалы из землянок 1-й, 3-й, 4-й групп и могил № 1 и 2 стали предметом настоящего исследования.

Источниковой базой послужили фрагменты керамики (венчики, стенки, придонные части) из разновременных землянок и могил на мысе Ванкарем, относящихся к периоду конца I – начала II тыс. н. э. (рис. 2). Первая группа землянок содержит материалы как бирниркского, так и пунукского облика, датируемые концом I тыс. н. э. (Бирнирк/Пунук). В 3-й группе землянок обнаружены предметы пунукского типа, а также керамический штамп бирниркского типа, что также позволяет отнести эти жилища к концу I тыс. н. э. (Пунук/Бирнирк). 4-я группа землянок принадлежит к более позднему периоду и датируется началом II тыс. н. э. В могилах № 1 и 2 антропологический материал не обнаружен. Могила № 1, вероятно, относится ко второй половине I тыс. н. э., в то время как могила № 2 по обнаруженным в ней наконечникам гарпунов типа Туле

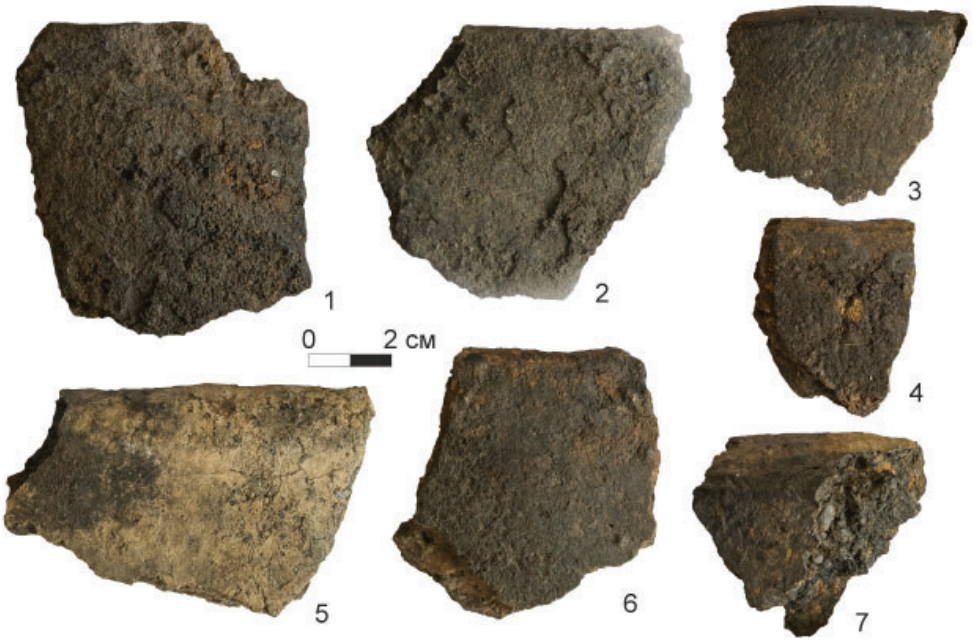

Рис. 2. Фрагменты сосудов из могилы №2 на м. Ванкарем.
Fig. 2. Fragments of wares from the burial No. 2 at Cape Vankarem.

относится к началу II тыс. н. э. Все изученные материалы хранятся в фондах Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН (г. Магадан) и имеют точную привязку к объектам.

Цель заключалась в реконструкции гончарной технологии населения, оставившего памятники на мысе Ванкарем, и выявлении локальных традиций изготовления посуды. Сравнительный анализ керамики из разных групп землянок и могил в сопоставлении с данными по другим неоэскимосским культурам позволит получить новую информацию о развитии гончарства на Чукотке в I–II тыс. н. э. в контексте культурогенетических процессов в регионе.

Результаты исследования керамики из землянок

Были изучены фрагменты посуды из землянок 1-й (4 изд.), 3-й (7 изд.) и 4-й группы (3 изд.).

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. Вся посуда из землянок всех групп изготовлена из ожелезненных слабозапесоченных глин с естественным содержанием окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–4 мм, 1–2 вкл. на 1 кв. см). В одном изделии выявлено включение угловатого известняка размером 2 мм.

Составление формовочных масс. В керамике из землянок 1-й группы обнаружено три рецепта: 1) глина + дресва (1 изд.); 2) глина + песок + дресва (1 изд.); 3) глина + песок + органический раствор (2 изд.).

В посуде из землянок 3-й группы установлено четыре рецепта: 1) глина + песок (3 изд.); 2) глина + дресва (2 изд.); 3) глина + дресва + органический раствор (1 изд.); 3) глина + дресва + шамот (1 изд.).

В изделиях из землянок 4-й группы определено два рецепта: 1) глина + дресва + органический раствор (1 изд.); 2) глина + песок + органический раствор (1 изд.).

Для добавления в формовочную массу отбирался преимущественно окатанный (5 изд.) или преимущественно угловатый (1 изд.) песок (рис. 3). В одном сосуде из землянок 3-й группы окатанные и угловатые фракции распределены поровну. Это указывает на то, что гончары отбирали песок как минимум в трех разных местах. Размер фракций 0,1–6 мм, концентрация составляет 1:1 (6 изд.) или 1:3 (1 изд.). Дресва получена, предположительно, из гранитоидов. Размерность включение 0,1–6 мм (7 изд.) или 3–4 мм (1 изд.), концентрация 1:1 (5 изд.), 1:5–6 (2 изд.), 1:7–8 (1 изд.).

Органический раствор зафиксирован в виде аморфных пустот размером 0,5–2 мм, заполненных изнутри черным глянцевым налетом.

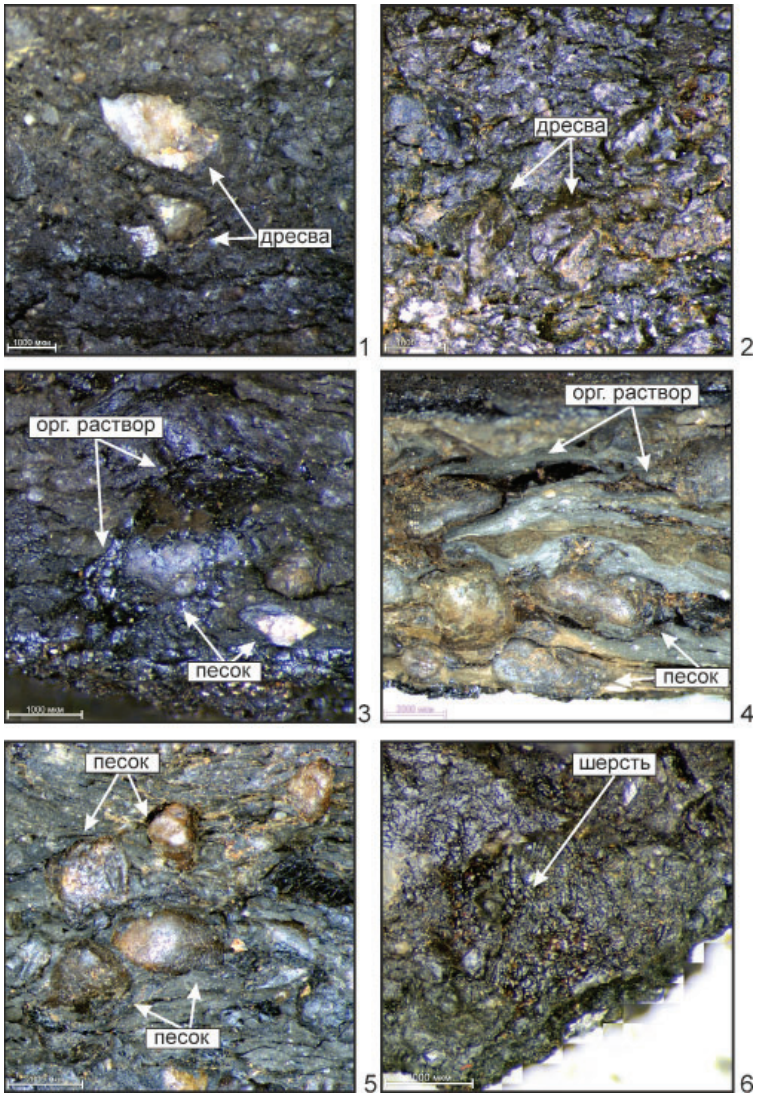

Рис. 3. Микрофотографии изломов сосудов из разных объектов на мысе Ванкарем. 1 – могила № 1, дресва; 2 – группа 3, дресва; 3 – группа 4, песок и органический раствор; 4 – группа 1, песок и органический раствор; 5 – могила №2, песок; 6 – могила №2, шерсть.

Fig. 3. Micrographs of vessel fractures from various sites at Cape Vankarem. 1– burial No. 1, grit; 2 – group 3, grit; 3 – group 4, sand and organic solution; 4 – group 1, sand and organic solution; 5 – burial No. 2, sand; 6 – burial No. 2, wool.

В двух изделиях в этих пустотах обнаружены выгоревшие отпечатки шерсти. В одном сосуде выявлена добавки шерсти без раствора.

Конструирование полого тела, формообразование. Сосуды лепились на форме-основе, предположительно лоскутами. Внешняя поверхность дополнительно выбивалась рельефной колотушкой.

Обработка поверхностей. Поверхности заглаживались твердым орудием или пальцами.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Фрагменты посуды были проверены на явление остаточной пластичности, ни одно изделие не перешло в пластичное состояние. Это свидетельствует об обжиге при температурах выше каления глины (выше 650–700º) в течение длительного времени, достаточного для утраты формовочной массы пластических свойств. Цветовая гамма изломов следующая: одноцветный черный (7 изд.), коричневый внешний край, черный внутренний (2 изд.), черный внешний край, коричневый внутренний (2 изд.), коричневые края, черный центр (3 изд.).

Результаты исследования керамики из могил

Особый интерес представляет анализ гончарной технологии фрагментов от 10

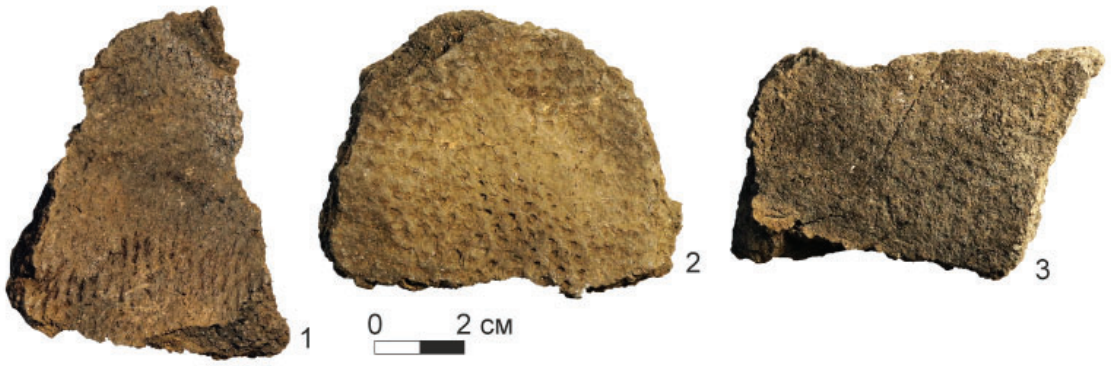

Рис. 4. Отпечатки формы-основы на внутренней поверхности сосудов из могилы №2 на м. Ванкарем.
Fig. 4. Prints of mold-base on the inner surface of vessels from burial No. 2 at Cape Vankarem.

сосудов, выявленных в двух захоронениях. В могиле № 1 на глубине 0,6 и 0,7 м обнаружены фрагменты от двух сосудов. В могиле № 2 фрагменты от восьми емкостей выявлены в очаге и в центральной части камеры (рис. 2).

Фрагменты посуды зафиксированы в другом погребальном памятнике этой культуры – Эквенском могильнике. Однако количество сосудов в одной могиле обычно составляет 1–2, что выделяет могилу № 2 на мысе Ванкарем (Яншина, 2022).

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. Посуда была изготовлена из ожелезненных глин двух степеней запесоченности, что позволяет выделить два подвида:

Глина 1 (9 изд.) – слабозапесоченная с естественным содержанием окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–4 мм, 1–2 вкл. на 1 кв. см).

Глина 2 (1 изд.) – среднезапесоченная с естественной примесью окатанного прозрачного и глухого песка (размер 0,1–1 мм; до 17 вкл. на 1 кв. см).

Два сосуда из могилы № 1 изготовлены из глин обоих подвидов. Все изделия из могилы № 2 слеплены из Глины 1.

Составление формовочных масс. В могиле № 1 определено два рецепта: 1) глина + дресва (1 изд.); 2) глина + дресва + песок + органика (1 изд.). В могиле № 2 установлено три рецепта: 1) глина + дресва (2 изд.); 2) глина + песок (6 изд.); 3) глина + песок + шерсть (1 изд.).

С Глиной 1 использовался весь ассортимент рецептов формовочных масс, с Глиной 2 – только несмешанный вариант глина + дресва.

Песок выявлен в восьми сосудах (рис. 3). В изломах семи изделий определены окатанные (преобладают) и угловатые прозрачные и глухие (преобладают) фракции. В одном сосуде угловатые фракции преобладают над окатанными, что может указывать на отбор песка в ином месте. Песок мог добавляться в некалиброванном виде (размер 0,1–6 мм; 6 изд.) и калиброваться по нижней границе (размер 2–6 мм; 2 изд.). Концентрация следующая: 1:1 (2 изд.); 1:1–2 (1 изд.), 1:3–4 (1 изд.); 1:4 (4 изд.). Дресва была получена, предположительно, из гранитоидов. Размер включений 0,1–4 мм, концентрация 1:1 (1 изд.), 1:5 (2 изд.).

В одном сосуде из могилы № 1 установлена добавка органики, зафиксированная в виде тонких вытянутых обрывков растительности с полостями, покрытыми изнутри перламутровыми натеками. В другом изделии из могилы № 2 выявлена добавка шерсти животного.

Конструирование полого тела, формообразование. Полое тело изготавливалось лоскутным налепом на форме-основе. В качестве прокладки могла выступать ткань (рис. 4) или органика (кожа?). Форма дополнительно придавалась при помощи выбивки рельефной колотушкой, оставившей следы на внешней поверхности в виде технического орнамента.

Обработка поверхностей. Поверхности заглаживались твердым орудием и лощились. Внутренняя поверхность одного сосуда из могилы № 1 была обработана пальцами.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Явление остаточной пластичности не зафиксировано. Цветовая гамма изломов следующая: одноцветный черный (6 изд.), темно-серый (2 изд.), коричневый (1 изд.), черный внешний край, коричневый внутренний (1 изд.).

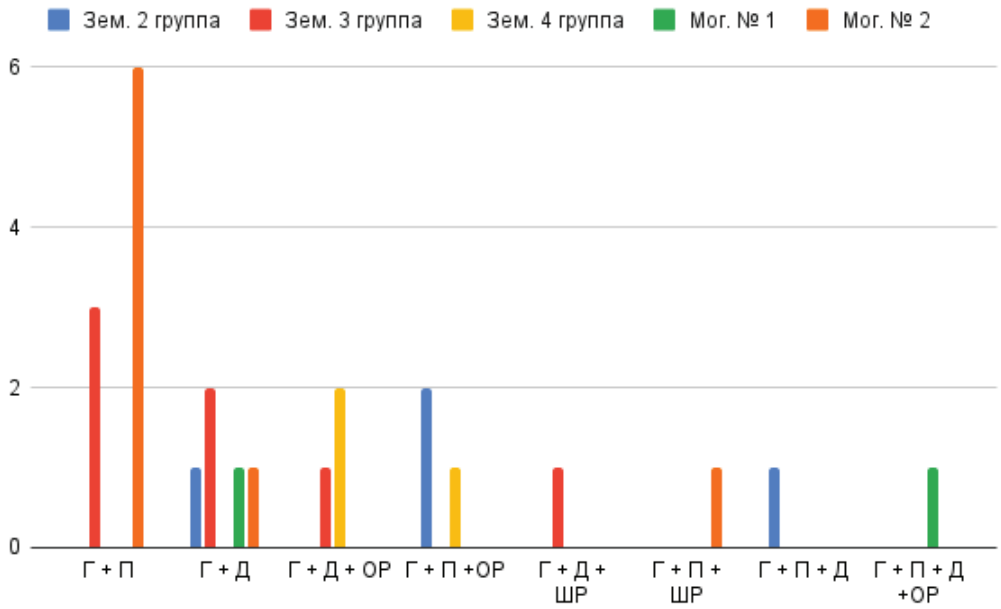

Рис. 5. Диаграмма соотношений рецептов формовочных масс из разных объектов с мыса Ванкарем.
Fig. 5. Diagram showing the proportions of the molding paste from different sites at Cape Vankarem.

Обсуждение результатов

Выполнен сравнительный анализ технологии производства керамики из разных групп землянок, относящихся к периодам Бирнирк и Пунук (1-я и 3-я группы, конец I тыс. н.э.), поздний Пунук (4-я группа, начало II тыс. н.э.), и из могил, предположительно датирующихся поздним Пунуком (могила № 2) и более ранним временем (могила № 1, вторая половина I тыс. н. э.). Установлено, что рецепт глина + песок и примесь шерсти использовались для производства сосудов в землянках 3-й группы (Пунук) и могиле № 2 (поздний Пунук). Песок совместно с органическим раствором применялся для изготовления посуды в землянках 1-й и 4-й групп. Песок совместно с органическим раствором применялся для изготовления посуды в землянках 1-й (Бирнирк/Пунук) и 4-й (ранний Туле) групп. Рецепт глина + дресва выявлен практически во всех объектах, кроме землянок 4-й группы. В этой группе примесь дресвы и песка была использована вместе с органическим раствором. Многокомпонентные рецепты обнаружены в землянке 1-й группы и в могиле № 1.

Планиграфический анализ демонстрирует не только различия в традициях составления формовочных масс между условно одновременными группами населения, но и хронологические изменения в гончарстве на протяжении периодов Бирнирк и Пунук (рис. 6). В самой южной и более ранней 1-й группе землянок (Бирнирк/Пунук) зафиксированы рецепты с песком, дресвой и органическим раствором, а также один сосуд, изготовленный по смешанной традиции. Для самой северной и самой поздней 4-й группы прослеживается иная традиция – использование во всех сосудах совместно с минеральными добавками органического раствора. В землянках группы 3 (Пунук/Бирнирк), расположенных ближе к центральной части мыса, выявлено четыре одно- и многокомпонентных рецепта. При этом наибольшее сходство между традициями составления формовочных масс обнаружено между землянками группы 3 и могилой № 2. В них основную долю занимает посуда, изготовленная по рецепту глина + песок и зафиксированы изделия, в которые добавлена шерсть. Это сходство может указывать на их хронологическую близость. В могиле № 1 выявлено два сосуда, один из которых изготовлен с добавкой дресвы, а другой производен с использованием многокомпонентного рецепта, который обнаружен только в этом объекте. Схожий рецепт, но без раствора, выявлен в землянках 1-й группы (табл. 1). Возможно, между двумя захоронениями имеется хронологическая разница, которая отразилась в разных традициях составления формовочной массы.

Таблица. 1. Соотношение рецептов формовочных масс керамики из разных объектов на мысе Ванкарем.
Table 1. Ratio of recipes of pottery paste from different objects at Cape Vankarem.

ФМ	Объекты				
	Зем. 2 группа	Зем. 3 группа	Зем. 4 группа	Мог. № 1	Мог. № 2
Г + П	-	3	-	-	6
Г + Д	1	2	-	1	1
Г + Д + ОР	-	1	2	-	-
Г + П +ОР	2	-	1	-	-
Г + Д + ШР	-	1	-	-	-
Г + П + ШР	-	-	-	-	1
Г + П + Д	1	-	-	-	-
Г + П + Д +ОР	-	-	-	1	-

Примечание. Г – глина; Д – дресва; ШР – шерсть; П – песок; ОР – органический раствор.

Керамика с древнеэскимосских памятников исследована неравномерно, что отчасти обусловлено состоянием самого материала. О.В. Яншина, изучавшая керамическую коллекцию Эквенского могильника, подчеркивает сложность определения точного соотношения и выделения разных видов формовочных масс: «Керамика имеет темный цвет и покрыта толстым слоем пищевого нагара и сажи, а также обмазкой, которые скрывают ее внутреннюю структуру» (Яншина, 2022, с. 226). Несмотря на эти ограничения, автор приходит к выводу, что эквенская керамика изготавливалась из негрубых формовочных масс с обильными минеральными примесями. В части сосудов доминирует примесь мелкого и среднего песка, составляющая 20–30%. Кроме того, зафиксированы добавки пера, отпечатки неустановленной волокнистой примеси, а также округлые и неправильной формы поры, вероятно являющиеся следами выгоревшего органического раствора (Селин и др., 2024а).

Сравнение навыков отбора исходного сырья и составления формовочных масс керамики с м. Ванкарем и Эквенского могильника затруднено из-за ограниченной доступности материалов последнего для полноценного технико-технологического анализа. Значительная часть керамики Эквена покрыта плотным нагаром и обмазкой, скрывающими внутреннюю структуру черепка. Имеющиеся данные позволяют предполагать использование в эквенской керамике глин с обильной минеральной примесью, а также присутствие в части сосудов песка, добавок пера, шерсти, органического раствора. Однако детальные характеристики этих компонентов, а также вопрос об искусственном или естественном происхождении песка в формовочной массе керамики Эквена остаются дискуссионными и требуют дополнительных исследований с применением современных методов анализа.

Для керамики древнеберингоморской культуры характерно использование слабо- и среднезапесоченных ожелезненных глин, разнообразие рецептов формовочных масс, лепка на форме-основе и выбивка. Так, в одной землянке со стоянки возле утеса Кожевникова (м. Шмидта) установлено пять рецептов: 1) глина + песок (7 изд.); 2) глина + шерсть (3 изд.); 3) глина + органический раствор (2 изд.); 4) глина + песок + органический раствор (1 изд.); 5) глина + песок + шерсть (1 изд.), что свидетельствует о смешанности гончарной технологии (Селин и др., 2024а). В Чинийском могильнике количество рецептов также составило пять: 1) глина + шерсть (3 изд.); 2) глина + дресва (6 изд.); 3) глина + песок (12 изд.); 4) глина + песок + органический раствор (2 изд.); 5) глина + дресва + органический раствор (1 изд.). Благодаря планиграфическому анализу удалось установить, что площадь кладбища использовалась тремя разными группами, для которых были характерны разные гончарные традиции (Селин и др., 2024б).

Керамика из разновременных объектов м. Ванкарем по технологии изготовления обнаруживает сходство с древнеберингоморской. Для обеих традиций характерно использование ожелезненных слабо- и среднезапесоченных глин, близкий набор искус-

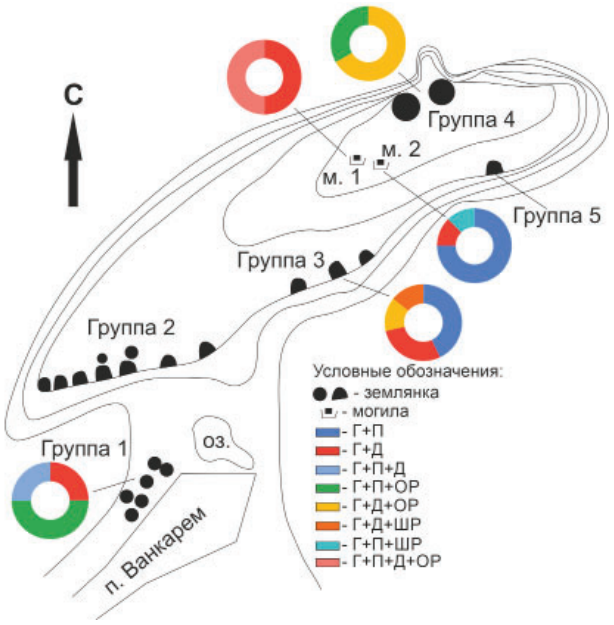

Рис. 6. Планиграфия рецептов формовочных масс из разных объектов с мыса Ванкарем.
Fig. 6. Spatial organization of molding paste recipes from different sites at Cape Vankarem.

ственных добавок, конструирование сосудов на форме-основе и применение выбивки гладкой или рельефной колотушкой для обработки внешней поверхности. Эти технологические особенности прослеживаются и в керамических комплексах других памятников Чукотки, таких как поселения Баранова мыса, Эквен, Пайпельгак, Кивак, Наукан (Арутюнов, Сергеев, 1969; 1975; Окладников, Береговая, 1971; Бронштейн, Днепровский, 2001; Понкратова, 2001; Жущиховская, 2004; Gelbert-Miermon, 2006; Лопатин, 2012; Алексашенко, Яншина, 2017; Орехов, 2020). В то же время между древнеберингоморским и более поздним гончарством неоэскимосов наблюдаются и определенные различия. Так, древнеберингоморские мастера чаще использовали органические примеси (шерсть, растворы) в качестве самостоятельных добавок, что нетипично для керамики м. Ванкарем. Кроме того, если на стоянке возле утеса Кожевникова (м. Шмидта) примесь дресвы не зафиксирована, то на Чинийском могильнике она присутствует, что указывает на вариативность гончарных традиций в рамках этой культуры. Еще одно отличие – наличие эффекта остаточной пластичности на могильнике Чини.Эти данные свидетельствуют о сложности и многокомпонентности древнеберингоморского гончарства и позволяют наметить векторы его дальнейшей трансформации в период существования культур Бирнирк и Пунук.

Заключение

Комплексный анализ керамики памятников мыса Ванкарем (Чукотка) позволил выявить ряд важных особенностей гончарной технологии неоэскимосов и ее эволюции на протяжении периодов Бирнирк и Пунук (конец I – начало II тыс. н.э.). Сравнительное изучение материалов из разновременных групп землянок и могил показало наличие локальных различий в традициях составления формовочных масс, отражающих как сосуществование разных групп населения, так и хронологические изменения в гончарстве. При этом близость керамических традиций 3-й группы землянок и могилы № 2, вероятно, указывает на их принадлежность к периоду Пунук.

Планиграфический анализ позволил выявить локальные различия в традициях составления формовочных масс между разными группами землянок и могил и проследить изменения этих традиций во времени. В частности, выявлено увеличение доли использования органических примесей в керамике 4-й группы землянок, относящейся к позднему этапу существования поселения в начале II тыс. н. э. Наличие смешанных рецептов формовочных масс в керамике из 1-й группы землянок и могилы № 1 может указывать на процессы взаимодействия и смешения разных групп населения, обладавших собственными навыками изготовления керамики. Это согласуется с представлениями о высокой мобильности и активных межкультурных контактах в этом регионе в конце I тыс. н. э.

Прослеживается определенная преемственность между керамическими традициями Бирнирка, Пунука и более ранней древнеберингоморской культуры в отношении отбора слабозапесоченных глин, использования близкого ассортимента искусственных добавок, приемов конструирования и обработки поверхности сосудов.

Выявленные различия в гончарных традициях между древнеберингоморскими памятниками (стоянка возле утеса Кожевникова на м. Шмидта, Чинийский могильник) и более поздними комплексами на м. Ванкарем свидетельствуют о сложном и многокомпонентном характере развития неоэскимосских культур в регионе. Эти различия могут объясняться локальной вариативностью и хронологи-

ческими изменениями традиций в процессе эволюции неоэскимосского гончарства на побережье Чукотки.

Представленные результаты не исчерпывают всех аспектов изучения древнего гончарства Северо-Восточной Азии, но закладывают основу для дальнейших исследований. Перспективным представляется расширение базы данных по технологии керамического производства с других неоэскимосских памятников, детальное сопоставление материалов периода Бирнирк, Пунук и древнеберингоморской культуры между собой, а также с синхронными культурами сопредельных территорий. Это позволит получить более полную картину становления и эволюции гончарных традиций в регионе и их места в системе культурных и социально-экономических связей древнего населения Берингоморья.

ЛИТЕРАТУРА

Алексашенко Н.А., Яншина О.В. Керамические штампы Эквенского могильника // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 265–278.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 204 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории древнеберингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия / Ред. Т.Б. Князева. М.: Наука, 2001. С. 587–619.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 72–88.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. Доступно по: URL: http://archsamara.ru/katalog (дата обращения 09.06.2024).

Гусев С.В., Жущиховская И.С. Реконструкция технологии производства керамики приморских культур Восточной Чукотки // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI междунар. науч. семинара. Вып. 1 / Отв. ред. М.А. Корусенко. Омск: ОмГУ, 1998. С. 56–58.

Диков Н.Н. Предварительный отчет о полевых археологических исследования Чукотского краеведческого музея в 1957 году // Записки Чукотского краеведческого музея. Вып. 1 / Ред. Н. Н. Диков. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1958. С. 45–57.

Диков Н.Н. Ванкаремские древности // Записки Чукотского краеведческого музея. Вып. 5 / Ред. Н. Н. Диков. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1968. С. 60–71.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977. 391 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.

Жущиховская И.С. Динамика техники обжига в древнем гончарстве Дальнего Востока России в контексте культурно-исторического процесса // Археологические вести. № 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004а. С. 42–51.

Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2004б. 312 с.

Лопатин Н.В. О древнеэскимосском гончарстве (по материалам поселения Пайпельгак) // Вехи на мысах. К 80-летию С.А. Арутюнова / Отв. ред. М.М. Бронштейн, И.И. Крупник. М.: Гос. музей Востока, 2012. С. 60–69.

Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971. 213 с.

Орехов А.А. Керамика древнеберингоморского жилища древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 26. № 1. С. 83–97.

Понкратова И.Ю. Гончарство Северо-Востока Азии и сопредельных территорий: общее и особенное // Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова / Отв. ред. А.И. Лебединцев, Т.Ю. Гоголева Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 133–146.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Главсевморпути, 1947. 117 с.

Селин Д.В., Лебединцев А.И., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю. Керамика древнеберингоморской культуры со стоянки возле утеса Кожевникова (мыс Шмидта): особенности технологии // Нижневолжский археологический вестник. 2024а. Т. 23. № 2. С. 161–172. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.8

Селин Д.В., Лебединцев А.И., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю. Гончарные традиции носителей древнеберингоморской культуры на Чукотском полуострове (по материалам Чинийского могильника) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024б. № 4 (67). С. 85–94.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Яншина О.В. Керамика эквенского могильника (по материалам раскопок 1961–1967 гг.) // Кунсткамера. 2022. № 3(17). С. 221–240.

Gelbert-Miermon A. Pottery from the Bluff at the Ekven Settlement // Archaeology in Northeast Asia on the Pathway to Bering Strait / ed. by D. Dumond, R. Bland. Eugene: University of Oregon. 2006. P. 162–191.

Информация об авторах:

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru, https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

Лебединцев Александр Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (г. Магадан, Россия); lebedintsev@neisri.ru, https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

Гребенюк Павел Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН (г. Магадан, Россия); grebenyuk.pavel@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9940-9962

Федорченко Александр Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, (г. Новосибирск, Россия); winteralex2008@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

REFERENCES

Aleksashenko, N. A., Yanshina, O. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 265–278 (in Russian).

Arutyunov, S. A., Sergeev, D. A. 1969. *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov (Uelenskiy mogil'nik) (Ancient cultures of Asiatic Eskimos: (the Uelen burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Arutyunov, S. A., Sergeev, D. A. 1975. *Problemy etnicheskoy istorii drevneberingomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik) (Issues of ethnic history in the Bering Sea: (the Ekven burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (In Rusian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual’nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).

Bronstein, M. M., Dneprovsky, K. A. 2001. In Knyazeva, T. B. (ed.). *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya (Sites of culture. New discoveries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 587–619 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasil’eva, I. N. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 72–88 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. 2020. *Elektronnyy Katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (On-line Catalog of Ceramic traceology models)* Samara Available at: http://archsamara.ru/ katalog (accessed: 09.06.2024) (in Russian).

Gusev, S. V., Zhushchikhovskaya, I. S. 1998. In Korusenko, M. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)* 1.Omsk: Omsk State University, 56–58 (in Russian).

Dikov, N. N. 1958. In Dikov, N. N. (ed.). *Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya (Bulletin of the Chukotka Museum of Regional Studies)* 1. Magadan: "Magadan. kn. izd-vo" Publ., 45–57 (in Russian).

Dikov, N. N. 1968. In Dikov, N. N. (ed.). *Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya (Bulletin of the Chukotka Museum of Regional Studies)* 5. Magadan: "Magadan. kn. izd-vo" Publ., 60–71 (in Russian).

Dikov, N. N. 1977. *Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhney Kolymy: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti (Archaeological Monuments in Kamchatka, Chukotka, and the Upper Kolyma: Asia joining America in ancient times)*. Moscow: "Nauka" Publ. (In Russian).

Dikov, N. N. 1979. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti (Ancient cultures of Northeast Asia: Asia at the junction with America in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (In Russian).

Zhushchikhovskaya, I. S. 2004. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin" Publ., 42–51 (in Russian).

Zhushchikhovskaya, I. S. 2004. *Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka (Essays on the history of ancient pottery in the Far East)*. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the RAS, 133–146 (in Russian).

Lopatin, N. V. 2012. In Bronshtein, M. M., Krupnik, I. I. (eds.). *Vekhi na mysakh. K 80-letiyu S.A. Arutyunova (Milestones on the capes. To the 80th anniversary of S.A. Arutyunov)*. Moscow: Orient Museum., 60–69 (In Russian).

Okladnikov, A. P., Beregovaia, N. A. 1971. *Drevnie poseleniya Baranova mysa (Ancient settlements of the Cape Baranov)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Orekhov, A. A. 2020. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)* (1), 83–97 (In Russian).

Ponkratova, I. Yu. 2001. In Lebedintsev, A. I., Gogoleva, T. Yu. (eds.). *Dikovskie chteniya: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN N.N. Dikova (Dikov readings: proceedings of the scientific and practical conference devoted to the 75th anniversary of N.N. Dikov, corresponding member RAS)*. Magadan: Far-Eastern Branch of the RAS, 133–146 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1947. *Drevnyaya kul'tura Beringova morya i eskimosskaya problema (The ancient culture of the Bering Sea and the Eskimo issue).* Moscow; Leningrad: "Glavsevmorputi" Publ. (in Russian).

Selin, D. V., Lebedintsev, A. I., Grebenyuk, P. S., Fedorchenko, A. Yu. 2024a. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 23 (2), 161–172 (in Russian).

Selin, D. V., Lebedintsev, A. I., Grebenyuk, P. S., Fedorchenko, A. Yu. 2024б. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 67 (4), 85–94 (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ceramics. The Concepts and Terms of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yanshina, O. 2022. In *Kunstkamera* (3/17), 221–240 (In Russian).

Gelbert-Miermon, A. 2006. *Pottery from the Bluff at the Ekven Settlement. Archaeology in Northeast Asia on the Pathway to Bering Strait*. Eugene: University of Oregon, 162–191.

About the Authors:

Selin Dmitriy V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Akademika Lavrentiev Ave, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru, https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

Lebedintsev Alexander I., Candidate of Historical Sciences, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Portovaya St., 16, Magadan, 685000, Russian Federation; lebedintsev@neisri.ru, https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

Grebenyuk Pavel S., Doctor of Historical Sciences, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Portovaya St., 16, Magadan, 685000, Russian Federation; grebenyuk.pavel@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9940-9962

Fedorchenko Alexander Yu., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Akademika Lavrentiev Ave, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; winteralex2008@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

Статья поступила в журнал 09.06.2024 г.
Статья принята к публикации 14.06.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.20.30

ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАВКАЗА: СИНТЕЗ ДАННЫХ ЗА ПОСЛЕДНЮЮ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА[1]

©2025 г. В.Б. Дороничев, Л.В. Голованова, Е.В. Дороничева

Средний палеолит по количеству памятников (более 400) является наиболее полно представленным периодом палеолита на Кавказе. Однако до сих пор не выработана общепринятая схема его культурно-хронологического развития. В статье дается краткая история изучения этого вопроса, начиная с 2000-х годов, и представлен синтез современных данных, которые существенно изменили представления о хронологии среднего палеолита Кавказа. Представленные здесь различные мустьерские индустрии, связанные с восточным микоком Европы, мустье Леванта и Загроса, указывают на то, что в среднем палеолите кавказский регион заселялся разными по культуре популяциями неандертальцев из трех разных центров минимум .

Ключевые слова: археология, средний палеолит, неандертальцы, хронология, культурная вариабельность, Кавказ.

CHRONOLOGY AND CULTURAL VARIABILITY OF THE MIDDLE PALEOLITHIC OF THE CAUCASUS: DATA SYNTHESIS OVER THE LAST QUARTER CENTURY[2]

V.B. Doronichev, L.V. Golovanova, E.V. Doronicheva

The Middle Paleolithic in terms of the number of sites (over 400) is the most fully represented Paleolithic period in the Caucasus. However, a generally accepted scheme of cultural and chronological development of the Middle Paleolithic of this region has not yet been elaborated. The article provides a brief history of the study of this issue since the 2000s, and presents a synthesis of modern data that significantly changed our understanding of the chronology of the Middle Paleolithic of the Caucasus. The various Mousterian industries presented in the Caucasus, associated with the Eastern Micoquian in Europe, and Mousterian in the Levant and Zagros, indicate the Caucasian region was inhabited by culturally diverse Neanderthal populations from at least three different centers during the Middle Paleolithic.

Keywords: archaeology, Middle Paleolithic, Neanderthals, chronology, cultural variability, Caucasus

Введение

На Кавказе и Армянском нагорье открыто и в разной степени изучено более 450 памятников палеолита, и на около 60% из них найдены комплексы среднего палеолита (Gasparyan, Glauberman, 2022). По другим оценкам, на территории всего Кавказа известно более 400 памятников, содержащих комплексы среднего палеолита (Анойкин, 2018). Несмотря на то, что средний палеолит по количеству известных памятников является наиболее полно представленным периодом палеолита в кавказском регионе, некоторые исследователи отмечают, что сейчас отсутствует общая схема культурно-хронологического развития среднего палеолита на Кавказе (Анойкин, 2018).

Целью данной работы является попытка закрыть этот пробел в наших знаниях о среднем палеолите — эпохе обитания неандертальского человека — в Кавказском регионе и обобщить современные данные о культурах среднего палеолита, накопленные за последнюю четверть века.

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ 24-18-00971 «Неандертальцы Северо-Западного Кавказа между Азией и Европой: культурные ареалы, мобильность, адаптации» (https://www.rscf.ru/project/24-18-00971/).

[2] The study was supported by the Russian Science Foundation, grant 24-18-00971 "Neanderthals of the Northwest Caucasus between Asia and Europe: cultural ranges, mobility, adaptations" (https://www.rscf.ru/project/24-18-00971 /).

История вопроса

Во второй половине 20 века существенный вклад в изучение среднего палеолита Кавказа внес Василий Прокофьевич Любин (1977, 1984), обобщающие труды которого сделали важный вклад в изучение мустьерской культуры кавказского региона в целом и локальных культурных отличий. Однако, в первой четверти 21 века, увлекшись поисками древнейших памятников на Кавказе, он уже практически не обращался к проблематике среднего палеолита.

В 2003 г. Голованова и Дороничев, опираясь на работы своих предшественников (Любин, 1984; Ниорадзе, 1990; Тушабрамишвили, 1978 и др.), впервые предложили общую схему культурно-хронологического развития среднего палеолита (Golovanova, Doronichev. 2003, figs. 2, 3; Голованова, Дороничев, 2003, рис. 2) с использованием кислородно-изотопных стадий (КИС) гренландской кислородно-изотопной шкалы, с которой скоррелировали имеющиеся тогда данные по палеогеографии (прежде всего палинологические данные) и хронологии комплексов среднего палеолита региона.

В распространении памятников среднего палеолита наблюдается большая диспропорция между восточным и западным Кавказом. В восточной части Большого Кавказа стоянки этого периода до сих пор неизвестны на южном склоне, в долинах левых притоков р. Кура. Самые восточные здесь стоянки - Цхинвальская группа в Южной Осетии. На Северном Кавказе самой восточной была пещера Ласок в Северной Осетии. В настоящее время, благодаря работам исследователей из ИАЭТ СО РАН с 2003 г. открыто более 30 местонахождений каменного века в прикаспийской зоне Дагестана, в том числе несколько стратифицированных стоянок среднего палеолита (Анойкин, 2018).

На Южном Кавказе стратифицированные стоянки концентрируются в трех географических регионах: 1) в причерноморской зоне России и в Абхазии на юго-западном Кавказе; 2) в Имеретинском регионе в западной Грузии и в Южной Осетии, в западной и центральной частях Южного Кавказа; 3) на Малом Кавказе, включая горные регионы в западном Азербайджане и южной Грузии, и Армянское нагорье в Армении. На 2003 г. хронология и вариабельность индустрий среднего палеолита Кавказа были представлены в виде следующей схемы (табл. 1).

На северо-западном Кавказе, где тогда было известно более 80 памятников среднего палеолита, в том числе 11 стратифицированных стоянок, самые ранние комплексы среднепалеолитического возраста (КИС 5) были раскопаны в нижних слоях 5А-7 в пещере Матузка и предварительно определены условно "архаичный средний палеолит" (Голованова, Дороничев, 2003).

Почти все стратифицированные комплексы северо-западного Кавказа, которые имели возраст в пределах КИС 3 и ранее относились к разным типам мустьерской индустрии, к 2003 г. большинство специалистов, работавших в этом регионе, стали определять в рамках восточно-европейского микока.

В юго-западной и центральной частях Южного Кавказа к 2003 г. и до настоящего времени наиболее древняя индустрия среднего палеолита представлена кударско-джручульской группой четырех пещерных стоянок (Кударо 1, Кударо 3, Цона и Джручула), которая была определена В.П. Любиным (1977) одной из первых на Кавказе. Мы вслед за другими авторами (Beliaeva, Lioubine, 1998) отметили сходство этих комплексов с мустьерской индустрией хуммалиен в Сирии, а также указали на их сходство с мустье типа Табун-D Леванта. Данные по хронологии комплексов мустье джручульского типа на середину 2000-х г.г. указывали на их ранний возраст, в интервале от КИС 5е до начала КИС 4 включительно.

Более поздние индустрии среднего палеолита в этом регионе по состоянию на 2003 г. были определены как мустье цуцхватского типа (пещеры Бронзовая и Ортвале Клде в Имеретинском регионе в западной Грузии) и мустье хостинского типа (Голованова, Дороничев, 2003; Golovanova, Doronichev, 2003). Имевшиеся на то время данные по хронологии указывали на возраст этих мустьерских индустрий в основном в рамках КИС 3. При этом нами были подвержены ревизии археологические комплексы, которые ранее послужили основой для выделения на юго-западном Кавказе разными исследователями нескольких типов мустьерских индустрий: цуцхватской (Тушабрамишвили. 1978), хостинской ("зубчатое мустье фации леваллуа"; Любин, 1984), цхалцительской (Ниорадзе, 1990) и цхинвальской (Любин, 1977).

Таблица 1. Культурно-хронологическая схема среднего палеолита на Кавказе по данным на 2000-е годы, по (Golovanova, Doronichev, 2003, figs. 2, 3; Голованова, Дороничев, 2003, рис. 2), с изменениями по (Голованова, Дороничев, 2005).
Table 1. Cultural and chronological scheme of the Middle Paleolithic in the Caucasus according to data for the 2000s, according to (Golovanova, Doronichev, 2003, figs. 2, 3; Golovanova and Doronichev, 2003, fig. 2), as amended by (Golovanova and Doronichev, 2005).

КИС	Возраст, тыс.л.н.	Северо-Западный Кавказ	Юго-Западный Кавказ	Малый Кавказ, включая Армянское нагорье
3	30-60	**мустье хостинского типа** Матузка слои 3В, 4А **восточный микок** Матузка слои 4В, 4С Мезмайская сл. 2, 2А, 2В1-2В4, 3 Баракаевская слой 3 Монашеская слои 2-4 Ильская 1 верхние слои; 47±2 т.л.н. (U-серия) Губский 1 слои 5-7	**мустье хостинского типа** М.Воронцовская слои 2-4 Навалишенская слои 3-5 Ахштырская сл. 3/1, 3/2, 5, 6 Сакажия слои 3a-3d **мустье цуцхватского типа** Бронзовая слой I Ортвала клде слои IV-X	**загросское мустье** Таглар сл. 2, 3, 4a, 4b, 5, 6 Лусакерт 1 слой С1 Дашсалахли Ереван 1 слои 1-4
4	60-75	**"архаичный средний палеолит"** Матузка слой 5	**мустье цуцхватского типа** Бронзовая слои II-V **мустье джручульского типа** Кударо 1 слои 3a-3c Кударо 3 слои 3a-3e; 65±5 т.л.н. (U-серия) Джручула слой 1, верх.гор-ты	**загросское мустье** Ереван 1 слои 5-7
5a-5d	75-115	**"архаичный средний палеолит"** Матузка слои 5В, 6	**мустье джручульского типа** Кударо 1 слой 4; 110±10 т.л.н. (U-серия) Кударо 3 слои 4a-4f ; 96±24 т.л.н.(РТЛ); 110±10 т.л.н. (U-серия) Джручула сл. 1, ниж.г., сл. 2	
5e	115-130	**"архаичный средний палеолит"** Матузка слой 7	**мустье джручульского типа** Цона слои 5, 5a	смешанный комплекс, с включ. загросского мустье Азых слой III

Уровень сходства мустьерских комплексов из пещер Малая Воронцовская и Ахштырская (хостинская группа), и пещер Сакажиа и Ортвала (цхалцительская группа) позволяет ставить вопрос об их объединении в рамках одной археологической культуры – мустье хостинского типа (Голованова, Дороничев, 2003, 2005) . В эту группу также могут быть включены мустьерские комплексы пещеры Мачагуа в Абхазии (Хварцкия, 1992) и комплексы из слоев 3В и 4А грота Матузка на северо-западном Кавказе.

Цхинвальская группировка была выделена Любиным (1977) по подъемным и смешанным материалам шести местонахождений в долине р. Большая Лиахви в Южной Осетии. До сих пор она представлена лишь одним стратифицированным комплексом из самого верхнего мустьерского слоя 3 пещеры Кударо 3 (Любин, 1989), материалы которого не опубликованы. Любин (1977, с. 142) предполагал ранне-вюрмский возраст мустьерских комплексов цхинвальских местонахождений. Новые данные об этом необычном для Кавказа типе мустьерской индустрии на сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют. Они близки с поздней индустрией среднего палеолита Леванта – мустье типа Табун-В (Culley, Popescu, Clark, 2013), поэтому можно предположить более поздний возраст индустрии цхинвальского типа в рамках от конца КИС 4 до середины КИС 3.

В качестве отдельного, специфического для всего Кавказа типа ранне-мустьерской индустрии представляется комплекс стоянки Цопи в южной Грузии (Григолия, 1963). Любин (1984: 64) отметил, что он напоминает шарантское мустье Франции и не имеет аналогий в

среднем палеолите Кавказа. Дороничев (1993, с. 22) указал на сходство этого комплекса с индустрией ябрудиена (или ашело-ябрудиена) Западной Азии, и позже другие исследователи также отмечали в целом ябрудийский облик этого комплекса (Beliaeva, Lioubine, 1998). Поскольку раскопки стоянки Цопи не возобновлялись, сейчас можно лишь предварительно говорить о том, что она представляет собой уникальный для Кавказа памятник ашело-ябрудиена типичного для финального нижнего палеолита Леванта (Meignen, 2024) и, таким образом, его надо рассматривать в рамках нижнего палеолита.

На Малом Кавказе, самым ранним типом индустрии среднего палеолита является комплекс, полученный из раскопок Гусейновым слоя III в пещере Азых на западе Азербайджана. Джафаров (1999) предположил рисский возраст, хотя отметил, что определенная в этом слое фауна сопоставляется с бинагадинским фаунистическим комплексом. Это позволяет предварительно отнести слой III к позднему хазару (начало позднего плейстоцена или МИС 5е по современной шкале). Изучение этих материалов позволило высказать предположение о смешанном характере коллекции, в которой были объединены находки из трех литологических горизонтов (Голованова, Дороничев, 2005).

Все остальные известные к тому времени на территории Азербайджана и Армении стратифицированные комплексы среднего палеолита относились ранее (Голованова, Дороничев, 2003) к загросскому мустье. Эталонными для загросского мустье были ереванский тип мустье, выделенный Ерицяном (1970) по материалам пещеры Ереван I в Армении, и тагларский тип мустье, выделенный Джафаровым (1999) по материалам пещеры Таглар на юго-западе Азербайджана. На основании различий в технико-типологических характеристиках этих комплексов нами была определена единая линии развития, которая связала ереванский и тагларский типы индустрии как этапы развития (ранний и поздний, соответственно) загросского мустье этого региона.

Первый синтез данных о палеоэкологии и стратегиях охоты неандертальцев на Кавказе (Голованова, Дороничев, 2005) показал, что широкое распространение мустьерских индустрий в указанных регионах может быть связано с преобладающей охотой на стадных мигрирующих копытных животных, обитающих в условиях открытых ландшафтов с горно-луговой (безоаровый козел, кавказский козел или тур, азиатский муфлон, сайга, серна) и горно-степной (европейский плейстоценовый осел, кулан, джейран) растительностью. В фауне стоянок загросского мустье на Малом Кавказе и Армянском нагорье преобладают козлы (безоаровый и кавказский козел, сайга и серна), бараны (азиатский муфлон) и дикие мелкие лошади (европейский плейстоценовый осел и кулан), и редки животные типичные для горно-лесных ландшафтов (благородный олень, а также лось и косуля). В промысловой фауне стоянок восточного микока представлены типичные для степных и горно-степных (первобытный степной бизон), и горно-луговых (кавказский козел) ландшафтов.

Особое место в среднем палеолите Кавказа принадлежит памятникам известным в юго-западной и центральной частях южного склона Большого Кавказа (юго-западный Кавказ), где разными исследователями было выделено несколько типов мустьерских индустрий. Одни из них отличаются специфичностью (хостинская и цкалцительская группы мустье хостинского типа), другие имеют некоторые черты сходства с загросским мустье Малого Кавказа (цуцхватская группа), третьи обнаруживают сходство с мустье Леванта (кударо-джручульская и цхинвальская группы). Это позволяет предполагать, что данный регион служил контактной зоной, особенности которой сформировались как под влиянием специфического природного окружения позднего плейстоцена (преобладание сильно расчлененного поперечными долинами рек рельефа и горно-лесных ландшафтов), так и воздействием соседних регионов обитания неандертальцев в Анатолии и Леванте.

Фаунистические комплексы, происходящие со стоянок юго-западного Кавказа, свидетельствуют, что в среднем палеолите в этом регионе обитали в основном лесные (благородный олень, зубр, кабан, пещерный медведь) и горно-луговые (кавказский козел) животные. Большое количество (до > 90% определимых костей) останков медведя в отложениях пещер в основном связано с его естественной смертностью в пещерах. Основными объектами охоты неандертальцев здесь были кавказский козел, реже - благородный олень и зубр.

За последние несколько десятилетий во многих регионах на Северном и Южном Кавказе, включая Малый Кавказ и Армянское вулканическое нагорье, были открыты многие новые памятники и опубликованы результаты современных комплексных исследований на стратифицированных стоянках этого периода. В нескольких обзорных работах были обобщены данные по хронологии и культурных особенностях памятников среднего палеолита в ряде регионов Кавказа (e.g., Adler et al., 2008; Pinhasi et al., 2012; Деревянко и др., 2012; Golovanova, 2015; Moncel et al., 2015; Анойкин, 2018; Голованова и др., 2022; Gasparyan, Glauberman, 2022).

*Новый синтез данных по среднему палеолиту всего Кавказа был предложен в 2022 г. в работе (Gasparyan, Glauberman, 2022). Повторив в значительной степени те выводы, которые были опубликованы в наших обзорах (2003, 2005), авторы обозначили девят*ь основных географических и культурно-специфических групп памятников среднего палеолита в кавказском регионе (Gasparyan, Glauberman, 2022, fig. 15.1): 1) кубанская группа в бассейне р. Кубани на северо-западном Кавказе, представленная стоянками "северокавказского микока"; 2) хостинская группа, которая вслед за устаревшей дефиницией В. Любина была названа "зубчатое мустье"; 3) цуцхватская группа, которую следуя отмеченным нами некоторым аналогиям с загросским мустье обозначили "загросское мустье"; 4) цхалцительская группа, которая вслед за устаревшей дефиницией М. Ниорадзе была названа "зубчатое мустье"; 5) джручула-кударская группа, которую следуя отмеченным нами аналогиям с левантийским мустье типа Табун-D почему-то обозначили "левантийское мустье"; 6) цхинвальская группа, которая вслед за устаревшей дефиницией В. Любина была названа "типичное мустье"; 7) средний палеолит пещеры Азых в западной части Малого Кавказа был произвольно объединен с материалами нескольких местонахождений, открытых в северной части Малого Кавказа, и эта искусственно сформированная группа получила определение "зубчатое мустье"; 8) еревано-тагларская группа на Малом Кавказе и Армянском нагорье была обозначена "загросское мустье"; 9) в качестве отдельной группы был выделен комплекс стоянки Цопи, который был обозначен "левантийский ябрудиен".

В этой смеси устаревших и актуальных дефиниций индустрий среднего палеолита Кавказа стоит отметить два основных спорных положения. Во-первых, использование признака "зубчатости" и термина "зубчатое мустье" применение к кавказским материалам неоднократно критиковалось разными авторами (напр., Pleurdeau et al., 2007; Кулаков, 2017; Голованова, 2016, 2022) и в настоящее время не используется большинством специалистов, работающих на памятниках среднего палеолита Кавказа. Во-вторых, использование термина "левантийское мустье" применительно к комплексам среднего палеолита Кавказа неуместно хотя бы потому, что в самом Леванте специалисты, занимающиеся проблематикой среднего палеолита, выделяют как минимум три не связанных между собой типа мустьерских индустрий, используя термин "левантийское мустье" или "левантийский средний палеолит" сугубо в географическом смысле (напр., Culley, Popescu, Clark, 2013); аналогом могут быть термины "кавказское мустье" или "кавказский средний палеолит", которые определяют только географическую привязку к региону Кавказа.

Авторы (Gasparyan, Glauberman, 2022, p. 279; tabl. 15.1) суммируют, что имеющиеся радиометрические даты определяют возраст среднего палеолита Кавказа в интервале примерно от 300 тыс. л.н. до 35-30 тыс. л.н., и предлагают разделить этот период на три фазы: ранний средний палеолит (КИС 7 – КИС 5e), средняя фаза среднего палеолита (КИС 5) и поздний средний палеолит (КИС 4 – КИС 3). В этой связи стоит отметить, что соответственно хронометрическим данным (Gasparyan, Glauberman, 2022, tabl. 15.1), начало среднего палеолита на Кавказе датируется не около 300 тыс. л.н., а не ранее примерно 250 тыс. л.н. (согласно ТЛ дате ~ 260–210 тыс. л.н. для нижнего слоя пещеры Джручула), т.е. также как в Леванте, где начало раннего среднего палеолита датируют сейчас около 250–230 тыс. л.н. (Meignen, 2024). Конец среднего палеолита на Кавказе надежно определяется около 40 тыс. л.н. (Pinhasi et al., 2012). Все даты менее 40 тыс. л.н., полученные для слоев позднего среднего палеолита радиоуглеродным методом, при определении возраста тех же слоев другими

методами (Gasparyan, Glauberman, 2022, tabl. 15.1) являются омоложенными.

Наконец, в недавно опубликованной статье (Doronicheva et al., 2023) мы сравнили два крупных культурных региона, определенных нами на Кавказе в период среднего палеолита, с КИС 5 по КИС 3. Мы пришли к выводу, что в позднем плейстоцене по крайней мере две различные по культуре популяции неандертальцев заселяли Кавказ из двух различных регионов происхождения: с Русской равнины вдоль побережья Азовского моря в бассейн р. Кубани (восточный микок) и из Загроса и Малого Кавказа (включая Армянское нагорье) вдоль побережья Каспийского моря в бассейн р. Терек (загросское мустье).

Синтез актуальных данных

Как показал представленный краткий обзор, комплексы среднего палеолита Кавказа очень вариабельны по техническим и типологическим характеристикам. Современные данные позволяют уточнить сделанный ранее (вывод о существовании трех крупных культурных ареалов в среднем палеолите Кавказа (Табл. 2): 1 – ареал восточного микока, который охватывает северо-западный Кавказ (бассейн р. Кубани) и является частью обширного микокского технокомплекса в Восточной и Центральной Европе; 2 – определенный нами ранее “конгломеративный” ареал на западном и центральном сегментах южного склона Большого Кавказа (юго-западный Кавказ) включает субареалы нескольких выделенных разными исследователями мустьерских культур, статус которых может быть пересмотрен на основе современных данных. Этот регион Кавказа также представляет собой контактную зону по крайней мере трех крупных культурных формаций среднего палеолита, связанных с восточным микоком в Европе, мустье типа Табун-D и Табун-B в Леванте и, возможно, мустье типа караин в Анатолии, и загросским мустье на Малом Кавказе и Армянском нагорье; 3 – ареал загросского мустье, который, распространяется на Малый Кавказ, Армянское нагорье и Загрос, и проникает в бассейн р. Терек на северном склоне Большого Кавказа.

Аналогично современным данным о начале среднего палеолита в Леванте (около 250–230 тыс. л.н.; Meignen, 2024), радиометрические даты определяют появление комплексов среднего палеолита на Кавказе не во время КИС 5e (с микулинского межледниковья), как считалось ранее (Голованова, Дороничев, 2005; Табл. 1), а примерно на 100 тыс. лет раньше, во время теплой КИС 7 (e.g., Blackwell et al., 2020; Asryan et al., 2020; Gasparyan, Glauberman, 2022, tabl. 15.1; Табл. 2). Антропологические находки на трех памятниках — в слое 2 пещеры Джручула (Moncel et al., 2015), в слое II в пещере Азох-1 (Азых)(King et al., 2016) и в слое 5B пещеры Матузка (Голованова и др., 2022) — свидетельствуют, что распространение культур среднего палеолита на Кавказе было связано с неандертальцами.

В отличие от Леванта, где большинство исследователей сейчас определяют три фазы развития среднего палеолита — ранний средний палеолит (КИС 7 – КИС 6), среднюю фазу среднего палеолита (КИС 5) и поздний средний палеолит (КИС 4 – КИС 3) (Meignen, 2024) — на Кавказе сейчас могут быть выделены две фазы развития среднего палеолита (Табл. 2): ранний средний палеолит (КИС 7 – КИС 5) и поздний средний палеолит (КИС 4 – КИС 3). Естественным рубежом между этими фазами является экологический кризис раннего ледникового максимума КИС 4 (~70–60 тыс. л.н.), во время которого заселение неандертальцами горных районов Кавказа снизилось до минимума. На северо-западном Кавказе после КИС 4 зафиксирован популяционный турновер (смена генофонда населения) и изменение в материальной культуре неандертальцев восточного микока (Голованова и др., 2022). На юго-западном Кавказе археологические и хронометрические данные фиксируют исчезновение после КИС 4 комплексов мустье джручульского типа и распространение комплексов мустье хостинского и цуцхватского типов (табл. 2). На Малом Кавказе, Армянском нагорье и восточном Кавказе после КИС 4 происходит распространение загросского мустье, до этого представленного в этих регионах единичными памятниками, для которых можно лишь предполагать связь с более поздними комплексами загросского мустье (Анойкин, 2018). Мы их обозначили "недиагностичный ранний средний палеолит/загросское мустье" (табл. 2).

Выводы

Таким образом, картина культурно-хронологического развития среднего палеолита на Кавказе выглядит иначе (табл. 2) по сравнению с тем, как она представлялась ранее

Таблица 2. Культурно-хронологическая схема среднего палеолита на Кавказе по данным на 2020-е годы (Голованова и др., 2022; Gasparyan, Glauberman, 2022; Doronicheva et al., 2023a, 2023b).
Table 2. Cultural and chronological scheme of the Middle Paleolithic in the Caucasus according to data for the 2020s (Golovanova et al., 2022; Gasparyan and Glauberman, 2022; Doronicheva et al., 2023a, 2023b).

КИС	Возраст, тыс.л.н. (т.л.н.)	Северо-Западный Кавказ	Юго-Западный Кавказ	Восточный Кавказ, Малый Кавказ, Армянское нагорье
3	30-60	**восточный микок** Матузка слои 4B, 4C Мезмайская сл. 2, 2A, 2B1, 2B2 48–40 т.л.н. (^{14}C серия дат) 38±3, 40±2, 41±1 т.л.н. (ЭПР) Баракаевская слой 3 Монашеская слои 2-4 Ильская 1 верхние слои 37±2, 41±1 т.л.н. (^{14}C) 47±2 т.л.н. (U-серия) Губский 1 слои 5-7 Хаджох 2 слои 4A-4C 47±3, 49±3 т.л.н. (ОСЛ) Баранаха 4 слой 2-3 низ 61±6, 62±4, 63±5 (ОСЛ)	**мустье хостинского типа** Матузка слои 3B, 4A М. Воронцовская слои 2-4 Навалишенская слои 3-5 Ахштырская слои 3/1, 3/2 Сакажия слои 3a-3d 41–37, 53–57, 63–55 т.л.н. (^{14}C серия дат) **мустье цуцхватского типа** Бронзовая слои 1-5 Ортвале Клде слои 5-7 43±1 т.л.н. (^{14}C) 46±4, 48±4, 59±7, 74±7 т.л.н.(ТЛ)	**загросское мустье** Баграташен 1 38±2 т.л.н. (ОСЛ) Сарадж-Чуко слой 3 41±3, 43±3 (ОСЛ) Тинит 1 гор. 1-11 43±0,5, 51±2 т.л.н. (^{14}C) Таглар сл. 2, 3, 4a, 4b, 5, 6 Лусакерт 1 слой C1 ~ 46 т.л.н. (ИКСЛ) Лусакерт 2 Ангехакот-1 Дашсалахли Ереван 1 слои 1-4 Барож 12 слои 3, 5 51±6, 60±6 (ИКСЛ) Сарадж-Чуко слой 6A 49±3, 60±3 т.л.н. (ОСЛ)
4	60-75	**восточный микок** Мезмайская слой 2B3 57±4, т.л.н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Кударо 1 слои 3a-3c Кударо 3 слои 3a-3e; 65±5 т.л.н. (U-серия)	**загросское мустье** Ереван 1 слои 5-7
5a-5d	75-115	**восточный микок** Мезмайская слои 2B4, 3 59±5, 68±5, 71±7 т.л.н. (ЭПР) ~ 90 т.л.н. (генетика) Средний Хаджох слой 2 88±7 т.л.н. (ИКСЛ) Хаджох 2 слой 7 110±16, 111±9 т.л.н. (ОСЛ) Широкий Мыс гор. 3 ~ 111 т.л.н. (ТЛ)	**мустье джручульского типа** Кударо 1 слой 4; 110±10 т.л.н. (U-серия) Кударо 3 слои 4a-4f ; 96±24 т.л.н.(РТЛ); 110±10 т.л.н. (U-серия) **мустье хостинского типа** Ахштырская слой 5/2 112±22 т.л.н. (РТЛ)	**загросское мустье** Пещера Ласок слои 12-14 Сарадж-Чуко слой 6B 78±7, 82±6, 92±5 т.л.н.(ОСЛ) Азых слой III верх (сл. II) 100±7 т.л.н. (ЭПР) **РСП/ загросское мустье** Дарвагчай Залив 4 слой 1c 112±15 т.л.н. (ОСЛ)
5e	115-130	**восточный микок** Ильская 1 нижний слой 135±25 т.л.н. (U-серия)	**мустье джручульского типа** Цона слои 5, 5a	**РСП/ загросское мустье** Дарвагчай Залив 1 слой 3 120–100 т.л.н. (палеомаг.)
6	130-190	**РСП** Матузка слой 4D 191±29 т.л.н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Джручула слой 1 ~ 140 т.л.н. (ТЛ)	**РСП** Пещера Ласок слои 15-17
7	190-244	**РСП** Матузка слой 5B 196±16 т.л.н. (ЭПР)	**мустье джручульского типа** Джручула слой 2 ~ 260–210 т.л.н. (ТЛ)	**РСП** Пещера Ласок ~ 200 т.л.н. (Ar/Ar сл. 18) слои 19-21

(табл. 1). Различные мустьерские индустрии, связанные с восточным микоком Европы, мустье типа Табун-B и Табун-D Леванта и загросским мустье Загроса, которые определены на Кавказе, указывают на то, что в среднем палеолите кавказский регион заселялся

различными популяциями неандертальцев из минимум трех разных центров (Русская равнина, Левант и Загрос). На Кавказе эти разно-культурные популяции неандертальцев были вовлечены в длительные процессы культурного развития, адаптации к различным экологическим нишам и взаимодействия. Две из этих популяций неандертальцев, связанных с восточным микоком и загросским мустье, доживают на Кавказе до конца среднего палеолита около 40,000 лет назад.

Кроме указанных трех популяций неандертальцев, комплексы мустье хостинского (включая цхалцителскую группу) и цуцхватского типов свидетельствуют о существование четвертой популяции неандертальцев на юго-западном Кавказе. Происхождение этой популяции до сих пор неясно, хотя современные хронометрические данные свидетельствуют о ее раннем появлении в данном регионе, во время КИС 5 или ранее. В одной из недавних статей (Doronichev, Golovanova, 2020) мы высказали предположение, что представленные в некоторых из этих комплексах редкие бифасиальные листовидные наконечники и особенности технологии расщепления могут свидетельствовать о возможной связи с ранним средним палеолитом с листовидными бифасами в Центральной и Восточной Европе или автохтонном развитии на основе известных на северо-западном Кавказа комплексов позднего (финального) ашеля с рубилами и листовидными бифасами. Стратифицированные комплексы начала среднего палеолита на западном Кавказе (бассейн р. Кубани и Черноморское побережье) представлены лишь малочисленными материалами нижних слоев пещер Матузка и Ахштырской, которые пока не позволяют определить происхождение хостинского и цуцхватского мустье в этом регионе.

Также как восточный микок на северо-западном Кавказе и загросское мустье на восточном Кавказе, Малом Кавказе и Армянском нагорье, комплексы хостинского и цуцхватского мустье представлены на юго-западном Кавказе вплоть до конца среднего палеолита. Территориальная стабильность и многочисленность комплексов, представляющих каждый из этих типов мустьерской индустрии в период позднего среднего палеолита (время КИС 3; табл. 2), а также контакты, отмеченные между разными по культуре регионами Кавказа (Gasparyan, Glauberman, 2022; Doronicheva et al., 2023a) свидетельствуют о сложении устойчивой межпопуляционной социальной организации, которая существовала на протяжении как минимум 20,000 лет у неандертальского населения Кавказа в конце эпохи среднего палеолита.

Исчезновение этой социальной организации вместе с ее создателями — неандертальцами на Кавказе произошло около 40,000 лет назад одновременно с исчезновением других популяций неандертальцев от Пиренейского полуострова в Западной Европе до Алтая в южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Анойкин А.А. Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 7. С. 74–85.

Голованова Л.В. Анализ культурного слоя и тафономия каменных орудий (по материалам Кавказа). // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 42. С. 23–42.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. № 25 / Ред. А.В. Колесник. Донецк: Донец. обл. краевед. музей, 2003. С. 18–66.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. С. 3–72.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Русаков А.В., Лебедева М.П., Симонова Ю.В., Костина Ю.В., Мурый А.А., Курбанов Р.Н. Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. М.: DELIBRI, 2022. 656 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Кулаков С.А. К вопросу о выделении и определении "хостинской мустьерской культуры" на Северо-Западном Кавказе // Древний человек и камень: технология, форма, функция / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 77–84.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. Т. V / МИА. № 131 / Под ред. П.И. Борисковского. М.; Л.: АН СССР, 1965. С. 7–75.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 223 с.

Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 1 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 45–93.

Ниорадзе М.Г. Пещерные палеолитические стоянки ущелья р.Цхалцитела // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий / Ред. Д. М. Тушабрамишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 55–60.

Тушабрамишвили Д.М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса // Изучение пещер Колхиды: Цуцхватская многоярустная карстовая пещерная система / Ред. Ф.Ф. Давитай. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 155–157.

Adler D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J. Dating the Demise: Neanderthal Extinction and the Establishment of Modern Humans in the Southern Caucasus // Journal of Human Evolution. 2008. V. 55. P. 817–833.

Asryan L., Olle A., Moloney N., King T. Occupying cave-sites: a case study, from Azokh 1 cave (southern Caucasus) // Cascalheria J, Picin A. (eds.). Short-Term Occupations in Palaeolithic Archaeology. Definition and Interpretation. Springer Nature, 2020. P. 149–181.

Blackwell B., Golovanova L., Doronichev V., Skinner A., Blickstein J., Baboumian S., et al. ESR dating at Matuzka Cave, Northern Caucasus Mt., Russia: Implications for its Paleolithic artefacts, Neanderthal tooth, and paleomagnetic excursion. // Kleinovar K, editor, 26th EAA Virtual Annual Meeting—Abstract Book. Prague: European Association of Archaeologists, 2020, p. 47.

Culley E.V., G. Popescu, G.A. Clark. An analysis of the compositional integrity of the LevantineMousterian facies. // Quaternary International. 2013. Vol. 300. P. 213–233

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them. // PLoS ONE, V. 18, No. 4: e0284093. 2023a. doi.org/10.1371/journal.pone.0284093

Gasparyan, B., Glauberman P. Beyond European boundaries: Neanderthals in the Armenian Highlands and the Caucasus // Romagnoli, F., Rivals, F., Benazzi, S. (eds.). Updating Neanderthals. Understanding Behavioural Complexity in the Late Middle Palaeolithic. Academic Press, 2022. P. 275−301.

Golovanova L.V. Les hommes de Néandertal du Caucase du Nord: Entre l'Ouest // L'anthropologie, V. 119, No. 2, 2015. P. 254–301.

King T., Compton T., Rosas A., Andrews P., Yepiskoposyan L., Asryan L. Azokh cave hominin remains // Azokh Cave and the Transcaucasian Corridor. Springer: Cham, 2016. P. 103–116.

Meignen L. Technological, cultural and behavioural changes in the Levant from the Late Lower Palaeolithic to the Mid-Middle Palaeolithic: Contribution from the Hayonim sequence // Hayonim Cave. From the Early to the Middle Palaeolithic in the Levant (Israel) / eds. L. Meignen and O. Bar-Yosef. Leiden: Sidestone Press, 2024. P. 255-280.

Moncel M.-H., Pleurdeau D., Pinhasi R., Yeshurun R., Agapishvili T., Chevalier T., Le Bourdonnec F.-X., Poupeau G., Nomade S., Jennings R., Higham T., Tushubramishvili N., Lordkipanidze D. The Middle Palaeolithic record of Georgia: A synthesis of the technological, economic and paleoanthropological aspects // L'Anthropologie, Vol. 53, No. 1–2, 2015. P. 93–125.

Pinhasi, R., Nioradze, M., Tushabramishvili, N., Lordkipanidze, D., Pleurdeau, D., Moncel, M.-H., Adler, D.S., Stringer, C., and Higham, T.F.G. New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region. // Journal of Human Evolution. 2012. Vol. 63. P. 770−780.

Информация об авторах:

Дороничев Владимир Борисович, кандидат исторических наук, директор АНО "Лаборатория доистории"(г. Санкт-Петербург, Россия); labprehistory@yandex.ru

Голованова Любовь Витальевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник АНО "Лаборатория доистории" (г. Санкт-Петербург, Россия); mezmay57@mail.ru

Дороничева Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник АНО "Лаборатория доистории" (г. Санкт-Петербург, Россия); edoronicheva87@yandex.ru

REFERENCES

Anoikin, A. A. 2018. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (7), 74–85 (in Russian).

Golovanova, L. V. 2022. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 42, 23–42 (in Russian).

Golovanova, L. V., Doronichev, V. B. 2003. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh* (*Archaeological almanac*) 13. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 18–66 (in Russian).

Golovanova, L. V., Doronichev, V. B. 2005. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of the Kuban)* 5. Krasnodar: Kuban State University Publ., 3–72 (in Russian).

Golovanova, L. V., Doronichev, V. B., Doronicheva, E. V., Nesmeyanov, S. A., Voeikova, O. A., Revina, E. I., Poplevko, G. N., Spassovsky, Yu. N., Volkov, M. A., Tregub, T. F., Shirobokov, I. G., Tselmovich, V. A., Rusakov, A. V., Lebedeva, M. P., Simonova, Yu. V., Kostina, Yu. V., Muriy, A. A., Kurbanov, R. N. 2022. *Dinamika klimata i modeli adaptatsiy v srednem i verkhnem paleolite Severo-Zapadnogo Kavkaza (Climate dynamics and adaptation models in the Middle and Upper Paleolithic of the Northwest Caucasus).* Moscow: "DELIBRI" Publ. (in Russian).

Derevyanko, A. P., Amirkhanov, Kh. A., Zenin, V. N., Anoikin, A. A., Rybalko, A. G. 2012. *Problemy paleolita Dagestana (Paleolithic issues of Dagestan).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kulakov, S. A. 2017. In Vasiliev, S. A. (ed.). *Drevniy chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya (Prehistoric Man And Stone: technology, form and function).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 77–84 (in Russian).

Lyubin, V. P. 1965. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. (Paleolithic and Neolithic of USSR) 5.* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 131. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 7–75 (in Russian).

Lyubin, V. P. 1977. *Must'erskie kul'tury Kavkaza (Mousterian cultures of the Caucasus).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyubin, V. P. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 1. Moscow: "Nauka" Publ., 45–93 (in Russian).

Nioradze, M. G. 1990. In Tushabramishvili, D. M. (ed.). *Paleolit Kavkaza i sopredel'nykh territoriy (Paleolithic of the Caucasus and adjacent territories).* Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 55–60 (in Russian).

Tushabramishvili, D. M. 1978. In Davitai, F. F. (ed.). *Izuchenie peshcher Kolkhidy: Tsutskhvatskaya mnogoyarustnaya karstovaya peshchernaya sistema (Study of the caves of Colchis: The multi-tiered karst cave system of Tsutskhvati).* Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 155–157 (in Russian).

Adler, D. S., Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., Tushabramishvili, N., Boaretto, E., Mercier, N., Valladas, H., Rink, W.J. 2008. In *Journal of Human Evolution* (5), 817–833 (in English).

Asryan, L., Olle, A., Moloney, N., King, T. 2020. In Cascalheria J, Picin A. (eds.). *Short-Term Occupations in Palaeolithic Archaeology. Definition and Interpretation*. Springer Nature, 149–181 (in English).

Blackwell, B., Golovanova, L., Doronichev, V., Skinner, A., Blickstein, J., Baboumian, S., et al. 2020. In Kleinovar K. (ed.). *26th EAA Virtual Annual Meeting—Abstract Book*. Prague: European Association of Archaeologists, 47 (in English).

Culley, E. V., Popescu, G., Clark, G. A. 2013. In Quaternary International (5), 213–233 (in English).

Doronicheva, E. V., Golovanova, L. V., Doronichev, V. B., Kurbanov, R. N. 2023a. In *PLoS ONE***,** V. 18. No. 4: e0284093. doi.org/10.1371/journal.pone.0284093 (in English).

Gasparyan, B., Glauberman P. 2022. In Romagnoli, F., Rivals, F., Benazzi, S. (eds.). *Updating Neanderthals. Understanding Behavioural Complexity in the Late Middle Palaeolithic*. Academic Press, 275−301 (in English).

Golovanova, L. V. 2015. In *L'anthropologie*. 119 (2), 254–301 (in French).

King, T., Compton, T., Rosas, A., Andrews, P., Yepiskoposyan, L., Asryan, L. 2016. In *Azokh Cave and the Transcaucasian Corridor*. Springer: Cham, **2016.** P. 103–116.

Meignen, L. 2024. In Meignen, L., Bar-Yosef, O. (eds.). *Hayonim Cave. From the Early to the Middle Palaeolithic in the Levant (Israel).* Leiden: Sidestone Press, 255–280 (in English).

Moncel, M.-H., Pleurdeau, D., Pinhasi, R., Yeshurun, R., Agapishvili, T., Chevalier, T., Le Bourdonnec, F.-X., Poupeau, G., Nomade, S., Jennings, R., Higham, T., Tushubramishvili, N., Lordkipanidze, D. 2015. *L'Anthropologie*. 53 (1–2), 93–125 (in English).

Pinhasi, R., Nioradze, M., Tushabramishvili, N., Lordkipanidze, D., Pleurdeau, D., Moncel, M.-H., Adler, D.S., Stringer, C., Higham, T.F.G. 2012. In *Journal of Human Evolution.* (63), 770−780 (in Russian).

About the Authors:

Doronichev Vladimir B. Candidate of Historical Sciences, Director ANO "Laboratory of Prehistory", St. Petersburg 190020, 6M Liflyandskaya str., 215; labprehistory@yandex.ru

Golovanova Liubov V. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, ANO "Laboratory of Prehistory", St. Petersburg 190020, 6M Liflyandskaya str., 215; mezmay57@mail.ru

Doronicheva Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher ANO "Laboratory of Prehistory", St. Petersburg 190020, 6M Liflyandskaya str., 215; edoronicheva87@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.12.2024 г.
Статья принята к публикации 13.03.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работ

УДК 902/903; 631.417.1 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.31.45

СОДЕРЖАНИЕ ФОСФОРА В ПОЧВАХ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ ЭНЬТЫ IA[1]

© 2025 г. Л.А. Вахрушев, В.Н. Карманов, Е.В. Попов, А. А. Дымов

Проанализированы почвы, в которые заключены культуровмещающие отложения археологического памятника – места обитания раннего неолита, второй половины VI тыс. до н.э. – Эньты IA (долина р. Вычегды, городского округа Сыктывкар Республика Коми). Оценено содержание фосфора в отдельных почвенных горизонтах с учетом археологических находок. Выявлено, что в исследуемых почвах археологического памятника содержание фосфора изменяется от 0,14 мг/г до 2,52 мг/г, что существенно превышает концентрации элемента в почвах условно-фоновых ландшафтов Печоро-Илычского заповедника. Определена значимая корреляция содержания фосфора с илистыми и пылеватыми фракциями. На месте расположения следов и остатков древней наземной постройки коэффициент Пирсона r = 0,96–0,99, в районе геохимически подчиненного ландшафта коэффициент Пирсона r = 0,89–0,99. Горизонты, в которых не выявлено археологических предметов и признаков культурного слоя, характеризуются близкими к условно-фоновым значениям содержания фосфора в почвенных горизонтах. Выявлено, что содержание фосфора и илистых фракций отражают особенности культуровмещающих слоев почв в местах обитания древнего человека.

Ключевые слова: археология, почвоведение, подзолы, фосфор, антропогенное воздействие, Республика Коми, неолит, культурный слой, артефакты, бореальные леса.

PHOSPHORUS CONTENT IN SOILS OF THE ARCHAEOLOGICAL SITE OF ENTY IA[2]

L.A. Vakhrushev, V.N. Karmanov, E.V. Popov, A.A. Dymov

The soils containing the cultural layer of the archaeological site of Enty IA – an Early Neolithic settlement dating to the second half of the 6th millennium BC (located in the Vychegda River valley, Syktyvkar urban district, Komi Republic) – were analyzed. The phosphorus content in individual soil horizons was estimated taking into account the archaeological finds. It was revealed that the phosphorus content in the studied soils of the archaeological site ranges from 0,14 mg/g to 2,52 mg/g, significantly exceeding concentrations of this element in soils from the reference (background) landscapes of the Pechora-Ilych Nature Reserve. A significant correlation was determined between the phosphorus content and the silt and dust fractions. At the location of traces and remnants of an ancient above-ground structure, the Pearson coefficient r = 0,96–0,99, in the area of geochemically subordinate landscape, the Pearson coefficient r = 0,89–0,99. Horizons where no archaeological objects or signs of a cultural layer have been identified are characterized by phosphorus content in soil horizons close to conventional background values. It has been revealed that the content of phosphorus and silt fractions reflect the characteristics of the cultural-bearing soil layers in places where ancient humans lived.

Keywords: archaeology, soil science, podzolic soil, phosphorus, anthropogenic impact, Komi Republic, Neolithic, cultural layer, artifacts, boreal forests.

Введение

Почва как часть экосистемы способна накапливать и сохранять информацию не только о природных, но и исторических событиях (Nikiforoff, 1953; Таргульян, Горячкин 2011). Оценка содержания и накопления отдельных химических элементов, ряда физических свойств почв, сохранение антропогенных

[1] Работа выполнена в рамках госбюджетных тем «Почвы и почвенные ресурсы Европейского Северо-Востока России в условиях современных климатических изменений, антропогенного пресса и социально-экономических вызовов» № 125021902454-1 и «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» № 122040800169-1

[2] The work was carried out as a part of the state-funded research topics "Soils and soil resources of the European North-East of Russia under modern climate change, anthropogenic pressure, and socio-economic challenges" No. 125021902454-1 and "Archaeological sources: description, systematization and critical analysis (based on materials from the European Northeast of Russia)" No 122040800169-1

продуктов жизнедеятельности, формирование морфологических признаков в профилях почв позволило сформировать особое научное направление – археологическое почвоведение (Дергачева и др., 1997).

Благодаря более активному заселению южных территорий современной России, исследования по данному направлению в основном представлены публикациями, посвященным поселениям и могильникам в степи (Сулейманов, Овсянников 2011; Suleymanov et al., 2021), широколиственных лесах (Бобровский, 2010) в Крыму (Савельев и др., 2024) и на Кавказе (Ковалева, Ковалев, 2015). В зоне бореальных лесов России такие работы крайне редки (Морозова и др., 2008). Однако и в таких почвах археологи умеют распознавать различные функциональные зоны поселений (очаги, котлованы жилищ, хозяйственные ямы), погребения, фортификационные сооружения и особенности их возведения, основываясь только на визуальных характеристиках отложений и стратиграфии (Косинская, 1990; Карманов, 2021). Для повышения достоверности археологических наблюдений требуется их инструментальное подтверждение, что обуславливает поиск методов и показателей для диагностики свойств почв в границах памятников археологии. Различие почвенного покрова смешенных лесов и степей с почвами бореальных лесов, дают нам понятия о разности методов изучения почв и получаемых данных.

Значительная часть известных памятников археологии на Севере европейской части России приурочено к хорошо дренируемым ландшафтам (Археологическая карта … , 2014). В современности, как, вероятно, и в древности на таких участках, произрастают сосняки лишайниковые и зеленомошные. Почвы под такими лесами преимущественно представлены подзолами иллювиально-железистыми, формирующимися на песках и супесях. Для данных почв характерно типичное строение профиля: в верхней части располагается лесная подстилка (O), ниже залегает минеральный подзолистый горизонт (E) наиболее светлый по сравнению нижележащими горизонтами. Под ним формируется иллювиально-железистый горизонт (BF), в который мигрируют соединения железа, из-за чего он приобретает ярко-бурую, желтую окраску. Ниже идёт переход к почвообразующей породе, слабоизменённой современными процессами почвообразования (Дымов, 2020). Так как подзолы иллювиально-железистые в основном формируются на легких почвообразующих породах, то они характеризуются промывным водным режимом. Благодаря этому они и являлись наиболее сухими и удобными местами для заселения древними людьми. В местах обитания древних людей откладываются культурные остатки, изменяется химический состав и структура подстилающих грунтов. Так формируются культуровмещающие отложения, которые затем встраиваются в верхние горизонты почвы.

В археологическом почвоведении широко используются методы как химического, физического, так и микробиологического анализа. Например, одним из наиболее консервативных физических параметров является гранулометрический состав. Одним из показателей антропогенного воздействия является содержание фосфора в почвах, количество которого в образце может дать информацию об интенсивности антропогенной нагрузки в различных местах, и на разной глубине почвенного профиля (Майгиер и др., 2014). В культурных слоях поселений повышается содержание минеральных форм фосфора (Петросян и др., 2022). На различных памятниках содержание фосфора в культурном слое сильно превышает фоновые, что является явным свидетельством жизнедеятельности человека. В качестве примера можно привести почвы памятника поселения Ямгорт 1, расположенного на территории ЯНАО. В почвах на территории памятника содержание фосфора в культурном слое повышается до 920 мг/кг (Тупахина и др., 2022). на Содержание фосфора в иллювиально-гумусово-железистом горизонте почвы поселения Лабытнанги 1 превышает 2 800 мг/кг. На данном памятнике были обнаружены современные включения антропогенной природы и остатки древней керамики. Эти значения также намного превышают фоновые значения (Низамутдинов и др., 2023).

Например, на городище Чайка (Московская обл.) был обнаружен темно-гумусовый слой, не характерный для почв этого региона. При оценке содержания фосфора его значения оказались выше фоновых, на основании чего был сделан вывод об антропогенном воздействии на этот участок (Гольева, Сыроватко, 2022).

Источниками поступления фосфора в почву являются прежде всего, органогенные отходы производства, погребения, кремация, продукты животноводческой деятельности, сельского хозяйства. Все эти действия приводят к накоплению фосфора в культурном слое и с помощью знаний о его содержании в почве можно понять была ли в данной местности некая нагрузка человека на почву (Каширская, Борисов, 2018). Самое высокое содержание фосфора наблюдается на местах захоронений (Сверчкова, 2022). Его содержание может дать нам ранее изученные знания об особенностях древних погребений, которые в свою очередь дадут понятие о культуре народа, населявшего какую-либо определённую местность (Дружинина и др., 2024).

Таким образом, можно констатировать, что фосфор является наиболее распространенным индикатором антропогенной нагрузки, его содержание активно используется в археологической практике. Содержание фосфора может служить надёжным индикатором наличия антропогенной деятельности (Ковалева и др. 2021). Но при этом, работы описывающие содержание фосфора в почвах археологических памятников Севера носят единичный характер.

Цель предлагаемого исследования – определение антропогенного воздействия на почву на основе изучения содержания фосфора и его взаимосвязей с другими физико-химическими параметрами почв, на примере памятника археологии Эньты IA. Работа нацелена на повышение информативности археологического источника и на доказательную интерпретацию археологических наблюдений.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – остатки места обитания раннего неолита или второй половины VI тыс. до н.э. Эньты IA. Он представляет археологический микрорайон, в который входят поселения с углубленными жилищами мезолита, среднего неолита и энеолита: Эньты I, –II, –III, –IV, –VI, –VII (Логинова, 1985; 1986; 2018; 2022; Карманов, 2008). Эти памятники занимают юго-западный берег старичного оз. Эньты, расположенного в правобережной части долины р. Вычегды, в 2 км к востоко-северо-востоку от пгт. Седкыркещ городского округа «Сыктывкар» Республики Коми. Они приурочены к поверхности 1-й надпойменной террасы, погребенной на большей площади покровными эоловыми песками, снивелировавшими неровности аллювиального рельефа, в меньшей мере, разно ориентированными дюнами высотой до 0,5–1,0 м. Высота современной поверхности такого рельефа достигает 7,5 м от уреза воды в озере (рис. 1).

Участок террасы, к которому приурочен памятник, примыкает в настоящее время к старичному озеру Эньты, имеющему характерную форму меандра. Старичные отложения, согласно радиоуглеродному датированию, начали формироваться в период 334–53 кал. л. до н.э.* (2120±50 ^{14}C л.н. (ГИН-14905)) или в ранний период эпохи железа[1]. Таким образом, все памятники этого микрорайона, были приурочены к действовавшему руслу р. Вычегды.

Согласно почвенно-географическому районированию объекты исследования расположены в Вымь-Вычегодском округе типичных подзолистых, иллювиально-железистых подзолов, торфянисто-подзолисто-глееватых иллювиально-гумусовых почв (Атлас почв…, 2010). Количество осадков в этой местности примерно 500–600 мм. Среднегодовая температура составляет – 0,5°С. Тип леса – сосняк лишайниково-зеленомошный. Преобладающие почвы – подзолы иллювиально-железистые.

Поселение Эньты I выявлено археологом Э.С. Логиновой в 1974 г. (рис. 2). Активные исследования памятника проводились в 1975–1984 гг. и общая площадь раскопов за эти годы составила 1476 м^2. В результате исследований определено три этапа заселения раскопанного участка местности в древности: вторая половина VI тыс. до н.э., ранний неолит – комплекс следов и остатков наземных сооружений и разнородных объектов – очагов и ям, обозначенный как Эньты IA; углубленное жилище первой половины V тыс. до н.э., льяловская культура, средний неолит – Эньты IБ; компактное скопление предметов III тыс. до н.э., чойновтинская/гаринская культура, энеолит – Эньты IВ (Логинова, 2018; Карманов, 2008).

В 2021 г. Е.В. Попов провел раскопки северной части памятника, комплекса Эньты IA, с целью верификации материалов прежних лет, получения новых данных о хронометрии и для повышения информативности археологического источника за счет привлечения данных почвоведения. В раскопках участво-

Рис. 1. Стоянка Эньты I. Местоположение: А – на карте севера европейской части России; Б – на спутниковом снимке (схема подготовлена с использованием карты https://bestmaps.ru/map/yandex/hybrid/6/67.727/66.025); В – вид на оз. Эньты и террасу с квадрокоптера, с юга.

Fig. 1. Enty I campsite. Location: A – on the map of the north of the European part of Russia; Б – on the satellite image (the diagram was prepared using the public map https://bestmaps.ru/map/yandex/hybrid/6/67.727/66.025); B – view of Lake Enty and the terrace from a quadcopter, from the south.

вал весь авторский коллектив. Именно участок комплекса Эньты IA явился полигоном для наших комплексных исследований, первичные данные о которых были ранее опубликованы (Вахрушев и др., 2022).

Раскоп 2021 г. площадью 3×12 м примыкал к северному борту раскопа 1980 г. (рис. 2). На его территории были выделены следующие структуры: современные деревья, остатки современного пня, противопожарная траншея, следы упавшего дерева; следы и остатки двух древних наземных построек – объекты № 1 и № 2; углубление, заполненное обломками обугленной древесины (рис. 3).

Коллекция 2021 г. содержит 410 предметов из кремня, 266 обломков керамических сосудов, 334 мелких обломка кальцинированных костей, 660 обломков галек и валунов некремнистых пород.

Планиграфия находок показывает, что основная часть артефактов располагалась в пределах объекта № 1, в меньшей мере, № 2. Наибольшая плотность предметов зафиксирована на участке кв. Ж-3, 4 (кроме 3/2, 4/2, 4/3) и чуть менее в кв. И-3 (кроме 3/1, 3/2). Разброс находок по вертикали составил в среднем 10 см (87,40-87,50 м), достигая своего максимума – 100 см по заполнениям корневодов и участка с деформированной поверхностью в результате упавшего дерева – выворота корневой системы (кв. З 4/3, 4/4).

Фаунистические остатки, сохранившиеся в виде обломков кальцинированных костей, были определены П.А. Косинцевым (Инсти-

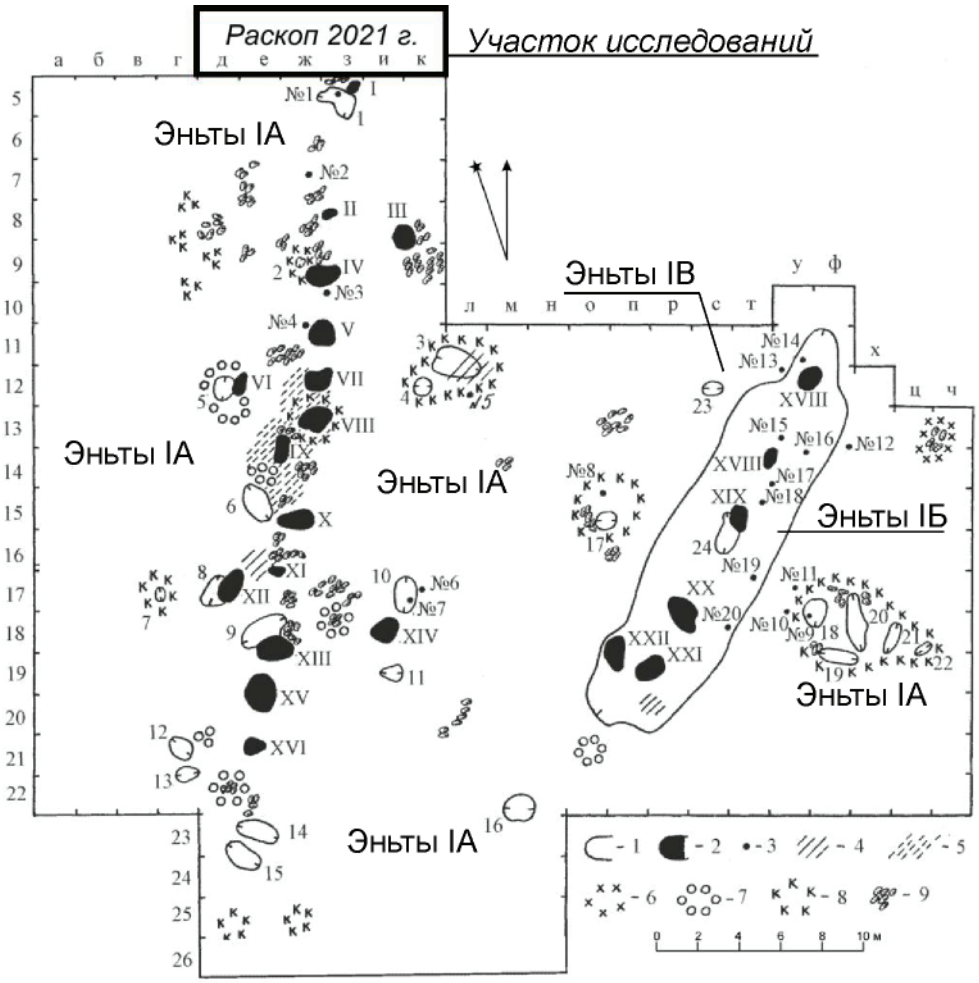

Рис. 2. Эньты I. Планиграфия комплексов. Основа: план раскопов 1970-80-х гг. Э.С. Логиновой (2018). Условные обозначения: 1 – контуры ям и жилищного котлована; 2 – очаг; 3 – столбовая ямка; 4 – грунт с охрой; 5 – прокаленный грунт; 6 – скопление кремневых артефактов; 7 – развал керамического сосуда; 8 – скопление кальцинированных костей; 9 – обломки камней.

Fig. 2. Enty I. Complex plan. Basis: excavation plan of the 1970-80s by E.S. Loginova (2018). Legend: 1 – contours of pits and a housing pit; 2 – hearth; 3 – post hole; 4 – soil with ocher; 5 – calcined soil; 6 – cluster of flint artifacts; 7 – ceramic vessel; 8 – cluster of calcified bones; 9 – stone fragments

тут экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург). Установлено, что они принадлежали бобру, лосю, северному оленю, птице и млекопитающим, ближе не определенным. Датирование костей свидетельствует о существовании места обитания раннего неолита в период втор. пол. VI – самого начала V тыс. до н.э., что согласовано с данными других памятников этого типа на северо-востоке Восточно-Европейской равнины (Косинская, 1990; Карманов и др., 2019) и Фенноскандии (Manninen, Knutsson, 2014).

Время образования углубления, заполненного обломками древесных углей, согласно радиоуглеродному анализу – 815–551 кал. л. до н.э. (2580±70 ^{14}C л.н. (IGAN-10041)). В археологическом измерении это ранний железный век. На территории микрорайона нет ни одного свидетельства пребывания населения этого времени и к углублению не были приурочены скопления археологических предметов. Поэтому можно предположить, что оно образовалось по естественным причинам, гораздо позднее момента покидания людьми неолита этого участка террасы.

Для исследования непосредственно с площади раскопа было взято 60 образцов из почвенных горизонтов на основе археологических наблюдений, а именно визуальных признаках видоизмененных отложений, включая подвергшиеся высокотемпературным воздействиям. Дополнительно отбирали

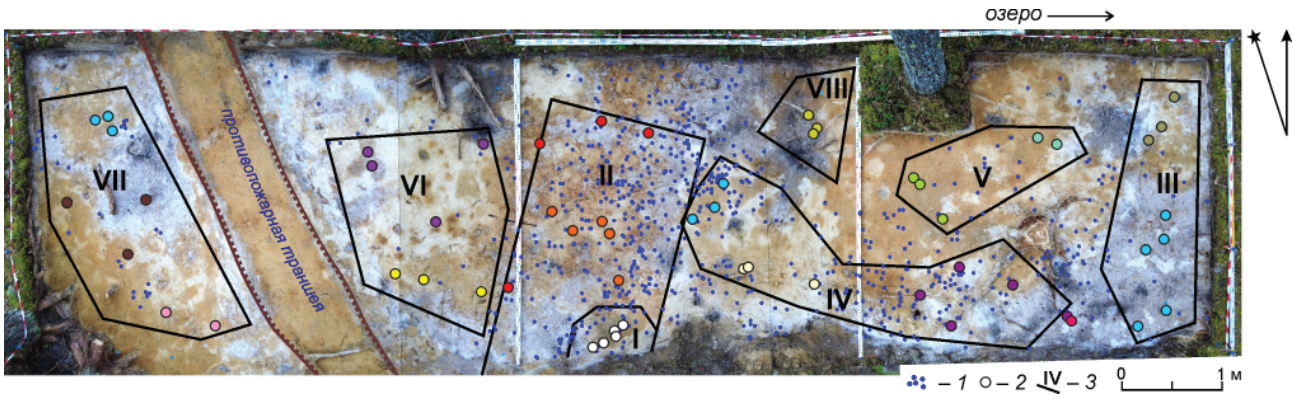

Рис. 3. Ортофотоплан поверхности раскопа 2021 г. и мест обора образцов. 1 – археологические предметы; 2 – места отбора образцов, разными цветами обозначены точки разных подзон; 3 – границы и номера зон
Fig. 3. Orthophotoplan of the 2021 excavation surface and sampling sites. 1 – archaeological objects; 2 – sampling sites, points of different subzones are marked with different colours; 3 – boundaries and zone numbers

образцы с характерными для данного типа почв горизонтов, без выраженных изменений. Принадлежность к отдельным почвенным горизонтам определяли по цветовой шкале Манселла. Согласно цвету, все образцы близки к верхней части горизонта BF, в котором уже начали появляться следы антропогенного воздействия.

В лаборатории образцы почв высушивали при комнатной температуре, далее растирали и просеивали через сито 0,25 мм. Определение фосфора осуществляли согласно ПНД Ф 16.1:2.3.11-98 в аккредитованной Экоаналитической лаборатории (РОСС RU.0001.511257). Методика включает обработку почвы 5М HNO_3 (2 г почвы / 10 $см^3$ кислоты) с последующим нагреванием на водяной бане в течение трех часов и определением фосфора на ICP Spectro Ciros.

Гранулометрический состав был определён с помощью метода лазерной дифракции на приборе Bettersize 2600 (Китай). Пробоподготовка почв к гранулометрическому анализу проведена на ультразвуковом диспергаторе частиц зондового типа УЗДН-1 (Россия) при энергии ультразвука равной 450 $Дж/см^3$ (Юдина и др., 2020). Кислотность определялась с помощью Edge HI20002-02 pH-метра (Hanna Instruments, Румыния) с цифровым электродом (±0.01 pH) при соотношении почва:раствор 1:2,5 (Теория и практика…, 2006).

Полученные результаты были статистически проанализированы с использованием Microsoft Excel 2010 и STATISTICA 10.0. Проведен анализ взаимосвязей значений физических и химических свойств почв. Составлены корреляционные таблицы коэффициентов корреляции Пирсона r при уровне значимости $p<0,05$.

Сравнение содержания фосфора проведено с условно-фоновыми подзолами иллювиально-железистыми, расположенными на территории Печоро-Илычского заповедника. Более подробно условно-фоновые объекты описаны ранее (Dymov et al., 2022).

Результаты и обсуждение

Антропогенное воздействие оказывает прямое влияние на почвы. Вмешательство человека оставляет след, который, в свою очередь, проявляется в морфологии почв. Для нашего исследования характерными признаками обладало углубление с грунтом тёмно-серого цвета с включениями угля, следы наземных построек, конкретнее их стенок, с более буроватым тёмным цветом по сравнению с горизонтом BF.

Для типичных подзолов характерно малое содержание фосфора и его количество в профиле увеличивается при движении с севера на юг России. При оценке фосфора в профиле фоновой зоны мы видим, что в подзолистом горизонте его содержание не превышает 0,1 мг/г. В иллювиально-железистом горизонте BF происходит накопление этого элемента до 0,6–1,2мг/г (рис. 4).

Такое содержание фосфора – следствие вымывания различных частиц из горизонта E в горизонт BF, в котором происходит накопление различных элементов, включая и фосфор. Это происходит из-за малой структурности горизонтов, в основном данные почвы формируются на песчаных отложениях. Легкий состав может способствовать вымыванию соединений в нижние горизонты и геохимиче-

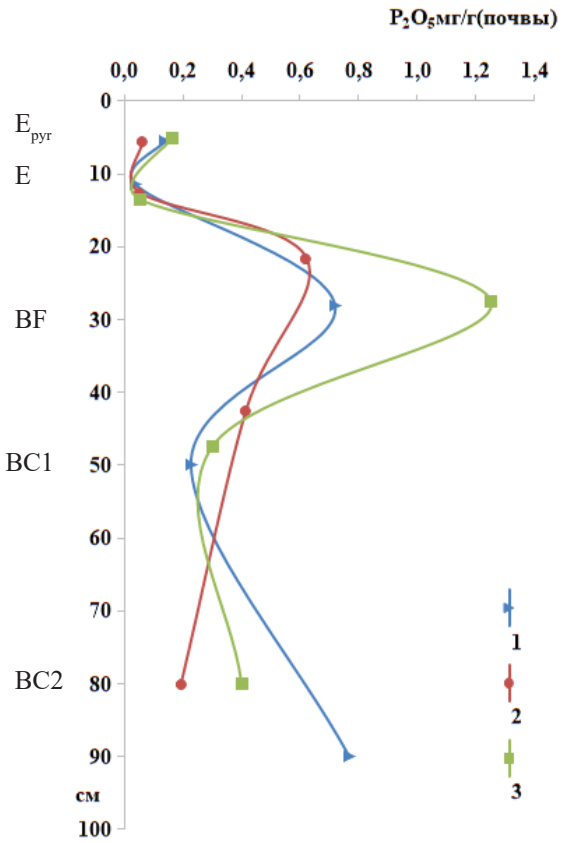

Рис. 4. Профильное распределение содержания фосфора в подзолах Печоро-Илычского заповедника. Обозначения: 1, 2, 3 – номера разрезов.
Fig. 4. Profile distribution of phosphorus content in podzolic soils of the Pechora-Ilych Reserve. Designations: 1, 2, 3 – section numbers.

ски подчиненные позиции рельефа (Жарский, 2020).

В исследуемых отложениях Эньты IA были найдены следы и остатки пребывания древнего человека. Содержание фосфора было сгруппировано по структурам, выявленным в раскопе (табл. 1).

Оценка содержания фосфора в различных зонах позволила выявить его статистически значимое возрастание в местах наземной постройки № 1. Сравнительно высокие значения элемента были диагностированы и на участках без каких-либо следов антропогенной деятельности, но расположенных в понижениях рельефа (рис. 5). Во всех других зонах было выявлено существенное варьирование измеряемых параметров.

Наибольшее количество фосфора выявлено в точке № 6, где его значение превышает фоновое в 3,5 раза. Содержание фосфора в точках № 7 и № 8 выше фонового примерно в два раза. Эти точки находятся в зоне распространения археологических предметов, к востоку от постройки № 1, где зафиксировано наибольшее количество археологических предметов. Эта часть раскопа может являться некой областью аккумуляции отходов производства и скопления органических отходов (рис. 5).

Зона V с точками № 9 и № 10 находится вблизи наземной постройки № 2 и характеризуется сравнительно малым числом археологических предметов. Почвенные горизонты обладают незначительным количеством фосфора, а его самое большое в этой зоне содержание 0,59 мг/г, что почти в 1,5 раза ниже фоновых

Таблица 1. Распределение точек отбора образцов по зонам воздействия
Table 1. Distribution of sampling points by impact zones

Зоны	№	Описание
I	1	Очаг в пределах наземной постройки номер 1 (n=5)
II	2	Площадь внутри наземной постройки номер 1 (n=5)
	3	Периметр наземной постройки номер 1 (n=4)
III	4	Зона без каких-либо значимых антропогенных вмешательств. Восточная часть раскопа (n=3)
	5	Зона без каких-либо значимых антропогенных вмешательств. Юго-восточная часть раскопа(n=5)
IV	6	Зона распределение археологических предметов номер 1 наибольшее скопление артефактов ближайшая к наземной постройке номер 1 (n=2)
	7	Зона распределение археологических предметов номер 1. большое скопление археологических предметов (n=5)
	8	Зона распределение археологических предметов номер 1. центр (n=3)
V	9	Участок распространения археологических предметов, зона 2. Следы наземной постройки номер 2 (n=3)
	10	Участок распространения археологических предметов, зона 2. к северу от постройки номер 2 (n=2)

VI	11	Участок распространения археологических предметов, зона 2. К востоку от наземной постройки номер 1 до современной траншеи (n=4)
	12	Участок распространения археологических предметов, зона 2. К востоку от наземной постройки номер 1 до современной траншеи (n=3)
VII	13	Участок распространения археологических предметов, зона 2. К востоку от наземной постройки номер 1 за современной траншеей. Северная часть (n=3)
	14	Участок распространения археологических предметов, зона 2. К востоку от наземной постройки номер 1 за современной траншеей. Центр (n=3)
	15	Участок распространения археологических предметов, зона 2. К востоку от наземной постройки номер 1 за современной траншеей. Южная часть (n=2)
VIII	16	Зона деформации, стерильна (n=3)
	17	Выворот корня (n=1)
IX	18	Участок распространения археологических предметов, зона 1. Граница с раскопом 1970-1980гг. (n=1)
Фон	E	E (n=3)
	BF	BF (n=3)

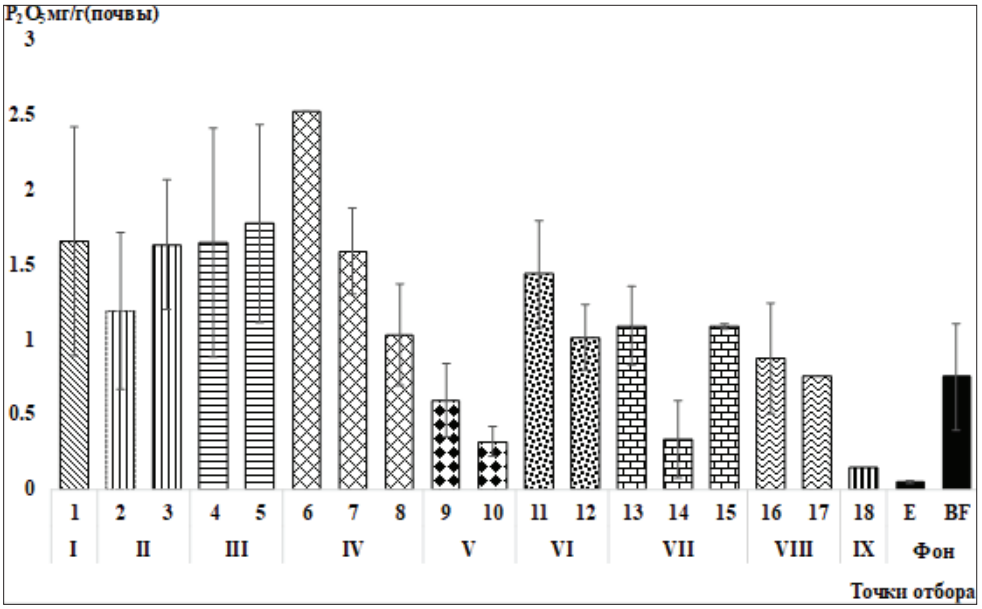

Рис. 5. Содержание фосфора в точках опробования и в фоновых объектах Печоро-Илычского заповедника. Обозначения точек приведены в таблице 1. Погрешность – среднее квадратичное отклонение
Fig. 5. Phosphorus content in sampling points and in background objects of the Pechora-Ilych Reserve. The designations of the points are given in Table 1. Error – standard deviation

значений. Одновременно зоне III количество артефактов хоть и незначительное, но содержание фосфора превышает в 2,5 раза фоновые значения. Отмеченные различия можно объяснить латеральным выносом фосфора с почвенными растворами согласно падению рельефа, а также разной степенью сохранности древних остатков. Повышенные значения фосфора при малом числе найденных артефактов могут документировать, например, зоны выброса несохранившихся органических отходов.

Зона VIII также расположена на возвышении рельефа. Это часть раскопа, где был вывал дерева, и не было обнаружено значительного количества артефактов. В точке № 16 количество фосфора совпадает с фоновыми значениями и составляет 0,87 мг/г. Глубина отбора образцов варьировала от 25 до 30 см от дневной поверхности. Также изучен образец, взятый с глубины 80 см (точка № 17) в заполнении корневода, анализ которого показал содержание фосфора, не превышающего фоновые значения.

Подавляющее число артефактов расположено в пределах наземной постройки № 1 и вокруг неё. Зона II характеризует содержание фосфора внутри постройки и по периметру стенок постройки, выявленные показатели превышают фоновые примерно в два раза. Выявленные превышения доказывают явное воздействие жизнедеятельности человека, что подтверждается большим количеством артефактов на данном участке. Можно предположить, что содержание фосфора связано с его поступлением с органическими остатками, не сохранившимися в песчаных грунтах и, возможно, из найденных кальцинированных костей.

На участок с постройкой № 1 частично наложено углубление с обломками древесных углей более позднего времени. Количество фосфора в нем составляет 1,65 мг/г, что в два раза выше фоновых значений. Такое значение фосфора объясняется возможным сжиганием органики в очаге. Последнее можно объяснить тем, что эта структура образовалась естественно на участке постройки № 1, содержавшим большое количество фосфора.

К западу от наземной постройки № 1 были выделены две зоны, одна из которых находится к востоку от траншеи противопожарного разрыва. На этих участках артефакты немногочисленны. В зоне VI содержание фосфора превышает фоновые показатели в два раза, что также можно объяснить стоком воды и переносом элементов в понижения рельефа.

В зоне VII содержание фосфора превышает фоновое, но его значения здесь ниже, чем в зоне VI примерно на 0,4 мг/г. Вероятно, это можно объяснить большим расстоянием этих зон от скопления артефактов в наземной постройке. Соответственно, в точках, которые находятся ближе к постройке № 1, содержание фосфора будет выше.

Можно констатировать, что почти во всех зонах раскопа, выделенных нами, содержание фосфора выше, чем в фоновых почвах. Исключением является точка № 18 на границе раскопа 2021 и 1980 гг., в которой содержание фосфора всего 0,14 мг/г. Данный факт можно объяснить теми же причинами что и содержание фосфора в горизонте Е. Фосфор устойчив в почве, но при сильном промывном режиме его количество все-таки уменьшается (Гурбанов, Мамедов, 2009).

Определение гранулометрического состава дало нам представления о составе и коли-

Таблица 2. Корреляция (коэффициент Пирсона) содержания фосфора с гранулометрическим составом, pH водной и солевой вытяжек
Table 2. Correlation (Pearson coefficient) of phosphorus content with particle size distribution, pH of aqueous and salt extracts

Номер участка	Размер фракций (мм)						<0,01	pH вод	pH сол
	1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001			
1	-0,52	-0,64	0,37	0,40	0,39	0,50	0,42	-0,65	-0,24
2	0,50	-0,52	-0,51	0,19	0,27	0,17	0,24	-0,41	0,45
3	-0,86	0,03	**0,97**	**0,99**	**0,96**	**0,99**	**0,99**	0,18	0,01
4	-0,76	0,72	0,70	0,87	0,89	0,98	0,92	0,85	**-1,00**
5	-0,02	-0,10	**0,91**	**0,89**	**0,90**	**0,99**	**0,98**	-0,81	-0,59
7	0,26	-0,55	0,65	0,58	0,57	0,30	0,52	-0,79	-0,32
8	-0,61	0,69	0,21	-0,42	-0,43	0,18	-0,37	-0,78	0,95
9	-0,71	0,71	-0,55	0,74	0,91	0,62	0,85	0,99	0,77
11	**0,98**	-0,94	**-0,96**	-0,84	0,15	0,67	-0,43	0,92	**0,96**
12	-0,77	0,76	0,72	0,74	0,79	0,99	0,84	0,79	**1,00**
13	0,74	-0,79	-0,82	-0,52	-0,39	-0,23	-0,40	0.84	-0,21
14	0,81	-0,77	**-1,00**	0,99	0,98		0,99	0,97	0,94
16	0,96	-0,80	0,94	**-1,00**	-0,99	-0,97	-0,99	-0,78	-0,62

Красным шрифтом выделены значимые корреляции. Номер приведен в таблице 1.

честве илистых фракций, которые в свою очередь связаны с содержанием фосфора. Для типичных подзолов характерен лёгкий гранулометрический состав. В основном преобладает фракция мелкого и среднего песка. Горизонт Е в основном имеет песчаный или супесчаный состав. Подзол иллювиально-железистый характеризуется определенной неоднородностью и супесчаный горизонт содержит прослойки суглинка и различных включений накопленных минералов. Горизонт ВС обычно состоит из крупных фракций (Дымов и др., 2014). После определения гранулометрического состава была проведена корреляция содержания частиц различных размеров с содержанием фосфора. В результате можно предположить, что в точках № 3 и № 5 фосфор коррелирует со всеми частицами меньше 0,05 мм (табл. 2). По полученным данным можно предположить, что фосфор связан с фракциями физической глины: чем больше её процентное содержание в профиле, тем более высокие концентрации фосфора.

Судя по рельефу местности, фракции физической глины вместе с фосфором, связанным с ними, могли мигрировать с точки № 3 в точку № 5 латеральными потоками, что подтверждается отсутствием в этой точке предметов археологии, но содержание фосфора в нем значительно превышают фоновые значения.

Заключение

В исследуемых почвах, содержащих культуровмещающие отложения, содержание фосфора изменяется от 0,14 мг/г до 2,52 мг/г. Наибольшие показатели выявлены в местах со следами антропогенной нагрузки, выявленной археологами визуально по разнице в цвете и структуре горизонтов, а также повышенной концентрации археологических предметов. Однако в результате проведенных инструментальных исследований выявлены зоны, «пустые» для археологов, но отличающиеся повышенным содержанием фосфора. Для таких ситуаций нами предлагается два варианта интерпретации: латеральный вынос фосфора с почвенными растворами согласно падению рельефа и наличие зон накопления несохранившихся органических остатков. Также показана корреляция содержания фосфора с фракциями, размер которых составляет меньше 0,05 мм в районе наземной постройки № 1 (коэффициент Пирсона r = 0.96-0.99) и геохимически подчиненных участках точка № 5 (коэффициент Пирсона r = 0.89-0.99).

В результате проведенного исследования было установлено, что в результате антропогенного воздействия на почву содержание фосфора превышает условно-фоновые показатели. Несмотря на прошедшие 7-7.5 тыс. лет с момента пребывания на изученном участке людей, содержание фосфора здесь всё ровно превышает показатели, характерные для песчаных почв бореальных лесов. Фосфор остаётся явным индикатором, который указывает на антропогенное воздействие на заданный участок местности, что в свою очередь отражается на особенности почвы в границах территории памятника.

Примечание:

[1] Здесь и далее калибровка радиоуглеродных дат произведена в программе OxCal, версия 4.4, калибровочная кривая IntCal 20, 68,3%

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Республики Коми / Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. 416 с.

Атлас почв Республики Коми / Отв. ред. Г.В. Добровольский, А.И. Таскаев, И.В. Забоева. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2010. 356 с.

Бобровский М.В. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М.: КМК, 2010. 359 с.

Вахрушев Л.А., Карманов В.Н., Попов Е.В., Дымов А.А. Следы деятельности первобытного человека в подзолах иллювиально-железистых (стоянка Энты IA, окрестности г. Сыктывкар) // IV Всероссийская (XIX) молодежная научная школа-конференция «Молодежь и наука на Севере – 2022». Т. II: Актуальные проблемы биологии и экологии: материалы докладов XXIX Всероссийской молодежной научной конференции, посвященной 60-летию Института биологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН / Отв. ред. С.В. Дёгтева. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; Институт биологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН 2022. С. 70–71.

Гольева А.А., Сыроватко А.С. Палеоэкология поселений раннего железного века - эпохи переселения народов в Среднем Поочье (результаты недавних исследований) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 18 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2022. С. 35–41. DOI 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-367-1.35-41.

Гурбанов Э.А. Мамедов Г.М. Потери азота, фосфора и гумуса из почв при ирригационной эрозии и ее предотвращение // Агрохимия. 2009. № 10. С. 48–52.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск: СО РАН, 1997. 228 с.

Дружинина И.А., Дружинина О.А., Гольева А.А., Чхаидзе В.Н. Комплексное изучение погребений из Среднего Зеленчукского храма на городище нижний Архыз: результаты анализа микробиоморфных спектров и валового фосфора // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 1. С. 157–173. DOI 10.15688/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.8.

Дымов А.А. Сукцессии почв в бореальных лесах Республики Коми. М: ГЕОС, 2020. 336 с. DOI 10.34756/GEOS.2020.10.37828

Дымов А.А. Дубровский Ю.А. Габов Д.Н. Пирогенные изменения подзолов иллювиально-железистых (средняя тайга, Республика Коми) // Почвоведение. 2014. № 2. С. 144. DOI 10.7868/S0032180X14020051.

Жарский Г.О. Эколого-геохимические особенности подзолообразования на эоловых форматах рельефа северной тайги Западной Сибири. Выпускная квалификационная работа магистра 2 курса очной формы обучения по направлению подготовки 05.04.06 Экология и природопользование, магистерская программа «Геоэкология нефтегазодобывающих регионов». Тюмень: Тюменский государственный университет, 2020. 63 с.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Карманов В.Н. Виды следов в отложениях памятников V–II тыс. до н.э., крайний северо-восток Европы // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 1. С. 192–204. DOI 10.17816/snv2021101203.

Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г., Мельничук А.Ф. Современные представления о культурах неолита на северо-востоке Европы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 159–170. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-12211

Каширская Н.Н., Борисов А.В. Фосфотазная активность как инструмент для реконструкции источников поступления фосфора в культурный слой // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 512–516.

Ковалева Н.О., Ковалев И.В. Лигниновые фенолы в почвах как биомаркеры палеорастительности // Почвоведение. 2015. №. 9. С. 1073–1073. DOI: 10.7868/S0032180X15090063

Ковалева Н.О., Решетникова Р.А., Ковалев И.В. Фосфор в культурных слоях и почвах урбоэкосистем // Вестник Московского университета. Серия 17: Почвоведение. 2021. № 4. С. 56–66.

Косинская Л.Л. Особенности исследования поселений с полуземляночными жилищами в таежной зоне Европейского Северо-Востока // Полевая археология мезолита – неолита / Отв. ред. Н.Н. Гурина, В.И. Тимофеев. Л.: ЛОИА АН СССР, 1990. С. 101–107.

Логинова Э.С. Поселения на средней Вычегде в эпоху неолита. Сыктывкар: КФ АН СССР, 1985. 24 с.

Логинова Э.С. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / МАЕСВ. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КФ АН СССР, 1986. С. 45–53.

Логинова Э.С. Опыт выделения ранненеолитического жилища на поселении Эньты I (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы / МАЕСВ. Вып. 20 / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 26–38.

Логинова Э.С. Эньты VII // Поселения финального неолита и энеолита в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени / МАЕСВ. Вып. 21 / Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. С. 43–57. DOI 10.19110/89606-040.

Майгиер Л., Рахмонов О., Беднарек Р. Особенности почв заброшенных кладбищ северной Польши на песчаных субстратах // Почвоведение. 2014. № 6. С. 759–768. DOI 10.7868/S0032180X14060082.

Морозова О.В., Заугольнова, Л.Б., Исаева, Л.Г., Костина В А. Классификация бореальных лесов севера Европейской России. I. Олиготрофные хвойные леса // Растительность России. 2008. № 13. С. 61–81.

Низамутдинов Т. И., Сулейманов А. Р., Моргун Е. Н., Гусев Ан. В., Тупахина О. С., Гусев Ал. В., Плеханов А. В., Тупахин Д. С., Абакумов Е. В. Почвы заполярного археологического памятника “Поселение Лабытнанги 1 (Комяцкая деревня)”: морфологический анализ и химическая характеристика //

Бюллетень Почвенного института имени В.В. Докучаева. 2023. №. 114. С. 66–108. DOI 10.19047/0136-1694-2023-114-66-108.

ПНД Ф 16.1:2.3:3.11-98 Количественный химический анализ почв. Методика выполнения измерений содержания металлов в твердых объектах методом спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой. М., 2005. 31 с.

Савельев Д.О., Смекалова Т.Н., Борисов А.В. Первые результаты междисциплинарного исследования поселения эпохи бронзы Тюмень-5 в Северо-Западном Крыму. Анализ кремневого материала // Археологические вести. 2024. № 42. С. 110–121. DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-110-121.

Сверчкова А.Э. Палеопочвенные исследования II курганного могильника у с. Второе Имангулово и палеоклиматические реконструкции // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 163–168.

Петросян А.А., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Коробов Д.С., Борисов А.В. Следы древней антропогенной деятельности в почвах (на примере поселения эпохи бронзы Арбакол-1 в Кисловодской котловине) // Успехи современной биологии. 2022. Т. 142, № 6. С. 603–614. DOI 10.31857/S0042132422040081

Сулейманов Р.Р. Овсянников В.В. Почвенно-экологическая характеристика археологического памятника «Биктимировское городище» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №. 12 (131). С. 151–153.

Таргульян В.О., Горячкин С.В. Память почв и реконструкции окружающей среды // Почвоведение. 2011. № 4. С. 507–508.

Теория и практика химического анализа почв / Под ред. Л.А. Воробъевой. М.: ГЕОС, 2006. 400 с.

Тупахина О.С., Тупахин Р.А., Колесников Р.А., Плеханова Л.Н. Комплексные интердисциплинарные исследования многослойного поселения Ямгорт I в Западносибирском Приполярье // РА. 2022. № 2. С. 47–59. DOI 10.31857/S0869606322020192.

Юдина А.В., Фомин Д.С., Валдес-Коровкин, И.А., Чурилин Н.А., Александров М.С., Головлева Ю.А., Филиппов Н.В., Ковда И.В., Дымов А.А. Милановский Е.Ю. Пути создания классификации почв по гранулометрическому составу на основе метода лазерной дифракции // Почвоведение. 2020. №. 11. С. 1353–1371. DOI: 10.31857/S0032180X20110143

Dymov A. A., Grodnitskaya I. D., Yakovleva E. V., Dubrovskiy Y. A., Kutyavin I. N., Startsev V. V., Milanovsky E. Yu., Prokushkin A. S. Albic podzols of boreal pine forests of Russia: soil organic matter, physicochemical and microbiological properties across pyrogenic history // Forests. 2022. Vol. 13. №. 1831. https://doi.org/10.3390/f13111831.

Kurbanova F.G., Makeev A., Aseyeva E., Kust P., Khokhlova O., Puzanova T., Sverchkova A., Kozmirchuk I. Pedogenic response to Holocene landscape evolution in the forest-steppe zone of Russian Plain // Catena. 2023. Vol. 220, No. Part A. P. 106675. DOI 10.1016/j.catena.2022.106675.

Manninen M.A., Knutsson K. Lithic raw material diversification as an adaptive strategy—Technology, mobility, and site structure in Late Mesolithic northernmost Europe // Journal of Anthropological Archaeology. 2014. 33. P. 84–98.

Nikiforoff C. C. Pedogenic criteria of climatic changes //Climatic Change: Evidence, Causes, and Effects. – Harvard University Press, 1953. С. 189-200.

Suleymanov R., Obydennova G., Kungurtsev A., Atnabaev N., Komissarov M., Gusarov A., Adelmurzina I., Suleymanov A., Abakumov E. Human-altered soils at an archeological site of the bronze age: The tyateraraslanovo-ii settlement, southern cis-ural region, Russia // Quaternary. 2021. Vol. 4, No. 4. DOI 10.3390/quat4040032.

Информация об авторах:

Вахрушев Леонид Андреевич, старший лаборант Института биологии Коми НЦ УрО РАН, магистр Института Естественных наук СГУ имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия); l_vakhrushev@inbox.ru

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

Попов Евгений Валентинович, младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); evpopovich@bk.ru

Дымов Алексей Александрович, доктор биологических наук, доцент, заведующий отделом почвоведения, ведущий научный сотрудник Института биологии Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); aadymov@gmail.com

REFERENCES

Karmanov, V. N. (ed.). 2014. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi (Archaeological Map of the Komi El Republic).* Syktyvkar: "Komi respublikanskaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Dobrovolsky, G. V., Taskaev, A. I., Zaboaeva, I. V. (eds.). *Atlas pochv Respubliki Komi (Atlas of soils of the Komi Republic).* Syktyvkar: "Komi respublikanskaya tipografiya" Publ. (in Russian).

Bobrovsky. M. V. 2010. *Lesnye pochvy Evropeyskoy Rossii: bioticheskie i antropogennye faktory formirovaniya (Forest soils of European Russia: biotic and anthropogenic factors of formation).* Moscow: "KMK" Publ. (in Russian).

Vahrushev, L. A., Karmanov, V. N., Popov, E. V., Dymov, A. A. 2022. In Degteva, S. V. (ed.). *IV Vserossiyskaya (XIX) molodezhnaya nauchnaya shkola-konferentsiya «Molodezh' i nauka na Severe – 2022» (Proceedings Of The 4rd All-Russian 19th Youth Scientific School-Conference "Youth And Science In The North – 2022").* Vol. 2. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 70–71 (in Russian).

Gol'eva, A. A., Syrovatko, A. S. 2022. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 18. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 35–41 (in Russian).

Gurbanov, E. A. Mamedov, G. M. 2009. In *Agrokhimiya (Agrochemistry)* 10, 48–52 (in Russian).

Dergacheva M. I. 1997. *Arkheologicheskoe pochvovedenie (Archaeological Soil Studies).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Druzhinina, I. A., Druzhinina, O. A., Gol'eva, A. A., Chkhaidze, V. N. 2024. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 1 (23), 157–173 (in Russian).

Dymov, A. A. 2020. *Suktsessii pochv v boreal'nykh lesakh Respubliki Komi (Soil successions in the boreal forests of the Komi Republic).* Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).

Dymov, A. A. Dubrovsky, Yu. A. Gabov, D. N. 2014. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 2, 144 (in Russian).

Zharsky, G. O. 2020. *Ekologo-geokhimicheskie osobennosti podzoloobrazovaniya na eolovykh formatakh rel'efa severnoy taygi Zapadnoy Sibiri (Ecological and geochemical features of podzolic formation in the Aeolian relief formats of the Northern Taiga of Western Siberia).* Tyumen: Tyumen State University (in Russian).

Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka (Neolithic of European Notheast)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Karmanov, V. N. 2021. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Journal of Science)* 1 (10), 192–204 (in Russian).

Karmanov, V. N., Nedomolkina, N. G., Mel'nichuk, A. F. 2019. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Journal of Science)* 2 (27), 159–170 (in Russian).

Kashirskaya, N. N. Borisov, A. V. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 512–516 (in Russian).

Kovaleva, N. O., Kovalev, I. V. 2015. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 9, 1073–1073 (in Russian).

Kovaleva, N. O., Reshetnikova, R. A., Kovalev, I. V. 2021. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 17. Pochvovedenie (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 17. Soil Studies*) (4), 56–66 (in Russian).

Kosinskaya, L. L. 1990. In *Polevaya arkheologiya mezolita – neolita (Mesolithic–Neolithic field archaeology).* Leningrad: Institute of Archaeology, Leningrad Branch, Academy of Sciences of the USSR, 101–107 (in Russian).

Loginova, E. S. 1985. *Poseleniya na sredney Vychegde v epokhu neolita (Settlements on the Middle Vychegda River during the Neolithic)*. Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Loginova, E. S. 1986. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke (Monuments of Material Culture in the European North-East).* Series: Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of Northeast) 10. Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 45–53 (in Russian).

Loginova, E. S. 2018. In Vaskul, I. O. (ed.). *Problemy arkheologicheskogo izucheniya severo-vostoka Evropy (Issues of archaeological Studying of North-Eastern Europe)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of Northeast) 20. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26–38 (in Russian).

Loginova, E. S. 2022. In Karmanov, V. N. (ed.). *Poseleniya final'nogo neolita i eneolita v basseynakh Severnoy Dviny, Pechory i Mezeni (Settlements of the Final Neolithic and Eneolithic in the Northern Dvina, Pechora and Mezen basins).* Series: Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of Northeast) 21. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 43–57 (in Russian).

Maigier, L., Rakhmonov, O., Bednarek, R. 2014. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 6, 759–768 (in Russian).

Morozova, O. V., Zaugol'nova, L. B., Isaeva, L. G., Kostina, V. A. 2008. In *Rastitel'nost' Rossii (Vegetation of Russia)* 13, 61–81 (in Russian).

Nizamutdinov, T. I., Suleimanov, A. R., Morgun, E. N., Gusev, An. V., Tupakhina, O. S., Gusev, Al. V., Plekhanov, A. V., Tupakhin, D. S., Abakumov, E. V. 2023. In *Dokuchaev Soil Bulletin (Byulleten' Pochvennogo instituta imeni V.V. Dokuchaeva)* 114, 66–108 (in Russian).

2005. *PND F 16.1:2.3:3.11-98 Kolichestvennyy khimicheskiy analiz pochv. Metodika vypolneniya izmereniy soderzhaniya metallov v tverdykh ob"ektakh metodom spektrometrii s induktivno-svyazannoy plazmoy (ПНД Ф 16.1:2.3:3.11-98 Quantitative chemical analysis of soils. A technique for measuring the metal content in solid objects by inductively coupled plasma spectrometry).* Moscow (in Russian).

Savel'ev, D. O., Smekalova, T. N., Borisov, A.V. 2024. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 42, 110–121 (in Russian).

Sverchkova, A. E. 2022. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 16. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 163–168 (in Russian).

Petrosyan, A. A., Khomutova, T. E., Kashirskaya, N. N., Korobov, D. S., Borisov, A. V. 2022. In *Uspekhi sovremennoy biologii (The successes of modern biology)* 6 (142), 603–614 (in Russian).

Suleimanov, R. R. Ovsyannikov, V. V. 2011. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State University)* 12 (131), 151–153 (in Russian).

Targul'yan, V. O., Goryachkin, S. V. 2011. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 4, 507–508 (in Russian).

Vorob'ev, L. A. (ed.). 2006. *Teoriya i praktika khimicheskogo analiza pochv (Theory and Practice of the Chemical Analysis of Soils)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tupakhina, O. S., Tupakhin, R. A., Kolesnikov, R. A., Plekhanova, L. N. 2022. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (2), 47–59 (in Russian).

Yudina, A. V., Fomin, D. S., Valdes-Korovkin, I. A., Churilin, N. A., Aleksandrov, M. S., Golovleva, Yu. A., Filippov, N.V., Kovda, I.V., Dymov, A. A. Milanovsky, E. Yu. 2020. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 11, 1353–1371 (in Russian).

Dymov, A. A., Grodnitskaya, I. D., Yakovleva, E. V., Dubrovskiy, Y. A., Kutyavin, I. N., Startsev, V. V., Milanovsky, E. Yu., Prokushkin, A. S. 2022. *Forests*. Vol. 13. №. 1831. https://doi.org/10.3390/f13111831 (in English).

Kurbanova, F. G., Makeev, A., Aseyeva, E., Kust, P., Khokhlova, O., Puzanova, T., Sverchkova, A., Kozmirchuk, I. 2023. In *Catena*. Vol. 220, Part A, 106675. DOI 10.1016/j.catena.2022.106675 (in English).

Manninen, M. A., Knutsson, K. 2014. In *Journal of Anthropological Archaeology* (33), 84–98 (in English).

Nikiforoff, C. C. 1953. In *Climatic Change: Evidence, Causes, and Effects*. Harvard University Press, 189–200 (in English).

Suleymanov, R., Obydennova, G., Kungurtsev, A., Atnabaev, N., Komissarov, M., Gusarov, A., Adelmurzina, I., Suleymanov, A., Abakumov, E. 2021. In *Quaternary*. Vol. 4, No. 4. DOI 10.3390/quat4040032.

About the Authors:

Vakhrushev Leonid A., Institute of Biology, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Master's student, Institute of Natural Sciences, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin Kommynisticheskay str., 28. Syktyvkar, 167982, Russian Federation; l_vakhrushev@inbox.ru

Karmanov Viktor N., Candidate of Historical Sciences, Institute of Language Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommynisticheskay str., 26. Syktyvkar, 167982, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Popov Evgeniy V., Institute of Language Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommynisticheskay str., 26. Syktyvkar, 167982, Russian Federation; evpopovich@bk.ru

Dymov Alexey A., Doctor of Biological Sciences, Institute of Biology, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kommynisticheskay str., 28. Syktyvkar, 167982, Russian Federation; aadymov@gmail.com.

Статья поступила в журнал 20.12.2024 г.
Статья принята к публикации 17.04.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.46.57

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ТАСКУДУК В 2024 ГОДУ[1]

© 2025 г. Н.С. Дога, А.А. Выборнов, Е.В. Пархомчук, М.А. Кулькова, А.В. Сомов

В статье представлены итоги изучения памятника Таскудук в Северном Прикаспии. Они научно значимы для расширения характеристики как керамической традиции, так и каменной индустрии позднего этапа неолита интересуемой территории. Актуальным является и вопрос о формировании раннего энеолита в данном регионе. Для его решения полученные результаты дают новую качественную информацию. Раскопки 2024 года позволили выявить остатки жилищного сооружения. Это важно для обоснования гомогенности материалов стоянки. Из полученной керамической коллекции выделены сосуды, которые не встречались ранее. Они изготовлены по аналогичной для посуды тентексорского типа технологии: из ила с добавкой органического раствора. Сосуды плоскодонные. Верхние части прямые, реже прикрытой формы. Наплывы на внутренней стороне венчиков редки. Орнамент наносился в технике отступающего накола. Среди композиций встречены сложные. Они являются прототипами узоров прикаспийской культуры. В каменном инвентаре оригинальным явилось большое количество геометрических микролитов. Обнаружена уникальная костяная подвеска с изображением животного и сложным рисунком. Археозоологические находки фиксируют доминирование тура и сайги. Научная новизна представлена и в радиоуглеродных датах, полученных, в том числе по зубам кулана на УМС.

Ключевые слова: археология, Северный Прикаспий, неолит, культурный слой, керамика, каменный инвентарь, трапеция, подвеска, хронология, тентексорский тип.

RESULTS OF THE STUDY OF THE LATE NEOLITHIC TASKUDUK CAMPSITE IN 2024[2]

N.S. Doga, A.A. Vybornov, E.V. Parkhomchuk, M.A. Kulkova, A.V. Somov

This paper deals with the results of the study of the Taskuduk site in the Northern Caspian region. They are scientifically significant for the understanding of both ceramic traditions and the stone industry of the late Neolithic stage in the studied area. The issue of the formation of the Early Eneolithic in this region is also highly relevant. The obtained results provide new, high-quality information for addressing this issue. The 2024 excavations revealed the remains of a dwelling structure. This is important for substantiating the homogeneity of the materials from the campsite. From the ceramic collection, vessels previously unrecorded in the region were identified. These were crafted using a technology analogous to that of the Tenteksor type pottery: from silt with the addition of organic temper. The vessels are flat-bottomed, with straight upper sections (less commonly truncated). Internal rim ridges are rare. Ornamentation was applied using a puncture-incising technique, including complex compositions that represent prototypes of patterns found in the Caspian culture. Within the stone inventory, the large quantity of geometric microliths was a distinctive feature. A unique bone pendant featuring an animal motif with a complex design was found. Archaeozoological findings indicate dominance of aurochs and saiga. Scientific novelty is further supported by radiocarbon dates, including AMS dating of onager teeth.

Keywords: archaeology, Northern Caspian region, Neolithic, cultural layer, ceramics, stone inventory, trapeze, pendant, chronology, Tenteksor type.

Введение

Изучение периода позднего неолита Северного Прикаспия необходимо для понимания развития неолитических культур, а также сложных процессов энеолитизации не только в Нижнем Поволжье, но и в сопредельных регионах. Малочисленность памятников с сохранившимся культурным слоем в полу-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта № 24-28-00103 РНФ «Трансформация культур позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход»

[2] The work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00103 «Transformation of the Late Neolithic-Eneolithic cultures of the Lower Volga region: an Interdisciplinary approach»

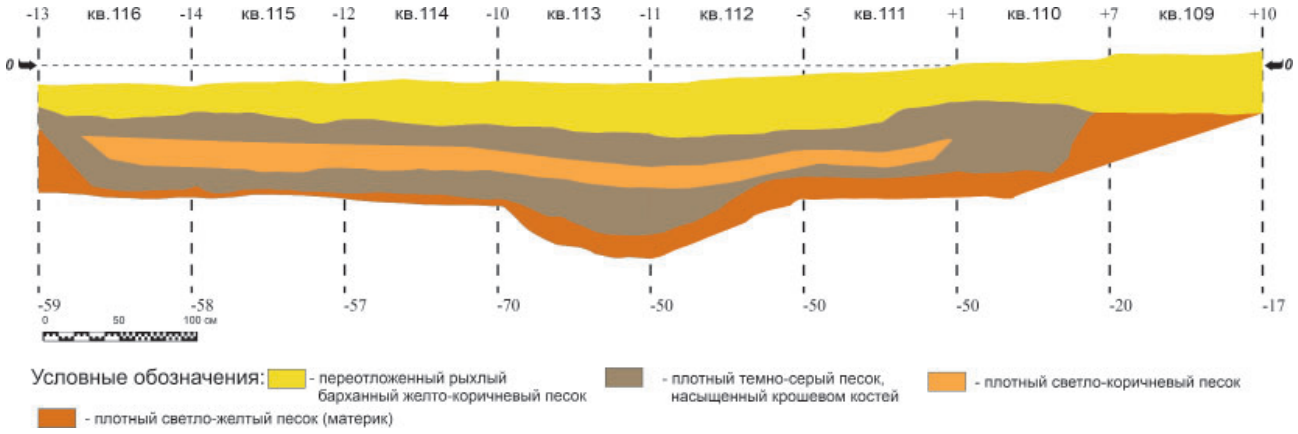

Рис. 1. Стратиграфия стоянки Таскудук.
Fig. 1. Stratigraphy of Taskuduk site.

пустынной зоне обуславливает их уникальность и научную значимость. С 2022 года ведутся систематические раскопки памятника Таскудук в Харабалинском районе Астраханской области. Результаты этих исследований существенно пополнили источниковую базу региона и расширили представления о керамическом и каменном инвентаре тентексорского типа (Дога и др., 2023; Дога и др., 2024). Кроме того, наличие гомогенного культурного слоя позволяет разрабатывать вопросы хронологии и хозяйства поздненеолитического населения Северного Прикаспия.

Основная часть

В 2024 г. площадь раскопа составила 28 кв. м. В отличие от предыдущих лет он полностью накрыл линзу культурного слоя и находки практически равномерно были распределены по всей площади, с небольшим преобладанием материала в восточном секторе. Под верхним слоем барханного желто-коричневого песка фиксируется пласт темно-серого песка, насыщенного мелкими обломками костей животных. Его мощность варьируется от 10 до 20 см. Под ним залегает относительно ровный пласт плотного светло-коричневого песка толщиной 15-20 см. От предыдущего слоя он отличается более светлым цветом и меньшей насыщенностью фрагментами костей. Этот пласт подстилается плотным, темно-серого цвета, песком, с обилием костных обломков. В квадратах 116 и 110 достаточно четко фиксируется понижение слоя. Его углубленность в материк позволяет предположить, что это остатки жилища (рис. 1). Планиграфический анализ раскопа показал, что линза культурного слоя уходит на юг.

Керамическая коллекция включает в себя 97 частей сосудов, среди которых 45 венчиков, 36 стенок, 6 крупных фрагментов венчиков и стенок, 8 придонных и 2 донные части. Из них только 21 фрагмент не имеет орнамента. Часть украшенных венчиков и стенок принадлежит сосудам из раскопов прошлых лет. По материалам раскопок 2024 года можно выделить 24 новых сосуда, которые не имеют принципиальных отличий от посуды предыдущих коллекций. По данным И.Н. Васильевой вся посуда изготовлена из глиноподобного материала – жирный пелогеновый ил с добавлением органических растворов. Конструирование сосудов было связано с приемами ручного налепливания. Удалось конкретизировать лоскутный комковатый налеп, который осуществлялся путем несистемного наращивания лепешкообразных кусочков формовочной массы. В профиле изученных образцов часто фиксируется многослойность. Толщина фрагментов колеблется от 0,7 до 1,6 см, с преобладанием толщины 1,0 – 1,2 см. Вероятнее всего, образование сосудов осуществлялось с помощью форм-моделей. Эти выводы соотносятся с данными, полученными по посуде, обнаруженной ранее. Итоги технико-технологического анализа керамики стоянки Таскудук указывают на существенную близость гончарной технологии населения данного памятника с другими изученными неолитическими стоянками тентексорского типа Северного Прикаспия (Васильева и др., 2023)

Почти все сосуды прямостенные с немного отогнутым наружу венчиком. Но есть и прикрытые формы (рис. 2: 2, 10). Большая

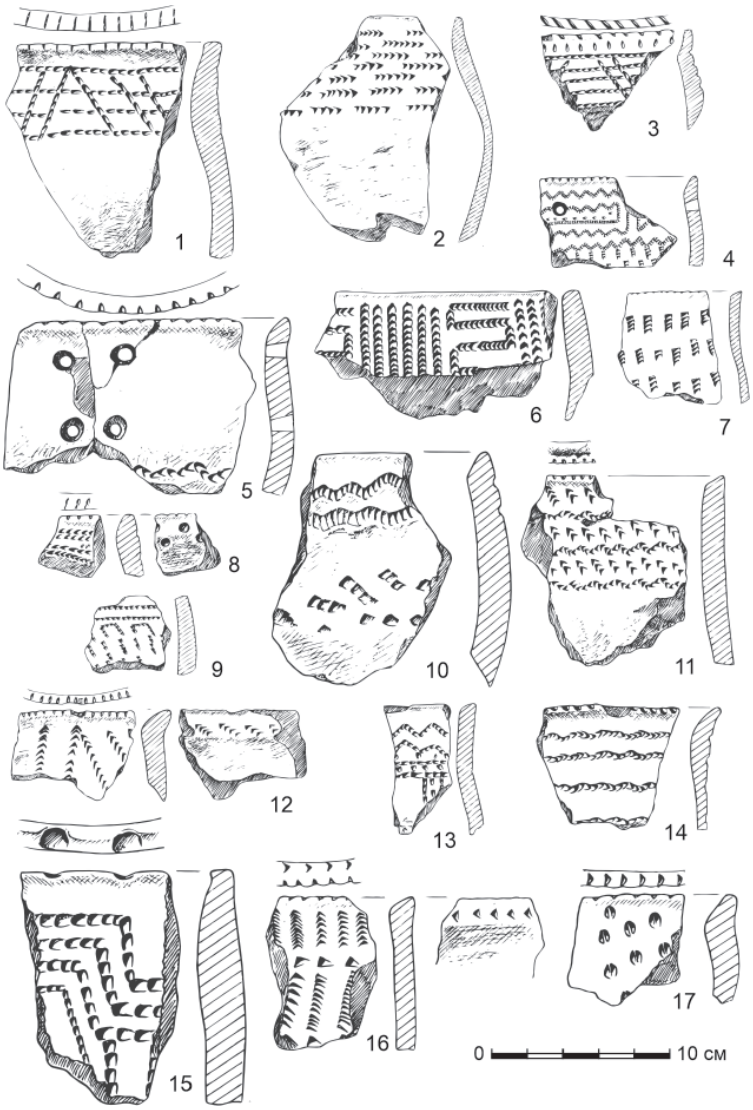

Рис. 2. Керамический инвентарь.
Fig. 2. Ceramic inventory.

часть венчиков имеет насечки или вдавления по срезу (рис. 2: 1, 3-5, 7-8,11-12; 14-17; рис. 3: 1-4), некоторые несут орнаментацию с внутренней стороны (рис. 2: 8,12,16). На двух экземплярах фиксируется слабовыраженный наплыв (рис. 2: 1, 15). В семи случаях отмечается наличие сквозных отверстий, которые расположены в верхней части и, возможно, являются ремонтными. На одном фрагменте венчика две пары отверстий расположены одна под другой (рис. 2: 5). Подавляющая часть керамики орнаментирована в технике отступающего накола различной формы, с преобладанием овальной и треугольной, в меньшей степени квадратной и подпрямоугольной. Есть и небольшая доля ямчатых неглубоких вдавлений округлой формы (рис. 2: 8; рис. 3: 4). Так же встречаются оттиски в форме «копытца» (рис. 2: 17) и короткие линии отступающего подпрямоугольного накола (рис. 2: 7, 10). Наколы образуют различные композиции из прямых (рис. 2: 1-3), волнистых (рис. 2: 4,10-11,14) или зигзагообразных (рис. 2: 6, 13, 15; рис. 3: 3) линий. Найден развал крупного сосуда с фрагментами венчика, стенки и дна. Венчик имеет насечки по срезу и две линии разреженных округлых вдавлений с внутренней стороны. Верхняя часть орнаментирована волнистыми линиями сдвоенного отступающего накола, заполненными округлыми разреженными вдавлениями. В пространстве между ними расположены горизонтальные и короткие вертикальные линии сдвоенного отступающего накола (рис. 4). Нижняя часть

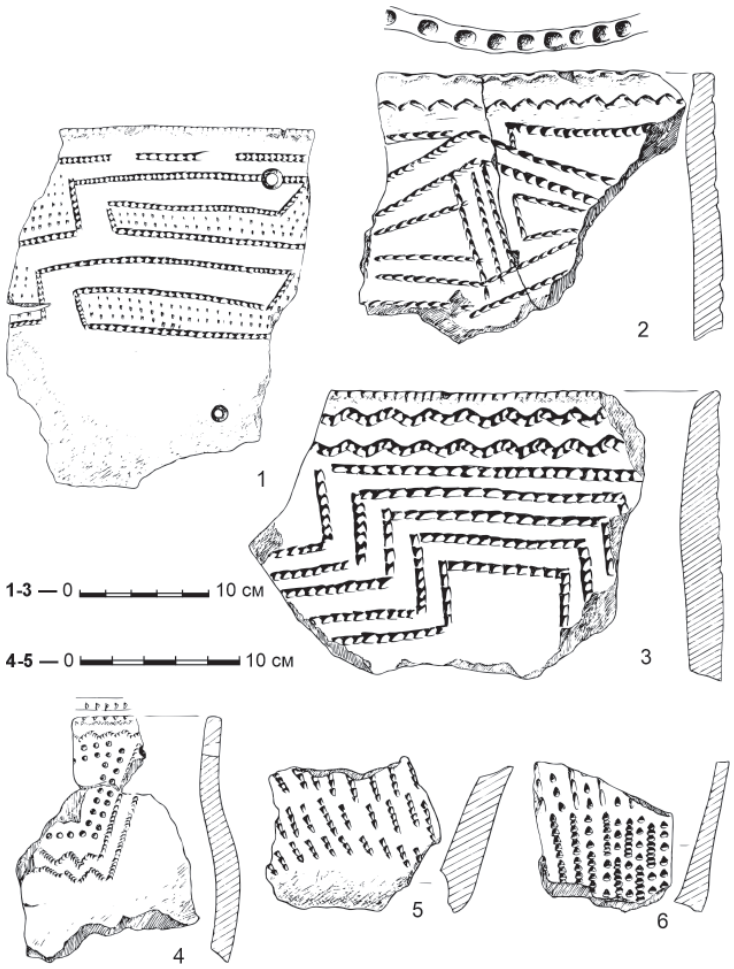

Рис. 3. Керамический инвентарь.
Fig. 3. Ceramic inventory.

сосуда, включая дно, без орнамента. Аналогии такой композиции среди узоров тентексорского облика не встречены. Обнаружен крупный фрагмент венчика и стенки сосуда с двумя противолежащими сквозными отверстиями. Под венчиком нанесена линия отступающих наколов, ниже расположены прямоугольные зоны, заполненные мелкими разреженными наколами (рис. 3: 1). Еще один фрагмент венчика с насечками по срезу украшен двумя волнистыми линиями подпрямоугольного накола и плотно поставленными геометрическими линиями сходных вдавлений (рис. 3: 3). Такие композиции находят аналогии в материалах стоянки тентексорского типа Приозерная (Гречкина, Выборнов, 2023, с. 15, рис. 5.1; с. 18, рис. 8.1). Два фрагмента придонных частей от разных сосудов украшены рядами подтреугольного накола (рис. 3: 5-6).

Каменная коллекция 2024 года включает в себя 110 предметов из матового кремня различных оттенков серого цвета, а также встречаются артефакты, изготовленные из черного полупрозрачного сырья, но в нижних штыках последние почти не представлены. Сколы, осколки и отщепы составляют 25% от всей коллекции. На двух отщепах и одном сколе фиксируется ретушь. Обнаружено 14 пластин, ширина которых колеблется от 1,0 до 1,7 см. Большая часть пластин, судя по морфологии, скорее отходы производства (включая микропластинку шириной 0,6 и толщиной 0,2 см), чем заготовки для орудий. Пять из них имеют ретушь по одной или двум граням (рис. 5: 34). Примечательно наличие, по сравнению с прошлыми годами, значительного количества изделий со вторичной обработкой. Из 33 скребков 18 являются концевыми: 12 экз. изготовлены на отщепах, 4 экз. на пластинах и 2 экз. на пластинчатых отщепах. Большинство (12 экз.) имеет округлый рабочий край (рис. 5: 9-11; 6:4-5, 9,11,15), но встречаются

Рис. 4. Керамический инвентарь.
Fig. 4. Ceramic inventory.

экземпляры с прямым (рис. 5: 7-8; 6: 21-22) и скошенным (рис.5: 1; 6:7,20) лезвием. Два скребка относятся к конце-боковому типу (рис. 5: 4, 7), а еще два к боковому (рис.5: 40). Пять округлых скребков имеют ретушь по всему периметру (рис. 5: 12-13; 6: 3,10), еще 1 экз. ретуширован на ¾ (рис. 5: 5) и 1 экз. дублированный (рис. 5: 1; 6: 6). Аналогичные типы представлены и среди скребков из подъемного материала (рис. 6: 1-17, 20-22). Необходимо отметить, что заготовки для 20 скребков имеют достаточно большую толщину: от 0,5 до 1,0 см (рис. 5: 2-5; 6:1-6). Выявлено 3 микроскребка, размеры которых составляют от 0,9 до 1,3 см (рис. 5: 12, 16, 17). Их обнаружение подкрепляет вывод, сделанный на основе материалов прежних лет, что такие типы скребков являются органичным компонентом остального комплекса каменного инвентаря эпохи неолита. Выделен скребок стрельчатого типа (рис.6: 13, 14, 16), с выступом (рис. 6: 2), подквадратный (рис. 6: 8). Еще 3 предмета можно отнести к обломкам скребков (рис. 5: 37-38), один из которых стрельчатый (рис. 5: 38). Представлено 8 симметричных перфораторов на пластинах (2 экз.), сколах (2 экз.) и отщепах (4 экз.) (рис. 5: 19-26). Еще один перфоратор происходит из подъемного материала (рис. 6: 18). Выделено 2 ножа (рис. 5: 36; 6: 19), а одно из орудий сочетает признаки ножа и скребка (рис. 5: 39). Один артефакт имеет характерные признаки скобеля (рис. 5: 35). Особенностью коллекции раскопа 2024 года является и большое количество геометрических микролитов. Причем, они сделаны как из матового, так и прозрачного (рис.5: 18,31,41) кремня. Выявлено 11 трапеций, на дорсальной поверхности которых фиксируется плоская ретушь, из-за чего исследователи определяют такой тип микролита как трапецию со струганной спинкой (рис. 5: 26-33). Один из микролитов может быть определен как прямоугольник (рис. 5: 30). Выявлено 7 целых, 3 обломка (рис. 5: 18, 27, 42) и 1 экз. незаконченный экземпляр (рис. 6: 23). Следует отметить, что у большинства микролитов ретушь прослежена на одной или обеих поперечных сторонах брюшка (рис. 5: 28-29, 31-32, 41; 6: 23).

Уникальной находкой является зооморфная подвеска (рис. 7). Заготовкой для украшения послужил фрагмент плоской кости неопреде-

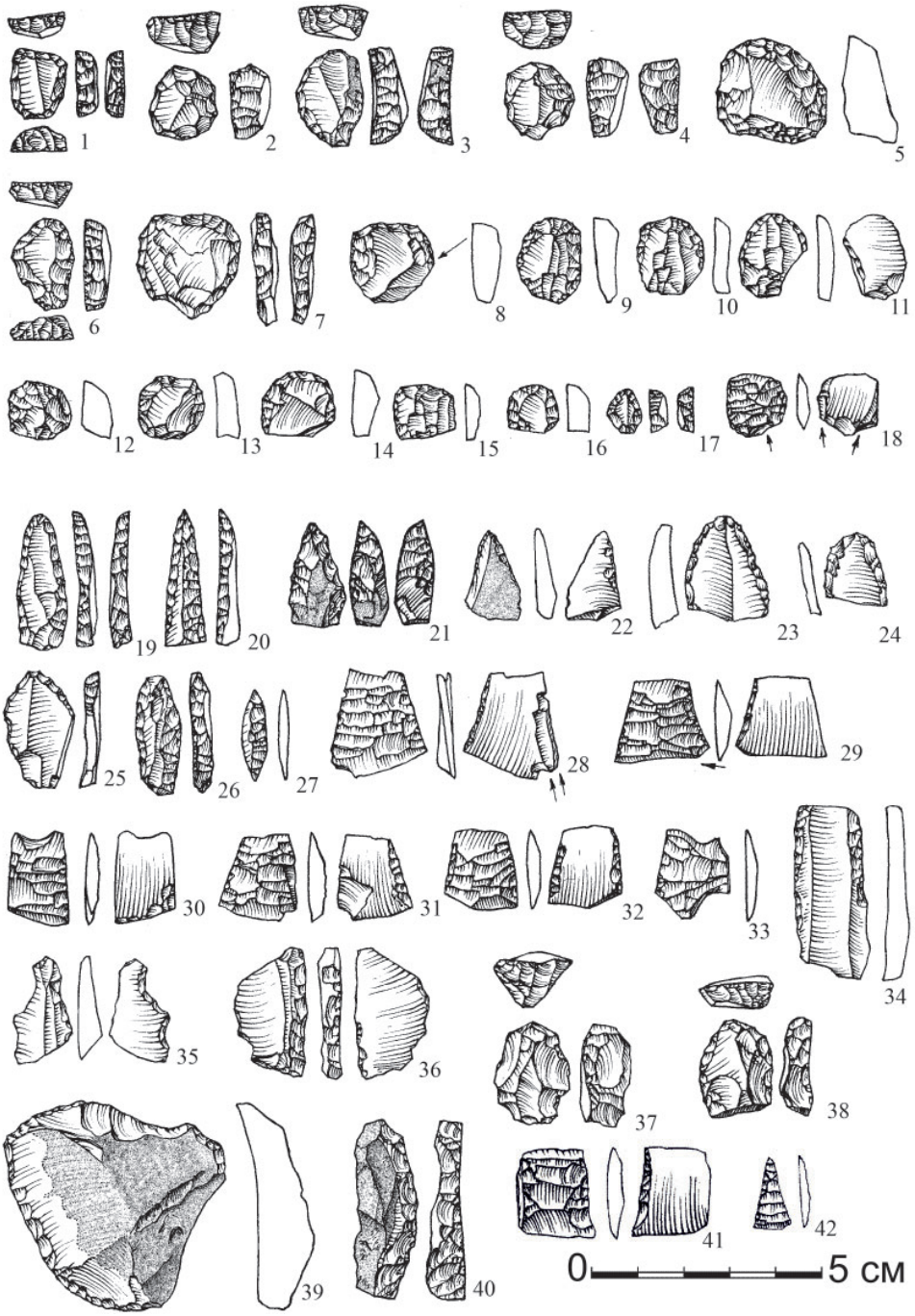

Рис. 5. Каменный инвентарь.
Fig. 5. Stone inventory.

лимого животного. По ее поверхности была произведена разметка. Две выемки под условной «головой» и «хвостом» изготовлены в технике сверления. Линии разметки соединялись с этими отверстиями. По данным линиям были затем прорезаны уже более глубокие пазы, по которым производилось удаление лишних фрагментов. Фаски пазов аккуратно зашлифовывались. Следы этих операций довольно хорошо сохранились на некоторых боковых гранях. В верхней части фигурки просверлено третье отверстие. Сверление во всех случаях осуществлялось сверлом в стержне. По лицевой стороне прорезан сложный геометрический узор, обозначающий треугольником «глаз» и линии «шерсти». По поверхности узора и в порах самой кости просматриваются частички охры. В отверстии для подвешивания, имеющем следы износа, есть небольшая деформация внешнего конту-

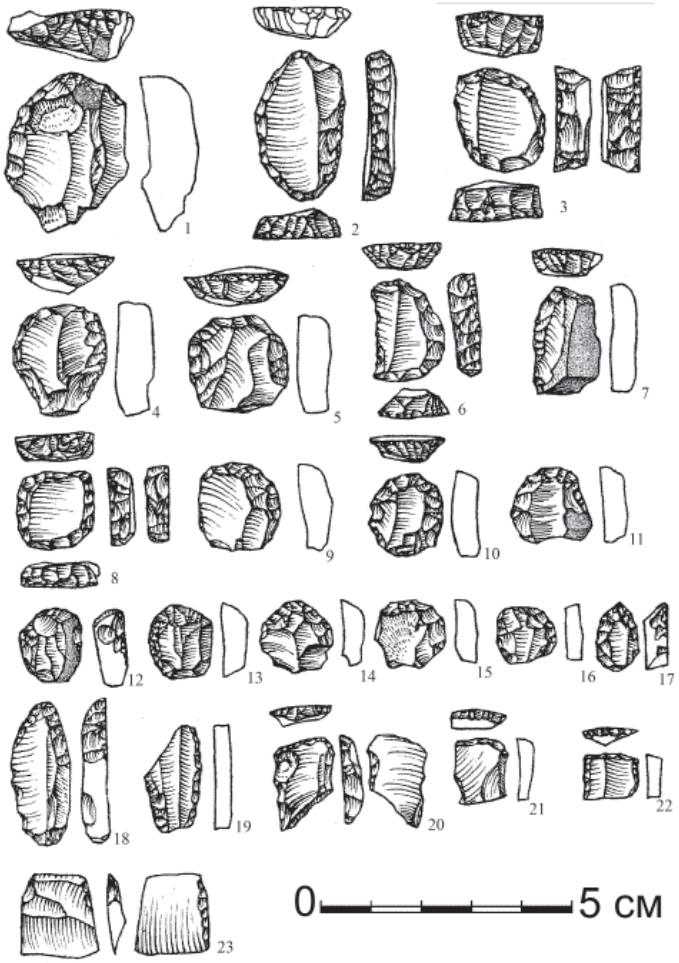

Рис. 6. Подъемный материал стоянки Таскудук.
Fig. 6. Surface finds from the Taskuduk campsite.

ра. Линейные следы от сверления снивелированы[1]. Орнамент на поверхности изделия близок узорам на костяных предметах стоянки Варфоломеевская (Юдин, 2004, с. 104).

Остеологическая коллекция стоянки включает 1247 фрагментов костей животных. По определению Н.В. Росляковой, кости происходят от крупных и средних копытных (99,2%) и корсака (0,5%) (табл. 1). В раскопе также обнаружены единичные фрагменты раковин моллюсков. Необходимо отметить, что наибольшая часть костей сосредоточена в 3-6 пластах. Наличие костей животных и ниже нельзя объяснять их механическим перемещением, так как в 7-9 пластах обнаружены также керамика и каменный инвентарь.

Наиболее многочисленными являются кости сайги и тура. Кости лошадиных, вероятнее всего, все принадлежат кулану, так как экземпляров, достоверно принадлежавших лошади, не выявлено. Для неолитических памятников региона характерно преобладание костей кулана (особенно, на каиршакском этапе неолита Северного Прикаспия) и других крупных и средних копытных. На тентексорском этапе фиксируется увеличение процента тура. К периоду энеолита ситуация меняется и больший процент составляет сайга. Тенденция к увеличению числа костей последней начинает прослеживаться не только на Таскудуке, но и в материалах стоянки Приозерная (Гречкина, Выборнов, 2023, с. 9).

В раскопе 2023 года были обнаружены две кости домашней овцы. Их залегание вне самой насыщенной линзы культурного слоя не позволило при первичной обработке отнести их к основному комплексу стоянки (Дога и др., 2024, с. 211). Кроме того, анализ практически всех известных на сегодняшний день остеологических коллекций неолитических памятников Нижнего Поволжья показал отсутствие признаков домашних животных.

Таблица 1. Видовой и таксономический состав животных на стоянке Таскудук
Table 1. Species and taxonomic composition of animals at the Taskuduk campsite

Обьект/ Вид	**Тур – Bos primigenius**	**Кулан – Equus hemionus**	**Лошадь или кулан – Equus sp.**	**Сайга – Saiga tatatrica**	**Благородный олень – Cervus elaphus**	**Корсак – Vulpes corsac**	**Моллюски**	**Млекопитающие неопределимые крупные**	**Неопределимые**	**Всего**
Пласт 1	10/3	0	1	15/2			1	2		**29**
Пласт 2	12/2	6/1		17/2	2/1					**37**
Пласт 3	26/2	13	1	45/4	1/1			14		**100**
Пласт 4	78/3	48/3	2	103/5	7/1			62	13	**313**
Пласт 5	128/4	45/3	3	102/5	8/1	3/1		56		**345**
Пласт 6	47/2	13/2		32/2	3/1			12	1	**108**
Пласт 7	32/2	10/1		13/2	3/1	1/1		6		**65**
Пласт 8	12/1	4/1		9/2	2/1	2/1		13		**42**
Пласт 9	3/1			2/1				2		**7**
Всего	402	148	14	414	28	6	1	197	14	1224
Всего в %:	**32,6**	**12,2**	**1,2**	**33,8**	**2,2**	**0,5**	**0,3**	**16,0**	**1,1**	100,0

В том числе и на памятниках тентексорского типа Тентексор и Приозерная (Выборнов и др., 2019, с. 361; Гречкина, Выборнов, 2023, с. 9). Для уточнения этого вопроса одна из костей была продатирована на УМС (Выборнов и др., 2024, с. 619). Полученное значение - 6128±45 лет ВР - практически совпадает с одной из дат по прикаспийской культуре - 6100±100 лет ВР (Выборнов и др., 2022, с. 576) и в целом хорошо соотносится со временем бытования этого населения в Северном Прикаспии (Дога, 2024, с. 17). Важно отметить, что появление первых домашних овец в Нижнем Поволжье связано именно с прикаспийской культурой (Выборнов и др., 2016, с. 9-10; Дога, 2024, с. 21). На стоянке Таскудук обнаружены фрагменты от одного сосуда, украшенного оттисками зубчатого штампа в сочетании с овальными наколами (Дога и др., 2023, с. 31). Гребенчатая техника нанесения орнамента впервые фиксируется в регионе на воротничковой посуде прикаспийской культуры (Мелентьев, 1976; Барынкин, Васильев, 1985). Наличие сосудов, сочетающих в себе гребенчатую и накольчатую орнаментацию, может свидетельствовать о взаимодействии между пришлым населением с гребенчатой керамикой и местными тентексорскими племенами. Этот вывод основан не на единичном примере. Подобная посуда синкретичного облика обнаружена в материалах стоянок Курпеже-Молла, Же-калган I и Кадыр-Гали-Стау (Выборнов и др., 2022, с. 576; Барынкин, Васильев, 1985, с. 70). Кроме того, тентексорскую и прикаспийскую керамику сближают меандровые мотивы и композиции в орнаментации посуды.

Рис. 7. Костяная подвеска.
Fig. 7. Bone pendant.

На сегодняшний день по материалам стоянки Таскудук имеется 6 радиоуглеродных дат, полученных, в том числе и на УМС (табл. 2). Первые три даты, порядка 6600 лет ВР, в целом, соотносятся с хроноинтервалом бытования тентексорского типа и совпадают со значениями со стоянки Тентексор (Выборнов и др., 2019, с. 363). С датой по кости овцы совпало значение по зубу кулана из раскопа 2024 года. Выше уже отмечалось, что 6100 лет ВР - время бытования в регионе переходной от неолита к энеолиту прикаспийской культуры. Вполне возможно допустить, что тентексорское население доживало до этого времени, а стоянка Таскудук заселялась неоднократно. В пользу ее более позднего хронологического положения по отношению к остальным тентексорским памятникам может говорить и наличие группы керамики с наплывом на внутренней стороне венчика. Что касается даты 5757 ± 47 лет ВР, то она относится к хвалынскому времени и сильно выбивается из диапазона остальных дат. Уместно напомнить о мнении Е.В. Козина о синхронности хвалынского и тентексорского населения. Оно основано на совпадении споро-пыльцевых спектров стоянки Тентексор и хвалынских памятников Каир-Шак VI и Комбак-Тэ, а также наличии на хвалынской посуде накольчатого орнамента (Козин, 2002, с. 13–14, 25). Однако на стоянках Каир-Шак VI и Комбак-Тэ обнаружены материалы более ранней прикаспийской культуры (Выборнов и др., 2016; Выборнов, Дога, 2024; Васильева, Дога, 2025). Процесс почвообразования на этих памятниках мог начаться в более раннее прикаспийское время, а накольчатый орнамент встречается и в более поздние эпохи (Барынкин, Васильев, 1988, с. 140–141).

Выводы

Раскопки 2024 года стоянки Таскудук в Северном Прикаспии позволили получить новую качественную информацию. На одном из участков памятника обнаружены остатки жилищной конструкции, окончательное исследование которой завершится в наступающем полевом сезоне. Проведенные изыскания позволили не только значительно увеличить количественную выборку посуды тентексорского типа, но и выделить новые типы сосу-

Таблица 2. Радиоуглеродные даты по материалам стоянки Таскудук
Table 2. Radiocarbon dates based on the materials from the Taskuduk campsite

№	BP	cal BC	Лабораторный индекс	Материал
1.	6600 ± 200	2σ 5975 - 5078	SPb_3693	кости животных
2.	6560 ± 150	2σ 5750 - 5213	SPb_4086	кости животных
3.	6635 ± 125	2σ 5762 - 5325	SPb_4169	керамика
4.	6128 ± 45	2σ 5210-4989	GV-05029	кость овцы
5.	6164 ± 33	2 σ 5212-5011	GV-05561	зуб кулана
6.	5757 ± 47	2 σ 4717- 4493	GV-05562	зуб кулана

дов, некоторые из которых весьма своеобразны. Технология изготовления посуды присуща поздненеолитическим стандартам. Кроме того, выявлена керамика позднего неолита, орнаментальные композиции которой близки узорам прикаспийской культуры. Эти данные позволяют разрабатывать вопрос о роли местного населения в формировании керамической традиции энеолита. Многочисленность каменной коллекции памятника позволила ему стать одним из опорных для тентексорских древностей. Доказано сочетание двух разных сортов кремня для изготовления орудий. Технология получения пластин развита слабо. Среди категорий орудий доминируют скребки различных типов, включая стрельчатые, с выступом, боковые, дублированные, округлые и микроскребки. Геометрические микролиты представлены только трапециями со струганной спинкой. Обнаружена первая для позднего неолита Северного Прикаспия костяная подвеска со сверлиной и резным узором. Определение фаунистических остатков выявило доминирование тура и сайги. На позднем (тентексорском) этапе неолита число кулана уменьшается, но увеличивается количество тура. Большое количество радиоуглеродных дат по разным материалам, полученным и на УМС, ставит вопрос о возможном неоднократном заселении территории памятника.

Примечание:

[1] Авторы выражают благодарность А.А. Малютиной за проведенный трасологический анализ.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 58–73.

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв.ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 123–139.

Васильева И.Н., Дога Н.С. Керамический комплекс эпохи энеолита полуострова Мангышлак // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 146–158.

Васильева И.Н., Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф. Новые данные о неолитическом гончарстве Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2023. Т. 5. № 1. С. 137–150.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Кулькова М.А. Новые данные о стоянке Курпеже-Молла в Северном Прикаспии // Oriental Studies. 2022. № 3. С. 572–590.

Выборнов А.А., Дога Н.С., Попов А.С., Кулькова М.А., Ойнонен М. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 6–13.

Выборнов А.А., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum Plus. 2019. № 2. С. 359–368.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А. Миграции в позднем неолите-энеолите Волго-Уралья: археология, хронология, климат // УАВ. 2024. Т. 24. № 4. С. 616–627.

Выборнов А.А., Дога Н.С. Новые данные о стоянке Комбак-тэ в Северном Прикаспии // Oriental Studies. 2024. Vol. 17 (1). С. 110–122.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 6–22.

Дога Н.С. Энеолитизация Нижнего Поволжья. Автореф. Дисс… канд. ист. наук. Самара, 2024. 25 с.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Сомов А.В., Гречкина Т.Ю. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // Поволжская археология. 2023. № 3 (45). С. 25–37.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Рослякова Н.В., Гречкина Т.Ю. Стоянка Таскудук в Северном Прикаспии (предварительные итоги исследования) // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 59–72.

Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. 2002. Ижевск. 27 с.

Мелентьев А.Н. Памятники неолита Сев. Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 13–14.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Информация об авторах:

Дога Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия); natalidoga@yandex.ru.

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Пархомчук Екатерина Васильевна, кандидат химических наук, заведующая лабораторией изотопных исследований «AIsotope» ЦКП "Геохронология кайнозоя", Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия); директор ЦКП "Ускорительная масс-спектрометрия Новосибирского государственного университета - Новосибирского научного центра" (г. Новосибирск, Россия); evparkhom@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Сомов Анатолий Владимирович, старший преподаватель кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия); somov.anatoly@gmail.com.

REFERENCES

Barynkin, P. P., Vasiliev, I. B. 1985. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki na evropeyskoy territorii SSSR (Archaeological sites in the European part of USSR).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 58–73 (in Russian).

Barynkin, P. P., Vasiliev, I. B. 1988. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Cultures of the Northern Cis-Caspian Region).* Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 123–139 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Doga, N. S. 2025. In A*rkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 146–158 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Doga, N. S., Gilyazov, F. F. 2023. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences).* Vol. 5, no. 1, 137–150 (in Russian).

Vybornov, A. A., Vasilieva, I. N., Doga, N. S., Kulkova, M. A. 2022. In *Oriental Studies* (3), 572–590 (in Russian).

Vybornov, A. A., Doga, N. S., Popov, A. S., Kulkova, M. A., Oynonen, M. 2016. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. Seriia 4. History. Area Studies. International Relations)* 3 (21), 6–13 (in Russian).

Vybornov, A. A., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Doga, N. S., Platonov, V. I. In 2019. *Stratum plus,* (2), 359–368 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Kulkova, M. A. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4 (24), 616–627 (in Russian).

Vybornov, A. A., Doga, N. S. 2024. In *Oriental Studies.* 17 (1), 110–122 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A. 2023. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. Seriia 4. History. Area Studies. International Relations)* 4 (28), 7–19 (in Russian).

Doga, N. S. 2024. *Eneolitizatsiya Nizhnego Povolzh'ya (The Eneolithic formation of the Lower Volga region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Samara (in Russian).

Doga, N. S., Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Somov, A. V., Grechkina, T. Yu. 2023. *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 25–37 (in Russian).

Doga, N. S., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A., Vasilieva, I. N., Roslyakova, N. V., Grechkina, T. Yu. 2024. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 59–72 (in Russian).

Kozin, E. V. 2002. *Neolit Severnogo Prikaspiya (Neolithic of the Northern Caspian Basin)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Melent'ev, A. N. 1976. In Medvedev, E. I. (ed.). *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek) (Archaeological Issues of the Volga and Ural Regions (Neolithic and Bronze Age))*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 13–14 (in Russian).

Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

About the Authors:

Doga Natalia S., Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education, Maksima Gor'kogo St., 65, Samara, 443099, Russian Federation; natalidoga@yandex.ru.

Vybornov Aleksandr A., Doctor of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St. 65/67, 443099, Samara, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Parkhomchuk Ekaterina V., Candidate of Chemical Sciences, Laboratory of isotope research «AIsotope» Core Facilities Center “Cenozoic Geochronology” at the Institute of Archaeology & Ethnography Russian Academy of Sciences, Siberian Branch. Akademika Lavrentieva ave. 17, 630090, Novosibirsk, Russian Federation; Head of the radiocarbon laboratory "AMS Golden Valley", Novosibirsk State University - Novosibirsk Scientific Center. Pirogov, str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; evparkhom@yandex.ru

Kulkova Marianna A., Doctor of Geological-Geochemical Sciences. Herzen State Pedagogical University, nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru

Somov Anatoly V., Senior lecturer, Samara State University of Social Sciences and Education, Maksima Gor'kogo St., 65, Samara, 443099, Russian Federation; somov.anatoly@gmail.com.

Статья поступила в журнал 12.05.2025 г.
Статья принята к публикации 30.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.05 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.58.72

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ЗАПАДНОМ ПРИБЕЛОМОРЬЕ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ[1]

© 2025 г. А.М. Жульников

В статье представлены результаты изучения материалов энеолитических погребений, выявленных в 70-е годы XX века в Западном Прибеломорье в ходе исследований трех древних поселений с разновременными комплексами находок. Анализ полученных данных, проведенный путем привлечения широкого круга аналогий с археологических памятников, датированных радиоуглеродным методом, позволил не только уточнить возраст захоронений, но и установить их принадлежность к определенным культурам (комплексам энеолитической керамики), известным на территории региона. Большая часть погребального инвентаря, обнаруженная в энеолитических захоронениях Западного Прибеломорья, видимо, получена путем обмена с населением Прионежья (изделия из сланца (метатуфа)), Южного Прибеломорья (орудия из кремня), Юго-Восточной Прибалтики (украшения из янтаря).

Ключевые слова: археология, погребение, энеолит, культура ромбоямочной керамики, пористая керамика типа Залавруга, Белое море

ENEOLITHIC BURIALS IN THE WESTERN WHITE SEA REGION: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION[2]

A.M. Zhulnikov

The article deals with the results of studying the materials of the Eneolithic burials discovered in the 70s of the XX century in the Western White Sea region during the research of three ancient settlements containing finds from different periods. The analysis of the data obtained, conducted by drawing a wide range of analogies from archaeological sites dated by the radiocarbon method, allowed not only to clarify the age of the burials, but also to determine their attribution to specific cultures (Eneolithic ceramic assemblages) known in the region. Most of the grave goods found in the Eneolithic burials of the Western White Sea region were apparently obtained through exchange with the population of the Lake Onegs region (items made of slate (metatuff)), the Southern White Sea region (flint tools), the Southeastern Baltic (jewelry made of amber).

Keywords: archaeology, burial, Neolithic, rhomb-pit ware culture, porous ware of the Zalavruga type, White Sea

Введение

В бассейне Белого моря на данный момент известно 18 могильников и одиночных погребений, датируемых от V до II тыс. до н. э. Несмотря на наличие серии опубликованных работ, посвященных отдельным аспектам изучения нео-энеолитических захоронений, исследованных на территории Прибеломорья, материалы ряда могильников и одиночных погребений в имеющееся археологической литературе представлены далеко не полно, что существенно затрудняет изучение погребальных обрядов древнего населения региона.

Основная цель данного исследования - публикация материалов погребений, обнаруженных в Западном Прибеломорье в 70-е годы XX века, уточнение данных об их хронологии, установление их связи с энеолитическими культурами Восточной Фенноскандии и сопредельных регионов. В ходе изучения имеющихся коллекций и архивных данных удалось получить дополнительные сведения о планиграфии и стратиграфии погребений, о составе и морфологии погребального инвентаря, о контексте захоронений (иные находки и планиграфические структуры на поселениях с погребениями).

Определение возраста захоронений и установление их принадлежности к археологической культуре (комплексу керамики опреде-

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения госконтракта по плановой научной теме сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

[2] The research was carried out as part of the implementation of a state contract on a planned scientific topic of the archeology and history sector of the KarSC RAS.

ленного типа) велось путем поиска аналогий погребальному инвентарю в материалах поселений и могильников, датированных в последние десятилетия радиоуглеродным методом. Кроме того, при решении задачи уточнения хронологии погребений, были учтены недавно опубликованные сведения об изменениях в голоцене береговой линии побережья Белого моря в северной части Кандалакшского залива.

В данной статье впервые представлены полные сведения о составе инвентаря предполагаемого одиночного (?) погребения на стоянке Путкинская I, о планиграфии и стратиграфии энеолитического захоронения на поселении Нива X, об особенностях залегания и составе находок в грунтовых могилах на стоянке Нива XII.

Материалы

*Одиночное (?) захоронение на стоянке Путкинская I.*В 1964 году известному карельскому археологу Г.А. Панкрушеву была передана коллекция находок, собранная строителями Путкинской ГЭС на правом берегу р. Кемь. «Клад» состоял из кинжала и наконечника дротика из кремня, трех каменных и девяти янтарных украшений. Г.А. Панкрушев в своем отчете отмечает, что многие вещи из «клада» были утрачены еще до приезда археолога (Панкрушев, 1964). Выезд исследователя на место находки «клада» показал, что на месте его обнаружения находится разрушенная строительными работами стоянка, на которой в 1964–1965 годах были проведены сборы подъемного материала и зачистки сохранившихся участков культурного слоя. Стратиграфия стоянки: дерн (6–10 см); ярко-красный песок (5–15 см); линзы желтого песка (до 5–10 см); скала – подстилающий слой. Полученные в ходе сборов находки: 63 крупных и 32 мелких фрагмента лепной керамики, кварцитовая заготовка перфорированного валуна с незаконченным отверстием, четыре обломка сланцевых шлифованных орудий, обломок сланцевой шлифовальной плиты, 20 кварцевых скребков, девять кремневых скребков, два кремневых ножа, два обломка кремневых наконечников стрел, кремневая проколка, кремневый отщеп с ретушью, обломок точильного бруска из песчаника, пила и обломок пилы из кварцита, кварцевый отбойник, кварцевое скребло, семь кварцевых резцов, отщепы из кварца (512), кремня (25), кварцита (4), кальцинированная косточка. Керамика со стоянки принадлежит минимум девяти позднеолитическим сосудам с ямочно-гребенчатой орнаментацией и трем раннеэнеолитическим сосудам ромбоямочного типа. По аналогиям в керамике стоянка относится к последней четверти V тыс. до н. э. – первой половине IV тыс. до н. э. Состав находок, обнаруженных в ходе сборов на разрушенной стоянке, не имеет ничего общего с характером изделий из «клада», собранного строителями на этом участке берега реки.

В последующие годы скопление янтарных и каменных предметов со стоянки Путкинская определялось в научных трудах первоначально как «клад» (Панкрушев, 1978, с. 20), а в последующем как инвентарь из разрушенного погребения (Жульников, 2023). Кроме того, в фондах Кемского краеведческого музея мною были выявлены фрагменты минимум от двух янтарных подвесок (рис. 3: 8, 9), найденных строителями в 1964 году у Путкинской ГЭС. Видимо, эти предметы также входят в состав инвентаря предполагаемого разрушенного погребения (погребений?).

На данный момент, коллекция, поступившая от строителей ГЭС в фонды ИЯЛИ КарНЦ и Кемского краеведческого музея, состоит минимум из 18 изделий: кремневого наконечника дротика (рис. 2: 2), кремневого кинжала (рис. 2: 4), трех сланцевых колец (одного целого (рис. 2: 6), трех обломков от двух колец (рис. 2: 1, 3)), подвески из желтого яшмовидного камня (рис. 2: 5), 12 янтарных украшений (целых и обломков): кольцо, обломок кольца, 10 подвесок (рис. 3). К сожалению, некоторые янтарные украшения, после передачи их на музейное хранение, сильно растрескались, поэтому в настоящей публикации, помимо фотографий, использованы рисунки, выполненные И.В. Хеглунд в 70-е годы, сразу после поступления находок на изучение в ИЯЛИ Карельского филиала Академии наук СССР. В рассматриваемой коллекции имеется два небольших обломка, видимо, янтарных подвесок, принадлежность которых к иным вышеуказанным украшениям установить не удалось.

*Погребение на поселении Нива X.*В древности стоянка, где была обнаружена грунтовая могила, располагалась на берегу узкого Кандалакшского залива Белого моря неподалеку от устья реки Нива, на ее левом берегу (рис. 1). Высота памятника над уровнем моря

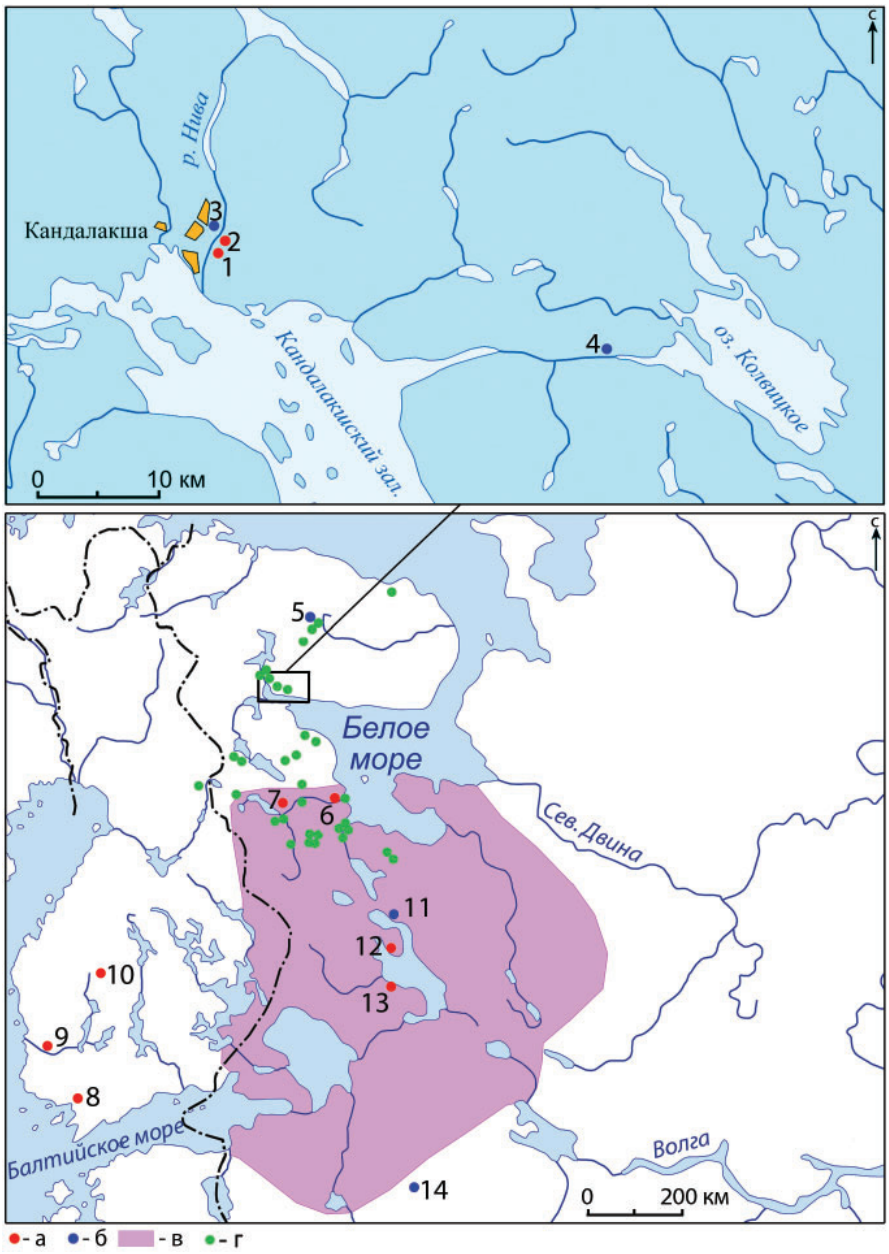

Рис. 1. Местонахождение энеолитических погребений в западной и северо-западной частях Прибеломорья. а – энеолитические могильники и одиночные погребения; б – стоянки, упоминаемые в данной статье; в – территория, на которой встречаются серии сосудов ромбоямочной керамики (типа Пегрема I и т. п.); г – стоянки с керамикой типа Залавруга. 1 – Нива X; 2 – Нива XII; 3 – Нива III; 4 – Колвица X; 5 – Мыс Семерка; 6 – Путкинская I; 7 – Коштомуш I; 8 – Куккаркоски I; 9 – Колмхаара; 10 – Хартикка; 11 – Черная Губа IX; 12 – Букольников 1; 13 – Деревянное XI; 14 – Репище

Fig. 1. Location of Eneolithic burials in the western and northwestern parts of the White Sea region. а – Eneolithic burials and and individual burials; б – campsites mentioned in this paper; в –area where series of rhomb-pit pottery (Pegrema I type, etc.) are found; г – campsites with ceramics of the Zalavruga type. 1 – Niva X; 2 – Niva XII; 3 – Niva III; 4 – Kolvitsa X; 5 – Mys Semerka; 6 – Putkinskaya I; 7 – Kostomush I; 8 – Kukkarkoski I; 9 – Kolmhaara; 10 – Hartikka; 11 – Chyornaya Guba IX; 12 – Bukolnikov 1; 13 – Derevyannoe XI; 14 – Repishche

составляет 34,1 м. На стоянке Ю.В. Титовым и П.Э. Песонен в 1972–1974 годах исследовано 500 кв. м. На территории поселения имелось четыре жилищных впадины: № 1 – 6×6,5 м, глубиной 0,65 м; № 2 – 5×10 м, № 3 – 3×3 м; № 4 – 4×4 м. На месте расположения одной из впадин была раскопана часть полуземляночного жилища с пористой гребенчато-ямочной керамикой типа Залавруга, а за пределами впадины обнаружена каменная кладка неясного назначения с мелкими костями, выявлены каменные очаги и многочисленные

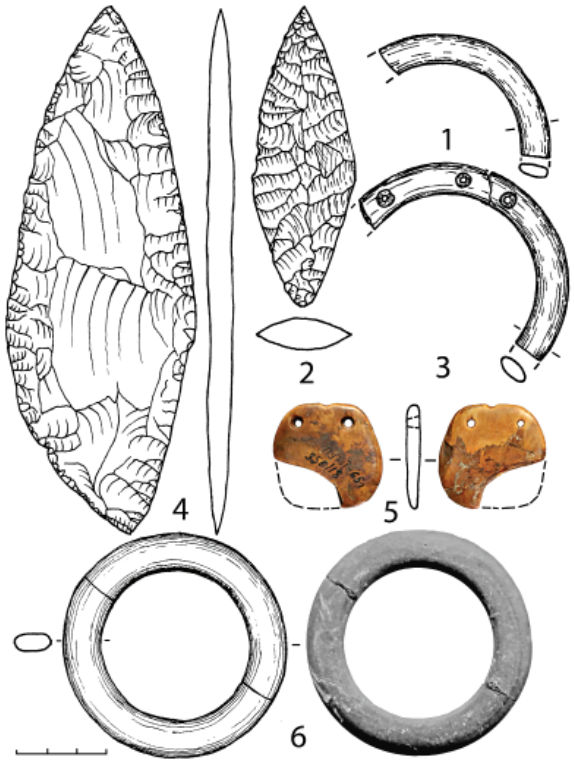

Рис. 2. Каменный инвентарь из погребения на стоянке Путкинская I. 1, 3 – обломки сланцевых колец; 2 – кремневый наконечник дротика; 4 – кремневый кинжал; 5 – подвеска из желтоватого роговика или яшмовидного камня; 6 – сланцевое кольцо

Fig. 2. Stone inventory from a burial at the Putkinskaya I campsite. 1, 3 – fragments of slate rings; 2 – flint javelin-head; 4 – flint dagger; 5 – pendant made of yellowish hornfels or jasper-like stone; 6 – slate ring

кострища, насыщенные кальцинированными костями. В коллекции, собранной на стоянке (всего 2780 предметов), имеются фрагменты от двух сосудов с ромбоямочной орнаментацией (рис. 6: 1–11) и минимум от 11 сосудов пористой гребенчато-ямочной керамики типа Залавруга, сведения о которых были опубликованы автором ранее в отдельной статье (Жульников, 2007). В каменном инвентаре стоянки преобладают орудия из кварца (скребки, резцы, ножи, отщепы со следами работы и т. п.) и отходы их производства (нуклеусы и отщепы). Кремневые наконечники стрел и дротиков, собранные в раскопе на поселении, имеют листовидную форму (Аськеев и др., 2024, рис. 13-15). На стоянке найдено три сланцевых угловых ножа для снятия шкур, которые соотносятся с комплексом керамики типа Залавруга (Жульников, 2007).

В 1972 году ниже культурного слоя стоянки выявлена грунтовая могила, в которой найдено семь изделий из сланца (Титов, 1973; Песонен, 1977). Погребение обнаружено под культурным слоем вплотную к котловану жилища с керамикой типа Залавруга (рис. 4). Размеры могильной ямы составляют 60–70×180 см, размеры охристой линзы несколько меньше – 40×150 см. Глубина ямы от уровня материка – 30–35 см. В верхней части погребения имелась прослойка почти стерильного песка (10–15 см), ниже которой наблюдалась заполнение в виде темно-желтого песка с небольшой примесью угольков и золы, с несколькими мелкими кальцинированными косточками. В нижней части погребения выявлена линза темно-красного охристого песка толщиной 3–5 см (рис. 4). В слое охры у южного края погребения найдены остатки человеческих зубов. В 80 см от южного края ямы, в охристой линзе, рядом с крупным валуном естественного происхождения, найдено скопление из семи сланцевых предметов: заготовка тесла (рис. 5: 4), заготовка стамески или небольшого тесла (рис. 5: 6), два желобчатых долота (рис. 5: 1, 2), две заготовки рубящих орудий (рис. 5: 3, 5), уплощенное кольцо (рис. 5: 7). На заготовках тесла и стамески имеются признаки шлифовки плоских граней. П.Э. Песонен отмечает в отчете, что погребение прорезает котлован полуземляночного жилища, однако, исходя из имеющихся планов и стратиграфических разрезов (рис. 4), это наблюдение не представляется очевидным, поскольку поверх могильной ямы, в ее южной части, наблюдалось скопление валунов (рис. 4), которое окружает с наружной стороны котлован полуземлянки и, видимо, является выбросом из него.

Могильник на стоянке Нива XII. Стоянка Нива XII исследовалась П.Э. Песонен в 1972 г. (Песонен, 1977, 1980). Находится на левом берегу р. Нива (рис. 1) на высоте 40,5 м над уровнем моря. Раскопом 192 кв. м вскрыта большая часть культурного слоя стоянки. Основной комплекс здесь образуют раннеэнеолитические артефакты, связанные с керамикой типа Сяр и сперрингс. Помимо этих типов керамики в раскопе встречены 20 фрагментов от минимум четырех энеолитических сосудов с примесью асбеста и органики (рис. 8: 1–3, 5), венчик сосуда раннего железного века. Наличие разновременных находок на стоянке свидетельствует о ее неоднократном заселении, начиная с неолита. В восточной части раскопа расчищено три могильных ямы,

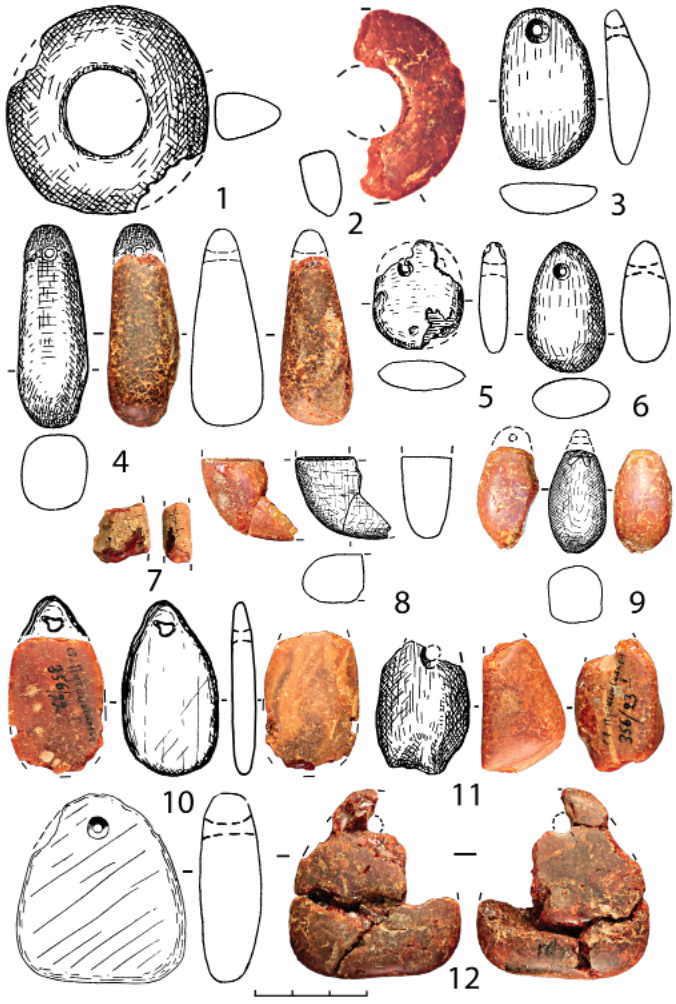

Рис. 3. Янтарные украшения из погребения на стоянке Путкинская I. 1 – кольцо; 2 – обломок кольца; 3–12 – подвески и их обломки. Фото А. М. Жульникова
Fig. 3. Amber jewelry from the burial at the Putkinskaya I campsite. 1 – ring; 2 – ring fragment; 3–12 – pendants and their fragments. Photo by A. M. Zhulnikov

заполненных охристым песком, перекрытых стерильной прослойкой. К югу от могильной ямы № 3 обнаружена четвертая яма (№ 4), также заполненная охристым песком, частично разрушенная крупным деревом. П.Э. Песонен предполагает, что и эта яма является остатками могилы (Песонен, 1980, с. 42–43), с чем следует согласиться, поскольку ямы № 3 и 4 имеют сходные размеры и глубину, расположены рядом, параллельно друг другу. Края ям наблюдались на фоне светло-желтого материкового песка. Могильные ямы ориентированы запад-восток, параллельно долине ручья, впадающего в реку Нива.

Яма № 1 имела размеры 70×140 см, глубину от уровня материка 40 см. В заполнении встречены фрагменты керамики типа сперрингс, кальцинированные косточки, обломки сланцевого орудия и шлифовальной плиты, кварцевые отщепы.

Яма № 2 – 70×160 см, глубина от уровня материка 40 см. В заполнении найдены фрагменты керамики типа сперрингс, кальцинированные косточки, кварцевые отщепы и скребок.

Яма № 3 – 60×140 см, глубиной до 30 см от уровня материка. В заполнении могилы встречены фрагменты керамики типа сперрингс. В восточном конце на дне прослежена зольно-углистая линза, в которой найдена керамическая трубочка (рис. 7).

Яма № 4 – 35–55×160 см, глубиной до 30 см от уровня материка. В ней найдены фрагменты керамики типа сперрингс и кварцевые изделия.

В заполнении всех четырех могильных ям встречены фрагменты от одного сосуда типа

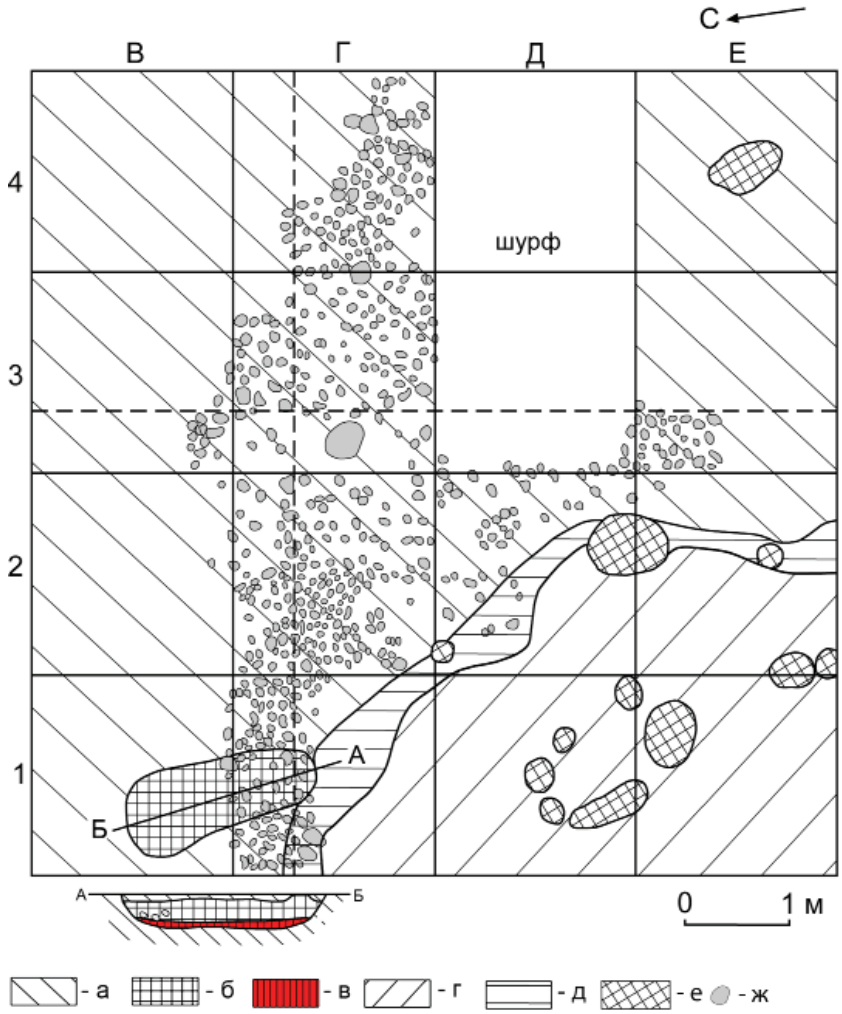

Рис. 4. План и профиль одиночного захоронения в раскопе на стоянке Нива X. а – светло-желтый песок; б – песок с золой и мелкими угольками (верхняя часть заполнения могильной ямы); в – охристый песок; г – коричневый песок; д – углистый или красноватый песок; е – заполнение хозяйственных ям; ж – валун

Fig. 4. Plan and profile of a individual burial in an excavation area at the Niva X campsite. а – light yellow sand; б – sand with ash and small coals (upper part of the burial pit filling); в – ochrish sand; г – brown sand; д – carbonaceous or reddish sand; е – filling of household pits; ж – boulder

сперрингс с прочерченным орнаментом, что дало основание П.Э. Песонен отнести исследованные захоронения к раннему неолиту (Песонен, 1980, с. 43–46). Фрагменты от этого же сосуда, как отмечает исследователь, встречены и в небольших ямках, расположенных неподалеку от могил. Вполне очевидно, что обнаруженные в засыпке нескольких ям, включая могильные, фрагменты от одного сосуда, кальцинированные косточки животных и т. п. не могут являться погребальным инвентарем. Наличие в захоронениях подобных находок, явно происходящих из культурного слоя, косвенно указывает на то, что погребальный обряд, включающий создание могильной ямы и ее засыпка, был совершен на культурном слое поселения ранненеолитического возраста, а не до появления здесь поселения, как предполагала П.Э. Песонен (1980, с. 43).

Единственной находкой, которую в захоронениях на Ниве XII достаточно уверенно можно отнести к погребальному инвентарю, является керамическая трубочка-пронизка, обнаруженная у дна могилы № 3 (рис. 8: 4).

Хронология погребений и их возможная культурная принадлежность

Путкинская I. Принадлежность к погребальному инвентарю «клада» изделий со стоянки Путкинская I не вызывает сомнений, поскольку его состав и морфология изделий имеет многочисленные аналогии в материалах исследованных в восточной части бассей-

на Балтийского моря поздненеолитических – раннеэнеолитических могильников.

Наиболее близкая аналогия инвентарю из предполагаемого погребения на Путкинской I наблюдается в материалах могильников Куккаркоски I, Колмхаара, Хартикка исследованных на территории Финляндии (рис. 1) (Edgren, 1960; Torvinen, 1979; Ahola, 2019; Ahola et al., 2025). Сходство наблюдается в облике янтарных украшений (массивные подвески, в том числе с двумя отверстиями для подвешивания), наличии в составе инвентаря сланцевых колец с овально-уплощенным сечением, кремневых наконечников дротиков листовидной формы, кремневых ножей-кинжалов. Могильники Куккаркоски I, Колмхаара Хартикка оставлены населением с типичной гребенчато-ямочной керамикой, датируемой по радиоуглеродным данным периодом 3900–3500 calBC (Ahola et al., 2025). Примечательно, что в Западном Прибеломорье типичная гребенчато-ямочная керамика не представлена.

Единственный раннеэнеолитический могильник на территории Карелии, уверенно связываемый с комплексом ромбоямочной керамики, был исследован И.В. Мельниковым на острове Букольников 1 на территории Заонежья (рис. 1). Погребальный инвентарь обнаружен в двух могильных ямах (она из них сохранилась полностью, вторая наполовину разрушена карьером) с охристым заполнением, остатками костного тлена и бересты: янтарное кольцо округлого сечения, янтарная нашивка с двумя отверстиями на противоположных концах, две сланцевых подвески с отверстиями, кремневый наконечник стрелы листовидной формы, обломок кремневого наконечника дротика, лидитовый скребок. По бересте из погребения 1 получена радиоуглеродная дата: 4740± 60(ЛЕ-9391) (Мельников, 2022), что вполне определенно указывает на принадлежность могильника к культуре ромбоямочной керамике. Примечательно, что ромбоямочная керамика в раскопе на территории могильника не обнаружена, зато представлены иные хронологические комплексы: среднего неолита (ямочно-гребенчатая керамика) и позднего энеолита (асбестовая керамика). В составе и морфологии находок могильника Букольников 1 и из одиночного (?) захоронения Путкинская I обнаруживается некоторое сходство (сланцевые подвески, массивные янтарные кольца, кремневые листовидные наконечники метательного вооружения), что указывает на их хронологическую близость.

На стоянке Черная Губа IX, исследованной И.Ф. Витенковой на северном побережье Онежского озера (рис. 1), обнаружен набор украшений, разрозненно залегавших в культурном слое, которые по ряду параметров, напоминают изделия с Путкинской I. На стоянке найдено два уплощенных сланцевых кольца, две подвески с отверстиями из яшмовидного желтоватого камня, янтарная крупная подвеска с двумя отверстиями в верхней части (Витенкова, 2002, рис. 48: 21–24; 50). Эти украшения, по данным исследователя, связаны с комплексом гребенчато-ямочной керамики, которая на территории Карелии синхронна ромбоямочной посуде, датируемой по радиоуглеродным данным первой половиной – началом второй половины IV тыс. до н. э. (Тарасов, Хорошун, 2016, с. 374). Сланцевые уплощенные кольца, найденные на Путкинской I, обычны на стоянках с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой на территории Карелии, а в более позднее время, во второй половине IV тыс. до н. э., населением с пористой и асбестовой керамикой они уже не использовались. Не известны сланцевые кольца и на стоянках Карелии с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой, финал бытования которой по совокупности имеющихся радиоуглеродных дат относится к концу V тыс. до н. э. (Тарасов, Хорошун, 2016, с. 373). Поскольку на раннеэнеолитических стоянках Прибеломорья, в отличие от Прионежья, не известны заготовки сланцевых колец и отходы их производства, то, скорее всего, эти украшения, как кремневые и янтарные изделия, на север Карелии поступали путем обмена.

Подвески с просверленными отверстиями из кусков янтаря случайной формы, имеющие аналогии среди украшений на Путкинской I, были обнаружены М.П. Зиминой в слое торфяника со средненеолитической ямочно-гребенчатой керамикой на стоянке Репище I (Зимина, 1993, с. 71–73).

В начале второй половины IV тыс. до н. э. на территории Карелии ромбоямочная и типичная гребенчато-ямочная посуда сменяется асбестовой и пористой керамикой типов Войнаволок и Оровнаволок (Жульников, Тарасов, 2021). Изделия из предполага-

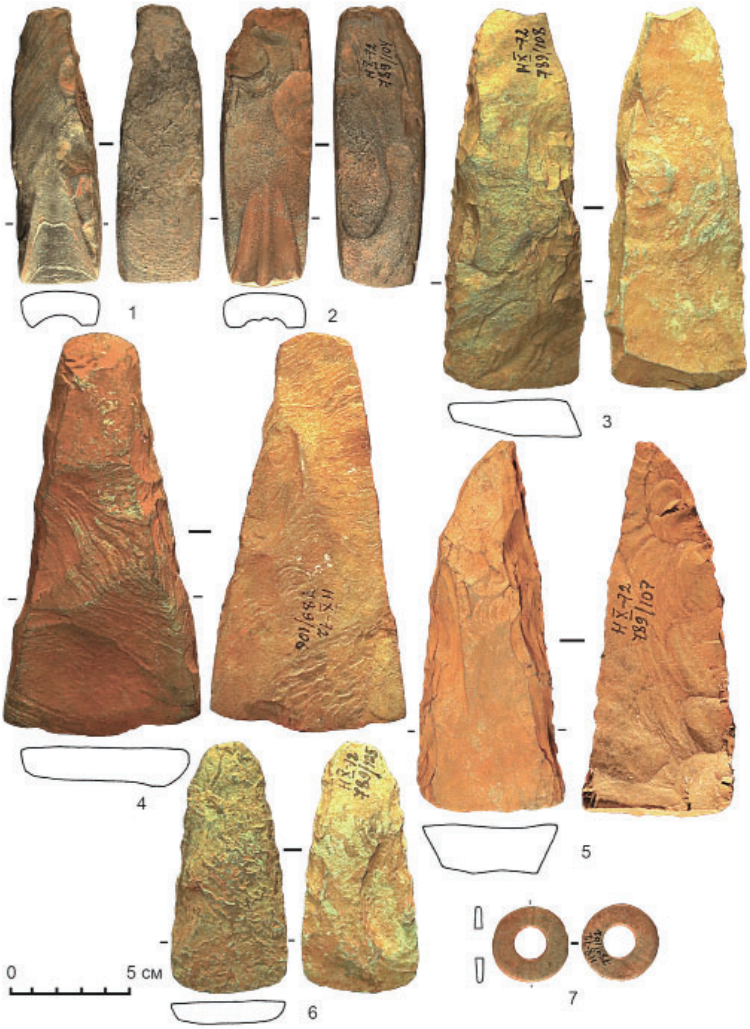

Рис. 5. Сланцевый инвентарь из погребения на стоянке Нива X. 1–2 – желобчатые долота; 3, 5 – заготовки рубящих орудий; 4 – тесло (заготовка?); 6 – стамеска (заготовка?); 7 – кольцо. Фото А. М. Жульникова
Fig. 5. Slate inventory from a burial at the Niva X campsite. 1–2 – fluted chisels; 3, 5 – blanks for chopping tools; 4 – adze (blank?); 6 – chisel (blank?); 7 – ring. Photo by A. M. Zhulnikov

емого погребения на Путкинской I не характерны для могильников Восточной Европы, оставленных энеолитическим населением с асбестовой и пористой керамикой. На этой территории, видимо, с третей четверти IVтыс. до н. э., из состава погребального инвентаря исчезают сланцевые кольца, в могилах часто встречаются удлиненные кремневые иволистные наконечники стрел, янтарные плоские подвески и пуговицы-нашивки с V-образным сверлением, в некоторых захоронениях обнаружены янтарные пронизи и кольца (Костылева, Уткин, 2010; Ошибкина, 2022; Иванищева, 2022; Жульников 2023, Жульников и др. 2025).

Датировка комплекса инвентаря из разрушенного погребения на стоянке Путкинская I не выходит за рамки первой половины IV тыс. до н. э., а с учетом довольно архаичного облика ряда янтарных украшений (массивные кольца треугольного сечения, подвески с отверстиями, изготовленные из почти не подвергнутых обработке кусков солнечного камня) – ближе к рубежу V – IV тыс. до н. э. Одно или, возможно, несколько погребений на стоянке Путкинская I, видимо, оставлены населением с ромбоямочной керамикой, относятся к переходному от неолита к энеолиту времени.

Нива X. Терраса, на которой расположена стоянка, судя по графику изменения береговой линии моря в районе города Кандалакши, составленного по палеогеографическим данным (Kolka, Korsakova, 2012), стала

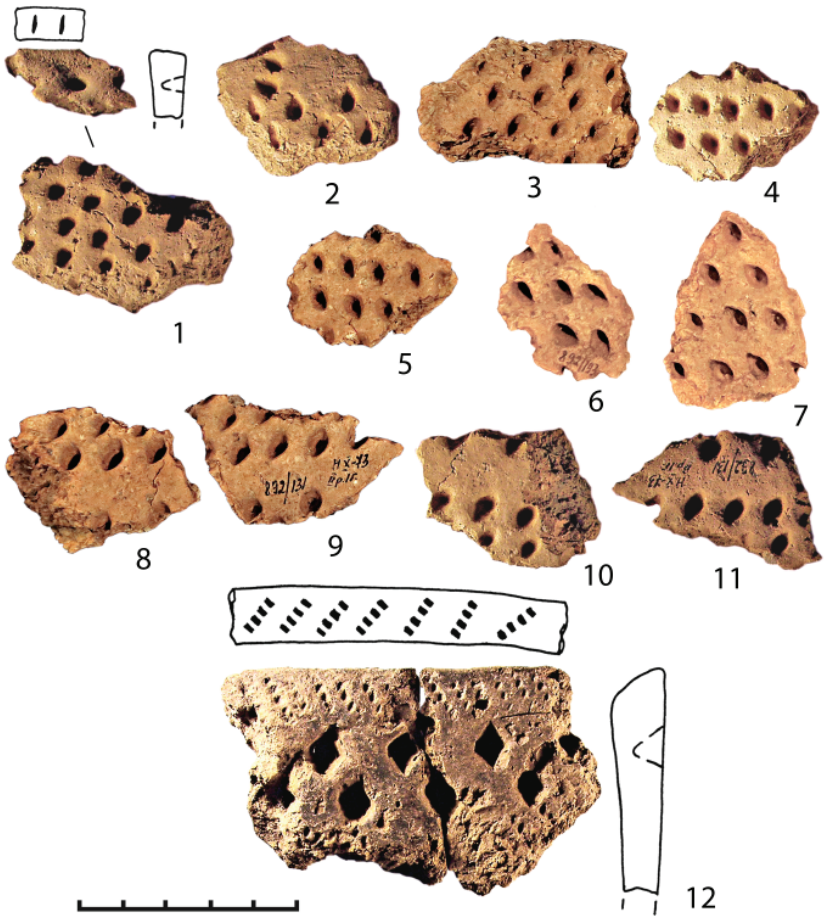

Рис. 6. Ромбоямочная керамика со стоянок Нива X (1–11) и Мыс Семерка I-II (12). Фото А. М. Жульникова
Fig. 6. Rhomb-pit pottery from the Niva X (1-11) and Mys Semerka I-II (12) campsites. Photo by A.M. Zhulnikov

пригодной для заселения и совершения захоронений в начале IV тыс. до н. э. (рис. 9). Верхняя хронологическая граница могилы, обнаруженной на поселении, уверенно устанавливается по сланцевому кольцу, входящего в состав погребального инвентаря – подобные украшения, как уже было отмечено, не встречаются на поселениях Карелии позднее начала первой половины IV тыс. до н. э. Орудия и их заготовки, найденные в могиле, имеют в сечении подпрямоугольную форму, что отличает их рубящих орудий русско-карельского типа с треугольным или трапецевидным сечением. Изделия русско-карельского типа получают распространение на большей части Карелии и территории сопредельных регионов начиная с середины IV тыс. до н. э. (Тарасов, 2022), однако подобные рубящие орудия пока не известны на исследованных раскопками поселениях с керамикой типа Залавруга.

Поскольку в составе инвентаря энеолитических могильников Восточной Европы преобладают изделия, полученные путем обмена (Жульников, 2023), то определение культурной принадлежности погребений этого времени всегда вызывает существенные затруднения. Начальный этап заселения стоянки Нива X, судя по находкам ромбоямочной керамики, относится к первой половине IV тыс. до н. э. Эта стоянка, судя по данным планиграфии и составу находок, наиболее активно посещалась населением с пористой гребенчато-ямочной керамикой типа Залавруга, датируемой по радиоуглеродным данным в юго-западной части Прибеломорья третьей четвертью IV тыс. до н. э. (Жульников, Тарасов, 2021). Однако, тип Залавруга в северной части Карелии и на Кольском полуострове мог сформироваться как локальная традиция и до середины IV тыс. до н.э., поскольку находки ромбоямочной керамики здесь единичны. Области распространения этих типов пространственно пересекаются только в юго-западной части Прибеломорья (рис. 1), поэтому следует

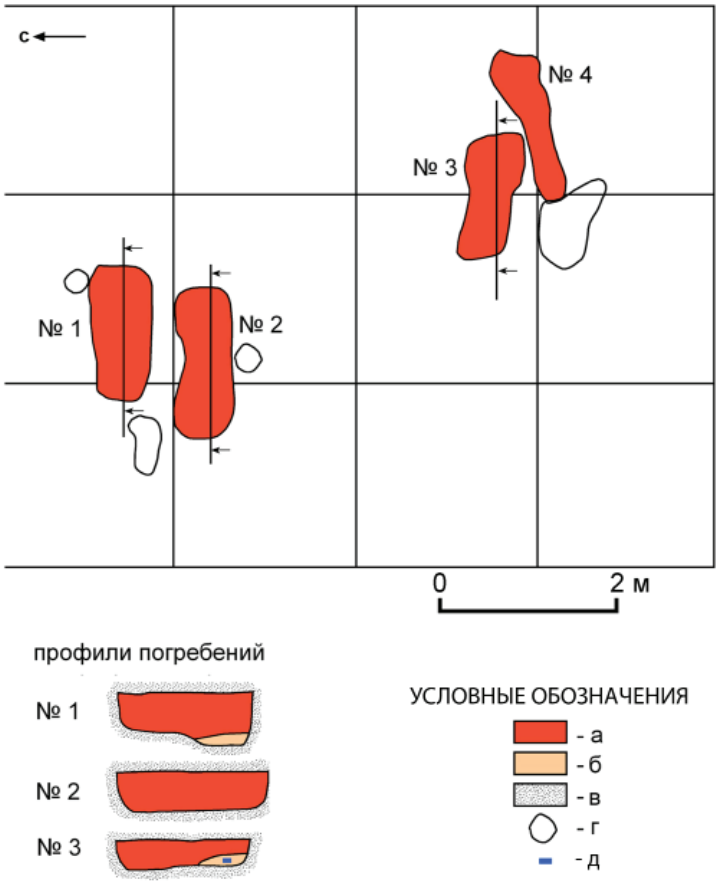

Рис. 7. План могильника в раскопе на стоянке Нива XII. а – охристый красный песок; б – зольно-углистый песок; в – светло-желтый песок; г – хозяйственная яма; д – керамическая пронизка

Fig. 7. Plan of the burial ground in the excavation area at the Niva XII campsite. а – ochrish red sand; б – ash-coal sand; в – light yellow sand; г – household pit; д – ceramic bead wuth hole

полагать, что в определенный исторический момент ромбоямочная керамика и посуда типа Залавруга могли развиваться синхронно. К северу от бассейна реки Кемь, в северо-западной части Прибеломорья и на Кольском полуострове, известно всего два археологических памятника, где найдена ромбоямочная керамика: Нива X и Мыс Семерка (рис. 1). Фрагмент венчика сосуда ромбоямочной керамики, найденный на стоянке Мыс Семерка (рис. 6: 12), имеет пористую структуру (пух и раковина?), нехарактерную для этого типа. Примесь раковины, распознаваемая по специфическим следам на разломах фрагментов посуды, доминирует в гребенчато-ямочной керамике типа Залавруга, широко представленной в западном Прибеломорье и на Кольском полуострове (рис. 1). Сосуд с ромбоямочным орнаментом и пористой структурой с Мыса Семерка, по особенностям его технологии следует отнести к разряду гибридных, что указывает на возможное синхронное бытование в определенный исторический период керамики типов Залавруга и ромбоямочной. Примечательно, что на стоянке Мыс Семерка имеется довольно многочисленный комплекс керамики типа Залавруга, здесь же в раскопе был обнаружен обломок сланцевого кольца с уплощенно-овальным сечением (Гурина, 1997, рис. 45: 17).

Погребение на стоянке Нива X, судя по немногочисленности находок из культурного слоя в заполнении могильной ямы, могло появиться на начальной стадии заселения этого участка берега морского залива. Оно могло быть оставлено в начале первой половины IV тыс. до н. э. как населением с ромбоямочной керамикой, отдельные группы которого могли проникать в северную часть Кандалакшского залива, так и аборигенными группами охотников-рыболовов на морского зверя (Аськеев и др., 2024) с керамикой типа Залавруга.

Изделия из погребения на стоянке Нива X, несмотря на их неоднократную очистку для рисования и фотографирования, сохранили

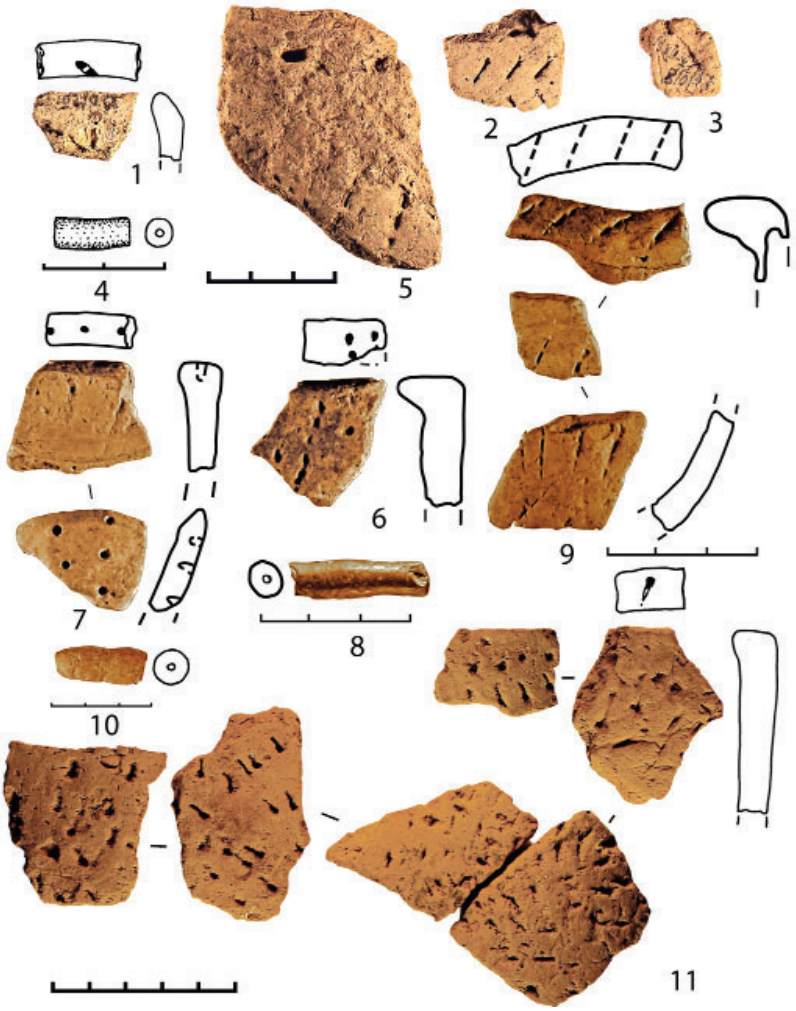

Рис. 8. Керамические изделия со стоянок Нива XII (1–5), Нива III (6–9), Колвица X (10–11). 1–3, 5, 6, 7, 9, 11 – фрагменты керамической посуды; 4, 8, 10 – керамические пронизки. Фото А. М. Жульникова
Fig. 8. Ceramic items from the Niva XII (1–5), Niva III (6–9), Kolvitsa X (10–11) campsites. 1–3, 5, 6, 7, 9, 11 – fragments of pottery; 4, 8, 10 – ceramic beads with holes. Photo by A.M. Zhulnikov

красную окраску (рис. 5), что указывает на использование в погребальном обряде высококачественной охры. Подобная охра, используемая древними людьми в погребальных ритуалах в энеолите Восточной Фенноскандии, как показали результаты ее исследования в погребении Деревянное XI на западном побережье Онежского озера (рис. 1), могла быть предметом обмена, что предполагает появление в это время специализированных рудников для ее добычи (Жульников и др., 2025).

Нива XII. Керамическая пронизка желто-коричневого цвета, обнаруженная в одной из могил, имеет аналогии еще на двух стоянках, расположенных в южной части Кольского полуострова: Нива III и Колвица X (рис. 8: 8, 10) (рис. 1). В иных частях Восточной Фенноскандии подобные изделия не известны. На стоянке Колвица X представлен, видимо, единовременный комплекс пористой керамики (рис. 8: 11), напоминающей по морфологии керамическую посуду с примесью асбеста и органики типа Оровнаволок, получившей распространение на всей территории Карелии и в ряде сопредельных областей с конца IV тыс. до н. э. Пористая керамика, видимо, типа Оровнаволок найдена и на стоянке Нива III (рис. 8: 6, 7, 9), где помимо энеолитической посуды исследован выразительный комплекс асбестовой керамики типа Пасвик, датированной по нагару на керамике второй четвертью II тыс. до н. э. (Гусенцова, Жульников, 2023). По графику высотной датировки морских террас в северной части Кандалакшского залива эта стоянка по сравнению с посе-

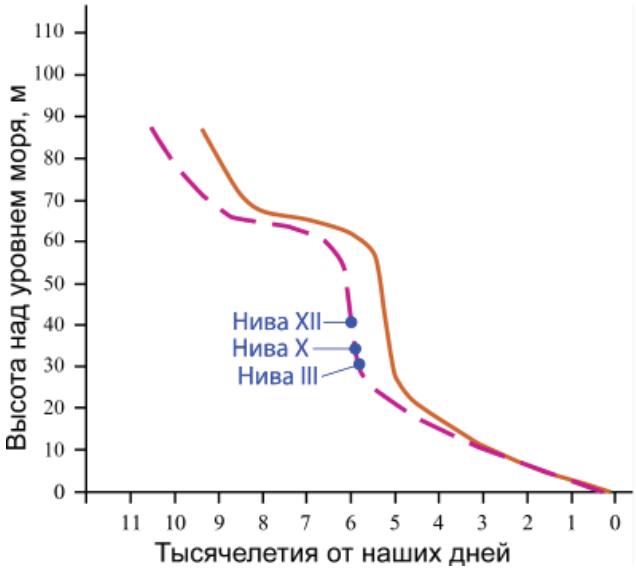

Рис. 9. Высотное расположение стоянок Нива III, X, XII на графике изменения береговой линии Кандалакшского залива Белого моря у города Кандалакша (Kolka, Korsakova, 2012, fig. 7). Сплошная линия – для возраста C14, пунктирная линия – для калиброванного возраста C14

Fig. 9. The high–altitude location of the Niva III, X, XII campsites on the chart of changes in the coastline of the Kandalaksha Bay of the White Sea near the town of Kandalaksha (Kolka and Korsakova, 2012, fig. 7). The solid line is for the age of C14, the dotted line is for the calibrated age of C14

лениями Нива X, XII занимает более низкие отметки (рис. 9), что является для этой части побережья Белого моря хронологическим показателем. Таким образом, сразу на трех памятниках в южной части Кольского полуострова наблюдается сочетание керамических пронизок с энеолитической пористой керамикой, напоминающей по своей характеристике тип асбестовой и пористой керамики Оровнаволок. Скорее всего, найденные в южной части Кольского полуострова керамические украшения, судя по их форме и цвету, являются имитациями янтарных пронизок, часто встречающихся в энеолитических могильниках на территории Северной и Восточной Европы (Жульников, 2023).

Расположение на стоянке Нива XII керамического украшения у края восточной части погребения, позволяет предположить, что именно здесь располагалась голова усопшего, поскольку подобные по форме янтарные украшения в иных энеолитических могильниках не встречаются ниже области колена человека (Костылева, Уткин, 2010; Иванищева, 2022).

Безинвентарные погребения в ямах, заполненных охристым песком, на стоянке Нива XII имеют аналогии в могильнике Конштомуш I (группы из двух-трех сходных по линейным параметрам могил, расположенных параллельно по отношению друг к другу), исследованного Ю.В. Титовым в среднем течении р. Кемь (рис. 1), относящегося к комплексу позднеэнеолитической асбестовой керамики типа Палайгуба (Жульников, 2023).

Выводы

В энеолите на территории Западного Прибеломорья, как и во многих иных регионах лесной полосы Восточной Европы, появляются захоронения с довольно многочисленным погребальным инвентарем, включающим иногда изделия из прибалтийского янтаря. Одиночная (?) могила на стоянке Путкинская I, судя по морфологии и составу связанного с ней погребального инвентаря, является на данный момент одним из древнейших захоронений с янтарными украшениями на территории Восточной Европы.

Найденные в некоторых могильниках и на ряде стоянок Восточной Фенноскандии подвески из желтоватого яшмовидного камня и пронизки из обожженной глины, видимо, является местным подражанием янтарным украшениям, полученных древним населением региона с южного побережья Балтийского моря.

Проанализированные в ходе настоящего исследования материалы не дают оснований утверждать, что совершение обряда захоронения на территории поселения происходило в тот момент, когда на нем продолжали проживать древние люди. В низовьях рек Кемь и Нива выявлены многочисленные скопления энеолитических поселений, некоторые из которых вполне могли быть синхронными могильникам и одиночным захоронениям на стоянках Путкинская I, Нива X, XII.

На территории региона в энеолите наряду с погребениями, в которых имеются изделия, полученные в основном путем обмена и, изредка, местного происхождения, существуют могильники «с красной охрой», в которых находки отсутствуют. К признакам, которые позволяют интерпретировать удлиненные ямы, заполненные охристым песком, в качестве остатков ингумаций, следует отнести наличие групп погребений (от двух и более), в которых могилы ориентированы параллельно

друг к другу. Кроме того, охристые линзы в могилах на стоянках Нива X, XII перекрыты сверху песком более светлых оттенков, что не может быть объяснено воздействием огня (кострища, лесные пожары и т. п.) на песчаный или супесчаный грунт.

ЛИТЕРАТУРА

Аськеев И.В., Жульников А.М., Аськеев А.О., Аськеев О.В., Тарасов А.Ю. Морская охота на ластоногих (Pinnipedia) на побережье Белого моря в энеолите // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 73–93.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.

Гусенцова Т.М., Жульников А.М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 8–19.

Зимина М.П. Каменный век бассейна реки Мсты / Российский этнограф. Вып. 16. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 268 с.

Жульников А.М. Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник / Отв. ред. Л. Г. Шаяхметова. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 102–137.

Жульников А.М. Могильники и одиночные погребения древнего населения бассейна Белого моря (энеолит – эпоха бронзы) // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 244–265.

Жульников А.М., Тарасов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // РА. 2021. № 4. С. 21–34.

Жульников А.М., Желтова М.Н., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Данилов Г.К. Энеолитическое погребение Деревянное XI на западном побережье Онежского озера. Результаты комплексного исследования // РА. 2025. № 1. С. 37–53.

Иванищева М.В. Поселение Тудозеро V и могильник Тудозеро VI в Южном Прионежье // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 57–70.

Мельников И.В. О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников в Заонежье // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2022. С. 26–40.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Ошибкина С.В. Янтарные изделия в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2022. № 4. С. 7–20.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии в 1964 г. // Архив Карельского научного центра РАН. 1964.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Часть 2. Неолит. Л.: Наука, 1978. 163 с.

Песонен П.Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нива // СА. 1977. № 1. С. 126–138.

Песонен П.Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1980. С. 37–79.

Тарасов А.Ю. Индустрия рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: особенности производства и распространения // Престижная экономика первобытных людей / сост.: А. М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 111–139.

Тарасов А.Ю., Хорошун Т.А. Радиоуглеродная хронология периода неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 368–387.

Титов Ю.В. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР в 1972 г. // Архив Карельского научного центра РАН. 1973.

Ahola M. Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC). Helsinki: University of Helsinki, 2019. 105 p.

Ahola M., Macāne A., Nordqvist K. 'Symbolically Overloaded' Burials: Early Fourth-Millennium BC Hunter-Fisher- Gatherer Mortuary Practices from North-Eastern Europe // European Journal of Archaeology. 2025. P. 1–19.

Edgren T. Kolmhaara – gravarna // Finskt Museum. 1960. № 66. P. 5–25.

Kolka V.V, Korsakova O.P. Application of geological methods for dating of stone labyrinths on the White Sea coast // Proceedings of the MSTU, Vol. 15, No. 2, 2012. P. 349–356.

Torvinen M. Liedon Kukkarkosken kivikautinen Kalmisto // Suomen Museo. 1979. № 85. P. 37–80.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

REFERENCES

Askeyev, I. V., Zhul'nikov, A. M., Askeyev, A. O., Askeyev, O. V., Tarasov, A. Yu. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 73–93 (in Russian).

Vitenkova, I. F. 2002. *Pamyatniki pozdnego neolita na territorii Karelii (Late Neolithic monuments in Karelia).* Petrozavodsk: *Karelian Research Centre RAS* (in Russian).

Gurina, N. N. 1997. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova (History of culture of the Kola Peninsula ancient population)*. Saint-Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Gusentsova, T. M., Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Petrozavodsk State University)* 45 (1), 8–19 (in Russian).

Zimina, M. P. 1993. *Kamennyy vek basseyna reki Msty (Stone Age of the Msta River basin)*. Series: Rossiyskiy etnograf (Russian ethnographer) 16. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2007. In Shayakhmetova, L. G. (ed.). *Kol'skiy sbornik (Kola Collection)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 102–137 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 244–265 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Tarasov, A. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 21–34 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Zheltova, M. N., Kul'kova, M. A., Sapelko, T. V., Danilov, G. K. 2025. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 37–53 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, Sviderskaya, E. V. (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Gift-giving economy of prehistoric people).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 57–70 (in Russian).

Mel'nikov, I. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, Sviderskaya, E. V. (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Gift-giving economy of prehistoric people).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 26–40 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. Planigraficheskie i khronologicheskie struktury *(Neo-Eneolithic burial grounds of the Upper Volga region and the Volga-Oka interfluve. Planigraphic and chronological structures).* Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 7–20 (in Russian).

Pankrushev, G. A. 1964. *Otchet o rabote Onezhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Karelii v 1964 g. (Report on the work of the Onega archaeological expedition in Karelia in 1964).* Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pankrushev, G. A. 1978. *Mezolit i neolit Karelii. Chast` 2. Neolit (Mesolithic and Neolithic Karelia. Part 2. Neolithic).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pesonen, P. E. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 126–138 (in Russian).

Pesonen, P. E. 1980. In Savvateev, Yu. A. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamyatniki Karelii i Kol'skogo poluostrova (New archaeological sites of Karelia and the Kola Peninsula).* Petrozavodsk: *Karelian Research Centre RAS* Publ., 37–79 (in Russian).

Tarasov, A. Yu. 2022. In Zhul'nikov, A. M. et al. (eds.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Gift-giving economy of prehistoric people).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 111–139 (in Russian).

Tarasov, A. Yu., Khoroshun, T. A. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 368–387 (in Russian).

Titov, Yu. V. 1973. *Otchet o rabote Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii Karel'skogo filiala AN SSSR v 1972 g. (Report on the work of the Kola archaeological expedition of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1972).* Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ahola, M. 2019. *Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC)*. Helsinki: University of Helsinki Publ.

Ahola, M., Macāne, A., Nordqvist, K. 2025. In *European Journal of Archaeology,* 1–19 (in English).

Edgren, T. 1960. In *Finskt Museum* 66, 5–25.

Kolka, V. V, Korsakova, O. P. 2012. In *Proceedings of the MSTU*. Vol. 15, No. 2, 349–356.

Torvinen, M. 1979. In *Suomen museo* 85, 37–80.

About the Author:

Zhul'nikov Alexander M. Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences. 185910, Pushkinskaya St. 11, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 27.06.2024 г.
Статья принята к публикации 04.07.2025 г.

УДК 902/904 550.4 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.73.87

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ «КИММЕРИЙСКОГО МЕТАЛЛА» КРЫМА КАК ИНДИКАТОР МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА[1]

© 2025 г. М.А. Кулькова, М.Т. Кашуба, А.М. Кульков, В.А. Тихомиров

Статья посвящена изучению химического состава металлических изделий, связанных с «киммерийцами» раннего железного века в Крыму и прилегающих регионах степной зоны Северного Причерноморья. Состав бронзовых элементов конских уздечек из кургана Льговское и клада Кубалач/Сенное, а также случайных находок из собрания музея-заповедника «Неаполь-Скифский» были проанализированы с использованием неразрушающего метода рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (pXRF). Анализ полученных данных позволяет выявить технологические особенности изготовления сплавов, определить вероятные источники рудного сырья и проследить межкультурные взаимодействия. Результаты показывают использование различных типов руд, включая медно-колчеданные и полиметаллические руды Северного Кавказа и сырье из Карпато-Дунайского бассейна, а также изготовление изделий из переплава и металлического лома. Проведенными исследованиями установлена комплексность и в то же время серийность металлургического производства с функционированием различных центров в разных регионах, которое сложилось в раннем железном веке на территории Северного Причерноморья и снабжало киммерийцев деталями для конской упряжи. Это характеризует формирование новых типов сложных экономических и культурных связей в раннем железном веке в сообществах кочевых племен.

Ключевые слова: археология, киммерийцы, ранний железный век, Северное Причерноморье, Крым, бронзовые детали узды, pXRF анализ, металлургия, сплавы, рудное сырье.

CHEMICAL COMPOSITION “CIMMERIAN METAL” OF CRIMEA AS INDICATOR OF INTERCULTURAL INTERACTIONS AT BEGINNING OF IRON AGE[2]

M.A. Kulkova, M.T. Kashuba, A.M. Kulkov, V.A. Tikhomirov

The paper deals with the chemical composition of metal artifacts associated with the "Cimmerian" culture of the Early Iron Age in Crimea and adjacent regions. The non-destructive X-ray fluorescence (pXRF) method was applied for determination of the chemical composition of bronze horse bridle elements from the Lgovskoe and Kubolach/Sennoe sites, as well as random finds from the collection of the "Neapolis Scythian" museum-reserve, was investigated. The analysis of the obtained data allows us to identify technological features of alloy production, determine the probable sources of ore raw materials, and trace intercultural relationship. The results indicate the use of various types of ores, including polymetallic ores from the North Caucasus and raw materials from the Carpathian-Danubian basin, as well as the manufacture of products from recycled metal and scrap-iron. The conducted research demonstrates the complexity and, at the same time, the serial metallurgical production with the functioning of various centres in different regions, which developed in the Early Iron Age in the Northern Black Sea region and supplied the Cimmerian nomads with parts for horse harnesses. This indicates the formation of new types of complex economic and cultural communication in the Early Iron Age within nomadic and local tribes.

Keywords: archaeology, Cimmerians, Early Iron Age, Northern Black Sea region, Crimea, bronze bridle parts, pXRF analysis, metallurgy, alloys, ore raw material

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065-Продление, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом – раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

[2] The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00065-Extension, https://rscf.ru / project/22-18-00065/ "Cultural and historical processes and paleoenvironment in the Late Bronze Age - Early Iron Age of the Northwestern Black Sea Region: an interdisciplinary approach") at the Herzen Russian State Pedagogical University.

Введение

Культура повседневности сообществ мобильного образа жизни – ранних кочевников («киммерийцев»), две группы которых (черногоровская и новочеркасская) в начале железного века появились в степном Причерноморье, отличается присутствием в быту большого количества металлических изделий. «Киммерийскую» археологическую культуру Северного Причерноморья можно отнести к металлоносным культурам. Бронза шла в основном на изготовление конского снаряжения и предметов вооружения (в меньшей степени – на небольшие украшения, фурнитуру и мелкие детали бытовых предметов (заклепки, ободки, пр.)), из железа уже во второй половине IX в. до н.э. делались оружие и орудия труда (с VIII в. до н.э. – конское снаряжение), а из благородных металлов (преимущественно золота) производили небольшие престижные украшения в основном подвески и височные кольца, подчеркивающие высокий статус их владельцев (обобщение по Северному Причерноморью и регионам см.: Тереножкин, 1976, с. 15 сл.; Махортых, 2005, с. 62 сл.; Бруяко, 2005, с. 88 сл.; Вальчак, 2009; Колтухов, 2022, с. 43–64; и др.). Еще один металл – железо – также получил широкое распространение в степном евразийском поясе благодаря племенам «киммерийцев», на что в свое время обращал внимание А.И. Тереножкин (см.: Тереножкин, 1976, с. 132; Кравченко, 2013, с. 283–284).

Приблизительные подсчеты на основе свода С.В. Махортых по около 225 погребальным комплексам (сейчас около 300–400 комплексов – см.: Кашуба, Кулькова, 2023, с. 201–203), показывают наличие более 250 бронзовых изделий в черногоровской и новочеркасской группах, датированных IX – началом VII в. до н.э. (Махортых, 2005, с. 62–70, 103–106). Так, насыщенным металлом оказалось захоронение воина-всадника высокого социального ранга (погребение 3 кургана 3 у Слободзеи, Нижнее Поднестровье) — в нем находилось конское снаряжение (36 бронзовых изделий) от минимум пяти узд, у погребенного имелись два височных кольца, одно из которых золотое витое в 5,5 оборота (Степанова, Кашуба, 2024).

Согласно предложенным разными исследователями классификации и типологии, «киммерийский металл» был распространен по всей территории Северного Причерноморья, при этом наблюдаются довольно компактные ареалы некоторых изделий, которые циркулировали в определенной местности. Известно, что на основе гомогенного характера и распространения комплексов типа Новочеркасского клада (а по сути, комплектов конского снаряжения) на границе степи и лесостепи Северного Причерноморья, О.В. Дубовская выработала концепцию об отсутствии как таковой новочеркасской группы памятников (или «киммерийской» культуры) (см.: Дубовская, 1989; 1997; и др.). Вопросы поставок металла (как сырья) и готовых металлических изделий сообществам ранних кочевников в Северном Причерноморье в современном научном дискурсе решаются через сопоставление результатов естественнонаучных анализов и данных, полученных традиционными археологическими методами (классификация, типология, сравнительная типология, метод аналогий, пр.).

Методы исследования

Для изучения состава металлических изделий раннего железного века из комплексов Льговское и Кубалач/Сенное, а также случайных находок киммерийского снаряжения (рис. 1) из собрания музея-заповедника «Неаполь Скифский» в 2015 и 2018-2023 годах, применялся неразрушающий метод рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (pXRF). Результаты исследования изделий из Кубалач/Сенное, а также случайных находок опубликованы в монографии (Зайцев и др. 2024).

Результаты анализа предметов из памятника Льговское представлены в данной статье. Исследования проводились с использованием портативного анализатора SciAps X-200 с родиевым анодом. Прибор обеспечивает анализ элементов от Mg до Bi, с разрешением SDD-детектора менее 140 эВ и глубиной проникновения рентгеновского луча до 60 мкм. Использование неразрушающего метода pXRF позволило сохранить целостность музейных экспонатов, исключив необходимость пробоподготовки с удалением поверхностного слоя. Автоматическая калибровка прибора проводилась по методу фундаментальных параметров с использованием стандартного образца из нержавеющей стали 316. Глубина проникновения луча на 60 мкм позволяла анализировать состав сплава

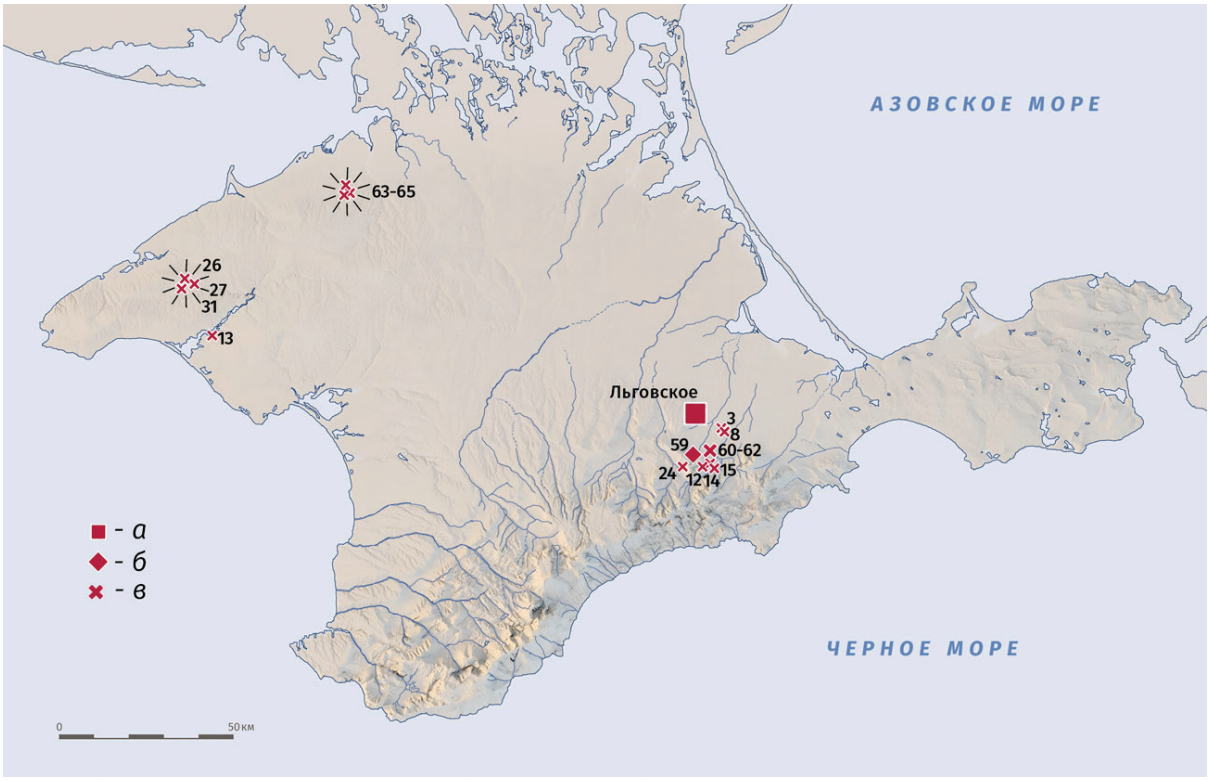

***Рис.* 1.** Карта-схема проанализированного «киммерийского металла» из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский» (2015, 2018–2023 гг.): *3, 8* — Хлебное; *12, 14, 15, 59, 60–62* — Кубалач и Кубалач/Сенное; *13* — Новоозёрное/Евпатория; *24* — Сенное; *26, 27, 31* — Черноморский/Раздольненский районы; *63–65* — Раздольненский район (номера соответствуют номерам в Каталоге и номерам иллюстраций по: Зайцев и др., 2024). *Условные обозначения:* квадрат — Льговское, курган 2; ромб — условный «клад»; крест — единичная случайная находка.

Fig. 1. Sketch-mapof studied “Cimmerian metal” from the collections of the Museum-Reserve ”Naples Scythian“ (2015, 2018–2023): *3, 8* — Khlebnoye; *12, 14, 15, 59, 60–62* — Kubalach & Kubalach/Sennoye; *13* — Novoozernoe/ Evpatoria; *24* — Sennoye; *26, 27, 31* — Chernomorskoye/Razdolnoye districts; *63–65* — Razdolnoye district (numbers correspond to numbers in the Catalogue and numbers of illustrations by: Zaitsev et al., 2024). *Legend:* quadrate — Lgovskoe, barrow2; rhomb — nominal ”hoard“; cross — solitary chance find.

под поверхностным слоем коррозии. Измерения проводились по стандартной калибровочной программе «Сплавы». В данной программе определяются элементы Mg, Al, Si, P, S, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Se, Y, Zr, Nb, Mo, W, Ta, Hf, Re, Au, Pb, Bi, Ru, Pd, Ag, Cd, Sn, Sb, As. Согласно паспортным данным о метрологических характеристиках прибора, предел допускаемой относительной погрешности одного измерения в диапазоне от ±0,02 для малых содержаний элементов (до 1,6%) до ±0,2 для больших содержаний (до 100%). Возможны колебания в содержании элементов на поверхности из-за вторичного ожелезнения, что учитывалось при анализе. Определение состава основных элементов (Cu, Sn, As) дает представление о технологии изготовления бронзовых сплавов. Анализ концентрации и ассоциаций второстепенных микроэлементов позволяет выявить возможные рудные источники и типы месторождений, из которых было получено сырье.

Обработка результатов анализа однородной выборки (n=88) из генеральной совокупности данных (рис. 2, 3, 4, 5, 6, 7) проведена методом главных компонент факторным анализом.

Интерпретация результатов по двум первым главным факторам, вносящий наибольший вклад (F1- 31,18%, F2-18,8%): F1 ($Cu_{0,82}$/$Sn_{-0,73}$, $Pb_{-0,79}$, Sb_{-69}, Ni_{-69}), F2 ($Fe_{0,90,}$ $P_{0,75}$, $S_{0,5}$) (рис. 8), позволяет разделить массив проанализированных образцов на несколько групп. Первый фактор отражает антагонизм меди (Cu) - положительные факторные нагрузки, к группе элементов (Sn, Pb, Sb, Ni), отрицательные факторные нагрузки. Значения

Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Льговское																	
	НС 162 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,09	0,00	0,00	95,71	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	3,59	0,00	0,61	0,00
	НС 162 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	96,32	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	2,85	0,00	0,72	0,00
	НС 162 Удила Втулка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,13	0,00	0,00	99,21	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,16	0,35	0,15	0,00
	НС 162 Удила Втулка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,15	0,00	0,00	98,56	0,00	0,00	0,00	0,07	0,00	0,26	0,00	0,96	0,00
	НС 174 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	98,91	0,00	0,34	0,00	0,00	0,00	0,38	0,28	0,10	0,00
	НС 174 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	99,16	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,37	0,29	0,09	0,00
	НС 174 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,10	0,00	0,00	98,50	0,00	0,34	0,00	0,00	0,00	0,64	0,28	0,14	0,00
	НС 174 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,20	0,00	0,00	99,60	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,13	0,00	0,07	0,00
	НС 175 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	97,59	0,00	0,63	0,00	0,00	0,00	0,97	0,54	0,20	0,00
	НС 175 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,10	0,00	0,00	99,81	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,09	0,00
	НС 184 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	95,41	0,00	0,19	0,00	0,00	0,00	4,11	0,00	0,29	0,00
	НС 184 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	90,80	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	8,85	0,00	0,35	0,00
	НС 184 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	99,35	0,00	0,21	0,00	0,00	0,00	0,11	0,23	0,10	0,00
	НС 184 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	99,53	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,11	0,26	0,10	0,00
	НС 186 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	91,33	0,00	2,47	0,00	0,00	0,00	5,51	0,00	0,69	0,00
	НС 186 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	90,37	0,00	2,28	0,00	0,00	0,20	6,42	0,00	0,74	0,00
	НС 186 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	98,59	0,00	0,63	0,00	0,00	0,00	0,48	0,00	0,29	0,00
	НС 186 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	97,75	0,00	1,04	0,00	0,00	0,00	1,03	0,00	0,18	0,00
	НС 234 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	98,89	0,00	0,71	0,00	0,00	0,00	0,20	0,00	0,20	0,00
	НС 234 Удила Бляшка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	98,30	0,00	1,04	0,00	0,00	0,00	0,25	0,00	0,32	0,00
	НС 234 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	98,99	0,00	0,55	0,00	0,00	0,00	0,13	0,00	0,27	0,00
	НС 234 Удила Грызло	0,00	0,00	0,00	0,00	0,09	0,00	0,00	98,42	0,00	0,42	0,00	0,00	0,00	0,87	0,00	0,20	0,00

Рис. 2. Удила из памятника Льговское и их химический состав.
Fig. 2. The bits from the Lgovskoe site and their chemical composition.

первого фактора, таким образом, позволяют выделить сплавы из сравнительно “чистой” меди и легированной меди с добавками легирующих компонентов другого, чем источник меди, генезиса, минералов группы (Sn, Pb, Sb, Ni), которые связаны с полиметаллическими и грейзеновыми месторождениями. Второй фактор отражает антагонизм элементов (Fe, P, S) положительные факторные нагрузки, к элементам (Cu, As) – отрицательные факторные нагрузки. Значения 2-го фактора показывают обогащение сплавов железными сульфидными штейнами, после выплавки меди из сульфидных месторождений, по сравнению со сплавами из мышьяковистой меди или бронзы. Таким образом, можно выделить

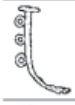
Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Кубалач																	
	НС 243-1 Удила	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	99,63	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,21	0,15	0,00
	НС 243-2 Удила	0,00	0,00	0,00	0,00	0,63	0,00	0,00	98,95	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,42	0,00
	Случайные находки																	
	НС 98 Удила	0,05	0,00	0,29	0,00	1,72	0,00	0,00	96,70	0,00	0,35	0,00	0,00	0,00	0,18	0,00	0,70	0,00
	НС 99 Удила	1,18	0,39	0,12	0,00	1,08	0,00	0,00	96,87	0,23	0,06	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07	0,00
	НС 26-1 Удила	0,26	0,54	0,00	0,00	0,22	0,00	0,00	98,72	0,00	0,14	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	0,00
	НС 26-2 Удила	0,13	0,38	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	99,30	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,11	0,00	0,00	0,00
	НС 23-1 Удила	0,10	0,00	0,00	0,00	0,37	0,00	0,00	97,61	0,00	0,09	0,00	0,00	0,23	0,95	0,00	0,66	0,00
	НС 23-2 Удила	0,08	0,77	0,00	0,00	0,15	0,00	0,00	97,86	0,00	0,13	0,00	0,00	0,00	0,88	0,00	0,12	0,00
	НС 100 Удила	2,80	0,58	0,20	0,19	7,18	0,00	0,00	85,68	2,80	0,08	0,00	0,13	0,00	0,00	0,00	0,18	0,10
	Льговское																	
	НС 164 Псалий	0,00	0,00	0,00	0,00	0,21	0,00	0,00	92,23	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	6,93	0,00	0,62	0,00
	НС 161-1 Псалий	0,71	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	84,81	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	13,65	0,22	0,48	0,00
	НС 161-2 Псалий	0,81	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	93,42	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	5,13	0,00	0,49	0,00
	НС 183 Псалий	0,00	0,00	0,16	0,00	0,76	0,00	0,00	77,55	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	21,08	0,00	0,36	0,00
	НС 191 Псалий	0,00	0,00	0,08	0,00	0,21	0,00	0,00	84,65	0,00	0,38	0,00	0,00	0,00	13,56	0,67	0,46	0,00
	НС 194 Псалий	0,00	0,00	0,09	0,00	0,12	0,00	0,00	74,33	0,00	0,29	0,00	0,00	0,00	22,00	0,00	3,17	0,00
	НС 197 Псалий	0,00	0,00	0,10	0,00	1,59	0,00	0,00	77,97	0,00	0,06	0,00	0,00	0,15	19,27	0,00	0,86	0,00

Рис. 3. Удила из памятника Кубалач, случайные находки удил, псалии из памятника Льговское и их химический состав.
Fig. 3. The bit from the Kubalach site, chance finds of bits, bit shanks f rom the Lgovskoye site and their chemical composition.

группу образцов грызл и удил из Льговского и Кубалача, отдельные случайные находки удил, которые изготовлены из сравнительно «чистой» меди. В эту же группу входит часть бляшек, изготовленных из низколегированных медных бронз. Почти все бляхи из «клада» Кубалач и несколько блях из Льговского (крестовидные бляхи) попадают в группу высоко легированных оловом и свинцом сплавам. Псалии из Льговского, Кубалач и случайные находки псалий образуют группу по составу сплавов, характеризующуюся

Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Льговское																	
	НС 198 Псалий	0,00	0,00	0,15	0,00	1,09	0,00	0,00	71,59	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	24,60	0,00	2,51	0,00
	НС 203 Псалий	0,00	0,00	0,08	0,00	0,69	0,00	0,00	64,33	0,00	0,11	0,00	0,00	0,27	33,24	0,00	1,28	0,00
	НС 213 Псалий	0,00	0,00	0,37	0,00	5,46	0,00	0,00	69,48	0,00	0,25	0,00	0,00	0,00	24,02	0,00	0,42	0,00
	НС 232 Псалий	0,00	0,00	0,16	0,06	0,49	0,00	0,00	80,74	0,00	0,13	0,00	0,00	0,00	18,27	0,00	0,15	0,00
	НС 233 Псалий	0,00	0,00	0,14	0,00	0,37	0,00	0,00	80,36	0,00	0,17	0,00	0,00	0,00	18,75	0,00	0,23	0,00
	Кубалач																	
	НС 241 Псалий	0,00	0,00	0,11	0,00	0,00	0,00	0,17	75,08	0,00	0,57	0,00	0,00	0,24	19,03	1,26	3,54	0,00
	НС 242 Псалий	0,00	0,00	0,16	0,00	0,00	0,00	0,23	73,15	0,00	0,60	0,00	0,00	0,26	19,78	1,40	4,38	0,04
	Случайная находка																	
	НС 025 Псалий	0,81	0,25	0,15	0,00	1,46	0,00	0,00	93,08	0,00	0,93	0,00	0,00	0,18	0,00	1,12	1,81	0,20
	Льговское																	
	НС 160 Бляха	0,28	0,00	0,17	0,00	0,96	0,00	0,00	88,36	0,00	0,87	0,00	0,00	0,12	4,71	0,64	3,87	0,03
	НС 168 Пуговица	0,10	0,00	0,00	0,00	1,13	0,00	0,00	85,42	8,68	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	4,67	0,00
	НС 169 Пуговица	0,24	0,00	0,10	0,00	4,43	0,00	0,00	82,35	8,67	0,00	0,00	0,00	0,00	0,39	0,00	3,81	0,00
	НС 170 Фибула	0,30	0,00	0,00	0,00	0,36	0,00	0,00	91,13	7,75	0,19	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,27	0,00

Рис. 4. Псалии и бляхи из памятника Льговское, псалий из памятника Кубалач, и случайной находки псалии и их химический состав.
Fig. 4. Bit shank and plates from the Lgovskoye site, bit shank from the Kubalach site, chance finds of bit shanks and their chemical composition.

использованием медно-колчеданных руд с добавлением легирующих добавок (олово и свинец). В группу, характеризующуюся положительными значениями первого и второго факторов, можно отнести переплавы, в эту группу попадает большая часть случайных находок удил, отдельные псалии из Кубалача и Льговского. Более детальное рассмотрение химического состава отдельных предметов

Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Льговское																	
	НС 171 Браслет	0,31	0,00	0,18	0,00	1,65	0,00	0,00	94,69	0,00	0,75	0,00	0,00	0,00	1,93	0,17	0,32	0,00
	НС 181 Распре-делитель	0,00	0,00	0,00	0,00	0,16	0,00	0,00	98,70	0,00	0,82	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00	0,27	0,00
	НС 201 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,18	0,00	0,00	86,54	0,00	1,82	0,00	0,00	0,32	6,38	0,76	4,00	0,00
	НС 208 Бляха малая	0,00	0,00	0,18	0,00	2,00	0,00	0,00	79,26	0,00	1,13	0,00	0,00	0,22	16,12	0,61	0,48	0,00
	НС 214 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,10	0,00	0,00	89,00	0,00	2,27	0,00	0,00	0,00	6,96	0,33	1,34	0,00
	НС 215 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	98,89	0,00	0,42	0,00	0,00	0,00	0,47	0,00	0,23	0,00
	НС 217 Петля	0,00	0,00	0,00	0,00	0,40	0,00	0,00	98,65	0,00	0,63	0,00	0,00	0,00	0,17	0,00	0,14	0,00
	НС 220 Бляха	0,00	0,00	0,06	0,00	0,10	0,00	0,00	90,58	0,00	1,58	0,00	0,00	0,00	6,13	0,32	1,22	0,00
	НС 221 Бляха с навес	0,00	0,00	0,19	0,00	0,11	0,00	0,00	89,25	0,00	1,66	0,00	0,00	0,25	4,37	0,58	3,59	0,00
	НС 223 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,20	0,00	0,00	91,07	0,00	1,87	0,00	0,00	0,00	5,59	0,26	1,01	0,00
	НС 228 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,19	0,00	0,00	97,44	0,00	1,33	0,00	0,00	0,00	0,63	0,00	0,40	0,00
	НС 156 Бляха крест	0,27	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	81,48	0,00	0,46	0,00	0,00	0,00	16,95	0,40	0,32	0,00

Рис.5. Бляхи из памятника Льговское и их химический состав.
Fig. 5. Plates from the Lgovskoye site and their chemical composition.

позволяет уточнить результаты факторного анализа.

Обсуждение полученных результатов анализов

Удила

Анализ составных удил из набора упряжи из кургана Льговское показал, что грызла изготовлены из плохо очищенной меди с примесями (As, Sn, Sb, Pb), включение примесей олова может свидетельствовать о переплаве низколегированной бронзы. Для отдельных образцов удил (НС-162, 184), составные части – грызла и бляхи сильно отличаются по составу. Бляхи удил изготовлены из легированной

Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Льговское																	
	НС 176 Бляха крест	0,00	0,00	0,11	0,00	0,30	0,00	0,00	82,13	0,00	1,25	0,00	0,00	0,00	15,36	0,37	0,49	0,00
	НС 177 Бляха крест	0,00	0,00	0,17	0,00	0,28	0,00	0,00	73,98	0,00	1,78	0,00	0,00	0,00	22,65	0,52	0,63	0,00
	НС 189 Бляха крест	0,00	0,00	0,17	0,00	0,08	0,00	0,00	74,99	0,00	1,66	0,00	0,00	0,00	21,63	0,63	0,83	0,00
	НС 196 Бляха крест	0,00	0,00	0,00	0,00	0,32	0,00	0,00	98,75	0,00	0,42	0,00	0,00	0,00	0,07	0,13	0,31	0,00
	Кубалач																	
	НС-244 Пронизь	0,00	0,00	0,18	0,00	0,00	0,24	0,77	67,79	0,00	0,99	0,00	0,00	0,31	21,21	0,75	7,61	0,15
	НС-245 Пронизь	0,00	0,00	0,14	0,00	0,19	0,19	0,64	68,81	0,00	0,89	0,00	0,00	0,36	22,25	0,74	5,66	0,14
	НС-246 Пронизь	0,00	0,00	0,21	0,00	0,09	0,26	0,88	55,31	0,00	1,22	0,00	0,00	0,52	32,02	1,11	8,22	0,17
	НС-247 Пронизь	0,00	0,00	0,19	0,00	0,09	0,21	0,65	64,73	0,00	0,99	0,00	0,00	0,40	25,58	0,93	6,13	0,13
	НС-248 Бляха	0,00	0,00	0,37	0,00	1,46	0,00	0,00	39,10	0,00	0,41	0,14	0,00	0,00	42,22	0,19	15,97	0,15
	НС-249 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,55	0,00	0,00	98,78	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,44	0,00	0,16	0,00
	НС-250 Подвеска	0,00	0,00	0,16	0,00	0,10	0,00	0,00	76,51	0,00	0,79	0,00	0,00	0,52	16,14	3,06	2,60	0,12
	НС-251 Бляха	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,07	86,76	0,00	2,42	0,00	0,00	0,00	7,92	0,88	1,87	0,00
	НС-252 Бляха	0,00	0,00	0,09	0,00	0,09	0,00	0,08	85,94	0,00	2,50	0,00	0,00	0,00	7,98	0,88	2,45	0,00
	НС-253 Бляха	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,08	83,52	0,00	2,85	0,00	0,00	0,00	10,00	1,04	2,44	0,00
	НС 254 Бляха	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	0,08	85,38	0,00	2,91	0,00	0,00	0,00	8,69	0,89	1,99	0,00
	НС 255 Бляха	0,00	0,00	0,13	0,00	0,07	0,00	0,29	78,38	0,00	1,18	0,00	0,00	0,39	16,33	1,23	1,87	0,13

Рис. 6. Бляхи из памятников Льговское и Кубалач и их химический состав.
Fig. 6. Plates from the Lgovskoye and Kubalach sites and their chemical composition.

оловом бронзы, с содержанием Sn от 2 до 6,5%. В сплаве этих блях отсутствует примесь сурьмы (Sb), в отличие от сплава грызл. В образце НС-174 отмечается одинаковый состав грызл и блях, характеризующийся одинаково низким содержанием примесей сурьмы, олова, мышьяка. Для образца удила (НС-186) характерен высокий процент мышьяка (As), его содержание в грызлах (0,63-1,04%), в бляшках (2,28-2,47%). Содержание олова (Sn) в грызлах этого образца (0,48-1,03%), в бляшках (5,51-6,42%).

Удила из «клада» Кубалач/Сенное (НС-243) относятся к двусоставным удилам с кольцами

Изделие	Памятник, анализ(ы)	Элемент, %																
		P	S	Ti	V	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Y	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
	Льговское																	
	НС 256 Бляха	0,00	0,00	0,11	0,00	0,06	0,00	0,10	78,44	0,00	2,91	0,00	0,00	0,26	13,93	1,31	2,87	0,00
	НС 257 Бляха	0,00	0,00	0,09	0,00	0,07	0,00	0,10	83,44	0,00	3,14	0,00	0,00	0,00	9,19	1,02	2,95	0,00
	НС 258 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07	89,82	0,00	2,03	0,00	0,00	0,00	5,80	0,68	1,61	0,00
	НС 259 Бляха	0,00	0,00	0,05	0,00	0,05	0,00	0,07	83,46	0,00	3,21	0,00	0,00	0,11	9,45	0,98	2,62	0,00
	НС 260 Бляха	0,00	0,00	0,08	0,00	0,08	0,00	0,07	81,85	0,00	3,13	0,00	0,00	0,00	10,98	1,09	2,73	0,00
	НС 261 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,11	0,00	0,08	86,12	0,00	2,94	0,00	0,00	0,00	7,85	0,87	2,03	0,00
	НС 262 Бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07	89,43	0,00	2,20	0,00	0,00	0,00	6,13	0,69	1,48	0,00
	НС 263 Бляха	0,00	0,00	0,13	0,00	0,11	0,00	0,08	77,63	0,00	3,61	0,00	0,00	0,24	13,84	1,43	2,92	0,00
	НС 264 Бляха	0,00	0,00	0,07	0,00	0,00	0,00	0,08	85,29	0,00	2,51	0,00	0,00	0,00	8,77	0,92	2,36	0,00
	НС 265 Бляха	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	0,07	87,84	0,00	2,49	0,00	0,00	0,00	7,06	0,78	1,71	0,00
	НС 266 Бляха	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	0,28	89,16	0,00	0,88	0,00	0,00	0,00	7,79	0,64	1,12	0,07
	НС 267 Бляха	0,00	0,00	0,07	0,00	0,08	0,00	0,20	84,49	0,00	1,01	0,00	0,00	0,27	11,55	0,85	1,41	0,08
	НС 268 Бляха	0,00	0,00	0,11	0,00	0,89	0,00	0,00	82,22	0,00	0,75	0,00	0,00	0,00	13,54	0,36	2,14	0,00
	Случайные находки																	
	НС-9	0,00	0,00	0,37	0,06	0,33	0,00	0,00	47,95	0,25	0,08	0,12	0,00	0,00	36,76	0,00	14,01	0,06
	НС-14	0,07	0,00	0,00	0,07	0,33	0,00	0,00	61,04	0,19	0,00	0,18	0,00	0,00	11,89	0,00	26,12	0,11
	НС-53	0,90	0,00	0,05	0,00	1,47	0,00	0,00	89,09	4,41	0,15	0,00	0,00	0,00	1,55	0,00	2,38	0,00
	НС-47	2,05	0,00	1,70	0,00	15,87	0,00	0,00	60,82	0,00	0,25	0,00	0,00	0,00	19,21	0,00	0,00	0,00
	НС-269 бляха крупная	0,00	0,00	0,18	0,52	2,04	0,00	0,00	54,81	0,00	0,12	0,21	0,00	0,00	14,77	0,00	27,20	0,15
	НС 270 бляха крупная	0,00	0,00	0,23	0,00	0,41	0,00	0,00	58,63	0,00	0,25	0,00	0,00	0,00	35,17	0,00	5,32	0,00
	НС 271 бляха	0,00	0,00	0,00	0,00	0,84	0,00	0,00	47,82	0,00	0,21	0,20	0,00	0,00	14,85	0,00	35,96	0,12
	НС-49	0,26	0,00	0,36	0,00	3,64	0,00	0,00	84,71	0,00	0,56	0,00	0,00	0,00	8,52	1,08	0,86	0,00
	НС-39	0,16	0,14	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	99,22	0,00	0,02	0,00	0,00	0,26	0,00	0,00	0,13	0,00

Рис.7. Бляхи из памятника Кубалач и случайные находки и их химический состав.
Fig. 7. Plates from the Kubalach site and chance finds and their chemical composition.

на концах грызла и стремевидными окончаниями. Они изготовлены из плохо очищенной меди со следами примесей (As, Sb, Bi).

Случайные находки фрагментов удил (НС-26, НС-23, НС-98) из степной части Крыма (Раздольненский район) характеризуются сплавом из плохо очищенной меди с примесями (As, Sn), возможно изготовленные из переплава, а также в состав некоторых (НС-23, НС-98) входят остатки железных штейнов и примесь свинца (Pb). Звено удил, фрагмент (НС-100), изготовлено из сплава, содержащего медную руду или лом с примесями (As, Zn, Pb, S, Fe). Такой состав может свидетельствовать о выплавке из сульфидных (в сплаве есть примесь шихты) и полиметал-

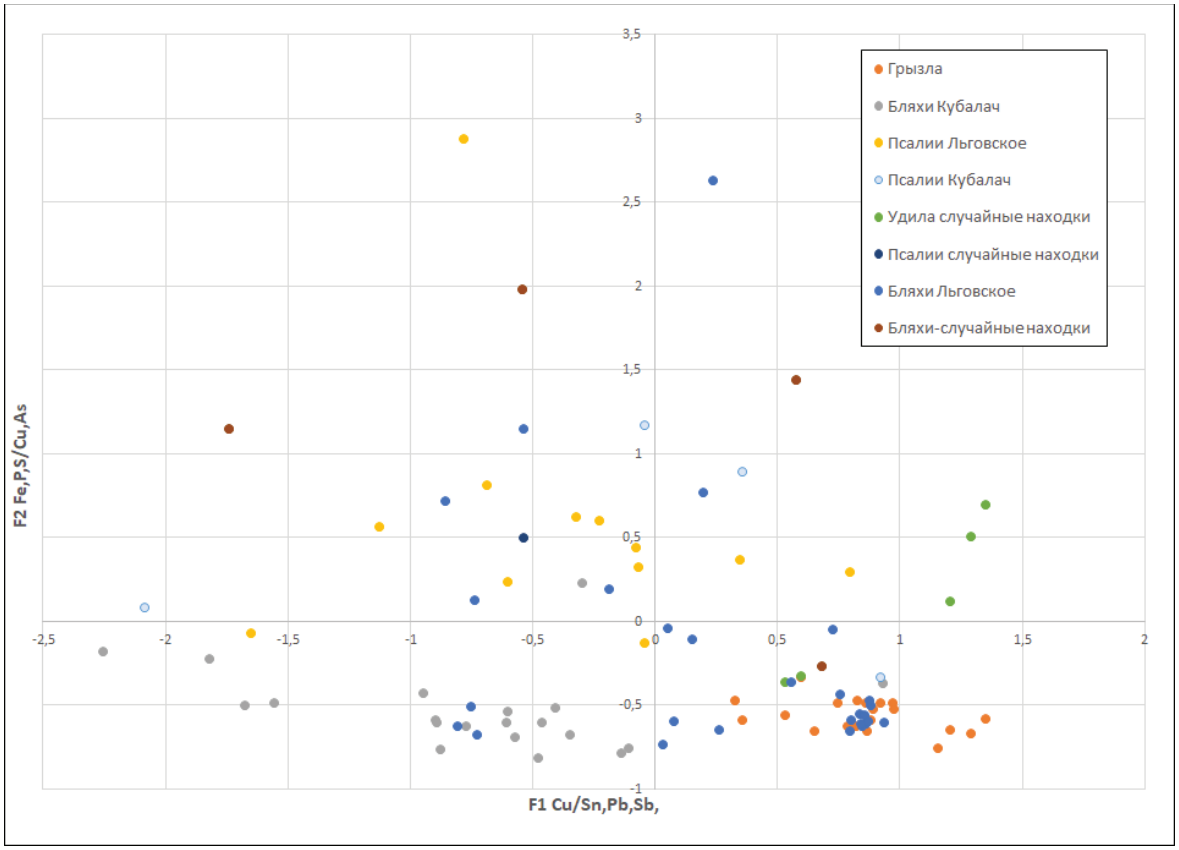

Рис. 8. Графика распределения деталей узды на основании факторного анализа (F1, F2) данных химического состава сплавов образцов.
Fig. 8. Distribution chart of bridle parts based on factor analysis (F1, F2) of the chemical composition data of the alloy samples.

лических руд Северного Кавказа, таких как руды Садонского месторождения, а также, возможно с примесью руды или лома из медистых песчаников. Для удил из могильника Фарс в Адыгее характерен сплав из нелегированной меди: (Cu 98,06%, Pb 1,06%, Zn 0,25%, Fe 0,02%, Ni 0,61%). Уздечные принадлежности из нелегированной меди достаточно часто встречаются в протомеотских могильниках конца VIII в. до н.э. (Эрлих и др., 2023). Для протомеотского комплекса (хут. Городской, Республика Адыгея) (Новичихин, Смекалова, 2021) состав сплава удил отвечает мышьяковистым бронзам со свинцом и следами олова (Cu-As-Pb-Sn) КМ11292/4 (Cu 94,5–95,8%, Pb 0,7–1,3%, Sb 0,6-0,7%, Sn 0,10–0,18%, Fe 0,05–0,10%, Ag 0,10–0,20%, As 2,6–3,3%) и низколегированным оловянно-свинцово-мышьяковистым бронзам (Cu- Sn-As-Pb) КМ11292/3 (Cu 83-90%, Pb 1,1-1,5%, Sb 0,5–0,9%, Sn 2,7–7,0%, Fe 0,05–0,07%, Ag 0,05–0,22%, As 5,0–8,6%).

Псалии

Псалии из Льговского по составу бронзовых сплавов можно разделить на 3 группы: 1 группа – высоко легированные оловом сплавы (НС-183, 194, 197, 198, 203, 213, 232 и 233) с высоким содержанием Sn (20–30%), с примесями мышьяка (As) и свинца (Pb). 2-я группа (НС-161, 191) с содержанием олова Sn (9–13%) включает высоколегированные оловом сплавы с примесью сурьмы (Sb) и свинца (Pb). 3-я группа (НС-164), легированный оловом (Sn – 7%) сплав с примесью свинца. Псалии из Кубалач/Сенное (НС-241-242) состоят из высоколегированной оловом и свинцом бронзы (Cu-Sn-Pb) с сурьмой, мышьяком, серебром. Содержание олова в обоих предметах около 19%, свинца – 3,5–4,0%, сурьмы – до 1,4%, серебра – 0,24%. Возможно, использование полиметаллических руд Кавказа с добавлением оловянной руды из грейзеновых месторождений или привозного касситерита. Другим источником рудного сырья могли быть месторождения Карпато-Дунайского бассейна, о чем свидетельствует ассоциация микроэлементов (Sb, Ag, Bi, Pb). Близкой к псалиям по составу из этого «клада» является подвеска (НС-250). Фрагмент псалия (НС-25), пред-

ставленный случайной находкой, отличается от набора псалий из Льговского, он изготовлен из низколегированной бронзы (Cu-Sb-Pb-As) с примесями (Bi, Ag, S, Fe), что свидетельствует об использовании сульфидных руд (в сплаве есть примесь шихты) и полиметаллических руд Северного Кавказа или лома (переплав) из разных руд. Комплект удил, обнаруженный во рту лошади из киммерийского захоронения элиты в гробнице 3, могильника Терезе, Карачаево-Черкессия представляет собой звено удил неразъемно и подвижно скрепленное с псалиями (III тип по классификации В.И. Козенковой). Сплав псалиев и удила характеризуется присутствием цинка и никеля: (Cu 89–94%, Sn 4-9%, Pb 1-1,5%, Zn 0,2–0,33%, Fe 0,06–0,13%, Ni 0,62-0,72%) и отличается по составу от уздечных наборов, обнаруженных на территории Крыма. Предполагается, что регионом «генератора идей» неразъемных конструкций уздечных комплектов может быть Закавказье и Передняя Азия, а сам сплав и изделия из него являются местного «закавказского» происхождения, из источников полиметаллических медно-цинковых колчеданных руд, характерных для месторождений Закавказья, например, месторождение Садонское (Эрлих и др. 2023).

Анализ псалий из протомеотского комплекса у хут. Городской, Адыгея (Новичихин, Смекалова, 2021), показывает разные типы псалий. Камышевахский тип псалий - КМ11292/5 изготовлен из оловянно-мышьяковистой бронзы с высоким содержанием сурьмы и свинца (Cu-Sn-As-Sb-Pb-Ni): (Cu 84–86%, Ni 0,8–0,10%, Pb 1,2–1,4%, Sb 5–4,2%, Sn 5,5–7,0%, Ag 0,08–0,09%, As 2,3–2,5%), КМ11292/6 (Cu-Sn-As-Sb-Pb -Ni) Cu – 73%, Ni – 0,12%, Pb 1,2-1,4%, Sb 7,5-8%, Sn 12,0–13,0%, Ag – 0,2%, As 3,0–3,5%, Fe 0,33–1,4%. Псалии цимбальского типа – КМ11292/7, из меди со следами олова, сурьмы, мышьяка: Cu 98–99%, Pb 0,25–0,3%, Sb 0,3–0,7%, Sn 0,05–0,06%, Ag 0,08–0,14%, As 0,17–0,52%, Fe 0,14–0,19%. КМ11292/8: Cu 96–97%, Pb 0,95–1,53%, Sn 0,19–0,46%, As 0,25–1,7%.

Бляшки, пронизи, пуговицы

Бляшки из Льговского по составу можно разделить на 2 группы: 1-я группа (НС-201, 214, 215, 220, 221, 223) – из бронзы легированной оловом Sn (4-7%), мышьяком As (1,3-2,3%), свинцом Pb (1-4%) (Cu-Sn-As-Pb), среди примесей можно отметить содержание сурьмы Sb (0,5-07%). 2-я группа (НС-228) представлена сплавом из мышьяковистой бронзы (Cu-As) с примесью (Sn, Pb). 3-я группа (НС-215, 217 – петля, 181- распределитель) изготовлена из меди с примесью (As, Sn, Pb). 4-я группа (НС-160) – бронза, легированная оловом (4,7%), свинцом (3,9%) (Cu-Sn-Pb) с высоким содержанием (As, Sb, Bi, Ag). Образец этой бляшки близок по составу к подвеске (НС-250) и псалиям из Кубалач/Сенное (НС-241-242), и может быть изготовлен и использованием руд Карпато-Дунайского бассейна. Крестовидные бляшки (НС-156, 176, 177,189) из Льговского изготовлены из высоколегированных оловом бронз с мышьяком: Sn (15-22%), As (0,5-1,8%), с примесями (Pb, Sb). Одна из крестовидных бляшек состоит из меди с примесями (Sb, As, Sn, Pb).

В «клада» Кубалач/Сенное выделяются также разные по составу типы блях. Бляха (НС-248) изготовлена из высоколегированной оловом Sn (42%) и свинцом Pb (16%) бронзы (Cu-Sn-Pb) со следами сурьмы, мышьяка, висмута и иттрия (Sb, As, Bi, Y). Такой состав может указывать на использование руд Карпато-Дунайского бассейна. Образец бляхи (НС-249) изготовлен из низколегированной бронзы (As, Sn, Pb). Набор блях (НС-251-267) разделяется на группы по содержанию олова в сплаве: 6–9% и 10–16%. Все образцы изготовлены из бронзы, высоколегированной оловом, а также мышьяком и свинцом (Cu-As-Pb-Sb) и содержат небольшую примесь или следы никеля. Пронизи (НС 244-247) состоят из высоколегированной оловом и свинцов бронзы (Cu-Sn-Pb). Для всех пронизей характерно высокое содержание олова (от 22 до 32%) и свинца (от 6 до 8%). Также присутствуют примеси Co, Ni, Bi, Sb, As, Ag. Содержание Ag (0,3–0,5%), Ni (0,65-0,88%), Co (0,19–0,24%), Sb (0,75-1,1%). Возможно, в сплаве пронизей также использовались руды Карпато-Дунайского бассейна.

В отдельную группу можно объединить пуговицы (НС-168, 169) из Льговского, которые содержат высокий процент цинка Zn (8,67%) и свинца Pb (3,8–4,6%), что по составу сплава отвечают томпаку, такой состав близок к латуни. В эту группу входит фибула (НС-170), в составе которой также высокое содержание цинка Zn (7,7%). По составу сплава к этим образцам близка случайная находка из Раздольненского района - бляшка (НС-53),

сплав которой обогащен цинком Zn (4,4%), оловом Sn (1,55%) и свинцом Pb (2,38%).

Среди случайных находок есть изделия, которые по своей типологии относятся к «киммерийским» (НС-9 – бляшка-разделитель, НС-14 - ворворка), но по составу отличаются от остальных высоким содержанием олова и свинца: Sn (36,76 и 11,39%), Pb (14,01 и 26,12%), в образцах также присутствует цинк Zn (0,25 и 0,19%), следы иттрия и висмута. К этой группе можно отнести бляхи (НС-269, 271), также с высокими содержаниями олова и свинца, но без примеси цинка и микроэлементов. Бляха (НС-270) относится к высоколегированным оловянно-свинцовым бронзам, содержащих Sn (35,17%), Pb (5,32%).

Бляха-разделитель (НС-49), случайная находка из Раздольненского района, состоит из высоколегированной оловом бронзы с высоким содержанием сурьмы Sb (1,08%) и свинца Pb (0,86%).

Медная бляха-заклепка (НС-39) со следами серебра, свинца и остатками сульфидов – случайная находка, найденная в Сенном, Белгородского района.

Заключение

Анализ сплавов бронзовых изделий из конской упряжи, найденных на разных памятниках новочеркасского периода на территории Крыма (Льговское, Кубалач/Сенное), а также случайных находок фрагментов киммерийской узды выявляет разнообразие составов, связанное с функциональным назначением изделий, источниками рудного сырья и технологиями металлообработки. Как указывают исследователи кургана Льговское 2 (Рукавишникова и др. 2022) анализ рецептурных добавок и микропримесей в сплавах изделий показал, что состав сплава тесно связан с функциональным назначением предмета. Это также характерно для изделий из других памятников и случайных находок: грызла для удил выплавлялись из плохо очищенной меди или низколегированного оловом бронзового переплава, состав которого отвечал почти чистой меди; наборы бляшек изготавливались, как из высоколегированной, так и низколегированной оловом бронзы, отдельные из этих бляшек могли использоваться для изготовления удил; для псалий характерно использование высоколегированной оловом бронзы. Вместе с тем, для бляшек и псалий характерно использование многокомпонентной бронзы, в состав которой входит не только олово, но и свинец, сурьма, серебро. Можно отметить также, что составные компоненты изделий узды могли быть изготовлены из разных типов сплавов. Различия в составе сплавов удил и псалиев из разных комплексов свидетельствуют о разных металлургических традициях и торговых (обменных) связях. Разнообразие и многокомпонентность составов сплавов не дает возможность однозначно установить определенные типы месторождений, которые могли использоваться, как было сделано на могильнике Терезе. Можно отметить, что изделия могли выплавляться из сульфидных, медно-цинковых, полиметаллических руд и грейзеновых месторождений Северного Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна, а также включать переплав и использование лома. Присутствие цинка в некоторых изделиях указывает на возможные контакты с регионами, где разрабатывались полиметаллические руды, например, Закавказье. Так, авторы исследования комплекса Льговское 2 (Руковишникова и др., 2022) пришли к выводу, что найденные в нем материалы хорошо согласуются с синхронными материалами из Поднепровья, Северного Кавказа и Нижнего Дона, но при этом указывают на заметное кавказское влияние. Отдельные материалы «клада» Кубалач/Сенное демонстрируют связи с Карпато-Дунайским бассейном, как и случайные находки фрагментов удил, которые имеют аналогии на памятниках Среднего Днестра (Сахарна) (Topal, Vornic, 2024). Спектральный анализ сплавов 35 изделий из воинского погребения Квитки (южная лесостепь, Правобережье Днепра) показал, что основными лигатурными примесями были: олово, олово с мышьяком, олово с мышьяком и небольшим количеством сурьмы. Среди находок была пятилепестковая бляха-лунница, изготовленная из билона (низкопробного серебра). Исследователи (Гошко, Ольговський, 1992) сделали вывод о северокавказском влиянии на металлообработку в лесостепи к северу от Черного моря в предскифский период. Рентгено-флуоресцентный анализ 22 предметов из 91 изделия клада Бирюки (Правобережье Днепра) позволил предположить, что сырье для изготовления 19 бронзовых и трех серебряных изделий, скорее всего, было местного происхождения, а именно из Нагольного Кряжа (восточная оконечность Донецкого

Кряжа) (Goshko, Videiko, 2022). Исследование двух комплектов конского снаряжения из кургана у г. Аксай (Гиреева Могила, Нижнее Подонье) выявило неоднородность состава металла и применение одинаковых рецептур для изделий одинакового функционального назначения (Мелентьев, 1967).

Проведенные исследования показывают комплексность и в то же время серийность металлургического производства, которое сложилось в раннем железном веке на территории Северного Причерноморья и снабжало «киммерийцев» деталями для конской упряжи. Возможно, существовало несколько разных металлургических центров, расположенных в разных регионах и обслуживающих кочевников. Кроме того, нельзя исключать широкие обменные связи между кочевыми племенами, которые могли заниматься «закупками» определённых типов элементов упряжи в одном металлургическом центре, а затем распространением их между соседями на широкой территории степного Северного Причерноморья, включая Крым. Быстрые обменные связи и трансфер идей и технологий приводил к унификации определенных типов комплектов вещей, в данном случае, конского снаряжения, которое отличалось высокой функциональностью и максимальным удобством при использовании, что отражается в том, что в любой момент вышедшие из строя или утерянные детали могли быть быстро заменены аналогичными. Это было проявлением нового стиля хозяйственно-экономических связей, который возникает в раннем железном веке с распространением мобильных кочевых культур.

ЛИТЕРАТУРА

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.) / Археологические источники Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.

Гошко Т.Ю., Ольговський С.Я. Кольоровий метал з кімерійського поховання поблизу с. Квітки // Стародавнє виробництво на території України / Від. ред. С. В. Паньков. Київ: Наукова думка, 1992. С. 67–71.

Дубовская О.Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1. С. 63–69.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. С. 181–218.

Зайцев Ю.П., Кашуба М.Т., Кулькова М.А., Кульков А.М., Тихомиров В.А., Шкрибляк И.И. Металлические изделия эпохи бронзы — раннего железного века из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский». Находки случайного депонирования (2015, 2018–2023 гг.). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. 248 с

Кашуба М.Т., Кулькова М.А. Междисциплинарные исследования погребений ранних кочевников («киммерийцев») на западе «Великой степи» (обзор до 2020-х гг.) // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 200–220. https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-40-200-220

Колтухов С.Г. Киммерийцы степного и предгорного Крыма (погребальные памятники и комплексы IX–VII вв. до н.э.) / Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 3. Симферополь: АРИАЛ, 2022. 116 с.

Кравченко Э.А. Раннее железо в Северном Причерноморье и поселение Уч-Баш: технология и традиция // Российский археологический ежегодник. Вып. 3 / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 257–287.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с.

Мелентьев А.Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИА. Вып. 112 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 38–44.

Новичихин А.М., Смекалова Т.Н. Комплекс предметов конского снаряжения протомеотского времени и ранескифское зеркало с южного берега Краснодарского водохранилища. Междисциплинарное исследование // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В.И. Козенковой / Под ред. А.А. Малышева, А.Ю. Скакова. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 178–197. https://doi.org/10.29003/m2647.kchc/178-197

Рукавишинкова И.В., *Бейлин Д.В., Смекалова Т.Н., Антипенко А.В., Леонов Л.Л., Ващенкова Е.С., Сайфутяров Р.Р., Яцишина Е.Б.* Загробный путь киммерийской колесницы. Рентгено-флуоресцентные

и масс-спектрометрические исследования конского и колесничного снаряжения из кургана Льговское в Крыму // Stratum Plus. 2022. № 3. С. 101–121.

Степанова Е.В., Кашуба М.Т. «Киммерийские» узды из кургана у Слободзеи (Нижнее Поднестровье) // Поволжская археология. 2024. № 4 (50). С. 189–199. https://doi.org/10.24852/pa2024.4.50.189.199

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Эрлих В.Р., Ениосова Н.В., Рассохина И.В. Металл «киммерийской элиты» Северного Кавказа (по материалам гробницы 3 могильника Терезе) // Восток (Oriens). 2023. № 2. С. 253–278. https://doi.org/10.31857/S086919080024053-5

Goshko T., Videiko M. Hoard of horse gear items of Cimmerian times from Kyiv region, Ukraine // Revista archeologică, s. n. Chișinău, 2022. Vol. XVIII, nr. 1. P. 60–72.

Topal D., Vornic V. Pre-scythian horse harness from Moldova: new find from Socola // Tyragetia, s.n., vol. XVIII [XXXIII], nr. 1, 2024, 163–172.

Информация об авторах:

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им.А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kulkova@mail.ru

Кашуба Майя Тарасовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, РГПУ им.А.И.Герцена, заведующая отделом Археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); mirra-k@yandex.ru

Кульков Александр Михайлович, научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); СПбГУ РЦ РДМИ (г. Санкт-Петербург, Россия); aguacrystals@yandex.ru

Тихомиров Виталий Александрович, младший научный сотрудник. Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); tihomirov.va1985@gmail.com

REFERENCES

Bryako, I. V. 2005 *Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R. Kh.) (Early nomads in Europe (10th–5th centuries BC)).* Series: Arkheologicheskie istochniki Vostochnoy Evropy (Archaeological sources of Eastern Europe). Kishinev: “Vysshaya Antropologicheskaya Shkola” Publ. (in Russian).

Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the 1st Millennium B.C. in the South of Eastern Europe*). Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).

Goshko, T. Yu., Olgovskiy, S. Ya. 1992. In Pan’nkiv, S.V. (ed.). *Starodavne virobnitsvo na territorii Ukraini (Ancient production on the territory of Ukraine)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 67–71 (in Ukranian).

Dubovskaya, O. R. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 63–69 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh* (*Archaeological almanac*) 6. Donetsk, 181–218 (in Russian).

Zaytsev, Yu. P., Kashuba, M. T., Kulkova, M. A., Kulkov, A. M., Tikhomirov, V. A., Shkriblyak, I. I. *Metallicheskiye izdeliya epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka iz fondov muzeya-zapovednika «Neapol' Skifskiy». Nakhodki sluchaynogo deponirovaniya (2015, 2018–2023 gg.) (Bronze Age – Early Iron Age metal items from the funds of the Museum-Reserve “Naples Scythian”. Chance finds (2015, 2018–2023))*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University (in Russian).

Kashuba, M. T., Kulkova, M. A. 2023. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 40, 200–220 (in Russian).

Koltykhov, S. G. 2022. *Kimmeriytsy stepnogo i predgornogo Kryma (pogrebal'nye pamyatniki i kompleksy IX–VII vv. do n.e.) (Cimmerians of steppe and foothill Crimea (burial sites and assemblages of the 9th–7th centuries BC))*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya (Archaeological sites of the Northern Black Sea region). Simferopol: “ARIAL” Publ. (in Russian).

Kravchenko, E.A. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 257–287 (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Northern Black Sea Region).* Kiev: “Shlyakh” Publ. (in Russian).

Melentyev, A.N. 1967. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 112. Moscow: "Nauka" Publ., 39–47 (in Russian).

Novichikhin, A. M., Smekalova, T. N. 2021. In Malyshev, A. A., Skakov, A. Yu. (eds.). *Kobanskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v kontekste drevnostey Kavkaza. Pamyati doktora istoricheskikh nauk V.I. Kozenkovoy (Koban cultural and historical community in the context of the antiquities of the Caucasus. In memory of Doctor of History V.I. Kozenkova)*. Moscow: "MAKS" Publ., 178–197 (in Russian).

Rukavishnikova, I. V., Beylin, D. V., Smekalova, T. N., Antipenko, A. V., Leonov, L. L., Vashchenkova, E. S., Sayfutyarov, R. R., Yatsishina, E. B. 2022. In *Stratum Plus* (3), 101–121 (in Russian).

Stepanova, E. V., Kashuba, M. T. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 50* (4), 189–199 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Erlikh, V. R., Eniosova, N. V., Rassochina, I. V. 2023. In *Vostok (Oriens)* 2, 253–278 (in Russian).

Goshko, T., Videiko, M. 2022. In *Revista archeologică*, s. n. Chișinău, Vol. XVIII, nr. 1, 60–72 (in English).

Topal, D., Vornic, V. 2024. In *Tyragetia, s.n*., vol. XVIII [XXXIII], nr. (1), 163–172.

About the Authors:

Kulkova Marianna A. Doctor of Geological-Geochemical Sciences. Herzen State Pedagogical University, nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru

Kashuba Maya T. Candidate of Historical Sciences. Herzen State Pedagogical University. nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; mirra-k@yandex.ru

Kulkov Aleksandr M. Herzen State Pedagogical University. nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; St. Petersburg State University, per. Dekabristov, 16. St. Petersburg, 199155, Russian Federation; aguacrystals@yandex.ru

Tikhomirov Vitaliy A. Institute of Archaeology of Crimea RAS, pr. Vernadskogo, 7, Simferopol, 295007, Russian Federation; tihomirov.va1985@gmail.com

Статья поступила в журнал 12.07.2025 г.
Статья принята к публикации 18.07.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904, 902.6, 902.64, 903.25 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.88.106

БУСЫ ГРУППЫ ТИПОВ «АЛЕКСЕЕВА-480-482,490,496» (A-480-482,490,496/T-M-362) В ПРИКАМЬЕ

©2025 г. А.А. Красноперов

Решение вопросов хронологии прикамских древностей может опираться на датировки неместных предметов с известной хронологической позицией: фибулы, пряжки, бусы, и т.п. Но количество находок велико, что не позволяет обрабатывать всю совокупность сразу. Оптимальной является работа с конкретными типами привозных вещей. Статья является частью цикла, посвященного одной группе бус – «с ресничковым орнаментом» – T-M-362/A-480-482,490,496. Бусы этой группы найдены в 38 погребениях из восьми мазунинских могильников и в 11 погребениях из четырех азелинских. В Барбарикуме наибольшее распространение они получают в фазах C1b-C2 (220/230-300/320 гг. = 2 треть III – нач. IV в.) центрально-европейской хронологии. Позднее конца C2 они отмечены на Кавказе и в рязано-окских погребениях, где они единичны, и доживают до середины IV в. Прикамские комплексы с находками таких бусин можно разделить на две группы, первая из которых может быть отнесена к 1 пол. III в., вторая – ко 2 пол. III – нач. – сер. IV в. н.э.

Ключевые слова: археология, бусы, хронология, Прикамье, мазунинская культура, азелинская культура.

GROUP OF TYPES BEADS “ALEKSEEVA-480-482,490,496” (A-480-482,490,496/T-M-362) IN THE KAMA REGION

A.A. Krasnopeorov

The solution of chronology issues of the Kama antiquities can be based on the dating of non-local objects with a known chronological position: brooches, buckles, beads, etc. However, the large number of finds precludes processing the entire assemblage at once. The optimal approach is to work with specific types of imported items. This paper is part of a series dedicated to one group of glass beads - “with rosette ornament” - T-M-362/A-480-482,490,496. Beads of this group have been found in 38 burials of 8 Mazunino burial grounds and 11 burials of 4 Azelino burial ground. In Barbaricum, they are most widespread in phases C1b-C2 (220/230-300/320 = 2 thirds of the 3rd - early 4th century) of the Central European chronology. Later than the end of the C2, they were discovered in the Caucasus and in Ryazan-Oka burials, where they are rare, and persist until the middle of the 4th century. The Kama assemblages with finds of such beads can be divided into two groups: the first one can be dated to the 1st half of the III century, second – 2nd half of the III century – beginning – beginning – middle of the IV century AD.

Keywords: archaeology, beads, chronology, archaeology of Kama region, Mazunino archaeological culture, Azelino archaeological culture.

Ведущим вопросом к археологическому материалу остается хронологический. Решаться он может различными способами, с различной результативностью. Но, по умолчанию, чем дальше изучаемая территория от «центров мира», тем сложнее ответ на вопрос, замысловатее цепочки доказательств. Хронология памятников Прикамья остается неразработанной. Собственных выходов на датировки практически нет. Лишь недавно опубликованы первые радиоуглеродные даты (Черных, Хайруллина, 2018, рис. 1). Основаниями для датирования остаются привозные предметы. Однако массив собственных находок так огромен, что работа со всей совокупностью сразу – абсурдная самонадеянность. Рациональным является группировка комплексов по какому-либо принципу, и дальнейшая обработка таких локальных групп последовательно. Основаниями для выделения групп могут являться находки неместных типов с известной хронологической позицией: фибулы, пряжки, бусы, и т.п. Но и в рамках категорий, комплексов слишком много, потому эффективнее ограничиваться сразу конкретными типами. Что, одновременно, позволяет обсуждать более узкую хронологию их бытования в исходной среде.

Бусы, монохромного и полихромного стекла, с металлической вкладкой, из фаянса, камней, янтаря и раковин, весьма распространенная категория инвентаря. Абсолютно все, кроме керамических, бусы импортировались из центров их производства. Более-менее понятно их место в костюме (Красноперов, 2006д), хотя и здесь есть, что изучать (Голдина Е.В., 2017), но вопросы механизма и путей поступления, и их эволюции, могут быть поставлены *только после* определения периодизации в культуре.

Самих бус и бисера много, как и разнообразия их типов. Но их хронологическое значение неравномерно. О.В. Гопкало предложила точную характеристику: «диагностические» (хронологически значимые) и «неинформативные» (хронологически инертные, «сквозные», хронологически и географически широко расрпостраненные) (Бобровская, 1999, с. 152). Ко второй группе относятся бисер, одноцветные бусы. Они могут приобрести хронологический «вес» при изучении состава наборов, т.е. только на следующем этапе исследования. «Хронологически значимые», это бусы, изготовленные индивидуально, единичные экземпляры, не массовые, и не «статистические».

Задачей этой работы является обобщение комплексов с бусами типов А-480-482, 490,496/Т-М-362, – «Округлые эллипсоидные усеченные дважды, средние, с растительным орнаментом в виде цветка, цвет основы и декора которых отличается: цвет бусины – молочно-белый, розово-оранжевый, зеленый полупрозрачный с желтыми и красными разводами, серо-голубой непрозрачный, пурпурный прозрачный, цвет цветка — белый, желтый, серый. Техника изготовления декора – сварка мозаичных полос. Техника изготовления изделия – сгибание стеклянной палочки» (Гопкало, 2008, с. 58).

Структура подразумевает рассмотрение оснований датирования в ареалах распространения, и датирование прикамских комплексов с бусами рассматриваемых типов. Эта конкретная публикация касается только комплексов непосредственно из Прикамья.

Источниковая база и проблемы региональной типологии

Позднесарматское время представлено в Прикамье памятниками мазунинской (басс. средней Камы), азелинской (басс. Вятки и нижней Камы), поздней кара-абызской (басс. Белой), культур. В ареале мазунинской культуры изучено 28 могильников и отдельных погребений, включая четыре переходных, азелинской – 49, достоверных и предположительных. Бусы азелинской культуры не изучались, за исключением подробно опубликованного Д.Г. Бугровым комплекса Тетюши II, п.30 (Бугров, 2004), и небольшой статьи по Мари-Луговскому могильнику (Кутузова, 2019).

Большие своды или серии работ по бусам мазунинской культуры принадлежат Т.И. Останиной, Р.Р. Руслановой[1] и Е.В. Голдиной. Имеются публикации по отдельным памятникам (Голдина Е.В., Бернц, 2015а; 2015б; Голдина Е.В., Черных, 2015а; 2015б; 2016; 2017; Голдина Е.В., 2010; 2011), позволяющие оперировать сведениями по еще неизданным могильникам (Боярский, Дубровский).

Само содержание типологического метода доведено Т.И. Останиной до абсурда – в каждой публикации у нее новая нумерация типов. Даже в пределах одной статьи, посвященной двум могильникам (Ижевский и Чепанихинский могильники), нумерация типов разная для каждого памятника: Ижевск, «тип 3 – одноцветная синяя кольцеобразная»; Чепаниха, «тип 3 – одноцветные синие биконические» (Останина, 1984, с. 32, 34). Существует и общая типология, для которой выбраны 80 погребений из Мазунинского, Нивского, Ижевского, Ангасякского, Старокабановского, Бирского, Бахмутинского могильников; выделено 119 типов. Почему только из 80-ти могил не объяснено, но бусы найдены в гораздо большем количестве захоронений. Перечень памятников показывает, что типология создавалась к кандидатской диссертации 1983 г. и позже не изменялась (отсутствует Покровский могильник, раскопанный ею). Характеристики типов нет. На иллюстрации (Останина, 1997, рис. 21) приведено 65 изображений, никак с типами не соотнесенных. Некоторые можно определить по характерным особенностям: рис.21-63 это тип 105, «с 8-видным узором» (Останина, 1997, с. 111), т.е. логики между типами и рисунками уловить невозможно. В тексте есть некоторые цветовые и размерные (бисер) характеристики, и два прямых указания на соответствие общепонятной типологии Е.М. Алексеевой: «мозаичные 93-95» = Алексеева-92, «синие 14-гранные без номера типа» = Алексеева-134 (Останина,

1997, с. 110, 111). В тексте автореферата есть уточнение: типы 1-8 – синие, 9-16 – желтые, 17-21 – красные, 82-106 – многоцветные, и, может быть, 44-46 – бесцветные, 61 – грязно-желтые (Останина, 1983, с. 9). Использовать это невозможно.

Типология в дипломной работе Н.В. Кузьминых (Кузьминых Н.В., 2001д), которую сейчас публикует Е.В. Голдина (Голдина Е.В., Кузьминых, 2013; Голдина Е.В., 2015а; 2015б; Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 2021), основана на технологии изготовления бусин (палочка, трубочка, …), разработана для памятников неволинской культуры. Это принципиально разные сущности. Неволинская культура, которая захватывает уже салтовское время, и мазунинская еще только позднесарматского. Обратный перенос, для наглядности, на бытовом уровне, можно сопоставить с попыткой оценки с позиций современного уголовного кодекса событий 100-летней войны или «охоты на ведьм». Кроме того, Н.В. Кузьминых обработала не все находки, и не везде верно определила материал изготовления. Иногда это существенно.

Общее состояние типологии

Всё зависит от постановки исследовательских задач. Типология по технологическим признакам нужна при изучении производственных технологических процессов. Но конечный потребитель в глухих таежных лесах ничего в этом не понимал (о том же: Олійник, 2017а, с. 133). Да и сама технология была секретом. Потребителя интересовал внешний вид, поэтому морфологические типологии остаются предпочтительными, как соответствующие реальному функционированию предмета в культуре. На уровне работы с непосредственным материалом еще удобнее небольшая модификация, где основным выделяется самый визуально-заметный признак, т.е. не форма, а цвет[2]. Судя по сводным таблицам, к этому склоняются и другие авторы (Бобровская, 1999, табл. 1; Bârcă, 2014, fig. 27).

Е.М. Алексеева распределила 7 находок бус с ресничковым орнаментом на пять типов и тип без номера (Алексеева, 1982, с. 42–43, табл. 49: 12-16,18), с одной стороны, не исчерпывающие цветового многообразия, с другой, с непоследовательной нумерацией. Какой-то четкой логики в распределении нет. О.В. Гопкало, которая в черняховском ареале отметила 5 цветовых вариантов типа Пс XIII/5 (Гопкало, 2008, с. 58-59, табл. VI). Однако, в силу локальности, она не очень привычна. Бусы с ресничковым орнаментом включены М. Темпельманн-Мончинской в группу XXIII, с прочими сложными (не линейными и не глазчатыми) орнаментами (Tempelmann-Maczinska, 1985, taf. 11). Группа получилась разнородной, но «тип 362» – «компактный» (рис. 1). Далее удобно использовать именно эту нумерацию.

В мазунинских памятниках бусы типов Т-М-362/А-480-482,490,496 известны мне в 38 погребениях 8-и могильников: Тураево, пп.19, 73, 101, 149, 235, 267, Тарасово[3], пп.15, 25, 52, 107, 281, 292, 296, 308, 312, 452, 515, 551, 682, 705, 787, 845, 882, 896, 1535, 1681, 1754, 1759, сбор, Усть-Сарапулка, п.81, Заборье, п.24, Покровка[4], п.109, Ижевск, пп.2, 6, 8[5], 75, Нива, пп.57, 73, Бирск[6], пп.70, 398. Встречаются практически исключительно (кроме Бирского) на правобережных памятниках (рис. 1).

В азелинских памятниках бусы типов Т-М-362/А-480-482,490,496 известны мне в 11 комплексах 4-х могильников: Рождествено V, пп.8 (Старостин, 2009, рис. 5: 18), 33 (рис. 11: 26д), Усть-Брыска, пп.11 (МАРТ, У.Б.74/121), 13 (Старостин, 1977, рис. 51: 13), Худяки, пп.1 (Лещинская, 2014, табл. 58: 1), 12 (Лещинская, 2014, табл. 63: 2,4), 100 (Лещинская, 2014, табл. 111: 4), 110 (Лещинская, 2014, табл. 120: 1, 2), 112 (Лещинская, 2014, табл. 121: 1), Тюм-Тюм, пп. 60 (Ошибкина, 2010, табл. 31: 1, 84: 2), 133 (Ошибкина, 2010, табл. 84: 1). Все памятники расположены на правом берегу Камы[7].

Характеристика сложившейся хронологической системы

Подробная характеристика мазунинской культуры сделана Т.И. Останиной (1983; 1997), вятской группы азелинской – Н.А. Лещинской (1995; 2014). Хронология[8] основана на «корреляции» (этот термин используется авторами), которая, строго говоря, корреляцией не является. Во-первых, «корреляция», это математическая процедура, которая ни разу не проводилась. Во-вторых, требуется чтобы «колонки» и «линии», отражающие комплексы и типы, были максимально компактными. Если это доделать, то группировка и типов и комплексов явно изменится. В-третьих, главное, многие признаки представлены по одному разу (что недопустимо при заявлении «статистических»

Рис. 1. Находки бус и принципы типологии. Находки (фотографии 2004-2005 гг.; б70, 398 – Русланова, 2018, рис. 28-1.2Б1с, 1.2Б5а, з24 – Голдина Е.В., Бернц, 2015а, рис. 1-IVБ8в, и2/6/8 – Генинг, 1967, табл. 1-17, и75 – Останина, 1984, табл. 24-34, н57, н73 – Останина, 1978, табл. I-28, II-13; п109 – Останина, 1992, рис. 19-4, ту19, 73, 235, 267 – Голдина Е.В., 2010, рис. 2-IVБ8в, IVБ53а, VIГ7а, XVБ7а). Номера соответствуют комплексам. Сокращения названий: б – Бирский, з – Заборьинский, и – Ижевский, н – Нивский, п – Покровский, т – Тарасовский, ту – Тураевский, ус – Усть-Сарапульский могильники. Ареалы культур: a – мазунинской, b – азелинской, c –«древнемордовской», d – рязано-окских могильников; e – памятники, f – памятники с находками бус группы T-M-362/A-480-482,492,496, g – памятники с находками восточноевропейских выемчатых эмалей. Типологические ряды по: Гопкало, 2008, табл. VI-XIII-5, Алексеева, 1982, табл. 49-12-16,18, Tempelmann-Mączyńska, 1985, taf. 11-362.

Fig. 1. Finds of beads and principles of typology. Finds (photos from 2004-2005; б70, 398 – Ruslanova, 2018, fig. 28: 1.2Б1с, 1.2Б5а, з24 – Goldina E.V., Berntz, 2015a, fig. 1: IVБ8в, и2/6/8 – Gening, 1967, tables 1: 17, и75 – Ostanina, 1984, tables 24: 34, н57, н73 – Ostanina, 1978, tables I: 28, II: 13; п109 – Ostanina, 1992, fig. 19: 4, ту19, 73, 235, 267 – Goldina E.V., 2010, fig. 2: IVБ8в, IVБ53а, VIГ7а, XVБ7а). The numbers correspond to the complexes. Site name abbreviations: б – Birsk, з – Zaborye, и – Izhevsk, н – Niva, п – Pokrovka, т – Tarasovo, ту – Turaevo, ус – Ust-Sarapulka burial grounds. Areas of cultures: a – Mazunino, b – Azelino, c – “Old Mordovian”, d – Ryazan-Oka burial grounds; e – monuments, f – monuments with finds of beads of the T-M-362/A-480-482,492,496 group, g – monuments with finds of Eastern European champlevé enamels. Typological series according to: Gopkalo, 2008, table. VI: XIII-5, Alekseeva, 1982, table. 49: 12-16,18, Tempelmann-Mączyńska, 1985, taf. 11: 362.

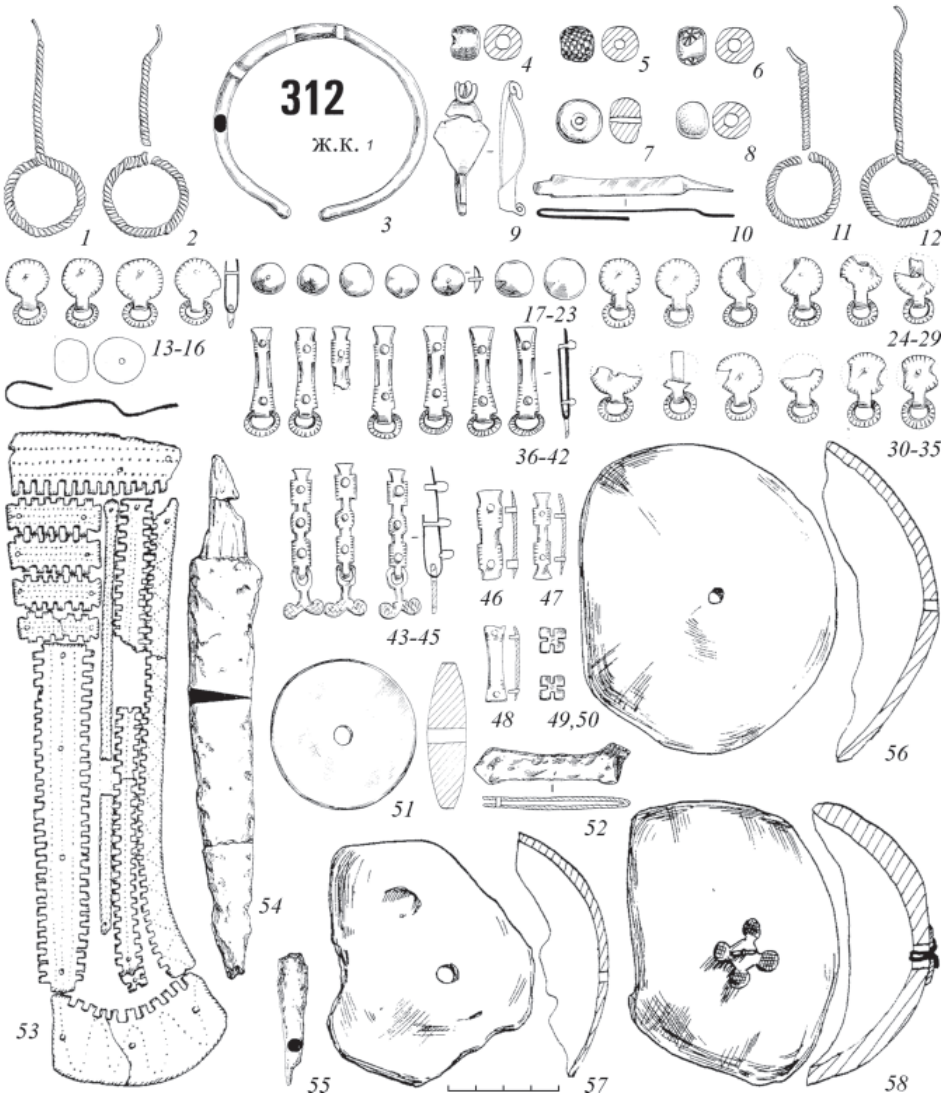

Рис. 2. Тарасово, п.312 (Голдина Р.Д., 2003, табл. 139-140).
Fig. 2. Tarasovo, burial 312 (Goldina R.D., 2003, table 139-140).

методов), признаки имеют сверх-широкие датировки, признаки не имеют хронологического значения (местные типы), признаки вообще не обладают хронологическим значением (бляшки), важные характеристики вещей (сечения рамок пряжек, длины язычков, и т.п.) недостоверны – рисунки не соответствуют реальным вещам в коллекциях. Материалы марийской группы азелинской культуры изданы Т.Б. Никитиной (1995), нижнекамская группа своего обобщения не получила, но есть важные наработки Д.Г. Бугрова, остающиеся неопубликованными.

Группировка прикамских комплексов с бусами Т-М-362/А-480-482,490,496

Одной из важных особенностей мазунинской материальной культуры является произошедшая в определенный момент смена материала изготовления украшений – украшения из бронзы сменяются украшениями из железа (Красноперов, 2007). Этот важный хронологический рубеж, конкретно датировать который пока преждевременно, позволяет быстро и эффективно распределять материал на первичном уровне. Первую группу погребений объединяют поясные наборы с бляхой из раковины, многочисленными фасетированными накладками с привесками и без, наборными наконечниками, наборными ножнами (Красноперов, 2018б, с. 117, рис. 2/И), височными подвесками из бронзы, и бронзовыми бабочковидными фибулами, характерны браслеты (рис. 2-4). Вторую группу образуют железные фибулы, бабочковидные

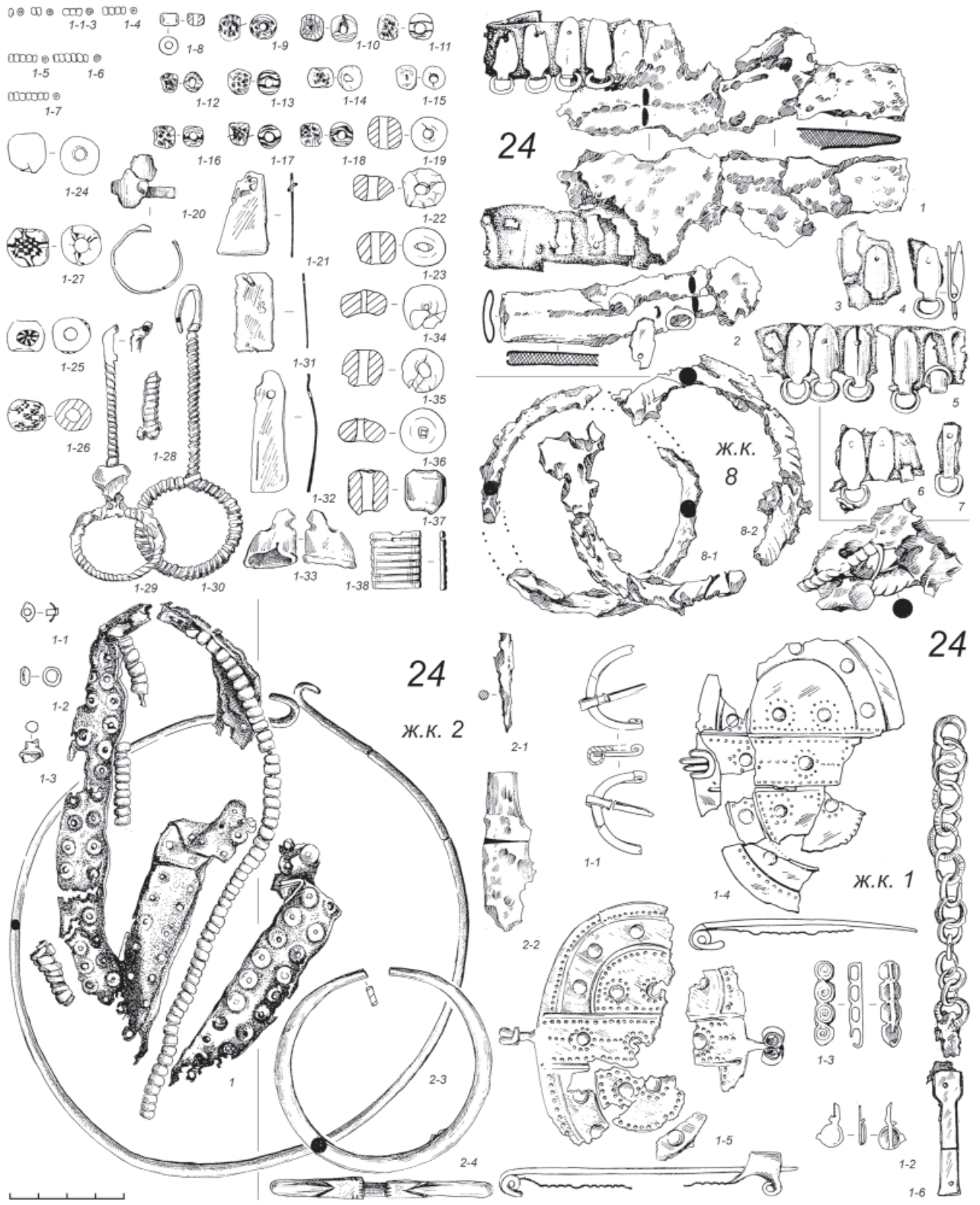

Рис. 3. Заборье, п.24 (Бернц, 2006).
Fig. 3. Zaborye, burial 24 (Berntz, 2006).

и «сайгатского» типа, височные подвески на железной основе, поясные наборы с овальнорамчатыми пряжками, наконечниками с цилиндрическим расширением в месте сгиба, ромбическими и кольцеобразными накладками, «цельными» ножнами (Красноперов, 2018б, с. 117, рис. 2/П), характерны гривны (рис. 5-7).

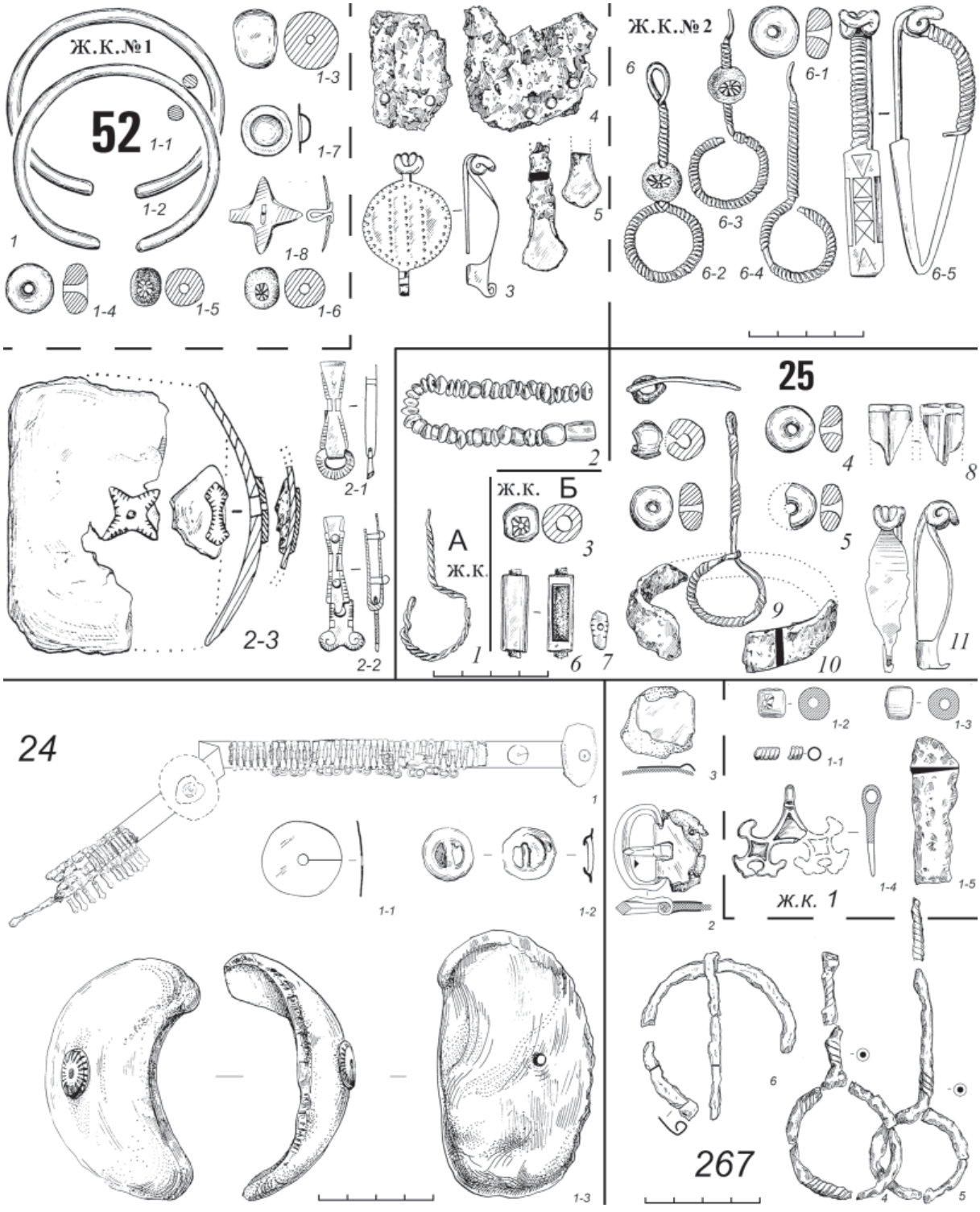

Рис. 4. Тарасово, п.52 (Голдина Р.Д., 2003, табл. 19), Тарасово, п.25 (Голдина Р.Д., 2003, табл. 10/25), Заборье, п.24 (продолжение), Тураево, п.267 (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 181/267) (сохранена нумерация оригиналов).

Fig. 4. Tarasovo, burial 52 (Goldina R.D., 2003, table 19), Tarasovo, burial 25 (Goldina R.D., 2003, table 10/25), Zaborye, burial 24 (continuation), Turaevo, burial 267 (Goldina R.D., Berntz, 2010, table 181/267) (original numbering preserved).

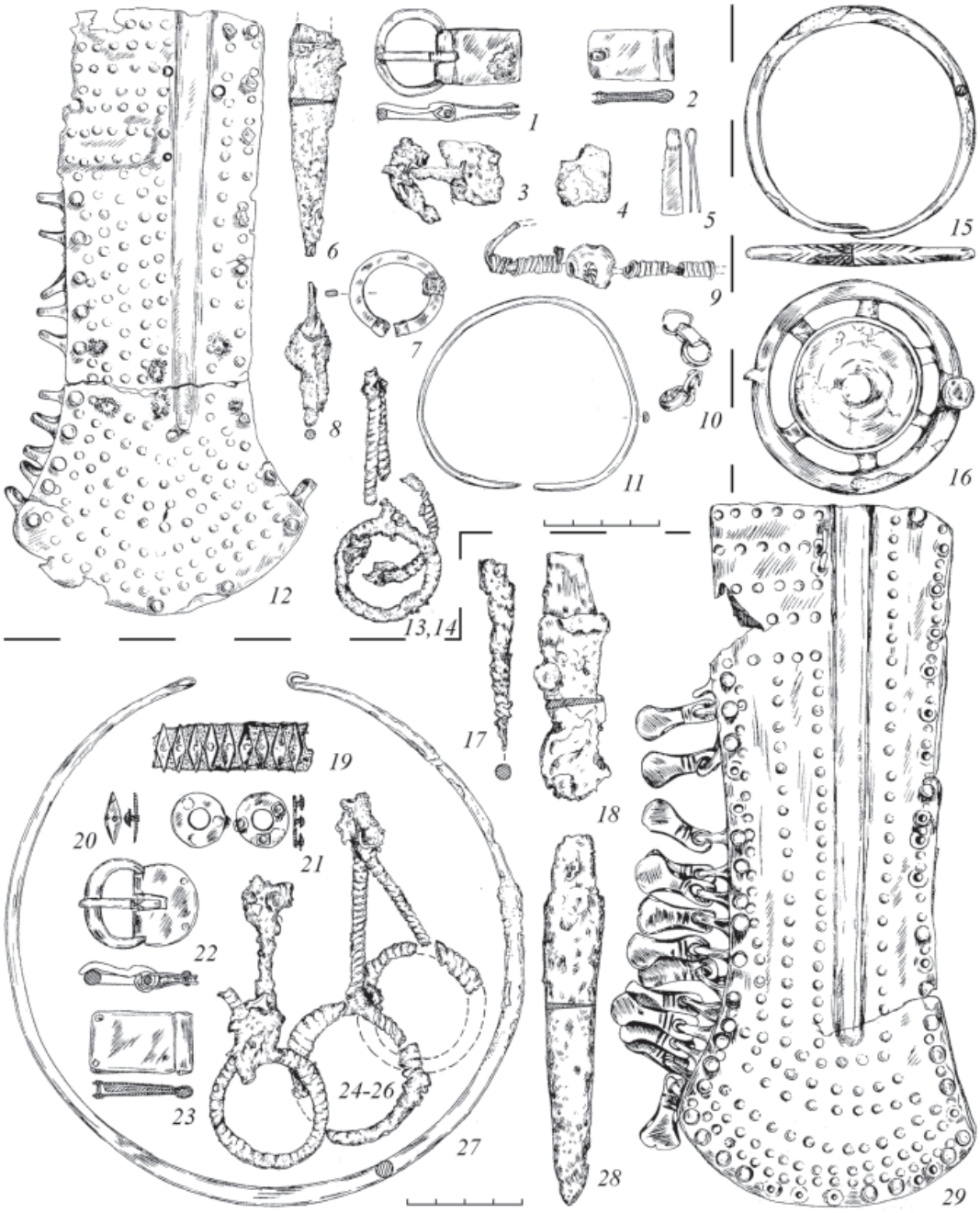

Рис. 5. Покровка, п.109 (Останина, 1992, рис. 15-19).
Fig. 5. Pokrovka, burial 109 (Ostanina, 1992, fig. 15-19).

Азелинские погребения более монолитны. Их объединяют широкие пояса с эполетообразными застежками, пильчатыми накладками, халцедоновыми дисками, ожерелья и гривны с халцедоновыми дисками, височные подвески с короткой спиралью, витые височные кольца с тремя утолщениями.

Датировка бус в регионах распространения

Среди бус Барбарикума М. Темпельманн-Мончинска выделила группу XXIII, тип 362, с основой различного цвета и розетковым орнаментом, как наиболее распространенные среди мозаичных в фазах C1b-C2 (220/230-300/320 гг. = 2 треть III – нач. IV в.) центрально-европейской хронологии (Tempelmann-Maczinska, 1985, tab. 8, s. 95). Хотя появляются несколько раньше, на фазе B2/C1 (160/180-200 гг.), а пережиточно встречаются и позднее (Tempelmann-Maczinska, 1985, s. 60). В Скандинавии отнесены к фазам C1-C3 (150/160-400 гг.) по хронологии У. Лунд-Хансен, с

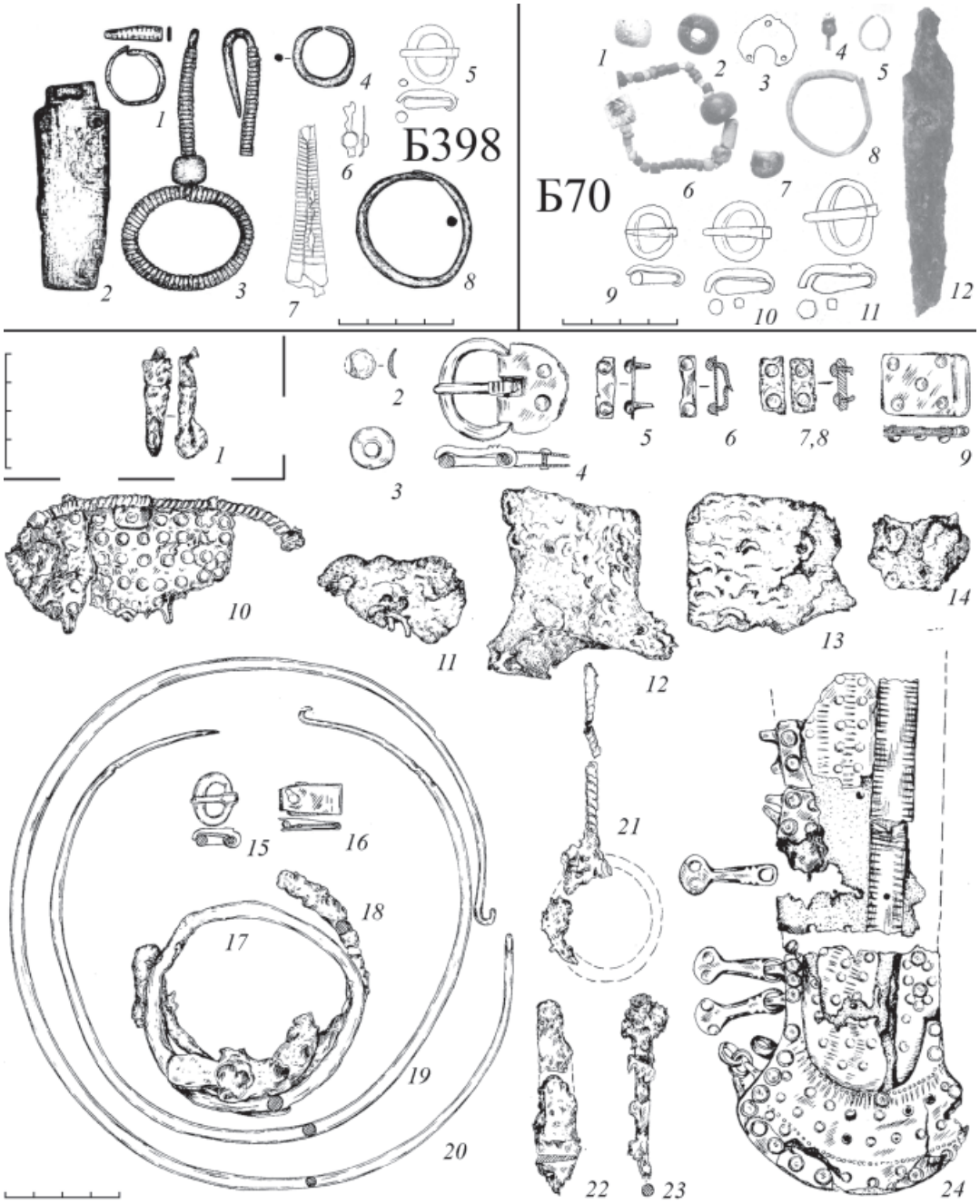

Рис. 6. Бирск, п.398 (АЛ БГУ, с оригиналов; 5-7 – рисунок автора), Бирск, п.70 (Мажитов, 1959о; МАЭ ИАЭ УНЦ РАН, с оригиналов, рисунок автора), Покровка, п.109 (продолжение).
Fig. 6. Birsk, burial 398 (AL BSU, from the originals; 5-7 – drowing by the author), Birsk, burial 70 (Mazhitov, 1959o; MAE IAE UC RAS, from the originals, drowing by the author), Pokrovka, burial 109 (continuation).

пиком распространенности в фазах С1-С2 (150/160-310/320 гг.) (цит. по: Румянцева, 2019, с. 10) (Красноперов, 2023). Бусы характерны для раннего этапа черняховской культуры, хронологической группы 1а, включающей римские импортные изделия, аналогии которым происходят из памятников, прекративших существование в период «скифских войн», но никогда не встречавшихся с вещами последней трети III в. (Гопкало, 2008, с. 58-59, 103, 96, 107, рис. 3.5, табл. VI). В крымских памятниках А.А. Стоянова выделила их в тип X.I.1, зеленые с тремя глазками, сердцевина красная, реснички желтые и зеленые, в трех комплексах, которые отнесла к кон. II – 1 пол. III в. (Стоянова, 2004). В римском пограничье интересующий тип входит в моду со II в., и пользуется спросом весь III в., в единичных

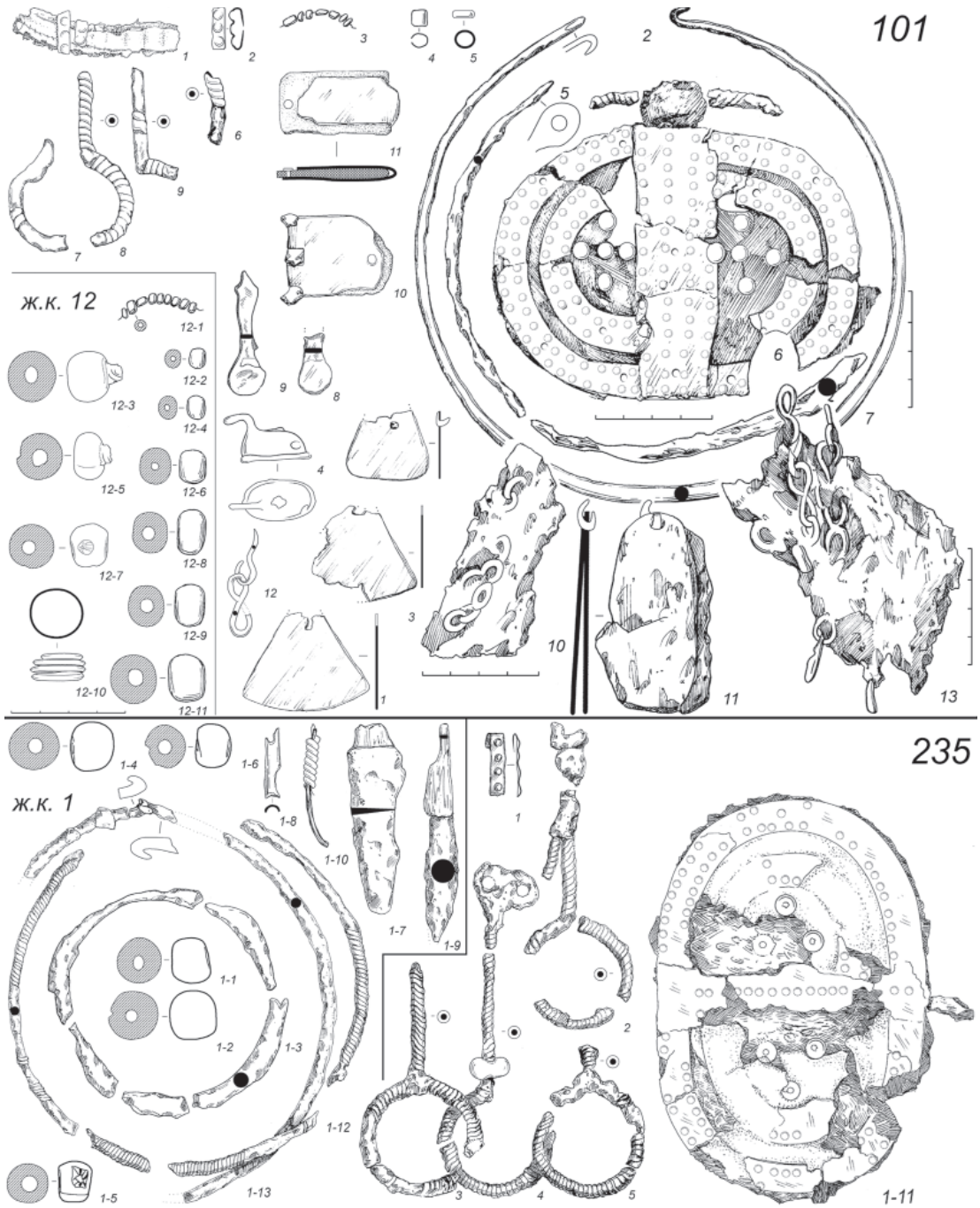

Рис. 7. Тураево, п.101 (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 101-102), Туреаево, п.235 (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 165/235, 166) (сохранена нумерация оригиналов).
Fig. 7. Turaevo, burial 101 (Goldina R.D., Berntz, 2010, tab. 101-102), Tureaevo, burial 235 (Goldina R.D., Berntz, 2010, tab. 165/235, 166) (original numbering preserved).

случаях известен в кон. IV в. (Тиседоб-Сигет, п.19) (Grumeza, 2018, p. 206) (Красноперов А.А., 2020б).

Позднее конца С2 они отмечены в рязано-окских погребениях, где они единичны, и доживают до середины IV в. (Румянцева, 2008, с. 90-91, рис. 2: 1-9; 2019, с. 9-11; Ахмедов, 2018, с. 149), на Кавказе, где регулярно совстречаются с фибулами с нижней тетивой, есть в комплексах с монетой Септимия Севера, и с пряжками IV в. (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 118) (Красноперов, 2021).

Датировка комплексов

Датировки могут опираться только на интеррегиональные группы находок, хронология которых многократно обсуждалась и

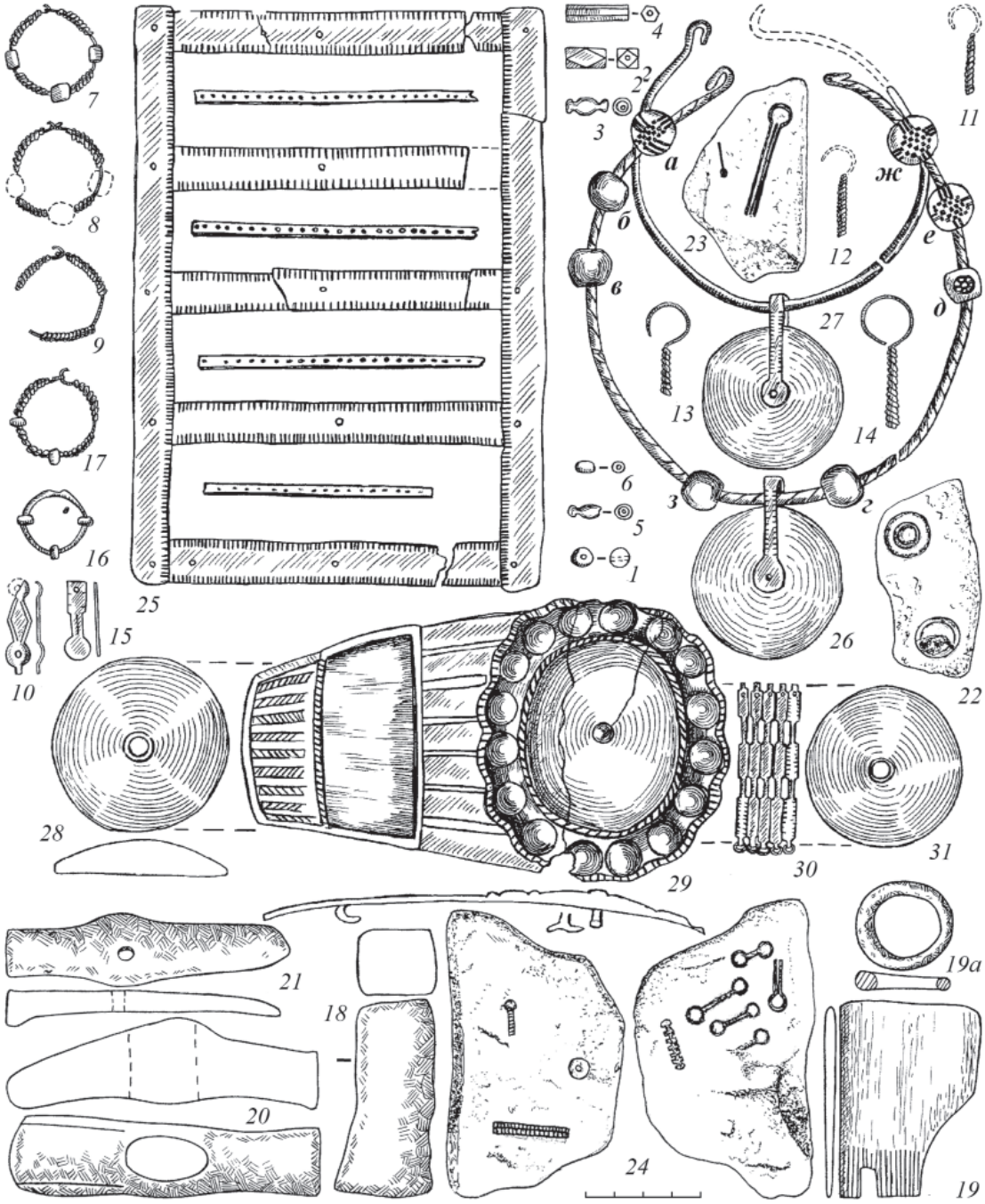

Рис. 8. Рождествено V, п.33 (Старостин, 2009, рис. 11) (сохранена нумерация оригинала).
Fig. 8. Rozhdestveno V, burial 33 (Starostin, 2009, fig. 11) (original numbering preserved).

доказывалась, и на их хронологически значимые признаки. В данном случае это будут фибулы сарматских типов, пряжки и, отчасти, наконечники ремней. Учитывая немногочисленность, каждый случай должен обсуждаться отдельно. Местные типы допустимо привлекать для относительной периодизации.

Две фибулы, из Тарасово, пп.25, 312, относятся к разным вариантам группы Амброз-13/8 или Кропотов-8/2 (Кропотов, 2010, с. 209, № 103) с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 2: 9, 4/25: 11), которые начали использоваться со 2 пол. II, а с 1 пол. III в. преобладали в комплексах (Малашев, 2014, с. 130). Чуть более ранняя хронологическая позиция Тарасово, п.25 обосновывается наличием сапожковых пронизок (рис. 4/25: 6,8), характерных для предшествующей пьяноборской культуры (Красноперов, 2018а, с. 58). Из Тарасово, п.52 происходит неболь-

шая фибула с завитком и круглой плоской спинкой (рис. 4/52: 3), являющейся развитием типа. С сер. III в. начинают использоваться новая разновидность одночленных лучковых фибул с широкой раскованной орнаментированной ножкой (Рис. 4/52: 6-5), образующие, по В.Ю. Малашеву, самостоятельную серию с независимой (сер. – 2 пол. III в.) датировкой (Малашев, 2014, с. 133), найденная в той же могиле.

Короткие наконечники с валикообразным расширением, как в Покровка, п.109 (рис. 5: 2,23, 6: 9), массово представлены в прикамских материалах, можно лишь указать на время, ранее которого они не могли проникнуть. Начало их использования приходится на сер. III в. (Безуглов, Захаров, 1988, с. 18-19). Пряжки из этой могилы, с овальной, чуть утолщенной спереди рамкой, прогнутым язычком, немного заходящим за передний край рамки, с площадкой у основания, полукруглым щитком с парой заклепок (Рис. 5: 22, 6: 4), относятся к типу Малашев П9 (или переходными П9/10), которые начинают использоваться в хронологической группе IIIа, во 2 пол. III – нач. IV в. (Малашев, 2000, с. 196, 206). В Бирск, п.70 три пряжки, и одна в Бирск, п.398, овальнорамчатые, утолщенные в передней части рамки, с заходящим язычком с нечеткой площадкой у основания, без щитков (рис. 6/70: 9-11, /398: 5), типа Малашев П10, бытующие в хронологических группах IIIб и IV, 2-й трети – сер. IV в. (Малашев, 2000, с. 196, 205-206, 209). Железные пряжки сильно корродированы.

В Тураево, п.267 вместе с пряжкой Малашев П9/10 найдена подвеска-лунница с отростками и остатками красной эмали (рис. 4/267: 1-4) группы восточноевропейских эмалей второго периода развития (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120). Вещи второй стадии появляются в конце II в., а около середины III в. уже возникают первые ажурные украшения без эмали (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 123-124). Еще несколько предметов могут быть связаны с кругом эмалей: подвески из Тураево, п.73 (Красноперов, 2020а).

Интересно, что в Бирск, п.398, Тарасово, п.25, Покровка, п.109, Тураево, п.73, найдены единичные украшения предыдущего периода, височная подвеска (Красноперов, 2018а, с. 58), и застежка с неподвижным крючком, эполетообразная застежка (рис. 4/25: 6,8, 5: 16, 6/398: 7).

В целом, первая, «бронзовая» группа может быть осторожно отнесена к 1 пол. III в., вторая, «железная», – ко 2 пол. III – нач. – сер. IV в. н.э.

Каких-то существенных оснований датирования азелинских комплексов нет. Могилы Тюм-Тюм, п.139 и Худяки, п.12 содержат только бусы. По Д.Г. Бугрову остальные погребения относятся к «классическому 1» этапу кон. II – кон. IV вв. (Рис. 8). Из них Усть-Брыска, п.11, по пластинчатым подвескам, браслету с гребнями, пряжке, стилистике накладок, датируется не позднее сер. III в. (Ахмедов, 2018, с. 149, 151). Обсуждение обстоятельств поступления выходят за рамки этой работы.

Благодарности: Я благодарен за всестороннюю помощь, возможность использования материала, советы и обсуждения Р.Р. Руслановой, А.Н. Султановой, Э.В. Камалееву, А.К. Бахшиевой, И.О. Гавритухину, Д.Г. Бугрову, В.А. Бернц, и мн.др.

Примечания:

[1] Материал, обработанный ею (Русланова, 2018), шире рассматриваемого, поэтому здесь отдельно обсуждаться не будет.

[2] В этом смысле основания типологии Т.И. Останиной гораздо удобнее, но не реализация.

А.А. Кисленко пошла еще дальше, цветовую характеристику распространила независимо от материала изготовления (Олійник, 2017а; 2017б, с. 251-252). Это звучит несколько непривычно, но заслуживает внимания.

[3] Н.В. Кузьминых указаны находки Тарасово, пп.15, 52, 136, 271, 281, 294, 296, 308, 312, 452, 487, 551, 682, 787, 1681, 1759, разделенных по технологии на три группы: «из тянутой палочки», «путем сгибания полосы», «неопределенной техники». В Тарасово, пп.136, 271, 294 таких бус нет ни в коллекциях, ни в отчетах. Погребения Тарасово 281 и 305 перекрывают друг друга, и находки были перепутаны. Информацию по Тарасово, п.308 проверить не удалось. Находки из Тарасово, пп.107, 292, 705, 845, 882, 896, 1535, сбор ею пропущены.

[4] В публикации (Останина, 1992), табл.А и Б, отмечено, что каменные (хрусталь, халцедон) бусы найдены в трех могилах, многоцветные (какие – не ясно) – в четырех. Номера не указаны. В иллюстрациях к отчетам не видно.

[5] Раскопки В.Ф. Генинга, документированы плохо. В общем описании в пп. 2 и 8 отмечены «глазчатые бусы», дана ссылка на рисунок с бусиной рассматриваемого типа; в п.2 в описании «голубая», по отчеты «бусы белого и желтого цвета»; п.6 в описании «бесцветная», в отчете только ссылка на рисунок.

[6] В коллекции (АЛ БГУ) есть еще одна бусина: округлая, сжатая, красного глухого стекла, с двумя прямоугольными глазками: голубая сердцевина, желтые непрозрачные и черные (фиолетовые, красные – ?) прозрачные реснички (рис. 1-327/57), на связке с двумя бусинами из зеленоватого бутылочного стекла. В данном случае ошибка шифра общей коллекции, что не позволяет проверить по описи. Р.Р. Русланова опубликовала еще одну бусину (Русланова, 2018, рис. 28: I.2.Б1п), очень похожую на рассматриваемый тип, но, все же отличающуюся. Из указателей следует, что она из Бирск, р.3/п.1 (Русланова, 2018, с. 243). Но какой из «третьих раскопов» имеется ввиду, не ясно, т.к. нумерация неоднократно менялась.

Еще 2 экземпляра "плоских" бусин с ресничковым орнаментом найдены в ходе раскопок Бирского могильника в 2025 г. Благодарю Риду Раисовну Русланову за оперативную информацию о находках.

[7] Самая восточная находка – Устюг-1, к.13/п.3, но могила полностью ограблена (Матвеева, 2012, рис. 20: 10-12, с. 20). Бусины плоские, не шаровидные.

[8] И в работах Р.Д. Голдиной (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а; 2016б; 2017а; 2017б); они не обсуждаются.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 104 с.

Ахмедов И.Р. Гл.12. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / РСМ. Вып. 18 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 146–158.

Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5 / Ред. З.Н. Римская и др. Ростов-на-Дону: Ростов. кн. изд-во, 1988. С. 5–28.

Бернц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 351–389.

Бобровская О.В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М.Е. Левада. Киев: ИА НАН Украины, 1999. С. 144–160.

Бугров Д.Г. Погребение женщины-«ремесленицы» из Тетюшского II могильника // Современный музей как важный ресурс развития города и региона / Г.С. Муханов и др. Казань: Школа, 2004. С. 77–94.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск: УРКМ; УГУ, , 1967. С. 123–140.

Голдина Е.В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 462–464.

Голдина Е.В. Особенности бус бескурганной части Тураевского I могильника второй половины IV-V вв. в Среднем Прикамье // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2. С. 49–53.

Голдина Е.В. Бусы в мужских погребениях Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Клио. 2015а. № 1. С. 174–181.

Голдина Е.В. Бусы в женских погребениях Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Вестник Пермского ун-та. История. 2015б. Вып. 1. С. 53–69.

Голдина Е.В. Использование бусин и бисера в женском костюме населения Среднего Прикамья в 1 пол. I тыс. н.э. (по материалам Тарасовского могильника) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 56–61. DOI: https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.2.056-06

Голдина Е.В., Бернц В.А. Бусы Заборьинского могильника IV в. н.э. в Среднем Прикамье // Евразийский союз ученых. 2015а. № 4. С. 131–135.

Голдина Е.В., Бернц В.А. Бусы Заборьинского могильника IV в. н.э. в Среднем Прикамье: использование и классификация // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «История и филология». 2015б. Т.25. Вып. 4. С. 47–57.

Голдина Р.Д., Голдина Е.В. К вопросу о датировке и хронологии бус Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 124–147. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.124.147

Голдина Е.В., Кузьминых Н.В. Особенности бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 59–61.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV-V вв. н.э. в Среднем Прикамье // Международный научно-исследовательский журнал. 2015а. № 9. Ч. 1. С. 93–99.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV-V вв. В Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия СНЦ РАН. 2015б. Т. 17. № 3 (2). С. 567–575.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Дубровского могильника IV-V веков в Среднем Прикамье // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 149–160.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Дубровского могильника IV-V вв. В Среднем Прикамье: классификация и использование // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 238–256.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдГУ, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I-II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016а. № 1 (15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III-V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016б. № 3 (17). С. 17-58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III-V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. 2017а. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III-V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017б. № 2 (20). С. 47–72.

Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 252 с.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2006д. Т. 1. 273 с.; Т. 2. 305 с.

Красноперов А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова / Ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: Китап, 2007. С. 265–275.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018а. № 1. С. 56-86.

Красноперов А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2018б. С. 116–126.

Красноперов А.А. Пластинчатые подвески из погребения 73 Тураевского грунтового могильника // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020а. № 3 (29). С. 128–141. DOI: https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-3-128-141

Красноперов А.А. Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020б. № 2 (9). С. 58–74. DOI: https://doi.org/10.34680/10.15350/26191490.2020.2.6

Красноперов А.А. Ареал и хронология бус типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496» на Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Фирма "Салта" ЛТД, 2021. С. 114–131.

Красноперов А.А. Комплексы с бусами группы Алексеева-480-482,490,492 / Т-М-362 в Центральной Европе и их датирующие возможности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 434-451. DOI: https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.5(50).434-451

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Кузьминых Н.В. Бусы Тарасовского могильника. Дипломная работа. Ижевск, 2001д // Архив ИИКНП. Ф. 1. Д. 562.

Кутузова Д.О. Бусы Мари-Луговского могильника // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 151–156. DOI: https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00060

Лещинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдГУ, 2014. 427 с.

Мажитов Н.А. Научный отчет о работах археологической экспедиции в Бирском, Бураевском, Балтачевском и Калтасинском районах БАССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2005, а-в.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // УАВ. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Наследие, 2014. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 гг. // Ab Origine. Археолого-этнографический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 38–76.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1999. 160 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III- начало V в. н.э.) / РСМ. Вып. 10 / Отв. ред. А.М. М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141, 287–315.

Олійник Г.О. Типологічні ряди скляних та кам'яних прикрас з жіночих пізднесарматських комплексів // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2017а. Вип. 49. С. 133–137.

Олійник Г.О. Про типологичні ознаки намистин (огляд вітчизняної історіографії) // Інтелігенція і влада. 2017б. Вип. 36. С. 245–255.

Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–117.

Останина Т.И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Науч. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 94 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Румянцева О.С. Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья позднеримского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула, 2008. С. 90–110.

Румянцева О.С. Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4. Ч.2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Куликово поле, 2019. С. 7–22.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Старостин П.Н. Исследования Усть-Брыскинского могильника в 1976 г. Казань, 1977 // Архив ИА РАН. Р.1. №6394.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–320.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–107.

Bârcă V. Sarmatian vestiges discovered south of the Lower Mures River. The graves from Hunedoara Timișană and Arad Cluj Napoca: Mega Publishing House, 2014. 285 p.

Grumeza L. Fashion by rituals: rosette glass beads found in Sarmatian and Sântana de Mureș-Chernyakhov cultures (1st c. BC – 4thc. AD) // Arheologia Moldovei. 2018. 41. P. 193-218. DOI: https://doi.org/10.11588/amold.2018.1.92371

Tempelmann-Mączyńska M. Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. 430 p.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) (г. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Akhmedov, I. R. 2018. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Brianskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'iu vostochnoevropeiskogo stilia (III v. n.e.) (Bryansk Hoard of Adornments with Champleve Enamel of Eastern European Style (3rd Century A.D.))*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 18. Moscow – Vologda: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, "Drevnosti Severa" Publ., 146–158 (in Russian).

Bezuglov, S., Zakharov, A. 1988. In Rimskaya, Z. N. et al. (eds.). *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Bulleting of the Rostov Regional Museum of Local Lore)* 5. Rostov-na-Donu: Rostov kn. izd-vo Publ., 5–28 (in Russian).

Bernts, V. A. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 351–389 (in Russian).

Bobrovskaya, O. V. 1999. In Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (The Hundredth Anniversary of Chernyakhov Culture).* Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 144–160 (in Russian).

Bugrov, D. G. 2004. In Mukhanov, G. S. et al. (eds.). *Sovremennyy muzey kak vazhnyy resurs razvitiya goroda i regiona (The modern museum as an important resource for the development of the city and region).* Kazan: "Shkola" Publ., 77–94 (in Russian).

Gening, V. F. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 7. Sverdlovsk: Ural State University, 123–140 (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. In Goldina, R. D., Bernts, V. A. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt University, 462–464 (in Russian).

Goldina, E. V. 2011. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. (Samara State University Bulletin)* (1/2), 49–53 (in Russian).

Goldina, E. V. 2015a. In *Klio*. 102 (6), 174–181 (in Russian).

Goldina, E. V. 2015b. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* (1), 53–69 (in Russian).

Goldina, E. V. 2017. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (2), 56–61 (in Russian).

Goldina, E. V., Bernts, V. A. 2015a. In *Evraziyskiy soyuz uchenykh (Eurasian Union of Scientists)* (4), 131–135 (in Russian).

Goldina, E. V., Bernts, V. A. 2015b. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* 25 (4), 47–57 (in Russian).

Goldina, R. D., Goldina, E. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 124–147 (in Russian).

Goldina, E. V., Kuz'minyh, N. V. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session).* Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 59–61 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2015a. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)* 9(40), part 1. 93–99 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2015b. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2), 514–517 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 149–160 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 238–256 (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 17–58 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 172–204 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 47–72 (in Russian).

Gopkalo, O. V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury (Beads and Pendants of the Cherniachov Culture).* Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2007. In Gorbunov, V. S., Ivanov, V. A., Obydennova, G. T., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. (eds.). *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya (Formation and interaction of the Ural peoples in the changing ethnocultural environment of Eurasia: issues of study and historiography)*. Ufa: "Kitap" Publ., 265–275 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2018a. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 56–86 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2018b. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD).* IV. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ., 116–126 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2020. In *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 29 (3), 128–141 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2020b. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya (Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region)* (2), 58–74 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2021. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD).* VII. Simferopol: "Salta" Publ., 114–131 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2023. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Memoirs of NOVSU)* (5), 434–451 (in Russian).

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, N. V. 2001d. *Busy Tarasovskogo mogil'nika (Beads from the Tarasovo burial ground)*. Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 1, dossier 562 (in Russian).

Kutuzova, D. O. 2019. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 151–156 (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 1995. *Vyatskiy basseyn v I – nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam) (Vyatka basin in the I – beginning of the I millennium AD (according to archaeological sources)).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1959. *Nauchnyy otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii v Birskom, Buraevskom, Baltachevskom i Kaltasinskom rayonakh BASSR v 1959 g. (Scientific report on the work of an archaeological expedition in the Birsk, Buraevo, Baltachevo and Kaltasy regions of the BASSR in 1959)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F. 1. R. 1, no. 2005, a-v (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (The Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2014. In Yablonsky, L. T., Savel'ev, N. S. (eds.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute of History, Language, and Literature, 130–140 (in Russian).

Malashev, V. Yu., Gadzhiev, I. S., Il'iukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e. (The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd-5th Centuries. AD).* Makhachkala: "Mavraev" Publ. (in Russian).

Matveeva, N. P. 2012. In Matveeva, N. P. (ed). *Ab origene: arkheologo-etnograficheskii sbornik (Ab origene: Archaeological and Ethnographic Collection)* 4. Tyumen: Tyumen State University, 38–76 (in Russian).

Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).

Oblomsky, A. M., Terpilovsky, R.V. 2007. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Pamyatniki kievskoy kul'tury v leso-stepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) (Russian Forest-steppe zone Kiev culture archaeological sites (3rd – early 5th cent. A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 113–141, 287–315 (in Russian).

Olijnik, G. O. 2017a. In *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu (Transactions of the Faculty of History at Zaporizhzhia National University)* 49, 133–137 (in Ukranian).

Olijnik, G. O. 2017b. In *Inteligenciya i vlada (Intelligence and government).* 36, 245–255 (in Ukranian).

Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 92–117 (in Russian).

Ostanina, T. I. 1983. *Mazuninskaya kul'tura v Srednem Prikam'e (Mazunino culture in the Middle Kama region).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. (in Russian).

Ostanina, T. I. 1984. In Ostanina, T. I. (ed.). *Poiski, issledovaniia, otkrytiia (Searches, Studies, Discoveries).* Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 26–92 (in Russian).

Ostanina, T. I. 1992. *Pokrovskii mogil'nik IV-V vv. (Pokrovsky Burial Ground of the 4th-5th Centuries.).* Izhevsk (in Russian).

Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium* (*Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground*). Series: Materialy okhrannykh issledovanii (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2008. In Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M., (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 90–110 (in Russian).

Rumyantseva, O. S. 2019. In Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M., (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 4 (2). Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 7–22 (in Russian).

Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov (Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises)*. Ufa: Bashkirskaia entsiklopediia (in Russian).

Starostin, P. N. 1977. *Issledovaniya Ust'-Bryskinskogo mogil'nika v 1976 g. (Research of the Ust-Bryskinsky burial ground in 1976)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 6394 (in Russian).

Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian steppes) 9. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2004. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* V. Simferopol; Kerch: "Demetra" Publ., 263–320 (in Russian).

Chernyh, E. M., Khairullina, O. F. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 87–107 (in Russian).

Bârcă, V. 2014. *Sarmatian vestiges discovered south of the Lower Mures River. The graves from Hunedoara Timișană and Arad.* Cluj Napoca: Mega Publishing House.

Grumeza, L. 2018. In *Arheologia Moldovei*. 2018 (41), 193-218. DOI: https://doi.org/10.11588/amold.2018.1.92371

Tempelmann-Mączyńska, M. 1985. *Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein.

About the Author:

Krasnopeorov Alexander A. Candidate of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS. Lomonosov., sre. 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru

Статья поступила в журнал 21.11.2023 г.
Статья принята к публикации 28.03.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.107.119

ПЕТРОГЛИФЫ НА ПЛИТАХ ТЕСИНСКОГО КУРГАНА-СКЛЕПА ТЕПСЕЙ XVI: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ[1]

© 2025 г. О.О. Шишкина

В настоящей статье вводятся в научный оборот изобразительные материалы, входящие в конструкцию ограды одного из памятников тесинского времени – Тепсей XVI (Краснотуранский район Красноярского края) на основе архивных данных и полевых материалов. Сам курган-склеп был раскопан в 1970-е гг., а в последние годы среди его конструкции открыты новые петроглифы. Всего в настоящее время обнаружено 16 плит с изображениями. Набор образов включает антропоморфных персонажей в разных позах, фигуры коней, неопределенных животных, птица. В результате анализа местоположения плит с петроглифами в конструкции ограды, стилистического анализа и подбора аналогий определены те изображения, которые могли быть созданы до или после создания кургана. Выделяются изображения как минимум тагарского и тесинского периодов, некоторые слабоатрибутированные изображения могли быть созданы и позднее.

Ключевые слова: археология, Тепсей, петроглифы, тесинский курган, хронологическая атрибуция, Минусинская котловина

PETROGLYPHS ON THE SLABS OF THE TES CULTURE BARROW-VAULT OF TEPSEY XVI: ISSUES OF DATING[2]

O.O. Shishkina

This article introduces into scientific discourse the pictorial materials included in the fence structure of one of the monuments of the Tes period - Tepsey XVI (Krasnoturansk district of Krasnoyarsk Krai) based on archival data and field materials. The barrow-vault itself was excavated in the 1970s, and in recent years new petroglyphs have been discovered at site. A total of 16 slabs with images have been revealed to date. The set of images includes anthropomorphic characters in different poses, figures of horses, unidentified animals, and a bird. As a result of the analysis of the location of the slabs with petroglyphs in the fence structure, stylistic analysis, and selection of analogies, those images were determined that could have been created before or after the creation of the barrow. Images of at least the Tagar and Tes periods are distinguished; some weakly attributed images could have been created later.

Keywords: archaeology, Tepsey, petroglyphs, Tes barrow, chronological attribution, Minusinsk basin

Введение. Тепсейский археологический микрорайон расположен на правом берегу Енисея в Краснотуранском районе Красноярского края. Он был выделен еще в 1960-е гг. М.П. Грязновым в период проведения спасательных археологических работ в связи с созданием Красноярского водохранилища (Грязнов и др., 1979, с. 7). В настоящее время уточнены границы Тепсейского микрорайона, он располагается на территории более 27 кв. км и включает в себя разнообразные археологические объекты: погребения, поселения, поминальники, памятники наскального искусства (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021). Среди известных и раскопанных археологических объектов у подножия горы Тепсей выделяется своими масштабами и сохранностью конструкции склеп тесинского времени, индексированный как Тепсей XVI (по М.П. Грязнову). Его раскопки проводила в

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)» https://rscf.ru/project/23-78-01099/

[2] The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-01099 «Drawings on the stones of the Tagar barrows as a special petroglyphic source on the ancient history of Southern Siberia (based on the materials from the Tepsey archaeological microdistrict)» https://rscf.ru/project/23-78-01099/

1970-е гг. Среднеенисейская археологическая экспедиция под руководством М. Н. Пшеницыной (Пшеницына, Немировская, Ефимов, 1978, с. 274). В последние годы кемеровские археологи при проведении полного документирования памятников наскального искусства Тепсея обследовали сохранившуюся конструкцию ограды этого склепа. В результате были обнаружены ранее неизвестные петроглифы, требующие хронологической атрибуции.

Краткая история исследования кургана-склепа Тепсей XVI. Мы уже обращались к истории исследования данного археологического памятника (Советова, Шишкина, 2023, с. 147), поэтому в рамках настоящей статьи лишь кратко охарактеризуем основные эпизоды его изучения. Первые раскопки данного памятника состоялись в 1970-м г. раннетагарским отрядом Красноярской археологической экспедиции, обследован был лишь один небольшой участок в северо-восточной части ограды, в результате которого открыто одиночное захоронение женщины (Пшеницына, 1978, с. 3). Работами руководила М.Н. Пшеницына. Она и продолжила исследование склепа уже в 1976–1977 гг., руководя Среднеенисейской археологической экспедицией (Пшеницына, 1978, с. 3). В результате проведенных работ полностью был раскопан склеп с 42-мя погребенными (Пшеницына, 1978, с. 9), скелеты которых были оформлены в виде мумий-манекенов с глиняными головами (Вадецкая, 2009, с. 102). Под стенами ограды кургана снаружи открыты 24 могилы тесинского времени, в которых были захоронены взрослые и дети (Пшеницына и др., 1978, с. 275). При раскопках также были выявлены два четырехкаменных кургана подгорновского этапа тагарской культуры и две карасукские ограды, часть которых была разрушена тесинским склепом (Грязнов и др., 1979, с. 275). М.Н. Пшеницына датировала склеп II–I вв. до н.э. (Пшеницына, 1992, с. 224), Э. Б. Вадецкая – III–IV вв. н.э. (Вадецкая, 1986, с. 99), Н.Ю. Кузьмин выделил отдельную тесинскую культуру, относя склеп Тепсей XVI к середине I в. до н.э. – середине II в. н.э. (Кузьмин, 2011, с. 59). По радиоуглеродному анализу склеп датируется в интервале от середины I в. н.э. до середины III в. н.э. (Кузьмин, 2011, с. 220).

Еще при раскопках склепа исследователи обратили внимание на изображения, встречающиеся среди конструкции ограды, они были зафиксированы на 7-ми плитах и упомянуты в полевом отчете (Пшеницына, 1978, с. 8, рис. 20–22), но не опубликованы. Позднее изображения на Тепсее XVI периодически интересовали специалистов в сфере петроглифоведения. В 1981 г. на Тепсее работали кемеровские археологи Т. В. Николаева и Б.Н. Пяткин. На Тепсее XVI ими было обнаружено 8 камней с петроглифами (Николаева, 1983, с. 217–224). В 1983 г. на Тепсее XVI работал Петроглифический отряд Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР совместно с Минусинским краеведческим музеем имени Н. М. Мартьянова. Исследователи упоминали об изображениях на двух плитах (Боковенко, 1984, с. 18). К сожалению, все эти материалы полностью так и не были опубликованы.

С 2012 г. по настоящее время Тепсейский отряд КемГУ проводит исследования памятников наскального искусства Тепсейского археологического микрорайона, в сферу научных интересов входят и изображения среди курганных конструкций, в том числе и склепа Тепсей XVI. В разные полевые весенне/летние сезоны нами было проведено полное обследование и документирование всех плит с изображениями, входящими в конструкцию склепа. В настоящее время довольно неплохо сохранилась конструкция ограды, но некоторые камни накренились и упали. С внешней стороны ограды прослеживаются каменные ящики одиночных погребений, а также мелкий плитняк, видимо, извлечённый из перекрытия склепа при раскопках (рис. 1). Всего нами найдено 16 камней с петроглифами: 8 ранее известных предыдущими исследователями, 8 ранее неизвестных.

Хронологическая атрибуция петроглифов из конструкции Тепсея XVI

Несмотря на то, что сам курган относится к тесинскому времени, изображения, встречающиеся в его конструкции, могут быть хронологически разнородны. Известны случаи переиспользования плит с наиболее ранними петроглифами в конструкциях тагарских и тесинских курганов. К примеру, исследование конструктивных особенностей кургана Барсучий лог позволило установить, что большая часть облицовки ограды состояла из переиспользованных плит (Ковалева, 2013, с. 92). Вторичное использование плит, по мнению Н.Ю. Кузьмина, не было случайным, а являлось

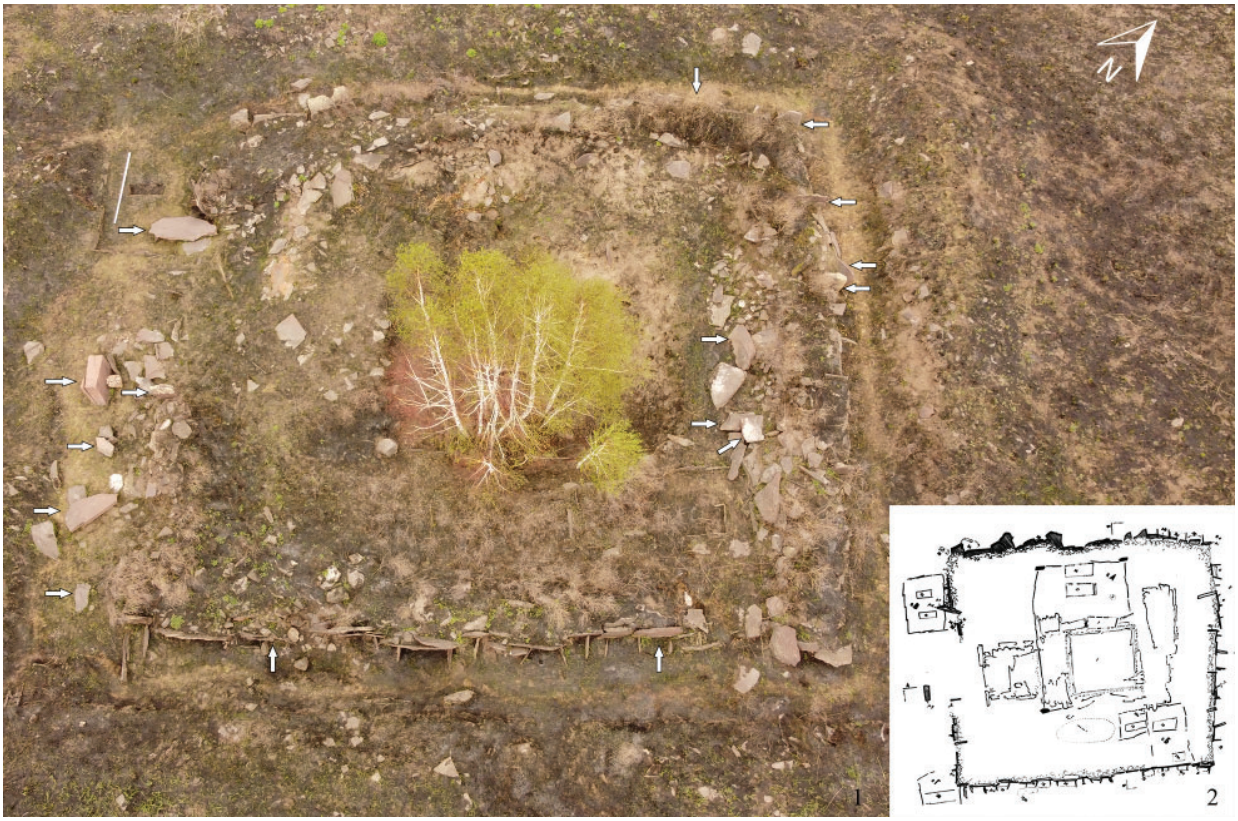

Рис. 1. Тесинский курган-склеп Тепсей XVI. 1 – общий вид, фото с квадрокоптера (стрелками указаны плиты с петроглифами); 2 – план-схема ограды (по: Пшеницына, 1992).
Fig. 1. Tes barrow-vault of Tepsey XVI. 1 – general view, photo from a quadcopter; 2 – plan-scheme of the fence (from: Pshenitsyna, 1992).

актом включения событий и образов прошлого в текущее время, а дополнение композиции своими образами, возможно, усиливало такое восприятие (Кузьмин, 2011, с. 204). Среди плит, входящих в конструкцию склепа Тепсей XVI тоже встречаются случаи переиспользования. К сожалению, в процессе раскопок не было проведено подробного анализа изобразительных материалов, их местоположения и роли в курганной конструкции. Поэтому определение конструктивных особенностей сооружения ограды склепа проводится по современному состоянию, а также по архивным материалам. Все выявленные плиты с изображениями мы можем условно разделить на те, что, могли быть созданы до сооружения кургана-склепа, т.е. переиспользованные, и те, что, могли быть выполнены во время или уже после создания кургана.

Среди плит, которые, видимо использовались при сооружении конструкции перекрытия кургана и в настоящее время лежащие в отвалах, были найдены две с сохранившимися остатками выбитых изображений. Грани с выбивкой на этих плитах покрыты очень темной скальной коркой (т.е. патинизированные), что свидетельствует о том, что данные плиты могли быть выломаны из древней писаницы. К сожалению, сами изображения очень фрагментарные, датировать их не представляется возможным, но нельзя исключать, что они могли быть очень древние (рис. 2).

Некоторые петроглифы располагались в конструкции ограды в перевернутом виде, что косвенно может указывать на случаи переиспользования. Известно, что первоначально перевернутой были плита с изображениями двух «отмеченных» коней (рис. 3), выполненных в т.н. оглахтинской манере (Советова, 2005, рис. 12 – 15; табл. 8). Упоминания об этой плите встречаются в материалах кемеровских археологов в начале 1980-х гг. Еще при их работе на Тепсее данная плита находилась в конструкции, и петроглифы располагались перевернуто (Николаева, 1983, с. 144). В настоящее время эта плита упала, когда мы смогли её обнаружить, большая часть камня была засыпана землей и мелкими плитками.

Рис. 2. Плиты с остатками выбивки, обнаруженные в отвале (фото И.В. Аболонкова).
Fig. 2. Slabs with traces of knockout residue, discovered in the waste heap, photo by I. V. Abolonkova.

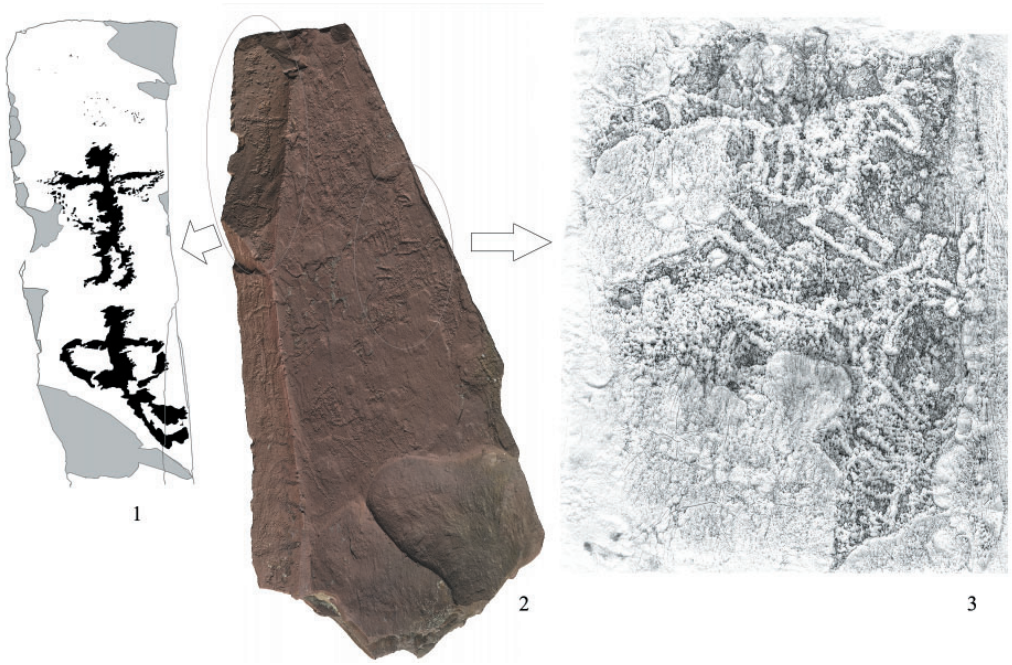

Рис. 3. Плита с изображением коней в «оглахтинской» манере,
рендер 3d-модели, выполненной лабораторией RSSDA и копии фрагментов
Fig. 3. Slab with a depiction of horses in the "Oglakhty" style,
a render of the 3D model created by the RSSDA Laboratory and copies of fragments.

После расчистки петроглифы были выявлены на лицевой и двух боковых гранях плиты. К сожалению, в настоящее время изображения на лицевой грани сохранились не полностью – корка, где были изображены задние части фигур животных, отслоилась. Рисун-

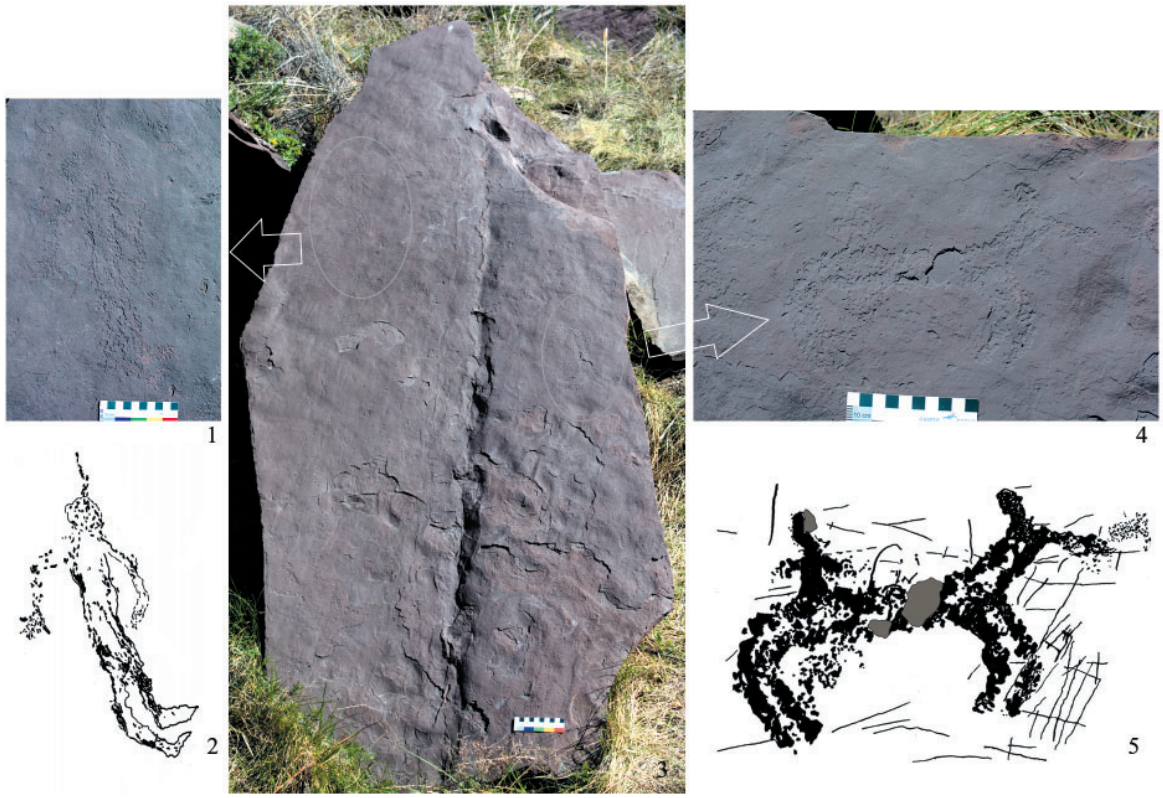

Рис. 4. Плита с изображениями антропоморфных персонажей, коня. 3 – общий вид; 1-2, 4-5 – фрагменты.
Fig. 4. Slab with depictions of anthropomorphic figures and a horse. 3 – general view; 1-2, 4-5 – fragments.

ки могли наноситься в разные хронологические промежутки, судя по технике выбивки и палимпсестам. В настоящее время частично сохранились фигуры двух коней в центральной правой части плиты, всадник на животном зафиксирован в левой нижней части, антропоморфные фигуры прослеживаются на всей поверхности лицевой грани плиты. На правой боковой грани мелкой поверхностной выбивкой нанесены неопределенные фигуры. Левая грань ввиду подтески камня разделена на две части. В верхней части камня выбиты две антропоморфные фигуры, ориентированные ступнями влево, в фертообразных позах, с присогнутыми коленями. В нижней же части прослеживаются некоторые антропоморфные фигуры. Первоначально эти фигуры тоже располагались перевернутыми. Еще в 1980-е гг. Т. В. Николаева предположила, что плита с конями могла быть взята при сооружении склепа из разрушенного здесь же подгорновского кургана (Николаева, 1983, с. 144). Изображения коней в подобной т.н. оглахтинской манере в настоящее время датируются в довольно широком хронологическом диапазоне. В свое время Я.А. Шер относил подобную серию изображений к раннему этапу звериного стиля в пределах X–VIII вв. до н.э. (Шер, 1980, с. 243–249), Н.Л. Членова – к концу VI–V в. до н.э. по сходству с аналогичными изображениями в тагарской пластике (Членова, 1981, с. 86, 87), О.С. Советова – к раннескифскому времени (Советова, 2005, с. 36–44). Е. А. Миклашевич высказала предположение, что первые композиции с «отмеченными» конями появились на раннем этапе развития тагарской культуры, но по их образцам могли создаваться подобные сцены и в последующее тесинское время (Миклашевич, 2016, с. 331), что подтверждается и нашими исследованиями последних лет (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, с. 84). Возвращаясь к анализу, тепсейской плиты с конями, если учитывать тот факт, что первоначально фигуры коней располагались в конструкции склепа в перевернутом виде, это может указывать на переиспользование данной плиты, а сами фигуры выбиты в дотесинское время. Антропоморфные же персонажи вообще широко представлены среди конструкций тагарских курганов, в т.ч. в перевернутом виде. А позы, в которых изображены

тепсейские фигуры, в целом характерны для т.н. тагарских человечков – это и фертообразные позы, позы с подогнутыми ногами и т.д. (Савинов, 1976, рис. 6.2; Семенов и др., 2003, табл. 6, 7; Советова, 2005, табл. 30–31). Поэтому скорее всего, петроглифы на данной плите были созданы до сооружения самой конструкции кургана, а сама плита могла быть переиспользована.

Перевернутые фигуры встречаются и на соседней массивной плите (238×94×13 см) (рис. 4). В настоящее время она упала и лежит рядом с основной конструкцией ограды в ее юго-западной части. Судя по архивным фотографиям, данная плита во время проведения раскопок еще находилась в конструкции, но была сильно накренена, часть изображений в более узкой и заостренной части находилась под насыпью кургана (Пшеницына, 1978, рис. 60), что указывает на верхнюю хронологическую границу их создания – время сооружения кургана. Несмотря на значительные отслоения поверхности лицевой стороны камня, на ней сохранились выбитые изображения и следы гравированных линий. В верхней части камня определяются выбитая антропоморфная фигура с длинным вытянутым туловищем, выделенными ступнями ног, опущенными вниз руками с проработанными пальцами, на голове намечен «султан» (рис. 4: 2). Ниже прослеживаются еще четыре антропоморфные фигуры, одна из них выбита с султаном на голове и поднятой вверх левой рукой, на ее поясе прикреплен неопределенный предмет, тонкими гравированными линиями прорисован лук (?); другая – с опущенными вниз руками, на которых намечены пальцы. В правой части головой вниз выбита фигура животного, передние и задние ноги которого подогнуты, на его спине прослеживается фигура всадника (рис. 4: 4). В нижней левой части плиты определяется перевернутое антропоморфное изображение (фигура сохранилась не полностью, голова уходит в скол). На левой боковой грани также выбит антропоморфный персонаж. То есть на данной массивной плите все фигуры расположены хаотично. В вопросе датировки изображений, пожалуй, можно отметить лишь следующие моменты. Во-первых, часть антропоморфных персонажей, в настоящее время находящихся в верхней части плиты, первоначально располагались в перевернутом виде под насыпью, то есть были созданы не позднее сооружения конструкции кургана[1]. Во-вторых, изображение фигуры животного в центральной правой части плиты, может быть отнесено к тесинскому изобразительному пласту, поскольку, животное выполнено в характерной позе с подогнутыми четырьмя ногами (Советова, 2005, с. 29, табл. 5–6; Миклашевич, Панкова, Мухарева, 2012, табл. II; Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, рис. 2; Русакова, 2021, рис. 5–6 и др.; Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 95). То есть фигуры на данной плите могли быть выполнены как до, так и во время сооружения кургана в широком хронологическом диапазоне тагарского и тесинского времен.

Конструктивные особенности кургана-склепа позволяют нам определить относительную хронологию некоторых других изображений. Очевидно, еще до сооружения ограды кургана на одной из плит было выбито изображение коня. В настоящее время оно расположено на наклонившейся плите, скрытое плиткой-контрфорсом (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, рис. 23)[2]. Конь изображен головой вниз, с 4-мя прямыми ногами, с гривой, прорисованной шестью вертикальными гравированными черточками. Подобное изображение гривы нехарактерно для среднеенисейских петроглифов, и лишь изредка встречаются подобный изобразительный прием на г. Оглахты (Советова, 2005, рис. 3; Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 78), на кургане Тигей (Седых, 2001, с. 135) и др., датируемых в пределах тагарской эпохи (включая тесинский этап). Сама фигура животного, его поза встречается среди других памятников наскального искусства. Изображения подобных схематичных животных с опущенными вниз четырьмя ногами известны среди изображения на курганных камнях Бычихи (Миклашевич, Бове, 2015, рис. 2), горы Оглахты (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 98), в перекрытии таштыкского слепа Тепсей III была найдена плита с изображением коня и всадника в подобной манере, датированная исследователями тесинским временем (Миклашевич, 2012, с. 48).

Видимо, не позднее времени сооружения кургана на одну из боковых плит ограды было нанесено реалистичное изображение птицы с распахнутыми крыльями, относимую к семейству орлиных, и фигуры животного (конь у

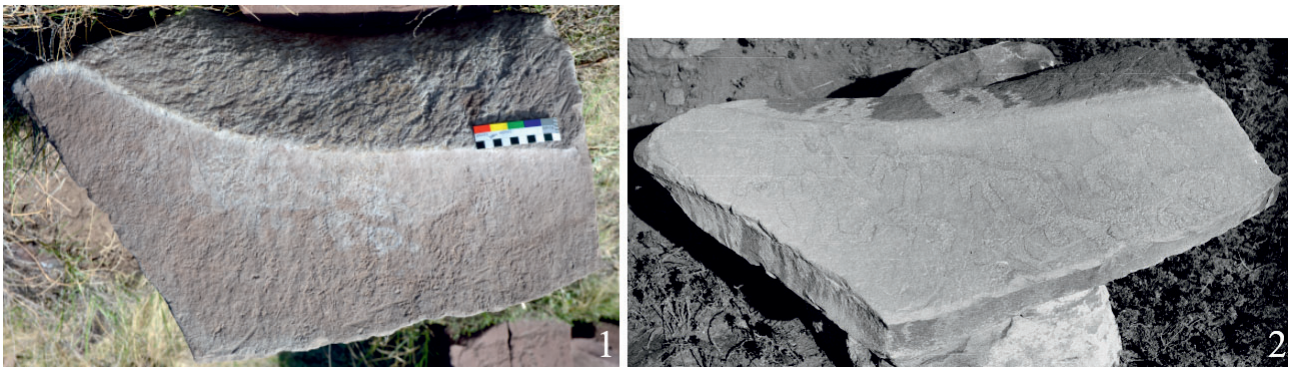

Рис. 5. Плитка с изображениями антропоморфных фигур.
1 – современный вид, 2 – фото Б. Н. Пяткина 1980-х гг.
Fig. 5. Slab with images of anthropomorphic figures.
1 – modern view, 2 – photo by B.N. Pyatkin from the 1980s.

коновязи?), выполненные в технике гравировки (Советова, Аболонкова, 2016, рис. 1–2). Н.А. Боковенко относит данное изображение к тесинскому времени, так как эта плита была закрыта земляной насыпью перед раскопками (Боковенко, 1984, с. 19). В настоящее время плита накренилась и располагается под углом 30 градусов к поверхности земли. Изображения довольно неплохо сохранились и становятся видны при удачном освещении. В целом, изображения птиц известны еще с глубокой древности. В Минусинской котловине они выполнены в различных материалах: металле, дереве, аппликациях, в петроглифах (Советова, 2003, с. 111). Изображения хищных птиц известно на Куне, Бычихе (Советова, 2005, с. 62, рис. 27, табл. 15), Сафроновском кургане (Сунчугашев, 1987, с. 84, рис. 2) и других памятниках, датируемых ранним железным веком. Видимо, образ птицы был популярен и в тесинское время, поскольку на Тепсее известны изображения других птиц, относящихся к этому периоду (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, рис. 90, кат. 366, 396).

Некоторые небольшие плитки с петроглифами, видимо, входили в конструкцию перекрытия кургана, в настоящее время они лежат рядом с оградой склепа. Две такие плитки были обнаружены Б.Н. Пяткиным и Т.В. Николаевой. Одна в настоящее время, к сожалению, утеряна и узнать об изображениях на ней возможно только благодаря сохранившимся копиям и описаниям. Согласно мнению предыдущих исследователей на ней были изображены «четыре лодки с пассажирами» (Николаева, 1983, с. 217). Вторая обнаружена нами в юго-западной части склепа (скорее всего, она была перенесена сюда в 1981 г. Б.Н. Пяткиным для удобства копирования) (рис. 5). На ней поверхностной выбивкой выполнены семь стоящих друг за другом, выполненных в одинаковой манере антропоморфных фигур – с округлой головой, разведенными в стороны руками, туловищем в виде прямой линии и короткими расставленными ногами. У некоторых фигур различается признак мужского пола. Еще одна плитка с схематичным изображением антропоморфного персонажа найдена нами в юго-западной части ограды. То есть каких-либо датирующих элементов у этих фигур нет, такие антропоморфные персонажи в большом количестве выбивались на поверхностях камней как в тагарское, так и в более позднее время. Но учитывая то, что скорее всего, эти плитки находились в перекрытии склепа и были извлечены оттуда при раскопках, то петроглифы были созданы до его сооружения.

Несомненный интерес представляют изображения на плите, маркировавшей вход в склеп. Петроглифы на этой плите были зафиксированы еще в ходе раскопок склепа (рис. 6). В настоящее время этот массивный камень раскололся на две неравных части. Одна стоит вертикально, другая упала, лежала здесь же и была приподнята нами при проведении документирования петроглифов. В нижней части большей плиты крупной выбивкой нанесено изображение животного. В настоящее время оно расположено ногами вверх. Хвост у животного дугообразный, голова определяется слабо. Животное, скорее всего, может быть датировано временем сооружения ограды, то есть тесинским,

Рис. 6. Плита, маркировавшая вход в склеп (фото и прорисовка).
Fig. 6. Slab marking the entrance to the burial vault (photo anddrawing).

так как находит аналогии в изображениях на могильных плитках могильника Есино (Савинов, 2009, с. 110), а также памятника Улазы (Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, рис. 2), датируемые тесинским временем. По всей поверхности этого же камня точечной мелкой выбивкой нанесены другие изображения. Интерес представляют две антропоморфные фигуры в фертобразных позах и с подогнутыми ногами. В настоящее время левая фигура расположена на отколовшейся части, у нее прослеживается признак мужского пола, у правой фигуры не сохранилась голова, т.к. она уходит в скол. В последнее время выделилась серия подобных изображений в характерной позе, которые предположительно могут относится к тесинскому изобразительному пласту: Тепсей (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, рис. 89), Абакано-Перевоз (Русакова, 2016, рис. I; Русакова, 2018, рис. 1), Копенская писаница (Миклашевич, 2018, рис. 6) и др. Данные изображения еще требуют более детального анализа и интерпретации.

Интересен персонаж, изображенный на одном из разделительных камней склепа Тепсей XVI, который уже подробно был нами проанализирован (Советова, Шишкина, 2019, рис. 1). В центральной части плиты выбиты изображения 3-х антропоморфных фигур. Основная фигура крупная, у нее показаны длинные руки с гипертрофированными кистями и растопыренными пальцами, округлая голова и повернутые вправо ступни (тоже несколько увеличенные). Рядом с ним изображены две более мелкие фигуры, одна с неопределенным предметом в руке. Аналогичный сюжет зафиксирован на скалах горы Оглахты в Большом логу (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 106). В наскальном искусстве Минусинской котловины подобные пятипалые антропоморфные персонажи известны с эпохи бронзы вплоть до этнографической современности. Однако в данном случае следует акцентировать внимание, что такие персонажи довольно часто встречаются среди конструкций курганов, в том числе с крупными оградами, таких как Большой Салбыкский курган (Марсадолов, 2010, рис. 7), Барсучий лог (Ковалева, 2013, рис. 2), Тогр-таг (Кузьмин, 2011, с. 220 рис. 44), Абакан-24 (Данькин и др., 2020, рис. 11) и пр. То есть данный образ мог иметь какое-то особое значение именно в

погребальной практике поздних этапов существования тагарской культуры (сарагашенские и тесинские памятники).

Заключение. Таким образом несмотря на то, что петроглифы данной курганной конструкции неоднократно на протяжении десятков лет становились объектом исследования специалистов, до настоящего времени не было проведено полной индексации и хронологической атрибуции выявленных изображений. В ходе обследования камней ограды тесинского склепа Тепсей XVI кемеровскими археологами были задокументированы уже известные и открыты новые петроглифы разных хронологических периодов (всего 16 плит), которые могли быть созданы еще до сооружения кургана, или после. Пожалуй, уверенно можно говорить о тагарском и тесинских пластах в изобразительных материалах данного памятника. На некоторых камнях, входящих в конструкцию ограды склепа, встречаются и другие изображения – выбитые антропоморфные фигуры, без каких-либо датирующих элементов, гравированные линии, не складывающиеся в какие-либо фигуративные изображения, остатки изображений на отколотых плитах и т.д. На отдельных плитах открыто множество палимпсестов (часто поверх выбивки нанесены множественные гравированные линии), встречаются случаи подновления рисунков (отдельные выбоины более светлого цвета, чем основные рисунки). Поэтому не исключаем, что добавлять свои рисунки могли и после сооружения кургана и совершения обряда погребения, вплоть до новейшего времени. Еще не решены многие вопросы, касающиеся семантической интерпретации выявленных изображений – образ птицы, пятипалые антропоморфные фигуры и другие. Возможно, дальнейшее усовершенствование методов документирования петроглифов позволит нам «прочесть» многие до сих пор не открытые изображения – в частности многочисленные гравированные линии, заметные только при определенном освещении прошлифованные антропоморфные фигуры.

Примечания:

[1] В качестве отличительных признаков можно выделить головные уборы некоторых антропоморфных фигур – это т.н. султан на голове, являющийся своеобразным маркером «тагарских человечков» (Советова, 2005, с. 80), который мог быть и прической, например косой, к тому же в склепе Тепсей XVI некоторые погребенные были с косами (Вадецкая, 2009, рис. 85).

[2] Выполнение самого изображения на плите было бы невозможно уже после его включения в конструкцию.

ЛИТЕРАТУРА

Боковенко Н.А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году. Л., 1984 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18036.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея. СПб., Красноярск: ВЕРСО, 2009. 248 с.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.

Данькин Е.Н., Есин Ю.Н., Поселянин А.И., Тараканов В.В. Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 85–96.

Ковалева О.В. Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 91–112.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 465 с.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.

Миклашевич Е.А. Льнищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская, Улазы III. Сосниха / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X / Отв. ред. Д.Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 28–57.

Миклашевич Е.А. Исследование памятников наскального искусства хребта Оглахты в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 328–332.

Миклашевич Е.А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 8. С. 92–99.

Миклашевич Е. А., Бове Л.Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 1. № 3. С. 52–64.

Миклашевич, Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2016. Вып. 2. С. 66–78.

Миклашевич Е.А., Панкова С.В., Мухарева А.Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X / Отв. ред. Д.Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 72–111.

Миклашевич, Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2016. Вып. 2. С. 66–78.

Наскальные изображения Оглахты. Альбом / Сост. Ю. Н. Есин. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2017. 160 с.

Николаева Т. В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология). Дисс. … канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 229 с.

Пшеницына М. Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году // НА ИА РАН. Л., 1978. Ф. 1. Р. 1. № 6712–6712а.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 1992. С. 224–236.

Пшеницына М.Н., Немировская Е.Л., Ефимов В.Г. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО – 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1978. С. 274–275.

Русакова И.Д. Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011 – 2014 годах // Археология Южной Сибири. Вып. 27 / Отв. ред. О.С. Советова. Кемерово: КемГУ, 2016. С. 101–114.

Русакова И.Д. Работы на петроглифическом комплексе Бояры – Абакано-Перевоз в Хакасии в 2017 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 7. С. 36–40.

Русакова И.Д. Местонахождение петроглифов Абакано-Перевоз I в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 43–71.

Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху / Известия кафедры археологии. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КГУ, 1976. С. 57–73.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2009. 226 с.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ЭликСис, 2003. 122 с.

Седых В.Н. О памятниках изобразительного искусства эпохи ранних кочевников из Абаканской степи // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посвященный 60-летию Д.Г. Савинова / Отв.ред. И.Я. Фроянов, С.Н. Астахов. СПб.: СПБГУ, 2001. С. 133–136.

Советова О.С. Изображения птиц на писаницах Енисея // Археолого-этнографический сборник / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 2003. С. 98–124.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О. С., Аболонкова И. В. Гравированные рисунки Тепсея // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 128–134.

Советова О.С., Шишкина О.О. О некоторых необычных антропоморфных персонажах в наскальном искусстве Минусинской котловины // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2019. № 2 (64). С. 183–200.

Советова О.С., Шишкина О.О. Археологические исследования М. Н. Пшеницыной на Тепсее: научное наследие и современность // Записки ИИМК РАН. № 29 / Гл. ред. В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 147–155.

Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Сунчугашев Я.И. Есинские изображения тагарской культуры // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 82–84.

Членова Н.Л. Тагарские лошади (О связях племён Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Ред. Б.А. Литвинский. М.: ГРВЛ, 1981. С. 80–94.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Информация об авторе:

Шишкина Ольга Олеговна, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); olgashishkina145@gmail.com

REFERENCES

Bokovenko, N. A. 1984. *Otchet ob obsledovanii petroglifov v Novoselovskom, Krasnoturanskom rayonakh Krasnoyarskogo kraya i v Khakasskoy AO v 1983 godu (Report on the survey of petroglyphs in Novosyolovo, Krasnoturansk districts of the Krasnoyarsk Krai and in the Khakas AO in 1983).* Leningrad. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, inv. R-1, dossier 18036 (in Russian).

Vadetskaya, E. B. 1986. *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Eniseya (Archaeological monuments in the Yenisey steppes).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vadetskaya, E. B. 2009. *Drevnie maski Eniseya (Ancient masks of the Yenisey).* Saint Petersburg, Krasnoyarsk: "VERSO" Publ. (in Russian).

Gryaznov, M. P., Komarova, M. N., Zavituhina, M. P., Pshenitsyna, M. N., Khudyakov, Yu. S. 1979. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee (Complex of archaeological monuments near Mount Tepsey on the Yenisey).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dan'kin, E. N., Esin, Yu. N., Poselyanin, A. I., Tarakanov, V. V. 2020. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia (Scientific Review of Sayano-Altai)* 1 (25), 85–96 (in Russian).

Kovaleva, O. V. 2013. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia (Scientific Review of Sayano-Altai)* 1, 91–112. (in Russian).

Kuzmin, N. Yu. 2011. *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura (Burial sites of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisey: Tes culture).* Saint Petersburg: "Aising" Publ. (in Russian).

Marsadolov, L. S. 2010. *Bol'shoy Salbykskiy kurgan v Khakasii (Bolshoy Salbyksky barrow in Khakassia).* Abakan: "Khakasskoe kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2012. In Savinov, D. G. (ed.). *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha (Rock art monuments of the Minusinsk basin: Georgievskaya, Linishchenskaya, Ulaza III, Sosnikha).* Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) X. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 28–57 (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2016. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 22. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 328–332 (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2018. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Transactions of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 8, 92–99 (in Russian).

Miklashevich, E. A., Bove, L. L. 2015. In *Vestnik KemGU (Bulletin of Kemerovo State University)* 1 (3), 52–64 (in Russian).

Miklashevich, E. A., Mukhareva A. N., Bove, L. L. 2016. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Transactions of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 2, 66–78 (in Russian).

Miklashevich, E. A., Pankova S. V., Mukhareva A. N. 2012. In Savinov, D. G. (ed.). *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha (Rock art monuments of*

the Minusinsk basin: Georgievskaya, Linishchenskaya, Ulaza III, Sosnikha). Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) X. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 72–111 (in Russian).

Miklashevich, E. A., Mukhareva A. N., Bove, L. L. 2016. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Transactions of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 2, 66–78 (in Russian).

Esin, Yu. N. (comp.). 2017. *Naskal'nye izobrazheniya Oglakhty. Al'bom (Rock paintings of Oglakhta. Album).* Abakan: Khakass Research Institute for Language, Literature and History (in Russian).

Nikolaeva, T. V. 1983. *Izobrazheniya na plitakh ograd tagarskoy kul'tury (metodika i khronologiya) (Images on the slabs of fences of the Tagar culture (methodology and chronology)).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kemerovo (in Russian).

Pshenitsyna, M. N. 1978. *Otchet o rabotakh Tepseyskogo otryada v 1977 godu (Report on the work of the Tepsey archaeological team in 1977).* Leningrad. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, inv. R-1, dossier 6712–6712a (in Russian).

Pshenitsyna, M. N. 1992. Gaidukov, P. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 224–236 (in Russian).

Pshenitsyna, M. N., Nemirovskaya E. L., Efimov, V. G. 1978. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda (Archaeological Discoveries of 1977)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 274–275 (in Russian).

Rusakova, I. D. 2016. In Sovetova, O. S. (ed.). *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 27. Kemerovo: Kemerovo State University, 101–114 (in Russian).

Rusakova, I. D. 2018. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Transactions of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 7, 36–40 (in Russian).

Rusakova, I. D. 2021. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia (Scientific Review of Sayano-Altai)* 29 (1), 43−71 (in Russian).

Savinov, D. G. 1976. In Martynov, A. I. (ed.). Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu *(Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian period).* Series: Izvestiya kafedry arkheologii (Bulletin of the Department of Archaeology). Kemerovo: Kemerovo State University, 57–73 (in Russian).

Savinov, D. G. 2009. *Minusinskaia provintsiia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovanii 1984–1989 gg.) (Minusinsk province of the Xiongnu (Based on Archaeological Study Materials of 1984-1989.).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State Universit (in Russian).

Semenov, V. A., Kilunovskaya, M. E., Krasnienko, S. V., Subbotin, A. V. 2003. *Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov (Sharypovskiy rayon Krasnoyarskogo kraya) (Images on the Tagar barrow slabs (Sharypovo district of the Krasnoyarsk Krai)).* Saint Petersburg: "ElikSis" Publ. (in Russian).

Sedykh, V. N. 2001. In Froyanov, I. Ya., Astakhov, S. N. (eds.). *Evraziya skvoz' veka (Eurasia through Centuries).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 133–136 (in Russian).

Sovetova, O. S. 2003. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskii sbornik (Archaeological and Ethnographic Collection)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 98–124 (in Russian).

Sovetova, O. S. 2005. *Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy) (Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisey (narratives and images)).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sovetova, O. S., Abolonkova, I. V. 2016. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 407, 128–134 (in Russian).

Sovetova, O. S., Shishkina, O. O. 2019. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 64 (2), 183–200 (in Russian).

Sovetova, O. S., Shishkina, O. O. 2023. In Lapshin, V. A. (ed. in cheif). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* 29. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 147–155 (in Russian).

Sovetova, O. S., Shishkina, O. O., Abolonkova, I. V. 2021. *Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona (Rock art of the Tepsey archaeological microdistrict).* Kemerovo: "Vektor-Print" Publ. (in Russian).

Sunchugashev, Ya. I. 1987. In Derevyanko, A. P., Larichev, V. I. (eds.). *Issledovaniya pamyatnikov drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka (Research of monuments of ancient cultures in Siberia and the Far East).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 82–84 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1981. In Litvinsky, B. A. (ed.). *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura) (The Caucasus and Central Asia in ancient times and the Middle Ages (history and culture)).* Moscow: "Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury" Publ., 80–94 (in Russian).

Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentral'noi Azii (Petroglyphs of the Middle and Central Asia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Shishkina Olga O. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Institute of History and International Relations, Kemerovo State University. Krasnaya, str. 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; olgashishkina145@gmail.com

Статья поступила в журнал 30.11.2024 г.
Статья принята к публикации 20.01.2025 г.

УДК 902/903
ББК 63.4
https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.120.128

ПОГРЕБЕНИЕ С ФАЯНСОВОЙ ШКАТУЛКОЙ САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ[1]

©2025 г. Н.Л. Моргунова

В статье впервые публикуются данные о погребении 3 в кургане 3 курганного могильника II у с. Каликино на р. Ток в Оренбургской области. Погребение выделялось среди многочисленных погребений раннего железного века в данном кургане находкой предмета импортного происхождения. Шкатулка из зеленого фаянса уникальна как по форме и материалам, использованным в ее производстве, так и по орнаментальной композиции инкрустации, собранной из разноцветных глазурованных пластинок, размещенной на крышке и на внешних стенках коробки. Полной аналогии данному предмету не найдено. Погребальный обряд позволяют отнести погребение 3 в могильнике Каликино II к савроматской культуре и датировать комплекс в интервале VI – V вв. до н.э. В качестве предварительного вывода, учитывая необходимость дальнейшего изучения столь уникального предмета, сделано предположение, что шкатулка была изготовлена в одном из ремесленных центров Древнего Египта.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, савроматская культура, погребальный обряд, импорт, шкатулка из египетского фаянса, инкрустация из глазури.

A SAUROMATIAN CULTURE BURIAL WITH A FAIENCE CASKET IN THE ORENBURG REGION[2]

N.L. Morgunova

The article for the first time publishes data on burial 3 in barrow 3 of barrow field II near the village of Kalikino on the Tok river in the Orenburg region. The burial stood out among the numerous burials of the Early Iron Age in this barow due to the discovery of an object of imported origin. The green faience box is unique both in its form and the materials used in its production, as well as in the ornamental composition of the incrustation. This incrustation, assembled from multicolored glazed tiles, is located on the lid and the outer walls of the box. No complete parallel to this object has been found. The burial rite allows Burial 3 at the Kalikino II burial ground to be attributed to the Sauromatian culture and dated to the period between the 6th and 5th centuries BC. As a preliminary conclusion, considering the need for further study of such a unique object, it is suggested that the casket was manufactured in one of the craft centers of Ancient Egypt.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Sauromatian culture, burial rite, import, Egyptian faience casket, incrustation made of glaze .

Введение

В западной половине Оренбургской области, на р. Ток у с. Каликино, в 2021–2022 гг. был раскопан курганный могильник (рис. 1: 1), состоявший из более 20 насыпей разных эпох от начала бронзового века до конца РЖВ (Моргунова, 2024). Из них не только крупными размерами, но и значительным количеством погребений выделялся курган 3.

В кургане 3 было выявлено 20 погребений эпохи раннего железного века (в основном раннесарматской археологической культуры IV–III вв. до н. э.), перекрытых двумя последовательно сооруженными насыпями. Погребения располагались в южной поле кургана вокруг основного погребения 3, совершенного в центре кургана под нижней насыпью и перекрытого деревянной конструкцией.

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

[2] The work was financially supported by Russian Science Foundation (РНФ) as a part of the project № 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

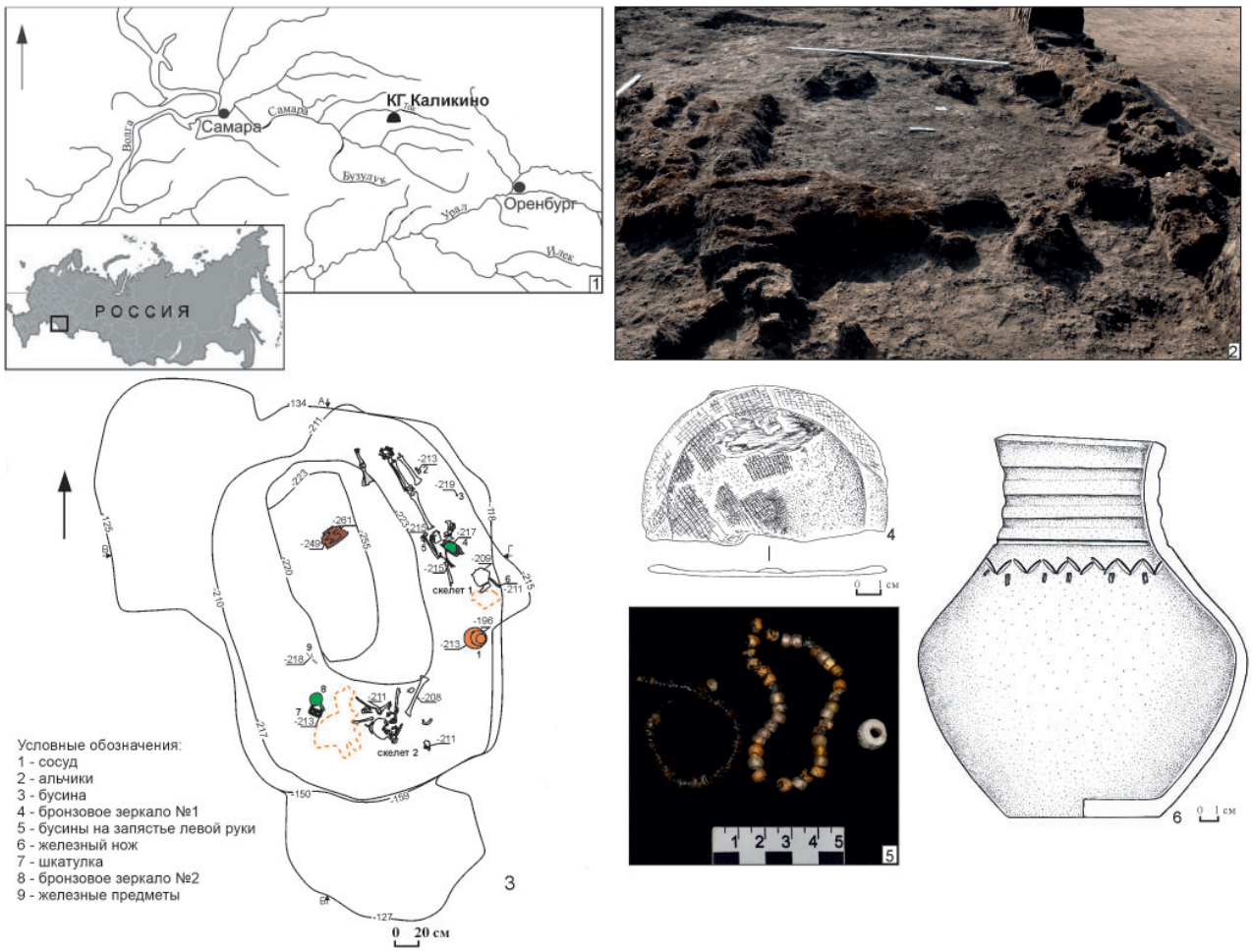

Рис. 1. КМ Каликино II. Курган 3, погребение 3. *1* – КМ Каликино на карте, *2* – деревянная конструкция; *3* – скелеты 1 и 2 на дне ямы; *4-зеркало, 5 - бусы, 6* – сосуд.

Fig. 1. Kalikino II barrow field. Barow 3, burial 3. 1 – Kalikino barrow field on the map, 2 – wooden construction; 3 – skeletons 1 and 2 at the bottom of the pit; 4, 5, 6 – items of skeleton 1: beads, bronze mirror, vessel.

В задачи данной статьи входит публикация погребения 3, отличавшегося от остальных находкой предмета импортного происхождения. Автор рассчитывает, что предварительное представление уникального комплекса привлечет к нему внимание авторитетных специалистов и поможет уточнить вопрос о его назначении, происхождении и хронологии.

Характеристика комплекса

Погребение 3 (рис. 1: 2–3) занимало центральную часть кургана 3 II Каликинского курганного могильника. Погребальная камера представляла собой обширную яму квадратных очертаний с сильно скругленными углами размером на уровне материка 240×320 см. Над могильной ямой зафиксированы плахи деревянного перекрытия, уложенные продольно и поперечно длинным осям ямы. В центральной части перекрытие было разрушено в ходе сооружения впускного погребения вдоль восточной стены основной ямы погребения и позднее грабительской ямой. На дне ямы, на глубине -220 см от 0, выявлены останки двух скелетов.

Вдоль восточной стенки находился Скелет 1 (женщины около 45–55 лет)[1] с утраченными костями грудной клетки и рук, который покоился вытянуто на спине головой на ЮВ (рис. 1: 3). Справа от разбитых костей черепа лежал железный черешковый нож с горбатой спинкой длиной 13,2 см. На ребрах – половина диска бронзового литого зеркала округлой формы с утолщенным валиком по краю диска и конической выпуклостью в центре, со следами ткани и, вероятно, кожи от чехла (рис. 1: 4). Реконструируемый диаметр зеркала – 10,4 см. На кости запястья левой руки найден набор (браслет), состоявший из 37 бусин, однотипных, округлых, поперечно-сжатых из стек-

ла белого, желтого, коричневого цветов, на костях позвонков шейного отдела и под черепом – 70 мелких дисковидных бусин из гагата черного цвета (рис. 1: 5).

К югу от черепа стоял глиняный целый сосуд кувшинообразной формы с уплощенным дном, с шаровидным туловом и высоким горлом (рис. 1: 6). Горло орнаментировано тремя горизонтальными, хорошо выраженными каннелюрами. Ниже, при переходе от горла к тулову, прочерчена горизонтальная линия, ниже нанесен орнамент коротким гладким штампом в виде зигзага, под которым расположен ряд точек. Цвет поверхности неравномерный – красный с серыми пятнами. Высота сосуда 21 см, высота горла 6 см. Диаметры: дна – 8,5 см; тулова – 18,5 см; горла – 8,5 см.

Судя по обряду и инвентарю, данное погребение со скелетом 1 было совершено на прохоровском этапе раннесарматской культуры (Мошкова, 1974). Поскольку яма для него прорезала и разрушила в этой части ямы деревянную конструкцию, вероятно, данное погребение было впускным по отношению к еще одному захоронению (скелет 2), основному, которому и предназначалась погребальная камера и деревянное перекрытие.

Фрагменты второго скелета, точнее его верхняя часть в виде черепа и костей предплечий, ключиц и позвонков, находились на южной половине дна ямы и принадлежали также женщине около 50 лет. Судя по ним, предположительно, погребенная первоначально лежала на спине головой на юг по центру ямы на той же глубине, что и скелет 1. Но в древности захоронение было ограблено. Грабительская яма овальной в плане формы прорезала всю центральную часть заполнения и дно основной ямы на глубину 35 см (рис. 1: 3). Или, возможно, эта яма была попыткой сделать подбой для вышеописанного погребенного 1, но закончилась ограблением уже существовавшего здесь погребения. Как бы то ни было, яма разрушила всю нижнюю часть скелета 2, кости которого также были найдены выше в заполнении ямы и даже в насыпи кургана.

К западу от черепа скелета 2 наблюдалась глиняная обмазка дна, покрытая белым органическим тленом. Над этой обмазкой обнаружен комплекс редких предметов, сложенных друг на друга (рис. 1: 3; 2: 2). Сверху располагалось бронзовое зеркало, под ним фаянсовая шкатулка, вблизи от них – три железных шила. При попытке расчистки комплекса были обнаружены фрагменты инкрустации от крышки и боковых стенок шкатулки, отпечатавшиеся на грунте в виде «негатива». Позже отпечатки позволили практически полностью реконструировать орнаментальную композицию инкрустации на крышке и боковых стенках шкатулки (рис. 2: 1, 3, 4). С учетом редкости и степени сохранности предметов все они были взяты монолитом размером 30×37×24 см, чтобы продолжить расчистку в лабораторных условиях. Уже частично раскрытые поверхности предметов были предварительно укреплены 3–5% раствором поливинилбутираля в этаноле с кисти в несколько этапов[2].

Материал, из которого изготовлена шкатулка, был предварительно определен как фаянс, а детали инкрустации сделаны из стекловидной разноцветной массы. В археологической лаборатории ОГПУ было проведено рентгенологическое исследование монолита с целью определения примерных размеров шкатулки и зеркала, их целостности, а также уточнения их взаимного расположения и наличия других вещей. Дальнейший разбор монолита производился с участием приглашенных специалистов, реставраторов из Института археологии Республики Татарстан. В процессе разбора были извлечены фрагменты шкатулки и фрагменты инкрустации. Емкость шкатулки сохранила форму, но местами по краям бортов имелись небольшие утраты, крышка представлена одним, но крупным фрагментом, инкрустация отслоилась. При извлечении шкатулки также было расчищено зеркало, которое первоначально, судя по сплошной окиси меди на поверхностях, было определено как бронзовое. Внешняя поверхность зеркала имела золотистый цвет с металлическим блеском (рис. 2: 5). При разборе монолита у нижнего края диска зеркала обнаружены фрагменты небольшого железного ножа (рис. 2: 6), а под рукоятью два небольших округлых кусочка мела. В самой шкатулке ничего не найдено, за исключением мелких ее осколков. На дне одной из ячеек имелось пятно черной окраски, возможно сажи. Шкатулка и зеркало, учитывая необходимость проведения срочных реставрационно-консервативных работ, были переданы реставраторам Музея археологии Института археологии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). Реставра-

Рис. 2. КМ Каликино II. Курган 3, погребение 3. Инвентарь у Скелета 2: 1 – рисунок реконструкции шкатулки после реставрации (реставрация и рисунок выполнен Каплан П.Ю.); 2 – первичная фиксация находки в открытом погребении (фото Крюковой Е.А.); 3-4 – шкатулка после реставрации (фото Каплан П.Ю.); 5 – зеркало; 6 – железный нож (фото Краевой Л.А.).

Fig. 2. Kalikino II barrow field. Barrow 3, burial 3. Goods near skeleton 2: 1 – drawing of the reconstruction of the casket after restoration (restoration and drawing was made by Kaplan P.Yu.); 2 – primary record of the find in the burial (photo by Kryukova E.A.); 3-4 – casket after restoration (photo by Kaplan P.Yu.); 5 – mirror; 6 – an iron knife (photo by L.A. Krayeva).

ция шкатулки выполнена старшим научным сотрудником, художником-реставратором произведений из керамики и стекла Каплан Полиной Юрьевной.

Инвентарь погребения.

Зеркало бронзовое[3] с круглым плоским диском без бортика, с заостренными и сглаженными краями. Диаметр диска 14,2×13,5 см. Ручка прямая, ее длина 8,4 см, ширина от 2,7 см до 2,1 см. Конец обломан. На одной из сторон зафиксирован сохранившийся фрагмент кожаного чехла.

Предметы из железа представлены тремя шильцами длиной 2–3 см из отрезков окру-

глого в сечении прутика и однолезвийным, изогнутой формы с рукоятью, отделенной от лезвия перекрестием, ножом длиной 9 см.

Шкатулка с инкрустацией, с крышкой на вертикальном шарнире. Реставраторами материал основы и крышки предположительно определен как египетский фаянс[4] лазурно-зеленого цвета; материалы вставок инкрустации – стекло, или поделочные минеральные породы, или фаянсовые окрашенные пластинки.

Основа шкатулки – коробка почти квадратной формы: размеры основы коробки 10×9 см, высотой 2,8 см. Внутри она разделена на четыре симметричных отсека также близкой к квадрату формы. Размеры каждого отсека 4,3×3,8 см, глубиной от 1,3 до 1,5 см. Отсеки разделены крестообразной перегородкой с толщиной стенок 0,3 см. Толщина внешних стенок коробки 0,7 см. Размеры крышки 10×9,1 см, толщина 0,7 см. Днище коробки с внешней стороны оформлено квадратным сплошным поддоном высотой около 2 мм, размером 7,7×7,3 см.

Боковые стенки коробки с внешней стороны по всему периметру немного углублены и по краям сверху и снизу отделены невысоким узким бортиком. В углублениях размещена инкрустация из цветных вставок.

В крышке имелось отверстие для штыря поворотного механизма диаметром 0,5 см. Сам штырь не сохранился. Второе аналогичное отверстие с противоположной стороны обнаружилось в ходе реставрации. Однако оно не имело продолжения на бортике коробки. Аналогично боковым стенкам коробки поверхность крышки была разделена на углубления для инкрустации. В средней части крышки они состояли из четырех симметричных ячеек квадратной формы (размеры каждой 2,3×2,8 см), разделенных невысокой перегородкой и бортиками шириной не более 0,4 см. По всему периметру этот квадрат из четырех ячеек размером 6×6,5 см был окружен также углубленной полосой с невысоким бортиком по всему краю крышки шириной 3,3 см. Инкрустация в данной полосе окаймляла крышку.

Орнамент на бортиках коробки и на крышке составлен из многих пластинок цветного стекловидного материала синего, белого, красного, темно-бурого, светло-коричневого цветов. Он представляет композицию из симметрично расположенных розеток цветов с лучистыми лепестками.

Прямые аналогии данному предмету автору найти пока не удалось, несмотря на ряд консультаций со специалистами по древней истории южных цивилизаций и по истории ранних кочевников РЖВ.

Так, в исследованных многочисленных памятниках ранних кочевников Евразии изделия из фаянса, за исключением египетских подвесок-скарабеев, судя по обширным публикациям и обобщающим работам, не известны. Единственная подобная шкатулка из светло-зеленого фаянса найдена на территории, близкой к Западному Оренбуржью, вблизи от г. Уральска в Казахстане, в кургане 23 могильника Кырык-Оба II (Влияния ахеменидской…, 2012, с. 35, рис. 87; Гуцалов, 2009). Но она отличается от каликинской шкатулки формой как самой коробки, так и крышки, а также отсутствием какого-либо декора или инкрустации (рис. 3: 1). Весь погребальный комплекс авторы датировали предположительно VI–V вв. до н. э., отнеся шкатулку к числу проявлений ахеменидского влияния, хотя явных признаков тому в ахеменидском искусстве, на мой взгляд, не просматривается. Важно отметить, что помимо фаянсовой шкатулки погребение в могильнике Кырык-Оба II сближает с погребением в Каликино наличие деревянного перекрытия и форма могильной камеры. Указанная дата подтверждается находкой в кургане 23 каменного жертвенника на ножках в виде голов оленей (Гуцалов, 2009, с. 164, рис. 2,*1*), типичного для савроматской культуры (Смирнов, 1964, с. 366).

На азиатской части кочевнической территории находки подобных шкатулок, как и фаянсовых изделий, также не известны, что и подтвердила д.и.н., чл.-корр. РАН, профессор Н.В. Полосьмак[5]. В частности, она указала на мотивы орнамента в инкрустации на каликинской шкатулке (рис. 3: 4, 5), имеющие аналогии в ахеменидской культуре, а также на коврах Пазырыкских курганов (рис. 3: 5) (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 138) и на орнаментах в виде цветочных розеток на ряде импортных металлических чаш, происхождение которых традиционно связывают с ахеменидским Востоком (Влияние…., 2012, рис. 28, 39). Подобные многолепестковые розетки известны на облицовках стен кера-

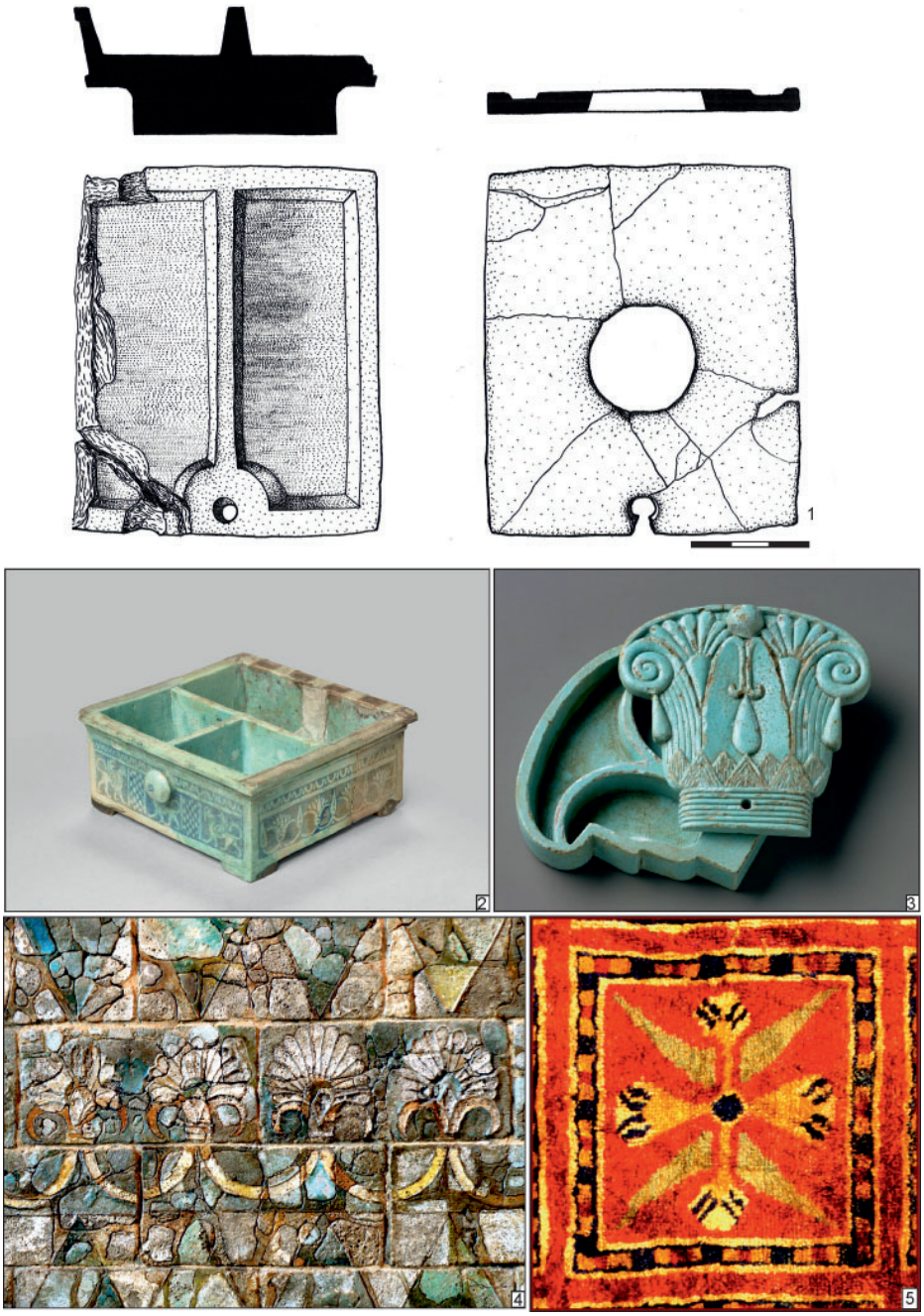

Рис. 3. Аналогии шкатулке и орнаментам в ее инкрустации: *1* – шкатулка из фаянса, КМ Кырык-Оба II (*1* – по: Гуцалов, 2009, с.184. рис.2, курган 23); *2* – фаянсовая шкатулка из Мемфиса (Египет) (https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010008699); *3* – коробочка из фаянса (Египет) (URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/); *4* – орнамент на облицовке стены из глазурованных керамических плиток. Сузы (URL: https://mhk2.biblioclub.ru/page-204.html.) *5* – фрагмент орнамента на ковре, Пятый Пазырыкский курган (по: Полосьмак, Баркова, 2005, с.154).

Fig. 3. Analogies to the casket and ornaments in its incrustation. *1* – casket made of green faience, Kyryk-Oba II barrow field, barrow 23. (1 – by: Gutsalov, 2009, p.184, fig. 2, barow 23).; *2* – faience casket from Memphis (Egypt) (https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010008699); *3* – small box made of faience (Egypt) (URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/); *4* – ornament on wall facing made of glazed ceramic tiles. Susa (URL: https://mhk2.biblioclub.ru/page-204.html.); *5* – fragment of an ornament on a carpet. The fifth Pazyryk barrow. (Fig.2; 2-4 – from open sources on the Internet; 5 – by: Polosmak, Barkova, 2005, p.154).

мическими плитками (рис. 3: 4), покрытыми разноцветной глазурью, в Персеполе и Сузах (Искусство Ахеменидского Ирана). Эти параллели укрепляют предложенную датировку погребения 3 (Скелет 2 со шкатулкой) – в пределах не позднее V в. до н. э., чему не противоречат обряд с деревянным перекрытием и зеркало, аналогии которому известны в савроматских памятниках (Смирнов, 1964, с. 364). Следовательно, и верным представляется вывод о более позднем происхождении Скелета 1 и впускном характере его погребения относительно Скелета 2.

Однако вопрос об исходном районе происхождения столь редкого предмета, как шкатулка из фаянса с инкрустацией из цветного стекла, остается открытым. Это могли быть и районы Месопотамии, и Древний Египет.

В искусстве ахеменидской Персии найти образцы из фаянса мне не удалось, как и что-либо похожее на шкатулки. Единственный аналог, хотя и значительно далекий как по территории, по времени, так и по технологии, это каменная, из серого стеатита, шкатулка, разделенная на четыре квадратных отдела, с крышкой, обнаруженная в одном из погребений царского некрополя Маргианы Гонур-тепе в Туркменистане (Башмакин, Мурадов, 2020, электронный ресурс).

В Египте производство фаянса известно со времени Среднего царства, сохранялось вплоть до греко-римской эпохи и имело свои технологические особенности (Лукас, 1958, с. 7, 140–148; Египетский фаянс...). Известные исследователи истории Древнего Египта, д.и.н., заведующий сектором Древнего Востока Гос. Эрмитажа А.О. Большаков и к.и.н., зам. зав. Отделом Древнего Востока Гос. Эрмитажа, доцент кафедры Древнего Востока Восточного факультета СПбГУ А.Н. Николаев, ознакомившись с находкой из Каликино, авторитетно заключили, что в коллекциях многочисленных изделий из фаянса Древнего Египта ничего подобного с инкрустацией и подобными мотивами орнаментации им неизвестно[6]. Они же указали на единственный предмет из фаянса в виде шкатулки, найденный еще, видимо, в XIX в. в Мемфисе, ныне хранящийся в Лувре (Шкатулка (короб) из Мемфиса, электронный ресурс). Шкатулка из зеленого фаянса без крышки, похожая скорее на вставной сбоку короб, отличается тремя отделами, росписью по внешним боковым граням с ассирийскими мотивами в виде растительных узоров и идущих в ряд образов крылатых грифонов (рис. 3: 2). Из египетских древностей известна также миниатюрная косметическая коробочка с поворотной крышкой из светло-зеленого фаянса (рис. 3: 3), датированная в пределах 664–300 г. до н. э. в виде капители (Египетский фаянс). Кроме того, в Египте имеются многочисленные археологические свидетельства о мастерских, а также о технологии получения и использования фаянса (Лукас, 1958, с. 140–160).

Таким образом, несмотря на огромное число импортных предметов, известных в памятниках степных кочевников РЖВ, их многообразие, предназначение и источники происхождения, ничего подобного шкатулке из Каликинского могильника, за исключением находки в кургане 23 могильника Кырык-Оба II, обнаружить не удалось. Однако материал (фаянс светло-зеленого цвета), из которого сделана каликинская шкатулка, и единственные ей, хотя и не полные аналогии в Древнем Египте периода раннего этапа Нового Царства, склоняют к выводу, что обе шкатулки попали на Южный Урал в результате импорта именно с территории Египта. Мотивы инкрустации, находящие параллели в искусстве ахеменидской Персии, также как и роспись на шкатулке из Мемфиса, вероятно, свидетельствуют, что в этих изделиях отразилось влияние месопотамских традиций на прикладное искусство древних египтян (Лукас, 1958, с. 199–200).

Таким образом, в качестве заключения можно сделать предварительный вывод, что шкатулка была сделана и затем привезена в Приуралье примерно в интервале VI–V вв. до н. э. из Древнего Египта.

Примечания:

[1] Определения пола и возраста сделаны Е. Клещенко (ИА РАН).

[2] Все манипуляции по укреплению предметов и транспортировке монолита в фонды археологической лаборатории ОГПУ, а также расчистка в лабораторных условиях производились совместно с сотрудником лаборатории Е.А. Крюковой и хранителем фондов Музея археологии ОГПУ О.Е. Хмелевской.

[3] По данным микрозондового анализа, химический состав сплава зеркала состоит из высокооловянной бронзы

(Sn до 22,42%).

[4] Позднее состав материала шкатулки был определен методом SEM-EDX анализа. Исследования были проведены в различных точках образца от шкатулки. Основу фаянса составляет оксид кремния, представленный зернами кварца, полевого шпата. В качестве флюса могли использоваться карбонаты кальция, магния ((Ca, Mg) CO3), хлориды натрия (NaCl), Окраску зеленоватого цвета дают окислы меди, фосфаты железа. Матовый цвет – окислы олова. По составу фрагмент шкатулки соответствует «египетскому» фаянсу. За полученные результаты анализов шкатулки и зеркала выражаю Марианне Алексеевне Кульковой мою большую признательность.

[5] За полученную консультацию выражаю Наталье Викторовне мою большую признательность.

[6] За полученную очную консультацию выражаю Андрею Олеговичу и Андрею Николаевичу мою большую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

Башмакин А., Мурадов Р. Самоцветы, ставшие искусством // Туркменистан. 2020. №9-10. С. 186-187. Доступно по: URL: https://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_264/2187&lang_id=ru (дата обращения: 01.11.2023).

Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.). Т. II / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012.. 468 с.

Гуцалов С.Ю. Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э. // ВДИ. 2009. № 2. С. 182–192.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 407 с.

Моргунова Н.Л. Отчет о результатах проведения раскопок объекта археологического наследия «Курганная группа 2 у пос. Каликино» Грачевского района в Оренбургской области по открытому листу № 1671-2021. Оренбург, 2024 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

Египетский фаянс. Доступно по: URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Египетский_фаянс (дата обращения 01.04.2023).

Шкатулка (короб) из Мемфиса. Доступно по: URL: https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010008699 (дата обращения: 01.07.2023).

Искусство Ахеменидского Ирана. Доступно по: URL: https://mhk2.biblioclub.ru/page-204.html (дата обращения: 01.10.2023).

Информация об авторе:

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nina-morgunova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8091-7411

REFERENCES

Bashmakin, A., Muradov, R. 2020. In Turkmenistan (Turkmenistan) 9–10, 186–187 Available at: https://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_264/2187&lang_id=ru (accessed: 01.11.2023) (in Russian).

Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). 2012. *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th—3th Centuries BC))* 2. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2009. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (2), 182–192 (in Russian).

Lucas, A. 1958. *Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta (Ancient Egyptian Materials and Indus Tries).* Moscow: "Izd-vo inostrannoy literatury" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2024. *Otchet o rezul'tatakh provedeniya raskopok ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Kurgannaya gruppa 2 u pos. Kalikino» Grachevskogo rayona v Orenburgskoy oblasti po otkrytomu listu № 1671-2021 (Report on the results of excavations of the archaeological heritage site "Barrow group 2 near the*

village of Kalikino" of the Grachyovka district in the Orenburg region according to excavation license No. 1671-2021). Orenburg. Archive of the archaeological laboratory of the Orenburg State Pedagogical University

Moshkova, M. G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi (prokhorovskoi) kul'tury (Origins of the Early Sarmatian (Prohorovka) Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th – 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "INFOLIO" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Egipetskiy fayans (Egyptian faience). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Египетский_фаянс (accessed: 01.04.2023) (in Russian).

Shkatulka (korob) iz Memfisa (A casket (box) from Memphis). Available at: https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010008699 (accessed: 01.07.2023) (in Russian).

Iskusstvo Akhemenidskogo Irana (The art of Achaemenid Iran). Available at: https://mhk2.biblioclub.ru/page-204.html (accessed: 01.10.2023) (in Russian).

About the Author:

Morgunova Nina L., Doctor of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya Str., 19, Orenburg, 460014 Russian Federation, nina-morgunova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8091-7411

Статья поступила в журнал 03.01.2025 г.
Статья принята к публикации 03.03.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.129.137

ОСОБЕННОСТИ КОСТОРЕЗНОГО ДЕЛА В КОЧЕВОЙ СРЕДЕ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ИЗГОТОВЛЕНИИ ДЕТАЛЕЙ ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ

© 2025 г. А.П. Бородовский

Статья посвящена выявлению особенностей косторезного дела в кочевой среде эпохи раннего железного века Евразии на примере изготовления деталей защитного снаряжения. Методической основой для исследований артефактов косторезного производства (разделки сырья, заготовок и изделий) является структурно-технологический анализ, конструктивно-морфологический подход, технико-морфологический и трассологический анализы с привлечением данных экспериментальной археологии. Коневодство как основная отрасль кочевого хозяйственного уклада самым тесным образом связано не только с особенностями материальной культуры древних кочевников, но и косторезным производством в качестве ресурсной и сырьевой базы. Мобильность кочевой культуры невозможна без постоянного ухода за лошадьми. В этой деятельности одной из основных операций является подрезка копыт у животных. Такая рутинная практика, очевидно, сформировала технологию изготовления защитных панцирей из стенок конских копыт у кочевников. Это защитное снаряжение было описано античными авторами (Павсаний, Тацит, Аммиан Марцеллин) и запечатлено в римском монументальном искусстве (барельефы колонны Траяна). В дополнении к указанным письменным и изобразительным источникам в археологических комплексах Хакасии, Горного Алтая и Монголии были выявлены бронзовые инструменты для подрезки копыт, следы разделки роговой поверхности на костях копыт и бронзовые реплики панцирных пластин из таких заготовок.

Ключевые слова: археология, эпоха ранних кочевников, Евразия, косторезное дело, кочевое хозяйство, мобильность быта, технология производства, предметный комплекс, детали защитного вооружения.

CHARACTERISTICS OF BONE CARVING CRAFT IN THE EURASIAN NOMADIC MILIEU DURING THE EARLY IRON AGE: MANUFACTURING PROTECTIVE EQUIPMENT PARTS

A.P. Borodovsky

This article examines the characteristics of bone working within the nomadic communities of the Eurasian Early Iron Age, specifically focusing on the production of protective armor components. The methodological foundation for studying bone artifacts—encompassing raw material processing, blank preparation, and finished products—relies on structural-technological analysis, a constructivist-morphological approach, and technical-morphological analysis, incorporating data from traceology and experimental archaeology. Horse breeding, central to the nomadic economy, was fundamentally linked not only to the broader material culture of these groups but also to bone working, which relied heavily on horses as a primary resource and raw material base. The inherent mobility of nomadic life necessitated constant horse care, a key aspect of which was hoof trimming. This routine practice appears to have directly influenced the technology used by nomads to craft protective armor from horse hoof walls. This distinctive form of armor is documented in ancient literary sources (Pausanias, Tacitus, Ammianus Marcellinus) and depicted in Roman monumental art, such as the bas-reliefs on Trajan's Column. Archaeological evidence corroborates these accounts: bronze hoof-trimming tools, cut marks on hoof bones themselves, and bronze replicas of armor plates made from such hoof blanks have been discovered at sites across Khakassia, Gorny Altai, and Mongolia.

Keywords: archaeology, Early Nomadic Period, Eurasia, bone carving/working, nomadic economy, mobile lifestyle, production technology, material culture assemblage, parts of protective armor.

Введение

Косторезное дело в зависимости от различной хозяйственной среды имеет свои особенности. Такая характеристика в полной мере касается и кочевой среды, которая обладает не только избыточными ресурсами в форма-

те скотоводческой деятельности, но и рациональностью их использования (Масанов, 1995, с. 120). В полной мере это проявляется в изготовлении предметов вооружения, на что не однократно обращали внимание еще античные авторы. В частности, показательное описание сарматского доспеха оставил Павсаний (155 г. – 111 гг. н.э.): «Панцири делают они следующим образом: каждый из них держит много лошадей…. Лошадей они употребляют не только для войны, но и приносят в жертву туземным богам и употребляют в пищу. Их копыта они собирают, очищают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной (драконьей) чешуи. Кому не случалось видеть змеи (дракона) тот, наверное, видел ещё зелёные сосновые шишки, итак, с бороздками, виднеющимися на сосновых шишках можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что делают из копыт. Эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычьими жилами и употребляют в качестве панцирей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским, они выдерживают даже удары и раны, наносимые в рукопашной» (Павсаний, I, 21, 5; 1996, с. 76).

Такие описания Павсанием, Тацитом и Аммианом Марцеллином сарматских панцирей из копытного рога представлены в отечественной археологической литературе с начала 70-х годов прошлого века (Хазанов, 1971, с. 58) и до настоящего времени (Хазанов, 2008, с. 135; Симоненко, 2015, с. 144). Специалисты по сарматскому вооружению, как правило, интерпретируют содержание данного письменного источника «как не совсем ясные» (Хазанов, 1971, с. 58; 2008, с. 136), либо ни как не комментируют (Хазанов, 2008, с. 135; Симоненко, 2015, с. 144). Следует отметить, что определенные заблуждения по указанному вопросу были визуализированы уже в эпоху античности. Ярким примером является изображение группы всадников в чешуйчатых доспехах на колонне императора Траяна в Риме (113 г. н. э.), вся поверхность туловища и ног которых, включая лошадей, покрыты чешуйчатыми панцирными пластинками (рис. 1). Однако, современные археологические источники позволяют внести существенные уточнения в вопрос о существовании защитных панцирей из стенок конских копыт как одного из специфических индикаторов вооружения кочевой культуры. Задачей настоящего исследования является обобщение артефактов и сопоставление их с экспериментальными данными, касающихся технологии изготовления панцирных пластин из стенок лошадиных копыт, как одной из особенностей косторезного производства в кочевой среде.

Рис. 1 Фрагмент колонны Траяна с изображением сарматских всадников и их коней в чешуйчатых доспехах (113 г. н. э. Рим, Италия).
Fig. 1 Fragment of Trajan's column depicting Sarmatian horsemen and their horses in scale armor (113 AD, Rome, Italy).

Материалы и методы

Материалом для исследования стали письменные (Павсаний, Аммиан Марцеллин) и изобразительные (колонна Траяна) античные источники, а также серия артефактов эпохи раннего железа из Хакасии (материалы кладов - Идринского, Филимоновского и Четвертого Биджинского), Горного Алтая (остеологические материалы и косторезные заготовки городища Чултуков Лог-9) и Монголии (бронзовые панцирные пластины из погребения 32 Хайрхан, Архангайский аймак в Монголии). Трассологические и экспериментально археологические исследования позволили выявить и воспроизвести технологию срезания роговицы с костей лошадиных копыт, что требовало учета нескольких важных факторов. Во-первых, периодическое обрезание копыт является одной из главных особенностей ухода за лошадьми (Харрис, Клегг, 2006, с. 91). Во-вторых, для такой операции должны быть специализированные инструменты.

Рис. 2 Знак копыта на стенке тагарского котла Хакасия (Летник).
Fig. 2 Hoofprint motif on the wall of a Tagar cauldron from Khakassia (Letnik)

В-третьих, роговая поверхность копыт как косторезная заготовка в формате утилизации сырья имеет самостоятельное значение.

С методологической точки зрения интерпретация таких предметов в рамках кочевой среды во многом опирается на палеоэтнографический подход. В рамках такого подхода неотъемлемым критерием материальной аналогии являются наблюдаемые сходства (Карри, 2016, с. 84–89). Они достаточно давно установлены на примере археологических и этнографических материалов для культуры ранних кочевников и их более поздних преемников (Ванштейн, 1973; Ванштейн, Крюков, 1984).

Обсуждение результатов

Копыто в материальной культуре ранних кочевников представлено на нескольких уровнях – изобразительном, инструментальном и функциональном. Начиная с раннескифского времени (Членова, 1999; Кисель, 2021) изображения отпечатков копыт (рис. 2) представлены как в петроглифике, так и в декоре роговых предметов (окончаний псалий) и внешней отделке металлических изделий (ножей, котлов, пряжек). Изображение копыта в среде древних кочевников связано с широким и достаточно четким кругом представлений (Кисель, 2021, с. 98), к которым вполне можно отнести и значение копыт в качестве индикатора специфики косторезного дела в кочевой среде.

Если рассматривать копытовидный знак в рамках технологии раскроя роговицы конского копыта, то он будет представлять собой подошвенную часть, отделенную от ее стенки. Любопытно, что именно такой участок копыта являлся первоосновой для ее имитации в бронзе, как и детали пластин чешуйчатого хуннского панциря из погребения 32 Хайрхан, Архангайского аймака Монголии (Tsveendoj, Saarulbuyan, 2011, p. 229 il. 345). Размер изделий составляет 4,5 – 5 см. (рис. 3). В центральной части изделия отчетливо намечена вогнутая вглубь полоска, которая делит пластину на две равные части. Форма изделия очень близка к внутренней поверхности рога подошвы конского копыта. Сходство появляется в характере изогнутости поверхности изделия, наличии углубления-выступа, соответствующего стрелочной бороздке копыта. Последняя особенность достаточно красноречиво описана Павсанием для реальных доспехов из конских копыт.

Античный автор сравнивал эти панцирные пластины с чешуйками сосновых шишек. При этом он подчеркивал, что наличие на них бороздок позволяет определить, что они изго-

Рис. 3 Бронзовые пластины доспеха из погребения 32 Хайрхан (Архангайский аймак, Монголия).
Fig. 3 Bronze plates of armor from burial 32 Khairkhan (Arkhangai aimag, Mongolia).

товлены из конских копыт. В случае с панцирными бронзовыми пластинами хуннского времени из Монголии вполне обосновано можно считать, что прототипом для их изготовления являлись органические оригиналы, изготовленные из стенки подошвы конского копыта. Относительно небольшие размеры бронзовых изделий можно объяснить целым рядом факторов. Среди них - особенности раскроя исходного органического материала, а также естественно небольшие размеры копыт лошадей монгольской породы. Кроме того, малые размеры бронзовых изделий могли быть обусловлены самим феноменом имитации исходных органических оригиналов для их воспроизведения в другом материале (металле). При этом следует подчеркнуть, что центральное углубление на панцирных пластинах естественно присутствующее от стрелочной борозды на подошве копыта роговых пластин и на их металлических аналогах выполняло уже функцию ребра жесткости. Таким же свойством обладала и исходная изогнутость роговой стенки подошвы копыта.

Активная интеграция копыт, их изобразительные символы и частичные имитации органически связаны с самой сутью коневодства как основой жизни и экономики древних номадов, что требовало постоянного взаимодействия с лошадьми при использовании и уходе за ними. Как уже отмечалось, подрезка копыт (рис. 4) являлась одним из таких занятий, требующих специализированных инструментов. Таким орудием были ножи для подрезки копыт (Бородовский, Оборин, 2020).

Среди случайных находок бронзовых предметов эпохи раннего железа на Среднем Енисее известна целая серия (4 экземпляра) специализированных ножей. Указанные изделия можно отнести к так называемым «тагарским бронзам». Эти предметы имеют дугообразный изгиб в одну из сторон. Общая длина изогнутого ножа составляет 15,7 см. Ширина лезвия имеет размер до 2 см и двухсто-

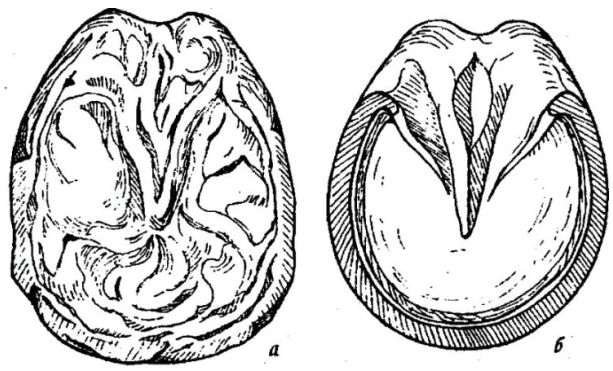

Рис. 4 Копыто: а – не подрезанное; б – подрезанное.
Fig. 4 Hoof: a - not trimmed; б - trimmed

Рис. 5 Бронзовый нож для подрезки копыт из Хакасии (Четвертый Биджинский клад).
Fig. 5 Bronze hoof trimming knife from Khakassia (the Fourth Bidzhi hoard).

роннюю заточку. Лезвие и рукоять по своей длине пропорциональны друг другу. Рукоять представлена подпрямоугольным полотном с двумя рельефными выступами размером от 0,5 до 0,7 см (рис. 5), расположенными с одной стороны. Размещение этих деталей совпадает с направлением изгиба двухстороннего лезвия ножа. Такая конструкция предполагает закрепление органических накладок и расчет особого механического усилия при использовании ножа определенным способом наряду с изогнутым в сторону лезвием.

Целая серия таких предметов известна из собраний кладов: Идринского, Филимоновского и Четвертого Биджинского (Бородовский, Оборин, 2020). Следует подчеркнуть, что наличие тагарских ножей для подрезки копыт, по своей форме мало отличающихся от современных изделий, свидетельствует о высоком уровне коневодства в эпоху раннего железа. В коневодческой практике внутреннюю поверхность копыта следует чистить не реже одного раза в день для удаления их загрязнения и проверки отсутствия повреждений роговицы (Харрис, Клегг, 2006, с. 91).

Рис. 6 Копытная кость с надрезами для снятия рогового чехла с городища Чултуков Лог-9 (Северный Алтай).
Fig. 6 A hoof bone with incisions for removing the horn cover from the settlement of Chultukov Log-9 hillfort (Northern Altai).

При утилизации конских копыт забитых или павших животных необходим другой инструмент – нож с прямым лезвием, которым можно было отделить роговицу копыта от его костной основы (Бородовский, 1997, с. 201, табл. 40). Тогда на тыльной стенке копытной кости при прорезании роговицы образовывались последовательные надрезы, повторяющие изгиб внутренней поверхности подошвы рогового покрытия копыта. Трассологическое изучение копытной кости с городища Чултуков Лог-9 на Северном Алтае выявило серию длинных надрезов, образующих ломаную дуговидную линию (рис. 6).

На территории этого археологического объекта выявлено несколько площадок косторезного производства, по изготовлению различных предметов (деталей лука, панцирных пластин, музыкальных инструментов). Серия радиоуглеродных[1] датировок (MKL-1911; MKL-1912[2]; MKL-1917; MKL-2533; MKL-2534; MKL-3426; MKL-3427), полученных в ходе исследования различных участков Чултукова Лога–9 (рис. 7), позволили получить даты, укладывающиеся в основном в хронологический интервал со 120 до 600 гг. н.э.. Два образца горелого дерева (MKL-3426; MKL-3427), изъятых непосредственно из заполнения рва городища, имели более узкую дату с 400 по 617 гг. н.э. (рис. 7).

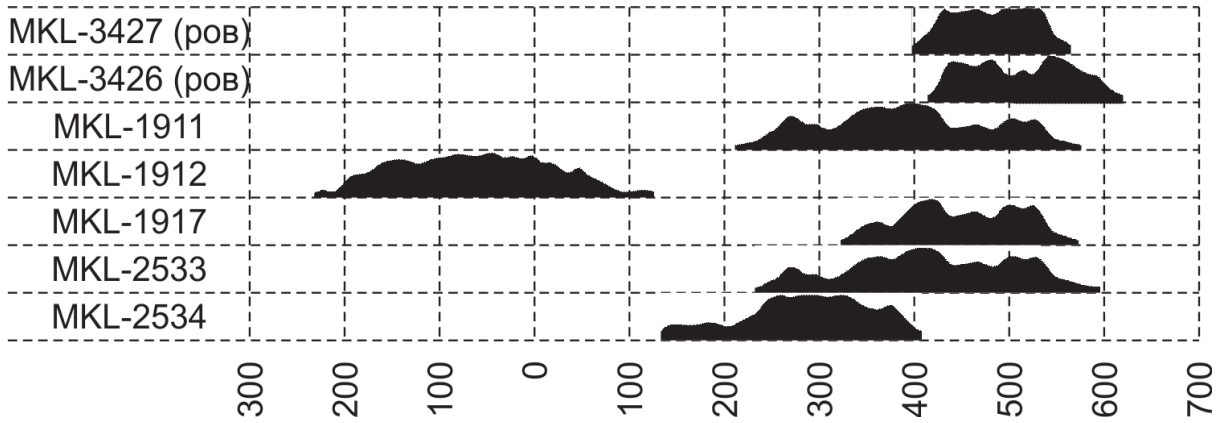

Рис. 6 Копытная кость с надрезами для снятия рогового чехла с городища Чултуков Лог-9 (Северный Алтай).
Fig. 6 Hoof bone with cuts for removing the horny sole from the Chultukov Log-9 hillfort (Northern Altai).

В целом, культурный слой, в котором была обнаружена конская кость с надрезами, получившимися при снятии роговицы, относится на основании серии радиоуглеродных дат к историческому периоду, вполне сопоставимому с тем, что описывает Аммиан Марцеллин (353-378 гг. н.э.), характеризуя доспехи гуннов из стенок лошадиных копыт. Однако, по мнению А.М. Хазанова, панцири сармат из роговицы копыт лошадей ошибочно сравниваются с более поздними роговыми чешуйчатыми доспехами гуннов, описанных Аммианом Марцеллином с не корректными и широкими этнографическими параллелями (Хазанов, 1971, с. 58; 2008, с. 136). С такой интерпретацией можно согласиться, если ли бы не возможность получения из роговицы копыта двух вариантов заготовок панцирных пластин. Одна из них, получаемая из лицевой стенки копыта, была максимально широкой (Бородовский, 1997, с. 201, табл. 40, *6*), тогда как другая, представленная в бронзовых имитациях хуннского панциря из погребения 32 Хайрхан Архангайского аймака Монголии (Tsveendoj, Saarulbuyan, 2011, p. 229 il. 345), была более узкой. Эта разновидность заготовки из стенки копыта скорее всего близка к той, что использовалась в панцирях гуннов, описанных в книге XVII Амианом Марцелином. То же самое можно сказать и о более ранних свидетельствах Павсания, сравнивающего такие роговые панцири либо с поверхностью шишки (Бородовский, 1997, с. 201, табл. 40, *1*), либо с чешуей змеи. В связи с такими визуальными сопоставлениями изображение чешуи на ручке ковша из Аржана-2 (Тува) в виде конской ноги с копытом, покрытой чешуей, можно интерпретировать не только в мифологическом контексте как связь лошадей с водной стихией (Кисель, 2021, с. 96, рис. 12, с. 97), но и как доказательство изготовления из стенок копыт лошадей чешуйчатых доспехов у ранних кочевников.

Для реальных заготовок панцирных пластин, вырезанных из стенок роговицы конских копыт, следует отметить еще несколько различий. Если заготовка из внутренней стороны копыта (подошвы) при своей ограниченной защитной площади имела практически прямую поверхность, которую было легко совместить с любой внутренней основой (кожа, ткань) доспеха. Тогда как заготовка из внешней стороны роговой стенки копыта при всей ее ширине требовала предварительного распрямления, а затем усилий, предотвращающих естественную деформацию рогового вещества (Бородовский, 1997, табл. 40, *7*), прикрепленного к какой то основе. Следует так же отметить, судя по бронзовым репликам короткой пластины из подошвы конского копыта в хуннском доспехе из погребения 32 Хайрхан Архангайского аймака Монголии, она при креплении переворачивалась своей внутренней стороной наружу. Тогда так называемая рельефная «стрелка» на подошве конского копыта на панцирной пластине после переворота ее заготовки становилась внутренним ребром жесткости, при этом снаружи находилось естественное щелевидное углубление. Кроме того, естественная выпуклость внутренней поверхности пластины из подошвы конского копыта была крайне эргономична именно при изготовлении доспехов. Такой рельеф изделий хорошо позволял

стыковаться пластинам в рядах друг с другом на защитном снаряжении.

Заключение

В целом, следует подчеркнуть, что определенные исследовательские акценты и взаимодополнение различных подходов позволяют получить достаточно полную и объективную характеристику для реконструкции древнего косторезного производства. Существование косторезного дела в кочевой среде отражает целый ряд культурных особенностей этого образа жизни. К такой специфике следует отнести динамизм, дисперсность, оптимальность, самодостаточность, рациональность и цикличность, органически присущие кочевой среде. Такое своеобразие проявлялось не только в особенностях использования и разделки различного косторезного сырья типа заготовок, но и в ассортименте специфической продукции. Именно в этом ключе в дополнении к античным письменным (Павсаний Тацит, Аммиан Марцеллин) и изобразительным (барельефы колонны Траяна) источникам в археологических комплексах Хакасии, Горного Алтая и Монголии были выявлены бронзовые инструменты для подрезки копыт, следы разделки роговой поверхности на костях копыт и бронзовые реплики панцирных пластин из таких заготовок.

Письменные, археологические, трассологические и экспериментальные данные позволяют установить существование двух типов заготовок, которые получались при разделки роговых стенок копыт для изготовления панцирных пластин. Необходимо так же отметелить, что в кочевой среде, например, у скифского населения Северного Причерноморья и Подонья, городища (Каменском, Бельском, Люботинское и др.) играли особую роль для выявления материалов косторезного производства (Гаврилюк, Усачук, 1999; Меркулов, Родионов, 2014). В первой половине I тыс. н.э. на Северном Алтае косторезные площадки так же известны на некоторых городищах, одним из них является Чултуков Лог-9. Не менее важно, что один из главных признаков кочевой культуры – мобильность (Масанов 1995, с. 112), проявлялся в заготовках пластин для защитного вооружения как результат утилизации побочных продуктов коневодства. Такой подход был рационален, самодостаточен и характерен для кочевой среды, что было отмечено еще античными авторами (Павсаний, Тацит, Аммиан Марцелин).

Другим качеством кочевой среды является самодостаточность. Однако, концентрировано эта черта присуща далеко не всем ранним кочевникам. Если у скифов в Северном Причерноморье, активно вовлеченных в сферу античной цивилизации, самодостаточность кочевой культуры представлена уже не в полном объеме (Самашев, 2017, с. 17), то по мере дальнейшего продвижения на восток уровень культурной самодостаточности ранних кочевников Евразии явно стремиться к своему естественному абсолюту. Это территориальное своеобразие самодостаточности для косторезного производства проявляется в целом ряде признаков. Среди которых различная степень активного замещения металлом органических материалов (рога, кости) в изготовлении предметного комплекса конской упряжи как главного индикатора мобильности кочевой культуры. Поэтому далеко не случайно, что доспехи из конских копыт были зафиксированы и описаны различными античными авторами (Павсаний, Тацит, Аммиан Марцеллин) не у скифов, а у сармат и гуннов. Вот как это явление объяснял Павсаний: «савроматы сами не добывают себе железа, и они его к себе не ввозят; в этом отношении они из всех варваров этой страны наименее общительны. Ввиду недостатка железа вот что они изобрели: у них на копьях острия — костяные вместо железных, луки и стрелы — из кости, наконечники на стрелах также костяные» (Павсаний, I, 21, 5; 1996, с. 76). Рассматривая такое категоричное утверждение, конечно не следует обращать внимание на «отсутствие железа у сарматов и их необщительность» (в сарматской археологии выявлено достаточное количество местных железных изделий, а также импорта (Хазанов, 1971; Зуев, 2023)). Следует подчеркнуть особое значение костяных и роговых предметов в кочевой среде как естественного ресурса скотоводческого хозяйства. Ассортимент изделий косторезного производства был не особо велик, но рационален по своему набору, при этом некоторые категории вещей бытовали достаточно длительное время, что фиксировали письменные античные источники.

Подводя итоги, следует отметить, что существование любого производства в различной культурно-хозяйственной среде обречено на

приобретение целого ряда особенностей. В свою очередь, кочевой образ жизни формирует определенную специфику в косторезном производстве. В частности, возросшая мобильность ранних кочевников непосредственным образом отражаясь в их материальной культуре проявляется в своеобразии предметного комплекса косторезного производства, включая детали защитного вооружения.

Примечания:

[1]Датировки выполнены в радиоуглеродной лаборатории Краковского Ягеллонского университета (Польша).

[2]Образец (MKL-1912), полученный с основной площадки памятника, относится к более раннему времени (рубежу I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), тогда основная масса образцов (MKL-1911; MKL-1917; MKL-2533; MKL-2534; MKL-3426; MKL-3427) из культурного слоя гунно-сарматского времени на городище датируется в пределах начала – середины I тыс. н.э..

ЛИТЕРАТУРА

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Предметы конского снаряжения и коневодства в кладах эпохи металла на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXVI / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 364–371.

Ванштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М.: Наука, 1973. 13 с.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6. С. 114–130.

Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища) // РА. 1999. № 3. С. 108–123.

Зуев В.Ю. Hiatus III в. до н.э. и incident 1963 г. // УАВ. 2023. Т. 23, № 2. 2023. С. 403–426. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.016

Кисель В.А. Мотив копыта лошади в искусстве древних кочевников (генезис и символика) // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 82–105. DOI: 10.31250/2658-3828-2021-2-82-105.

Карри А. Этнографическая аналогия, сравнительный метод и специальные археологические исследования // Исследования по истории и философии науки. 2016. № 55. С. 84–94.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. М.; Алматы: Соцнивест; Горизонт, 1995. 320 с.

Меркулов А.Н., Родионов А.М. Технология изготовления изделий из кости и рога у скифоидного населения лесостепного Подонья (по данным поселенческих памятников) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. I. С. 129–131.

Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. Кн. 1-4. СПб.: Алетейя, 1996. 336 с.

Самашев З.С. Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Берельских курганов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 10–22.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев: Олег Филюг, 2015. 466 с.

Харис М.С., Клегг Л. Верховая езда. Полная энциклопедия. М.: Астель, 2006. 344 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Хазанов А.М. Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 294 с.

Членова Н.Л. Следы копыт "скифских" коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Материалы Междунар. науч. конф. Барнаул, 24 - 27 марта 1999 г. Барнаул, 1999. С. 231–234.

Tsveendoj D., Saarulbuyan J. Treasures of the Hiungnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Institute of Archaelogy Mongolian Academy of Science, National Museum of Mongolia, Ulanbaatar. 2011. 297 p.

Информация об авторе:

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); altaicenter2011@gmail.com

REFERENCES

Borodovsky, A. P. 1997. *Drevnee kostoreznoe delo iuga Zapadnoi Sibiri (vtoraia polovina II tys. do n.e. – pervaa polovina II tys. n.e.). (Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia (Second Half of the 2nd Millennium BC - First Half of the 2nd Millennium AD).).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Borodovsky, A. P., Oborin, Yu. V. 2020. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 26. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 364–371 (in Russian).

Vanshtein, S. I. 1973. *Problema proiskhozhdeniya i formirovaniya khozyaystvenno-kul'turnogo tipa kochevykh skotovodov umerennogo poyasa Evrazii (The issues of the origin and formation of the economic and cultural type of nomadic pastoralists of the temperate zone of Eurasia).* Moscow" Nauka" Publ. (in Russian).

Vanshtein, S. I., Kryukov, M. V. 1984. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (6), 114–130 (in Russian).

Gavrilyuk, N. A., Usachuk, A. N. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 108–123 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 23 (2), 403–426 (in Russian).

Kisel', V. A. 2021. In *Camera praehistorica* 2 (7), 82–105 (in Russian).

Karri, A. 2016. In *Issledovaniya po istorii i filosofii nauki (Research on the history and philosophy of science)* 55, 84–94 (in Russian).

Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva (The nomadic civilization of the Kazakhs: fundamentals of the nomad society's life organization).* Moscow; Almaty; "Sotsnivest"; "Gorizont" Publ. (in Russian).

Merkulov, A. N., Rodionov, A. M. 2014. In *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues)* 50 (10) part 1, 129–131 (in Russian).

Pavsany. 1996. *Opisanie Ellady (Description of Hellas).* Vol. 1, book 1–4. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 2017. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik (Northeastern Humanitarian Bulletin)* 3 (20), 10–22 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: " Oleg Filyug " Publ. (in Russian).

Haris, M. S., Klegg, L. 2006. *Verkhovaya ezda. Polnaya entsiklopediya (Horseback riding. Complete encyclopedia).* Moscow: "Astel" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khazanov, A. M. 2008. *Izbrannye nauchnye trudy. Ocherki voennogo dela sarmatov (Selected scientific works. Essays on the warefare of the Sarmatians).* Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Chlenova, N. L. 1999. In *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Barnaul, 24 - 27 marta 1999 g. (The results of the study of the Scythian epoch of Altai and its neighbourhood: Proceedings of the International scientific conference. Barnaul, March 24 - 27, 1999).* Barnaul, 231–234 (in Russian).

Tsveendoj, D., Saarulbuyan, J. 2011. *Treasures of the Hiungnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Institute of Archaelogy Mongolian Academy of Science, National Museum of Mongolia*, Ulanbaatar. (in English).

About the Author:

Borodovsky Andrey P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.(Novosibirsk, Russia), of the Higher Attestation Commission, 630099 Novosibirsk, M. Gorky str., 95; altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2025 г.
Статья принята к публикации 01.04.2025 г.

УДК 903.2(903.5).904.908 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.138.153

УЗДЕЧНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И АМУЛЕТЫ, АНТРОПОМОРФНЫЕ И ОФОРМЛЕННЫЕ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ, ИЗ МОГИЛЬНИКА № 1 ТОМУЗЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

© 2025 г. Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкий

Статья посвящена вводу в научный оборот части предметов из разрушенных погребений могильника № 1 Томузловского городища, расположенного в западных окрестностях села Александровское Ставропольского края. Могильник расположен к северу от городища, на левом берегу реки Томузловка в урочище Алимова Будка. В числе обнаруженных предметов конского убранства и амулетов зафиксировано 15 антропоморфных и зооморфных изделий. Ряд морфологических признаков зооморфных и антропоморфных образов, изображенных на изделиях, выявленных на территории могильника, позволяет уточнить период господства в местном прикладном искусстве собственно кобанских изобразительных традиций – IX–VIII – середина V в. до н.э. Во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. наблюдается сосуществование в местной повседневной культуре образцов скифского искусства (центрально-предкавказского и прикубанского вариантов скифского звериного стиля) и синкретичных изображений, являющихся результатом взаимодействия скифского и кобанского зооморфизма.

Ключевые слова: археология, Томузловское городище, кобанская культурно-историческая общность, скифский период, зооморфное изображение, антропоморфное изображение, пластина, бляха, псалий, гравировка, стиль, зооморфизм.

BRIDLE SET COMPONENTS AND AMULETS IN THE ANTHROPOMORPHIC AND ZOOMORPHIC STYLE FROM THE BURIAL GROUND NO. 1 AT THE TOMUZLOVKA HILLFORT

Yu. A. Prokopenko, R. R. Rudnitsky

The article focuses on introducing to scientific discourse some of the artifacts from the destroyed burials of the burial ground No. 1 at the Tomuzlovka hillfort, located on the western outskirts of the village of Aleksandrovskoye, Stavropol Krai. The burial ground is situated north of the ancient settlement, on the left bank of the Tomuzlovka River in the locality of Alimova Budka. Among the discovered items of horse harness and amulets, 15 anthropomorphic and zoomorphic artifacts were recorded. A number of morphological features of zoomorphic and anthropomorphic images depicted on the findings discovered at the burial ground No. 1 of the Tomuzlovka hillfort allows us to clarify the period of dominance of authentic Koban pictorial traditions in the local applied arts – namely, IX-VIII – middle of the V century BC. In the second half of the V - first half of the IV century BC, a coexistence of Scythian art examples (Central Fore-Caucasus and Kuban variants of the Scythian animal style) and syncretic images, resulting from the interaction of Scythian and Koban zoomorphism, is observed in the local everyday culture.

Keywords: archaeology, Tomuzlovka hillfort, Koban cultural and historical community, Scythian period, zoomorphic image, anthropomorphic image, plate, plaque, bit shank, engraving, style, zoomorphism.

Томузловское городище располагается северо-западнее с. Александровского, на правом берегу р. Томузловки в урочище Алимова Будка Александровского муниципального округа Ставропольского края. Памятник был открыт в 1983 г. сотрудником Ставропольского государственного краеведческого музея Н.А. Охонько (Охонько, 1988, с. 266). По его словам: «Оно занимает участок выдающегося в долину реки берега, защищенный с трех сторон обрывистыми склонами, а со стороны поля рвом и каменной стеной (рис. 1: А; Б, 1). Высота вала со стеной составляла около 10 м. По наблюдениям Н.А. Охонько, основной проход находился на восточном конце вала и помимо башни усиливался стеной, идущей параллельно дороге, ведущей к воротам. Шурфы, заложенные во всех

частях городища, судя по керамике, выявили слои скифо-сарматского и раннесредневекового времени (Охонько, 1988, с. 267). Однако могильники городища не были обнаружены.

В 1998–2002 гг. местными жителями севернее городища, видимо, в процессе распашки был обнаружен ряд предметов раннего железного века (они были сфотографированы, частично нашедшими, частично Р.Р. Рудницким, впоследствии зарисованы Р.Р. Рудницким и Ю.А. Прокопенко). В 2002 г. на месте предполагаемого памятника побывал Р.Р. Рудницкий, который уточнил его месторасположение. Обширное погребальное поле, предположительно скифского периода, расположенное к северу от городища на левом берегу Томузловки, получило наименование «могильник № 1». Погребальные сооружения занимают пологий участок возвышенности и вытянуты вдоль её южного края в широтном направлении (рис. 1: Б, 2).

В процессе обследования памятника Р.Р. Рудницким были зафиксированы остатки погребальных конструкций. Погребения скифского времени – грунтовые ямы и каменные ящики. У значительной части каменных ящиков стены были составлены из массивных плит (наблюдается сходство с могильником Каррас (п. Иноземцево в районе Кавминвод)). Некоторые каменные гробницы были лишь частично впущены в погребальную почву. В данном случае, верхняя часть каменных плит возвышалась над уровнем погребенной почвы и была хорошо заметна на современной дневной поверхности. Большинство каменных ящиков-гробниц окружали кольцевые насыпи.

Ряд предметов, выявленных в могильнике, был опубликован (Прокопенко, 2005, рис. 107: 6; 123: А13–15; 127: 2–3; 2014, рис. 107: 6; 127: 2, 3; 123: 6; Прокопенко, Рудницкий, 2024, с. 80–105).

Все находки по функциональному назначению можно условно разделить на шесть категорий: виды вооружения, детали конского убора, украшения (и амулеты), предметы туалета и культовой практики, бытовые изделия и фрагменты керамических сосудов.

В числе предметов конского убранства и амулетов зафиксировано 15 зооморфных изделий (представлено 12).

Наиболее ранними являются четыре бронзовые литые подвески–амулеты.

1. Подвеска в виде левой кисти руки – литье (рис. 2: 1). Ладонь слегка выгнута. Пальцы растопырены. Крайняя фаланга большого пальца отогнута перпендикулярно ладони. Кисть переходит в петлю (в вертикальной проекции) каплевидной формы. Ее края декорированы косыми насечками, имитирующими веревочный орнамент. Размеры: Длина 4,2 см; наибольшая Ширина – 1,8 см.

Аналогии данной подвеске многочисленны в памятниках кобанской культурно-исторической общности (рис. 3). Аналогичные изделия В.И. Козенкова включила в XVIII тип подвесок (Козенкова, 1998, с. 44). Также они представлены пряжками. В частности, целый ряд подобных предметов–пряжек выявлен в комплексах IX–VIII вв. до н.э. Тлийского могильника (могилы №№ 23, 265, 276, 296, 352, 476), Кобанского могильника (пряжки и подвески), Адайдонского могильника (подвеска), Заюково (подвески), из кургана у сел. Знаменское (подвеска) (Козенкова, 1982, табл. XXV: 16; 2017, рис. 10: 6, 10, 11–14; Доманский, 1984, рис. 166–168; Техов, 2002, с. 18, 302, рис. 23: 2; 2006, с. 364, 365, рис. 46; Сокровища…, 2011, с. 74, рис. 64). По особенностям расположения петли в вертикальной проекции подвеске из Томузловского могильника более близки подобные предметы из Кабардино-Балкарии (точнее не известно) и Адайдонского могильника (Доманский, 1984, № 168; Сокровища…, 2011, с. 74, рис. 64). В последнем случае петля имеет аналогичный орнамент (рис. 3: 1, 8, 14).

Б.В. Техов предположил, что такие подвески являлись оберегами, ограждавшими человека от злых духов и несчастий. В отдельных случаях их носили безрукие или с искалеченной рукой (Техов, 2006, с. 365).

2. Подвеска в виде головы барана – бронза (литье) (рис. 2: 2). Голова миниатюрная. Морда слегка выгнута, подцилиндрической формы. Петля – вертикальная, прикреплена к голове. Она украшена объемным орнаментом в виде «косички». Глаза не фиксируются. Рога закручены в стороны. Размеры: Высота – 2,6 см; наибольшая Ширина – 1,2 см.

Подобные подвески характерны для зооморфной пластики кобанской культурно-исторической общности – XVII тип, 3 группа подвесок, согласно классификации В.И. Козенковой; II группа, 3-й тип по

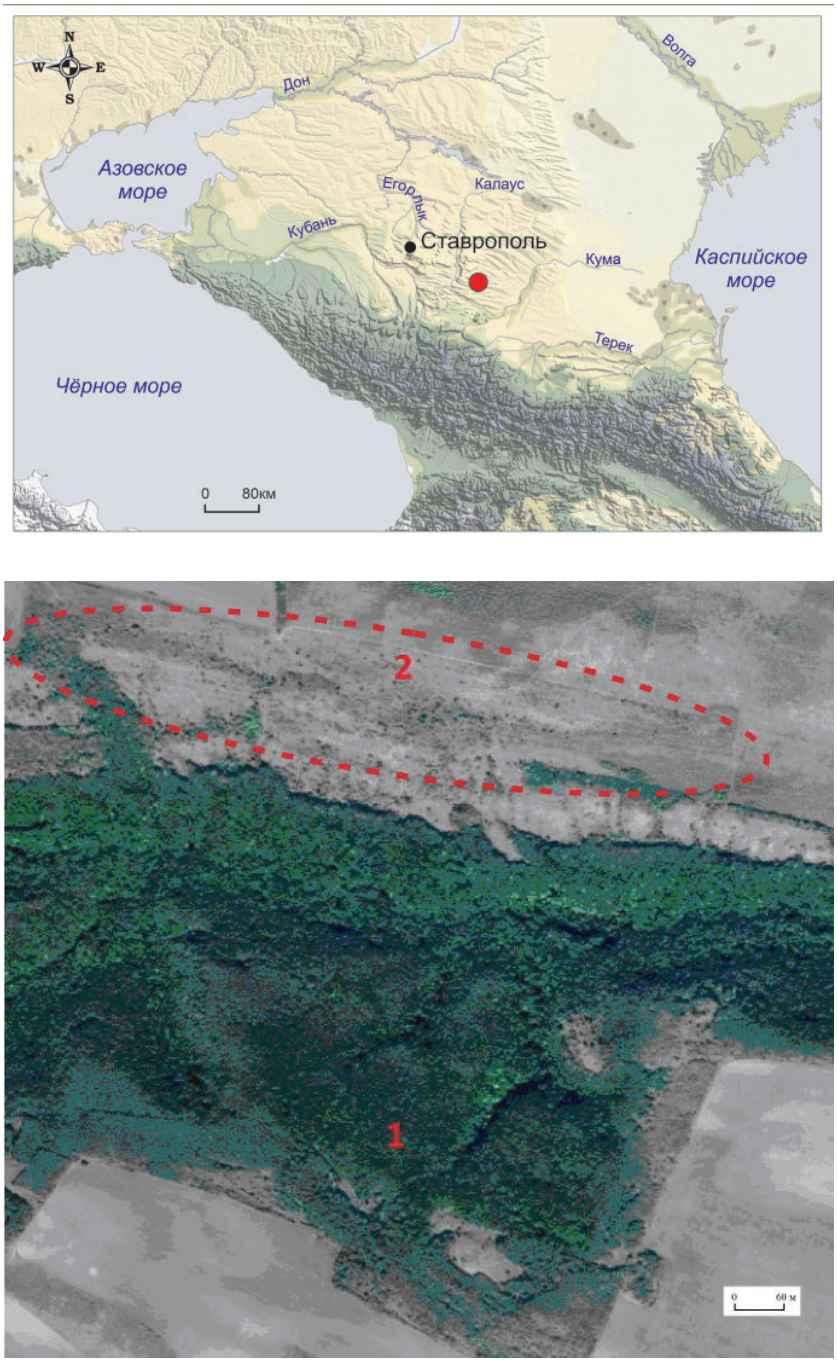

Рис. 1. Расположение Томузловского городища: А – Расположение Томузловского городища (красный круг); Б – Расположение могильника № 1 Томузловского городища. *1* – городище; *2* – могильник № 1.
Fig. 1. Location of the Tomuzlovka settlement: A – Location of the Tomuzlovka hillfort (red circle)**;** Б – Location of the Tomuzlovka hillfort. *1* - settlement*; 2* - burial ground No. 1.

Е.Е. Васильевой (Козенкова, 1998, с. 45–46; Васильева, 2020, с. 296).

Подобные экземпляры отмечены в Закавказье – в погребении № 345 Тлийского могильника (VIII в. до н.э.) (Техов, 2002, с. 14). Чаще они фиксируются в Предкавказье. В частности, более близкими аналогиями являются подвески из могильника Заюково–3 (погр. 24 и др.). Здесь они являются хроноиндикаторами финала предскифского времени (конца VIII – первой половины VII в. до н.э.) (Кадиева, Демиденко, 2020, с. 240; Брилева и др. 2023, с. 128–129, рис. 2: 4) (рис. 4: 1–3). Подобные амулеты(?) фиксируются и в комплексах раннесарматского и среднесарматского периодов.

3 – 6. Дисковидные идентичные бляхи с выпуклым центром из листового металла – бронза – 4 экз. (рис. 2: 8) Д одинаковый – 7,4 см. Железные петли, расположенные с внутренней стороны, крепились двумя бронзовыми заклёпками. Орнамент нанесён пуансоном. Линия состоит из множества точечных углублений. По окружности на поверхности диска в указанной технике изображены два зверя (судя по загнутому хвосту - из подсемейства собачьих) с подогнутыми ногами, разделенные трехлепестковой розеттой, напоминающей геральдическую лилию. Выпуклый центр и край диска также окантованы пуансонным декором. Дополняют композицию расположенные по окружности рельефные выступы. Хищники имеют узкое длинное тело, вытянутую морду с острым ухом, направленным вперед, и приоткрытой пастью. Голова слегка опущена. Глаза – миндалевидные. Наблюдается подбородочный выступ подтреугольной формы. Грудная часть расширена за счет линии, соединяющей плечо и шею или лопатку и шею. У передней конечности лопатка петлевидно переходит в плечо. Завершение передней ноги раздваивается (когти?). Зауженный к концу хвост загнут к верху.

В качестве аналогий данным изображениям следует отметить бронзовые зооморфные подвески из Казбекского клада VI – IV вв. до н.э. (рис. 5: 6–10). В данном случае хищники также имеют узкое длинное тело, вытянутую морду с острым ухом и приоткрытой пастью (сходно показан подбородочный выступ). У двух экземпляров (рис. 5: 6, 10) выемчатый каплевидный (рифленый в одном случае) орнамент, петлевидно-соединяющий лопатку и переднюю конечность, а также бедро и заднюю ногу, близок к отмеченному варианту трактовки передней конечности у томузловских зверей. Основные отличия: хищники на дисковидных бляхах более реалистичны; у казбекских зверей более плотное положение подогнутых ног; их треугольные уши направлены назад; наблюдается отсутствие глаз (в одном случае – глаз округлой формы); геометризированное туловище животных состоит из соединенных вершинами треугольников; характерен симметрично расположенный сквозной орнамент (треугольные проемы выстроены в линию) (рис. 5: 6–10). Последние две особенности сближают казбекские изображения с образцами закавказского и переднеазиатского прикладного искусства (Вольная, 2002, с. 59).

Скорее всего, стилистические особенности томузловских хищников связаны с опытом чеканщика, учитывавшего навыки работы по окружности и знающего не только сюжеты кобанского искусства, но и знакомого с образами скифского звериного стиля. Видимо, с этим связана сравнительная реалистичность зверей на бляхах могильника № 1 Томузловского городища.

Следует отметить, что в скифской изобразительной традиции известен прием подачи перехода от лопатки к плечу передней ноги зверя в виде петлевидного завитка. Например, хищник – тип I–3–А–I–4 – Елизаветинский (третья четверть IV в. до н.э., по А.Р. Канторовичу) (2022, т. 1, с. 50; т. 2, с. 14, рис. 1; 2а; 2б) (рис. 5: 11). Включение на томузловских бляхах в композицию пятилепестковой розетты – лилии, возможно, указывает на культурные связи с античными центрами Северного Причерноморья (лилия является символом богинь – Геры и Афродиты). О знакомстве местного населения с изображением лилии свидетельствует золотая подвеска в виде данного цветка, найденные в гробнице 3 (рубеж IV-III – III вв. до н.э.) Вербовского могильника (северо-западные окрестности г. Ставрополя) (Прокопенко, Охонько, 2012, с. 21, 30) и в материалах ритуальной площадки кургана 5 некрополя у аула Уляп (первая половина – третья четверть IV в. до н.э.) (Лесков и др., 2013, с. 45, 56, рис. 49: 12). Предположительно, производство отмеченных блях из могильника № 1 Томузловского городища относится ко второй половине – концу V–IV в. до н.э.

Несмотря на определенные стилистические отличия, все перечисленные изделия из Казбекского клада и могильника № 1 Томузловского городища следует отнести к одному типу – казбекско-томузловскому. Индивидуальные признаки двух групп изображений следует считать вариантными.

7. Зооморфная ажурная бляха – бронза (литье) (рис. 2, 12; 5: 12). Размеры щитка – 6,2 х 2,5 см. Верхняя часть предмета оформлена в виде хищника из подсемейства собачьих (судя по положению хвоста) – обращенного вправо. Пластина имеет расширение в районе крупа зверя, затем зауженная спинная часть плавно переходит в выгнутую шею, завершающую-

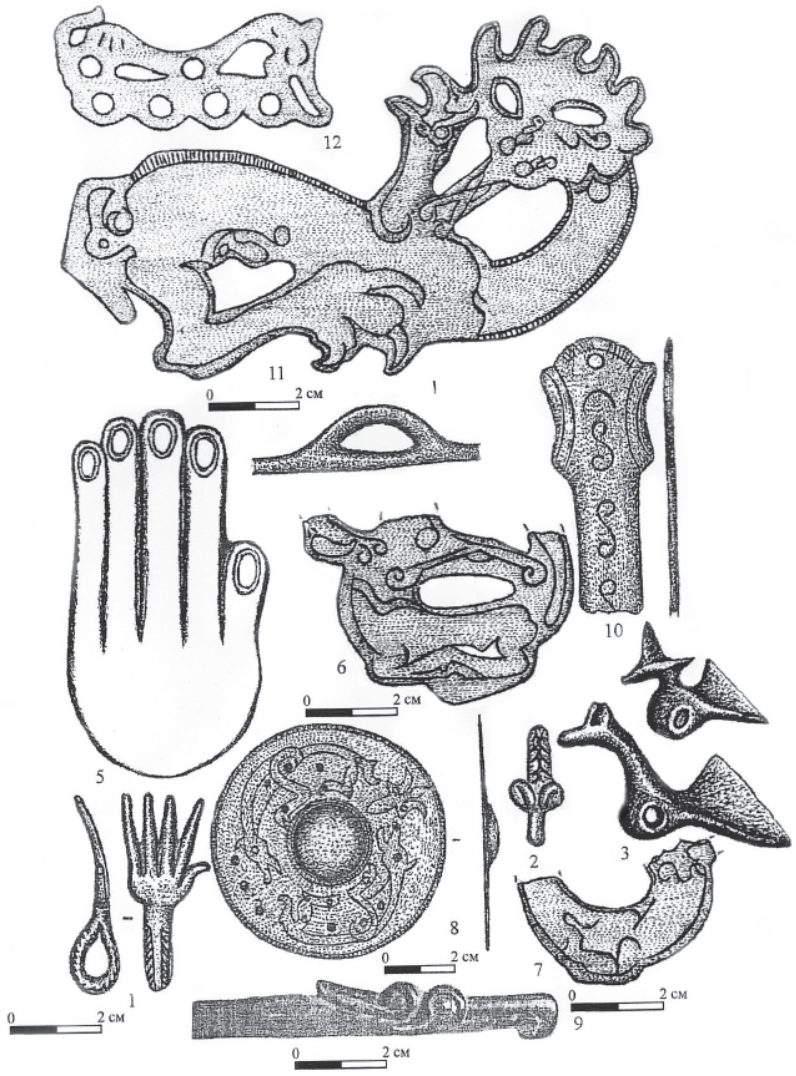

Рис. 2. Уздечные принадлежности и подвески–амулеты из мог. № 1 Томузловского городища (*1–2, 5–7, 11–12* – прорисовка Р.Р. Рудницкого; *8,10* – прорисовка Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкого; *9* – фото Р.Р. Рудницкого; *3,4* – прорисовка Ю.А. Прокопенко): *1–4* – подвески–амулеты; *5,8* – бляхи; *6,7,9* – псалии; *10,12* – накладки; *11* – налобник. *1–8, 10–12* – бронза; *9* – железо, бронза.

Fig. 2. Bridle set components and and pendants-amulet from burial ground No. 1 of the Tomuzlovka hillfort *(1-2, 5-7, 11-12* - drawing by R.R. Rudnitsky*; 8,10* - drawing by Yu.A. Prokopenko, R.R. Rudnitsky; *9* – photo by R.R. Rudnitsky*; 3,4* - drawing byYu.A. Prokopenko*): 1-4* – pendants-amulets*; 5,8* - plaques*; 6, 7, 9* – bit shanks*; 10,12* – plates*; 11* – frontlet front band. *1-8, 10-12* – bronze; *9* – iron, bronze.

ся вытянутой опущенной мордой с острым ухом, направленным назад. Приоткрытая пасть заовалена. Наблюдается приостренный подбородочный выступ и округлый глаз. Нижний край предмета волнистый. Четыре полукруглых выступа в сочетании с округлыми отверстиями, видимо, являются деградированным вариантом подогнутых ног. Ажурность бляхе придают два параллельных ряда отверстий (верхний – круги и треугольники; нижний – круги). Круп животного декорирован тремя параллельными насечками. Хвост загнут к верху.

Судя по ряду признаков: узкое вытянутое тело; вытянутая морда с острым ухом и приоткрытой пастью; загнутый кверху хвост; наличие подбородочного выступа; декорирование тела симметрично-расположенным сквозным орнаментом, данный зверь является результатом деградации изображений отмеченного выше казбекско-томузловского типа (рис. 5: 6–10). Упрощение композиции, возможно, свидетельствует о более позднем происхождении этой пластины в сравнении с круглыми бляхами, т.е. она могла быть выполнена во второй половине IV – начале III в. до н.э.

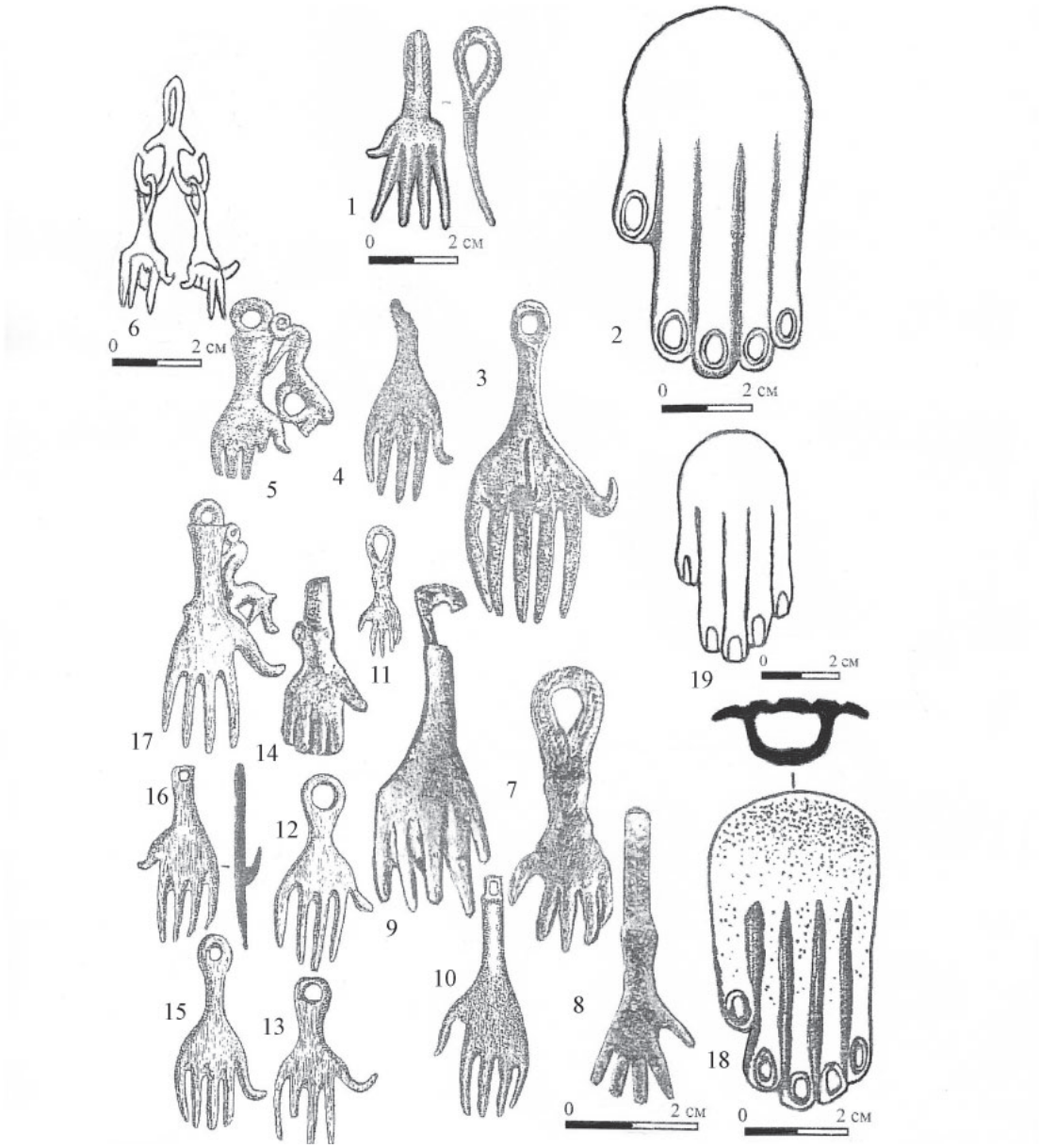

Рис. 3. Нащечная бляха и подвеска–амулет в виде кисти руки из мог. № 1 Томузловского городища и их аналогии из памятников Центрального Предкавказья и Закавказья. *1–2* – могильник № 1 Томузловского городища; *3–4* – Кобань, могильник (по: Козенкова, 2017, рис. 10, 13, 14); *5,10* – Кобань, могильник (по: Техов, 2006, рис. 46); *6* – Заюково, случайная находка (по: Козенкова, 2017, рис. 10, 11); *7* – Кобань, могильник (по: Доманский, 1984, рис. 167); *8* – Адайдонский могильник (по: Сокровища…, 2011, рис. 64); *9* – Закавказье (по: Доманский, 1984, рис. 166); *10–13, 15–17* – могильник Тли (по: Техов, 2006, рис. 46, 1, 3, 4); *14* – Кабардино–Балкария (по: Доманский, 1984, рис. 168); *18* – могильник Нартан–II, кург. 1 (по: Керефов, Кармов, 2009, рис. 3, 2); *19* – могильник у ст. Ассиновской, кург. 3 (по: Бурков, Маслов, 2007, рис. 3, 1). Все – бронза.

Fig. 3. Cheek plaque and amulet pendant in the shape of a hand from burial 1 at the Tomuzlovka hillfort and their analogies from the monuments of the Central Fore-Caucasus and Transcaucasia. *1-2* – burial ground № 1 of the Tomuzlovka hillfort; *3-4* – Koban, burial ground (after: Kozenkova, 2017, fig. 10,13,14); *5,10* – Koban, burial ground (after: Tekhov, 2006, fig. 46); *6* – Zayukovo, chance find (after: Kozenkova, 2017, fig. 10,11); *7* – Koban, burial ground (after: Domansky, 1984, fig. 167); *8* – Adaidon burial ground (after: Treasures…, 2011, fig. 64); *9* – Transaucasia (after: Domansky, 1984, fig. 166); *10-13, 15-17* – burial ground Tli (after: Tekhov, 2006, fig. 46, 1,3,4); *14* – Kabardino-Balkaria (after: Domansky, 1984, fig. 168); *18* – burial ground Nartan-II, barrow 1 (after: Kerefov, Karmov, 2009, fig. 3,2); *19* – burial ground at the stanitsa of Assinovskaya, barrow 3 (after: Burkov, Maslov, 2007, fig. 3.1). All items are bronze.

8. Бронзовая нащечная (или уздечная?) бляха в виде кисти левой руки – бронза (литье) (рис. 2: 5; 3: 2). Размеры – 7,8×4,3 см. Вытянутые, плотно сжатые пальцы выделены продольными параллельными желобками. Основание – скруглено. Конец большого пальца слегка расширен. Овальные ногти на концах пальцев имеют желобчатую окантовку. Предмет крепился посредством поперечной петли подтрапециевидной формы, расположенной на оборотной стороне.

Бляхи в виде кисти руки – тип II–II–2 «Журовка–Аксютинцы» – согласно классификации А.Р. Канторовича (2022, т. 2, с. 36), зафиксированы в памятниках Лесостепной Скифии, Подонья, Крыма, Прикубанья, однако, наиболее близкие аналогии локализуются в Центральном Предкавказье: в кургане 1 могильника Нартан–2 (нащечная бляха); в кургане 3 могильника у ст. Ассиновской (уздечная бляха); случайная находка из района Кавказских минеральных вод (уздечная бляха) (Керефов, Кармов, 2009, с. 25, рис. 3: 2; Бурков, Маслов, 2007, с. 296, 298, рис. 3: 1; Маслов, 2011, рис. 1: 3; Прокопенко, 2014, рис. 183: А, 15; 185: 34; Канторович, 2022, т. 2, с. 36, 194, рис. Д; Е; Ж).

Курган 1 могильника Нартан–2 Б.М. Керефов и Т.М. Кармов отнесли к V – IV в. до н.э. (Керефов, Кармов, 2009, с. 16). С.Б. Бурков и В.Е. Маслов, указали на дату данного комплекса не ранее конца V в. до н.э. (Бурков, Маслов, 2007, с. 298). Этим же временем – концом V в. до н.э. авторы датировали материалы кургана 3 могильника у ст. Ассиновской (Бурков, Маслов, 2007, с. 308). Предположительно, нащечник из Томузловского могильника следует отнести к концу V – началу IV в. до н.э.

9. S-видная зооморфная налобная пластина – бронза (литье) (рис. 2: 11; 6: 1). Моделировка плоскостная, ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Размеры – 13,3×7,5 см. Представлено существо с туловищем и ногами хищника с головой, сочетающей черты хищного зверя и птицы (близко к типу I–1–I–2 – Елизаветинскому, по А.Р. Канторовичу (2022, т. 1, с. 283; т. 2, с. 114), и, одновременно, напоминающей повернутую назад вытянутую морду копытных, характерных для кобанского искусства (тип Кобанский–Лезгор) (рис. 6: 5, 6).

Голова имеет трапециевидную форму, в зауженной части переходит в вытянутый клювовидный отросток. Сверху она увенчана шестью отростками – тремя, направленными влево, тремя – вправо – грива(?) (рудимент рогов лани?). **Глаза представляют собой два асимметрично расположенных (по отношению к вытянутой части морды) овальных отверстия, оконтуренных врезной линией.** В зауженной части изображены две птичьи головки с загнутыми клювами, повернутые в противоположные стороны. Снизу к овалу левого глаза примыкает еще одна птичья головка. Голова от шеи и шея от туловища отделены врезными линиями (в первом случае – двойной).

S-видная схема изображения близка подобной трактовке хищника из Ялхой-Мохского могильника (рис. 6: 4). Отличие томузловского зверя в отсутствии Г-образного продолжения передней конечности, в случае ялхой-мохского изображения, опирающегося на круп хищника. У томузловского экземпляра передняя конечность рудиментарно завершается тремя отростками–когтями. Правый отросток соединяется с мордой зверя, за счет этого передняя конечность превращается в наклоненную вниз морду лося. При этом два левых отростка–когтя становятся его ушами. Верхняя и передняя части морды лося окантованы направленной вниз головой хищной птицы с длинным узким загнутым клювом на вытянутой узкой шее (рис. 6: 1). Округлый глаз лося одновременно является глазом «опрокинутой» головки хищной птицы. Ее загнутый на конце клюв превращается в правый коготь описанной выше передней конечности зверя. Предположительно, идея соединения конечности с головой заимствована из выше отмеченного елизаветинского изображения, у которого крыловидный отросток касается головы (рис. 6: 3).

Туловище хищника также во многом повторяет черты характерные для зверя из Южного Елизаветинского кургана 4 (раскопки 1913 г.) (рис. 6: 3) – тип I–1–I–2 – Елизаветинский, по А.Р. Канторовичу – первая четверть IV в. до н.э. (2022, т. 1, с. 283; 2022, т. 2, с. 114, рис. 1). Лапа показана преувеличено – с тремя расширяющимися к концу пальцами с загнутыми когтями. Ноги дополнительно оконтурены углубленными линиями. Тазобедренная впадина заполнена фалосовидным изображе-

нием, сверху окаймленным линией с завитком (имитация гениталий). Трапециевидный хвост прилегает к задней стороне бедра. Его верхняя часть оформлена в виде головы хищной птицы с приоткрытым клювом, направленной вверх.

Перечисленные детали, видимо, заимствованы из елизаветинского изображения. Отличие в количестве пальцев. В этом варианте он один, а не три, как у томузловского изображения. Возможно, на увеличение когтей повлияло знакомство мастера с бронзовыми крестовидными устрожающими насадками, оформленными в виде лапы хищной птицы с расширяющимися к концу пальцами, завершающимися загнутыми когтями, подобными экземплярам из Семибратнего кургана № 2 (вторая половина V в. до н.э.), Семибратнего кургана № 6 (начало IV в. до н.э.), кургана 19 Воронежских курганов (IV в. до н.э.) (рис. 6: 2) (Коровина, 1957, с. 186; Прокопенко, 2002, с. 61, рис. 1: 2, 3, 5).

Схожесть томузловского изображения с указанным елизаветинским наблюдается в оформлении морды. В ее вытянутый прямоугольный абрис вписана гравированная крестообразная фигура, на конце завершающаяся направленными внутрь несомкнутыми завитками, видимо, стилизованная трактовка клюва(?). Клювовидные челюсти характерны для елизаветинского типа (Канторович, 2022, т. 1, с. 283).

Однако ряд деталей томузловского зверя указывают на влияние традиций кобанского искусства. Это уже отмеченная вытянутая подпрямоугольная с расширением на конце морда, оформленная таким образом, явно как подражание изображениям голов копытных типа Кобанский–Лезгор (рис. 6: 5, 6). Они похожи и разворотом головы назад. Подобно кобанским пряжкам, у томузловского хищника шея и спина окантованы поясами, декорированными поперечными насечками. Овальные проемы в качестве глаз близки сквозному орнаменту, характерному для изделий кобанских бронзолитейщиков.

Таким образом, особенности томузловского зверя следует считать результатом взаимодействия скифского и кобанского зооморфизма. Хищник является синкретическим изображением, имеющим туловище, незначительно отличающееся от образцов типа I–1–I–2 – Елизаветинского, по А.Р. Канторовичу (2022, т. 1, с. 283). При этом передняя конечность, шея и голова моделированы с учетом вкусов местного кобанского населения. Оригиналы, которые могли быть использованы в качестве образцов для подражания, относятся ко второй половине V – первой четверти IV в. до н.э. (для мастера они были уже хорошо известными моделями), поэтому следует предположить, что отливка томузловского изображения происходила в первой четверти – первой половине IV в. до н.э.

10–11. Г-образные псалии с зооморфно-оформленной загнутой лопастью – бронза (литье) – 2 экз. (рис. 2: 6, 7) (от одного экземпляра сохранилась только лопасть – рис. 2: 6). Размеры загнутой лопасти псалия № 1 – 0,6×4,0 см; Длина стержня – 9,2 см. Размеры сохранившегося фрагмента зооморфной части псалия № 2 – 4,7×2,9 см (рис. 4: 5).

Изображения гравированные, № 1 ориентировано туловищем вправо от зрителя, ракурс – профильный. Экземпляр № 2 (судя по противоположному расположению ног) ориентирован влево. Композиция вписана в овал загнутой лопасти. Зверь показан с повернутой назад головой. Ноги подогнуты, расположены внахлест. Повернутая назад голова расположена горизонтально, окаймляет овальный проем. Ухо находится на одной линии с мордой. Морда – лосевидная (слегка горбатая), оформлена в виде двух параллельных линий, завершается завитком. От середины морды в противоположную сторону, образуя с ее носовой частью угольник, отходят две параллельные линии, также завершающиеся завитком (птичьей головкой?). Глаз округлый. Ухо имеет овальную форму. Рог дуговидный – фрагментирован (сохранился только зауженный конец). Шея отделена от туловища двойной волнистой линией. Спина слегка вогнута, расположена параллельно нижнему краю овального проема.

Данный образ копытного – «лосекозла» по ряду морфологических признаков (ноги внахлест прилегают к туловищу; ухо находится на одной линии с мордой; узкая морда, похожая на оленью с нависающей верхней губой; овально-подтреугольное ухо; рог – дуговидный, гладкий) условно следует отнести к типу 1 (Испановско–солохский), согласно классификации А.Р. Канторовича (2022, т. 1, с. 216–217; 2022, т. 2, с. 78, рис. 20). Находки аналогичных псалиев нам не известны.

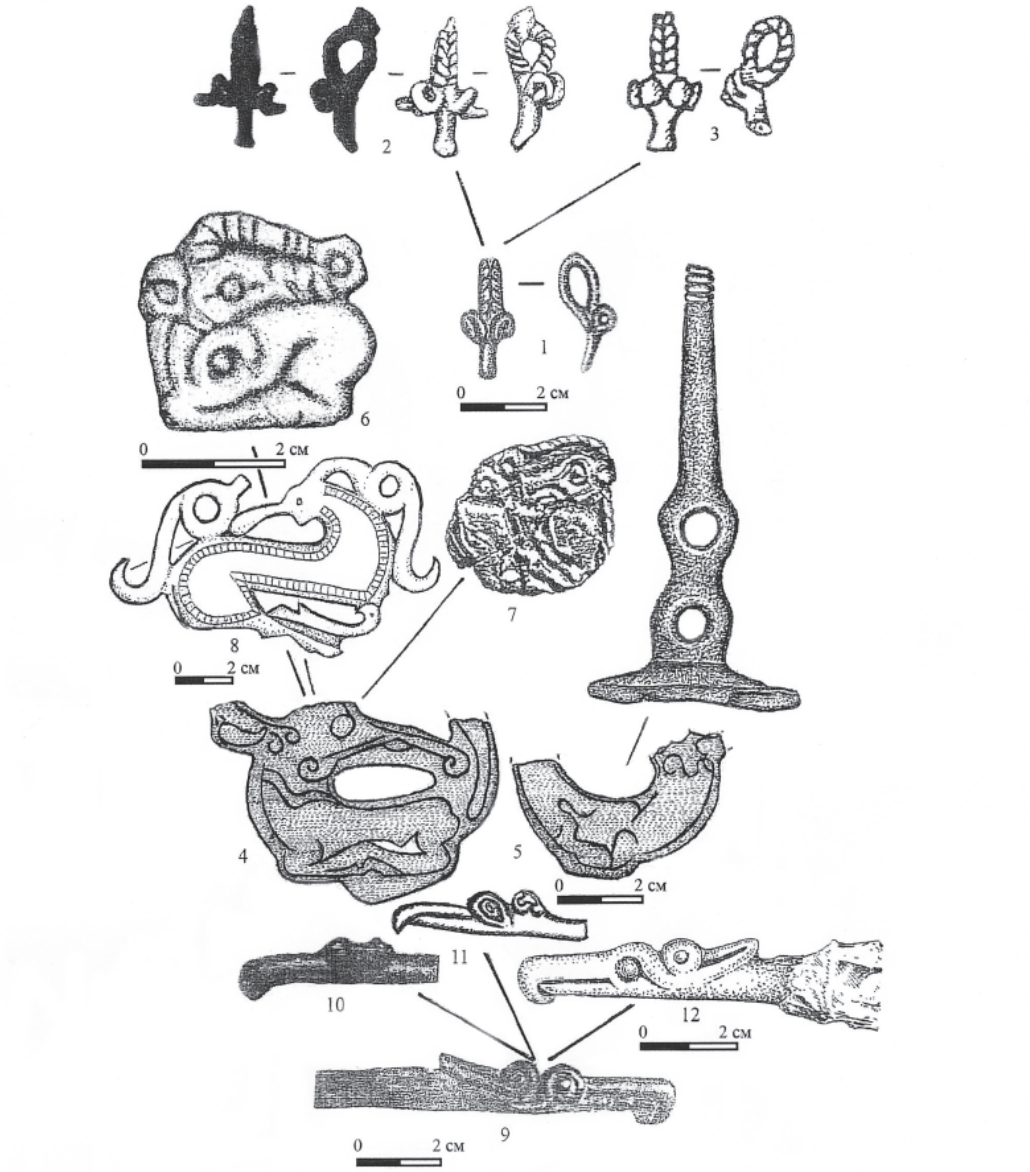

Рис. 4. Зооморфные предметы из могильника № 1 Томузловского городища и их аналоги из памятников Центрального Предкавказья и Южного Приуралья. *1, 4, 5, 9* – могильник № 1 Томузловского городища*;* *2* – могильник Тли, погребение № 345 (по: Техов, 2002, табл. 12,*4*); *3* – могильник Заюково–3, погребение № 24 (по: Брилева и др. …, 2023, рис. 2,4); *6* – могильник Новозаведенное–III, курган 4, погребение 1 (по: Канторович, 2016, рис. 84,1); *7* – могильник Строгановские курганы, курган 1 (по: Прокопенко, Рудницкий, 2023, рис. 19,1); *8* – Кобанский могильник (по: Козенкова, 1996, рис. 28,А,19); *10* – селение Шалушка (по: Канторович, 2022, т. 1, с. 257; т. 2, рис. 17); *11* – курган у селения Гришковское (по: Канторович, 2022, т. 1, с. 257; т. 2, рис. 18); *12* – могильник Филипповка, курган 2, погребение 30 (по: Золото…, 2023, рис. 649). *9–12* – железо, бронза; остальные – бронза.

Fig. 4. Zoomorphic artifacts from burial ground No. 1 at the Tomuzlovka hillfort and their analogues from the monuments of the Central Fore-Caucasus and the Southern Urals. *1, 4, 5, 9* – burial ground No. 1 of the Tomuzlovka settlement; *2* – Tli burial ground, burial No. 345 (after: Tekhov, 2002, table 12,*4*; *3* - burial ground Zayukovo-3, burial No. 24 (after: Brileva et al...., 2023, fig. 2,*4*; *6* – Novozavedennoye-III burial ground, barrow 4, burial 1 (after: Kantorovich, 2016, fig. 84.1); *7* – burial ground Stroganovskiye kurgany, barrow 1 (after: Prokopenko, Rudnitsky, 2023, fig. 19.1); *8* – Koban burial ground (after: Kozenkova, 1996, fig. 28, A, 19); *10* – Shalushka settlement (after: (Kantorovich, 2022, v. 1, p. 257; v. 2, fig. 17); *11* – barrow at the Grishkovskoye settlement (after: Kantorovich, 2022, v. 1, p. 257; v. 2, fig. 18); *12* - Filippovka burial ground, barrow 2, burial 30 (after: Zoloto..., 2023, fig. 649). *9-12* – iron, bronze; the others are bronze.

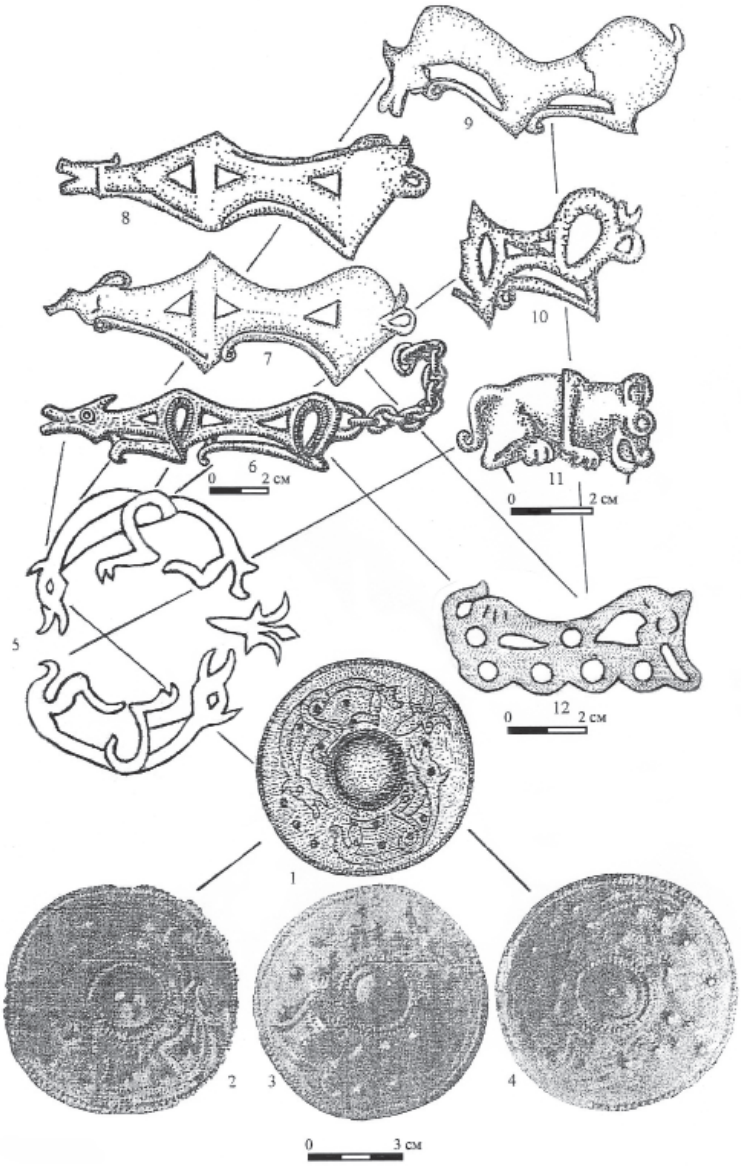

Рис. 5. Зооморфные предметы из могильника № 1 Томузловского городища и их аналоги из памятников Центрального Предкавказья. *1–5, 12* – могильник № 1 Томузловского городища; *6* – Казбекский клад (по: Козенкова, 1996, рис. 28,*A,16*); *7–10* – Казбекский клад (по: Вольная, 2002, рис. 8,*2–4,8*); *11* – Хабаз (по: Вольная, 2002, рис. 8,*6*). Все – бронза.

Fig. 5. Zoomorphic artifacts from burial ground No. 1 at the Tomuzlovka hillfort and their analogues from the monuments of the Central Fore-Caucasus. *1-5, 12* – burial ground No. 1 of the Tomuzlovka settlement; *6* – Kazbek hoard (after: Kozenkova, 1996, fig. 28,*A,16*); *7-10* – Kazbek hoard (after: Volnaya, 2002, fig. 8,*2-4,8*); *11* – Khabaz (after: Volnaya, 2002, fig. 8,*6*). All items are bronze.

В Центральном Предкавказье отмечены находки бляшек с подобным изображением: мог. Новозаведенное–III кург. 4 погр. 1, кург. 1 Строгановских курганов (рис. 4: 4–7). Также они известны в числе образов прикубанского варианта скифского звериного стиля (Канторович, 2016, с. 82, рис. 84: 1; Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 212, рис. 19: 1). В скифском искусстве иконография отмеченного типа была актуальной в период второй четверти V – первой половины IV в. до н.э. (Канторович, 2022, т. 1, с. 216).

12. **Биметаллический псалий с орнитоморфно-оформленным навершием** (фрагмент) – **бронзовая насадка навершия**, железная сердцевина (рис. 4: 9). Длина фрагмента – 8 см; Длина насадки – 6,7 см; наибольшая Ширина – 1 см; наименьшая Ширина – 0,7 см.

Псалий оформлен в виде редуцированного изображения головы хищной птицы

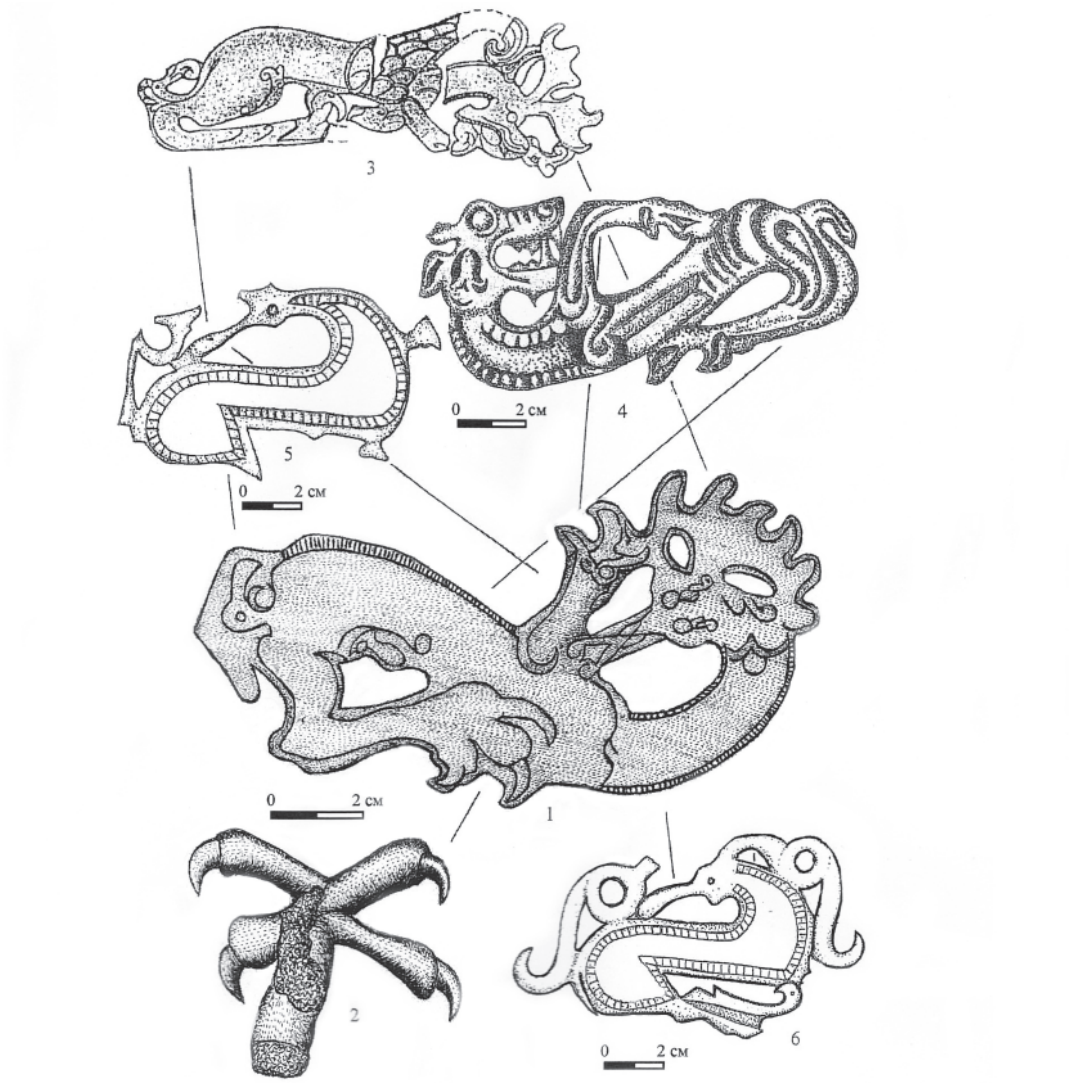

Рис. 6. Зооморфный налобник из могильника № 1 Томузловского городища и его аналоги из памятников Центрального Предкавказья. *1* – могильник № 1 Томузловского городища; *2* – Семибратний курган № 2 (по: Прокопенко, 2002, рис. 1,*2*; *3* – Южный Елизаветинский курган 4 (раскопки 1913 г.) (по: Канторович, 2022, т. 2, с. 114, рис. 1); *4* – Ялхой-Мохский могильник (по: Вольная, 2002, рис. 17,*1*); *5* – Кобанскй могильник (по: Вольная, 2002, рис. 16,*2*); *6* – Кобанскй могильник (по: Козенкова, 1996, рис. 28,*A,19*). Все – бронза.

Fig. 6. Zoomorphic front band from burial ground No. 1 at the Tomuzlovka hillfort and its analogues from the monuments of the Central Fore-Caucasus. *1* - burial ground No. 1 of the Tomuzlovka settlement; *2* - Semibratniy barrow No. 2 (after: Prokopenko, 2002, fig. 1,*2*; *3* – Yuzhniy Yelizavetinskiy barrow 4 (excavations of 1913) (after: Kantorovich, 2022, v. 1, p. 114, fig. 1); *4* - Yalkhoy-Mokhk burial ground (after: Volnaya, 2002, fig. 17,*1*); *5* - Koban burial ground (after: Volnaya, 2002, fig. 16,*2*); *6* - Koban burial ground (after: Kozenkova, 1996, fig. 28, *A*,*19*). All items are bronze.

с загнутым клювом, наделенной ушами (по А.Р. Канторовичу – «скифский грифон»). Глаз и клюв преувеличены и фактически формируют всю голову. Округлый глаз моделирован единым валиком. Зеница дана округлой выпуклостью в углублении округлой глазницы. За глазом моделировано вытянутое ухо, совмещенное с птичьей головкой, повернутой назад. Ее глаз оформлен аналогично отмеченному. Впадина ушной раковины (одновременно клюва) обозначена продольным углублением. **Клюв хищной птицы** удлиненный и тонкий с сильным загибом. Надклювье выделено желобком по всей длине клюва. Похожие изображения представлены в типе V Мастюгинском, согласно классификации А.Р. Канторовича – IV в. до н.э. (2022, т. 1, с. 257; 2022, т. 2, с. 270, рис. 17, 18) (рис. 4: 10, 11).

Таким образом, ряд морфологических признаков перечисленных зооморфных и антропоморфных образов, изображенных на изделиях, выявленных на территории могиль-

ника № 1 Томузловского городища, позволяет уточнить период господства в местном прикладном искусстве собственно кобанских изобразительных традиций – IX–VIII – середина V в. до н.э. Во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. наблюдается сосуществование в местной повседневной культуре (оформление предметов конского убранства и др.) образцов скифского искусства (центрально-предкавказского и прикубанского вариантов скифского звериного стиля) и синкретических изображений, являющихся результатом взаимодействия скифского и кобанского зооморфизма.

Датировка рассмотренных изделий указывает на период функционирования Томузловского городища – с IX–VIII (судя по деградированному изображению хищника казбекско-томузловского типа) по вторую половину IV – начало III в. до н.э. Это коррелируется с датировками наконечников стрел, обнаруженных на территории могильника. В данном случае, типологическая цепочка наконечников как хрономаркеров функционирования могильника также указывает на период жизнедеятельности на Томузловском городище с IX – первой половины VIII в. до н.э. по III–II вв. до н.э. (Прокопенко, Рудницкий, 2024, с. 95).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до. н.э. – IV в. н.э.) / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.

Брилева О.А., Кадиева А.А., Демиденко С.В. Эволюция образа сидящего божества в бронзовой антропоморфной пластике Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа кандидата исторических наук Александра Пинкусовича Мошинского / Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16 / под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь; М.: Печатный двор, 2023. С. 126–138.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред. В.И.. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: Таус, 2007. С. 295–321.

Васильева Е.Е. Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов среднего бронзового – раннего железного века Центрального Кавказа // Археологические вести. 2020. Вып.. 27. С. 279–305.

Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 145 с.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа из собрания Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 238 с.

Кадиева А.А., Демиденко С.В. Небесное стадо: ожерелья предскифского времени с подвесками в виде голов баранов из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2015 г.) // ДИАЛОГ 2017-2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6-7. декабря 2017 г.; Москва, 6-7 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 232–244.

Канторович А.Р. Произведения скифского звериного стиля из могильника Новозаведенное–III // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв.. ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Чеченский государственный университет, 2016. С. 82–84.

Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). Т. 1. М.: МГУ, 2022. 431 с.

Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). Т. 2. М.: МГУ, 2022. 359 с.

Керефов Б.М., Кармов Т.М. Нартан–2 курганный могильник скифского времени. Нальчик: КБНЦ РАН, 2009. 51 с.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант / САИ. Вып. В2–5. М.: Наука, 1982. 159 с.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 162 с.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант / САИ. Вып. В2-5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.

Козенкова В.И. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 112 с.

Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 185–188.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV – III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: ГМВ, 2013. 184 с.

Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII – IV вв. до н.э. Систематизация и хронология. М.: ГИМ, 2006. 208 с.

Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования Ставропольского краевого музея. Вып. 15–16 / Отв. ред. В.В. Госданкер. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1988. С. 243–291.

Прокопенко Ю.А. Типы устрожающих насадок на удилах второй половины V – III в. до н.э. из памятников Северного Кавказа // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. А.А, Кудрявцев. Ставрополь: СГУ, 2002. С. 60–69.

Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СГУ, 2005. 534 с.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: Печатный двор, 2014. 726 с.

Прокопенко Ю.А. Налобные и нащечные пластины конского убора IV–II вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 467–482.

Прокопенко Ю.А., Кравцова С.Л. Находки предметов эпохи бронзы и раннего железного века на склонах горы Стрижамент (Ставропольская возвышенность) // X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 23 – 25 октября 2020 г.) / Отв. ред. Отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Смердин Е.В., 2020. С. 319–329.

Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А. Вербовский могильник кон. IV – III в. до н.э. (северо-западные окрестности г. Ставрополя). Ставрополь: Графа, 2011. 60 с.

Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. «Строгановские» курганы на горе Змейка (южные окрестности г. Минеральные Воды) // Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа кандидата исторических наук Александра Пинкусовича Мошинского / Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16 / под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь; М.: Печатный двор, 2023. С. 189–243.

Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. Наконечники стрел предскифского, скифского и раннесарматского периодов из могильников Томузловского городища // Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской / Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 17 / под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь: Печатный двор, 2024. С. 80–105.

Сокровища Алании / Ред. М.М. Блиев. М.: Эксмо, 2011. 240 с.

Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 511 с.

Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 542 с.

Информация об авторах:

Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и этнологии, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, (г. Ставрополь, Россия); z_proko_15@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7060-5054

Рудницкий Роман Романович, кандидат исторических наук, независимый исследователь. (г. Железноводск, Россия); emir.bukharsky@yandex.ru https://orcid.org/0009-0008-7531-6540

REFERENCES

Abramova, M. P. 1993. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD)).* Series: Arkheologiia epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Russian monographs in migration-period and medieval archaeology) 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Brileva, O. A., Kadieva, A. A., Demidenko, S. V. 2023. In *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po arkheologii Severnogo Kavkaza kandidata istoricheskikh nauk Aleksandra Pinkusovicha Moshinskogo (Issues of ancient and medieval archaeology of the North Caucasus and its neighbourhood. Scientific almanac dedicated to the memory of the famous specialist in archaeology of the North Caucasus, candidate of historical sciences Aleksander Pinkusovich Moshinsky).* Series: Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of theNorth Caucasian peoples) 16. Stavropol; Moscow: "Pechatnyy Dvor" Publ., 126–138 (in Russian).

Burkov, S. B., Maslov, V. E. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. Sbornik pamyati M. P. Abramovoy (North Caucasus and the nomadic world in the early Iron Age: a collection in memory of M.P. Abramova).* Moscow: "Taus" Publ., 295–321 (in Russian).

Vasil'eva, E. E. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 27, 279–305 (in Russian).

Vol'naya, G. N. 2002. *Prikladnoe iskusstvo naseleniya Priterech'ya serediny I tysyacheletiya do n.e. (Applied art of the population of the Terek River region in the middle of the 1st millennium BC).* Vladikavkaz: "Iriston" Publ. (in Russian).

Domanskiy, Ya. V. 1984. *Drevnjaja hudozhestvennaja bronza Kavkaza iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha (Ancient art bronze of the Caucasus from the holdings of the State Hermitage Museum).* Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Kadieva, A. A., Demidenko, S. V. 2020. In Levanova, E. S., Smirnov, N. Yu. (eds.). *DIALOG 2017-2018. Dikhotomiya iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genezis: Materialy ob"edinennogo seminara Instituta arkheologii RAN i Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6-7 dekabrya 2017 g.; Moskva, 6-7 dekabrya 2018 g.) (DIALOGUE 2017–2018. Dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis: Proceedings of the joined seminar of the Institute of Archaeology RAS and the Institute for the History of Material Culture RAS (Saint Petersburg, December 6–7, 2017; Moscow, December 6–7, 2018)).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 232–244 (in Russian).

Kantorovich A.R. 2016. In Bagaev, M. Kh., Mamaev, Kh. M. (eds.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya (Study and Preservation of Archaeological Heritage of the Peoples of Caucasus. The 29th Krupnov's Reading).* Groznyy: Chechen State University Publ., 82–84 (in Russian)

Kantorovich, A. R. 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya) (The art of the scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution)* Vol. 1. Moscow: Moscow State University. (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya) (The art of the scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution)* Vol. 2. Moscow: Moscow State University. (in Russian).

Kerefov, B. M., Karmov, T. M. 2009. *Nartan–2 kurgannyy mogil'nik skifskogo vremeni (Nartan-2 barrow field of Scythian period).* Nalchik: Kabardino-Balkarian Scientific Center Of The Russian Academy Of Sciences (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1982. *Tipologiia i khronologicheskaia klassifikatsiia predmetov kobanskoi kul'tury. Vostochnyi variant (Typology and Chronological Classification of Koban Culture Items. The Eastern Variant)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2-5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kul'tury) (Cultural and*

historical processes in the North Caucasus during the late Bronze Age of the early Iron Age (Key issues of emengence and development of Koban culture)). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant (Material basis for mode of life of the Koban tribes. Western version)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B2-5. Vol. 5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kozenkova, V. I. 2017. *Spetsifika dukhovnogo mira kobanskikh plemen (Characteristics of the spiritual world of the Koban tribes).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korovina, A. K. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (2), 185–188 (in Russian).

Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlikh, V. R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV – III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy (Trans-Kuban Maeotians in the IV - III centuries BC. Necropolis at the village of Ulyap. Sanctuaries and ritual complexes).* Moscow: "GMV" Publ. (in Russian).

Moshinsky, A. P. 2006. *Drevnosti gornoy Digorii VII – IV vv. do n.e. Sistematizatsiya i khronologiya (Antiquities from the mountainous Digoria of the VII-IV centuries BC. Systematization and chronology).* Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Okhon'ko, N. A. 1988. In Gosdanker, V. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya Stavropol'skogo kraevogo muzeya (Materials and research of the Stavropol Museum of Regional Study)* 15–16. Stavropol: "Stavropol'skoe kn. izd-vo" Publ., 243–291 (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2002. In Kudryavtsev, A. A. (ed.).*Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the North Caucasian peoples)* 5. Stavropol: Stavropol State University, 60–69. (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2005. *Istoriko-kul'turnoe razvitie naseleniya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Historical and cultural development of the population of the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BC).* Stavropol: Stavropol State University (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture in the Central Fore-Caucasus in the second half of the !st millennium BC).* Part 2. Stavropol: Stavropol State University (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 13, 467–482 (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., Kravtsova, S. L. 2020 In Skhatum, R. B., Ulitin, V. V. (eds.). *X "Anfimoskie chteniia" po arkheologii zapadnogo Kavkaza (10th "Anfimov Readings" on the Archaeology of the Western Caucasus).* Krasnodar: "IP Smorodin" Publ., 319–329 (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., Okhon'ko, N. A. 2011. *Verbovskiy mogil'nik kon. IV – III v. do n.e. (severo-zapadnye okrestnosti g. Stavropolya) (Verbovsky burial ground of the end of IV – III centuries BC (northwestern outskirts of the city of Stavropol)).* Stavropol: "Grafa" Publ. (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., Rudnitskiy, R. R. 2023. In *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po arkheologii Severnogo Kavkaza kandidata istoricheskikh nauk Aleksandra Pinkusovicha Moshinskogo (Issues of ancient and medieval archaeology of the North Caucasus and its surroundings. Scientific almanac dedicated to the memory of the famous specialist in archaeology of the North Caucasus, candidate of historical sciences Aleksander Pinkusovich Moshinsky).* Series: Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of theNorth Caucasian peoples) 16. Stavropol; Moscow: "Pechatnyy Dvor" Publ., 189–243 (in Russian).

Prokopenko, Yu. A., Rudnitskiy, R. R. 2024. In Prokopenko, Yu. A., Malakhova, S. N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoy (Materials and research on the history and archaeology of the North Caucasus and its neighbourhood. Scientific almanac dedicated to the memory of the famous specialist in the history of the peoples of the North Caucasus, Doctor of History Tatyana Aleksandrovna Nevskaya. From the history of culture of the peoples of the North Caucasus).* Series: Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza

(From the history of the culture of theNorth Caucasian peoples) 17. Stavropol; Moscow: “Pechatnyy Dvor” Publ., 80–105 (in Russian).

Bliev, M. M. (ed.). 2011. *Sokrovishcha Alanii (The Treasure of Alania).* Moscow: “Eksmo” Publ. (in Russain).

Tekhov, B. V. 2002. *Tayny drevnikh pogrebeniy (Secrets of ancient burials)*. Vladikavkaz: “Proekt-press” Publ. (in Russian).

Tekhov, B. V. 2006. *Arkheologiya yuzhnoy chasti Osetii (Archaeology of the South of Ossetia)*. Vladikavkaz: “Ir” Publ. (in Russian).

About the Author:

Prokopenko Yury A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Ethnology, North-Caucasus Federal University Humanities Institute, Pushkina St, 1, 355009, Stavropol, Russian Federation, z_proko_15@mail.ru

Rudnitsky Roman R., Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, 357411, Stavropol Territory, Russian Federation, Zheleznovodsk, 2 Lermontova St., rudnizky2010@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.12.2024 г.
Статья принята к публикации 18.04.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.154.163

НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

© 2025 г Е.В. Столяров

В статье проанализированы находки бронзовых зеркал и их фрагментов с территории Окско-Донского водораздела, относящихся к скифо-сарматскому времени. Они дополняют корпус источников по проблемам культурных импульсов, миграций, различного рода торговых, военных контактов на пограничье лесной и лесостепной зон Европейской части России. Находки зеркал рассмотрены в контексте общей культурно-исторической ситуации в регионе и сопредельных территорий с опорой на базовые памятники археологии. Рассматривая культурно-исторические процессы на значительном отрезке времени, можно сделать вывод, что на раннем этапе (скифская архаика) прослеживаются культурные импульсы на территорию Окско-Донского водораздела с Днепровской Лесостепи, а в сарматскую эпоху они исходили с территории Верхнего и Среднего Дона.

Ключевые слова: археология, бронзовые зеркала, ранний железный век, Окско-Донской водораздел

BRONZE MIRROR FINDS OF THE SCYTHIAN-SARMATIAN PERIOD FROM THE OKA-DON WATERSHED AREA

E. V. Stolyarov

The article analyzes the finds of bronze mirrors and their fragments from the Oka-Don watershed area, dating to the Scythian-Sarmatian period. They supplement the set of sources on the issues of cultural impulses, migrations, various trade and military contacts on the borderline of the forest and forest-steppe zones of the European part of Russia. The mirror finds are examined within the context of the general cultural and historical situation in the region and its surroundings, based on key archaeological sites. Considering the cultural and historical processes over a significant period of time, it can be concluded that at an early stage (Scythian Archaic) cultural impulses were traced to the Oka-Don watershed area from the Dnieper forest-steppe, while in the Sarmatian era they originated from the Upper and Middle Don.

Keywords: archaeology, bronze mirrors, early Iron Age, Oka-Don watershed

Междуречье верховьев Оки и Дона представляет собой пограничную территорию лесной и лесостепной зон. На протяжении многих столетий этот регион выступал в качестве сухопутной дороги/коридора, по которой с южных территорий в лесную зону проникали различные племена. Пограничье культур, культурные импульсы и различного рода перемещения населения по территории региона в эпоху раннего железного века определили его особенное положение в контексте исследования этно- и межкультурного взаимодействия.

В последние годы в ходе изучения памятников раннего железного века Окско-Донского водораздела были выявлены несколько экземпляров находок редких для данной территории – бронзовых зеркал. Одно целое зеркало и ручка относятся к эпохе скифской архаики, зеркало и два фрагмента зеркал к ранне и среднесарматскому времени. Находки степных древностей на пограничье лесной и лесостепной зон свидетельствуют о сложных культурных процессах, протекавших на территории Окско-Донского водораздела в эпоху раннего железного века.

Бронзовое литое дисковидное зеркало с бортиком по краю и ручкой в виде двух столбиков, украшенных бляшкой с изображением «многолепестковой» розетки, происходит с селища Гора Услань 4 на р. Упа под Тулой (рис. 1; 2: 1). Зеркало было найдено «любителями металлопоиска» и передано в фонды музея-заповедника «Куликово поле». На селище в ходе разведочных работ была собрана коллекция грубой лепной керамики, аналогичной керамическому комплексу из слоев VI–V вв. до н.э., с городища Гора Услань.

Диаметр зеркала – 12,8 см, высота бортика 4 мм, диаметр бляшки – 2,5 см. На основании оформления ручки зеркала – два столбика, перекрытых сверху бляхой с изображением розетки, зеркало по типологии Т.М. Кузнецовой, относится к классу односоставных

зеркал с бортиком, с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой с изображением многолучевой розетки (I класс, I отдел, II тип, I вид, 3 вариант) (Кузнецова, 2002, с. 64, табл. 21–22) или второй разновидности второй группы зеркал в классификации С.В. Махортых (Махортых, 2016, с. 313–314). Подобные зеркала известны главным образом с территории Северного Кавказа и лесостепного Поднепровья. Наиболее близкими нашей находке, по стилю оформлению розетки на ручке, являются зеркала с Раевского городища и Минераловодского могильника (Махортых, 2016, рис. 11: 1–2). По оформлению розетки – 8 пересекающихся между собой прямых и наклонных рельефных линий – можно предположить, что наша находка относится к северокавказской серии этой разновидности зеркал. В широких рамках период их бытования приходится на первую половину – середину VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002, с. 64; Махортых, 2016, с. 316–319).

Двухстолбчатая ручка зеркала, перекрытая зооморфной бляшкой в виде горного козла/лошади (?), была найдена недалеко от городища Сатинка на р. Упа (рис. 1; 2: 2). Исходя из оформления бляшки на ручке – изображение животного, зеркало по типологии Т.М. Кузнецовой относится к классу односоставных зеркал с бортиком, с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой с изображением лежачего животного (I класс, I отдел, II тип, I вид, 4 вариант) (Кузнецова, 2002, с. 64, табл. 23, 25) или первой разновидности второй группы зеркал по С.В. Махортых (Махортых, 2016, с. 313–314). По его мнению зеркала с ручками, чьи бляшки декорированы зооморфными фигурками, относятся к числу местных восточноевропейских разновидностей зеркал с центральной ручкой, локализующихся главным образом в Западном Предкавказье и днепровском лесостепном Левобережье. Основной период их бытования приходится на вторую половину – конец VII в. до н.э. (Махортых, 2016, с. 319). Т. М. Кузнецова отмечала, что аналогичные экземпляры зеркал (курган 1 у хут. Герасимовка) датируются и более поздним временем – серединой-второй половиной VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002, с. 64).

Говоря о контексте находок зеркала и ручки на территории Окско-Донского водораздела в системе памятников раннего железного века, необходимо отметить, что в ходе раскопок городищ Гора Услань (Столяров, Колоколов, Простяков, 2022, с. 177–179, рис. 3, 7), Сатинка (Изюмова, 1967, рис. 1–2; Модин, Столяров, 2009, с. 62, рис. 1) и Петровское (Столяров, 2022, рис. 12) был выявлен горизонт древностей, относящийся к лесостепной скифоидной культуре (сейминский вариант). Среди находок, маркирующих пласт древностей эпохи скифской архаики, следует отметить наконечники стрел, пластинчатые роговые трехдырчатые псалии, браслет со змеевидным окончанием и др. Просто уникальной находкой является скифский кинжал, найденный в верховьях р. Непрядвы, и датированный VI в. до н.э. (Столяров, 2012, с. 35, рис. 1).

Видимо, уже на рубеже VII–VI вв. до н.э. вглубь Окско-Донского водораздела происходит проникновение южного по происхождению населения. Его материальная культура была близка скифской культуре, а точнее испытала сильное её влияние. А.Е. Алихова отмечала, что уже в раннескифский период в Посеймье проникали отдельные группы лесостепного населения скифоидной культуры – носители традиций керамики с проколами/жемчужинами и пальцевыми вдавлениями по срезу венчика. Их материальную культуру отличали металлические вещи, изготовленные по образцам, широко распространенным в скифской лесостепи и на территории Кавказа. Это движение шло с низовьев Сейма и далее вдоль северной границы лесостепи вплоть до бассейна верхней Оки (Алихова, 1962, с. 91–92). Наиболее вероятный период бытования найденных на селище 4 Гора Услань зеркала и ручки зеркала у д. Сатинка в исследуемом регионе определяется в рамках конца VII в. – VI вв. до н.э. (Столяров, 2022, с. 102).

Культурные импульсы с юга, вглубь Окско-Донского водораздела, видимо не прерывались на всем протяжении второй половины I тыс. до н.э. Наиболее ярко, аналогично времени скифской архаики, они проявились с наступлением раннесарматской эпохи. К этому времени относится находка крупного бронзового зеркала (вес 664 г), изготовленного методом литья по восковой модели. Оно было найдено на территории Ефремовского района Тульской области, на берегу р. Красивая Меча (рис. 1; 3-4). Точное место находки, к сожалению, установить не удалось.

Изделие характеризуются круглой плоской формой диска диаметром 21,8 см, орнаменти-

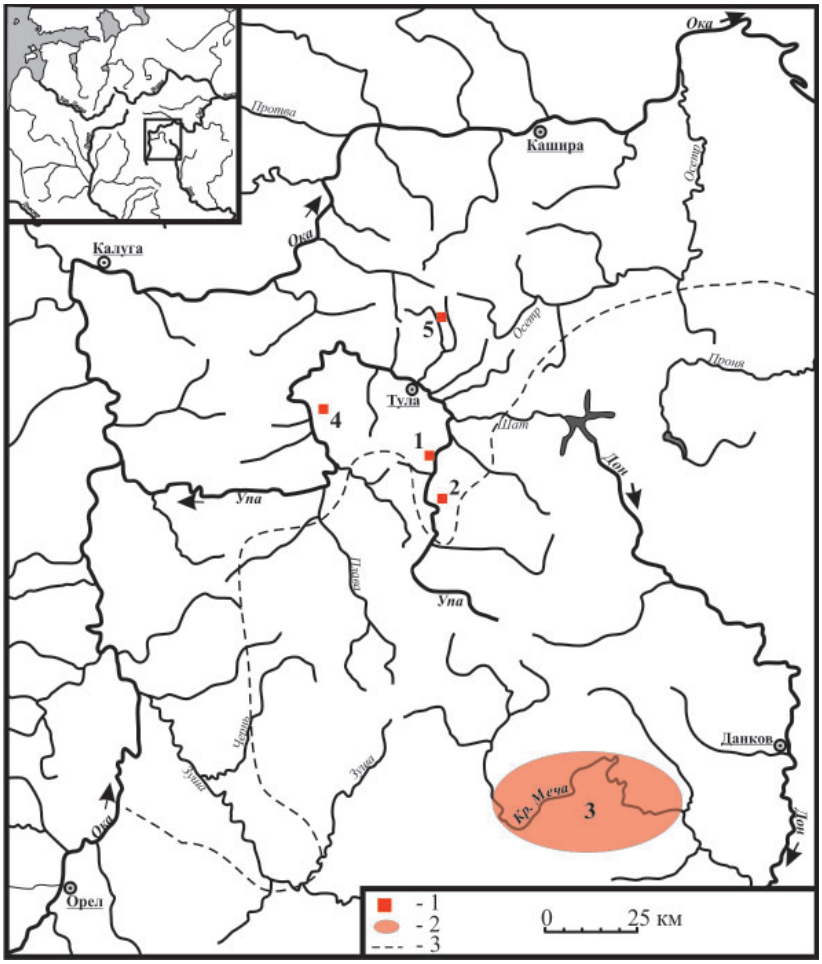

Рис. 1. Находки бронзовых зеркал на территории Окско-Донского водораздела: 1 - городище Гора Услань; 2 – городище Сатинка; 3 – территория Ефремовского района Тульской области (берег р. Красивая Меча); 4 – городище Слобода; 5 – городище Страхово 2.

Fig. 1. Bronze mirror finds in the Oka-Don watershed area: 1 – Gora Uslan hillfort; 2 – Satinka hillfort; 3 – the Efremov district of the Tula region (Krasivaya Mecha river bank); 4 – Sloboda hillfort; 5 – Strakhovo 2 hillfort.

рованного 3 поясами концентрических линий с тыльной стороны – 1 и 2 пояс состоят из двух, а 3-ий из одного рядов сдвоенных концентрических линий. Центр зеркала выделен небольшим углублением. С лицевой стороны концентрическая линия расположена по краю диска. От центра зеркала к месту крепления ручки тянется ряд небольших каверн, вероятно, представляющих собой литейный брак. Для крепления ручки к диску были пробиты 3 отверстия, центральное – несколько крупнее боковых. Отверстия расположены горизонтально, по внешнему ряду концентрических окружностей, который, вероятно, служил неким ориентиром для разметки. Место крепления ручки хорошо прослеживается и по вмятине на металле с тыльной стороны диска. Складывается впечатление, что с лицевой стороны были видны только шляпки заклепок, вероятно заполированные. Край диска в месте крепления треснут.

Необходимо отметить, что фрагмент бронзового зеркала с орнаментом в виде концентрических линий был найден и на городище Слобода, расположенном в среднем течение р. Упа (рис. 1; 5: 2). Реконструируемый диаметр диска составляет около 11,5 см. (Столярова, 2022, л. 98, рис. 292: 82). На городище выявлен горизонт памятников типа Упа 2 рубежа эр (II в. до н.э. – I в. н.э.) (Воронцов и др., 2019, с. 224-225).

М.Г. Машкова плоские зеркала, представляющие собой диск без металлической ручки, относила к выделенному ей I отделу типа 1. Иногда оборотная сторона таких зеркал была украшена орнаментом из концентрических окружностей. Ввиду того, что зеркала этого типа чаще всего были известны во фрагмен-

Рис. 2. Находки зеркала с селища 4 Гора Услань (1) и ручки у д. Сатинка (2).
Рисунок: 1 – С. Ю. Харченко; 2 – М. Д. Медведева.
Fig. 2. Mirror finds from the 4 Gora Uslan settlement (1) and discoveries of handles at the village of Satinka (2).
Drawing: 1 – by S.Y. Kharchenko; 2 – by M.D. Medvedev.

тах, нельзя было установить факт наличия отверстия для прикрепления деревянной или костяной ручки. Как отмечала М.Г. Машкова, зеркала этого типа существовали на протяжении IV–II вв. до н.э. В своей сводке зеркал она привела фрагменты от двух орнаментированных концентрическими окружностями зеркал, происходящих из погребения 11 кургана 20 Старые Киишки и погребения 10 кургана 5 (южная группа) Бережновка. Исследовательница датировала эти комплексы III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 51, табл. 27: 8–9). Генетически этот тип зеркал она связывала с савроматскими формами зеркал (Мошкова, 1963, с. 41).

В своей работе, посвященной генезису сарматских зеркал, А.М. Хазанов такие зеркала выделял в отдельный VI тип – зеркала в виде простого плоского диска без ручки. По его мнению, этот тип зеркал встречается у сармат с конца III вв. до н.э. и господствует в I в. до н.э. – I в. н.э. Причем некоторые экземпляры зеркал имеют диаметр до 20 см. (Хазанов, 1963, с. 62-64). В целом подобные зеркала с дисками, орнаментированные концентрическими линиями, известны в раннесарматской культуре и выделены в тип 1.1 классификации А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1990, с. 93, рис. 34: 12).

Поиск аналогий данному зеркалу показал, что самыми близкими территориально являются находки двух бронзовых зеркал с территории **Среднего Подонья**. Во-первых, это фрагмент бронзового зеркала с тонким плоским диском, орнаментированным по оборотной стороне резными концентрическими окружностями, из сарматской катакомбы в кургане 13 могильника у с. Дуровка. Комплекс

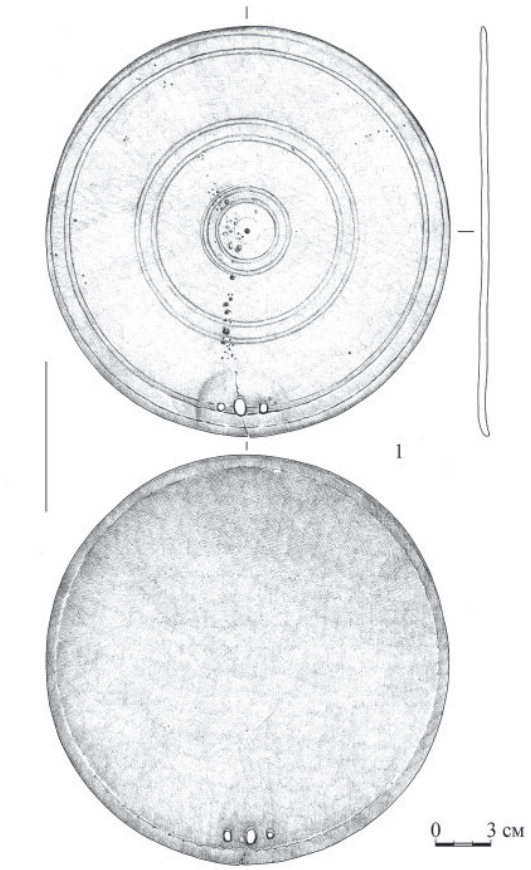

Рис. 3. Находка зеркала с территории Ефремовского района Тульской области (берег р. Красивая Меча), прорисовка (С. Ю. Харченко)
Fig. 3. Mirror finding from the Efremov district of the Tula region (Krasivaya Mecha river bank), drawing by S.Y. Kharchenko.

Рис. 4. Находка зеркала с территории Ефремовского района Тульской области (берег р. Красивая Меча), фото (Р. М. Солопов)
Fig. 4. Mirror finding from the Efremov district of the Tula region (Krasivaya Mecha river bank), photo by R.M. Solopov.

датируется II в. до н.э. (Пузикова, 2001, рис. 39: 4; Медведев, 2008, с. 19, рис. 7: 2). Вторая аналогичная находка зеркала происходит из раннесарматского погребения у хутора Лугового. Она представляет собой массивный диск диаметром 18,4 см, лицевая и оборотная сторона которого украшена гравированными концентрическими окружностями. Зеркало было двусоставное, ручка не сохранилась, но хорошо видно место ее крепления к диску при помощи пары заклепок (Медведев, 2011, с. 230, рис. 2: 1). А. П. Медведев датирует комплекс у хутора Лугового II в. до н.э. Носителей этого нового культурного комплекса он связывает с ранними сарматами или этническими передвижениями в степи, вызванными сарматскими миграциями (Медведев, 2011, с. 235).

Подобные зеркала известны и на территории **Нижнего Подонья**. В.П. Глебов выделяет их в отдел 1 тип 1 – зеркал с плоским диском диаметром 11-20 см. С территории Нижнего Подонья происходят всего несколько их экземпляров. Два зеркала имеют ручки, другие экземпляры зеркал известны во фрагментах. На двух находках отмечен декор в виде концентрических прочерченных линий (Глебов, 2019, с. 87, рис. 1: 3–4). Этот тип зеркал немногочисленен в раннесарматских комплексах Нижнего Подонья. Пик их популярности приходится на савроматское время, в ранеесарматскую эпоху традиция изготовления таких зеркал некоторое время продолжается (Глебов, 2019, с. 90).

С территории **Хопёрско-Волжского региона** известна всего одна находка зеркала с плоским диском и раздельной ручкой (тип 1.1 по Р.С. Берестневу). Она происходит из погребения 4 кургана 37 могильника у с. Сидоры.

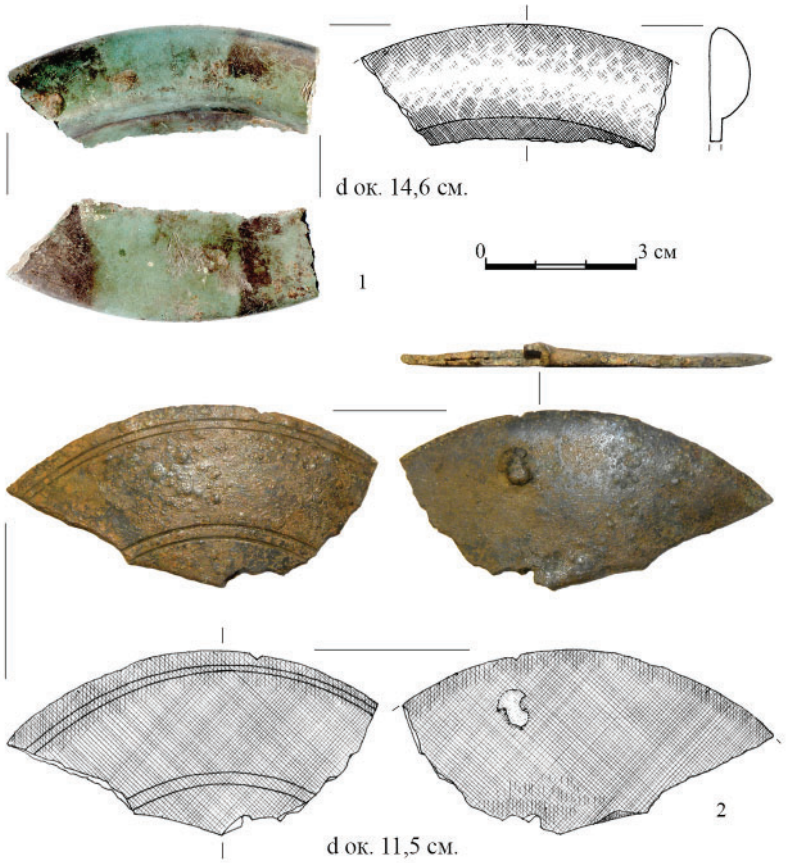

Рис. 5. Находка фрагментов зеркал: 1 – городище Страхово; 2 – городище Слобода. Рисунок – М. Д. Медведева.
Fig. 5. Mirror fragments: 1 – Strachovo hillfort; 2 – Sloboda hillfort. Drawing by M.D. Medvedeva.

Обратная сторона зеркала орнаментирована гравированными концентрическими линиями, образующими окружности. Ручка зеркала не сохранилась, но хорошо видно место ее крепления к диску при помощи двух заклепок. Хронологическая атрибуция зеркала соотносится автором с ранне-среднесарматской эпохами (Берестнев, 2017, с. 107, рис. 12: 3).

Два фрагмента зеркала с орнаментом в виде концентрических кругов происходят из погребения 3 кургана 17 I Бережновского могильника и кургана 5 погребения 10 южной группы курганов у д. Бережновка в **Нижнем Поволжье.** Погребения относятся к раннесарматскому периоду (Синицын, 1959, с. 80-81, рис. 20: 2; Синицын, 1960, с. 114). По орнаментации нашему зеркалу близко зеркало из массивного плоского диска с боковым выступом из гробницы I Артюховского кургана сер. II в. до н.э. (**Таманский п-ов**). Орнаментация оборотной стороны зеркала концентрическими кругами напоминало М.И. Максимовой систему украшения зеркал с крышками (Максимова, 1979, с. 91–92, рис. 31).

Зеркала данного типа известны также далеко к востоку от Волги, в ареале саргатской культуры (**лесостепная зона Зауралья и Западная Сибирь**), где датируются исследователями в рамках V-II вв. до н.э., не исключая и более позднее распространение в последние века до н.э. (Тигеева, Белоногова, 2018, с. 85, рис. 1: 1). Эти находки зеркал близки раннесарматским зеркалам с территории **Южного Урала** (Полосьмак, 1987, с. 83; Пшеничнюк, 1983, с. 112, табл. LI: 9). Так обломок серебряного зеркала, с прочерченным на обратной стороне орнаментом в виде концентрических кругов найден в погребении 11 кургана 20 у д. Старые Киишки, р. Белая, Башкортостан (Садыкова, 1962, табл. XII: 10). М. Х. Садыкова отмечала, что подобные зеркала характерны для Поволжья начиная с II в. до н.э. по II в.

н.э. (Садыкова, 1962, с. 120). Курган 20 исследователь датировала III–II вв. до н.э. (Садыкова, 1962, с. 121).

Необходимо отметить, что В.Ю. Зуевым в работе, посвященной третьей серии зеркал борисфенитского типа, опубликовано интересное зеркало, которое в древности было составлено из двух разновременных частей – поздний по времени диск с радиальным резным орнаментом на оборотной стороне, практически полностью аналогичный нашей находке, сочленен с рукоятью от зеркала борисфенитского типа третьей серии с фигуркой пантеры на конце рукояти (Зуев, 2019, с. 86, рис. 13: 22).

Наиболее вероятно, зеркало с берегов Красивой мечи и фрагмент зеркала с городища Слобода попали на территорию Окско-Донского водораздела в период II – начала I вв. до н.э. В этом контексте необходимо упомянуть уникальную находку клада предметов мужской воинской культуры II–I вв. до н.э. с территории Курской области – среднее Посеймье – южное пограничье Окско-Донского водораздела. В состав клада входили зеркало, два массивных бронзовых браслета и два железных втульчатых наконечника копья (Столяров, Радюш, 2022).

Возможно, находка клада, как и отдельные находки зеркал, маркируют продвижение в последние века до н.э. с юга на север лесостепного населения с ярко выраженной воинской культурой. Не исключено, что следующий этап этого «движения» мы фиксируем в виде череды военных конфликтов I в. н.э. практически по всей южной границе лесной зоны европейской части России (Воронцов, Столяров, 2019). Возможно, именно к этому времени относится находка фрагмента крупного бронзового зеркала с валиком по краю диска с однослойного городища Страхово 2 (рис. 1; 5: 1), на котором были изучены следы штурма и пожара середины-второй половины I в (Столяров, 2023). Фрагментированность находки, к сожалению, не позволяет точно определить тип зеркала. Реконструируемый диаметр диска составляет 14,6 см, ширина валика 17 мм (Воронцов, Столяров, 2019, с. 64-65). Скорее всего, зеркало относится к одному из типов отдела 4 по А. С. Скрипкину (Скрипкин, 1990, с. 94–95). Зеркала с валиком по краю диска характерны для сарматских древностей III в. до н.э. – I в. н. э. (Скрипкин 1990, с. 144, 155). Такие зеркала встречены в погребениях середины I – начала II в. I Чертовицкого могильника на верхнем Дону (Медведев, 2008, с. 43).

Находки бронзовых зеркал эпохи раннего железного века с территории Окско-Донского водораздела расширяют корпус источников по проблемам культурных импульсов, миграций, различного рода торговых, военных контактов на пограничье лесной и лесостепной зон Европейской части России. Рассматривая культурно-исторические процессы на значительном отрезке времени, можно сделать вывод, что на раннем этапе (скифская архаика) четко прослеживаются культурные импульсы на территорию Окско-Донского водораздела с Днепровской Лесостепи, а в сарматскую эпоху они исходили с территории Верхнего и Среднего Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени / МИА. № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: АН СССР, 1962. С. 86–129.

Берестнев Р.С. Сарматы в междуречье Хопра и Волги. Дисс… канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 323 с.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Петров Ю.Ю. Исследования памятников первой половины I тыс. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018 / Отв. ред. М.И. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2019. С. 224–226.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum Plus. 2019. № 4. С. 51–74.

Глебов В.П. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 86–104.

Зуев В.Ю. Третья серия зеркал борисфенитского типа (к вопросу о классификации массового археологического материала эпохи архаики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 73–145.

Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. 1967. № 1. С. 122–139.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–II вв. до н. э. Т. I. М.: Индрик, 2002. 352 с.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

Медведев А.П. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Ред. В.Д. Березуцкий и др. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 228–236.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР, 1963. 55 с.

Модин Р.Н., Столяров Е.В. Костяные псалии с Сатинского городища // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Материалы научного симпозиума 8-9 апреля 2009 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. С. 61–63.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 88–122.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР. 1959. С. 39–205.

Синицин И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Столяров Е.В. Находка скифского кинжала в верховьях р. Непрядвы // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы XIV Всероссийской научной конференции (Калуга, 5-7 апреля 2011 г.). Калуга: Полиграф-Информ, 2012. С. 34–38.

Столяров Е.В. Ранний железный век // Археология Окско-Донского водораздела. В 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья / Под ред. А. М. Воронцова. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 99–141.

Столяров Е.В. Городище Страхово 2. Горизонт I века // КСИА. 2023. Вып. 270. С. 70–83.

Столяров Е.В., Колоколов А.М. Простяков И.С. Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021 / Отв. ред. М.И. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2022. С. 177–179.

Столяров Е.В., Радюш О.А. Уникальный клад предметов мужской воинской культуры II–I вв. до н. э. с территории Курской области // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 169–184.

Столярова К.А. Отчет об археологических полевых разведочных работах на территории г. Тула, Щекинского, Одоевского и Дубенского районов Тульской области в 2018 г. Т. 3. // Архив ИА РАН. Р-1.

Тигеева Е.В., Белоногова Л.Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 84–96.

Хазанов А.М. Генезис сарматских зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Информация об авторе:

Столяров Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, зав. отделом, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула, Россия); stolarov_e@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1962. Melyukova, A. I. (ed.). *Lesostepnye kul'tury skifskogo vremeni (Forest-steppe cultures of the Scythian period).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 113. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 86–129 (in Russian).

Berestnev, R. S. 2017. *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi (The Sarmatians in the interfluve of the Khoper and Volga).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).

Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V., Stolyarova, K. A., Petrov, Yu. Yu. 2019. In Ivashov, M. I. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e v 2018 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2018)* Lipetsk; Voronezh: “Novyi vzglyad” Publ., 224–226 (in Russian).

Vorontsov, A. M., Stolyarov, E. V. 2019. In *Stratum Plus* (4), 51–74 (in Russian).

Glebov, V. P. 2019. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18 (2), 86–104 (in Russian).

Zuev V. Yu. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 11, 73–145 (in Russian).

Izyumova, S. A. 1967. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 122–139 (in Russian).

Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifii VI–II vv. do n.e. T. I (Mirrors of Scythia of the VI–II centuries B.C. Vol. I)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Maksimova, M. I. 1979. *Artyukhovskiy kurgan (Artyukhovsky barrow).* Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (inRussian).

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (The Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais*). Moscow: "Taus" Publ., 2008. 252 s.

Medvedev, A. P. 2011. In Berezutsky, V. D. et al. (eds.). *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi (Eastern European antiquities of the Scythian era).* Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 228–236 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Modin, R. N., Stolyarov, E. V. 2009. In Arkheologiya XXI veka: sintez klassicheskikh i sovremennykh metodov issledovaniy – prioritetnoe napravlenie arkheologicheskogo izucheniya Kaluzhskoy oblasti. Materialy nauchnogo simpoziuma 8-9 aprelya 2009 g. *(Archaeology of the 21st century: synthesis of classical and modern research methods – a priority field of archaeological study in the Kaluga region. Proceedings of the scientific symposium, April 8-9, 2009).* Kaluga: "Poligraf-Inform" Publ., 61–63 (in Russian).

Polos'mak, N. V. 1987. *Baraba v epokhu rannego zheleza (Baraba in the early Iron Age).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. (Culture of the Early Nomads of the Southern Urals).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sadykova, M. Kh. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 88–122 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–205 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2012. In *Voprosy arkheologii, istorii i kul'tury Verkhnego Pooch'ya. Materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Kaluga, 5-7 aprelya 2011 g.) (Issues of archaeology, history and culture of the Upper Oka region. Materials of the XIV All-Russian scientific conference (Kaluga, April 5-7, 2011)).* Kaluga: "Polygraph-Inform" Publ., 34–38 (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2022. In In Vorontsov, A. M. (ed.). *Arkheologiya Oksko–Donskogo vodorazdela. Kn. 1. (Archaeology of the Oka-Don watershed. Book 1).* Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 99–141 (in Russian).

Stolyarov, E. V. 2023. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 270, 70–83 (in Russian)

Stolyarov, E. V., Kolokolov, A. M. Prostyakov, I. S. 2022. In Ivashov, M. I. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e v 2021 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2021)* Lipetsk; Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 177–179 (in Russian).

Stolyarov, E. V., Radyush, O. A. 2022. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 267, 169–184 (in Russian)

Stolyarova, K. A. 2018. *Otchet ob arkheologicheskikh polevykh razvedochnykh rabotakh na territorii g. Tula, Shchekinskogo, Odoevskogo i Dubenskogo rayonov Tul'skoy oblasti v 2018 g. (Report on archaeological field survey work in the territory of Tula, Shchyokino, Odoev and Dubna districts of the Tula region in 2018).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1 (in Russian).

Tigeeva, E. V., Belonogova, L. N. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 4 (43), 84–96 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1963. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 58–71 (in Russian).

About the Author:

Stolyarov Evgeniy V., Candidate of Historical Sciences, State museum-reserve «Kulikovo Field», Lenina Ave, 47, Tula, 300041, Russian Federation; stolarov_e@mail.ru

Статья поступила в журнал 29.05.2024 г.
Статья принята к публикации 19.02.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.164.173

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ М.П. ГРЯЗНОВА)

© 2025 г. Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Л.С. Марсадолов

В статье представлены результаты изучения материалов эпохи Великого переселения народов, полученных в ходе раскопок М.П. Грязнова на памятнике Яконур в 1939 г. Данный разновременный погребально-поминальный комплекс расположен близ одноименного села, в Усть-Канском районе Республики Алтай. Публикуемый курган №6 представляет собой каменную насыпь средних размеров, под которой известным ученым было исследовано захоронение лошади, совершенное на уровне древнего горизонта. Сопроводительный инвентарь представлен железными удилами и роговым блоком. Анализ этих предметов позволяет датировать рассматриваемый своеобразный комплекс в рамках второй четверти I тыс. н.э. с возможным «заходом» в VI в. н.э. К этому же периоду относится случайная находка, сделанная экспедицией М.П. Грязнова на территории рассматриваемого комплекса – бронзовая серьга со щитком в виде плоской двойной концентрической спирали. Этнокультурная интерпретация публикуемых объектов, принимая во внимание оригинальность характеристик кургана №6 и отличия от традиций обрядовой практики булан-кобинского населения, остается дискуссионной. Вероятно, захоронение лошади отражает сложные процессы, происходившие на Алтае на завершающем этапе эпохи Великого переселения народов, демонстрируемые и другими неординарными комплексами, исследованными в разных частях региона.

Ключевые слова: археология, Алтай, эпоха Великого переселения народов, захоронение лошади, хронология, булан-кобинская культура, сопроводительный инвентарь

NEW DATA ON THE MIGRATION PERIOD ASSEMBLAGES FROM NORTHWESTERN ALTAI (BASED ON THE RESEARCH MATERIALS BY M.P. GRYAZNOV)

N.N. Seregin, S.S. Matrenin, L.S. Marsadolov

The article presents the materials of the Migration Period obtained during the excavation works by of M.P. Gryaznov at the Yakonur site in 1939. This multi-period burial and memorial assemblage is located near the village of the same name, in the Ust-Kan district of the Altai Republic. The presented barrow No. 6 is a medium-sized stone mound, under which the famous scientist studied a horse burial made at the level of the ancient horizon. The accompanying goods is represented by an iron bit and an antler block. Analysis of these items allows us to date the considered unique complex within the second quarter of the 1st millennium AD with a possible "entry" into the 6th century AD. A chance find made by M.P. Gryaznov's expedition at this assemblage also belongs to the same period: a bronze earring with a shield in the form of a flat double concentric spiral. The ethnic-cultural interpretation of the published objects, taking into account the originality of the characteristics of the barrow No. 6 and the differences from the traditions of the ritual practice of the Bulan-Koby population, remains debatable. Probably, the burial of the horse reflects the complex processes that took place in Altai at the final stage of the Migration Period, demonstrated by other extraordinary assemblages studied in different parts of the region.

Keywords: archaeology, Altai, the Migration Period, burial of a horse, chronology, Bulan-Koby culture, accompanying goods

Введение

Эпоха Великого переселения народов представляет собой один из ключевых периодов в истории Центральной Азии и сопредельных территорий, важный для понимания особенностей формирования и трансформации многих этнополитических групп. При исследовании этих сложных процессов основой зачастую выступают археологические материалы, которые позволяют наполнить конкретным содержанием общий контекст, приведенный в письменных источниках.

Рис. 1. Расположение памятника Яконур.
Fig. 1. Location of the Yakonur site.

Информативный корпус данных для изучения обозначенного периода составляют результаты раскопок погребальных комплексов Алтая, объединяемых в рамках булан-кобинской археологической культуры. К настоящему времени усилиями нескольких поколений специалистов сформирован опыт интерпретации имеющихся материалов, получивший отражение в многочисленных публикациях различного уровня. Вместе с тем, приходится констатировать, что до сих пор территория Алтая изучена весьма неравномерно. Одной из своего рода лакун является западная и северо-западная части данного региона, где на сегодняшний день раскопаны единичные объекты булан-кобинской культуры (Шульга, Горбунов, 2002, с. 112, 117, рис. 2-3–5; Могильников, Суразаков, 2003, с. 26–31). Заполнение данного пробела требует как проведения целенаправленных экспедиционных работ, так и детального изучения уже имеющихся данных, по различным причинам не введенных в научный оборот и остающихся неизвестными даже специалистам. В настоящей статье представлен небольшой, но достаточно информативный блок материалов эпохи Великого переселения народов, полученных в ходе раскопок М.П. Грязнова на комплексе Яконур.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Яконур расположен близ одноименного села, в Усть-Канском районе Республики Алтай (рис. 1). Судя по всему, большая часть площади памятника в настоящее время застроена (Марсадолов, Тишкин, Серегин, 2024, с. 214–215, рис. 3).

Раскопки в местности Яконур проводились участниками Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова в июле – начале сентября 1939 г. В результате работ были изучены восемь объектов, которые включали, главным образом, погребения, демонстрирующие историю кочевников этой части Алтая на протяжении двух тысячелетий (от скифо-сакского времени и до развитого средневековья). Одним из таких комплексов стал курган №6. Данный объект находился к северо-востоку от крупного сооружения №5, относящегося к скифо-сакскому времени и содержавшего также впускные погребения (Грязнов, 1940, с. 17–20; Тишкин, Горбунов, 2003б).

Судя по имеющимся сведениям, представленным в полевых материалах М.П. Грязнова, курган №6 до раскопок представлял собой насыпь округлой формы, сложенную из камней и земли (рис. 2). Диаметр данного сооружения составлял около 8 м, а высота – до 0,3 м. Какие-либо свидетельства разрушения объекта не фиксировались. При этом уже на начальном этапе исследований в центральной части насыпи, на глубине 0,2–0,25 м были

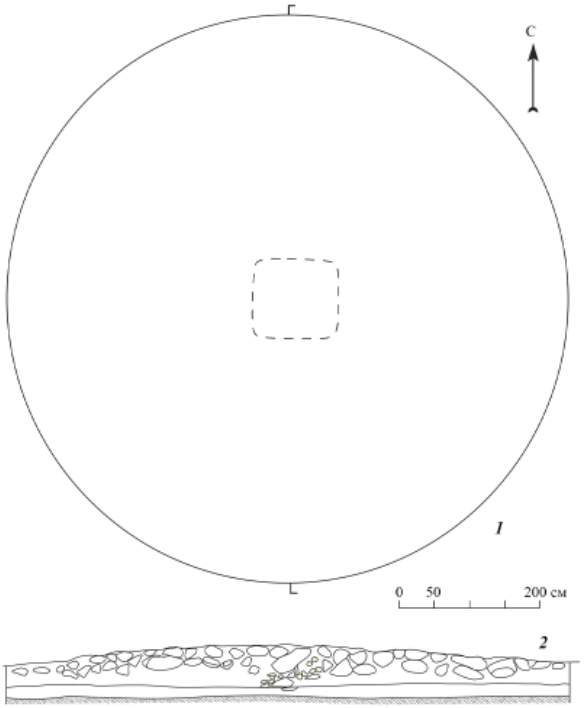

Рис. 2. План и разрез кургана №6 комплекса Яконур.
Fig. 2. Plan and section of barrow No. 6 of the Yakonur site.

обнаружены разрозненные кости лошади (обломки черепа, нижняя челюсть и лопатка), лежавшие среди камней (рис. 3). В ходе дальнейших раскопок установлено, что под наземной конструкцией, на уровне древнего горизонта находилось захоронение молодой лошади, основная часть которого осталась непотревоженной, а лишь деформированной камнями. Животное было уложено головой на запад, на правом боку с подогнутыми конечностями (рис. 4). Под костями, примерно в том месте, где выше был расположен череп, найдены железные однокольчатые удила (рис. 5.-1; 6.-1). К западу от них обнаружен роговой блок с двумя отверстиями (рис. 5.-2; 6.-2). Под скелетом лошади зафиксированы три плоских камня, ниже одного из которых находились куски березовой коры.

Помимо представленных материалов, в коллекции предметов из погребально-поминального комплекса Яконур имеется бронзовая серьга (колл. №1554/181) (рис. 5.-3; 6.-3). Судя по имеющимся данным, она представляет собой случайную находку с территории памятника. Какие-либо сведения о контексте обнаружения серьги в архивных материалах М.П. Грязнова не выявлены.

Анализ и интерпретация материалов

Комплекс предметов, зафиксированный в ходе раскопок кургана №6 на памятнике Яконур, включал единичные категории конского снаряжения хорошей сохранности, анализ которых позволил сформировать представление о датировке данного объекта.

Железные удила (рис. 5.-1; 6.-1) изготовлены из кованого гладкого дрота с подквадратным сечением. Они состоят из двух грызел практически одинаковой длины (13,7 и 13,4 см), имеющих крюковое соединение и кольчатые окончания (размеры по внешнему краю – 3,3х3,7 см). Обозначенные изделия относятся к достаточно стандартным элементам узды у многих народов Евразии. В Центральной Азии аналогичные предметы появились, судя по имеющимся материалам, в позднехуннское время (конец I в. до н.э. – I в. н.э.), но получили широкое распространение с раннесяньбийского периода (конец I – начало III в. н.э.) (Кызласов, 1983, с. 57; Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107.-3, 110.-6, 8, 9; 111.-3, 5; 113.-3). Опираясь на опыт изучения конской амуниции населения Алтая из некрополей Белый-Бом-II (курган №12, погребение 3; курган №25, погребение 2), Степушка-I (курган №5), Степушка-2 (объекты №40, 48); Яломан-II (курган №30), можно сделать заключение, что подобные удила использовались населением булан-кобинской культуры во второй половине III – первой половине V вв. н.э. (Матренин, 2018, рис. 1–1, 6, 8; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 110). В рассматриваемом регионе такие же предметы использовали достаточно часто тюрки во второй половине V – X вв. н.э., как, впрочем, и многие другие народы Евразии в период раннего средневековья (Гаврилова, 1965, рис. 8.-10; 10.-1, 16; табл. IV.-7; X.-9; XII.-14; XV.-6; XVIII.-18; XXIII.-1, 2; Кубарев, 2005, рис. 34.-1, 2; табл. 68.-2; 80.-1, 2; 89.-3; 98.-2; 102-2; 136.-2; 142.-12; и др.).

Обнаруженный в рассматриваемом ритуальном объекте небольшой роговой блок (длина 4,3 см; ширина 1,8–2,8 см) шестиугольной формы с двумя овальными отверстиями (рис. 5.-2; 6.-2) обнаруживает наиболее близкую датированную аналогию на Алтае в опубликованном захоронении второй половины IV – первой половины V вв. н.э. из могильника Усть-Бийке-III (курган №4) (Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-7). Близкие по оформле-

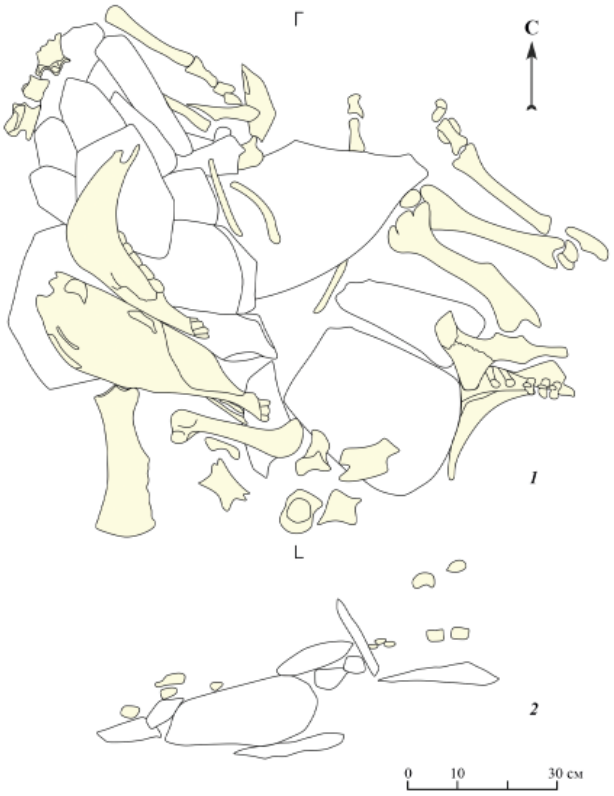

Рис. 3. План верхнего уровня захоронения лошади в кургане №6 комплекса Яконур.
Fig. 3. Plan of the upper level of the horse burial in barrow No. 6 of the Yakonur site.

нию изделия зафиксированы в не введенных в научный оборот материалах погребальных комплексов второй половины III – первой половины IV вв. н.э. из памятника Айрыдаш-I (раскопки А.С. Суразакова) и второй половины IV – первой половины V вв. н.э. из некрополя Дялян (раскопки Ю.В. Тетерина) и Яломан-II (раскопки А.А. Тишкина).

На основе представленного сравнения рассмотренных вещей с изделиями из памятников Алтая, курган №6, раскопанный на могильнике Яконур, представляется возможным датировать только в широких рамках – второй четвертью I тыс. н.э. с возможным «заходом» в VI в. н.э.

К этому же периоду относится случайная находка, сделанная экспедицией М.П. Грязнова на территории рассматриваемого комплекса – крючковая серьга со щитком в виде плоской двойной концентрической спирали с разными размерами верхней и нижней части (рис. 5.-3; 6.-3).

Впервые серьга такого типа на территории Западного Алтая была обнаружена в 1865 г. академиком В.В. Радловым в ходе раскопок одного из объектов предтюркского времени на комплексе Катанда-I (курган №5) (Гаврилова, 1965, с. 13, рис. 4.-1), датирующегося второй половиной IV – первой половиной V вв. н.э. Данное редкое изделие, оказавшееся, судя по сообщению В.В. Радловым, утраченным, не получило полноценного внимания специалистов. В конце 1980-х – 1990-х гг. аналогичные «меандрообразные» серьги были зафиксированы в булан-кобинских памятниках эпохи Великого переселения народов, исследованных в Северном Алтае на могильнике Айрыдаш-I (6 экз.), в Центральном Алтае на некрополях Булан-Кобы-IV (1 экз.) и Улита (1 экз.), в Западном Алтае на памятнике Чендек (1 экз.), а также в Юго-Восточном Алтае в комплексе Курайка (1 экз.) (Мамадаков, 1990, рис. 28.-6, 8; Соенов, Эбель, 1992, с. 56–58; 1998, с. 135; Трифанова, Соенов, 2019, с. 29, рис. 3.-12, 16, 24, 31–36; 5.-23–24). С учетом яконурской находки и данных, полученных в процессе изучения некрополей Степушка (2 экз.) в Центральном Алтае (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 139, табл. 48.-1, 2) и Чобурак-I (3 экз.) в Северном Алтае (Серегин и др., 2023, табл. 92.-1, 2, 4) серия таких серег, обнаруженных в погребениях булан-кобинской археологической культуры, насчитывает 16 предметов. При этом следует подчеркнуть, что рассматриваемые украшения во всех случаях являлись

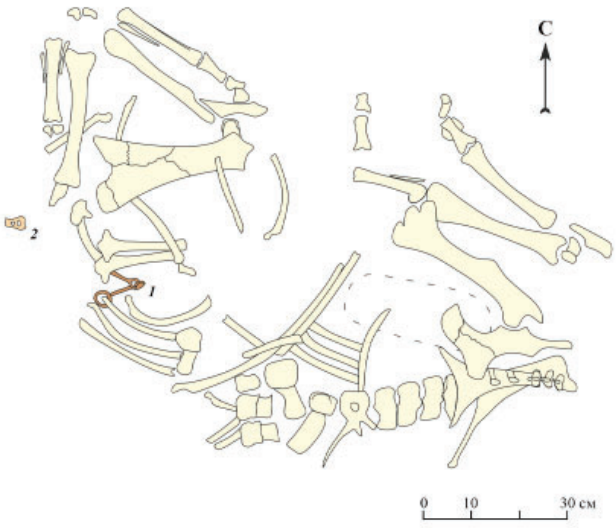

Рис. 4. План захоронения лошади в кургане №6 комплекса Яконур.
Fig. 4. Plan of a horse burial in barrow No. 6 of the Yakonur site.

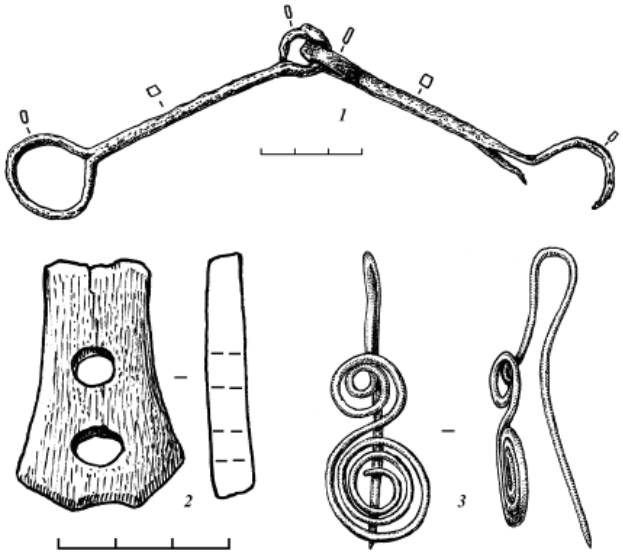

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь из захоронения лошади в кургане №6 (*1, 2*) и серьга, обнаруженная на площади комплекса Яконур (*3*). *1 – железо; 2 – рог; 3 – цветной металл.*

Fig. 5. Accompaniments from the horse burial in barrow No. 6 (*1, 2*) and an earring found at the Yakonur complex (*3*). *1 – iron; 2 – antler; 3 – non-ferrous metal.*

частью сопроводительного инвентаря женщин и детей.

Опираясь на имеющийся опыт изучения археологических источников, можно сделать заключение, что у населения Алтая такие серьги получили распространение под влиянием ювелирного дела центрально-азиатских сяньби конца I – начала III в. н.э. (Яремчук, 2005, рис. 114.-1–3, 5, 9, 10; Ковычев, 2006, рис. 5.-25–27, 29; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 1.-15, 16, 20; 2.-16, 17; и др.). В рамках булан-кобинской культуры украшения данного типа, судя по их обнаружению в хорошо датированных объектах, характерны для второй половины III – первой половины V вв. н.э. Вероятно, в результате контактов с «булан-кобинцами» подобные серьги во второй половине IV в. н.э. попали к племенам Верхнего Приобья (Грязнов, 1956, табл. XLV).

Этнокультурная интерпретация кургана №6 некрополя Яконур в контексте современных историко-археологических реконструкций представляется дискуссионной. Подчеркнем, что особенно необычным в публикуемом объекте является устройство невысокой (до 0,3 м) насыпи довольно большого диаметра (8 м) и размещение скелета лошади на уровне древнего горизонта без каких-либо конструкций. В рамках поиска возможного направления генезиса традиции, зафиксированной на рассматриваемом комплексе, важно отметить, что возведение близких по оформлению ритуальных курганов с захоронением лошадей было известно на Алтае в эпоху Великого переселения народов у отдельных групп населения булан-кобинской культуры. Однако, в отличие от публикуемого объекта, они имели ряд отличий: небольшие (до 5 м) насыпи преимущественно с овальной или округлой выкладкой-крепидой в основании, располагавшиеся рядом с обычным курганами в составе одного ряда, либо в виде отдельно стоящих конструкций, локализованных, тем не менее, по соседству с могилами; размещение животного в неглубокой яме в разных позах (на боку, животе, спине, свернутой в «кольцо»), ориентированного головой в западном или восточном направлении с разными отклонениями (Серегин, Матренин, 2016, с. 73). На сегодняшний день сооружения с обозначенными характеристиками изучены в Центральном и Западном Алтае на памятниках, относящихся к разным этапам в развитии булан-кобинской культуры со II в. до н.э. по V в. н.э. (Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992, с. 60, рис. 1; Соенов, Эбель, 1992, с. 23; Соенов, 1999, с. 134–135; Тишкин,

Рис. 6. Сопроводительный инвентарь из захоронения лошади в кургане №6 (*1, 2*) и серьга, обнаруженная на площади комплекса Яконур (*3*). *1 – железо; 2 – рог; 3 – цветной металл.*

Fig. 6. Accompaniments from the horse burial in barrow No. 6 (*1, 2*) and an earring found at the Yakonur complex (*3*). *1 – iron; 2 – antler; 3 – non-ferrous metal.*

Горбунов, 2003а, с. 489, 491–492; Самашев и др., 2016, с. 245–247, 249). Весьма вероятным представляется, что такая практика устройства ритуальных курганов с захоронениями лошадей была заимствована позже раннесредневековыми тюрками Алтая и получила у них определенное переосмысление. Данное заключение демонстрируют достаточно хорошо известные случаи совершения отдельных конских погребений, отличающихся по ряду признаков от кенотафов, поминальных оградок и «ритуальных» курганов (Могильников, 1994, рис. 23–25; Илюшин, 1995, рис. 1; Серегин, Матренин, 2016, с. 128–130; Серегин, 2017, с. 36–48).

Обратим внимание на то, что в археологических материалах эпохи Великого переселения народов, полученных в результате раскопок на соседних с Алтаем горно-степных территориях, ритуальные курганы с отдельными захоронениями лошадей не зафиксированы, что, очевидно, объясняется, главным образом, отсутствием традиции погребения человека в сопровождении этого животного. При этом территориально отдаленные параллели рассматриваемому объекту из памятника Яконур зафиксированы в Южном Зауралье в курганах с «усами» V – начала VI вв. н.э. с той существенной разницей, что в них присутствовали прокалы (следы горения) и более разнообразные наборы изделий (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 32, 35, 73, 93, 94; рис. 52).

Таким образом, имеющиеся к настоящему времени материалы пока не позволяют однозначно связать курган №6 памятника Яконур с традициями конкретной культурной группы. Вероятно, данный объект отражает сложные процессы, происходившие на Алтае на завершающем этапе эпохи Великого переселения народов, демонстрируемые и другими неординарными комплексами, исследованными в разных частях региона (Кубарев Г.В., Слюсаренко, Кубарев В.Д., 2009; Баярсайхан, Түвшинжаргал, 2018; Серегин, Матренин, Идэрхангай, 2020; и др.).

Заключение

Раскопанный М.П. Грязновым на памятнике Яконур курган №6 является пока единственным на Алтае отдельным захоронением лошади эпохи Великого переселения народов, совершенным под каменной насыпью на уровне древнего горизонта. Результаты изучения обнаруженных вещественных находок позволили датировать публикуемый объект второй четвертью I тыс. н.э. с возможным «заходом» в VI в. н.э. Принимая во внимание фрагментарность имеющихся материалов, вопрос о культурной принадлежности рассматриваемого ритуального комплекса остается открытым. К этому же периоду относится и случайная находка довольно редкой серьги, сделанная М.П. Грязновым на территории комплекса Яконур и показывающая наличие и других материалов завершающего этапа булан-кобинской культуры в данной местности. В связи с этим акцентируем внимание на актуальности дальнейших целенаправленных полевых исследований погребальных и поминальных комплексов эпохи Великого переселения народов и начала раннего средневековья в разных частях Алтая, что позволит детализировать сложные процессы, происходившие в тот период. Кроме того, большое значение имеет продолжение работы по интерпретации «нестандартных» памятников, имеющих большое значение для историко-культурных реконструкций.

ЛИТЕРАТУРА

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т. Ховд аймгийн Мянгяд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа / Отв. ред. Ц. Отдбаатар, Ц. Эгиймаа. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2018. Т. 106–120.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып. I. Л.: ГЭ, 1940. С. 17–21.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 162 с.

Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Вып. V. Ч. 1 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алт. ун-т, 1995. С. 122–125.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 59–61.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Иркут. техн. ун-т, 2006. С. 242–258.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование поминального комплекса V – начала VI в. Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 312–216.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е3–18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Марсадолов Л.С., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. К истории изучения курганов в Яконуре на Алтае (к 85летию экспедиции М.П. Грязнова) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXX / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2024. С. 209–216.

Матренин С.С. Удила и псалии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 67–71.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–96.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 26–63.

Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмаджиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболастов С. Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай – колыбель тюркского мира / Отв. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск: Б. и., 2016. С. 234–252.

Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 36–48.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Алт. ун-т, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Идэрхангай Т.-О. Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай): возможности культурно-хронологической интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 38–51.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Алт. ун-та, 2023. 432 с.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. № 4 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. С. 134–152.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. № 3 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. С. 113–135.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. Т. IX, ч. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003а. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. № 10 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003б. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Алт. ун-т, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Алт. ун-т, 2018. 368 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, №3. С. 50–64.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. С. 112–130.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); marsadolov@hermitage.ru

REFERENCES

Bayarsaikhan, Zh., Tyvshinzhargal, T. 2018. In Otdbaatar, Ts., Egiimaa, Ts. (eds.). *Syan'bi, Zhuzhany yein tyykh, soelyn sudalgaa (The study of the history and culture of the Xianbi and Rouran)*. Ulaanbaatar: Mongolian National Museum Publ., 106–120.

Botalov, S. G., Tairov, A. D., Lyubchanskii, I. E. 2006. *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskikh stepei (Barrows with "wiskers" in the Ural and Kazakhstan steppes).* Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1940. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. (Reports of the State Hermitage Museum)* I. Leningrad: The State Hermitage Museum, 17–21 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* (*History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka*). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1995. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie pamyatnikov arkheologii Altayskogo kraya (Preservation and study of archaeological sites of the Altai Krai) V*. Barnaul: Altai State University, 122–125 (in Russian).

Kireev, S. M., Kudryavtsev, P. I., Vainberger, E. V. 1992. In Surazakov, A.S. (ed.). *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii (Problems of preservation, use and study of archaeological monuments).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Pedagogical Instituteб 59–61 (in Russian).

Kovychev, E. V. 2006. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 4. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ.,242–258 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kubarev, G. V., Slyusarenko, I. Yu., Kubarev, V. D. 2009. In Derevyanko, A. P., Molodin V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories) XV*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 312–216 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the I millennium AD)*. Dis. Of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Marsadolov, L. S., Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2004. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 30. Barnaul: Altai State University, 209–216 (in Russian).

Matrenin, S. S. 2018. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoy Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China)* 2. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 67–71 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1994. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya (Archaeological and Folklore sources on the History of the Altai).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 94–116 (in Russian).

Mogilnikov, V. A., Surazakov, A. S. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and Ethnography of Altay)* 1. Gorno-Altaisk: S.S. Surazakov Institute of Altaistics, 26–63 (in Russian).

Samashev, Z., Bokovenko, N. A., Akhmadzhiev, Zh., Chotbaev, A., Kariev, E., Tolegenov, E., Samashev, S., Kiyasbek, G., Zhalmaganbetov, Zh., Erbolastov, S. 2016. In Akhmetov, D. (ed.). *Altay – kolybel' tyurkskogo mira (Altai – the cradle of the Turkic world).* Ust-Kamenogorsk, 234–252 (in Russian).

Seregin, N. N. 2017. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 17 (1), 36–48 (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. (The burial rite of the Altai nomads in 2nd century BC – XI century AD).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Idjerhangaj, T.-O. 2020. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (2), 38–51 (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Tishkin, A. A., Parshikova, T. S. 2023. *Altay v predtyurkskoe vremya (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Choburak-I) (Altai in pre-Turkic era (based on materials from the Choburak-I archaeological assemblage))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Soenov, V. I. 1999. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 134–152 (in Russian).

Soenov, V. I., Jebel', A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Barrows of the Hunnic-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Pedagogical Institute (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 113–135 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2003. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories).* Vol. 9, part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 488–493 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 10. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ., 107–174 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2005. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay) (Complex of Archaeological Sites in the Valley of the River Biike (Mountain Altay)).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altay in the Xianbei-Rouran Period (based on the Stepushka Site))*. Barnaul: Altay University (in Russian).

Trifanova, S. V., Soenov, V.I. 2019 *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (Ornaments of the Altai population in the Hun-Sarmatian period).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Juj, Su-Hua. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5 (3), 50–64 (in Russian).

Shul'ga, P. I., Gorbunov, V. V. 2002. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. (eds.). *Materialy po voennoi arkheologii Altaya i sopredel'nykh territorii (Materials on the Military Archaeology of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 112–130 (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Head of Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Professor. Altai State University (Barnaul, Russia); nikolay-seregin@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia. Altai State University (Barnaul, Russia); matrenins@mail.ru

Marsadolov Leonid S. Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher of Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia. State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia); marsadolov@hermitage.ru

Статья поступила в журнал 14.01.2025 г.
Статья принята к публикации 20.01.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.174.186

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА С ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА КИЛСЕДАГ

©2025 г. Н.А. Алышов, Э.Б. Джафарова

Данная статья посвящена глазурованной керамике храмового комплекса Килседаг, расположенного на территории села Беюк Амирли Габалинского района Азербайджанской Республики. Как известно, Килседаг многослойный памятник. Уникальность памятника, сосредоточена в концепции оригинального строения. Начатые исследования позволяют определить сложность конструктивных форм. Рассматривается поливная керамика, выявленная с раскопок храмового комплекса Килседаг, в сезоне полевых исследований 2022-2024 годов. Хронологический диапазон глазурованной керамики охватывает от VIII до начала XIV веков. Определены ранние и поздние типы поливной керамики Килседага. Доминировала роспись ангобными красками. Широкое распространение получила керамика, украшенная гравировкой, марганцевой росписью по белому ангобному покрытию, полихромные изделия под глазурью. В декоре изделий доминирует геометрический орнамент, изображение треугольников, кругов, овалов, линий. Отмечено сочетание геометрического и растительного орнамента. Орнамент и формы керамических изделий Килседага сближают их с синхронными комплексами других поселений средневекового Ширвана, а также всего Азербайджана. Дальнейшие исследования культурных слоев позволят уточнить многие вопросы относительно назначения, определить стратиграфию и датировку памятника.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Габалинский район, храмовый комплекс Килседаг, археологические раскопки, средние века, поливная керамика, орнамент

GLAZED CERAMICS FROM THE TEMPLE COMPLEX OF KILSEDAGH

N. A. Alyshov, E. B. Jafarova

This paper deals with the glazed ceramics from the temple complex of Kilsedagh, located in the village of Beyuk Emirli in the Gabala district of Azerbaijan Republic. As is known, Kilsedagh is a multi-layered site. The uniqueness of the monument lies in its original structure. The studies that have begun gives us grounds to determine the complexity of the constructive forms. The article examines the glazed pottery discovered during excavations of the temple complex of Kilsedagh in the course of field research conducted between 2022 and 2024. The chronological range of glazed pottery covers the period from the VIII to the early XIV centuries. Early and late types of Kilsedagh glazed pottery are identified. Painting with engobe was dominant. Ceramics decorated with engraving, manganese painting on a white engobe coating, and polychrome ware under glaze were widespread. Geometric ornamentation prevails in the decoration of the items, featuring depictions of triangles, circles, ovals, and lines. A combination of geometric and floral ornamentation is noted. The ornamentation and forms of the ceramic items of Kilsedagh bring them closer to synchronous assemblages from other ancient settlements of medieval Shirvan, as well as of entire Azerbaijan. Further studies of the cultural layers will clarify many issues concerning the purpose, stratigraphy and dating of the monument.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Gabala district, temple complex of Kilsedagh, archaeological excavations, Middle Ages, glazed ceramics, ornament.

Особое значение в архитектуре Кавказской Албании имеют круглые храмы. Отличающиеся своеобразием дохристианские храмы Кавказской Албании зафиксированы в Габалинском, Гахском, Загатальском и Ходжавендском районах (Alışov, 2023, s.16; Мамедова, 2004, с.75). Среди них выделяется храмовый комплекс Килседаг в Габалинском районе (рис. 1).

Первые археологические исследования и раскопки храма Килсадаг были проведены в 1970-1972 годах археологом Рахим Вахидовым в круглом храме, входившем в комплекс (Vahidov, Quliyev, 1971; Ваидов, Гулиев, 1972, с.31-32). Р.М. Вахидовым при раскопках была выявлена вторая внутренняя круглая стена шириной 1 м, высотой 40 см и глубиной 8,4 м (Vahidov, Quliyev, 1971, s.1-3; Vahidov,

Рис.1. Расположение Килседага в программе Google Earth**.**
Fig.1. Location of Kilsedagh in Google Earth

Quliyev, 1972, s.19-21). Здесь имелось восемь оснований колонн, основная функция, которых сосредотачивалась в поддержании купола храма. Главная входная дверь храма находилась в западной части, а с севера и юга располагались две прямоугольные боковые двери (Vahidov, Quliyev, 1971, s.1-3; Vahidov, Quliyev, 1972, s.19-21). Этот храмовый комплекс округлой конструкции относят к первым векам существования государства Кавказская Албания.

По мнению архитектора Д.А. Ахундова храм Килсадаг имеет двухэтажную центральную куполообразную композицию. Основание стеновой конструкции храма представляет собой круглую каменную кладку шириной 95 см с диаметром изнутри 10,40 м. Длина помещений, примыкающих к стенам храма, составляет 2,30 м, а толщина стены 1 м (Ахундов,1986, с. 205).

На протяжении многих лет данный памятник не изучался в археологическом аспекте и накопился круг нерешенных проблем. Исследования памятника возобновилось лишь в 2022 году (рис. 2).

В 2022-2024 годах «Экспедиция археологического исследования материального и культурного наследия Кавказской Албании» Института Археологии и Антропологии НАНА под руководством археолога Натига Алышова провела археологические раскопки в храмовом комплексе Килседаг. В течение трех полевых сезонов, были зафиксированы не только остатки построек, непосредственно связанных с круглым храмовым комплексом, но и определено наличие более древнего культурного слоя (Alışov, 2022; Alışov, 2023). Учитывая связь остатков нововыявленного здания с храмовым комплексом Килседаг, исследования были направлены на определение архитектурных особенностей существующих слоев застройки.

Нами было проведено топографическое планирование места раскопок путем нивелирования. Кадры, заснятые нами с помощью дрона, показывают, что руины храмового комплекса Килседаг являются архитектурным сооружением религиозного и социального назначения, цель которого пока не совсем изучена (рис. 3). Учитывая большую территорию, вовлеченную в процесс исследования, общую площадь раскопа разделили на семь квадратов A, B, C, D, E, G, F (12x50 и12x50 кв м). Отметим, что территория, задействованная в исследовании неравномерна по рельефу, подверглась сильным разрушениям, а верхний слой густо покрыт луговой травой.

Несмотря на тот фактор, что наши исследования охватили небольшой промежуток времени, были получены весьма важные результаты. Например, в полевом сезоне 2022 года были выявлены остатки большого (21x12

1

2

Рис.2. Храмовый комплекс Килседаг. Фото 2022 г. Фото Н.А. Алышова:
1. Вид с севера на Храмовый комплекс Килседаг; 2. Вид раскопок с северной части в квадратах A и D.
Fig. 2. Temple complex of Kilsedagh. Photo 2022. Photo by N.A. Alyshov:
1. View of the temple complex of Kilsedagh from the north; 2. View of excavations in the northern part within quadrant A and D.

м) культового общественного здания (рис. 4) (Alışov, 2022). Здесь в верхнем слое зафиксированы и образцы глазурованной керамики, характерные для XI-начала XIV веков.

Полевой сезон 2023 года, сосредоточенный в квадратах C и D ознаменовался обнаружением стен трехкомнатного жилого дома (рис. 5) (Alışov, 2023).

На основании проведенных исследований нами были сделаны выводы о том, что вокруг круглого храмового комплекса в древности и раннем средневековье существовало поселение замкового типа.

Исследованиями определено, что построенная у подножья горы резиденция укрепленного типа имела террасную форму, зафиксировано и наличие оборонительной стены (рис. 6). Одним из интересных аспектов является тот фактор, что поселения подобного укрепленного типа, построенные в стратегически

Рис. 3. Вид с юга на Храмовый комплекс Килседаг. Фото - съемка с дрона 2022 г. Фото Н.А. Алышова.
Fig. 3. View of the temple complex of Kilsedagh from the south. Photo - drone shot 2022. Photo by N.A. Alyshov.

местах на возвышенности, были характерны для раннесредневекового периода. Остатки построек, наблюдаемые на площади почти в пять гектаров, полностью окружали круглый храмовый комплекс, а наличие оборонительных стен являются фактором, дающим повод для суждений относительно идеи расселения здесь религиозных деятелей и служителей. Следует отметить, что подобный пример мы наблюдаем и вокруг круглого храма Лякит, расположенного на территории Гахского района Азербайджанской Республики (Мамедова, 2004, с.64).

В текущем полевом сезоне нами были проведены исследования в квадратах E, G и F (12,50×12,50). Были выявлены и привлечены к археологическим раскопкам фундаменты остатков еще двух культово-общественных построек (рис. 7).

Таким образом, в процессе исследования число крупных по размерам построек, синхронных с круглым храмовым комплексом, состоящих из помещений разной площади достигло пяти (рис. 8).

Исследованиями трех полевых сезонов в Килседаге был накоплен комплекс разновременных артефактов - керамика, стекло, изразцы, черепица, обожженный кирпич, метал, нумизматический материал.

В среде исследователей существуют различные суждения относительно времени строительства храма Килседаг. Например, одна категория считает, что храм был построен в VIII веке и функционировал до XI-XII веков (Xəlilov, 2011, s. 156). Другие исследователи относят его к I векам (Ахундов, 1986). Часть исследователей определяет его строительство зодчими позднеантичного периода не позднее III в. (Мамедова, 2004, с.65). Однако, проведенные нами исследования последних трех лет значительно изменили хронологический диапазон относительно данного поселения. Исследования комплекса Килседаг продолжаются и новые данные будут представлены авторами в последующих публикациях.

Целью данной статьи является исследование средневековой поливной керамики с храмового комплекса Килседаг, выявленной в результате археологических раскопок 2022-2024-х годов.

Средневековая поливная керамика Килседага изготовлена на гончарном круге из хорошо промешанной, отмученной высококачественной глины, имеет равномерный обжиг.

Рис.4. Вид с северо-востока на Храмовый комплекс Килседаг. Фото - съемка с дрона 2022 г. Фото Н.А. Алышова.

Fig.4. View of the temple complex of Kilsedagh from the north-east. Photo - drone shot 2022. Photo by N.A. Alyshov.

Черепок изделий плотный в изломе имеет красновато-коричневый цвет. Все образцы были изготовлены местными гончарами и относятся к разным хронологическим периодам.

Обобщая исследуемый материал, мы выделили две хронологические группы: раннюю, датируемую VIII-X вв. и позднюю, датированную XI-XIII вв.

Как известно в конце VIII начале IX века в гончарном производстве Азербайджана применяется новшество, связанное с использованием ангоба, марганца и глазури. Глазурь изготовлялась из окиси свинца. Она увеличивала твердость черепка, лишала его гигроскопичности, придавала поверхности сосуда блеск (Ахмедов, 2003, с. 308).

Ранняя поливная керамика Азербайджана инкрустирована выдувным ангобом и покрыта зеленой глазурью. Глазурованная керамики Килседага, в основном представлена столовой посудой - чашами, тарелками и одноручными кувшинами типа бардаг.

Ранняя поливная керамика Килседага представлена единичными фрагментами. В этой категории интерес представляет керамика с росписью белым ангобом по черепку под свинцовой прозрачной глазурью, которая получила распространение в VIII-X вв. Композиционный сюжет, нанесенный белым ангобом на черепок, под прозрачной глазурью отчетливо выделялся на темном фоне. В этом аспекте интерес представляет керамика, украшенная росписью ангобом под бесцветной или светло-желтой глазурью. Популярным был декор из кружочков и дугообразных полос. Так, донную часть чаши, занимает композиция в виде дугообразных полос, которые расходятся от общего центра к стенкам (рис. 9: 1). При этом диаметр донной части составляет 8 см, а толщина стенки 0,5 см (Alışov, 2022). Подобные изображения были обнаружены на памятниках Азербайджана синхронного периода в Габале (Сельбир), Шамахе, Шабране, Бейлагане, Гяндже и Шамкире (Исмизаде, 1964).

К сожалению, выявленные на памятнике образцы поливной керамики второй хронологической группы относятся к изделиям XI-XIII вв. и в основном представлены небольшими фрагментами. Тем не менее, из обнаруженных образцов следует, что в большинстве они относятся к посуде открытого чашеобразного типа. Орнаментальные композиции невозможно проследить до конца. В общей катего-

Рис.5. Археологические раскопки храмового комплекса Килседаг в 2023 году.
Вид раскопок с северной части в квадратах C и D. Фото Н.А. Алышова.
Fig. 5. Archaeological excavations at the temple complex of Kilsedagh in 2023.
View of excavations from the northern part within quadrants C and D. Photo by N.A. Alyshov.

рии доминируют изображения с содержанием геометрического орнамента. Широко применялся белый ангоб. Глазурованная керамика XI-XIII вв. покрыта преимущественно зеленой, желтой и бесцветной глазурью. Фрагменты представляют собой части днища и корпуса изделий. Керамика их хорошо обожжена, довольно качественная. На некоторых изделиях растительные композиции используются редко и носят стилизованный характер в сочетании с геометрическим орнаментом. Реже встречаются смешанные, довольно сложные узоры. Из элементов геометрического узора особенно широкое распространение получили круги, овалы и полосы, треугольники, что является характерным признаком Ширванской керамики (Джафарова, 2009, с.259-261).

Статистическое исследование керамического комплекса XI века указывает на определенные приемы декора изделий. В данном аспекте показательным является фрагмент днища и часть корпуса изделия чашеобразного типа, характерного для X-XI вв. Внутренняя поверхность, которого разделена на лучеобразные внутренние сектора с коричневой окраской по белому ангобу (рис. 9: 2). Фрагмент с диаметром днища 7,5 см, и толщиной стенки 0,5 см (Alışov, 2023). Подобные образцы были найдены при раскопках Шабрана и Габалы. В этой же категории нами выделен фрагмент с несколько другой направленностью сюжетной линии. В текущем полевом сезоне подобные фрагменты сочетают изображение квадратов с довольно тонким бортиком (рис. 9: 3). На некоторых фрагментах наблюдаем наличие дополнительных элементов декора, напоминающих растительные мотивы. Подобные сюжетные композиции известны из городищ Габалы и Шабрана.

Некоторые фрагменты Килседага содержат элементы растекшейся глазури (рис. 9: 4). Внутренняя поверхность ее украшена схематическими рисунками в виде круга зеленоватого цвета на коричневой поливе (Alışov, 2023). Подобные изделия датируются IX-X веками и характерны для исследуемого региона.

В общей категории изделий более позднего периода можно выделить несколько направлений.

В начале XI-XIII веков группа сосудов, изготовленных массово, также покрывалась графической или гравюрной техникой (ангобное покрытие) и преимущественно только одной зеленой глазурью (Ахмедов, 2003). Узоры этих сосудов представляют собой лентообразные линии, пронзительные узоры,

Рис.6. Храмовый комплекс Килседаг. Общий вид раскопа с центральной части.
Фото - съемка с дрона 2023 г. Фото Н.А. Алышова.
Fig. 6. Temple complex of Kilsedagh. General view of the excavation site from the central part.
Photo - drone shot 2023. Photo by N.A. Alyshov.

расходящиеся от центра в виде радиального деления. В декоре глазурованной керамики Килседага широко используется элемент узора, состоящий из геометрических фигур. В этом аспекте доминируют треугольники, ромбы и линии. Учитывая размер фрагментов, можно сказать, что они относятся к сосудам небольшого объема.

Известно, что вся глазурованная керамика из раскопок средневекового городища Габала изготовлена из глины красного цвета обжига. Показателен фрагмент чаши с кольцевым поддоном. Орнамент состоит из чередующихся полосок, нанесенных зеленой, светло и темно-коричневой поливой, характерный для изделий IX-XIII вв. Чаши с такой декорировкой первоначально делились на сегменты или диагонали техникой «в резерве» а затем раскрашивались зеленым, коричневым и темным цветом на фоне кремового ангоба под бесцветной глазурью. Каждый цвет разделяют тонкие прорезные линии. При этом выделяется чередование полос различной ширины, предусмотрено четкое чередование толстых и тонких полос с учетом повторяющейся цветовой гаммы (рис. 10: 1). На поливе имеются едва заметные волнистые узоры. Внешний диаметр днища составляет 12 см, внутренний 7 см, толщина стенки 1 см (Alışov, 2023). Похожий мотив характерен для керамики Габалы IX-XI вв. (Исмизаде, 1964).

Выделяется сюжетная линия днища изделия чашеобразного типа и части корпуса с диаметром днища 8 см, и толщиной стенки 0,5 см. На внутренней поверхности по ангобу нанесены схематические рисунки коричнево-зелеными красками. Прорисовывается треугольное обрамление, овалы и круги, в которых вероятно сочеталась растительно-геометрическая композиция (рис.10: 2). Характерная орнаментация присуща Ширванской керамике XI-XII вв. (Джафарова, 2009, с.258).

Большинство исследуемых фрагментов представлены донышком и частью корпуса чаш. Четкий рисунок выполнялся в стандартной гамме цветов с двухцветной раскраской. Внутренняя поверхность их покрыта глазурью зеленоватого и коричневого цвета по облицовке ангобом (рис.10: 3). Они различаются лишь толщиной стенок изделия. В целом поливная керамика покрыта коричневой поливой с изображением кругов и схематических рисунков зеленого цвета (Alışov, 2023).

Поливная керамика текущего полевого сезона, представлена фрагментами изделий XI-XIII веков. Они состоят из части корпу-

Рис.7. Храмовый комплекс Килседаг. Вид раскопа 2024 года с северной части в квадратах E и F. Фото авторов.
Fig. 7. Temple complex of Kilsedagh. View of the 2024 excavation from the northern part within quadrants E and F. Photo by the authors.

са и краев горловины глазурованного сосуда чашеобразного типа. Все изображения четкие. Под ангобом проработаны светлые желтоватые, темно-коричневые и зеленоватые цвета, разделены тонкими линиями. Длина его 9,3 см, ширина 1,5, толщина стенки 0,7 см (рис.10: 4) (Alışov, 2023). Доминирует геометрический орнамент в виде треугольников, ромбов, диагонали, точек. Однако наблюдаем и присутствие растительного элемента в виде зеленых, желтых и коричневых завитков имитирующих сплетение ветвей (рис. 10: 5). Показательным является фрагмент тулова сосуда чашеобразного типа, инкрустированного внутренней глазурью. Длина 4,5 см, ширина 3,5 см, толщина стенки 0,5 см (Alışov, 2023). В декоре пользовались зелеными и розовыми линиями и инкрустирован марганцем. Исследуемые типы поливной керамики характерны для Ширванской керамики XI-XIII веков.

В общей категории поливной керамики показателен маленький фрагмент части ручки кувшина XI-XIII вв. Фрагмент ручки покрыт однотонной светло- зеленой поливой (рис. 10: 6). Вероятно, он принадлежал поливному кувшину типа бардаг. У части скрепления ручки, ближе к горловине имелось круглое выпуклое крепление в виде пуговки, также покрытое зеленой поливой. Такие полихромные одноручные кувшины синхронного периода исследованы нами на поселении Сандыгтепе I (Губинский район).

Глазурованные полихромные изделия XII-начала XIII вв. представлены фрагментами, украшенными гравировкой и полихромной раскраской под бесцветной, прозрачной поливой. Они как правило составляют доминантную группу. Показателен фрагмент днища с геометрическим орнаментом радиального построения, выполненный гравировкой темно- желтой и зеленой поливой (рис. 10: 7). Изображение геометрической направленности напоминает треугольное обрамление, внутри которого расположен цветок.

Примечательно, что фон большинства изделий XII-XIII веков украшен сочетанием растительного орнамента с геометрическим. В этом аспекте выделяется фрагмент с изображением тонкими гравированными линиями. На фрагменте сохранилось изображение ромба, точек, сгруппированных по три на светлом фоне. Внешняя поверхность горизонтально отогнутого бортика сохранила изображение фигур в форме цветных треугольников, светло-зеленого и желтого цветов и марганцевых полос между ними, обрамленных темно-коричневыми тонкими линиями (рис.10: 8).

На других фрагментах синхронного периода сохранились растительные завитки и ради-

Рис. 8. Храмовый комплекс Килседаг. Общий вид раскопа с центральной части. Фото - съемка с дрона 2024 г. Фото авторов.
Fig. 8. Temple complex of Kilsedagh. General view of the excavation site from the central part. Photo - drone shot 2024. Photo by the authors.

ально расположенные линии, некоторые из них, являются частью более сложной композиции (рис. 10: 9). Хотя чисто растительные узоры используются редко, носят стилизованный характер в основном сочетаются с геометрическим орнаментом. Среди них выделяется фрагмент поливной тарелки, у которой внутренняя поверхность и горизонтальная боковая часть покрыты глазурью (рис. 10: 10). В росписи использовались коричневый, желтый, светло-зеленый и зеленый цвета. Две параллельные коричневые линии разделяют на сектора поверхность зеленой и светло-зеленой частей внутренней поверхности изделия. Интересен обломок поливной керамики открытой формы с бортиками, характерный для изделий домонгольского периода (XI-XIII вв.). Красочное сочетание геометрических фигур, переплетение прямых и поперечных линий, точечное и сетчатое обрамление часто покрывало всю внутреннюю часть изделий. При этом горизонтально отогнутые бортики украшались врезными треугольниками светло-зеленого и желтого цвета, обращенными вершинами вниз (рис. 10: 11). Они расположены параллельно с определенным интервалом и обрамлены линией коричневого цвета. В некоторых углах небрежно отмечены марганцевые коричневые пятна и точки. Подобная орнаментация часто встречается на изделиях синхронного периода Ширванской керамической школы (Джафарова, 2009, с.260-262).

Иногда встречаются смешанные, довольно сложные узоры. Подобные изображения были обнаружены и на других средневековых памятниках Азербайджана, в том числе на поселении Сельбир в Габале, в средневековых городах Шамаха, Шабран, Бейлаган, Гянджа и Шамкир (Ахмедов, 2003; Джафарова, 2011, с.170). Отметим, что подобные изображения содержат в центре зооморфные изображения в виде птиц или животных. Примечательно, что сюжетная композиция с орнитоморфным изображением представлена из Килседага в единичном экземпляре. В этом аспекте показательным является фрагмент полихромной чаши растительно-геометрического орнамента с изображением птицы (рис. 10: 13). Композиция птицы с гордо приподнятой головой занимает доминантное положение в центре изделия. На рисунке хорошо видны контуры птицы, голова, детали тела и оперение, переданное сплошным светло-коричневым покрытием. Обращает на себя

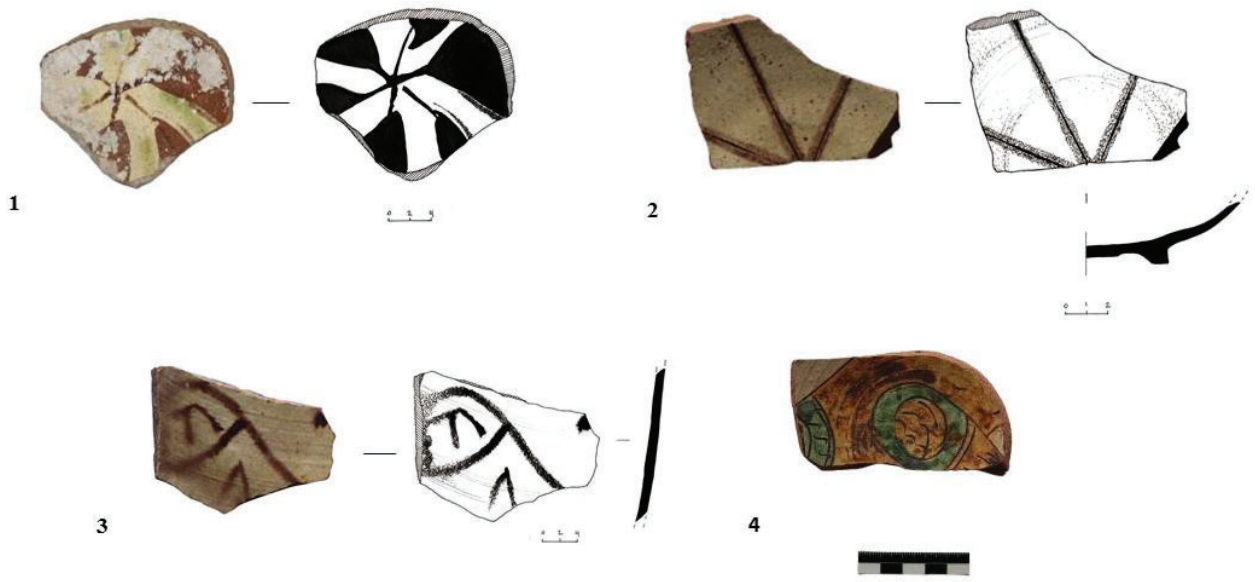

Рис.9. Поливная керамика из храмового комплекса Килседаг раннего периода. Графическое изображение. Художник Сеймур Фарманлы.
Fig.9. Glazed pottery from the temple complex of Kilsedagh of the early period. Graphic representation. Artist: Seymur Farmanly.

внимание способ изображения головы птицы и ее оперение. Врезная линия с растительной орнаментацией соединяется в районе головы птицы. Фон изображения украшен элементами растительного орнамента «ислими». Вокруг изображения птицы, зеленой поливой нанесены растительные элементы в виде скрученных завитков. Полихромная чаша покрыта желтой, зеленой поливой с подглазурной бесцветной росписью. Марганцевое обрамление с тремя черными точками, сгруппированными по три. Фрагмент принадлежит блюду среднего размера шириной 15 см, длиной 25 см при этом общая высота его составляет 8 см. Донышко кольцевидной формы с диаметром 10,5 см. Толщина стенки чаши в пределах от 0,5 см до 1 см. Поддон слегка приподнятый толщиной 2,3 см, донышко несколько высокое. Похожие аналогии встречаем из синхронных памятников XI-XIII вв. Бейлагана и городища Бяндован. Стилистическое сочетание встречается и на изделиях Габалы. Данный орнамент характерен для Ширванской керамики (Джафарова, 2009, с.260-261). Следует отметить, что изображения с Килседага более характерны для средневекового городища Габала (Исмизаде, 1964, с.119,124). Проведенные нами исследования, указывают на принадлежность орнаментальной сюжетной линии Ширванской и Арранской керамических школ Азербайджана, синхронного периода.

Для Ширванской керамики XII и конца XIII веков характерны глазурованные изделия с клеймами на обратной стороне днища. В исследуемом нами памятнике подобный тип встречается в единичном экземпляре. Представленный фрагмент днища покрыт бесцветной глазурью. В центре сохранилась геометрическая композиция с радиальным делением на сектора в виде треугольников. В каждом треугольном секторе на определенном расстоянии располагались изображения полукругов в темном обрамлении, нанесенных зеленой поливой, а также темных точек (рис. 10: 12). Обращает на себя внимание тот факт, что все элементы нанесены с определенным интервалом. Примечательно, что клеймо отнесено в группу клейм с семантическим изображением. Оно оттиснуто специальным штампом-матрицей с диаметром 12 см, толщина стенки составляет 1,2 см (Alışov, 2022). Следует отметить, что похожие изображения встречаются на изделиях из Шамахи и Шабрана, как важный компонент Ширванской керамической школы. Из раскопок средневекового городища Габала исследованы изделия с клеймами различной семантической категории, однако изображение подобного типа не встречается.

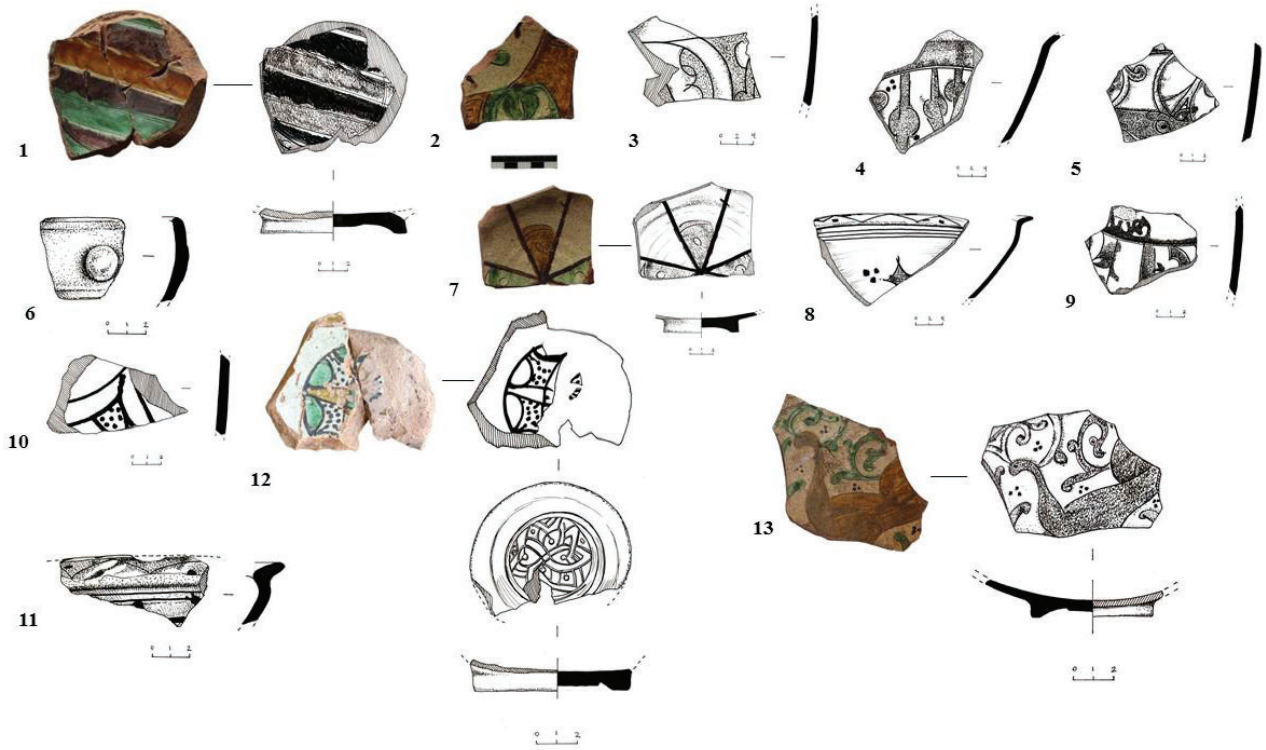

Рис.10. Поливная керамика из храмового комплекса Килседаг позднего периода
Графическое изображение. Художник Сеймур Фарманлы.
Fig.10. Glazed pottery from the temple complex of Kilsedagh of the late period.
Graphic representation. Artist: Seymur Farmanly.

Проведенные нами археологические исследования на территории храмового комплекса Килседаг создают, не только широкие возможности для изучения религиозных и культурных процессов в Кавказской Албании, но и позволяют определить этапы формирования средневековой городской культуры в период существования государства Ширваншахов.

Считаем, что последующие археологические исследования вокруг храмового комплекса Килсадаг, позволят раскрыть архитектурно-планировочную структуру поселения и создадут возможность определить более точную датировку раннего культурного слоя памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов Г.М. Азербайджан в IX–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 367–388.

Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азербайджанское Государственное изд-во, 1986. 309 с.

Ваидов Р.М., Гулиев Н.М. Нововыявленный храм на горе Килисадаг // Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку: Элм, 1972.С. 31–32.

Джафарова Э. Изображения на художественной керамике Ширвана (IX-XIII вв.) // Azərbaycan Tarixi Muzeyi. 2009. С. 258–268.

Джафарова, Э.Б. Растительный орнамент на керамике средневековых городов Ширвана // Вестник Бакинского Университета, серия гуманитарных наук. 2011. № 1. С. 170–176.

Исмизаде О.Ш. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // Материальная культура Азербайджана. Т. V. Баку: АН Аз. ССР, 1964. С. 68–130.

Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: Çaşioğlu, 2004. 224 с.

Alışov N.A. Qafqaz Albaniyası xristian abidələrinin arxeoloji tədqiqi ekspedisiyasının Qəbələ rayonu Kilsədağ məbəd kompleksində apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı // AMEA Arxeologiya və Antropologiya İnstitututnun Elmi Arxivi H-1034. 2022.

Alışov N.A. Qafqaz Albaniyası xristian abidələrinin arxeoloji tədqiqi ekspedisiyasının Qəbələ rayonu Kilsədağ məbəd kompleksində apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı // AMEA Arxeologiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi H-1059. 2023.

Vahidov R.M., Quliyev N.M. 1971-ci ildə Kilsə dağında (Qutqaşen rayonu) aparılan arxeoloji qazıntı işlərin hesabatı. // AMEA Arxeologiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi H-146. 1971.

Vahidov R.M., Quliyev N.M. Kilsə dağında arxeoloji qazıntılar // 1971-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar.1972. Bakı:Elm, S.19-21.

Xəlilov M.C. Albaniyanın xristian abidələri (IV-X əsrlər). Bakı:"AFPoliqrAF" mətbəəsi, 2011. 341 s.

Информация об авторах:

Алышов Натиг Абульфет оглу, доктор философии по истории (к. и. н.), доцент, археолог, зав. отделом, Институт Археологии и Антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку, Азербайджан); alishov-natiq@mail.ru, alishov1982natiq@qmail.com

Джафарова Эльмира Багадыр гызы, доктор философии по истории (к. и. н.), доцент, археолог, ведущий научный сотрудник, Институт Археологии и Антропологии Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку, Азербайджан); shirvan_baki@mail.ru

REFERENCES

Akhmedov, G. M. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka (Archaeology. Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasia in the Middle Ages. 4th –13th Centuries)*. Series: Archaeology. Moscow: "Nauka" Publ., 367–388 (in Russian).

Akhunov, D. A. 1986. *Arkhitektura drevnego i rannesrednevekovogo Azerbaydzhana (Architecture of ancient and early medieval Azerbaijan).* Baku: "Azerbaydzhanskoe Gosudarstvennoe izd-vo" Publ. (in Russian).

Vaidov, R. M., Guliev, N. M. 1972. In *Materialy k sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1971 g. v SSSR. Tezisy dokladov arkheologov i etnografov Azerbaydzhanskoy SSR (Materials for the session dedicated to the results of field archaeological and ethnographic research in 1971 in the USSR. Abstracts of papers by archaeologists and ethnographers of the Azerbaijan SSR).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Dzhafarova, E. 2009. In *Azərbaycan Tarixi Muzeyi*. 258-268 (In Russian).

Djafarova, E. B. 2011. In *Vestnik Bakinskogo Universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk (Bulletin of Baku State University. Series: Humanities)* 1, 170–176 (in Russian).

Ismizade, O.Sh. 1964. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* Vol. V. Baku: Academy of Sciences of the AzSSR Publ., Publ., 68–130 (in Russian).

Mamedova, G. G. 2004. *Zodchestvo Kavkazskoy Albanii (Architecture of Caucasian Albania).* Baku: "Çaşioğlu" Publ. (in Russian).

Alışov, N. A. 2022. *Qafqaz Albaniyası xristian abidələrinin arxeoloji tədqiqi ekspedisiyasının Qəbələ rayonu Kilsədağ məbəd kompleksində apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı.* In Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Antropologiya İnstitututnun Elmi Arxivi H-1034. Baku. 1-52 (in Azerbaijani).

Alışov, N.A. 2023. *Qafqaz Albaniyası xristian abidələrinin arxeoloji tədqiqi ekspedisiyasının Qəbələ rayonu Kilsədağ məbəd kompleksində apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı.* In Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi. H-1059. Baku. 1-52 (in Azerbaijani).

Vahidov, R. M., Quliyev, N. M. *1971-ci ildə Kilsə dağında (Qutqaşen rayonu) aparılan arxeoloji qazıntı işlərin hesabatı.* In Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi. H-146. Baku. 1-24 (in Azerbaijani).

Vahidov, R. M., Quliyev, N. M. *1972. Kilsə dağında arxeoloji qazıntılar.* In1971-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar. Baku:Elm Publ., 19-21 (in Azerbaijani).

Xəlilov, M. C. 2011. *Albaniyanın xristian abidələri (IV-X əsrlər).* Baku:"AFPoliqrAF" Publ. (in Azerbaijani).

About the Authors:

Alishov Natig A. Doctor of Philosophy in History (PhD in history), associate professor, archaeologist, head of department, Institute of Archaeology and Anthropology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Jafarova Elmira B. Doctor of Philosophy in History (PhD in history), associate professor, archaeologist, leading researcher, Institute of Archaeology and Anthropology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.904 (574) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.187.198

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОГО ПЕРИОДА (МОНГОЛИЯ И АЛТАЙ)

©2025 г. Н. Богенбаев, С. Кентбек, Т. Молдабай, Н. Смагулов, А. Жалмырза

В статье рассматриваются материальная и духовная культура древних тюрков на основе археологических памятников – каменных изваяний, ритуальных оградок, курганов, петроглифов и этнографических данных, относящихся к эпохе Тюркского каганата. Авторы статьи провели научный анализ ритуальных комплексов и строительных компонентов, возведенных для правящих каганов династии Ашина в степях Монголии, в центре Восточно-тюркского каганата. В частности, авторы дают пояснение касательно археологических артефактов, найденных в тюркских курганах, таких как посуда, оружие, монеты и одежда. Вместе с этим, дается характеристика иконографическому и стилистическому характеру оформления каменных изваяний, их социокультурным аспектам. Охвачены также исследования ритуальных комплексов «Номгон-2» и «Шивээт улаан», в археологических раскопках которых принимал участие один из авторов статьи.

Ключевые слова: археология, древние тюрки, культура, археология, этнология, курганы, оградки, ритуальный комплекс, каменное изваяние.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF TURKIC PERIOD ARCHAEOLOGICAL SITES (MONGOLIA AND ALTAI)

N. Bogenbaev, S. Kentbek, T. Moldabai, N. Smagulov, A. Zhalmyrza

The article examines the material and spiritual culture of the ancient Turks, based on archaeological monuments such as stone statues, ritual fences, barrows, petroglyphs, and ethnographic data dating back to the era of the Turkic Khaganate. The authors conducted a scientific analysis of ritual complexes and structural components erected for the ruling khagans of the Ashina dynasty in the Mongolian steppes, at the centre of the Eastern Turkic Khaganate. They provide explanations regarding archaeological artifacts found in Turkic barrows, including pottery, weapons, coins, and clothing. Additionally, the article characterizes the iconographic and stylistic features of stone statues and explores their social and cultural aspects. The research also covers the Nomgon-2 and Shiveet Ulaan ritual complexes, which were excavated by one of the authors.

Keywords: archaeology, ancient Turks, culture, archaeology, ethnology, barrows, fences, ritual complex, stone statue.

Тюрки за длительный период времени не только создали на евразийском пространстве мощное государство, сформировали собственную культуру, но и внесли значительный вклад в развитие духовных ценностей сопредельных народов и в мировую цивилизацию. Свидетельством высокой, развитой тюркской культуры стали найденные во всех регионах Великой Степи курганы, важнейшие артефакты цивилизации – орхонские, енисейские, таласские надписи, образцы уникального изобразительного искусства: настенные фрески, петроглифы, наскальные тамги. Эти удивительные произведения древнего искусства встречаются повсеместно в Монголии, Тыве, Алтае, Хакасии, Восточном Туркестане, Казахстане, Кыргызстане, а также в регионах Восточной Европы и Северного Кавказа, ныне населенных тюркскими народами. Обнаруженные на месте археологических раскопок предметы культуры других народов, такие как византийские монеты, китайский шелк, иранская посуда, подтверждают тесные торгово-экономические, политико-дипломатические связи Тюркского каганата с соседними странами и культурный вклад тюрков в человеческую цивилизацию.

Наиболее примечательными памятниками, характерными для тюркской эпохи, являются ритуальные комплексы. В зависимости от социального положения покойного человека, они делятся на «элитные» (*аристократические*) и «простые». «Простые» в форме квадрата обложены по периметру камнями, с восточной стороны иногда установлена статуя, изображающая человека. В ходе раскопок часто обнаруживаются останки жертвенных животных и различная посуда. Мемори-

альные сооружения для правителей каганата ограждены орнаментированными каменными плитами, на территории комплексов установлены статуи людей и животных, с надписями. Основное содержание надписей на письменном памятнике посвящено внутренним и внешним политическим событиям, общественной жизни государства, этнической истории и непрерывным военным походам, совершенным на пути к созданию государства.

В Хангайском, Хэнтэйском, Гобийском аймаках Монголии, на территории которых некогда располагался центр Тюркского каганата, сохранилось около 100 ритуальных комплексов, посвященных каганам и тюркским правителям (Идэрхангай, 2017, с. 194). Эти поминальные сооружения были построены в честь выдающихся личностей, таких как Татпар-каган, Кули-чор, Кюль-тегин, Билге-каган, Тоньюкук, оставивших заметный след в истории тюрков. Кроме того, для выходцев из правящих тюркских родов были возведены комплексы Шивэт улан, Хаяа худаг, Номгон (Монголия), Сарыг Булын (Тыва), Елеке сазы, Сарыкольский храм (Восточный Казахстан), а также Улан Худаг-I, Бугана Үзуур-I и II, Баян Булаг-II, Хар Узуур-I, Харганат-II и Бийрег, обнаруженные в регионах, относящихся к Монгольскому Алтаю.

Среди перечисленных сооружений наиболее известен мемориально-ритуальный комплекс Кюль-тегина. Торжественное открытие этого архитектурного памятника, построенного старшим братом Бильге-каганом для умершего 27 февраля 731 года Кюль-тегина, состоялось в августе 732 года. Растянувшаяся по длине с востока на запад площадка комплекса снаружи окружена рвом и огорожена стенами из глиняного кирпича размером 67,25×28,35 м. Внутри комплекса проходит ритуальная дорога, по обеим сторонам которой, в соответствии с тюркскими традициями, установлены статуи в виде сидящих и стоящих людей, а на каменных плитах выбиты надписи о славных деяниях умершего и о состоянии государства. В 8 м на запад от входа находится камень с рельефом дракона с арочным навершием, установленный на постаменте-черепахе. Вверху выгравирован знак-тамга «горного козла» династии Ашина. С давних времен горный козел (таутеке) считался важнейшим источником пропитания

Рис. 1. Золотая корона кагана.
Поминальный комплекс «Билге кагана». (Базылхан Н.)
Fig. 1. Golden crown of the Khagan.
Memorial complex of Bilge Khagan. (N. Bazylkhan)

для тюркских племен, поэтому его изображение в изобилии можно встретить на скальных поверхностях. Он также стал символической тамгой на памятнике Кюль-тегина.

Архитектурное строение ритуального комплекса Бильге-кагана, каменные статуи и коллекция найденных в ходе раскопок артефактов (золотая корона, серебряные пояса, статуи животных) характеризуют богатую и развитую культуру эпохи Восточного-тюркского каганата (Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003, с. 75–83) (рис. 1). В целом комплекс состоит из ритуальной дороги, центрального храма-барыка, ритуального алтаря для жертвоприношений и целого ряда балбалов на восточной стороне.

В центре комплекса площадью 13×13 м, в храме-барыке, расположенном на фундаменте 10,25×10,25 м, найдены фрагменты статуи Кюль-тегина и обломки статуи, изображавшей его жену (катун). Также на стенах храма обнаружены фрагменты фресок. Гранитный ритуальный алтарь для жертвоприношений находится на западной стороне комплекса.

Одним из новых поминальных мемориалов, сходных по всем признакам с комплексами Бильге-кагана и Кюль-тегина, является ритуальный комплекс Номгон-2, обнаруженный в Архангайском аймаке Монголии. Считается, что это сооружение было построено для Кутлука Элтериса, возродившего Тюркский каганат в 682–692 гг. Комплекс имеет сложную структуру, состоит из площади, внешне-

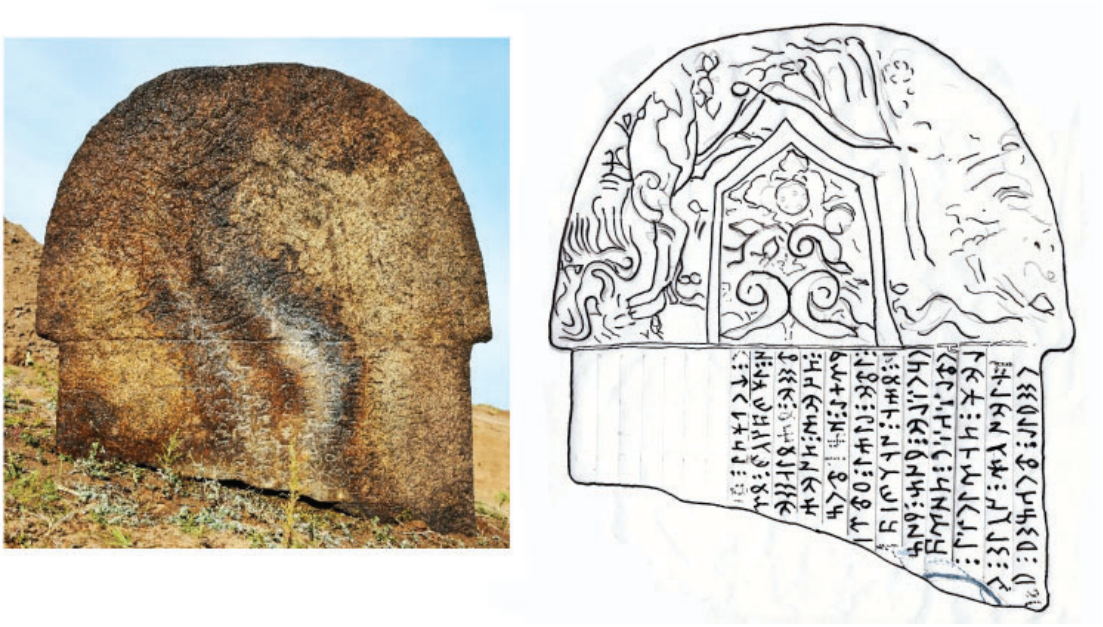

Рис. 2. «Номгон-2» Часть древнетюркских надписей стороны - II. (Базылхан Н.)
Fig. 2. "Nomgon-2" Part of the ancient Turkic inscriptions of the side - II. (N. Bazylkhan)

го ограждения, стен, замков, ворот. С запада на восток вокруг комплекса вырыта траншея, из грунта которой насыпан вал, что превращает сооружение в защищенный замок. На западной стороне комплекса находится алтарь в виде большого четырехугольного камня с выемкой в центре. Такой же алтарь имеется и в комплексах Кюль-тегина и Бильге-кагана. На территории ритуального сооружения сохранились упавшие с верхней части барыка (молитвенного дома, храма) обломки керамики (черепица) и земляная насыпь. Стены барыка уплотнены грунтом, снаружи оштукатурены известью. Очень прочное керамическое покрытие крыши барыка было создано методом обжига из чистой глины. Извлеченные из пола кирпичи свидетельствуют о том, что барык был когда-то ограблен. Кирпичи были изготовлены из смеси местного гравия и также обжигались в специальных формах. Длина сохранившихся кирпичей составляет 33 см, ширина – 17,5 см, толщина – 6,8 см.

С западной стороны барыка была обнаружена голова и нижняя часть статуи кагана, первоначально находившаяся внутри храма-барыка. Позже грабители, разрушив здание, вынесли статую и оставили ее снаружи на западной стороне. Каган изображен сидящим, скрестив ноги (молдас құру). Часть статуи выше пояса сломана, левая рука положена на колено. На головной части статуи кагана изображен головной убор с пятигранной короной, аналогичный короне на статуе Кюль-тегина. В непосредственной близости от ворот комплекса была найдена верхняя часть крупного битиктаса (рис. 2). Площадь сохранившегося фрагмента – 70x74,5 см, ширина – 19 см. На каждой грани битиктаса выгравированы надписи на древнетюркском, согдийском и брахми.

Кроме этого, был обнаружен постамент-черепаха битиктаса с отломленной головой. Вероятно, камень изначально был установлен на этой сохранившейся в первозданном виде подставке, обращенной на восток. Разбита только верхняя часть памятника. В верхней части панциря черепахи имеется специальный паз для установки битиктаса. Длина сооружения – 97,5, высота – 41 см, ширина – 73 см (Кыдырали, Энхтур, Базылхан, Богенбаев, Буянхишиг, Батболд, 2023, с. 236).

На территории комплекса находятся статуи людей, львов, овец, алтарный камень с углублением посередине. На восточной стороне установлены более 50 балбалов, на девяти из которых выгравирован символ-тамга каганов «таутеке» (горный козел).

Одним из крупнейших памятников этого периода является ритуальный комплекс Шивэт улан. Помимо скульптур человека и животных (рис. 3) на территории сооружения сохранился «Мәңгі тас» (Вечный камень) с родовыми символами-тамгами более 60 тюркских племен (Қыдырәлі, 2018, 78 б.)

Рис. 3. Каменная изваяние сидячего льва. Ритуальный комплекс «Шивээт улаан. Монголия, Булганский аймак (Н.Богенбаев).
Fig. 3. Stone statue of a sitting lion. Ritual complex of Shiveet Ulaan. Mongolia, Bulgan aimag (N. Bogenbaev).

(рис. 4). Большинство символов-тамги на «Мәңгі тасе» соответствуют знакам тюркских племен в период правления основателя Второго Тюркского каганата Элтериса Кутлука: ашина, ашида, басмил, бугы, едиз, хазар, карлук, кей, кыргыз, кидан (кара китай), кун, огуз (баяндур, эймур, игдыр, языр), сыр (кипчак), тонра, тюргеш, уйгур, яглакар и других (Войтов, 1996, с. 88., Қыдырәлі, Бабаяр, 2015, с. 150). В западной части комплекса расположен храм восьмиугольной каменной кладки с куполом, что не типично для традиций того времени, когда молельня выглядела как узорчатый саркофаг или просто каменная плита. Длина каждой грани храма составляла 7 м, высота – 4 м. Деревянные лаги, поддерживающие купол, уложены между стенами через каждые 50–60 см.

Наряду с культовыми сооружениями, эти ритуальные комплексы имеют большое значение для системного изучения религиозной идеологии древних тюрков. Каменные купольные мавзолеи Козы-Корпеш – Баян-Сулу, Домбаула и других в казахской степи в IX–XIII столетий признаны передовыми образцами вышеупомянутых архитектурных творений.

В ритуальных комплексах этого периода в большинстве случаев встречаются места жертвоприношений овец и лошадей, а также считавшимися священными остатки кострищ. В этих местах в честь усопшего устраивали поминки (ас беру) и скачки (байга) на лошадях (Евтюхова, 1952, с. 72). Примером может послужить найденная при изучении мемориального комплекса Бильге-кагана целая кость принесенного в жертву барана и места ритуальных церемоний, обнаруженные в разных частях Евразии (Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003, с. 75-83).

У тюрков было несколько видов погребальных обычаев. Например, в курганах, найден-

Рис. 4. «Мәңгі тас» (Вечный камень) с родовыми символами-тамгами.
Поминалный комплекс Шивээт -улаан. Н.Базылхан
Fig. 4. "Mangi tas" (Eternal stone) with with clan symbols (tamgas).
Memorial complex of Shiveet-Ulaan. N. Bazylkhan

ных на прилегающей к Монголии территории Горного Алтая, Тывы, Хакасии, Казахстана сохранились виды курганов, где вместе с предметами быта были погребены или захоронены лошади (чаще всего две-три) и совершались обряды сжигания (Овчинникова, 1990).

Курганы обычно представляют собой небольшой холм, засыпанный грунтом и обложенный поверху камнями. От памятников предыдущих эпох (сакской, гуннской, усуньской) они отличаются погребальной традицией и предметным наполнением архитектурной среды (Киселев, 1951, с. 519). Прежде тело усопшего при захоронении располагали головой на запад, а в эпоху тюрков стали укладывать лицом на север (Қазақстан тарихы, 2010, с. 362). В этих курганах часто встречаются человеческие кости, кости лошадей и овец, оружие и посуда. Найденные сосуды имеют вертикальную горловину с двумя выступающими сторонами, загнутыми краями. Такие сосуды часто использовались в быту средневековых тюрков (Кубарев, 1984, с. 34). Изображения такой посуды также распространены в каменных скульптурах на территории Монголии, Алтая, Казахстана (Досымбаева, 2007, с. 44).

Часть курганов, относящихся к тюркской эпохе, составляют памятники кудыргинского периода. Внутри этих захоронений сохранился инвентарь, характерный для предшествующих эпох. Иногда можно обнаружить и предметы, относящиеся к булан-кобинской культуре (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 91). В то же время все чаще встречаются новые виды мечей, лошадиной упряжи, узорчатых седельных луков, удил, подпруг, каплевидных серег и подвесок (серег-шандельеров).

Также к периоду первого Тюркского каганата относятся курганы Катанды, Боратал, Тыткескен, Балык-Соок, Большой Жоламан, Кара-Коба, Ак-Кобы, Барбургазы, Курай и др. В них часто встречаются образцы односторонних или обоюдоострых мечей и айбалты (боевые топоры), свидетельствующие о повсеместном применении тюрками тяжелых видов оружия (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 91). В этот период создавались стремена в форме сердца, удила в форме цифры 8 и S-образные подпруги (Тишкин, 2006, с. 35). Подобные экземпляры конской упряжи встречаются и в Арбанском чаатасе, Улуг-Хоруме в Туве, Минусинской котловине (Грач, 1982, с. 156), Крохалевском кургане в Новосибирске (Троицкая, Новиков, 1998, с. 152), в некрополях Горного Алтая (Гричан, Плотников, 1999, с. 77). В погребальном обряде катандинского периода сохранились характерные для предшествующих периодов традиции погребения с одной или несколькими лошадьми. К таким погребальным памятникам можно отнести и курганы, обнаруженные в Южной Сибири, на Алтае, в Тыве, Минусинских котловинах. Ученые утверждают, что курганы с лошадьми в Монголии принадлежат тюркам, на Алтае - племенам теле, а захоронения в Минусинской котловине – кыргызам (Савинов, 1984, с. 47). Кроме того, сохранилось несколько типов курганов, свидетельствующих о существовании у тюрков ритуала кремации (Нечаева, 1966, с. 140-142).

Отдельную группу в материальной культуре тюркской эпохи составляют каменные изваяния. Помимо ритуальных комплексов, изваяния часто встречаются в долинах крупных рек с благодатной природой. Каменные статуи этого периода всегда изображаются в боевом облачении: с мечами, кинжалами, поясами, доспехами. На художественно вырезанных изваяниях представлены характерные для использования знатью предметы одежды, скипетры, посуда. Скульптуры, посвященные каганам, бекам, героям, являются вершиной мастерства и отражают величие представленных людей (Досымбаева, 2007, с. 44). В ритуальном комплексе Шивэт улан сохранилась группа каменных изваяний, изображающих представителей разных групп общества. Мастер-скульптор передал образы людей, учитывая их этнические, социальные и возрастные особенности. В частности, реалистично и художественно переданы типичные для аристократии образцы одежды, атрибуты (скипетр в руке, ритуальный сосуд), иконографический стиль. Изображение готовой к полету птицы высечено на передней части головного убора, найденной на территории этого комплекса мужской статуи. Лицевая часть головы статуи передает образ благородного кагана (Bogenbayev, Calmirza, 2014, с. 75).

Если не принимать во внимание единичные женские статуи в мемориалах Кюль-тегина, Бильге-кагана и в комплексе Шивэт улан, то можно утверждать, что женские образы среди статуй периода Восточно-тюркского каганата встречаются редко. В типичном для тюрков искусстве ваяния частое присутствие мужских образов можно связать с военными походами. Каменные скульптуры этой эпохи обычно изображают погибших в бою людей. Факты из китайских летописей, свидетельствующих о том, что «у изголовья могил тюрков ставится каменный знак или статуя, на которой изображен образ усопшего и рассказывается о его героических подвигах при жизни», отражают патриотический дух тюрков (Бичурин, 1950, с. 230). Поэтому до сих пор многие тюркские каменные скульптуры широко почитаются в народе. У некоторых из них даже сохранились названия. К ним можно отнести статуи «Акташ» и «Кезер» в Кош-Агачском районе Республики Алтай (РФ), «Даян батыр», «Увшхай», «Ловх», «Лам чулуу» в Монголии, «Чингисхан» в Тыве (Кубарев, 1984).

Традиционные модели одежды и атрибуты аксессуаров, изображенные на скульптурах, отражают этнокультурную идентичность средневековых тюрков. Особый интерес представляют выбитые на одежде оригинальные узоры и иконографический стиль. Одним из украшений каменных фигур являются серьги, имеющие шаровидную форму или тупую вершину. Их аналогами стали ювелирные находки в курганах VII–VIII веков (Евтюхова, 1952, с. 105).

Рельефно вытесанный широкий воротник на статуях означает сшитую из ценного меха дорогую шубу. Гардероб тюрков в основном представляли зимние шубы, предназначенные для различных сезонов чапаны, чекмени, кебенеки (виды верхней мужской одежды). Все это создавалось с учетом природно-климатических условий и древних традиций. Для их изготовления использовались шкуры диких и

домашних животных, растительные волокна. Одежда запахивалась на правую сторону и подвязывалась поясом. Каганы и беки носили подбитый шелком дорогой наряд, иногда – позолоченные доспехи, шлемы. В письменных источниках сохранились сведения о золотом панцире и шлеме славного тюркского кагана Шаболио (Малявкин, 1989, с. 279). Жрецы и тарханы предпочитали одеяния с длинными рукавами, украшенные драгоценностями. Особо популярные до сих пор среди народа чапаны шились из различных видов шелковой ткани.

Каменные изваяния и курганы тюркской эпохи сохранили образцы таких головных уборов, как кулапара (платок, покрывавший голову снаружи для защиты от воды), тымак (мужская зимняя шапка), такия (летние круглые или квадратные шапочки, сшитые из плотной ткани). На тюркских скульптурах часто встречается вид невысокого тымака с загнутой вверх затылочной частью и двумя ушами (Евтюхова, 1952, с. 72-120). На головах трех человек, изображенных на каменной плите памятника Хул Асхат (Монголия), надеты тымаки с прикрывающей затылок задней частью, двумя опущенными по бокам ушами и слегка выступающей лобной частью. Один из головных уборов, многие годы существовавший у тюркских народов, нашел свое отражение в скульптурах ритуального комплекса Шивэт улан. Голова недавно обнаруженной в этом комплексе статуи позволяет представить этот удивительный средневековый убор. Передняя часть головного убора разделена на две части прямо посередине и представлена одним рельефом. Остальная часть полностью закрывает затылок и уши. На затылке шнур шириной 3 см натягивается с двух сторон и завязывается узел.

Брюки изготавливали из различных тканей и мягкой дубленой кожи. На стене каменного гроба в согдийском захоронении Аньцзян в городе Чанъанье тюркский правитель изображен в накидке с красным воротником и узкими рукавами, в красных штанах и черных сапогах (Сұңғатай, Еженханұлы, 2005, с. 37). Во время раскопок было обнаружено очень много кожаных и шерстяных штанов (История Сибири, 1968, с. 279). Брюки были компактными, их можно было заправить в сапоги. Сапоги делались без каблука, с мягким голенищем, тонкой подошвой и загнутым острым носком (Қазақстан тарихы, 2010, с. 365). Подобная обувь из мягкого черного войлока активно использовалась на Тибете и в Восточном Туркестане вплоть до недавних времен (Гумилев, 1994, с. 66). В курганах Кураин тал, Катанда такая обувь встречается в виде «войлочных носков» (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 32). В целом несмотря на то, что образцы обуви тюркской эпохи в захоронениях встречаются редко, изображения на каменных изваяниях дают нам полное представление о том, во что были обуты тюрки.

Еще одним немаловажным атрибутом традиционной тюркской одежды является комплект из поясов. В ритуальных захоронениях и древних каменных изваяниях, в настенных росписях евразийского пространства представлены различные формы этого важнейшего атрибута. Пояс сохранился как особенный элемент одежды с древнетюркской эпохи и до наших дней, так как он выполнял символическую функцию, демонстрируя богатство и авторитет человека. Украшенные в соответствии со стилем пояса носили каганы и военачальники различного социального уровня, жрецы (Сұңғатай, Еженханұлы, 2005, с. 37). Имеются сведения, что в 627 г., когда западно-тюркский каган Тун Шеху был обручен с китайской принцессой, он подарил императору золотую корону и золотой пояс, украшенный драгоценными камнями (Бичурин, 1950, с. 284). Видно, что дужки поясов на одежде людей, изображенных на афрасиабских фресках в зале для приема послов, выполнены из золота, а два язычка посередине пояса – из драгоценных материалов (Альбаум, 1975, с. 51).

Брюки шились из различных тканей и дубленой мягкой кожи. В городе Чанъань на согдийской могиле в Аньцзяне на каменной плите гроба тюркский правитель изображен в красном утепленном чапане с отложным воротником, обтягивающими рукавами, в красных брюках, на ногах черные сапоги закрывающие колени (Сұңғатай, Еженханұлы, 2005, 37). Вместе с тем, в изобилии встречаются меховые и шерстяные брюки, обнаруженные в ходе археологических раскопок (История Сибирии, 1968, с. 279). Штанины брюк были компактными и помещались внутри сапог. Сапоги были без каблуков, с мягкими голенищами, тонкой подошвой и острым носком (Қазақстан тарихы, 2010, с. 365). Подоб-

ные виды сапог из мягкого черного войлока использовались в Тибете и Восточном Туркестане до недавнего времени (Гумилев, 1994, с. 66). Подобные сапоги встречаются в курганах Курайн-тал, Катанда в виде «войлочных байпаков» (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 32). Хотя образцы обуви тюркской эпохи были редкостью в захоронениях, обувь, изображенная на каменных статуях, позволяет нам представить, какую форму имели тюркские сапоги.

Как правило, на поясах-ремнях подвешены сумочка-*каптарга*, точила, оружие. В тюркских курганах встречаются хорошо сохранившиеся сумочки-*каптарга*, сшитые из кожи и плотных тканей (Кубарев, 2008, с. 137). Чаще всего, они крепятся с правой стороны, реже - с обеих сторон. По форме сумочка-*каптарга* бывают круглые, полукруглые, иногда скошенные или трапециевидные. В такие карманы из кожи или плотной конопляной ткани помещали минеральные краски, зеркала, различные амулеты и дорогие предметы. В сумочка-*каптарга* из шелковой ткани, найденном в кургане Курай на Алтае, было обнаружено несколько кремниевых и железных огнив (Киселев, 1951, с. 541). Путешественник Гильом Рубрук в своих записях отметил, что сумочка-*каптарга*, в которые клали мелкие предметы, кипчаки называли «каптаргак» (Путешествие в восточные страны..., 1957, с. 96).

Тюрки, в основном, занимались разведением лошадей, верблюдов, коров, овец и коз. В летописи «Вэй шу» упоминается о том, что «у теле много лошадей, и, хотя они пасутся без присмотра далеко в степи, никто не прикасается к скоту, потому что у каждого рода есть своя тамга» (История Сибирии, 1968, с. 280). Основным транспортным средством тюрков была лошадь, но в хозяйстве в качестве дополнительного транспорта также активно использовались волы, быки, что продолжалось и у более поздних тюркских народов (Киселев, 1951, с. 279). Основное блюдо – мясо, напитки - молоко, айран, кумыс. В китайских летописях сохранилась информация об употреблении тюрками молочных продуктов, таких как кумыс и сыр. Наличие белесых остатков молока на дне кувшинов, найденных в тюркских захоронениях, подтверждают данные летописей. Курт, сыр, айран, кумыс считались наиболее удобными продуктами питания во время кочевок, охоты и войны. Ранние тюрки употребляли корни и семена растений, а также ячмень, пшеницу, овес и др. Археологи обнаружили поселения и стоянки тюркской эпохи, в которых люди вели оседлый образ жизни в регионах с благоприятными природными условиями, занимались земледелием и сельским хозяйством. Рядом с селом Катанды на Алтае в некрополе, датируемом VIII–IX веками, было обнаружено треугольное полотно лопаты, а в тюркском некрополе VI–X веков красиво выполненная ручная мельница (Қазақстан тарихы, 2010, с. 503). Кроме того, установлено наличие оросительной системы в долинах Курайской равнины, реки Урсул и реки Курота. Так как основным источником существования тюрков являлось животноводство, то джут-бескормица, вызывающий падеж скота, был самым страшным бедствием. Массовая гибель животных происходила в годы чумы или сильного холода. Во время голода тюрки измельчали в порошок собранные кости погибшего скота и употребляли в качестве пищи.

В то же время в горах, на равнинных пастбищах, в густых лесах и рощах тюрки занимались охотой. Они ловили диких зверей с помощью борзых, хищных птиц, ловушек, капканов. Часто встречающиеся в петроглифах изображения охотничьих собак и всадников, держащих в руках орлиных птиц, свидетельствует о распространении среди тюрков этого вида деятельности. Образ охотника с копьем и луком широко представлен на скальных поверхностях в Тыве, Монголии, Алтае, Казахстане и Кыргызстане.

Тюрки умели изготавливать для своего хозяйства ткани из войлока, кожи, шерсти, бересты, растительного волокна и эффективно использовать их для изготовления одежды, жилья и постельных принадлежностей. Юрты полностью покрывались войлоком. Остатки войлока часто встречаются в тюркских захоронениях VI–VIII веков (История Сибирии, 1968, с. 277). Тюрки могли мастерски изготавливать и тонкие нити, и толстые веревки из различных органических материалов.

В тюркскую эпоху не только производилась выплавка железа, но и шло изготовление различных изделий из него. В курганах VII–VIII вв. обнаружены многочисленные

находки комплектов серебряных ремней, сосудов, золотых серег с двойными подвесками из жемчуга, конской упряжи, луки, стрелы, наконечники копий и железные мечи, что свидетельствуют о высоком уровне развития кузнечного, ювелирного искусства (Кубарев, 2008, с. 136). Об освоении большого разнообразия металлов известно еще со времен сакского периода, а письменные и археологические данные подтверждают интенсивное развитие этого направления в эпоху Тюркского каганата. В мировой истории признано, что тюрки первыми в Центральной Азии производили железо промышленным путем (Гумилев, 1994, с. 65). По свидетельствам византийского посола Земарха, встретившие его тюрки показали образцы металла, чтобы продать и подчеркнуть свою политическую силу. Известный археолог С.И. Руденко открыл в Алтайском крае крупные металлургические центры, доказав, что в этих регионах имелся большой запас ценных руд. В Тыве, соседствующей с Алтаем (Гумилев, 1994, с. 64), Хакасии, вблизи Ангары также обнаружены очаги рудной металлургии (Киселев, 1951, с. 574-581). Искусство обработки металлов древних тюрков нашло свое продолжение у современных тюркских этносов Саяно-Алтая. Например, сохранились данные о том, что у шорцев, кумандинцев и тубаларов работа с железом была основным занятием. Они изготавливали различные предметы из металла и в определенный период выплачивали ими дань джунгарам.

Рассматривая культурное наследие древних тюрков, становится очевидным то, что они через свою самобытную культуру оказали влияние на развитие искусства и цивилизации соседних народов. Археологические, этнографические и письменные данные, обнаруженные на обширных пространствах от Центральной Азии до Восточной Европы, позволяют четко проследить такую связь. В результате распространения тюрков на евразийском пространстве и их взаимодействия с другими кочевыми народами этой территории, а также обмена достижениями сформировались общее мировоззрение и культура тюркских народов от Байкала до Черного моря.

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1975. 112 с.

Баяр Д., Амартүвшин Ч., Энхтөр А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ хааны тахилын онгоны судалгаа // Studia Archaeologica. 2003. Т. (1) XXI, Fasc. 8. С. 75–83.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, 1950. 470 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 152 с.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Корым в Южной Туве // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.

Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 / Ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 76–77.

Гумилев Л.Н. Көне түріктер. Алматы: Білім, 1994. 480 б.

Досымбаева А.М. Батыс Түрік қағанаты. Қазақ даласының мәдени мұрасы. Алматы: Түркі мұрасы, 2007. 168 б.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1 / МИА. № 24. / Ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. С. 72–120.

Идэрхангай Т-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация. Дисс. …канд. истор. наук. Барнаул, 2017. 239 с.

История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Том первый. Древняя Сибирь / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. 456 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г. Алтай түріктерінің жерлеу ескерткіштері. VI-VIII ғасырлар Евразиядағы түрік мұрасы (ғылыми-танымдық альбом). Астана: Күлтегін, 2008. 137 б. (264 б.).

Кыдырали Д., Энхтур А., Базылхан Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г. Поминальный комплекс и стела с надписями Кутлук-Кагана (Предварительный научный отчет совместной экспедиции «Номгон-2019, 2022» Международной Тюркской академии и Института археологии Академии наук Монголии) // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 234–247.

Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Т. 1 / Бас ред. М.Қ. Қозыбаев. Алматы: Атамұра, 2010. 544 б.

Қыдырәлі Д. Шивээт улаан көне түрік ғұрыптық кешені. Археологиялық зерттеудің фотоальбомы. Астана: «Ғылым» баспасы, 2018. 272 б.

Қыдырәлі Д., Бабаяр Ғ. Түркі Мәңгі тасы: Шивээт-улаан таңбалы ескерткіші. Астана, 2015. 150 б.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 436 с.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 108–142.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 175 с.

Сұңғатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер / Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 37 б.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореф.… док. ист. наук. Барнаул, 2006. 56 с.

Тишкин А.А, Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. № 9. / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 82−91.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Bogenbayev N., Calmirza, A. The concepts of “kut” and “crow” in ancient Turkic people’s worldview | Eski Türk dünya görüşündeki “kut” e “karga” kavramlari // Milli Folklor. 2014, (103), 69-79 ss.

Kydyrali D., Enhtur A., Bazylhan N., Buianhişig S., Batbold G. Some results of the study of the ancient Turkic memorial complex Nomgon-2 // Қазақстан археологиясы. 2023. № 1 (19). С. 68-83.

Информация об авторах:

Богенбаев Нурболат, PhD., эксперт Международной Тюркской академии. (г. Астана, Казахстан); nurik198080@mail.ru

Кентбек Салават Қамшыбаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и АНК. Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); kentbek59@mail.ru

Молдабай Талгат, PhD., доцент Евразийский национальный университета имени Л.Н.Гумилева. (г. Астана, Казахстан); talgatmoldabay@mail.ru

Смагулов Нуртас Бирликович. Старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории. Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); smagulov_ist@mail.ru

Жалмырза Айдын, и.о. доцента кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. (г. Астана, Казахстан), автор-кооpеспондент; aidynasylbek@hotmail.com

REFERENCES

Albaum, L. I. 1975. *Zhivopis' Afrasiaba (Afrasiab Painting).* Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Bayar, D., Amartyvshin, Ch., Enkhtor, A., Gerelbadrakh, Z. 2003. In *Studia Archaeologica*. T. (1) XXI, Fasc. 8, 75–83 (in Mongolian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia of the 6th – 8th Centuries)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

Grach, V. A. 1892. In Konopatskii, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiia Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 156–168 (in Russian).

Grichan, Yu. V., Plotnikov, Yu.A. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)* 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 76–77 (in Russian).

Gumilev, L. N. 1994. *Kөne tүrikter (Ancient Turks).* Almaty: "Bilim" Publ. (in Kazakh).

Dosymbaeva, A. M. 2007. *Batys Tүrik қaғanaty. Қazaқ dalasynyң mәdeni mұrasy (Western Turkish kaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppe).* Almaty: "Turki murasy" Publ. (in Kazakh).

Evtyukhova, L. A. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: USSR Academy of Sciences, 72–120 (in Russian).

Iderkhangai, T.-O. 2017. *Tyurkskie ogradki Mongol'skogo Altaya: sistematizatsiya, khronologiya i interpretatsiya (Turkic fences of the Mongolian Altai: systematization, chronology and interpretation).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Okladnikov, A. P. (ed.). 1968. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of Siberia from ancient times to the present day)* vol. 1. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* (*Ancient history of Southern Siberia).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kliashtornyi, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii (The Empires of the Steppes of Ancient Eurasia)*. St.-Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).

Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaya (Ancient Turkic Statues of Altai).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, G. 2008. *Altay tүrikterinің zherleu eskertkishteri. VI-VIII ғasyrlar Evraziyadaғy tүrik mұrasy (ғylymi-tanymdyқ al'bom) (Burial monuments of Altai Turks. Turkish heritage in Eurasia of the VI-VIII centuries (scientific and educational album)).* Astana: "Kultegin" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D., Enkhtur, A., Bazylkhan, N., Bogenbaev, N., Buyankhishig, Ts., Batbold, G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 234–247 (in Russian).

Kozybaev, M. K. (ed. in chief). *Қazaқstan tarikhy (kөne zamannan byginge deyin) (History of Kazakhstan (from ancient times to the present))* 1. Almaty: "Atamura" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D. 2018. *Shiveet ulaan kөne tүrik ғұryptyқ kesheni. Arkheologiyalyқ zertteudің fotoal'bomy (Shiveet Ulaan ancient Turkish ritual complex. Photo album of archaeological research).* Astana: "Gylym" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D., Babayar, G. 2015. *Tүrki Mәңgi tasy: Shiveet-ulaan taңbaly eskertkishi (Eternal stone: monument to shiveet-Ulaan tamgaly).* Astana (in Kazakh).

Malyavkin, A. G. 1989. *Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noy Azii: Teksty i issledovaniya (The Tang chronicles of the Central Asian Ssates: texts and research).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nechaeva, L. G. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 108–142 (in Russian).

Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th –10th centuries).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Shasina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period)*. Leningrad: LSU Publ. (in Russian).

Sūnğatai, S., Ejenhanūly, B. 2005. *Tarikhi-mədeni zhədigerler (Historical and cultural relics)*. Series: Qazaqstan tarihy turaly qytai derektemelerı (Details of China on the history of Kazakhstan) 2. Almaty: "Dasik-Press" Publ. (in Kazakh).

Tishkin, A. A. 2006. *Altay v epokhu pozdney drevnosti, rannego i razvitogo srednevekov'ya (kul'turno-khronologicheskie kontseptsii i etnokul'turnaya istoriya) (Altai in the era of late antiquity, early and high Middle Ages (cultural and chronological concepts and ethnocultural history))*. Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2002. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 9. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University Publ., 82−91 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bogenbayev, N., Calmirza, A. 2014. In *Milli Folklor*. 2014, (103), 69–79 (in English).

Kydyrali D., Enhtur A., Bazylhan N., Buianhişig S., Batbold G. 2023. In *Kazakhstan arkheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)* 19 (1), 68–83 (in English).

About the Authors:

Bogenbayev Nurbolat. Doctor. Research expert of the International Turkic Academy. Astana, Kazakhstan. nurik198080@mail.ru

Kentbek Salavat, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan and the Assembly of People of Kazakhstan. Karaganda, Kazakhstan. kentbek59@mail.ru

Moldabay Talgat, PhD., Associate Professor of the Department of Turkic Sciences of the L.N.Gumilev Eurasian National University. (Astana, Kazakhstan); talgatmoldabay@mail.ru

Smagulov Nurtas, Senior teacher of the Department of Archeology, Ethnology and National History of the Karaganda University named after academician E.A. Buketov. Karaganda, Kazakhstan. smagulov_ist@mail.ru

Zhalmyrza Aidyn, Associate Professor of the Department of Turkic Sciences of the L.N.Gumilev Eurasian National University. Astana, Kazakhstan. aidynasylbek@hotmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2023 г.
Статья принята к публикации 23.01.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902 572.79 550.42 (470.3) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.199.207

ДИЕТА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ ПО ИЗОТОПНЫМ ДАННЫМ[1]

©2025 г. С.В. Васильев, Я.В. Кузьмин

Работа посвящена реконструкции диеты различных социальных слоев средневекового населения (XII–XIII вв. н.э.) на территории Российской Федерации и Республики Беларусь. Были исследованы материалы из девяти раннесредневековых памятников Восточно-Европейской равнины: некрополя на южной окраине села Унорож (Галичский район, Костромская область); коллективного захоронения из г. Переяславля-Залесского; городского кладбища с территории г. Костромы; бывшего городского кладбища г. Курск, археологического комплекса Гочево (Беловский район, Курская область); двух некрополей в г. Плёс; заброшенного кладбища на территории бывшего Тверского Кремля; некрополя Верхнего замка (г. Полоцк, Беларусь). На основании полученных нами и опубликованных ранее данных можно заключить, что средневековая аристократия и городское население центральных регионов России в XI–XVI вв. питалось в основном продуктами животного происхождения, меньшую долю занимала растительной пища. Питание сельского населения состояло в основном из растительных продуктов (растительные культуры – рожь, пшеница, овес и др.). Для южных памятников (г. Курск и с. Гочево) впервые установлено употребление в пищу злаков типа проса. Таким образом, сделанный ранее вывод о том, что питание средневекового населения центра Русской равнины определялось социальным фактором, в целом подтверждается нашими новыми данными.

Ключевые слова: археология, палеодиета, средневековое население, социальный фактор, спектральный анализ, стабильные изотопы.

DIET OF THE MEDIEVAL POPULATION IN THE CENTER OF THE EAST EUROPEAN PLAIN BASED ON ISOTOPE DATA[2]

S.V. Vasiliev, Ya.V. Kuzmin

This study deals with reconstructing the diet of various social strata within the medieval population (XII–XII centuries AD) on the territory of the contemporary Russian Federation and the Republic of Belarus. Materials from nine early medieval sites on the East European Plain were investigated: the necropolis nearby the village of Unorozh (Galich district, Kostroma region), a collective burial from the town of Pereslavl-Zalessky, an urban cemetery in Kostroma, the former Kursk cemetery, the Gochevo archaeological assemblage (Belaya district, Kursk region), two necropolises in the town of Plyos, an abandoned cemetery within the territory of the former Tver Kremlin, and the necropolis of the Upper Castle (Polotsk, Belarus). Based on our newly obtained data and previously published information, it can be concluded that the medieval aristocracy and urban population of central regions of Russia in the XI–XVI centuries primarily consumed animal-derived products, with plant-based food constituting a smaller portion of their diet. The diet of the rural population consisted

[1] Основная часть статьи (отбор образцов, проведение анализов, интерпретация результатов) подготовлена в рамках гранта РНФ–БРФФИ № 23-48-10011 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России». Финальное редактирование статьи проводилось в соответствии с госзаданием Института геологии и минералогии СО РАН № 122041400252-1. Мы признательны сотрудникам лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН за измерения содержания стабильных изотопов в костях и зубах средневекового населения центра Русской равнины.

[2] The main body of the article (sample selection, analytical procedures, interpretation of results) was prepared within the Russian Science Foundation and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research grant No. 23-48-10011 "Bioarchaeological reconstruction of the lifestyle and physical characteristics of the medieval population of Belarus and the European part of Russia". The final editing of the article was carried out in accordance with the state assignment of the Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences No. 122041400252-1. We are grateful to the staff of the Laboratory of Archaeological Technology at the Institute for the History of Material Culture RAS for conducting stable isotope measurements in bones and teeth from the medieval population of the central part of the East European Plain.

mainly of plant products (cereal crops such as rye, wheat, oats, etc.). For the southern sites (Kursk and village of Gochevo), the consumption of cereals such as millet has been identified for the first time. Thus, the previously drawn conclusion that the diet of the medieval population in the center of the East Eurapean Plain was determined by social factors is largely confirmed by our new data.

Keywords: archaeology, paleodiet, Medieval population, social factor, spectral analysis, stable isotopes.

Введение

Изучение структуры питания древних людей на основе определения соотношения стабильных изотопов углерода и азота в органической части (коллагене) костей и зубов, найденных в могильниках, ведется с 1970-х гг. (Кузьмин, 2017, с. 245). К настоящему времени выработаны основные методические приемы, с помощью которых возможно реконструировать основные компоненты белкового питания (диеты) древних популяций (например: Кузьмин, 2017, с. 245–262; Richards, 2020).

Целью настоящего исследования является реконструкция диеты различных социальных слоев средневекового населения (XII–XIII вв. н. э.) из ряда могильников на территории Российской Федерации и Республики Беларусь. Ранее для центра Русской равнины были получены изотопные данные для населения г. Ярославля (XIII в.), г. Дмитрова (XII–XVII вв.) и московского Кремля (XV–XVI вв.) (Энговатова и др., 2013, 2014, 2015), а также для сельских средневековых погребений (XIII–XVI вв.) в Подмосковье и верхнем течении р. Волги (Энговатова и др., 2013; Добровольская и др., 2020).

Материал и методы

Были исследованы материалы из девяти средневековых памятников Восточно-Европейской равнины (территории России и Беларуси). В основном материалы происходят из городских кладбищ. На некрополе Верхнего замка (г. Полоцк, Беларусь) археологические работы были проведены в 2019–2022 гг. Согласно инвентарю, могильник датируется в пределах XI– XIII вв. (Емельянчик и др., 2023). Раскопки Тверского Кремля проведены в 2018 г. И.А. Сафаровой. Исследованные материалы относятся к XII–XIV вв. (Сафарова, 2018). Коллективное захоронение в г. Переяславле-Залесском, изученное В.А. Зейфером в 2016 г., относится к XIII–XIV вв. (Зейфер и др., 2019). Городское кладбище XIII–XIV вв. на территории г. Костромы было обнаружено и раскопано в 1989–2000 гг. С.И. Алексеевым (Алексеев, 2001). Курское городское кладбище исследовано в 2019 г. В.В. Енуковым и относится к XI–XIII вв. (Енуков, 2022). Два некрополя с территории г. Плёса относятся к XI–XIII вв. Раскопки некрополя Плёс 1 (Варваринского) проводились коллективом Ивановской археологической экспедиции в 2014 г. (Аверин и др., 2018). Некрополь на Соборной горе раскапывался в 1990-х гг. под руководством П.Н. Травкина (Травкин, 2023). Городище Унорож находится на южной окраине с. Унорож (Галичский район, Костромская область). Археологические работы здесь ведутся с 2013 г. под руководством А.В. Новикова и О.В. Новиковой. Обработанный материал датируется X–XIV вв. (Новиков, 2017). Гочевский археологический комплекс расположен на правобережной террасе р. Псёл в Беловском районе Курской области (Стародубцев, Зорин, 2009). Исследовались материалы из курганного могильника, относящегося к XI–XIII вв.

Основой использования стабильных изотопов углерода и азота для реконструкции палеодиеты является феномен фракционирования – разделения изотопов по весу (или изменения их пропорции), что связано с положением организма в пищевой (трофической) цепи. На практике используются величины, показывающие разницу между отношением изотопов в конкретном образце и в общепринятом стандарте. Этот показатель обозначается греческой буквой «дельта» (δ и выражается в тысячных долях (промилле, ‰). Формула подсчета величины $\delta^{13}C$ (отношение изотопов $^{13}C/^{12}C$) для углерода выглядит следующим образом:

$$\delta^{13}C = [(\frac{^{13}C/^{12}C\,(\text{образец})}{^{13}C/^{12}C\,(\text{стандарт})} - 1)] \times 1000‰.$$

По сходной формуле определяются величины $\delta^{15}N$ (отношение изотопов $^{15}N/^{14}N$).

Сегодня в атмосфере Земли величина $\delta^{13}C$ равна около -8‰ (в древности это значение составляло -7‰). Углерод в результате фотосинтеза попадает из атмосферы в наземную растительность. В природе существуют два

главных типа фотосинтеза: 1. C_3 (основная часть растений, включая бобовые; $\delta^{13}C \cong$ -26‰); 2. C_4 (главным образом кактусы, просо, кукуруза, сорго, сахарный тростник, маревые; $\delta^{13}C \cong$ -13‰). При употреблении растительной пищи травоядными организмами происходит дальнейшее фракционирование изотопов углерода, и в коллагене их костей отношение $\delta^{13}C$ смещается в сторону «утяжеления» на величину около 5‰. У травоядных животных, питающихся растениями типа C_3, $\delta^{13}C$ обычно составляет от -19‰ до -22‰; при значительной доле питания растениями типа C_4 эта величина может достигать -11‰. При движении по трофической цепи происходит обогащение углерода изотопом ^{13}C; для плотоядных организмов, включая человека, величина $\delta^{13}C$ обычно составляет от -17‰ до -20‰. Изотопный «сдвиг» для углерода на каждом трофическом уровне у наземных организмов составляет 0,5–2‰.

Для азота характерно увеличение значения $\delta^{15}N$ составляет около +1–3‰, то у травоядных животных она равна +4–8‰. Обогащение изотопом ^{15}N также наблюдается у речной и озерной рыбы ($\delta^{15}N \cong$ +10‰), которая является организмом достаточно высокого трофического уровня. Наиболее заметно рост значения $\delta^{15}N$ выражен у водных организмов, поскольку в речной, озерной и морской средах трофические цепи обычно длиннее, чем на суше. Также общеизвестно, что у детей в период грудного вскармливания величина $\delta^{15}N$ превосходит таковую у взрослого населения (см. Кузьмин, 2017, с. 258).

Измерения величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ (табл. 1) проводились в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. С.-Петербург) с помощью масс-спектрометра DELTA V. Предварительная обработка материала заключалась в выделении коллагена из костных образцов путем следующих шагов: 1. Образец очищался от поверхностных загрязнений и помещался в емкость с 3% раствором соляной кислоты (HCl) на 24–48 часов; 2. Образец тщательно промывался в дистиллированной воде до нейтральной реакции и заливался 1% раствором щелочи (NaOH); 3. Образец тщательно промывался в дистиллированной воде до нейтральной реакции и помещался в емкость со слабокислым раствором соляной кислоты (pH = 4); емкость нагревалась на электрической плитке до температуры 80–90 °C вплоть до полного растворения обработанного кислотой и щелочью костного материала; 4. Полученный раствор центрифугировался и/или фильтровался, и помещался в фарфоровой емкости на электроплитку при температуре 75–90 °C для выпаривания до порошкообразного состояния. Выделенный материал представлял из себя коллаген (для костей) и дентин (для зубов), которые использовались для измерения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в масс-спектрометре.

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены индивидуальные значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ для изученных погребений. На рис. 1 эти данные выражены в виде средних значений для каждого объекта с ±1 сигма (среднеквадратичное отклонение). Рассмотрим результаты анализа для каждой социальной группы средневекового населения.

У представителей аристократии величины $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ находятся в обычных для древнего населения пределах. Несколько повышенные значения $\delta^{15}N$ для Плёса (12,2‰) и Тверского Кремля (12,3 ± 0,2‰) (рис. 1) можно объяснить употреблением в пищу речной рыбы из р. Волги. Обращает на себя внимание тот факт, что для Верхнего замка Полоцка величина $\delta^{15}N$ относительно низкая (9,8 ± 0,6‰), что свидетельствует о питании в основном пищей наземного происхождения (животные и растения).

Для городского населения выделяются две группы (рис. 1): 1. Кострома $\delta^{13}C$ = -20,1 ± 0,2‰; $\delta^{15}N$ = 12,6 ± 0,4‰) и Переславль-Залесский ($\delta^{13}C$ = -19,7 ± 0,2‰; $\delta^{15}N$ = 13,2 ± 0,7‰); 2. Курск (без учёта детских погребений): $\delta^{13}C$ = -17,9 ± 0,5‰; $\delta^{15}N$ = 11 ± 0,5‰. У объектов, представляющих смешанное городское и сельское население, значения стабильных изотопов близки к таковым для городских социумов Костромы и Переславля-Залесского: Унорож ($\delta^{13}C$ = -20,6 ± 0,5‰; $\delta^{15}N$ = 11,7 ± 0,3‰) и Плёс ($\delta^{13}C$ = -20,0 ± 0,5‰; $\delta^{15}N$ = 12,0 ± 0,7‰). Для Костромы и Переславля-Залесского повышенные величины $\delta^{15}N$ свидетельствуют об употреблении в пищу повышенного количества пищи водного происхождения (вероятнее всего, речной рыбы). Оба объекта расположены в непосредственной близости от крупных водоемов (р. Волга, Плещеево озеро).

Для сельского населения (могильник Гочево) характерно повышенное значение $\delta^{13}C$

Таблица 1. Значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ коллагена и дентина населения центра Русской равнины (XII–XIII вв.)
Table 1. The $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ values in collagen and dentine of the population in the center of the East European Plain (XII – XIII centuries AD)

Объект	Пол	Материал	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰
Аристократия				
Полоцк, Верхний замок, № 25А/71	М	зуб	-21.8	9.5
Полоцк, Верхний замок, № 21Б	М	зуб	-21.5	10.3
Полоцк, Верхний замок, № 25К/67	Ж	зуб	-21.0	9.0
Полоцк, Верхний замок, № II/87	Ж	зуб	-20.9	10.3
Плёс II, погр. 21	М	кость	-21.3	12.2
Тверской Кремль, погр. 98	Ж	кость	-20.0	12.3
Тверской Кремль, погр. 92	М	кость	-19.8	12.3
Тверской Кремль, погр. 105	Ж	кость	-21.1	12.0
Тверской Кремль, погр. 93	М	кость	-20.3	12.4
Городское население				
Кострома, погр. 14	М	кость	-20.0	13.0
Кострома, погр. 76	Ж	кость	-19.8	12.2
Кострома, погр. 66	М	кость	-20.2	12.2
Кострома, погр. 40	Ж	кость	-20.2	13.0
Переславль-Залесский, погр. 34	М	зуб	-19.8	12.2
Переславль-Залесский, погр. 7	Ж	зуб	-19.9	12.9
Переславль-Залесский, погр. 5	Ж	зуб	-19.8	14.1
Переславль-Залесский, погр. 6	М	зуб	-19.4	13.7
Курск, погр. 3	М	кость	-18.4	12.7
Курск, погр. 6	М	кость	-17.6	11.9
Курск, погр. 2	Р	кость	-15.1	13.9
Курск, погр. 21	Ж	кость	-17.2	11.6
Курск, погр. 9	Р	кость	-18.0	11.3
Курск, погр. 12	Ж	кость	-18.5	11.5
Городское/сельское население				
Унорож, погр. 14	М	кость	-20.3	11.8
Унорож, погр. 15	М	кость	-20.0	11.3
Унорож, погр. 21	Ж	кость	-21.0	12.1
Унорож, погр. 16	Ж	кость	-20.9	11.4
Плёс, погр. 18/6	М	кость	-19.6	13.2
Плёс, погр. 18/9	Ж	кость	-19.6	11.9
Плёс, погр. 18/11	Ж	кость	-20.7	11.7
Плёс, погр. 7	М	кость	-20.1	11.2
Сельское население				
Гочево, курган 301	М	кость	-16.9	11.4
Гочево, курган 224	Ж	кость	-18.8	10.7
Гочево, курган 39	М	кость	-16.7	10.2
Гочево, курган 30	Р	кость	-16.7	11.0
Гочево, курган 3, погр. 1	Р	кость	-17.9	10.3
Гочево, курган 223	М	кость	-16.5	11.1
Гочево, курган 216, погр. 2	Р	кость	-17.2	10.5
Гочево, курган 123	Ж	кость	-16.4	10.6
Гочево, курган 315	Ж	кость	16.3	11.0

Примечание: М – мужчина, Ж – женщина, Р – ребенок, погр. – погребение.
Note: М – male; Ж – female; Р – child; погр. – burial.

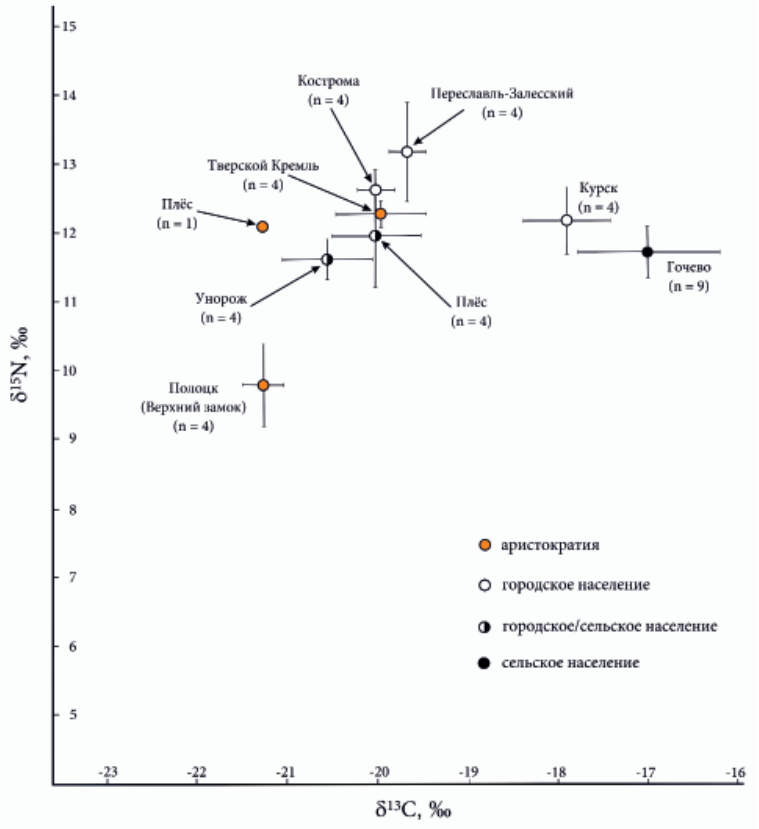

Рис. 1. Изотопные данные для изученных погребений (с ± 1 сигма).
Fig. 1. Isotope data for the studied burials (with ± 1 sigma).

(-17,0 ± 0,8‰). Обращает на себя внимание, что величины $\delta^{15}N$ для детей (погребения в курганах № 3, 30 и 216) не выходят за рамки таковых для взрослых (10,2–11,4‰), поэтому данные по азоту приведены для всех погребений: $\delta^{15}N = 10,8 \pm 0,4$‰ (рис. 1).

Для более надежного определения структуры питания средневекового населения центра Русской равнины нами использованы изотопные данные по средневековым животным (Энговатова и др., 2013; Яворская и др., 2015; Добровольская и др., 2020; Антипина, Яворская, 2022). Наземные домашние животные (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья) имеют значения $\delta^{13}C$ в интервале -20,3 ÷ -23,4‰, $\delta^{15}N$ – в интервале 4,8–8,2‰ (у свиньи – до 9,2‰). У собаки величины отличаются в сторону всеядности ($\delta^{13}C$ = -20,3 ÷ -20,6‰; $\delta^{15}N$ = 10,9–11,3‰) и близки к таковым для людей (рис. 2). У диких животных (лось, олень, бобр) значения стабильных изотопов составляют для $\delta^{13}C$ в интервале -20,6 ÷ -22,9‰, для $\delta^{13}C$ ^{13}C находятся в интервале -21,0 ÷ -23,3‰; для $\delta^{15}N$ – от 9,2‰ до 12,1‰. В пределах модельного полигона в Тверской области (Добровольская и др., 2020) для наземных млекопитающих характерны значения $\delta^{13}C$ от -19‰ до -23‰, $\delta^{15}N$ от 3,0‰ до 9,0‰; для пресноводных и озёрных рыб – $\delta^{13}C$ от -25,0‰ до -33,0‰, $\delta^{15}N$ от 4,0‰ до 9,0‰.

Сравнение данных по изученным нами погребениям (табл. 1) указывает на то, что основную часть белкового питания население аристократического, городского и городского/сельского социумов (кроме Курска) получало от наземных животных (мясо, молоко) и растений с фотосинтезом типа C_3 (рис. 2). Для городского населения Курска определённая доля растений с фотосинтезом типа C_4 (вероятнее всего, проса) составляла часть диеты. Ярко выраженный характер питания со значительной долей растений типа C_4 прослеживается в изотопных сигналах $\delta^{13}C$ погребений сельского населения Гочево. Это подтверждается при сравнении с данными по палеодиете эпохи бронзы и раннего железного века Северного Казахстана, Минусинской котловины (Восточная Сибирь) и Приамурья (Дальний Восток России) (Kuzmin, 2015; Ventresca Miller, Makarewicz, 2019), для населения которых было типично употребление смеси растений типов C_3 и C_4 (рис. 2).

Полученные нами данные необходимо сравнить с известной информацией по изотопному составу коллагена у городского и

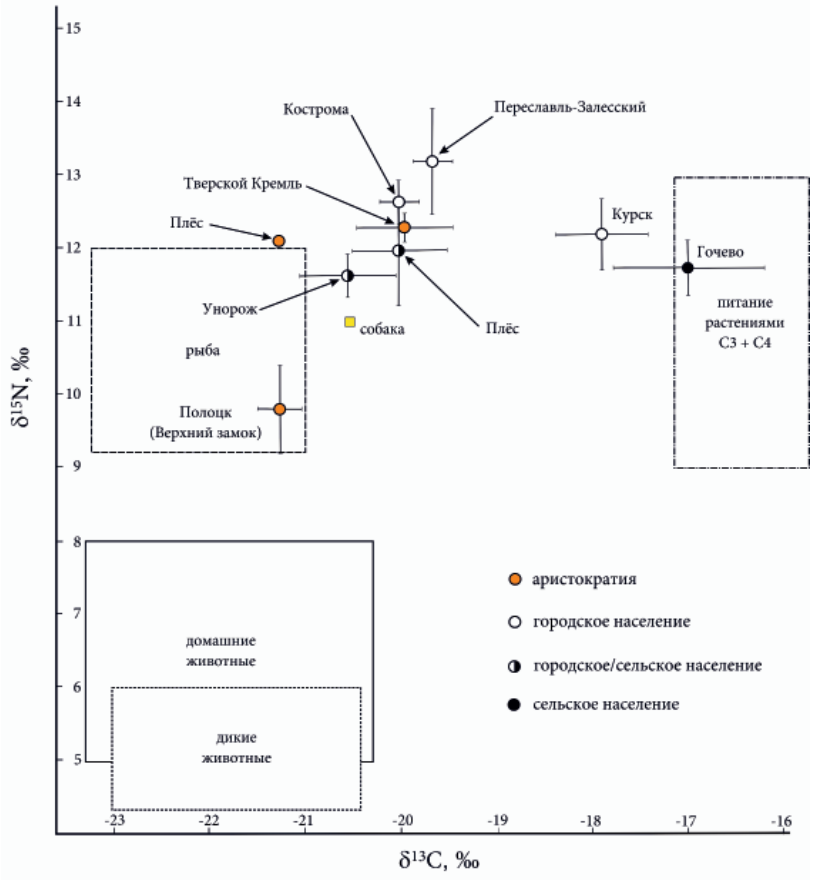

Рис. 2. Изотопные данные для изученных погребений на фоне изотопного состава основных источников питания.
Fig. 2. Isotopic data for the studied burials on the background of the isotope composition of main dietary sources.

сельского населения центра Русской равнины, относящейся к эпохе Средневековья (Энговатова и др., 2013, 2014, 2015; Добровольская и др., 2020). Наибольший интерес представляют данные по погребениям в г. Ярославле, относящиеся ко времени его захвата армией Батыя в 1238 г. Изотопные данные по городскому населению указывают на диету, состоявшую преимущественно из мяса домашних (и отчасти диких) животных, с употреблением в некоторых случаях речной рыбы и с небольшой долей растительной пищи (Энговатова и др., 2013). Средние значения изотопного состава населения Ярославля XIII в.: $\delta^{13}C$ = -20,3 ± 0,5‰; $\delta^{15}N$ = 11,6 ± 0,6‰ (рис. 3).

Также получены данные по изотопному составу захоронений в кремлях г. Москвы (XV–XVI вв.) и Дмитрова (XII–XVII вв.) (Энговатова и др., 2015). Для Московского кремля средние значения таковы: $\delta^{13}C$ = -20,5 ± 0,5‰; $\delta^{15}N$ = 12,0 ± 1,4‰; для кремля г. Дмитрова – = -20,0 ± 0,4‰; $\delta^{15}N$ 12,1 ± 0,6‰ (рис. 3). Эти данные указывают, что диета городских жителей Москвы и Дмитрова была близка к структуре питания населения г. Ярославля XIII в. с преобладанием пищи животного происхождения. Подобная тенденция характерна для населения г. Ярославля в более позднее время (XVI–XVII вв.; учитывались только погребения людей возрастом старше 3 лет): $\delta^{13}C$ = -21,0 ± 1,0‰; $\delta^{15}N$ = 12,2 ± 0,4‰ (Энговатова и др., 2014). Данные о захоронениях в Юрьевом монастыре г. Великого Новгорода (XI–XII вв.) также близки к изотопному составу средневековых городов: $\delta^{13}C$ от -20,0‰ до -21,1‰, $\delta^{15}N$ – от 11,0‰ до 12,1‰ (за исключением погребения 27/6 с явно другой диетой) (Добровольская и др., 2020).

Меньше информации существует по диете сельского населения центра Русской равнины (рис. 3). Для могильника Новоселки в Московской области (XIII в.) значения $\delta^{13}C$ составляют от -18‰ до -20,5‰, $\delta^{15}N$ – от 6,0‰ до 10,5‰ (Энговатова и др., 2013). Эти данные указывают на питание преимущественно растительной пищей типа C_3. Сельское население XIII–XVI вв. Тверской области имеет следующие показатели (учитывалось только взрослое население): $\delta^{13}C$ = -21,5 ± 0,7‰; $\delta^{15}N$ = 10,3 ± 0,8‰ (Добровольская и др., 2020), что также свидетельствует о преобладании растительного питания.

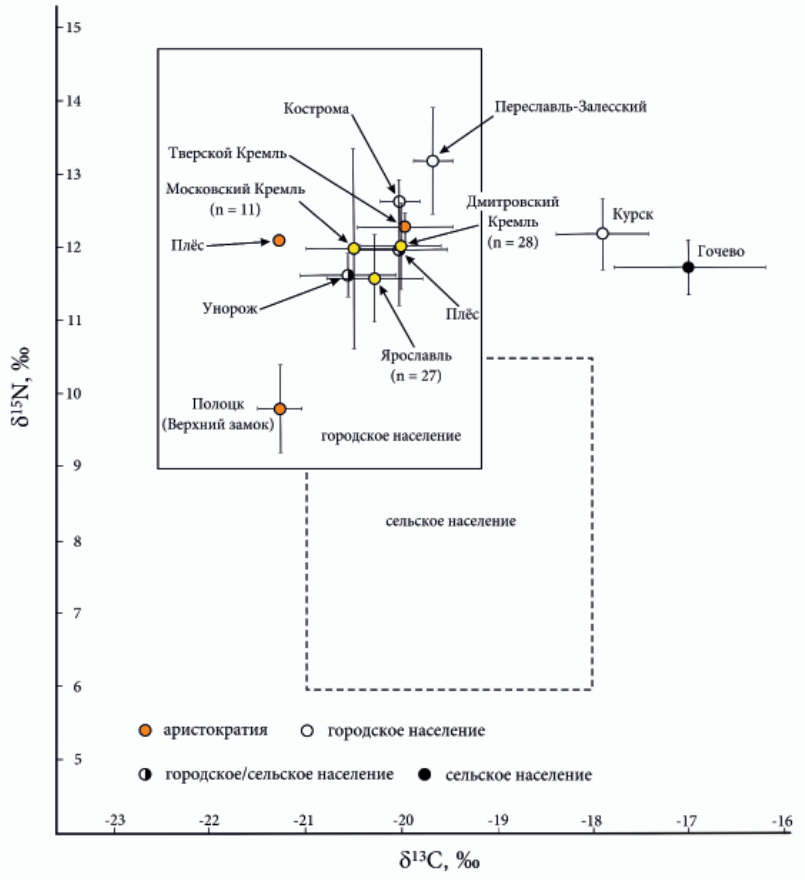

Рис. 3. Изотопные данные для изученных погребений на фоне изотопного состава средневекового городского и сельского населения в центре Русской равнины.
Fig. 3. Isotope data from the studied burials compared to the isotope composition of the medieval urban and rural population in the center of the East European Plain.

Заключение

На основании полученных нами и опубликованных ранее данных можно заключить, что средневековая аристократия и городское население центральных регионов России в XI–XVI вв. питалось в основном продуктами животного происхождения с меньшей долей растительной пищи. Питание сельского населения состояло в основном из растительных ресурсов (основных злаковых культур – ржи, пшеницы, овса и др.). Для южных памятников (г. Курск, Гочево) впервые установлено употребление в пищу злаков типа проса. Таким образом, сделанный ранее вывод о том, что питание средневекового населения центра Русской равнины определялось социальным фактором (Энговатова и др., 2015, с. 85–87), в целом подтверждается нашими новыми данными.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.И. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989–2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.И. Алексеев. Кострома: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Костромской области, 2001. С. 29–36.

Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Археозоологические контексты к результатам изотопного анализа костей домашних копытных из древнерусских городов // КСИА. 2022. № 266. С. 265–279.

Добровольская М.В., Тиунов А.В., Крылович О.А., Кузьмичева Е.А., Решетова И.К., Савинецкий А.Б., Свиркина Н.Г., Смирнов А.Л. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // РА. 2020. № 3. С. 79–95.

Емельянчик О.А., Веселовская Е.В., Васильев С.В., Рашковская Ю.В., Каминская Д.С., Магалинский И.В., Коц А.Л. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 220–255.

Енуков В.В. Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Исторический культурный слой г. Курска» в границах проектируемого строительства по адресу: г. Курск, ул. Димитрова, д. 14, ул. Семеновская, д. 15, д. 17 в 2019 г. Курск, 2022 / Архив Курского государственного университета.

Зейфер В.А., Мазурок О.И., Леонтьев А.А., Столярова Е.К., Сапрыкина И.А. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII-XV веках (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья: материалы научного семинар. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 132–149.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2017. 395 с.

Археологическое изучение городища Унорож: итоги и перспективы / Ред. А.В. Новиков. Кострома: Линия График Кострома, 2017. 64 с.

Сафарова И.А. Научный отчет о спасательных археологических работах на территории Кремля г. Твери в 2018 г. Тверь, 2018 / Архив Омега-Мастер.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Городище «Царский Дворец» — замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004—2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Нестор История, 2009. С. 113–121.

Травкин П.Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. Иваново: Ольга Епишева, 2023. 302 с.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. 2013. № 228. С. 96–115.

Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питания средневекового городского населения // Археология Подмосковья: материалы научного семинар. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 362–369.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Зайцева Г.И. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным) // КСИА. 2015. № 237. С. 80–89.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2015. № 1 (31). С. 54–64.

Kuzmin Y.V. Reconstruction of prehistoric and Medieval dietary patterns in the Russian Far East: a review of current data // Radiocarbon. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 571–580.

Richards M.P. Isotope analysis for diet studies. In: Archaeological Science: An Introduction / edited by M.P. Richards, K. Britton. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 125–143.

Ventresca Miller A.R., Makarewicz C.A. Intensification in pastoralist cereal use coincides with the expansion of trans-regional networks in the Eurasian steppe // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. No. 8363.

Информация об авторах:

Васильев Сергей Владимирович, кандидат биологических наук, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); vasbor1@yandex.ru

Кузьмин Ярослав Всеволодович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск, Россия); kuzmin@fulbrightmail.org

REFERENCES

Alekseev, S. I. 2001. In Alekseev, S. I. (ed.). *Vestnik Kostromskoi arheologicheskoi ekspeditsii. (Bulletin of the Kostroma archaeological expedition)* 1. Kostroma: Scientific and Production Center for the protection and use of historical and Cultural monuments of the Kostroma region, 29–36 (in Russian).

Antipina, E.E., Yavorskaya, L.V. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 265–279 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. Tiunov, A. V., Krylovich, O. A., Kuzmicheva, E. A., Reshetova, I. K., Savinetsky, A. B., Svirkina, N. G., Smirnov, A. L. 2020. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 79–95 (in Russian).

Emelyanchik, O. A., Veselovskaya, E. V., Vasilyev, S. V., Rashkovskaya, Yu. V., Kaminskaya, D. S., Magalinsky, I. V., Kots, A. L. 2023. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 4, 220–255 (in Russian).

Enukov, V. V. 2022. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Istoricheskiy kul'turnyy sloy g. Kurska» v granitsakh proektiruemogo stroitel'stva po adresu: g. Kursk, ul. Dimitrova, d. 14, ul. Semenovskaya, d. 15, d. 17 v 2019 g. (Report on archaeological excavations at the archaeological heritage site "Historical cultural layer of Kursk" within the boundaries of the planned construction at the address: Kursk, 14 Dimitrova Str., 15 and 17 Semenovskaya Str. in 2019).* Kursk. Archive of Kursk State University (in Russian).

Zeifer, V. A., Mazurok, O.I., Leontiev, A.A., Stolyarova, E. K., Saprykina, I. A. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 132–149 (in Russian).

Kuz'min, Ya. V. *Geoarkheologiya: estestvennonauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh (Geoarchaeology: Natural Scientific Methods in Archaeological Studies)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Novikov, A. V. (ed.). 2017. *Arkheologicheskoe izuchenie gorodishcha Unorozh: itogi i perspektivy (Archaeological study of the Unorozh hillfort: results and prospects).* Kostroma: "Liniya Grafik Kostroma" Publ. (in Russian).

Safarova, I. A. 2018. *Nauchnyy otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh na territorii Kremlya g. Tveri v 2018 g.. (Scientific report on archaeological rescue work on the territory of the Tver Kremlin in 2018).* Tver. Omega-Master Archive (in Russian).

Starodubtsev, G. Yu., Zorin, A. V. 2009. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Litvy i Severo-Zapada Rossii v rannem i pozdnem srednevekov'e (Archaeology and history of Lithuania and Northwest Russia in the early and late Middle Ages).* St. Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 113–121 (in Russian).

Travkin, P. N. 2023. *Plesskaya krepost' v XII–XVI vekakh (Plyos fortress in the XII – XVI centuries).* Ivanovo: "Ol'ga Episheva" Publ. (in Russian).

Engovatova, A. V., Dobrovolskaya, M. V., Antipina, E. E., Zaitseva, G. I. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 228, 96–115 (in Russian).

Engovatova, A. V., Mednikova, M. B., Dobrovolskaya, M. V., Shvedchikova, T. Yu., Reshetova, I. K., Vasil'eva, E. E. 2014. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 362–369 (in Russian).

Engovatova, A.V., Dobrovolskaya, M. V., Zaitseva, G. I. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 80–89 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E., Engovatova, A. V., Zaitseva, G. I. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 31 (1), 54–64 (in Russian).

Kuzmin, Yu. V. 2015. In *Radiocarbon* (4), 571–580.

Richards, M. P. 2020. In Richards, M. P., Britton, K. (eds.). *Archaeological science: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, 125–143.

Ventresca Miller, A.R., Makarewicz, C.A. 2019. In *Scientific Reports* (9), 8363.

About the Author:

Vasilyev Sergei V., Candidate of Biological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Head of the Centre for Physical Anthropology,Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow,119334, Russian Federation; vasbor1@yandex.ru

Kuzmin Yaroslav V., Doctor of Geographical Sciences, Institute of Geology and Mineralogy V.S. Sobolev Siberian branch RAS. Academic Koptiug Prospect, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; kuzmin@fulbrightmail.org

Статья поступила в журнал 24.08.2024 г.
Статья принята к публикации 02.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

АРХЕОЛОГИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.208.216

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ[1]

© 2025 г. А.А. Хурмаев

В статье представлены результаты разведочных археологических работ 2023 г. в среднем течении р. Дёма в лесостепном Приуралье. Основное внимание уделено памятникам двух эпох: позднему средневековью (чияликская культура) и энеолиту. На обследуемой территории в течение нескольких последних лет проводятся систематические археологические исследования, целью которых является поиск новых памятников обозначенных эпох. Данные исследования привели к открытию ряда новых памятников чияликской культуры в долине р. Дёма. Конкретно в рамках работ 2023 г. было выявлено три археологических памятника позднего средневековья – селища Ябалаклы 2 и 3 и поселение Нижнехозятово-5. Материалы выявленных памятников представлены, как правило, фрагментами железных изделий, котлов, орудиями. Материалы находят близкие аналогии с ближайшими памятниками чияликской культуры, что позволяет ставить их в соответствующий ряд памятников. В рамках разведочных работ также был осмотрен один из крупных энеолитических памятников – Кара-Якуповская стоянка, где был заложен разведочный шурф. Аналогичный энеолитический материал был зафиксирован на еще одном новом выявленном памятнике - поселении Новый Беркадак-1. Освещаемые в статье разведочные работы стали логическим продолжением комплексных и целенаправленных исследований эпохи энеолита и позднего средневековая на территории среднего течения р. Дёма в Южном Предуралье

Ключевые слова: археология, лесостепное Предуралье, чияликская культура, энеолит, селища, стоянки.

NEW STUDIES OF THE ENEOLITHIC AND LATE MIDDLE AGES SITES IN THE FOREST-STEPPE ZONE OF THE FORE-URALS[2]

A.A. Khurmaev

This paper deals with the results of archaeological work in 2023 in the middle part of the Dyoma river in the Fore-Ural forest-steppe. The main focus is on sites from two periods: the Late Middle Ages (Chiyalik culture) and the Eneolithic. Systematic archaeological research has been conducted in the surveyed area over the past several years, the purpose of which is to search for new culture sites of the designated periods. These studies have led to the discovery of a number of new culture sites of the Chiyalik culture in the Dyoma river valley. Specifically, three archaeological sites of the late Middle Ages as a part of the 2023 works were identified – Yabalakly 2 and 3, and Nizhnehozyatovo-5 settlements. The materials from these identified sites typically consist of fragments of iron artifacts, cauldrons, and tools. These finds bear close parallels to nearby Chiyalik culture sites, allowing them to be placed within the corresponding series of monuments. As part of the survey work, one of the major Eneolithic sites, the Kara–Yakupovo campsite, was also examined, where an exploratory test pit was excavated. A similar Eneolithic material was recorded on another newly identified archaeological resource, the Novy Berkadak-1 settlement. The survey work covered in the article represents the logical con-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 “Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование”.

[2] The research was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-10057 “The dynamics of cultural development and settlement of the Southern Urals from antiquity to its incorporation into Russia (IV century BC – XVI century): an interdisciplinary archaeological study”.

tinuation of comprehensive and targeted research into the Eneolithic period and the Late Middle Ages in the middle part of the Dyoma River in the Southern Fore-Urals.

Keywords: archaeology, forest-steppe of the Fore-Ural region, Chiyalik culture, Eneolithic, settlements, campsites.

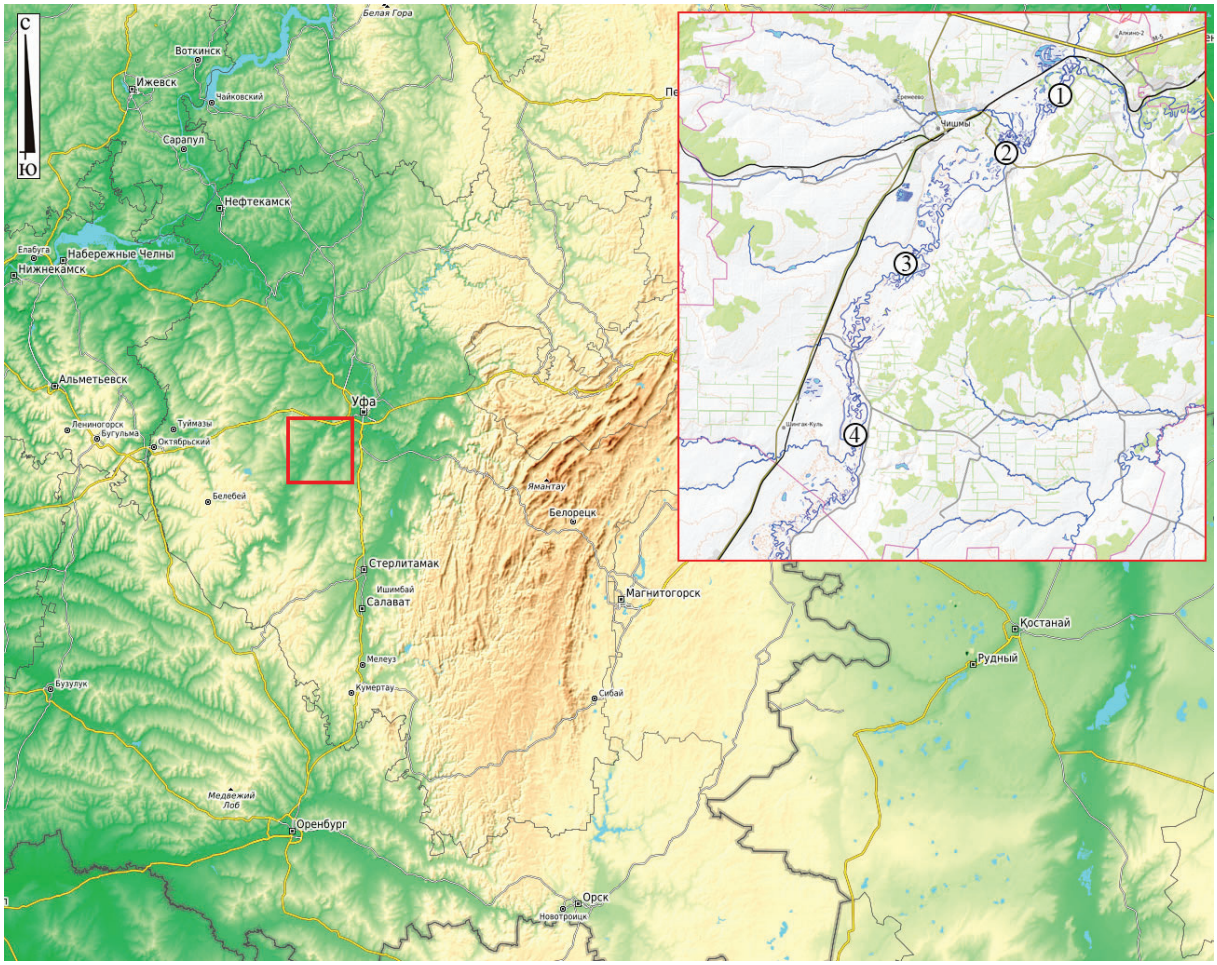

Рис. 1. Общая карта территории обследования. 1 – Новый Беркадак-1; 2 – Кара-Якуповская стоянка; 3 – Нижнехозятово-5; 4 – Ябалаклы 2 и 3.
Fig. 1. General map of the survey area. 1 – Novy Berkadak-1; 2 – Kara-Yakupovo campsite; 3 – Nizhnekhozyatovo-5; 4 –Yabalakly 2 and 3.

Введение

Среднее течение р. Дёма в географическом отношении представляет собой хорошо выровненную долину. Русло реки в этой части достаточно сильно извивается по равнине и оставляет после себя множество отчленённых меандр, старых русел и проток. Берега реки относительно невысокие и их высота редко превышает 3–4 м, но обрывистые берега идут как по левой, так и по правой стороне речного русла.

В золотоордынское время (XIII–XIV вв.) Предуралье выделялся богатством экологических ниш разной таксономической градации (степь, лесостепь, лес, верховые болота, разработанные долины рек, заливные луга и т. д.), что выгодно отличало его от открытых степей и горнолесной зоны Южного Урала. Это способствовало широкому расселению носителей чияликской керамической традиции. На данный момент известно около 100 поселенческих памятников этой культуры, целенаправленные раскопки были проведены лишь на нескольких, из которых можно отметить Горновское, Ябалаклинское-1 и Подымаловское I селища (Казаков, 1978. с. 42–49; Казаков, Чижевский, Лыганов, 2016, с. 219–243; Гарустович, 1998; 2015, с. 181–198; Русланов, 2019, с. 362–364; 2020, с. 393–395; 2021, с. 101–109; Вальков, Русланов, Сёмин и др., 2020, с. 120–133; Тузбеков, 2021, с. 157–165).

До последнего времени целенаправленных разведок по поискам памятников чияликской культуры археологами не предпринималось, вероятно, это объясняется редкостью поселений, перекрытием аллювиальными осадками маломощных культурных слоев селищ, а также их повсеместным разрушением береговой эрозией и т.д. Исправить ситуацию удалось в последнее время, силами образованной на базе ИИЯЛ УФИЦ РАН Золотоордынской комплексной археологической экспедицией проводятся систематические исследования долины р. Дема, которые уже привели к открытию нескольких чияликских селищ таких как Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово 3 и 4, на селище Ябалаклы-1 в течении двух полевых сезонов проводятся археологические раскопки (Русланов, 2023). В предлагаемой публикации приводятся данные о нескольких новых селищах, дополняющих объективно существовавшую картину расселения позднесредневекового населения в долине р. Дема, в настоящее время представленной памятниками Горновского археологического микрорайона (Русланов, 2022) (рис. 1).

Ябалаклы-2, селище

Площадка памятника занимает плавно покатый (перепад 1,5 м) участок высокой поймы высотой 5–6,5 м над уровнем уреза воды в р. Дёма, на левом её берегу. Площадка ограничена с северо-востока и юго-запада двумя дуговидными меандрами старых русел реки, заросших высокими тополями и густым подлеском. Глубина логов – до 1,5 м. С востока площадка ограничена сухим логом шириной до 50 м и глубиной до 1,5 м, идущим параллельно современному руслу реки. С юга данная ложбина практически вплотную примыкает к береговому обрыву. Все это вместе взятое формирует достаточно закрытую от ветров площадку с хорошим естественным выходом к берегу реки (рис. 1).

Полученная коллекция археологического материала состоит из 13 предметов, из которых 3 фрагмента лепной керамики, 7 фрагментов железных котлов и фрагменты железных изделий.

Фрагменты лепных сосудов без орнамента, имеют светло-серый-светло-коричневый цвет, примесь ракушки, песка и дресвы в темно-сером тесте. Толщина их варьируется от 0,3–0,4 см. Толщина стенок железных котлов варьируется от 0,3 до 0,7 см. На основании характеристик стенки обнаруженного котла с ребром была произведена попытка реконструкции доступной части. Диаметр его составил – 41 см.

На основании материала можно датировать памятник XIV–XV в. и отнести к периоду позднего средневековья, чияликской археологической культуре.

Ябалаклы-3, селище

Памятник занимает участок высокой поймы р. Большой Удряк, на левом ее берегу. С юга и востока площадка памятника ограничена поймой и руслом реки, а с севера сухим логом бывшей старицы (1,5 м глубиной). С запада площадка памятника ограничена естественным понижением (рис. 1).

На площадке зафиксировано 6 западин. Западина №1 имеет подпрямоугольную форму и размеры 5×8×0,2 м. Западина № 2 имеет овальную форму и размеры 6×0,5×0,2 м. Западины №3-5 имеют округлую форму и размеры 4×0,1 м. Западина №6 имеет овальную форму и размеры 5×0,5×0,2 м.

Всего в ходе шурфовки было получено 25 предметов, из которых 9 фрагментов железных котлов (3 венчика и 7 стенки), металлические изделия (навесной замок, светец одношипный, топор, накладка, пряжка, скоба, медная заклепка, лезвия скобеля, палаша, ножа, топора и пр.), 2 фрагмента лепной керамики и кости животных (рис. 2).

Фрагменты лепных сосудов однородны, имеют темно-коричневый цвет и примесь песка в темно-сером тесте. Толщина их варьируется от 0,7 до 1 см. Толщина фрагментов железных котлов варьируется от 0,5 см до 1 см. Ряд из них имеют шов и заклепки ремонтного характера.

По двум крупным фрагментам железных котлов была произведена реконструкция. Диаметр получившихся котлов составил 40 и 45 см (рис. 2: 1).

Вещевой комплекс, представленный на памятнике, может быть отнесен к периоду позднего средневековья.

Нижнехозятово-5, поселение

Памятник располагается на круто повышающемся задернованном 3–4-метровом всхолмлении высокого левого берега р. Дёма. С юга данное всхолмление ограничено рекой, а с запада участок примыкает к подтапливаемой зоне. С юга и юго-востока площадка памятника примыкает к глубокому логу,

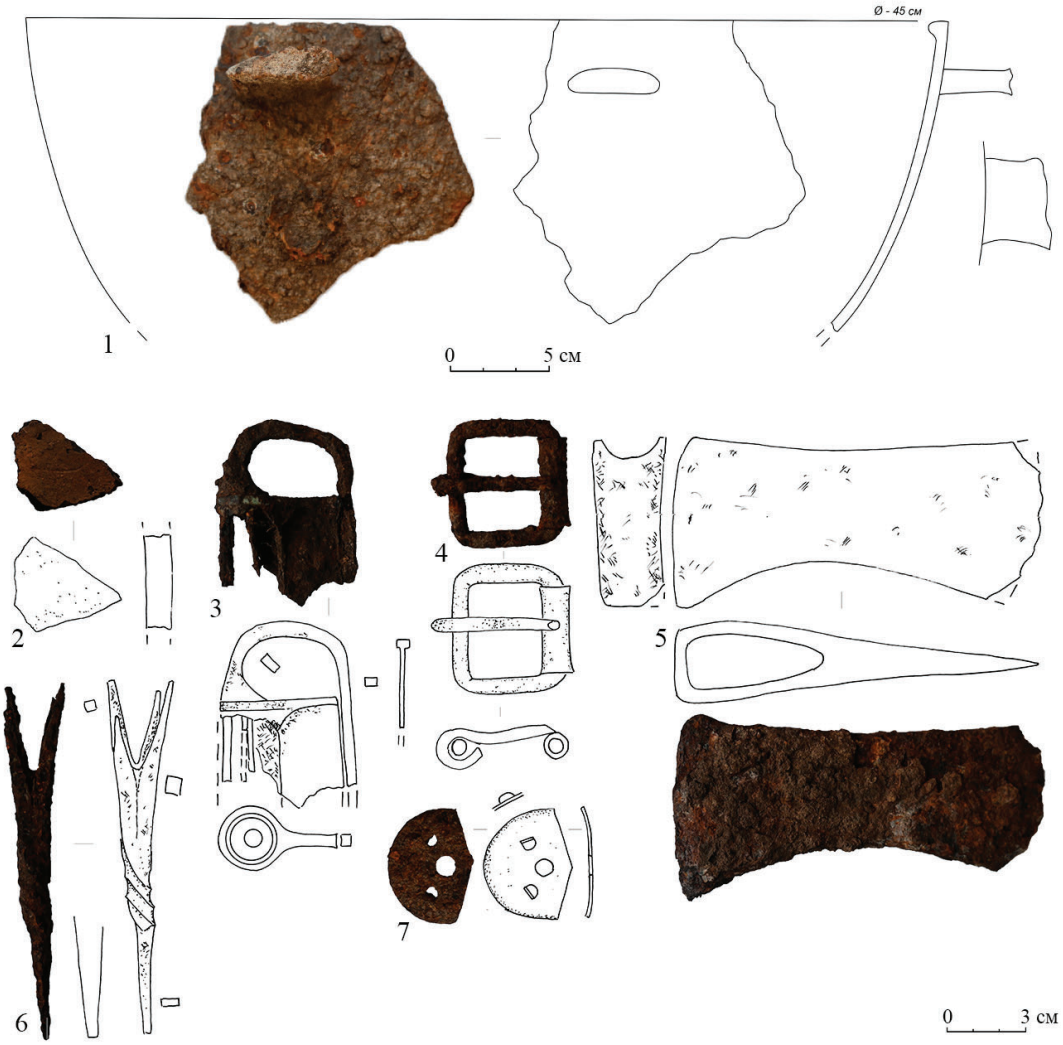

Рис. 2. Ябалаклы-3. 1, 3-7 – изделия из железа; 2 – керамика; 1 – реконструкция диаметра котла по фрагменту венчика с ручкой; 2 – фрагмент стенки лепной керамики; 3 – навесной замок; 4 – пряжка; 5 – топор; 6 – светец одношипный; 7 – накладка.

Fig. 2. Yabalakly-3.1, 3-7 – iron artifacts; 2 – pottery; 1 – reconstruction of the cauldron diameter based on a rim fragment with a handle; 2 – fragment of hand-made pottery; 3 – padlock; 4 – buckle; 5 – axe; 6 – rushlight holder; 7 - plate.

соединяющему современное русло реки и старицу.

Помимо богатого материала, относящегося к абашевской и срубной культурам на памятнике было найдено 10 предметов из металла (4 стенки железных котлов, 1 фрагмент дна железного котла, 1 листовидный наконечник стрелы, 1 железная скоба, 1 фрагмент железного гвоздя, 1 заклепка от котла, 3 фрагмента глиняной обмазки и кости животных.

Толщина всех фрагментов стенок котлов оставляет около 0,4 см. Дно же имеет округлую форму с расходящимися от неё поперечными швами и толщину в 1,9 см. Обнаруженный листовидный наконечник стрелы, по всей видимости, относится к чияликской археологической культуре. Все это, в совокупности с другими железными изделиями, позволяет предположить, что железный материал, обнаруженный на памятнике, относится к чияликской археологической культуре позднего средневековья.

На территории среднего течения р. Дёма известно три памятника, содержащих энеолитический материал – Давлекановское поселение, Чишминская и Кара-Якуповская стоянки.

Давлекановское многослойное (мезолит-бронза) поселение, расположено на левом берегу р. Дёма и было открыто Г.И. Матвеевой в 1962 г. (Археологическая карта…, 1976,

с. 102). Позднее, в 1960-е гг., на памятнике работал Г.Н. Матюшин. Энеолитический слой поселения, обозначенный как Давлеканово III залегал на глубине 40–60 см от дневной поверхности в слое гумусированной супеси мощностью 20–30 см. Материал поселения включал в себя фрагменты, как правило, круглодонных глиняных сосудов с примесью ракушки, шамота и дресвы, кремневый инвентарь, представленный орудиями на отщепах и массивных пластинах, наконечниками стрел листовидной формы, а также значительным количеством костей животных. Г.Н. Матюшиным данный материал был отнесён к выделенной им «агидельской» энеолитической культуре (Матюшин, 1982, с.. 189), что, однако, было раскритиковано А.А. Выборновым, Н.Л. Моргуновой и И.И. Васильевым (Васильев и др., 1985, с. 280–290). Критике подверглась интерпретация не только материалов с Давлекановского поселения, но и с широкого круга памятников, объединяемых Г.Н. Матюшиным в агидельскую культуру. Памятники агидельского типа, по их мнению, могут быть включены во 2 этап самарской культуры, что было заключено на основании приведенных ими аналогий памятников Г.Н. Матюшина с материалами, полученными в более южных районах (Васильев и др., 1985, с. 286). Оспаривать или подтверждать данное мнение на нынешнем этапе изученности достаточно проблематично – ощущается недостаток источниковой базы в виде хорошо стратифицированных памятников и представительных коллекций археологического материала.

Позднее, в 1980-х гг. Ю.А. Морозовым на рассматриваемой территории были исследованы Кара-Якуповская и Чишминская и стоянки.

Чишминская стоянка расположена на останце, который находится на берегу старицы в пойме правого берега р. Уршак. Среди обнаруженных находок особое внимание привлекает коллекция из 102 наконечников стрел и копий, а также 15 орудий, изготовленных из черного кремня и яшмы, вероятно, происходящих из Зауралья. Памятник был датирован серединой III тысячелетия до н. э. (Морозов, 1994. С. 89-94).

Кара–Якуповская стоянка и могильник занимает участок невысокого останца размерами 25×90 м. в пойме правого берега р. Дёма (рис. 1). Анализ техники обработки каменных изделий (преобладание ножевидных пластин и орудий на них), технико-технологические особенности керамического материала и орнаментальные композиции, по мнению Ю.А. Морозова указывали на преемственность населения стоянки с традициями южноуральского неолита. Однако, керамика, хоть и обладала определенной схожестью с неолитической, имела и отличительные особенности, такие как более отогнутый венчик с характерным воротничком, иное расположение и композиции орнамента (геометрические композиции, появление отпечатков веревочки, наколов и пр.) (Морозов, 1984, с. 56).

Основываясь на идентичности каменного инвентаря, керамики, костяных изделий и украшений в виде водоплавающих птиц с материалами Съезжинского могильника Ю.А. Морозов датировал стоянку ранним энеолитом (Морозов, 1984, с. 58).

После исследований 1980-х гг. планомерных и комплексных работ по поиску и изучению памятников энеолита более не проводилось. В 2022–2023 гг. на участке среднего течения р. Дёма, в Чишминском районе Республики Башкортостан были организованы разведочные работы, имевшие цель поиск и исследование памятников энеолита.

Кара-Якуповская стоянка

На северном участке останца, размером примерно 5×5 м, не затронутым раскопами Ю.А. Морозова был заложен разведочный шурф. Стратиграфия схожа с выявленной в процессе работ Ю.А. Морозова. Под дерном залегала серо-коричневая гумусированная комковатая супесь, переходящая в белесо-серую. Далее она плавно переходит в серую гумусированную супесь, которую подстилал материковый песок. Общая глубина составляет 125 см. Энеолитический слой залегал в слое белесо-серой и серой гумусированной супеси. Мощность слоя ~ 80 см.

Обнаруженный керамический материал (31 шт.) можно разделить на две группы (рис. 3):

1. Первая группа (рис. 3: 6–8) является самой многочисленной и включает 24 фрагмента стенок. Керамика этой группы отличается бледно-коричневым цветом, значительным содержанием ракушки и органических включений в тесте, что придаёт ей пористую структуру. Орнамент фиксируется на одном фрагменте (рис. 3: 6) и состоит из горизон-

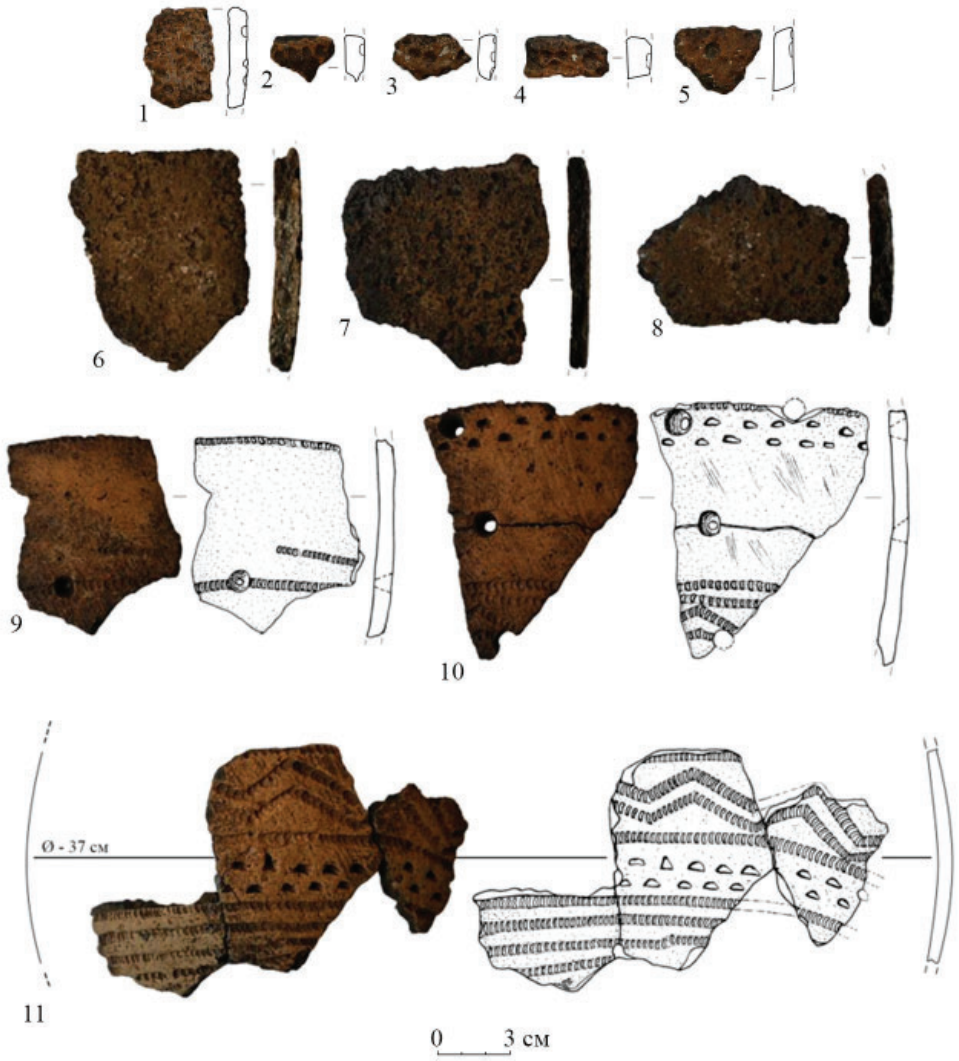

Рис. 3. Керамика эпохи энеолита. 1-5 – энеолитический комплекс с поселения Новый Беркадак-1; 6-11 – Кара-Якуповская стоянка; 6-8 – керамика 1 группы; 9-11 – керамика 2 группы.
Fig. 3. Pottery of the Eneolithic period. 1-5 – Eneolithic complex from the Novy Berkadak-1 settlement; 6-11 – Kara-Yakupovo campsite; 6-8 – pottery of the 1st group; 9-11 – poterry of the 2nd group.

тальной линии оттисков гребенчатого штампа. Керамика этой группы была обнаружена в слое белесо-серой гумусированной супеси и, вероятно, представляла собой довольно крупные сосуды. По всей видимости, керамику данной группы можно с осторожностью соотнести с выделенной Ю.А. Морозовым 1 группой керамики с раскопок 1980-1984 гг. Их сближает цвет фрагментов, состав теста и орнаментация (Морозов, 1984, с. 50).

2. Во вторую группу (рис. 3: 9–11) входит 6 фрагментов. Керамика этой группы имеет темно-коричневый цвет, а тесто серое, с примесью песка и дресвы. На 5 фрагментах сохранился орнамент, состоящий из горизонтальных поясков подпрямоугольных вдавлений, а также горизонтальных и зигзагообразных линий гребенчатого штампа. Три фрагмента принадлежат одному сосуду, диаметр которого составляет – 36–37 см, что удалось определить по восстановленной части стенки. Малое количество материала не позволяет с полной точностью соотнести керамику с группами, выделяемыми Ю.А. Морозовым, однако, по всей видимости, фрагменты могут быть соотнесены с 3 группой, характеризующейся наличием большого количества песка и отсутствием толченой ракушки в тесте, а также плотной структурой фрагментов. Керамика 3 группы по Ю.А. Морозову имела небольшое утолщение венчика, несколько раздутое

тулово и яйцевидную форму с приостренным дном (Морозов, 1984, с. 48).

Таким образом, полученный материал идентичен керамике, выявленной в 1980–1984 гг. и также датируется эпохой энеолита.

Заложенный шурф свидетельствует о том, что для получения наиболее полной картины необходимо дополнительное обследование стоянки, включающее раскопки на сохранившемся участке культурного слоя в северной части останца. Это позволит комплексно изучить материалы стоянки, а также сопоставить новые находки с результатами исследований Ю.А. Морозова.

Новый Беркадак-1, поселение

Поселение Новый Беркадак-1 было обнаружено в ходе разведочных работ и является крупным поселением эпохи бронзы. Поселение расположено на возвышающемся над узкой поймой р. Дёма мысу высотой 2–3 м, в 6 км к СЗ от Кара-Якуповской стоянки. (рис. 1).

Полученный богатый материал представлен керамикой абашевской, срубной и саргаринско-алексеевской культур, что указывает на долгое и плотное заселение данного участка в эпоху бронзы.

Помимо материалов эпохи бронзы в одном из заложенных шурфов было обнаружено 5 фрагментов керамики, вероятней всего, относящихся к энеолиту (рис. 3: 1–5).

Все фрагменты (4 стенки и 1 венчик) происходят от одного сосуда. Обнаруженные фрагменты имеют темно коричневый цвет с большим количеством толченой ракушки в темно-сером тесте. Профилировка достаточно слабая, а сам венчик – прямой. Орнамент представлен ямочными вдавлениями различных размеров (рис. 3: 1–5). Керамика имеет близкое сходство (обильная примесь ракушки в тесте, ямочный орнамент в зоне венчика) с первой группой керамики Кара-Якуповской стоянки (Морозов, 1984, с. 50), что позволяет обозначить выявленный слой как синхронный с ней.

Заключение

Таким образом, разведочные работы 2022–2023 гг. стали логическим продолжением комплексных и целенаправленных исследований памятников энеолита и раннего средневековья на территории среднего течения р. Дёма в Южном Предуралье. Для уточнения вопросов о датировке и культурной принадлежности энеолитических памятников данной территории необходим поиск и изучение новых памятников, а также пересмотр некоторых данных, полученных Г.Н. Матюшиным при анализе материала с Давлекановского поселения. Тем не менее, данная территория на данный момент представляется крайне перспективной и работы в этом направлении будут продолжаться.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Вальков Д.В., Русланов Е.В., Сёмин Д.В., Фахретдинов А.И. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье // УАВ. 2020. № 20. С. 120–133.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала, М.: Наука, 1982 328 с. // СА. 1985. № 2. С. 280–290.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Дисс. … канд. ист. наук. Уфа, 1998. 340 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. 2015. № 15. С. 181–198.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 331 с.

Морозов Ю.А. Кара–Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 43–58.

Морозов Ю.А. Наконечники стрел Чишминской стоянки // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: НМ РБ, 1994. С. 89–94.

Русланов Е.В. Разведка в Чишминском районе Башкирии // Археологические открытия. Т. 2017 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 362–364.

Русланов Е.В. Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 101–109. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.012.

Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 5: Археология и этнография. С. 118–130. DOI 10.25205/1818- 7919-2023-22-5-118-130

Русланов Е.В., Русланова Р.Р., Лясович В.И. Исследования памятников эпохи бронзы и средневековья в центральной Башкирии // Археологические открытия. Т. 2018 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 393–395. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.393-395

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. №4. С. 157–165. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(4).-09.

Информация об авторе:

Хурмаев Анвар Альбертович, и.о. младшего научного сотрудника. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); аспирант. УдмИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск, Россия); kimi.malini@yandex.ru

REFERENCES

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Val’kov, D. V., Ruslanov, E. V., Semin, D. V., Fakhretdinmov, A. I. 2020. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 20, 120–133 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Vybornov, A. A., Morgunova, N. L. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 280–290 (in Russian).

Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery (The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the II millennium AD*). Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Garistovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 181–198 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P., Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V. 2016. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 219–243 (in Russian).

Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Eneolithic of the Southern Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Morozov, Yu.A. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 43–58 (in Russian).

Morozov, Yu. A. 1994. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Vooruzhenie i voennoe delo drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Armament and Military Art of the Ancient Tribes of the Southern Urals)*. Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan, 89–94 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 362–364 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2021. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya (Herald of Humanitarian Education)* 21 (1), 101–109 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 253–267 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (5), 118–130 (in Russian).

Ruslanov, E. V., Ruslanova, R. R., Lyasovich, V. I. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2018 g. (Archaeological Discoveries of 2018).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 393–395 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. 2021. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (33), 157–165 (in Russian).

About the Author:

Khurmaev Anvar A. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. October Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Lomonosov St. 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; kimi.malini@yandex.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.217.224

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЕВО II[1]

©2025 г. Н.С. Смертина, Е.М. Томилина

В статье приводятся первые результаты петрографического анализа каменных находок и керамического материала с археологических раскопок поселения Драчево II. Памятник находится в Осинском городском округе Пермского края, и был подвергнут археологическим изысканиям в 2023 г. Петрографический анализ каменных артефактов и керамики проводится впервые как для памятника, так и для раннего железного века региона. Для поселения было проведено исследование по 13 образцам: 5 образцов камня и 8 образцов керамики. В результате по каменному инвентарю были выделены три вида сырья: кварцитопесчаники, песчаники и трахиты. Для керамики был выделен основной вид исходного сырья – глина гидрослюдистого состава, и примеси, добавленные к ней (примесь растительного материала (органики), дробленой раковины и шамота). Первые результаты петрографического анализа свидетельствуют о необходимости продолжить археологические раскопки на памятнике, а также о проведении междисциплинарных исследований по изучению материалов периода раннего железного века региона (в частности, петрографического анализа).

Ключевые слова: археология, ранний железный век; Среднее Прикамье; осинская культура; гляденовская культура; керамика; петрографический анализ

FIRST RESULTS OF PETROGRAPHIC ANALYSIS OF MATERIALS FROM THE DRACHEVO II SETTLEMENT[2]

N.S. Smertina, E.M. Tomilina

The article presents the first results of the petrographic analysis of stone findings and ceramic material from the archaeological excavations of the Drachevo II site. The monument is located in the Osa Municipal District of the Perm Krai, and was subjected to archaeological surveys in 2023. Petrographic analysis of stone artifacts and pottery is being conducted for the first time both for the site and for the Early Iron Age of the region. For the settlement, a study was conducted on 13 samples: 5 samples of stone and 8 samples of pottery. As a result, three types of raw materials were identified according to the stone inventory: quartzite sandstones, sandstones and trachytes. For pottery, the main type of raw materials used was identified – clay of a hydrosluidic composition, and impurities added to it (an admixture of plant material (organics), crushed shell and grog). The first results of the petrographic analysis showed the need to investigate the site by archaeological excavations, as well as conducting interdisciplinary research on materials from the Early Iron Age period of the region (in particular, petrographic analysis).

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Kama region, Osa culture, Glyadenovskaya culture, pottery, petrographic analysis

Введение

В настоящее время междисциплинарные исследования занимают важное место в изучении памятников археологии и обнаруженных в результате раскопок артефактов. Одним из таких направлений является применение петрографического анализа, с помощью которого ученые получают информацию о минералогическом составе каменных артефактов и фрагментов керамики (Дребущак и др., 2006; Лычагина и др., 2024). Петрографические исследования затрагивают многие эпохи. Например, исследования, посвященные изучению древних керамических традиций неолита Среднего Поволжья (Андреев и др., 2021), изучение с помощью петрографического анализа керамики малышевской неолитической культуры Приамурья (Медведев, Филатова, 2015; Медведев, Филатова, 2016). Ранее нами были проведены петрографические исследования для посуды неолита камской и волго-камской культур Верхнего

[1] Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/

[2] The work was supported by the RSF grant No. 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/

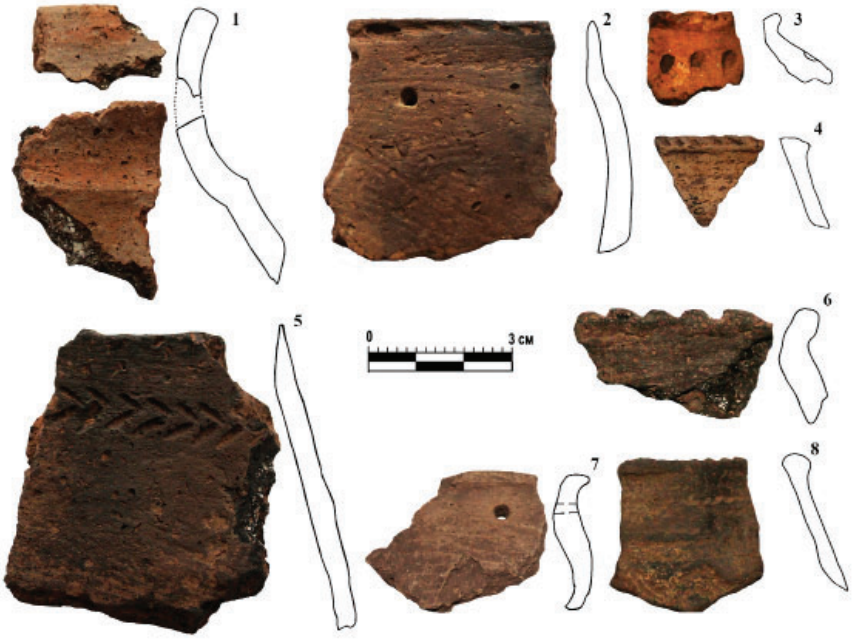

Рис. 1. Керамика поселения Драчево II.
Fig. 1. Pottery from the Drachevo II settlement.

и Среднего Прикамья (Батуева и др., 2019). Не исключением являются и более поздние периоды. Для эпохи бронзового века были проведены петрографические исследования керамического комплекса Казбуруновского археологического микрорайона Южного Приуралья (Щербаков и др., 2016), для раннего железного века – изучение технологии изготовления саргатской культуры с территории Западной Сибири (Кобелева, 2018), исследования материалов памятников тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, Шевнина, 2022). В настоящее время нам представляется важным продолжить данные работы. Целью исследования было проведение петрографического анализа для находок, обнаруженных в результате полевых исследований 2023 г. на поселении Драчево II.

Данный памятник был открыт в 2000 г. сотрудниками Камской экспедиции Пермского университета А.Ф. Мельничуком и П.А. Корчагиным. Поселение находится в Осинском городском округе Пермского края. Площадка памятника разрушается береговой эрозией, а также почти полностью занята постройками и огородами.

В 2023 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, совместно с ПРОО «Археологи Прикамья», под руководством Н.С. Смертиной (Батуевой) были проведены раскопки на площади 60 кв. м в северной части памятника.

Коллекция обнаруженного инвентаря состоит из 1644 предметов: 164 каменные находки, 1 444 фрагмента керамики и остеологического материала. Датировка памятника (его верхних слоев) была получена по керамике. АМС показал, что поселение можно отнести к III–IV вв. н. э.

Для изучения горных пород в шлифах применялся метод поляризационной микроскопии, который позволяет провести диагностику породообразующих и акцессорных минералов на основе определения их оптических свойств, установления взаимоотношений и количественных соотношений между минералами и в конечном счете определения строения и состава пород.

Петрографическое изучение шлифов проведено на поляризационном микроскопе Olympus BX51 (Япония) (аппаратура Центра коллективного пользования уникальным научным оборудованием и Сектора наноминералогии ПГНИУ) под руководством Е.М. Томилиной старшим преподавателем кафедры минералогии ПГНИУ (Пермь).

Результаты исследований

Технико-технологический анализ

Для интерпретации результатов петрографического исследования фрагментов керамических сосудов был проведен техни-

Таблица 1. Результаты изучения ИПС и ФМ
Table 1. Results of analysis of IPS and molding mass

	Рецепты формовочных масс							Всего
	Г + ДР	Г + ОР	Г + ОР + ДР	Г + ОР + Ш	Г + ДР + Ш +ОР	Г + ДР + ДГ	Г + ОР + ДГ	
Драчево II, поселение	27/41,5%	14/21,5%	6/9%	4/6%	3/5%	6/9%	5/8%	65/100%

ИПС – исходное пластичное сырье, ФМ – формовочная масса, Г- глина, ДР – дробленая глина, ОР – органика (навоз, органический раствор, выжимка из навоза и т.д.), Ш – шамот, ДГ – дробленная глина.

ко-технологический анализ в рамках историко-культурного подхода. Он был разработан А.А. Бобринским и основан на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978). Для проведения исследования использовался тринокулярный микроскоп Levenhuk ZOOM 1T, работы проходили на базе лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ.

Керамический материал, обнаруженный на памятнике при исследованиях в 2023 году, представлен чаще неорнаментированными фрагментами. В результате типологического анализа было выделено 65 сосудов (неорнаментированных – 41%/27 экз.; орнаментированных – 59%/38 экз.). Посуда украшалась насечками, ямочными вдавлениями. Орнаментация достаточно бедная, сложные мотивы узоров встречаются крайне редко. Поверхность посуды была обработана с использованием приёмов безгрунтовочной обработки поверхности: заглаживанием, бороздчатым заглаживанием, редко лощением (Цетлин, 2012, с. 98).

Более 50% сосудов непрофилированные. Выделяются фрагменты, имеющие ребро на внутренней или внешней стороне стенки. Венчики округлые, уплощённые, грибовидной симметричной, внутренне симметричной и внешне симметричной формы (Батуева и др., 2024, с. 72–81; Горюнова, Савельев, 1981, с. 122–123).

Проведенный технико-технологический анализ показал, что керамика поселения Драчево II была в основном изготовлена из глин с пылевидной примесью песка, чаще всего замешивалась в естественно увлажненном состоянии. Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) нами были проанализированы данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки.

Всего было выделено семь рецептов ФМ, которые можно разделить на две группы (табл. 1).

Для первой группы с несмешанным двухкомпонентным составом были выделены два рецепта: «глина + дробленая раковина» и «глина + органика». Стоит отметить, что эти два состава являются самыми распространенными для посуды поселения.

Для группы смешанных многокомпонентных составов выделены рецепты: «глина + дробленая раковина + органика», «глина + органика + шамот», «глина + дробленая раковина + шамот + органика», «глина + дробленая раковина + дробленая глина» и «глина + дробленая глина + органика».

В результате технико-технологического анализа мы можем отметить, что рецепты формовочных масс, использованных для изготовления посуды поселения Драчево II, весьма разнообразны. Ведущими являются рецепты с дробленой раковиной и органикой.

Ранее для территории Предуралья были проанализированы материалы более северных поселенческих памятников и могильников, относящихся к периоду гляденовского и харинского времени. На основе анализов составов формовочных масс нами были выделены основные традиции этого периода – добавление к формовочной массе дробленой раковины (местные традиции), а к «пришлым» – формовочные массы с добавлением навоза с шамотом, связанные с населением, пришедшим с Южного Урала (Батуева, Шмуратко, 2018; Батуева, Шмуратко, 2023).

Типологически изучаемая посуда схожа с керамикой Осинского городища, относимой В.Ф. Генингом к осинской культуре, а позже к осинскому варианту гляденовской культуры (Генинг, 1959). К сожалению, более подроб-

Рис. 2. Песты-тёрочники поселения Драчево II.
Fig. 2. Pestle-grindstones from the Drachevo II settlement.

ного анализа технологии изготовления сосудов Осинского городища пока нет, но уже по имеющимся данным мы можем отнести поселения Драчево II к осинской культуре/осинскому варианту гляденовской культуре с признаками инокультурного влияния.

Петрографический анализ

В результате петрографического анализа керамики поселения Драчево II удалось выяснить, что глина, из которой изготавливались сосуды, имеет гидрослюдистый состав (глины с примесью песка и алеврита, в одном случае глина с примесью алеврита) (рис. 3). Во всех образцах наблюдается преобладание пелитовой (глинистой) фракции над обломками различного размера и состава.

В качестве искусственных примесей можно выделить:

Шамот, который фиксируется в петрографии как «глинистые обломки преимущественно каолинитового/гидрослюдистого состава» (рис. 3: 1–16).

Дробленую раковину, которая представлена «обломками известняка неправильной, реже изометричной формы» (рис. 3: 5–10, 15–16).

Растительные примеси: «неправильные остатки растительного темно-коричневого, почти черного цвета»; «растительные остатки красно-бурого, желтого цвета полупрозрачные, удлинённо-вытянутой формы, некоторые волокнистого и узелкового облика» (во всех образцах).

Таким образом, в результате петрографического анализа керамики, мы выделили несколько составов формовочных масс: «глина + дробленая раковина + шамот + органика (выжимка из навоза?)»; «глина + шамот + органика (выжимка из навоза?)».

Как видно из приведенных выше данных, рецептура формовочных масс посуды поселения Драчево II соотноситься по петрографическому и технико-технологическому анализу. Наличие большего разнообразия при проведении последнего из них обусловлено тем, что для него была взята вся выборка сосудов, что, к сожалению, весьма затратно для петрографии. Тем не менее мы видим, что оба анализа показали рецепты с примесями органики, шамота и дробленой раковины. Выделение отличных технологических групп может помочь проследить «местное» и «пришлое» производство посуды, что не всегда выходит по морфологическим данным. Ярким примером являются исследования Л.С. Кобелевой керамики могильника Сидоровка на территории Омского Прииртышья (Кобелева, 2018). Исследователем были выделены «местные» и «импортные» сосуды по способу их изготовления (импортные изготовлены на гончарном круге). При этом проведенный петрографический анализ также показал, что глинистая часть сосудов (ИПС) «местного» и «импортного» происхождения отличается, в то время как искусственные примеси использованы те же. Данный вывод говорит о том, что глины, использованные для изготовления посуды могильника Сидоровка, брались из разных источников. Что касается керамики поселения Драчево II, то по проанализированным образцам мы видим, что состав глины одинаков, разняться искусственные примеси.

Особенный интерес при петрографическом изучении посуды поселения Драчево II вызывает выделение органических примесей по пустотам и неправильным остаткам расти-

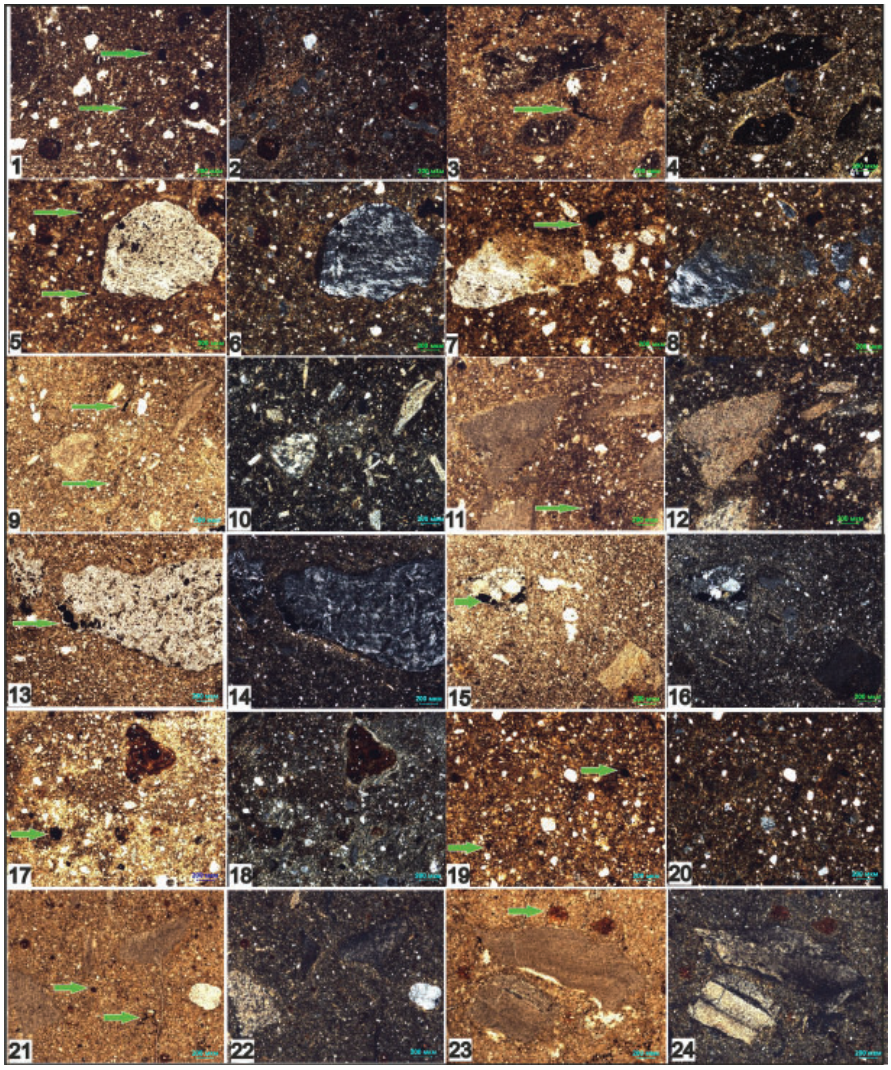

Рис. 3. Фототаблица: петрографические шлифы керамики
Fig. 3. Photo table: petrographic thin sections of pottery

тельного темно-коричневого, почти черного цвета. Хорошим примером выделения органических примесей при проведении бинокулярного и петрографического исследований является работа А.З. Бейсенова и И.В. Шевнина по материалам поселения сакского времени Центрального Казахстана (Бейсенов, Шевнин, 2022). При проведении петрографического анализа авторами были выделены основной глинистый материал (гидрослюдистые глины) и искусственная примесь – дресва. Кроме минеральной добавки исследователями была отмечена примесь органики, которую они выделили при визуальном и бинокулярном осмотре по пустотам щелевидной, удлиненной, извилистой, округлой, овальной форм (выгоревшей органики). Кроме этого, так же как и при проведенных нами анализах по керамике поселения Драчево II, петрографами были выделены примеси углистого состава (аморфного вида с налетом). А.З. Бейсенов и И.В. Шевнин отмечают, что эти включения связаны с искусственной примесью навоза скота, данный вывод был сделан и по исследованиям посуды поселения Драчево II.

Заключение

Подводя итог, хочется отметить, что на сегодняшний день проведенных петрографических исследований материалов поселения Драчево II недостаточно. Результаты, полученные по каменным артефактам, незначительны и приведены приложением к данной статье. Проведенный анализ показал, что всё сырьё, использовавшееся древним человеком, имеет местное происхождение (в основном из аллювиальных отложений Камы). Вероят-

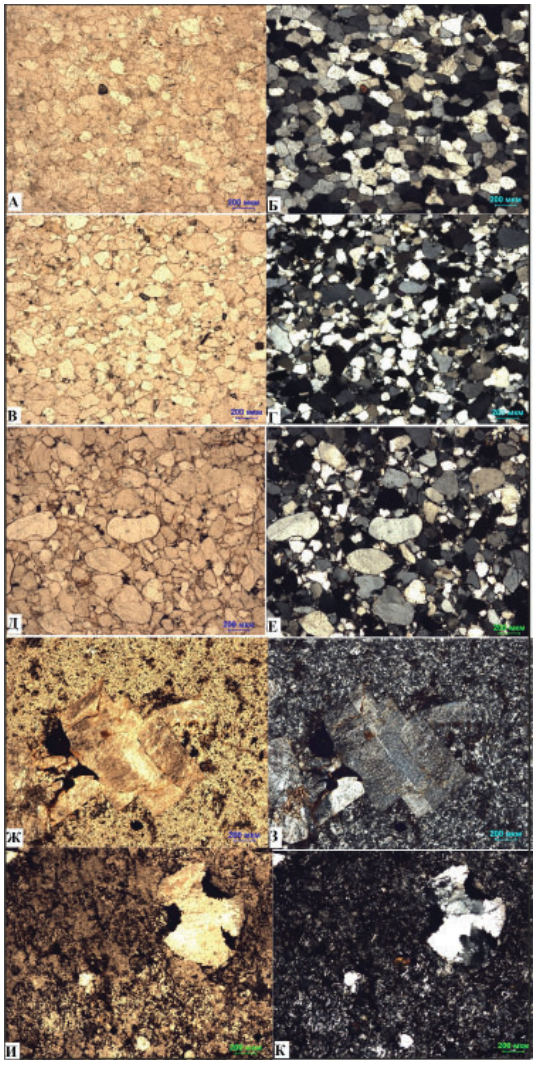

Рис. 4. Фототаблица: петрографические шлифы каменного инвентаря
Fig.4. Photo table: petrographic thin sections of stone tools

но, данное сырье было доступно и отвечало требованиям для использования в повседневной жизни древнего человека.

Более интересной выглядит картина по результатам петрографического анализа фрагментов керамики поселения. Полученные данные в комплексе с технико-технологическим анализом дают результат, позволяющий выделить использованные населением основные искусственные примеси – в нашем случае шамот, дробленая раковина и органика (выжимка из навоза?).

Хотелось бы отметить существующую необходимость сравнения глинистого сырья, используемого населением, оставившим керамику, с выходами глинистого сырья на местности, для этого необходимо провести отдельную работу по сбору материалов в полевых условиях.

Представленные результаты петрографического анализа – первые исследования по данным методикам для эпохи раннего железного времени региона. Несомненно, данная работа должна быть (и будет) продолжена.

Кроме этого, была исследована небольшая выборка артефактов, относящихся к каменной индустрии. Каменные предметы в основном были представлены отходами производства (сколы) и обломками орудий. Среди находок выделяются уникальные: отбойники и их фрагменты, песты-тёрочники (рис. 2), пластины, фрагменты абразивов, фрагменты молота.

Стоит отметить, что полученные результаты являются недостаточными из-за небольшой выборки. Проведение данных анализов необходимо продолжить.

По проведенным петрографическим анализам шлифов *каменных образцов* памятника мы можем сказать, что они были изготовлены из (рис. 4):

1. Кварцитопесчаника светло-серого цвета (1 обр.) (рис. 4: А–Б);
2. Песчаника полевошпатово-кварцевого серого цвета (1 обр.) (рис. 4: В–Г);
3. Песчаника кварцевого буро-серого цвета (1 обр.) (рис. 4: Д–Е);
4. Трахитов бурого и корчевато-серого цвета (2 обр.) (рис. 4: Ж–К).

Источники описанного выше сырья связаны с аллювиальными образованиями, которые зависят от источников сноса и скорости водного потока, определяемого рельефом, который также в Пермском крае характеризуется субмеридиональной зональностью (Ибламинов, 2022). На исследуемой территории аллювиальные отложения образовались в результате выветривания древних верхнепермских отложений сноса минералого-петрографического материала с Уральских гор.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Кулькова М.А., Сомов А.В. Технология изготовления неолитической керамики Среднего Поволжья по данным петрографического анализа // КСИА. 2021. № 263. С. 378–393.

Батуева Н.С., Бубнова Р.В., Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В. Керамика курганной группы у деревни Митино: попытка реконструкции культурно-исторических процессов в эпоху Великого переселения народов // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 24–29.

Батуева Н.С., Голдобин И.С., Ханова Л.И. Археологические исследования многослойного поселения Драчево II в 2023 г. // Труды КАЭЭ. 2024. Вып. XXIV. С. 72-81.

Батуева Н.С., Шмуратко Д.В. Керамические традиции памятников харинского времени в Пермском Предуралье: однотипность или разнообразие? // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 149–156.

Батуева Н.С., Шмуратко Д.В. Керамические традиции на территории Пермского Предуралья в эпоху Великого переселения народов: применение технико-технологического и статистического анализов // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 3. С. 153–162.

Бейсенов А.З., Шевнина И.В. Поселения сакского времени Центрального Казахстана: новые результаты исследований состава керамики // Вестник Дагестанского научного центра. 2022. № 86. С. 23–32.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 164–195.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1981. С. 115–125.

Ибламинов Р.Г. Литология Пермского края: учебное пособие. Пермь: ПГНИУ, 2022. 147 с.

Кобелева Л.С. Технологические особенности изготовления керамики могильника Сидоровка (Омское Прииртышье) // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 24, № 4. С. 64–70.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Результаты петрографического анализа керамики раннего комплекса малышевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. № 4. С. 26–38.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Некоторые итоги междисциплинарных исследований материалов с острова Сучу (1973 год, раскоп I) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4. Т. 44. С. 46–59.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / Отв. ред. В.В. Болдырев, В.И. Молодин. Новосибирск: СО РАН, 2006. 98 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Щербаков Н.Б., Куинн Ш.П., Шутелева И.А., Леонова Т.А., Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю., Гольева А.А. Некоторые результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы племен Южного Приуралья на примере материалов Казбуруновского археологического микрорайона (Республика Башкортостан) // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 76–84.

Япаскурт О.В. Литология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 336 с.

Информация об авторах:

Смертина Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nadiabat@yandex.ru

Томилина Елена Михайловна, научный сотрудник, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия). tomilinaelena.psu@yandex.ru

REFERENCES

Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Somov, A. V. 2021. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 263, 378–393 (in Russian).

Batueva, N. S., Bubnova R.V., Sarapulov A.N., Shmuratko D.V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 24–29 (in Russian).

Batueva, N. S., Goldobin, I. S., Khanova, L. I. 2023. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the*

Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University) XXIV, 72–81 (in Russian).

Batueva, N. S., Shmuratko, D. V. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 7, 1 (22), 149–156 (in Russian).

Batueva, N. S., Shmuratko, D. V. 2023. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 7, no 1, 153–162 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Shevnina, I. V. 2022. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Herald of the Daghestan Scientific Center)* 86, 23–32 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 164–195 (in Russian).

Goryunova, O. I., Savel'ev, N. A. 1981. In Medvedev, G. I. (ed.). *Opisanie i analiz arkheologicheskikh istochnikov (Description and analysis of archaeological sources).* Irkutsk: Irkutsk State University, 115–125 (in Russian).

Iblaminova, R. G. 2022. *Litologiya Permskogo kraya: uchebnoe posobie (Lithology of the Perm Krai: a textbook).* Perm: Perm State National Research University (in Russian).

Kobeleva, L. S. 2018. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (24). 64–70 (in Russian).

Medvedev, V. E., Filatova, I. V. 2015. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 13 (4), 26–38 (in Russian).

Medvedev V.E., Filatova I.V. 2016. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (4), 46–59 (in Russian).

Boldyrev, V. V., Molodin, V. I. (eds.). 2006. *Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdeliy perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku) (Physical and chemical characteristics of late bronze age and early iron age ceramics).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Scherbakov, N. B., Kuinn, Sh. P., Shuteleva, I. A., Leonova, T. A., Lun'kova, Yu. V., Lun'kov, V. Yu., Gol'eva, A. A. 2016. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 14 (1), 76–84 (in Russian).

Yapaskurt, O. V. 2008. *Litologiya (Lithology).* Moscow: "Akademiya" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Smertina Nadezhda S., candidate of historical sciences, assistant professor Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; nadiabat@yandex.ru

Tomilina Elena M., researcher of the Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). Sibirskaya St, 24 Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614990; senior lecturer of the Perm State University (Perm, Russian Federation)., Bukireva Str., 15, Perm, RUSSIA. Zip/Postal: 614990; tomilinaelena.psu@yandex.ru

Статья поступила в журнал 19.07.2024 г.
Статья принята к публикации 21.03.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904(470.5)(045) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.225.233

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КРЕМАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ III–V ВВ.)

©2025 г. О.А. Казанцева

Предметом статьи является история изучения кремаций как способа погребального обряда населения по материалам могильников III–V вв. в Среднем Прикамье. Представлена краткая информация о фиксации остатков и останков кремаций в погребальных памятниках, расположенных в Пермском крае (Мокинский, Кудашевский I могильники) и Удмуртской Республике (Нивский, Арай, Дубровский могильники). Выделено два периода в изучения кремаций. Первый период (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.) связан с фиксацией, сбором и накоплением материалов, их авторской интерпретацией и публикацией статей, содержащих сведения о кремациях. Второй период (начало 2000-х гг. по настоящее время) – с исследованием кремаций с применением методов естественных наук. Обозначены результаты, проблемы в изучении кремационных материалов. Анализ описания кремаций на памятниках отличается авторской оценкой и отсутствием единых подходов к методике исследования. Перспективно применять в изучении кремаций подходы и методы, разработанные учеными Института археологии РАН (г. Москва). Важность исследования кремаций состоит в новых возможностях для реконструкции погребального обряда и для моделирования древнего ландшафта.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, III–V вв. н.э., Великое переселение народов; могильники, погребальный обряд, кремации, история и методы изучения

ON STUDYING THE CREMATION PRACTICES OF THE MIDDLE KAMA REGION POPULATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE BURIAL GROUNDS OF THE III–V CENTURIES)

O.A. Kazantseva

The article focuses on the history of research concerning cremation as a form of burial rite among the population, based on materials from the burial grounds of the III–V centuries in the Middle Kama Region. It provides brief information on the documentation of cremation remains and residues at burial sites located in Perm Krai (Mokino, Kudash I burial grounds) and the Udmurt Republic (Niva, Arai, Dubrovsky burial grounds). Two distinct periods in the study of cremations are identified. The first period (mid-1950s – late 1990s) involved the documentation, collection and accumulation of materials, their interpretation by researchers, and the publication of articles containing data on cremations. The second period (early 2000s – present) is characterized by the study of cremations using natural science methods. In addition, the results and issues in the study of cremation materials are outlined. The analysis of cremation descriptions across different sites reveals significant variation in author's perspective and a lack of standardized research methodologies. It is promising to apply the approaches and methods developed by scientists at the Institute of Archaeology RAS (Moscow) to the study of cremation sites. The importance of cremation research lies in the new possibilities for reconstructing the burial rites and for modeling the ancient landscape.

Keyword: archaeology, Middle Kama region, III–V centuries AD, Migration Period, burial grounds, burial rite, cremation, history and methods of study.

В современной отечественной археологической науке изучение кремаций, как способа захоронения людей, является одним из направлений исследования ученых (Добровольская, 2010, с. 85–97; Клещенко, Решетова, 2019).

Целью статьи является рассмотрение состояния исследования кремаций на примере нескольких могильников III–V вв. (Нивский, Дубровский, Арай в Удмуртии, Мокинский, Кудашевский I в Пермском крае), расположенных в Среднем Прикамье. Материалы данных памятников были проанализированы с целью выяснения степени изученности кремаций, а также проблем, связанных с их интерпретацией авторами публикаций.

Обоснование выборки памятников. Для анализа были взяты доступные данные из научных публикаций ученых за период с 1978 г. по настоящее время. Отметим раскопки и научно-исследовательские темы по изучению могильников I–V вв. трех научных центров: Удмуртского государственного университета (УдГУ, г. Ижевск, КВАЭ), Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда (НМУР, г. Ижевск), Пермского государственного научно-исследовательского университета (ПГНИУ, г. Пермь, КАЭ).

Краткая история изучения кремаций в Среднем Прикамье. В истории изучения кремаций выделим два периода: *первый* (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.) – накопление и описание явлений, связанных с кремациями и *второй* (начало 2000-х гг. по настоящее время) – интерпретация данных, связанных с кремационными остатками при исследовании погребального обряда древнего населения и применением методов естественных наук в изучении кремаций.

Периоды выделены на основе смены деятельности, а точнее методов работы ученых с остатками кремаций на указанных памятниках. Основным критерием рассматриваемых периодов является хронологический: деление на исторические отрезки.

Исследование погребальных памятников в Среднем Прикамье не только проводилось по общепринятой методике раскопок объектов, но и в публикациях авторы опирались в изложении материалов на определенную схему: общие сведения о памятнике, погребальный обряд, вещевой комплекс и иллюстрации, документирующие ход, результаты раскопок. Сведения о погребальных кострах, обожженных деревянных конструкциях и т.д. содержатся именно при описании погребального обряда населения конкретного памятника.

Накопление и описание данных, связанных с кремациями связано собственно с полевым исследованием археологических объектов в Среднем Прикамье и публикацией материалов по итогам (или в процессе) раскопок могильников.

Первый период изучения (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.**)**. На территории Удмуртии одним из первых объектов, в котором были отмечены кремации, являлся Нивский могильник (III–V вв.) – памятник мазунинской культуры. Могильник был обнаружен В.А. Семеновым в 1956 г., в 1972 г. Удмуртским отрядом Нижне-Камской археологической экспедиции ИА АН СССР состоялись небольшие раскопки, а в 1974 г. работы продолжила Т.И. Останина (Удмуртский республиканский краеведческий музей, г. Ижевск) (Останина, 1978, с. 92). В Нивском могильнике были зафиксированы: обугленные кости животных и человека, остатки кострищ, уголь в парных погребениях 51 и 74 (Останина, 1978, с. 93–94). Автор публикации предполагал, что «… погребальные костры, видимо, разводились и в могильных ямах, и рядом с ними» (Останина, 1978, с. 94). Используя метод статистики, автор выяснила, что 43% могил имеют в заполнении уголь, из них в 15 погребениях содержится скопление угля, «…иногда с кусочками прокаленной глины, а в некоторых случаях и пятна обожженной глины» (Останина, 1978, с. 94). Хронология могил позволила отметить, что в III–IV вв. зафиксировано 10 могилах, содержащих в заполнении уголь и только три случая – в V в. н.э. (Останина, 1978, с. 94, табл. Б). Эти сведения, касающиеся кремаций, изложенные Т.И. Останиной, являются одними из первых для памятников исследуемого периода и территории.

Одним из первых могильников в Пермском крае, содержащим кремации и представленным в информационных статьях был Мокинский могильник, расположенный в Пермском районе. В Мокинском могильнике, IV в. – первая половина V в., в 1987 г. исследователи выделили «три типа захоронений – трупоположение, частичное трупоположение и полное трупосожжение (треть всех погребальных комплексов)» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79). «На раскопе II выявлено ритуальное захоронение человеческого черепа, располагавшегося на округлой подсыпке из мелкого галечника. На костях черепа прослеживаются следы воздействия огня» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79). Высказано мнение о возможном существовании на территории могильника кремационных камер, которые представляли собой канавообразные сооружения «глубиной до 1,5 м и шириной от 1,0 м до 6,0 м» (длина его по итогам работ в 1994 г. составляла 24 м), в которых располагались многочисленные линзы пережженных костей, сырых костей, среди них найдены человеческие и развалы столовой посуды. «По краям объекты присыпались материко-

вой глиной, под которой фиксировались обгорелые части плах или досок» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79–80).

По итогам раскопок памятника в 1994 г., на основании пятен пережженных костей, мощностью 18–20 см, четыре погребения (пп. 229, 232–234) отнесены к обряду частичной кремации. Возле пп. 232–234 располагались «три угольно-сажистых пятна с мелкими пережженными костями», мощностью 10 см (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 68). Интересно, что могилы содержали инвентарь, который авторы связывают с воинскими атрибутами (нож в деревянных ножнах, поясные накладки и серебряный наконечник ремня и навершие, обломки меча, пряжка с зернью и стеклянными вставками, наконечник копья, накладка из золотой фольги с зернью, кинжал и предметы конской упряжи). Вероятно, кремации использовались в одинаковой степени как для «богатых» людей или важных персон в области военного дела, так и для «рядовых». Аналогичная ситуация прослеживается в погребениях с кремациями в Кудашевском I могильнике (Казанцева, 2021, с. 41).

Три погребения Мокинского могильника, содержащие уголь, костную золу, пережженные кости в засыпи (пп. 231, 235, 237), отнесены к обряду полной кремации. Обряд в пяти могилах (пп. 230, 236, 238–240) определен как полное трупоположение, а в одной (№ 241) отмечено частичное трупоположение. Аргументы – в заполнении могил угольки, кости разрозненные и измельченные. Кроме того, изучен объект, по мнению авторов статьи, жертвенник, содержащий золу и пережженные кости, около погребений 231 и 229 (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 73).

Отмечены находки костей черепа человека и животного в пп. 233, 235 (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 66–67). В погр. 239 найдены зубы лошади при отсутствии черепа человека (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 68). Зафиксированы фрагменты черепа человека в разной степени сохранности при кремациях в могилах, которые в погребениях размещались в разных частях: в центре (пп. 240, 241), в западной части (погр. 232). В одном случае в центре найден фрагмент черепа и зуб лошади (погр. 235) и в юго-западном углу обнаружены только зубы лошади (погр. 239).

Один из элементов кремаций – кальцинированные косточки располагались в яме овальной формы (0,84×0,72×0,23 м) в центре погребения 235, в которой, наряду с пережженными костями, отмечен фрагмент черепа человека (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 70). Информация о количестве, состоянии, цвете и весе косточек, размере и т.д. представлена далеко не во всех случаях, полной картины нет. Судя по чертежам в публикации, это поверхностное рассыпание угля и золы в могиле (пп. 232, 237) и наличие костей, золы в определенном месте (ямки, линзы, пятна), например, в пп. 229, 231, 233, 234, 235.

Важный элемент для изучения кремаций – заполнение могил. В засыпях могил памятника отмечены: рыхлый суглинок с угольками (пп. 231, 233, 236) и темный суглинок (погр. 241), в остальных случаях заполнение в публикации не указано (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 66–68).

Сведения о деревянных конструкциях, обнаруженных в могилах на памятнике, дополняют информацию об обрядах и применении огня при захоронении. Исследователи считают, что деревянные настилы «… разрушались или сжигались, так как все они зафиксированы во фрагментарном состоянии, в основном в виде углистых прослоек» (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 71).

Далее исследователи выделили два типа захоронений, в которых сожженные остатки костей располагаются беспорядочно на дне могилы и погребения, содержащие кости человека в «специальном углублении» в центре могилы. Отметили, что обряду частичной кремации подвергалась «центральная часть костяка (кости грудной клетки и позвоночного столба)» (Кулябина, Лабутин, Мельничук, 1998, с. 24). Ученые выделили на памятнике 4 типа погребений с частичной кремацией, за основу деления был взят характер расположения костных остатков в могиле. Первый тип – кальцинированные кости размещались в центре могилы, кости черепа, верхних и нижних конечностей сохранены; второй – кальцинированные кости находились в специальном углублении ниже уровня могилы, кости черепа сохранены, не испытали воздействие огня; третий – кальцинированные кости перемешаны с сырыми костями человека; четвертый – кости скелета человека

имеют следы слабого воздействия огня (Кулябина, Лабутин, Мельничук, 1998, с. 24).

Сооружения в виде угольно-сажистых пятен на Мокинском могильнике, глубиной до 1 м, насыщенных костями и золой, Н. В. Кулябина считала подобием кремационных камер (Кулябина, 2006, с. 410).

Исследователи памятника: С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук выделили два типа кремаций на памятнике: полную и частичную (Коренюк, Мельничук, 2006, с. 409).

Таким образом, сведения о кремациях Мокинского могильника разных ученых дают в целом представление о характере остатков погребальных конструкций, останков людей и животных, интерпретацию авторов раскопок о способе и вариациях кремаций, расположению костей и инвентаря в могилах. Важен вывод о наличии кремаций на памятнике. Конечно, для глубокого понимания обряда кремирования населения, оставившего этот могильник, сообщается недостаточно сведений о количестве, идентификации тех или иных останков (человека и/или животных), иногда мощности и содержания слоев, равно как и аргументов в пользу вариантов и признаков выделенных кремаций в статьях, но ценно то, что они опубликованы и доступны для сравнения, анализа с другими памятниками.

Другим памятником Пермского края, содержащем в своих материалах кремации, является открытый в 1989 г. Кудашевский I могильник в Бардымском районе. За период раскопок с 1990 г. по 2000-е гг. на объекте были накоплены коллекции, содержащие органику (кости животных, в основном лошади) и останки людей. Кальцинированные косточки, уголь находятся в погребениях, в их засыпи и в ямках, возможно, ритуального характера и в межмогильном пространстве.

Второй период (начало 2000-х гг. по настоящее время) представлен результатами работ на могильниках территории Удмуртии и Пермского края.

Дубровский могильник, IV–V вв. (Киясовский район Удмуртской Республики) раскапывался отрядом КВАЭ с 2009 г. по 2017 г. Исследователи памятника, наряду с характеристикой погребального обряда и инвентаря, половозрастных определений умерших, указывают «следы огненных ритуалов… в фиксации остатков костров на поверхности насыпанных могил (пп. 15, 16, 22, 23, 27, 29, 35» (Черных, Перевозчикова, Бернц, 2010, с. 207). «В ряде погребений отмечены специфические черты погребального ритуала, не характерные для местных некрополей: обмазка стенок глиной, со следами обжига, подсыпка дна и останков погребенного мелом, камни в засыпке, иногда довольно крупные» (Бернц, Черных, Перевозчикова, 2015, с. 456).

Могильник Арай, IV–V вв. (Каракулинский район Удмуртской Республики) также итог работ КВАЭ УдГУ. В 2005 г. на могильнике «… в одном случае верхнее перекрытие было обуглено» (Черных, Карпушкина. Перевощиков, Перевозчикова, 2007, с. 398). При характеристике погребального обряда памятника, в том числе деревянных конструкций авторы статьи указывают «… что в 7 могилах (пп. 8, 58, 68, 74, 86, 109, 158) зафиксированы следы температурного воздействия: это обугленные плахи, углистые пятна или отдельные угли в слое заполнения и рядом с костяками» (Черных, Хайруллина, 2018, с. 88). Формат информационного издания, вероятно, не позволил авторам более подробно остановиться на деталях, связанных с кремациями.

Особо остановимся на материалах Кудашевского I курганно-грунтового могильника (Казанцева, Сунцова, 2019, с. 221–231; Казанцева, 2022, с. 308–320; Казанцева, Куприянов, 2023, с. 193–207). Изучение кремаций на памятнике имеет некоторую историю исследования. Впервые кальцинированные косточки на памятнике в погребении и в ямках (возможно, ритуальных?) были отмечены в 1989 г., в год открытия памятника.

В течение ряда лет в раскопках Кудашевского I курганно-грунтового могильника участвовала канд. биол. наук, доцент Н.Ю. Сунцова (ИжГСХА), ею были подготовлены пробы древесины от внутримогильных конструкций, определены породы лиственных и хвойных деревьев. В результате был сделан важный вывод о том, что «…некоторые деревянные конструкции испытали воздействие огня» независимо от типа погребальной конструкции и пола умершего (Казанцева, Сунцова, 2019, с. 228). В дальнейшем, эти определения стали базой для сравнения с другими памятниками из соседних территорий. Выделенные виды древесины хвойных пород от погребальных конструкций подтвердили вывод о том, что они не отличаются от обугленных конструкций на памятнике.

Из Кудашевского I курганно-грунтового могильника исследованы погребальные деревянные внутримогильные конструкции (Казанцева, 2021, с. 40–43). Дан общий обзор состояния кремационных остатков: обугленных погребальных конструкций; ямок, содержащие уголь и кости; останков животных, человека (Казанцева, 2021, с. 40–43; Казанцева, 2022, с. 308–320; Казанцева, 2022а, с. 193–206).

Отдельная работа посвящена результатам изучения древесного угля из раскопок 2022 г. и содержащихся в могилах, их заполнении, в межпогребальном пространстве (Казанцева, Куприянов, 2023, с. 193–207). При изучении угля был применен ксилотомический анализ, что позволило не только определить породу деревьев по составу спектров древесного угля (ель, сосна, ольха и осина), но и соотнести результаты исследования с палеоландшафтом Прикамья и сопредельных территорий. Уголь, как реликт кремаций, обнаружен в погребениях с обрядом ингумации населения могильника, также уголь зафиксирован в слое могил, совершенных по обряду кремации на стороне. Исследование показывает ценный информационный потенциал древесного угля для изучения кремаций на памятниках.

В целом, информация авторов о кремациях на могильниках разная по объему и содержанию, свидетельствует о том, что такие погребения отличаются от могил местного населения, а, следовательно, хоронившие умерших имели отличные от прикамского населения представления о способе погребального обряда.

Таким образом, второй период изучения памятников (начало 2000-х годов по настоящее время) отличается от первого применением специальных методов исследования кремаций, интерпретацией результатов в сравнении с другими объектами и появлением научных статей, связанных с конкретными результатами исследований кремаций на примере отдельных памятников Среднего Прикамья.

Некоторые результаты. В публикациях кремационные материалы даны в контексте погребального обряда при описании погребений (Нивский могильник, Мокинский могильник), но сами остатки кремаций (кости человека и животных обожженные, угли, обугленные внутримогильные погребальные конструкции и т.д.) не изучены, не взяты при полевых раскопках, что, конечно, значительно снижает информационную составляющую для исследования кремаций как исторического источника в целом.

Из материалов Кудашевского I могильника изучены: древесина внутримогильных конструкций, древесный уголь, проведена статистика заполнений могил с кремациями. Пробы угля хранятся в базе данных ИА РАН, наряду с другими материалами памятников. В настоящий момент – это единственная представительная коллекция угля памятников эпохи Великого переселения народов в России. Исследование стало возможно при многолетнем сборе угля в раскопках и сотрудничестве с Д.А. Куприяновым, м.н.с. Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН, г. Москва. Получены выводы о преобладании сосны (50%) на памятнике в качестве материала для обугленных погребальных конструкций (Куприянов, 2021, с. 119–120).

Следует отметить, что материалы раскопанных могильников (Арай, Дубровский) включены в научный оборот на уровне краткой информации о кремациях в контексте описания погребального обряда, что в определенной мере затрудняет сравнение уже изученных коллекций могильников Среднего Прикамья с неопубликованными памятниками подобного рода.

Таким образом в изучении кремаций памятников III–V вв. в Среднем Прикамье необходимо отметить длительный временной процесс накопления данных: от первых сборов и упоминаний в литературе, их авторской интерпретации и затем планомерного анализа коллекций конкретных памятников, связанных с кремациями, публикациями в научных изданиях. Краткий анализ литературы позволяет отметить, что кремации, как способ захоронения, занимают важное место в погребальных обрядах прикамского населения.

Обозначим некоторые **проблемы**. Отсутствие методики сбора кремаций в полевых работах на памятниках до 2000-х гг. XX в., следовательно, несмотря на наличие материалов, связанных с кремациями, указанными в научных статьях, сбор кремаций не всегда был предпринят в поле для дальнейшего изучения учеными в камеральных условиях. Но материалы фиксировались на уровне записей в дневнике раскопок, чертежах.

Среди учёных в региональной науке существовало традиционное мнение о преобладании погребального обряда ингумации у древ-

него населения в III–V вв. Этот факт также в значительной степени не позволяет в настоящее время проводить сравнение материалов кремаций отдельных памятников и делать выводы по итогам исследования могильников в Среднем Прикамье.

Несмотря на разные мнения ученых относительно этнокультурной и этнической принадлежности населения рассматриваемых в статье памятников (Нивский, Дубровский, Боярский («Арай»), Мокинский, Кудашевский I могильники), авторы соотносят их с эпохой Великого переселения народов. Процессы, которые происходили на территории Среднего Прикамья, отражали, прежде всего, взаимодействие местного и пришлого населения. Погребальный обряд в данном случае демонстрирует традиции древнего населения в своем взаимовлиянии и выражается по-разному в каждом конкретном памятнике. В этом плане представляется весьма перспективно обратить внимание исследователей могильников на содержание погребального обряда – детали кремаций (степень и место обугленности внутримогильных конструкций, наличие костей, их расположение, мощность и т.д.), что несомненно будет способствовать пониманию важной роли огня в обрядовых или кремационных действиях и т.д. Практическое определение древесных пород во многом позволяет определить выбор древесины для совершения кремаций, исследовать древний палеоландшафт.

Перспективы изучения кремаций в Среднем Прикамье заключаются в применении учеными в научной деятельности методических приемов и многолетних апробированных способов работы с кремационными материалами, разработанными в ИА РАН (г. Москва). Коллектив ученых отдела контекстуальной антропологии успешно внедрил методику фиксации, сбора и полевых условиях, обработку и идентификацию материалов, связанных с кремациями (обугленные кости людей, животных, угли, обугленная древесина и т.д.).

Важную роль в понимании роли древних кремаций для современных исследователей имеют ежегодные научные семинары, проводимые для археологов в Институте археологии РАН (г. Москва) с 2014 г., в том числе в смешанном формате (Добровольская, 2021, с. 8). Обмен мнениями, рассмотрение проблем, достижений коллег в области изучения кремаций, безусловно, способствует дальнейшей разработке важных, сложных, обсуждаемых вопросов, связанных с этим явлением. Отметим, что методика исследования, тематика работ коллег публикуется в сборниках, издаваемых ИА РАН и доступна научному сообществу (Методические аспекты…, 2021; Методические аспекты…, 2023, дата обращения 01.08.2024).

Усилия учёных по изучению кремаций позволят выяснить их общие тенденции и отметить особенности, оценить место в погребальном обряде населения Среднего Прикамья для решения вопросов этнокультурного взаимодействия народов.

ЛИТЕРАТУРА

Бернц В.А., Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 455–457.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Добровольская М.В. Предисловие // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 7–15.

Казанцева О.А. Погребальные конструкции как элемент кремации // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 40–43 (на англ. яз. С. 43).

Казанцева О.А. Кремации в погребальном обряде Кудашевского I могильника III–V вв. // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 308–320. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.308-320.

Казанцева О.А. Кудашевский I курганно-грунтовый могильник // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 193–206.

Казанцева О.А., Куприянов Д.А. К вопросу об информационном потенциале древесного угля кремаций Кудашевского I могильника (III–V вв.) // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 193–207. DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.272.193-207.

Казанцева О.А., Сунцова Н.Ю. К вопросу о погребальных конструкциях Кудашевского I могильника // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 221–231.

Клещенко Е.А., Решетова И.К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2019. 224 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Особенности погребального обряда населения Среднего Приуралья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III–V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции (Ижевск, 22–24 июня 2005 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 408–411.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского ун–та. Сер. История. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.

Кулябина Н.В. Пермское Прикамье в начале эпохи Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции (Ижевск, 22–24 июня 2005 г.). / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 411–412.

Кулябина Н.В., Лабутин М.Г., Мельничук А.Ф. Некоторые особенности погребального обряда Мокинского могильника // Сохранение, восстановление, исследование исторического, культурного, природного наследия народов России. Материалы международной научно-практической конференции (Березняки, 29–30 октября 1998 г.). Березняки, 1998. С. 23–25.

Куприянов Д.А. Применение палеоантракологического анализа для изучения кремаций // Архив палеоантропологических материалов: контексты, исследования / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 114–122. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-2.114-122.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В. Исследования Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 78–81.

Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. 80 с.

Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2023. 38 с. Доступно по URL.: https://archaeolog.ru/media/books_2023/metod_crem_sb_2023.pdf

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–117.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевощиков С.Е., Перевозчикова С.А. Исследования памятников железного века в Удмуртском Прикамье // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 398–400.

Черных Е.М. Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 22–23 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран, Н.А. Лещинская. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 207–211.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–108.

Информация об авторе:

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия), kazantsevaolga@yandex.ru

REFERENCES

Bernts, V. A., Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 455–457 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. 2010. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 224, 85–97 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7–15 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 40–43 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 308–320 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2022a. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 193–206 (in Russian).

Kazantseva, O. A., Kupriyanov, D. A. 2023. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 272, 193–207 (in Russian).

Kazantseva O. A., Suntsova N. Yu. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 221–231 (in Russian).

Kleshchenko E. A., Reshetova I. K. 2019. *Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiyakh obraza zhizni i pogrebal'noy obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy (Paleoanthropological materials in reconstructions of lifestyle and burial rites of the early medieval population of Eastern Europe).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korenyuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 408–411 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Melnichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series).* 15 (1), 65–80 (in Russian).

Kulyabina, N. V. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 411–412 (in Russian).

Kulyabina, N. V., Labutin, M. G., Melnichuk, A. F. 1998. In *Sokhranenie, vosstanovlenie, issledovanie istoricheskogo, kul'turnogo, prirodnogo naslediya narodov Rossii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Bereznyaki, 29–30 oktyabrya 1998 g.). (Preservation, restoration, research of the historical, cultural and natural heritage of the peoples of Russia. Proceedings of the scientific and practical conferences (Berezniaki, 29–30 Oktober 1998)).* Bereznyaki, 23–25 (in Russian).

Kupriyanov, D. A. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). Arkhiv paleoantropologicheskikh materialov: konteksty, issledovaniya. *(Archive of paleoanthropological materials: contexts, information support, research).* Moscow: Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 114–122 (in Russian).

Melnichuk, A. F., Oborin, V. A., Soboleva, N. V. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 78–81 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. (ed.). 2021. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. (ed.). 2023. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 92–117 (in Russian).

Chernykh, E. M., Karpushkina, O. A., Perevoschikov, S. E., Perevozchikova, S. A. 2007. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2005 g. (Archaeological Discoveries of 2005).* Moscow: "Nauka" Publ., 398–400 (in Russian).

Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Bernts, V. A. 2010. In Goldina, R. D., Shapran, I. G., Leshchinskaya, N. A. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka,*

prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society). Izhevsk: Udmurt State University, 207–211 (in Russian).

Chernykh, E. M., Khairullina, O. F. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 87–108 (in Russian).

About the Author:

Kazantseva Olga A., Candidate of Historical Sciences, associate professor, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation, kazantsevaolga@yandex.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 07.04.2025 г.

УДК 902(470.1) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.234.243

О ГРАНИЦАХ АРЕАЛА ВАНВИЗДИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

©2025 г. А.М. Мурыгин

В статье представлены результаты анализа распространения керамических сосудов ванвиздинской археологической культуры второй половины I тыс. н. э. на севере европейской части России. На основе картографирования определены основные районы концентрации типичной для ванвиздинской культуры лепной ямочно-гребенчато-шнуровой керамики – поселения средней, в меньшей степени, верхней и нижней Вычегды, верхней и средней Мезени (73,0% от всех известных ванвиздинских памятников). Установлены крайние северо-западные, юго-западные и северо-восточные пределы выявленных поселений с ванвиздинской керамикой – северодвинский бассейн, нижняя Мезень, водораздельные озера Печорского Приуралья (10,2%). За пределами основного ареала наибольшая локализация поселений, в том числе – укрепленных, на которых, наряду с местной, найдена ванвиздинская керамическая посуда, прослежена в Северном Прикамье (16,8%). Установлено, что начиная с VI–VII вв. н. э. наблюдается распространение ванвиздинских групп во всех направлениях от мест первоначального расселения, но более всего в северо-западном (Мезень) и южном (Прикамье) направлении. На финальном этапе развития культуры (к концу I тыс. н. э.), ванвиздинские коллективы становятся фактором постоянного присутствия на землях севера Прикамья и междуречья правых притоков Северной Двины – Вычегды и Юга, где впоследствии, вероятно, вошли в состав местного позднесредневекового населения.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, ванвиздинская археологическая культура, Вычегда, Печора, Мезень, Северная Двина, Прикамье.

ON THE BORDERS OF THE VANVIZDINO ARCHAEOLOGICAL CULTURE AREA

A.M. Murygin

This article deals with the results of an analysis of the distribution of pottery from the Vanvizdino archaeological culture during the second half of the I millennium AD in the north of the European part of Russia. Based on cartographic mapping, the main concentration areas of pottery typical for the Vanvizdino culture – handmade dotted-combed-and-corded ware – were identified: settlements on the Middle Vychegda River, and to a lesser extent, the Upper and Lower Vychegda, and the Upper and Middle Mezen River (73,0% of all known Vanvizdino sites). The extreme northwestern, southwestern, and northeastern limits of the identified settlements containing Vanvizdino pottery were established: the Northern Dvina basin, the Lower Mezen, and the watershed lakes of the Pechora Ural region (10,2%). Outside the main distribution area, the greatest concentration of settlements – including fortified ones – where Vanvizdino ceramic ware was found alongside local pottery, was traced in the Northern Kama region (16,8%). It was established that starting from the VI–VII centuries AD, Vanvizdino groups spread in all directions from their initial settlement areas, but most significantly in the northwestern (Mezen) and southern (Kama region) directions. In the final stage of the culture's development (towards the end of the I millennium AD), Vanvizdino groups became a factor of constant presence in the lands of the northern Kama region and the interfluve of the right-bank tributaries of the Northern Dvina – the Vychegda and Yug rivers. Here, they subsequently likely became part of the local late medieval population.

Keywords: archaeology, medieval period, Vanvizdino archaeological culture, Vychegda, Pechora, Mezen, Northern Dvina, Kama Region.

Основной территорией распространения памятников ванвиздинской археологической культуры втор. пол. I тыс. н. э., является Вычегодско-Мезенская равнина. Поселения с однотипными остатками материальной культуры расположены преимущественно на средней, в меньшей степени, верхней и нижней Вычегде, в бассейне верхней и средней Мезени. Формирование ванвиздинской археологической культуры совпадает с эпохой Великого переселения народов, кризисы и миграционная активность которой коснулись и крайнего северо-востока европейской части современной России. На европейском северо-

востоке основные итоги глобальных событий этого периода нашли отражение в активизации миграционных процессов, протекавшие в форме перманентно происходящих миграций и проникновении на Вычегду и на Печору носителей курганного обряда захоронения из Прикамья и зауральских групп с фигурно-штамповой орнаментацией керамики.

К настоящему времени в научный оборот введены фактически все основные данные, касающиеся ванвиздинских памятников, найденных сейчас не менее чем в 107 пунктах (рис. 1). Это обстоятельство позволяет остановиться здесь на важном вопросе об особенностях ареала ванвиздинской культуры в целом, сделать некоторые предварительные выводы.

Регионом, где происходило становление и дальнейшее развитие ванвиздинской археологической культуры на протяжении второй половины I тыс. н. э. являлся бассейн Вычегды (53,3% от всех известных ванвиздинских памятников; рис. 1-I: 1–57). В бассейне Вычегды ванвиздинские памятники исследователи датируют IV–V (V–VI) вв. н. э. – VIII вв. н. э. (Г.М. Буров) или VI–X вв. н. э. (К.С. Королев, Н.Н. Чеснокова, Э.А. Савельева).

В бассейне р. Мезени по имеющимся источникам общие хронологические рамки ванвиздинских материалов, в отличие от вычегодских, определяются VI–VIII вв. н. э. (Мурыгин, 2001). Однако на р. Мезени материалы переходного этапа от раннего железного века к раннему средневековью, полностью адекватные вычегодским (шойнатыйский культурный тип) (рис. 2), к настоящему времени не зафиксированы, а памятники позднего этапа (IX-X вв. н. э. – лозымский; рис. 4) пока не выявлены. Здесь также не известны археологические памятники финального этапа раннего железного века, аналогичные позднегляденовским. Типичной чертой ванвиздинских поселений восточных районов бассейна р. Мезени (19,6% от всех известных ванвиздинских памятников и 87,5% от всех выявленных мезенских ванвиздинских поселений; рис. 1-II: 1–21) является, как правило, не смешанный по времени и в этнокультурном отношении характер культурных напластований ванвиздинской эпохи. Характерные для р. Вычегды долговременные поселения, существовавшие на протяжении всей или почти всей второй половины I тыс. н. э., на р. Мезени не найдены. Судя по всему, на р. Мезени не происходило формирование ванвиздинской культуры, а места обитания (неукрепленные поселения) принадлежали группам выходцев из бассейна р. Вычегды, осваивавших природные ресурсы сопредельных районов.

Верхнекамский регион, расположенный южнее вычегодского ванвиздинского ареала, также является довольно насыщенным памятниками ванвиздинской культуры (16,8% всех ванвиздинских памятников (рис. 1-IV: 1–18). Ванвиздинские материалы выявлены как в погребальных, так и на поселенческих комплексах, на жертвенном месте. Проникновение ванвиздинских групп на север Прикамья, судя по археологическим материалам, происходило по левым притокам р. Вычегды (рекам Локчим и, видимо, Сев. Кельтма и Нем) и далее на р. Каму по р. Весляна и через Чусовское озеро. По мнению В.А. Оборина, эти данные свидетельствуют о присутствии в северных районах Прикамья ванвиздинского населения, вошедшего позднее в состав северных родановских племен (Оборин, Балашенко, 1968. с. 29). На это указывают некоторые детали погребального обряда в погребениях второй половины I тыс. н. э. Агафоновского, Мелехинского и Урьинского могильников (Оборин, 1968. с. 26; Оборин, Балашенко, 1968. с. 29), находки ванвиздинской керамики в ранних хронологических горизонтах родановских городищ (Кыласово, Лаврятское, Кудымкарское, Редикарское, Петуховское; Оборин, 1968. с. 38; 1969. с. 163) и селищ – Усть-Руч и Усть-Черная IX (Мельничук и др., 2018. с. 105–106, 108–109), Мелехинское, Покчинское, Лекмартовское, Чирвинское II, Пянтежское, Вилесовское II (Оборин, 1969. с. 163; Оборин, Балашенко. 1968. с. 29), Огурдинское (Бадер, 1960. рис. 3, *11*), на жертвенном месте у дер. Подбобыка (Оборин, 1969. с. 163; Теплоухов, 1897. с. 147, табл. II, *10*). Характерен тот факт, что некоторые верхнекамские поселения (Редикарское городище – более 20% посуды памятника является ванвиздинской и располагается в нижнем слое), видимо, были основаны ванвиздинцами (Оборин, 1987. с. 70).

Можно полагать, что не позднее чем с конца VI в. н. э. север Прикамья сначала является областью хозяйственного освоения со стороны ванвиздинских племен, а в последней четверти I тысячелетия н. э. становится, видимо, местом их постоянного обитания (Мурыгин, Королев,

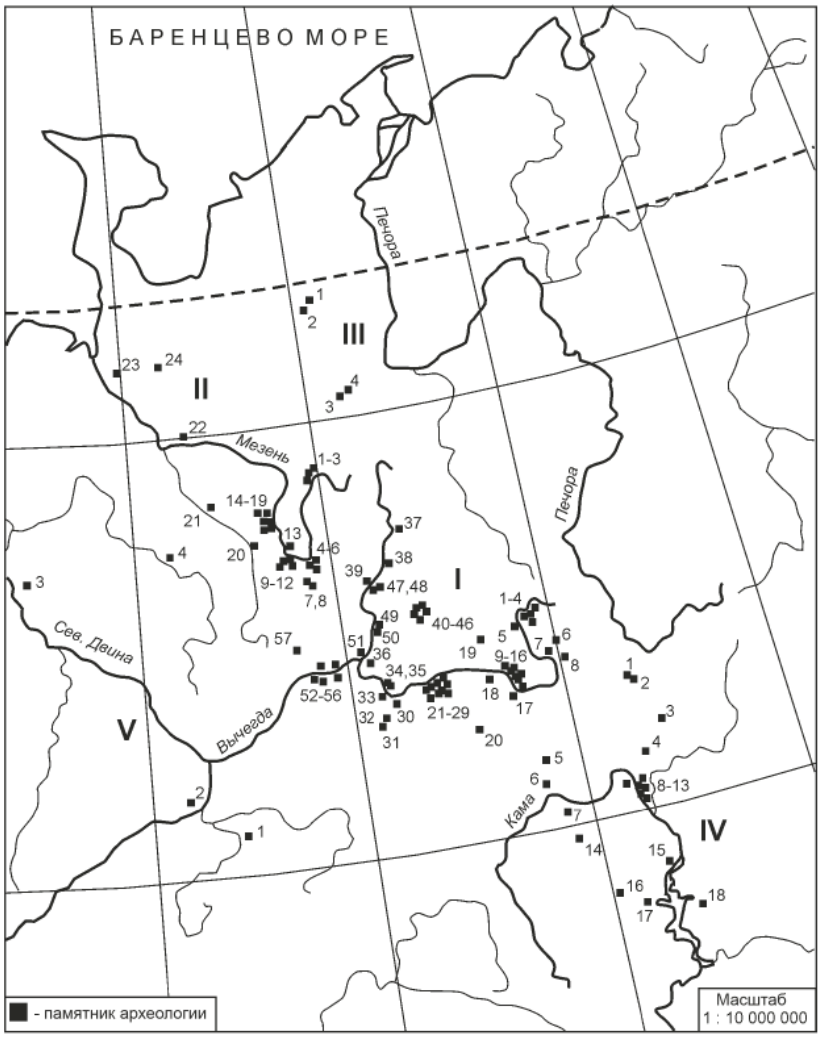

Рис. 1. Карта памятников ванвиздинской археологической культуры. I – *бассейн Вычегды:* 1 – Кузьвомын, 2 – Ягкоджты, 3 – Ягкодж I, 4 – Чуддинты II, 5 – Помоздино, 6 – Воркерос, 7 – Варламовка, 8 – Лопью-вад, 9 – находка бронзового культового предмета у оз. Донты, 10 – Дон, 11 – Пасашор, 12 – Усть-Кулом II, 13 – Усть-Кулом III, 14 – Озъяг II, 15 – Озъяг III, 16 – Озъяг V, 17 – Ювanаяг (грунтовая часть), 18 – находка бронзового культового изображения (д. Эжол), 19 – Борганъель (грунтовая часть, 20 – Вэръю,21 – Шойнаты II, 22 – Шойнаты III, 23 – Шойнаты VI, 24 – могильник Шойнаты I, 25 – Джуджыдъяг, 26 – Угдым II, 27 – Угдым III, 28 – Угдым IV, 29 – могильник Угдым II, 30 – Ыб, 31 – Лозым, 32 – Красная Гора, 33 – Нидзъяс, 34 – Зеленец, 35 – Койты, 36 – Ванвиздино, 37 – Усть-КедваI, 38 – Усть-Комыс, 39 – Евдинский могильник, 40 – Вис I, 41 – Вис II, 42 – Вис III, 43 – Синдорское озеро IV, 44 – Симва I, 45 – Симва II, 46 – Веслянский I могильник (грунтовая часть), 47 – Веслянское I поселение, 48 – Жигановское поселение, 49 – Онежье,50 – Ниремка I, 51 – клад бронзовых вещей из с. Усть-Вымь, 52 – Чежтыягское поселение, 53 – Гам, 54 – находка культового изображения из с. Жешарт, 55 – РевьюIV, 56 – Кунес, 57 – Тохтинское поселение. II – *бассейн Мезени:* 1 – Кужим II, 2 – Кужим I, 3 – Кужим III, 4 – Ядмас I, 5 – Ядмас II, 6 – Мичачой II, 7 – Мичачой III, 8 – Мичачой IV, 9 – Чойновты V, 10-12 – Усогорск III (комплексы: А, Б, В), 13 – Шешты, 14 - 19 – памятники в урочище Ошчой (Ошчой/пункт А, Ошчой I/жил. 4, Ошчой I/жил. 5, Ошчой I/пункт 6/4, Ошчой I/пункт 14/12 - жил. 12, Ошчой I/поздний комплекс, местонахождение ванвиздинской керамики, 20 – Вендинга, 21 – Смолокурный I, 22 - Селище, 23 - Мосеево, 24 – Лафтира. III – *бассейн Печоры:* 1 – Кыско, 2 – Харловая I, 3 – Пижма I, 4 – Пижма II. IV – *бассейна Камы:* 1 – Лекмартовское селище, 2 – Чирва II селище, 3 – Подбобыка святилище, 4 – Покчинское селище, 5 – Усть-Руч, 6 – Усть-Черная IX, 7 – Агафоновский могильник, 8 – Вилисово II селище, 9 – Мелехинский могильник, 10 – Мелехинское селище, 11 – Пянтежское селище, 12 – Редикарское городище, 13 – Петуховское городище, 14 – Урьинский могильник, 15 – Огурдинская стоянка, 16 – Кудымкарское городище, 17 – Кыласово (Анюшкар) городище, 18 – Лаврятское городище. V – *бассейн Северной Двины:* 1 – Подгорбуновское городище, 2 – Крыловское, 3 – Пинежское Озеро III, 4 – Остров IX.

Fig. 1. Map of sites of the Vanvizdino archaeological culture. I – *Vychegda Basin*: 1 – Kuz'vomyn, 2 – Yagkodzhty, 3 – Yagkodzh I, 4 – Chuddinty II, 5 – Pomozydino, 6 – Vorkeros, 7 – Varlamovka, 8 – Lopyu-vad, 9 – discovery of a bronze cult item near Lake Donty, 10 – Don, 11 – Pasashor, 12 – Ust-Kulom II, 13 – Ust-Kulom III, 14 – Ozyag II, 15 – Ozyag III, 16 – Ozyag V, 17 – Yvanayag (soil part), 18 – discovery of a bronze cult image (village of Ezhol), 19 – Borganel (soil part), 20 – Veryu, 21 – Shoinaty II, 22 – Shoinaty III, 23 – Shoinaty VI, 24 – Shoinaty I burial ground, 25 – Djuzhdjyag, 26 – Ugdyum II, 27 – Ugdyum III, 28 – Ugdyum IV, 29 – Ugdyum II burial ground, 30 – Yb, 31 – Lozim, 32 – Krasnaya Gora, 33 – Nidzyas, 34 – Zelenets, 35 – Koyty, 36 – Vanvizdino, 37 – Ust-Kedva I, 38 – Ust-Komys, 39 – Evdinsky burial ground, 40 – Vis I, 41 – Vis II, 42 – Vis III, 43 – Lake Sindorskoye IV, 44 – Simva I, 45 – Simva II, 46 – Vesyansky I burial ground (soil part), 47 – Vesyansky I settlement, 48 – Zhiganovskoye settlement, 49 – Onezhye, 50 – Niremka I, 51 – hoard of bronze items from the village of Ust-Vym, 52 – Chezhtyagskoye settlement, 53 – Gam, 54 – discovery of a cult image from the village of Zheshart, 55 – Reviu IV, 56 – Kunes, 57 – Tokhtinsky settlement. II – *Mezen basin*: 1 – Kuzhim II, 2 – Kuzhim I, 3 – Kuzhim III, 4 – Yadmas I, 5 – Yadmas II, 6 – Michachoy II, 7 – Michachoy III, 8 – Michachoy IV, 9 – Choinovty V, 10-12 – Usogorsk III (assemblages: A, Б, В), 13 – Sheshty, 14 - 19 – sites in the Oshchoy natural locally (Oshchoy/point A, Oshchoy I/dwelling 4, Oshchoy I/dwelling 5, Oshchoy I/point 6/4, Oshchoy I/point 14/12 – dwelling 12, Oshchoy I/late complex, location of Vanyuzhdino pottery), 20 – Vendynga, 21 – Smolokurny I, 22 – Selishche, 23 – Moseevo, 24 – Laftira. III – *Pechora basin*: 1 – Kysko, 2 – Kharlovaya I, 3 – Pizhma I, 4 – Pizhma II. IV – *Kama basin*: 1 – Lekmartovskoye settlement, 2 – Chirva II settlement, 3 – Podbobyka sanctuary, 4 – Pokchinsky settlement, 5 – Ust-Ruch, 6 – Ust-Chernaya IX, 7 – Agafonovsky burial ground, 8 – Vilisovo II settlement, 9 – Melekhinsky burial ground, 10 – Melekhinsky settlement, 11 – Pyantezhsky settlement, 12 – Redikar settlement, 13 – Petukhovsky settlement, 14 – Uriinsky burial ground, 15 – Ogurdinskaya campsite, 16 – Kudymkarsky settlement, 17 – Kylasovo (Anyushkar) settlement, 18 – Lavryatsky settlement. V – *Northern Dvina Basin*: 1 – Podgorbunovsky settlement, 2 – Krylovskoye, 3 – Lake Pinezhskoye III, 4 – Ostrov IX.

Ляшев, 1984. с. 25). Аналогичную точку зрения высказывал В.А. Оборин, который полагал, что в VII–VIII вв. н. э. начинается движение вычегодского (ванвиздинско-шойнатинского) населения в Прикамье (Оборин, 1987. с. 70). Позднее к высказанным точкам зрения присоединился и А.Ф. Мельничук полагая, что ванвиздинцы во-второй половине I тыс. н. э. «активно осваивали районы Северного Прикамья, в частности бассейн р. Весляны, тесно контактируя при этом с родственными древнепермскими общинами ломоватовской культуры, которые принесли в этот регион и развивали в его пределах новые формы хозяйственной деятельности, основанной на производящей экономике» (Мельничук и др., 2018. с. 109).

Вне основного ареала ванвиздинской археологической культуры (Вычегда, Мезень) оказываются ванвиздинские поселения северо-западнее основной мезенской группы памятников (рис. 1-II: 22–24*;* поселения Селище, Лафтира, Мосеево), в бассейне р. Северной Двины (рис. 1-V: 1–4; местонахождение Остров IX, поселение Пинежское озеро III, Крыловское, Подгорбуновское городище; Буров, 1979; Макаров, 1984; Макаров, Чеснокова, 1992; Мурыгин, Отчет 1980. рис. 52, 53), в Верхнем Прикамье (рис. 1-IV: 1–18) (Бадер, 1960; Оборин, 1968; 1969; 1987; Оборин, Балашенко, 1968; Теплоухов, 1897) и на водораздельных озерах Тиманского кряжа в Северном Припечорье (рис. 1-III: 1–4) (Мурыгин, 1992). Вне зависимости от местоположения, принадлежность памятников к ванвиздинской археологической культуре четко маркируется, как правило, наличием в материалах раскопок лепных круглодонных керамических сосудов чашевидной формы с наклонной внутрь, прямой или отогнутой шейкой разной степени выраженности, с примесью дресвы в глину и ямочной, ямочно-гребенчатой или ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией в верхней части тулова; венчик украшен пальцево-ногтевыми вдавлениями или оттисками зубчатого штампа (рис. 3).

За пределами основного ареала ванвиздинской археологической культуры оказываются также и ванвиздинские поселения северо-западнее удорской группы (верхняя и средняя Мезень) памятников (рис. 1-II: 22–24), в бассейне Северной Двины (рис. 1-V: 1–4) (Буров, 1979; Макаров, 1984; Макаров, Чеснокова, 1992; Мурыгин, 2001), в Верхнем Прикамье (рис. 1-IV: 1–16) (Бадер, 1960; Оборин, 1968; 1969; 1987; Оборин, Балашенко, 1968; Теплоухов, 1897), на водораздельных озерах Тиманского кряжа в Припечорье (рис. 1-III: 1–4) (Мурыгин, 1992).

Поселения Селище, Лафтира, Мосеево и местонахождение Остров IX представлены немногочисленным керамическим материалом и не могут быть точно датированы

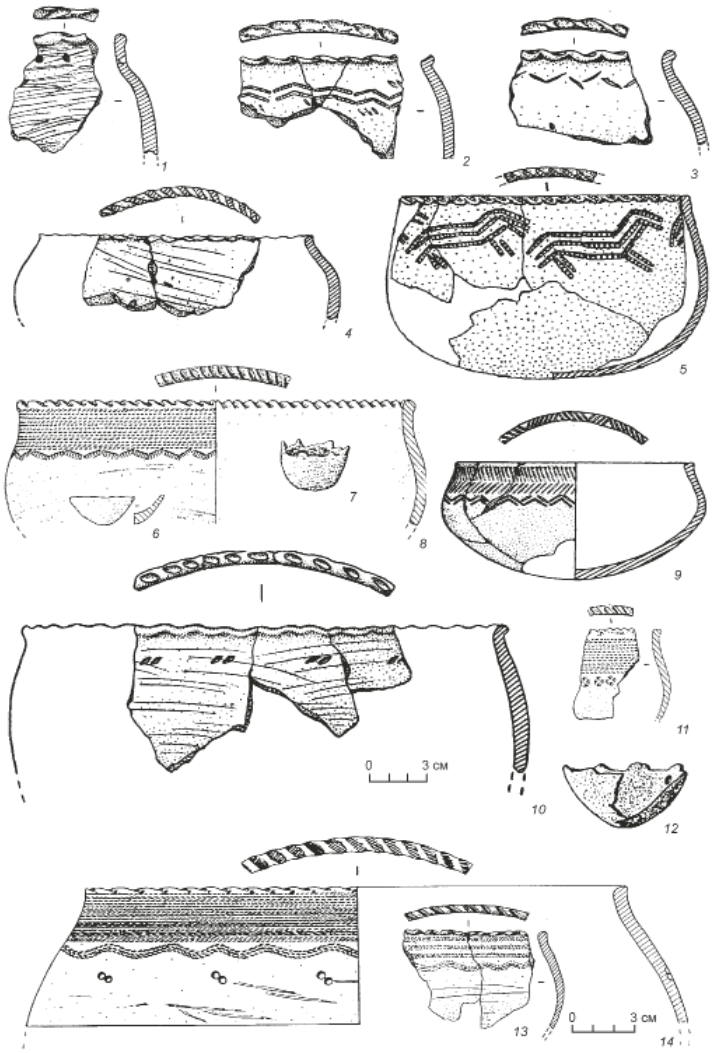

Рис. 2. Поселения верхней и средней Вычегды. Керамика шойнатыйского культурного типа (середина I тыс. н. э.).
Fig. 2.Settlements of the Upper and Middle Vychegda. Pottery of the Shoinaty cultural type (mid-I millennium AD).

в рамках ванвиздинской культуры. Поселение Пинежское озеро III отнесено Г.М. Буровым к культуре, которая родственна ванвиздинской, и датировано второй половиной VII–VIII вв. н. э. с оговоркой, что значительное сходство одного из сосудов поселения Пинежское озеро III с керамикой Тимеревского могильника из Ярославского Поволжья (Буров, 1979, рис. 4, *1*) позволяет предположить, что его датировка выходит за эти хронологические рамки (Буров, 1979. с. 167). Керамические сосуды поселения Крыловское (в р-не впадения р. Сухоны в р. Сев. Двина) сравниваются с ванвиздинской посудой характерной для западных окраин ванвиздинского ареала на Вычегде и Мезени (Тохта, Кунес, Усогорск III/Б, В, Смолокурный I, Чойновты V) и предварительно датируются VIII в. н. э. (Макаров, Чеснокова, 1992, с. 125–126). Материалы самого раннего культурного слоя Подгорбуновского городища на р. Юг (правый приток р. Северной Двины) датированы VIII–IX вв. н. э. и отнесены к памятникам, близким поздневанвиздинским (Макаров, 1984. с. 73). В бассейне р. Вычегды сейчас исследованы новые ванвиздинские комплексы более позднего времени, позволяющие уточнить эту дату. Вещевой инвентарь раннего слоя Подгорбуновского городища наиболее близок позднему комплексу поселения Угдым II на средней Вычегде, датируемого IX–X вв. н. э. (Королев, Савельева, 1988). Значительное сходство наблюдается в керамике, которая очень близка по форме и орнаменту сосудам

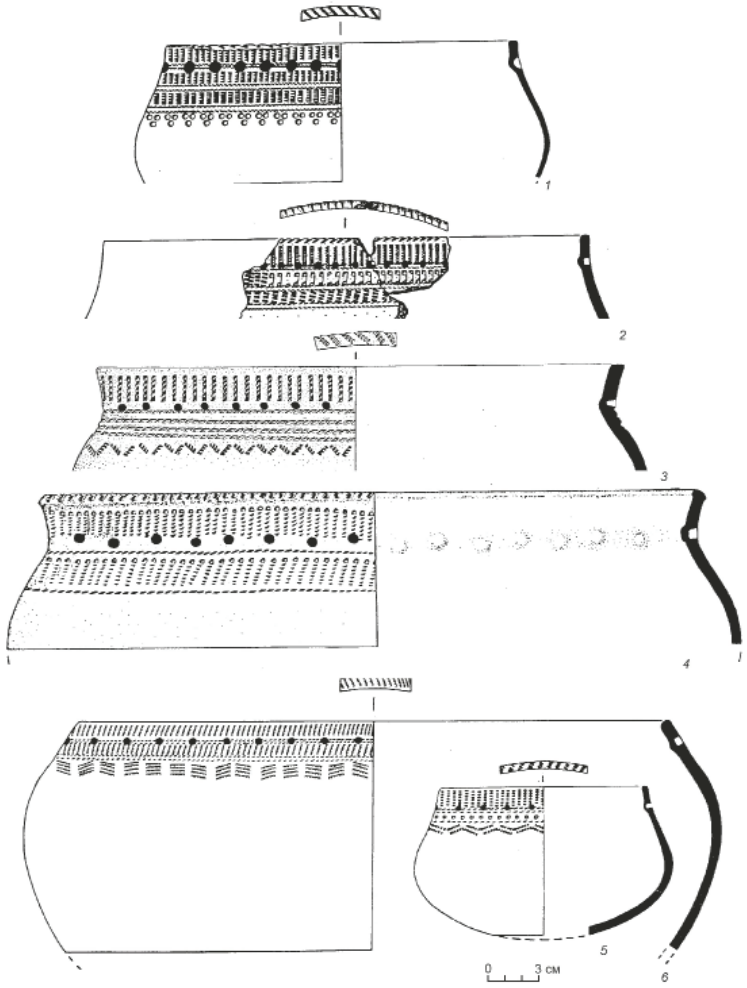

Рис. 3. Ванвиздинская археологическая культура. 1, 2, 5, 6 – керамика кузьвомынского этапа (VI – первая половина VII вв. н. э.); 3, 4 – керамика тохтинского этапа (вторая половина VII – VIII вв. н. э.).
Fig. 3. Vanvizdino archaeological culture. 1, 2, 5, 6 – pottery of the Kuzvomyn stage (VI – first half of the VII centuries AD); 3, 4 – pottery of the Tokhtino stage (second half of the VII – VIII centuries AD).

поздних групп угдымской керамики (Королев, Савельева, 1988. рис. 1; 2; 3, *1-8*). На поселении Угдым II найден такой же, как на Подгорбуновском городище, тигель полуяйцевидной формы (Королев, Савельева, 1988. рис. 3, *20*), аналогии которым известны в горизонте X в. Ладоги (Давидан, 1980. с. 63, 66, табл. 3, *8, 9*). Не исключено, что хронологические рамки ванвиздинского слоя Подгорбуновского городища следует определить временем VIII–X вв., возможно, IX–X вв. н. э. Очевидно, что Подгорбуновское городище было основано населением ванвиздинской археологической культуры. Этот факт предполагает, что район нижнего течения рек Юга и Лузы входил в область постоянного проживания ванвиздинских коллективов, по крайней мере, на поздней стадии их развития (IX–X вв. н. э.).

Памятники второй половины I тыс. н. э. достаточно хорошо изучены в бассейне р. Печоры. Однако те из них, которые бесспорно относятся к ванвиздинской археологической культуре, очень немногочисленны, вещевой инвентарь ограничен фрагментами глиняной посуды. В Печорском Приуралье ареал памятников с керамикой, адекватной по формально-типологическим признакам ванвиздинскому типу глиняной посуды Вычегодско-Мезенской равнины, ограничен преимущественно многослойными поселениями водораздельных озер Тиманского кряжа – Ямозеро, Косминские (лесное Припечорье; рис. 1-III: 1–4). Типообразующими признаками ванвиздинских сосудов на р. Печоре (поселения Пижма I, Пижма II, Кыско, Харловая I на Тимане, возможно, Пидж X/уч. 2, Шихов-

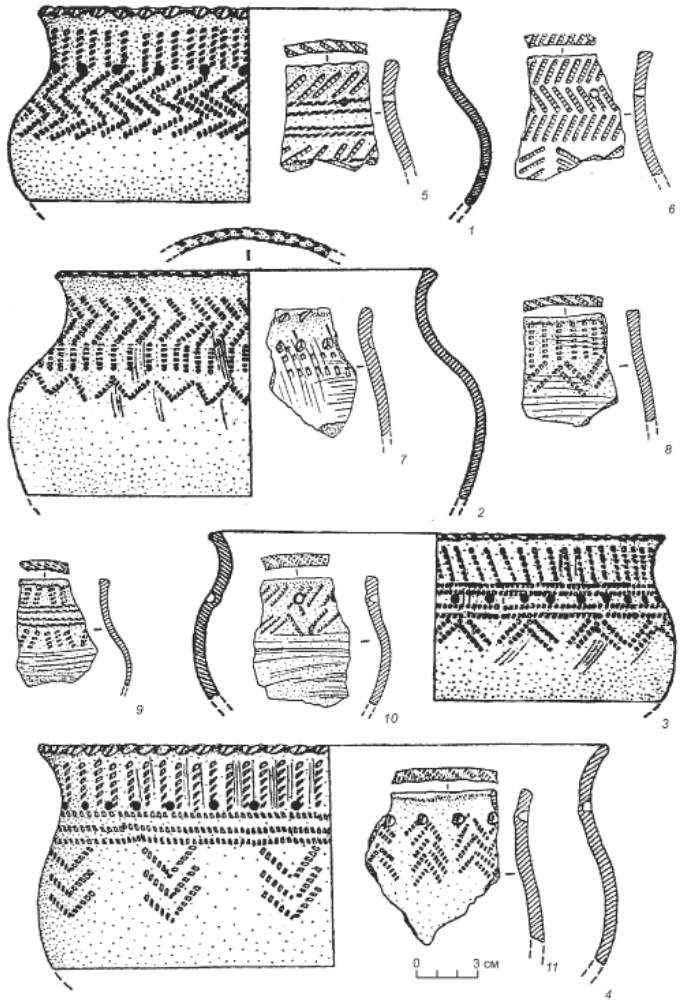

Рис. 4. Ванвиздинская археологическая культура. Керамика лозымского этапа (IX – X вв. н. э.).
Fig 4. Vanvizdino archaeological culture. Pottery of the Lozim stage (IX – X centuries AD).

ское III/жилище А на Печорской низменности) являются примесь дресвы в глине, чашевидная форма сосудов с наклонной внутрь, прямой и слегка отогнутой равноутолщенной шейкой, ямочно-гребенчато-шнуровой стиль орнаментации с нанесением ямок поверх отпечатков шнура. Венчик украшен наклонными оттисками зубчатого штампа. Подобная посуда характеризует памятники ранних этапов ванвиздинской культуры (не позднее VIII в. н. э.) и практически не встречается восточнее Тиманского кряжа – на Печорской низменности и западных склонах Уральского хребта. Очевидно, на Печоре культурные традиции шнуровой орнаментации керамики шойнатыйского типа (рис. 2: 8, 11, 13, 14) не получили дальнейшего развития в аналогичных ванвиздинским формах. Заключительный этап и формирование поздней ямочно-гребенчато-шнуровой керамики ванвиздинской культуры проходил, видимо, вне области Печорского Приуралья, которое не являлось этнокультурной территорией обитания ванвиздинских племен.

Приведенные данные указывают на то, что к северо-западу, северо-востоку и юго-западу от удорского и вычегодского ареалов (северодвинский бассейн, нижняя Мезень, Припечорье), памятники ванвиздинской археологической культуры немногочисленны (соответственно 3,7%, 2,8%, 3,7%) от числа всех археологических памятников с ванвиздинскими материалами) и расположены на значительном удалении друг от друга. Это может быть показателем как малой степени исследованности отдельных территорий, так и отражать реальную картину расселения ванвиздинских групп в этих направлениях.

В любом случае, они дают некоторое представление о северо-западных, северо-восточных и юго-западных границах распространения ванвиздинских памятников.

Анализ известного ареала ванвиздинских памятников показывает, что начиная с VI–VII вв. н. э. и далее наблюдается их распространениево всех направлениях от мест первоначального расселения, но, по-видимому, более всего в северо-западном (р. Мезень) и южном (Северное Прикамье) направлении. На финальном этапе развития культуры (к концу I тыс. н. э.), ванвиздинские группы становятся фактором постоянного присутствия на севере Прикамья и в междуречье правых притоков р. Северной Двины – Вычегды и Юга.

Однако несмотря на имеющиеся факты по ванвиздинским памятникам на смежных территориях, сейчас пока нет оснований без дополнительных данных расширять «коренной», определяющий фундаментальные особенности ванвиздинской культуры, *этнокультурный ареал*, за пределы основного (бассейн Вычегды). Большинство ванвиздинских памятников, расположенных далеко к северо-западу, северо-востоку и юго-западу от основного региона их сосредоточения, относятся к ранним периодам развития культуры, представлены незначительным керамическим материалом. Их следует рассматривать, вероятно, как места временного проживания и кратковременного периодического посещения (использование контактных зон в качестве дополнительных территорий промыслового освоения). На позднем этапе ванвиздинской культуры (после VIII в.) намечается тенденция к расселению ванвиздинских коллективов на сопредельные территории юго-восточнее и юго-западнее от бассейна Вычегды.

Таким образом, в абсолютном большинстве памятники ванвиздинской археологической культуры были сосредоточены между бассейнами Северной Двины и Печоры, занимая земли Верхнего Прикамья, верхней и средней Вычегды, верхней и средней Мезени (рис. 1) Недостаточная изученность археологических источников втор. пол. I тыс. н. э. из Вычегодско-Северодвинского и Мезенско-Северодвинского междуречья не позволяет сейчас объяснить отсутствие ванвиздинских памятников юго-западнее основного ареала. Препятствием к широкому распространению ванвиздинских памятников восточнее Тиманского кряжа, в бассейн Печоры, служили, видимо, группы угорского и/или самодийского круга культур, осваивавших территорию таежного Припечорья с эпохи энеолита и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3 / УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960. С. 151–159.

Буров Г.М. Древние поселения на берегах Пинежского озера в Северодвинском бассейне // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. И. И. Кяйвяряйнен. Петрозаводск: Петрозав. ун-т, 1979. С. 156–167.

Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21 / Ред. Б. Б. Пиотровский. Л.: Искусство,1980. С. 59–67.

Королев К.С., Савельева Э.А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды (II половина I тыс. н. э. - начало II тыс. н. э.). Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1988. 28 с.

Макаров Л.Д. Подгорбуновское городище - многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдмГУ, 1984. С. 66–88.

Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н. Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 121–127.

Мельничук А.Ф., Майстренко Д.А., Перескоков М.А., Ракшин А.А., Чурилов Э.В. Первые средневековые древности р. Весляны Пермского края // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы / МАЕСВ. Вып. 20 / Отв. ред И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 103–115.

Мурыгин А.М. Отчет о полевых работах в Удорском районе Коми АССР и Пинежском районе Архангельской области в 1979 г. Сыктывкар, 1980 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 248, 249.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука. 1992. 182 с.

Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 151 с.

Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1984. 54 с.

Оборин В.А. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961-1966 гг. // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 4 / УЗ ПГУ. № 191 / Ред. Ф.С. Горохова и др. Пермь: ПГУ, 1968. С. 7–27.

Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 156–167.

Оборин В.А. Миграции населения вымской культуры на Урал (XI-XV вв.) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тез.докл. Т. II. Устинов: НИИ при Совете Министров Удм.АССР, 1987. С. 69–71.

Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 4 / УЗ ПГУ. № 191 / Ред. Ф.С. Горохова и др. Пермь: ПГУ, 1968. С. 28–48.

Теплоухов Ф.А. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. III. Пермь, 1897. С. 131–151.

Информация об авторе:

Мурыгин Александр Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия); alek-murygin@yandex.ru

REFERENCES

Bader, O. N. 1960. In Tiunov, V. F. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 3. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* XII (1). Perm: Perm State University, 151–159 (in Russian).

Burov, G. M. 1979. In Kyaivyaryainen, I. I. (ed.). *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa (Issues of the history of the European North).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 156–167 (in Russian).

Davidan, O. I. 1980. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 59–67 (in Russian).

Korolev, K. S., Savel'eva, E. A. 1988. *Genezis srednevekovykh kul'tur basseyna Vychegdy (II polovina I tys. n. e. – nachalo II tys. n. e.) (The genesis of medieval cultures of the Vychegda basin (II half of the I millennium AD - the beginning of the II millennium AD)).* Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Makarov, L. D. 1984. In Plyushchevsky, B. G. (ed.). *Pamiatniki zheleznogo veka Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Iron Age Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 66–88 (in Russian).

Makarov, N. A., Chesnokova, N. N. 1992. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Problemy finno-ugorskoi arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of the Finno-Ugric Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 121–127 (in Russian).

Mel'nichuk, A. F., Maistrenko, D. A., Pereskokov, M. A., Rakshin, A. A., Churilov, E. V. 2018. In Vaskul, I. O. (ed.). *Problemy arkheologicheskogo izucheniya severo-vostoka Evropy (Issues of archaeological Studying of North-Eastern Europe)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (20). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 103–115 (in Russian).

Murygin, A. M. 1980. *Otchet o polevykh rabotakh v Udorskom rayone Komi ASSR i Pinezhskom rayone Arkhangel'skoy oblasti v 1979 g. (Report on field work in the Udorsky district of the Komi ASSR and the Pinezhsky district of the Arkhangelsk region in 1979).* Syktyvkar. Scientific Archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 5, inv. 2, dossier 248, 249 (in Russian).

Murygin, A. M. 1992. *Pechorskoe Priural'e: epokha srednevekov'ya (Pechora Urals: the Middle Ages).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Murygin, A. M. 2001. *Arkheologicheskie pamyatniki vanvizdinskoy kul'tury basseyna Mezeni (Archaeological sites of the Vanvizdino culture of the Mezen basin).* Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Murygin, A. M., Korolev, K. S., Lyashev, V. A. 1984. *Migratsionnyy faktor v razvitii srednevekovykh kul'tur Severnogo Priural'ya (Migration factor in the development of medieval cultures of the Northern Urals).* Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Oborin, V. A. 1968. In Gorokhova, F. S. et al. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 4. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 7–27 (in Russian).

Oborin, V. A. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 169. Moscow: “Nauka” Publ., 156–167 (in Russian).

Oborin, V. A. 1987. In *XVII Vsesoyuznaya finno-ugorskaya konferentsiya (XVII All-Union Finno-Ugric conference)* Vol. II.. Ustinov: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 69–71 (in Russian).

Oborin, V. A., Balashenko, L. A. 1968. In Gorokhova, F. S. et al. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 4. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 28–48 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1897. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* III, Perm, 131–151 (in Russian).

About the Author:

Murygin Aleksandr M., Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center "Komi Scientific Center" of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia); alek-murygin@yandex.ru.

Статья поступила в журнал 01.02.2025 г.
Статья принята к публикации 01.04.2025 г.

УДК 902.01, 903.01/.09 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.244.257

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

©2025 г. Ю.А. Подосёнова

Баяновский могильник, датируемый IX – первой половиной X вв., является одним из интереснейших памятников Пермского Предуралья. В настоящий момент – это наиболее изученный погребальный памятник ломоватовской археологической культуры. В работе представлены результаты химико-технологического изучения серебряных изделий из материалов погребений. Данные о технике изготовления изделий получены с помощью визуального анализа, а также оптической и электронной микроскопии (для отдельных категорий изделий). Данные о химическом составе металла получены с помощью рентгенофлюоресцентного анализа, а также с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа (для отдельных категорий изделий). Изучаемая выборка составила 239 изделий. Весомая по количеству группа изделий – это изделия местных ювелиров при изготовлении которых применялись разнообразные ювелирные техники: пайка, ковка, тиснение, золочение, инкрустация, зернь и филигрань. Подавляющая часть их изготовлена из высокопробного серебра, легированного медью или медью и свинцом (Ag-Cu, Ag-Cu-Pb). В меньшем количестве – изделия инокультурного происхождения, выполненные в основном с помощью литья в разъемные формы. Они также изготовлены из серебра относительно высокой пробы, но разбавленного латунями и многокомпонентными медными сплавами (Ag-Cu-Pb-Zn, Ag-Cu-Zn, Ag-Cu-Sn-Pb, Ag-Cu-Sn-Pb-Zn).

Ключевые слова: археология, ломоватовская культура, средневековье, ювелирные изделия, серебро, сплав, рентгенофлюоресцентный анализ, химический состав.

MANUFACTURING TECHNIQUE AND CHEMICAL COMPOSITION OF SILVER ITEMS FROM BOYANOVO BURIAL GROUND OF LOMOVATOVKA ARCHAEOLOGICAL CULTURE[2]

Yu.A. Podosenova

The Boyanovo burial ground dating from the IX – first half of the X centuries is one of the most interesting medieval sites of Perm Fore-Urals. At present it is the most studied burial site of Lomovatovka archaeological culture (527 burials have been studied). This paper presents an entirely new results of technological study of silver artifacts from the burials. Based on the collection, visual analysis of sources and their study with the help of different natural scientific methods, a detailed view of the design of items, the features of their manufacture and decoration techniques are given. A total of 236 samples have been studied. It is revealed that the majority of products are accessories which are characteristic of Lomovatovka archaeological culture. During manufacturing most products quite a variety of jewelry techniques was used: soldering, forging, embossing, gilding, inlay, granulation, and filigree. The overwhelming majority of these were made from high-grade silver, alloyed with copper or with copper and lead: Ag-Cu, Ag-Cu-Pb. A smaller quantity consists of artifacts of non-local origin, primarily produced using piece-mold casting. These were also made from relatively high-grade silver, but diluted with brass and multicomponent copper alloys (Ag-Cu-Pb-Zn, Ag-Cu-Zn, Ag-Cu-Sn-Pb, Ag-Cu-Sn-Pb-Zn).

[1] Основная часть исследования выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и в средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека». Сбор источников выполнен в рамках государственного задания 124021500047-2 «Этнокультурные процессы в Евразии: археология и этнография Урала»

[2] The main part of the research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-68-10023 "The Fore-Ural model of spatial development in Antiquity and the Middle Ages: main stages of nature-human interaction ". The collection of sources was conducted as a part of the state assignment 124021500047-2, "Ethnocultural processes in Eurasia: archaeology and ethnography of the Urals".

Keywords: archaeology, Lomovatovka culture, Middle Ages, jewelry, silver, brass, X-ray fluorescence analysis, chemical composition

Баяновский могильник, датируемый IX – первой половиной X вв., является одним из исследованных памятников ломоватовской археологической культуры (исследовано 538 погребений). Несмотря на то, что памятник был открыт более 70 лет назад и тогда были проведены первые раскопки (под руководством В.А. Оборина), планомерные археологические изыскания на нем стали проводиться только с 2005 года и продолжаются по настоящее время (под руководством А.В. Данича). В результате получен обширный материал, исследование которого даёт нам качественно новую информацию.

Одними из выразительных находок на памятнике стали изделия, выполненные из серебра. Предлагаемая публикация посвящена итогам, полученным в результате их химико-технологического исследования.

Изучение техники изготовления украшений проводилось с помощью поверхностного осмотра с использованием микроскопа Levenhuk DTX 500 Mobi, а также с помощью сканирующего электронного микроскопа Hitachi S3400 (для отдельных изделий). Исследование химического состава металла проводилось с помощью неразрушающего рентгенофлюоресцентного анализа (портативный ренгенофлюоресцентный анализатор Bruker S1). На одном конструктивном элементе изделия проводилось от 3 до 5 замеров. Полученные результаты усреднялись. Предварительная чистка мест замеров проводилась частично. Также исследование химического состава металла отдельных категорий изделий проводилось методом сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микро-рентгеноспектрального анализа (СЭМ РФлА; сканирующий электронный микроскоп Hitachi S3400 с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа Bruker). Статистическая обработка полученных данных по химическому составу металла проводилась в соответствии с классификацией металлов и сплавов по заранее определенным параметрам, прошедшей многократную апробацию (Ениосова и др., 2008, с. 125–154).

Химический состав металла и технология изготовления изделий

Для исследований была сформирована выборка изделий из коллекции памятника – 239 предметов. В неё вошли изделия разных категорий: височные украшения, шейно-нагрудные подвески, перстяные украшения, наборные пояса, погребальные лицевые покрытия, ножны в металлических обкладках[1].

Височные украшения с гроздевидной привеской (рис. 1: 1– 5; 36 экз., погр.: 266, 268, 270, 273, 276, 278, 279, 283, 285, 290, 305, 319, 322(2), 323, 342(2), 341(2), 357, 360, 362, 384, 420, 429, 444, 434, 435, 436, 442,467, 470, 490, м/м 2014(2)) представляют изделия с основой в виде проволочного кольца-дужки овальной или овально-подтреугольной формы с привеской, состоящей из грозди шариков.

Большинство изделий являются сложными по изготовлению.

Дужки выполнены из согнутого проволоченного дрота или отлиты в двухчастной двухсторонней форме. По бокам декорированы припаянными поясками в виде гладких или штампованных проволочек, или отлитых совместно с дужкой (имитация). В верхней части одной из боковых сторон небольшая пирамидка из зерни (в отдельных изделиях они отсутствуют, но фиксируются следы припоя от них). Также пирамидки из зерни припаяны над переходом от кольца к привеске.

Основные отличия внутри группы сложносоставных изделий заключаются в способе крепления привески к кольцу-дужке. Привеска могла крепиться по-разному:

- припаиваться к утолщению или небольшому шарику, отлитым совместно с кольцом;
- припаиваться к гладкой или штампованной проволочке, перекинутой через основание кольца (верхний шарик привески впаивался между концами проволочек);
- припаиваться к нижней части полого шарика, выполненного из тисненых полусфер, нанизанных в основании кольца и декорированного по шву штампованной проволочкой (верхний шарик привески впаивался между концами проволочки, а основание полого шарика-перехода подрезалось);
- припаиваться к основанию нанизанной на кольцевую основу пластинки прямоугольной или овальной формы, декорированной по краю штампованной проволочкой («дисковидный» переход, верхний шарик привески впаивался между концами проволочки).

Рис. 1. Височные украшения и перстни. Примеры изделий, вошедших в выборку.1 – п.362, 2 – п.322, 3 – п.268, 4 – п.442, 5 – п.342, 6 – п.281, 7 – п.406, 8 – п.330, 9 – п.280, 10 – п.275, 11 – п.239, 12 – п.356, 13 – п.266, 14 – п.277, 15 – п.354, 16 – п.420, 17 – п.351, 18 – п.452, 19 – п.434, 20 – п.355, 21 – п.383, 22-23 – п.268, 24 – п.355, 25 – п.357, 26 – п.356, 27 – п.474. Фото из архива А.В. Данича.

Fig. 1. Temple ornaments and rings. Samples. 1 – burial 362, 2 – burial 322, 3 – burial 268, 4 – burial 442, 5 – burial 342, 6 – burial 281, 7 – burial 406, 8 – burial 330, 9 – burial 280, 10 – burial 275, 11 – burial 239, 12 – burial 356, 13 – burial 266, 14 – burial 277, 15 – burial 354, 16 – burial 420, 17 – burial 351, 18 – burial 452, 19 – burial 434, 20 – burial 355, 21 – burial 383, 22-23 – burial 268, 24 – burial 355, 25 – burial 357, 26 – burial 356, 27 – burial 474. Photos and drawings by A.V. Danich.

Привеска в изделиях представлена по-разному: в виде пирамидки из 3–5 литых мелких или крупных шариков, в виде цельной или полой бипирамидальной грозди из небольших шариков. Шарики припаяны друг к другу. В единичных случаях привеска представлена полыми крупными шариками, сложенными из двух тисненых полусфер и спаянных между собой (рис. 1: 1).

В отдельных изделиях штампованная проволочка укладывалась в нижней части, вдоль кольца в два ряда (рис. 1: 1,2). Часто филигрань в виде штампованной проволочки имеет зерненый эффект.

Отдельные изделия декорированы позолотой, покрывающей нижнюю половину кольца-дужки и гроздевидную привеску.

Небольшое количество украшений выполнено литьём в двухчастные двухсторонние формы.

Наибольшее количество изделий выполнено из сплавов *Ag-Cu* (Ag: 90–97,3%, Cu: 1,8-8,2%) и *Ag-Cu-Pb* (Ag: 88–92%, Cu:1,5–10%, Pb:1–4,9%). Меньшее количество и чаще всего литых изделий из сплава *Ag-Cu-Pb-Zn* (Ag: 72–92%, Cu: 3,3–23%, Pb: 1–2,6%, Zn: 1,2–3,5%). В составе многих изделий фиксируется Au до 1%. В отдельных изделиях Au достигает 5,5%, что связано с позолотой. В единичных случаях – наличие Bi в пределах 0,5-0,76%.

Височные украшения с грушевидной привеской (рис. 1: 6–8; 26 экз. погр.: 281(2), 330(2), 332(2), 344(2); 345(2), 350, 358(2), 359(2), 367(2), 364(2), 362, 381, 406, 425(2), 526(2)) представляют изделия с основой в виде проволочного кольца-дужки овально-подтреугольной или овальной формы с полой грушевидной привеской.

Все изделия сложноконструктивные. Дужки выполнены из согнутого проволоченного дрота. На боковых сторонах – нанизанные полые шарики. В верхней части одной из сторон припаян полый шарик с венчающей его пирамидкой зерни (при их отсутствии фиксируются следы припоя).

Привеска состоит из усеченного конуса и полого шара, нанизанных на двойной стержень. Он получен в результате перекидывания через нижнюю часть кольца узкой металлической полоски/дрота, концы загнуты вниз и сведены вместе. После нанизывания деталей привески – конуса и полого шара – его концы разводились в стороны и обрезались или расклепывались. Место, где перекинут стержень (переход от кольца к привеске), прикрыто рядами (от 3 до 7) штампованной проволочки. Над переходом напаян полый шар с венчающей его пирамидкой зерни. Конструктивные детали изделий припаяны друг к другу.

Основные элементы выполнены из тонкого листа металла: усеченный конус выкроен и скручен (места стыка фиксируются на изделиях), а полые шары собраны из двух тисненых полусфер.

Филигрань, представленная штампованной проволочкой и уложенная рядами (от 1 до 3), прикрывает места соединений (спайки) деталей. Часто она имеет зерненый эффект.

Поверхность привески декорирована зернью, выложенной треугольниками и ромбами, редко – вертикальными рядами штампованной проволочки. Зернь калиброванная, как правильной (сферической), так и уплощенной (в виде шайбочек) формы. В большинстве изделий поверхность привески, свободная от декора, покрыта позолотой.

Внутри отдельных привесок – заполнение темного, черного цвета (смола?). Стержень, на котором крепилась конструкция привески, изготовлен из сплава на основе меди, о чем свидетельствует выход зеленой патины на месте его изгиба в целых изделиях и его фрагменты в распавшихся изделиях.

По возможности, исследовался сплав всех конструктивных элементов. Полые шары и зернь выполнены из *Ag-Cu* (Ag: 92,1-94,6%, Cu: 4,3-5,5%) и *Ag-Cu-Pb* (Ag: 90-96,7%, Cu:1,2-7,2%, Pb:1,1-1,9%). В большинстве случаев дужки выполнены из сплавов *Ag-Cu-Pb* (Ag: 74,3-92,1%, Cu: 5,3-21,6%, Pb: 1,1–5,5%), *Ag-Cu-Zn-Pb* (Ag: 86,1-88,5%, Cu: 6,5-7%, Zn: 1,1-1,2%, Pb: 2-3%), и *Ag-Sn-Cu-Pb* (Ag: 72,1–90,9%, Cu: 4,9–9,3%, Pb: 1,1–6%, Sn: 7-11,9%), в единичных случаях из сплава *Ag-Cu* (Ag: 93,4–95,9%, Cu-1,9–5,9%).

В полых шарах имеется примесь Au до 1%. В отдельных изделиях наличие Au в пределах от 1,5-7,1%, что связано с наличием позолоты.

Проволочные височные украшения (рис. 1: 9–12; 27 экз., погр.: 268, 270(3), 275, 276, 278, 280, 283(2), 285, 329, 331, 334, 350, 356(2), 357, 399, 417, 442, 418, 479, 506(2), м/м 2014(2)) представляют изделия с кольцевой основой округлой, овальной, овально-подтреугольной и грушевидной форм.

Изделия выполнены путем волочения и сгибания.

Состав изделий *Ag-Cu-Pb* (Ag: 87,6-93,4%, Cu: 4,7-9%, Pb: 1-2,1%) и *Ag-Cu* (Ag: 90-97,6%, Cu:1,3-9,1%, за исключением одного изделия где Ag-64,4%, Cu-34%). В единичном количестве представлены изделия из сплавов *Ag-Cu-Zn-Au-Pb* (Ag: 87,5-90%, Cu: 3,2-6,3%, Zn: 2,6-3,7%, Au:1-1,1% Pb: 1%), *Ag-Sn-Cu-Pb* (Ag: 83,4%, Cu: 6,3%, Pb: 2,5%, Sn: 6,8%).

В небольшом количестве имеются примеси Au и Bi в пределах 1%.

Проволочные височные украшения с многогранником (рис. 1: 14–16; 6 экз., погр.: 277, 336, 354, 437, 420, м/м 2020 г.). Изделия с проволочной основой подтреугольной формы с многогранником в форме куба со скошенными гранями, помещенным в нижней части. Иногда грани не имеют четких форм, а ребра между ними стерты.

Все изделия выполнены с помощью литья заготовки с последующей доработкой путем ковки, сгибания и доработки многогранника резцом (место перехода к дужке) и абразивным материалом (шлифовка). На гранях многогранника отдельных изделий фиксируется трудноуловимый кружковый орнамент, выполненный чеканкой.

Изделия изготовлены из сплавов *Ag-Cu-Pb* (2 изд., Ag: 82,2–92,1%, Cu: 4,5–13,5%, Pb: 1–1,6%), *Ag-Cu* (3 изд., Ag: 90,9–93,6%, Cu: 4,5–6,4%), *Ag-Cu-Zn-Pb* (1 изд.: Ag–89,5%, Cu-5,8%, Zn–2,1%, Pb: 1%). В двух изделиях выявлен Au в пределах 1%.

Калачевидное височное украшение (рис. 1: 13; 1 экз., погр. 266) представляет изделие овально-подтреугольной формы, имеющее в качестве привески плоский калачевидный щиток, вписанный в основу изделия.

Изготовлено с помощью ковки: проволочную заготовку сгибали в кольцо овальной формы, нижнюю часть расковывали до округлой формы и придавали форму калачевидного щитка.

Изделие из сплава *Ag-Cu* (Ag–98,4%, Cu–1,5%), выявлен Au до 1%.

Серьги салтовского типа (рис. 1: 17–19; 3 экз., погр.: 434, 351, 452) представлены изделиями с кольцом-дужкой овальной или скошенно-овальной формы с привеской в виде стержня с округлыми утолщениями или с округлыми утолщениями с колоковидным окончанием.

Одно изделие является составным (рис. 1: 19). В основании кольца – дисковидный выступ. Кольцо и привеска отдельно изготовлены с помощью литья в двусторонней двухчастной форме. Привеска отлита совместно с диском. Она нанизана на кольцо через отверстие в дисковидной части и припаяна. Имеются следы позолоты. Сплав – *Ag-Cu-Pb* (Ag: 87,7%, Cu: 4,8%, Pb: 1,7%, Au–4,9% (позолота)).

Кольцо второго изделия имеет скошенную форму. В его верхней части – имитация пирамидки зерни, а по бокам – имитация поясков. В основании кольца дисковидный выступ. Привеска представлена коротким стержнем с шарообразными утолщениями, между которыми – плавный переход в виде поясков. Изделие отлито в двухчастной двухсторонней форме. Возможно на изделие нанесено золочение. Изделие выполнено из сплава *Ag-Cu-Zn-Pb* (Ag: 86,5%, Cu: 8,7%, Zn: 1,4%, Pb: 1,3%, Au–2,4% (позолота)).

Кольцо третьего изделия овальной формы. Привеска в виде небольшого стержня с намеченными шарообразными утолщениями и окончанием колоковидной формы. Изделие отлито в двухчастной двусторонней форме. Выполнено из сплава *Ag-Cu-Sn-Zn-Pb* (Ag: 68,7%, Cu: 11,8%, Zn: 1,5%, Pb: 9,8%, Sn-7,1%).

Перстни-«колпачки» (рис. 1: 20–25; 19 экз., погр.: 268(2), 270, 278, 283, 355(2), 357, 362, 440, 461, 473, 475 477, 490, 527, м/м 2014, м/м 2017) представляют изделия с щитком в виде полусферы, декорированной вставкой и зерно-филигранным декором.

Щиток перстня в виде полусферы получен с помощью тиснения из тонкого листа металла. На его вершине – каст округлой формы. Он выполнен из согнутой полоски, вырезанной из тонкого листа металла и припаянной к поверхности под прямым углом. Концы полоски чаще соединены встык. Нижний край полусферы и место соединения с ней каста прикрывает филигрань в виде штампованной проволочки в один ряд (с зерненым эффектом). Между филигранными рядами на поверхность полусферы выложены треугольники из зерни. Зернь чаще всего объемная. В отдельных изделиях фон полусферы, свободный от зерно-филигранного декора позолочен. Вставка в касте закреплена с помощью обжатия его края. В качестве вставок использованы целые или расколотые бусины из стекла, янтарь, смола. В отдельных случаях под вставками фиксируется рыхлое, темное вещество (смола?), возможно служившее для дополнительного крепления вставки. С тыльной стороны к полусфере припаян округлый щиток, вырезанный из тонкого медного листа и закрывающий её. Шинка представлена согнутым дротом прямоугольного или овального сечения. Его концы раскованы и припаяны к щитку с тыльной стороны.

Рис. 2. Погребальные лицевые пластины и подвески-всадники. Примеры изделий, вошедших в выборку. 1 – п.357, 2 – п.490, 3 – п.279, 4 – п.468, 5 – п.417, 6 – п.277. Фото из архива А.В. Данича.
Fig. 2. A mask for the deceased. Pendants in the form of horsemen. Samples. 1 – burial 357, 2 – burial 490, 3 – burial 279, 4 – burial 468, 5 – burial 417, 6 – burial 277. Photos and drawings by A.V. Danich.

Большинство изделий обнаружено в распавшемся состоянии. Скорее всего, связано это с разрушением припоя, соединявшего детали. Полусферическая основа, зернь выполнены из сплавов *Ag-Cu* (Ag: 90,1–96,4%, Cu: 1,6-7,1%) и *Ag-Cu-Pb* (Ag: 90,2–97,1%, Cu: 1–6%; Pb: 1–1,9%).

Шинки исследовались у 9 экземпляров. Большинство выполнено из сплавов *Ag-Cu-Zn-Pb* (Ag: 82,9-91,1%, Cu: 4,8-7%, Zn: 1–2,1%, Pb: 1–3,1%). В одном случае из сплава *Ag-Cu* (где Ag–96,8, Cu–2,6%).

Зафиксированы (в колпачках) примеси Au и/или Bi в пределах 1%.

В связи с плохой сохранностью и глубокими окислами исследование состава сплава тыльных пластин полусфер не проводилось. Однако, судя по цвету окисла, они выполнены из тонкого листа металла с высоким содержанием меди.

Перстни «салтовского» типа (рис. 1: 26–27; 8 экз., погр.: 356, 336, 358, 474, 403, 490, 480, м/м 2018 г.). Варианты перстней представляют изделия с щитком овальной или

округлой формы с выступающими с четырех сторон лапками-«крапанами», закрепляющими массивную вставку. Вставки в изделиях изготовлены из разных материалов: стекловидной массы темно-синего или желто-серого оттенков, темно-синих камней, расколотых стеклянных или цельных бусин.

Основа получена с помощью литья, вставки закреплены с помощью заваливания лапок-«крапанов», дополнительно вставка закреплена на вещество серого или темно-серого цвета (смола?).

Изделия изготовлены из сплава *Ag-Cu-Pb-Zn* (где Ag: 86-90,1%, Cu: 3,3-9,1%, Pb: 1-5,6%, Zn: 1,4-4%).

В сплаве одного изделия примесь Au до 1%.

Погребальные лицевые пластины (погребальные маски) (рис. 2:1–3; 21 экз. погр.: 268, 321, 324, 330, 342, 346, 355, 356, 358, 359, 386, 355, 336, 436, 461, 462, 468, 474, 490 (3)). Изделия представляют овальную личину с выпуклой нособровной частью и вырезанными глазами и ртом. Большинство изделий декорировано рядами выпуклых полушарий, окаймлявших глаза и/или рот, и/или край личины. По краям имеются округлые отверстия (от 2 до 4 шт., для пришивания). Личины вырезаны из тонкого (толщина 0,2-0,65 мм) откованного металлического листа. Нособровная часть сформирована путем выколотки. Отверстия для глаз и рта вырезаны. Декор в виде выпуклых полушарий выполнен с помощью чеканки. Отверстия пробиты.

Преобладающее количество выполнено из сплава *Ag-Cu* (Ag: 92,8-98,3%, Cu: 1,1–6,4%), меньшее – из сплава *Ag-Cu-Pb* (Ag: 91,2–94,5%, Cu: 3,4–6,1%; Pb: 1,2–2,5%).

В отдельных масках зафиксированы примеси Au и/или Bi до 1%.

Шейно-нагрудные подвески в виде всадника (рис. 2: 4–6; 6 экз., погр.: 277, 278, 395, 417, 461, 468). Изделия плоские, фигурной формы с рельефным изображением движущегося на основании коня с всадником.

Большинство изделий однотипные. В них движение показано в правую сторону. Всадник сидит боком с ногами на одной стороне. Голова без головного убора, а лицо с выделенными носом, ртом и глазами изображено в фас. Руки его расположены на шее и спине коня. Голова коня массивная в профиль, подчеркнуты ухо, пасть, глаз. Часто по всему крупу животного или в его верхней части и груди проходит бордюр из полосы, разделенной поперечными линиями. Ноги показаны в движении - они присогнуты. Основание по которому движется конь гладкое или декорировано полосой, разделенной поперечными линиями.

Изделия изготовлены с помощью литья по оттиску в двухчастной односторонней форме. Редко фиксируется доработка деталей изображения после литья в виде наложения позолоты на гриву или её проработка резцом.

Изделия выполнены из сплава *Ag-Cu-Pb* (Ag: 90,9–97,3%, Cu: 1,3–6,14%, Pb: 1–1,7%), в одном фиксируется примесь Au в пределах 1%.

Одно изделие отличается по деталям и химико-технологическим характеристикам (рис. 2: 4). Движение передано в левую сторону. Всадник сидит боком, с развернутыми плечами и головой в фас. На его лице кроме рта, глаз, носа, выделена и борода. В костюме всадника выделены остроконечный головной убор, одежда до колена, пластинчатый доспех и сапоги. Одна рука всадника держит повод и верхнюю часть копья, другая – нижнюю часть копья. Также выделен и колчан, подвешенный на пояс. Внимание уделено и конскому снаряжению – выделены седло с небольшой попоной, повод с уздечными ремнями. Голова коня массивная, с выделенными ухом, глазом и пастью. Основание декорировано косыми линиями.

Подвеска изготовлена способом литья в двухчастную двухстороннюю форму. Отдельные элементы доработаны. Качество отливки высокое, тонкостенное.

Изделие выполнено из сплава *Ag-Cu-Pb-Zn* (Ag-89,8%, Cu-5,3%, Zn-1,2%, Pb-2,9%).

Ножны в серебряных обкладках (рис.3; 24 экз., погр.: 328, 333, 358, 364, 392, 400, 401, 404, 425, 433, 435, 440, 473, 475, 492, 495, 502, 517, 359, 473, 374, 480 (2), 512).

Изделия состоят из рукояти и футляра для лезвия, покрытых декорированными металлическими обкладками, изготовленными из тонких пластин (толщина 0,1–0,6 мм). Все части сборные и сложные по конструкции.

Рукояти слегка уплощенной цилиндрической формы, имеют деревянную основу, покрытую цельной пластиной. Её края с тыльной стороны соединены внахлёст и спаяны, а на нижнюю и верхнюю часть полученного цилиндра припаяны кольцевые обоймы.

Рис. 3. Ножи в ножнах с серебряными обкладками. Примеры изделий, вошедших в выборку. 1 – п.392, 2 – п.328, 3 – п.517, 4 – п.492, 5 – п.124, 6 – п.374. Фото из архива А.В. Данича.
Fig. 3. Scabbards with silver plates. Samples. 1 – burial 357, 2 – burial 490, 3 – burial 279, 4 – burial 468, 5 – burial 417, 6 – burial 277. Photos and drawings by A.V. Danich.

Футляр также имеет слегка уплощенную цилиндрическую форму, немного сужающуюся к низу, и покрытую пластинами деревянную основу. Покрытие пластинами исполнялось по-разному: цельной, закрывающей большую часть футляра; 2–3 отдельными на небольшом расстоянии друг от друга; отдельными, покрывающими нижнюю часть футляра. В последнем случае, на непокрытую пластиной часть футляра нанизывались металлические кольцевые обоймы. Края пластин на тыльной стороне соединены внахлёст и спаяны, а на верхнюю и нижнюю часть полученных цилиндров припаяны кольцевые обоймы.

Затыльники рукоятей сохранились в трех изделиях в виде бересты, металлической пластинки-заглушки и надетого на рукоять полого шара, собранного из двух спаянных между собой тисненых полусфер.

Только одни ножны имели наконечник грушевидной формы, спаянный из двух тисненных половин.

Приспособление для подвешивания ножен (подвес) представляло узкий литой из цвет-

Рис. 4. Наборные пояса. Примеры изделий, вошедших в выборку. 1 – п.279, 2 – п.357.
Фото из архива А.В. Данича.
Fig. 4. Belt sets. Samples. 1 – burial 279, 2 – burial 357.
Photos and drawings by A.V. Danich.

ного металла дрот прямоугольного сечения. В его верхней части – петлевидный изгиб, переходящий в раскованный конец. А вдоль и на раскованном конце дрота – отверстия, для крепления к основе ножен посредством шпеньков. Часто подвесы представлены в фрагментах, но отверстия от них и следы окисла на обкладках свидетельствуют об их наличии и описанной конструкции.

Припаянные металлические кольцевые обоймы на цилиндрах из пластин выполнены по-разному: из гладких проволочек или штампованных проволочек, из узких с продольным рифлением полосок или полосок с рядом точечных отверстий, или простых без декора полос. Они не только декорировали, но и дополнительно закрепляли цилиндрические конструкции.

Сборка производилась после изготовления основных частей ножен. Перед ней деревянные основы дополнительно покрывались кожей, берестой и текстилем. На покрытую

основу надевались металлические части ножен – обкладки и кольца-обоймы (если они отдельные), наконечник футляра и затыльник рукояти (при наличии). Затем на тыльную сторону с помощью шпеньков прикреплялся подвес. Его изгиб располагался у верхнего края футляра. В нижней части футляра он не доходил до конца. Он не только являлся деталью для подвешивания изделия, но и скреплял всю конструкцию, прикрывал места стыка внахлест металлических обкладок. Дополнительно скреплялся футляр ножен и с помощью сквозного шпенька в нижней части. Его выход наружу с лицевой стороны прикрывался элементами, которые не сохранились (фиксируются следы припоя) или сохранились в виде шайбочек ромбической и фигурной форм.

Практически все ножны в серебряных обкладках имеют декор с лицевой стороны. В большей части они декорированы зернью, штампованной проволочкой и кастами с вставками. Как правило из этих элементов выкладывался якоревидный орнамент (контур из филиграни и треугольников зерни, петля – каст с вставкой или розетка из зерни). Штампованной проволочкой по бокам и зерненными треугольниками в отдельных экземплярах подчеркнуты орнаментальные зоны. В одном изделии орнамент представлен в виде чередующихся в шахматном порядке зерненых треугольников.

В изделиях зернь не крупная, калиброванная, имеет сферическую или слегка уплощенную (дисковидную) форму, а штампованная проволочка имеет регулярный зерневой эффект. Каплевидные глухие касты для вставок изготовлены из припаянной под прямым углом к поверхности тонкой полоски металла. Вставки из янтаря, смолы, стекла, полупрозрачного камня закреплены в касте путем обжатия его края и дополнительного «подклеивания».

Весомая часть изделий декорирована тисненными орнитоморфными и антропоморфными фигурами. Эти фигуры в разном количестве украшают как рукояти, так и футляры.

Также одним из приемов декорирования обкладок ножен выступало золочение. Позолотой выделен фон зерно-филигранного якоревидного орнамента или тисненные изображения. С помощью метода СЭМ РФлА в слое позолоты было выявлено высокое содержание золота и ртути, что свидетельствует о нанесении позолоты способом амальгамирования.

Химический состав металла основных конструктивных деталей ножен – обкладок, исследовался двумя способами - с помощью рентгенофлюоресцентного анализа и с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа.

При исследовании с помощью первого метода выявлено, что обкладки ножен изготовлены из сплавов *Ag-Cu-Pb* (Ag: 86,7–94,2%, Cu: 2,6–9,4%, Pb: 1-1,6%) и *Ag-Cu* (Ag: 92,7-93,6%, Cu: 5,1-5,9%). Аналогичные результаты были получены и при исследовании изделий вторым методом: *Ag-Cu-Pb* (Ag: 88,8-95%, Cu: 2–10%, Pb: 1,1–5,2%) и *Ag-Cu* (Ag: 87,9–97,6%, Cu: 1,9–6,4%).

В отдельных изделиях примесь Au в пределах 1%. В единичных изделиях наличие Au в пределах 1,5-5,8%, что связано с нанесенным золочением.

Наборный пояс венгерского облика включает (рис. 4:1: 33 изд., погр.279) пряжку, два типа накладок и наконечник ремня.

Пряжка шарнирная, с пятиугольным вытянутым щитком и лировидной рамкой с изогнутым язычком. В широкой части рамка декорирована слегка уловимым геометрическим орнаментом, в основании язычка - углубление треугольной формы с выделенной линией у основания. Щиток имеет двухрядный бордюр в виде цепочки овалов и чередующихся прямоугольных выпуклин. В центре – растительный орнамент, в виде двух симметричных розеток с заостренными боковыми листьями. Его фон выделен позолотой. На тыльной стороне щитка - три шпенька.

Пряжка имеет следы ремонта на месте утраты шарнирного ушка и шпенька (заменены петлей в виде полоски металла и сквозным шпеньком соответственно), также присутствует замена шарнирного стержня. Детали пряжки отлиты в формах с восковым посредником и двустворчатой. После отливки и доработки (фиксируются следы шлифовки, нанесение позолоты) изделие собиралось.

Пятиугольный наконечник имеет бордюр в виде чередующихся овалов и двойных кружков (узелковый бордюр). Внутри – изображения побегов с лотосовидными бутонами и птиц. Орнамент выделен позолотой. На тыльной стороне – пять шпеньков, один из которых

выполнен в результате ремонта изделия – он сквозной и изготовлен из медного тонкого прута путем расклёпывания. Изделие отлито в двухстворчатой глиняной форме, литье тонкостенное.

Накладки представлены двумя типами – овально-округлыми с петлей в нижней части для крепления колец (14 экз., кольца отсутствуют) и овально-пятиугольными (17 экз.). Несмотря на разницу в конструкции и разницу в форме, все одинаково оформлены. Они имеют бордюр в виде цепочки овалов и изображение двух симметрично расположенных розеток с заостренными листьями по бокам (пальметта с «растрепанными» лепестками). Фон изображений имеет позолоту.

Односоставные накладки отлиты в двухстворчатых двухсторонних формах, литье тонкостенное. Скорее всего, все бляшки выполнены по одной модели.

Накладки с петлей в основании отлиты в двухстворчатых двухсторонних формах, сделанных с помощью оттискивания модели с последующим формированием петли. Скорее всего, эти бляшки также выполнены по одной модели.

В накладках обоих типов литье тонкостенное, а шпеньки на тыльной стороне расположены в разных местах, что свидетельствует об индивидуальном изготовлении проколов для них в створке формы. После литья, изделия дорабатывали и наносили позолоту.

Исследование химического состава металла проводилось как на лицевой, так и на тыльной стороне. Щиток пряжки изготовлен из сплава *Ag-Cu-Sn-Pb-Zn* (Ag–68,2%, Cu–16,9%, Sn–8,3%, Pb–3,4%, Zn–3,1%). Наконечник ремня – *Ag-Cu-Pb-Sn* (Ag–58,9%, Cu–35,9%, Sn–1,3%, Pb–3,8%). Накладки с петлей в основании – *Ag-Sn-Cu-Pb-Zn* (Ag: 79,1–84,3%, Sn: 4,5–9,8%, Cu: 2,9–10,2%, Pb: 2,5–5,1%, Zn: 1,2–2,3%). Накладки односоставные – *Ag-Cu- Sn-Pb-Zn* (Ag: 57,1–82,3%, Sn: 4,2–14,3%, Cu: 5,2–24,2%, Pb: 2,3–8,2%, Zn: 1,3–2,5%). Единичные накладки изготовлены из сплава *Ag-Cu-Pb-Zn* (Ag: 72,8–81,8%, Cu: 10,2–19,2%, Pb: 3,9–5,0%, Zn: 1–2,2%). На лицевых сторонах всех изделий зафиксировано повышенное содержание Au в пределах от 1,6 до 24,5%, что связано с золочением.

Наборный пояс с изображением трилистника и сидящего человека (рис. 4:2, п.357, 29 изд.) включает три типа накладок и наконечник ремня. С лицевой стороны по краю всех изделий проходит бордюр в виде чередующихся овалов и кружков, что подчеркивает стилистическое единство.

Пятиугольный наконечник состоит из двух деталей – верхней накладки и подкладочной пластины. В центре верхней накладки орнамент в виде чередующихся трилистников с заостренными листьями. Срединный лист примыкает к основанию идущего над ним трилистника, а боковые – к кружкам бордюра. На тыльной стороне пять шпеньков. На них после кожаной основы закреплялась подкладочная пластина. Она вместе с пазами вырезана из тонкого листа металла.

Односоставные накладки подтреугольной формы (16 экз.) имеют в центре изображение трилистника.

Односоставные пятиугольные накладки (2 экз.) имеют прорезь в центральной части, повторяющую по контурам общую форму изделия.

Двусоставные накладки имеют щитки округлой формы с петлями в основании и подвешенные к ним кольца (10 экз.). В центре изображение человека, сидящего со скрещенными ногами. Кольца литые, у отдельных накладок утеряны.

Все накладки имеют шпеньки на тыльной стороне (3 шт.), расположенные у каждого типа одинаково.

Односоставные поясные элементы (накладки и наконечник) отлиты в двухстворчатых двухсторонних формах, сделанных с помощью оттискивания модели. Двусоставные накладки с петлей в основании отлиты в двухстворчатых двухсторонних формах, сделанных с помощью оттискивания модели с последующим формированием петли. Литье тонкостенное.

Вероятнее всего, для изготовления накладок одного типа использовалась одна модель (о чем могут свидетельствовать одинаковые изъяны, которые проявляются в деталях изображений и «кривизне» отдельных звеньев бордюра, а также одинаковое расположение шпеньков). Редко на отдельных элементах фиксируются следы доработки орнамента острым инструментом.

Изделия изготовлены из сплава *Ag-Cu-Zn-(Pb)* (Ag: 89,5–94,2%, Cu: 3,3–7,4%, Zn: 1,2–2,3%, Pb: 0,6%–1,7%, часто в пределах 0,6–0,98%).

Результаты

Важно отметить, что практически во всех изделиях при химическом анализе также фиксировались As и/или Fe, чаще всего в пределах до 1% каждый. Однако, даже при небольшом механическом очищении поверхности их содержание сокращалось.

Содержание серебра в выборке варьирует от низкопробного сплава (68,2%) до металла довольно высокой пробы (98,4%). Однако при детальном анализе сплавов каждой группы изделий заметно, что доминируют изделия из сплава с высоким содержанием серебра (80% и более). Обозначенная низкая проба характерна для элементов наборного пояса венгерского облика, представляющих единый комплект и изделий, представленных единично.

Подавляющее большинство изделий выполнено из сплавов с высоким содержанием серебра (87-98%), легированных медью или медью и свинцом *(Ag-Cu и Ag-Cu-Pb).* Практически все они являются изделиями, изготовленными на территории ломоватовской культуры: украшения с грушевидной и гроздьевидной привесками, калачевидное украшение, подвески-всадники прикамского типа, ножи в ножнах с серебряными обкладками, перстни-«колпачки», погребальные лицевые покрытия – маски (Подосёнова и др., 2022, с. 85; Подосёнова, 2021, с. 130–146; Крыласова, Подосёнова, 2023, с. 59–62).

В меньшем количестве представлены изделия из сплава с высокой пробой серебра (в основном более 86%), легированного свинцовой латунью (Ag-Cu-Zn-Pb). Группу составляют серьга и перстни салтовских типов и нетипичная для прикамских материалов подвеска-всадник. Также из этого сплава изготовлены единичные местные изделия (украшения с гроздьевидной привеской) и конструктивные элементы перстней-«колпачков» (шинки) и украшений с грушевидной привеской (кольца-дужки).

Изделия из серебра, легированного латунью (Ag-Cu-Zn), многокомпонентной латунью (Ag-Cu-Sn-Zn-Pb) и свинцово-оловянной бронзой (Ag-Cu-Sn-Pb) немногочисленны и являются изделиями привозными. Это наборный пояс венгерского облика, наборный пояс с изображениями трилистника и сидящего человека, серьга салтовского типа.

Бросается в глаза отсутствие местных изделий, выполненных из низкопробных серебряных сплавов, разбавленных медью, свинцом, оловом. Причин этому может быть несколько. Возможно, в местном производстве не было необходимости использования в изготовлении изделий из серебра вторичного сырья в виде лома разных предметов, вышедших из употребления или наличии навыков очищения серебра (что маловероятно).

С другой стороны, одновременное наличие стабильного состава в сплавах Ag-Cu-Pb и Ag-Cu (где Ag>90%) и отсутствие разбавленных низкопробных сплавов могут указывать на обилие сырьевых источников серебра в регионе. Процентный состав элементов в них соответствует диапазону состава дирхемов (Ениосова, 2015, с. 28–29), что может свидетельствовать об использовании монетного серебра как одного из источников. Наличие в отдельных изделиях Bi и Au может являться подтверждением этому.

Важно отметить, что ни в одном изделии из выборки, являющимся привозным, наличие Bi как отдельно, так и в связке с примесью Au, не зафиксировано (в частности, перстнях и серьгах салтовских типов, наборных поясах, подвеске-всаднике). В прикамских изделиях эти примеси в связке или отдельно фиксируются: Bi в пределах 0,34-0,76% и Au в пределах 0,3–0,9%. Возможно, это указывает на разные сырьевые источники, но делать определенные выводы на столь небольшой выборке преждевременно.

Причина отсутствия низкопробного серебра может скрываться и в технических навыках местных мастеров, которые предпочитали выполнять свои изделия с помощью разных способов пластической деформации металла (ковка, выколотка, чеканка, волочение, гравировка, тиснение и т.д.). Низкопробные сплавы серебра, смешанные с оловом, цинком, свинцом и медью не обладали «нужными» свойствами металла для этих целей.

Все изделия местного происхождения, вошедшие в выборку, за исключением подвесок-всадников прикамского типа, выполнены с применением разных ювелирных техник изготовления и декорирования: зерни, филиграни, ковки, волочения, тиснения, пайки, золочения, инкрустации и т.д. Подвески-всадники прикамского типа выполнены с помощью литья. Сборка украшений из различных деталей – это одна из особенностей местного ювелирного ремесла.

Химико-технологические исследования изделий из серебра Баяновского могильника, позволяют окончательно подтвердить и другую техническую особенность, замеченную ранее на материалах других памятников: местные мастера при изготовлении изделий сложной конструкции, варьировали металлическими сплавами в зависимости от того какой конструктивный элемент изделия выполнялся. Так, например, в височных украшениях с грушевидной привеской зачастую кольцо-дужка из сплава с пробой ниже чем у других конструктивных элементов – полых шаров и усеченного конуса, зерни. А незаметные носителями украшений стержни внутри конструкции, на которых крепилась привеска, выполнены из медной полоски металла. Аналогично изготовлены и перстни-«колпачки»: содержание серебра в сплаве шинки в сравнении с сплавом щитка-«колпачка» ниже, а «колпачек» с тыльной стороны прикрывает щиток из медной пластины. Шинки и дужки в основном выполнены из серебра, легированного медью и свинцом или свинцовой латунью. Известно, что такие сплавы прочнее (в сравнении со сплавом серебра высокой пробы с медью, свинцом в небольшом количестве), не тускнеют и в тоже время хорошо поддаются механической обработке (если процентное содержание легирующих элементов небольшое). Возможно, прочность была замечена и востребована мастерами для «несущих» и «держащих» конструктивных элементов украшений. Использование деталей, вырезанных из медной пластины могло быть связано с определенной экономией металла.

Представленные результаты носят предварительный характер, так как основаны на изучении только части «серебряной» коллекции Баяновского могильника, которая к настоящему времени насчитывает уже более 1000 изделий и ждет дальнейших исследований.

Примечание:

[1] В связи с большим количеством изделий в исследуемой выборке, в рисунках даются примеры с проанализированными изделиями.

ЛИТЕРАТУРА

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Об особенностях производства куфических дирхамов VIII–X вв. // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.: мат. докл. и сообщ. II междунар. нумизмат. конф. Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник / Отв. ред. Н.С. Моисеенко. СПб.: Знак, 2015. С. 69–76.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Ассортимент ювелирных изделий в средневековом прикамском костюме // Труды КАЭЭ. 2023. Вып. 22. С. 57–72/

Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Пггпу, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 72–88.

Информация об авторе:

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Археологии и антропологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН (г. Пермь, Россия); podosenka@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7230-1572

REFERENCES

Eniosova, N. V., Mitoyan, R. A. 2015. In Moiseenko, N. S. (ed.). *Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv. (Viking Age in the Eastern Europe by 8th – 11th Century Numismatic Sources)*. Saint Petersburg: "Znak" Publ., 69–76 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2023. In *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 22, 57–72 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Podosenova, Yu. A., Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 72–88 (in Russian).

About the Author:

Podosenova Yulia A., Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; Institute of Humanitarian, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Lenin str., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-7230-1572

Статья поступила в журнал 11.11.2024 г.
Статья принята к публикации 27.12.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.258.270

ПОСЕЛЕНИЯ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2023 ГОДА)

©2025 г. В.А. Сарапулкин, Д.С. Соловьев

В 2023 году в результате разведочных работ в дельте Волги было выявлено шесть новых памятников эпохи раннего средневековья. На основе анализа их керамического комплекса памятники отнесены к трем хронологическим группам. Наиболее ранние памятники – Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 – характеризуются наличием фрагментов кухонных и тарных сосудов, украшенных линейно-волнистым орнаментом и близких к керамике салтово-маяцкой культуры. Промежуточную позицию занимают поселения Малый Костюбе 3 и 4, где доминируют толстостенные красноглиняные сосуды, схожие с материалами верхних слоев ранее выявленного поселения Бараний бугор. Верхний хронологический горизонт представлен поселениями Малый Костюбе 1 и Кинелле 1. Основную часть находок на этих памятниках составили фрагменты тонкостенных красноглиняных кувшинов, аналогии которым известны на Самосдельском городище. Имеющиеся данные позволяют предварительно выделить несколько этапов развития раннесредневековых памятников дельты Волги. Наиболее ранний горизонт представлен нижними слоями поселения Бараний бугор, керамический комплекс которых типичен для салтово-маяцких памятников бассейна Дона. Следующий этап зафиксирован в среднем и верхнем горизонтах поселения Бараний бугор, поселениях Семибугры 1, Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1. Здесь происходит постепенное исчезновение амфорного материала и замещение столовых сероглиняных сосудов аналогичными по форме красноглиняными. На третьем этапе стационарные поселения сменяются скотоводческими стоянками, где керамика, имеющая сходство с сосудами хазарского времени, замещается тонкостенными кувшинами «самосдельского» облика.

Ключевые слова: археология, дельта р. Волга, салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, амфоры, сероглиняные сосуды, кухонные горшки с линейным орнаментом, кирпичи.

SETTLEMENTS OF THE KHAZAR PERIOD IN THE VOLGA DELTA (FOLLOWING THE 2023 RESEARCH RESULTS)

V.A. Sarapulkin, D.S. Solovyov

In 2023, as a result of survey works in the Volga delta, six new archaeological resources of the Early Middle Ages were identified. Based on the analysis of their pottery assemblage, the monuments are classified into three chronological groups. The earliest monuments – Maly Kostyube 2 and Bikhtobe 1 – are characterized by the presence of fragments of cooking and transport ware decorated with linear-wavy ornaments and close to the ceramics of the Saltovo-Mayaki culture. An intermediate position is occupied by the settlements of Maly Kostyube 3 and 4, which are dominated by thick-walled red clay vessels similar to the materials of the upper layers of the previously identified settlement of Baraniy Bugor. The upper chronological horizon is represented by the settlements of Maly Kostyube 1 and Kinelle 1. The main part of the finds on these sites were fragments of thin-walled red clay jugs, the analogies of which are known at the Samosdelka settlement. The available data allow us to preliminarily identify several stages of development of the Early medieval monuments of the Volga Delta. The earliest horizon is represented by the lower layers of the Baraniy Bugor settlement, the pottery assemblage of which is typical of the Saltovo-Mayaki monuments in the Don basin. The next stage is recorded in the middle and upper horizons of the Baraniy Bugor settlement, Semibugry 1, Maly Kostyube 2 and Bikhtobe 1 sites. Here, the amphoric material gradually disappears and the table gray clay vessels are replaced by similar-shaped red clay ones. At the third stage, stationary settlements are replaced by cattle-breeding campsites, where pottery, that resemble ware of the Khazar period, is replaced by thin-walled jugs of a "samosdelka" appearance.

Keywords: archaeology, Volga River delta, Saltovo-Mayaki culture, Khazar Khaganate, amphorae, gray clay ware, cooking pots with linear ornaments, bricks.

Введение

До недавнего времени масштабные археологические исследования в дельте Волги, проводимые с целью выявления отложений хазарского времени, ограничивались деятельностью Нижневолжской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1959-1963 гг. В результате проведенных Л.Н. Гумилевым исследований удалось выявить некоторое число погребений, содержавших керамику салтово-маяцкого облика (Гумилев, 1962. с. 56-57; 1965. с. 49-50), а также собрать небольшое количество подъемного материала, содержавшего фрагментированную керамику, определенную автором как «хазарская» (Гумилев, 1966. с. 183, 187-189). Высказанное Л.Н. Гумилевым предположение о том, что хазарские слои дельты Волги перекрыты мощными аллювиальными отложениями (Гумилёв, 1966. с. 127), возникшими в результате трансгрессии Каспия, вероятно, до некоторой степени повлияло на интенсивность изучения региона в последующие годы.

Большое значение для исследований эпохи раннего средневековья на Нижней Волге имеют работы на Самосдельском городище, богатейшие материалы которого, однако, не содержат предметов, которые можно было бы напрямую связать с древностями салтово-маяцкого круга (Васильев, 2020. с. 70).

Прогресс в вопросе выявления хазарских отложений в дельте Волги был достигнут в 2019 году, когда Д. С. Соловьевым в окрестностях с. Семибугры Камызякского района обследовался бэровский бугор, где, по материалам предыдущих исследований, располагалось поселение золотоордынского времени. В ходе осмотра местности было установлено, что поверхность окружающей бугор аллювиальной равнины содержала значительное количество фрагментированной керамики, рассеянной на площади порядка 150 га. В заложенном на склоне бугра шурфе был обнаружен горизонт переотложенной керамики, по своим характеристикам близкой подъемному материалу (Соловьев, Котеньков, Тимофеев, Стукалов, Коваленко, 2021, с. 100).

Керамический комплекс памятника в основном состоял из фрагментов, изготовленных на гончарном круге медленного вращения, горшков, тулово которых было покрыто линейным и линейно-волнистым орнаментом и сероглиняных круговых сосудов, орнаментированных горизонтальными каннелюрами и пролощенными полосами. Подобный состав керамического комплекса ранее на обследованной территории не фиксировался, при этом являясь характерным для ряда памятников салтово-маяцкой культуры Дона (Сарапулкин, Соловьев, Котеньков, Кравченко, 2023.).

В 2021 году, на противоположном от Семибугров берегу р. Болда, был обнаружен еще один памятник – поселение Бараний бугор, показавший наличие схожего материала (Сарапулкин, Соловьев, Котеньков, Кравченко, 2023.). В последующие годы было установлено, что распространение керамики на поверхности объекта охватывает территорию порядка 200 га. Раскопки 2022 года показали наличие культурного слоя мощностью около 2 м, насыщенного фрагментированной керамикой, костями животных и рыб. Слой однозначно датируется причерноморскими амфорами временем не позднее IX века н.э.

Таким образом, в 2019-2022 года было открыто два крупных поселения хазарского времени. Кроме того, был установлен неочевидный до этого факт наличия бытовых памятников археологии вне пределов бэровских бугров, на аллювиальной равнине. Также, вопреки гипотезе Л.Н. Гумилева, удалось выяснить, что отложения хазарского времени вовсе не погребены многометровыми намывами, а наоборот, в ряде случаев фиксируются непосредственно на современной дневной поверхности. С опорой на эти выводы исследования были продолжены в полевой сезон 2023 года.

Исследования 2023 года

Исследования 2023 года проводились в Приволжском районе Астраханской области и затрагивали два участка (рис. 1). Первый располагался в южной части района, в междуречье крупных волжских проток рр. Болды и Кафтанки, в пространстве между ериками Дырыл-Деме и Акузек. В средней части обследованной территории проходит запаханный древний водоток – бывший ерик Мазан-Атал (рис. 2). В ландшафтном отношении участок является плоской аллювиальной равниной без каких-либо выраженных в рельефе особенностей (за исключением понижения на месте бывшего русла Мазан-Атала). Абсолютные высотные отметки, по Балтийской системе высот, на участке обследования колеблются от -23,8 до 24,4 м. Современная дневная

Рис. 1. Район исследования.
Fig. 1. The research area.

поверхность участка на момент обследования представляла собой сеть рисовых чеков (карт) - ограниченных каналами и наваловками, прямоугольников. Площадь обследованного участка составила 4,76 кв. км.

Второй участок располагался в центральной части Приволжского района, и расположен в пространстве, формируемом левым брегом р. Болды и ее притоком - ериком Дырыл-Деме. В ландшафтном отношении он являлся плоской равниной, без каких либо выраженных в рельефе особенностей. Абсолютные высотные отметки, по Балтийской системе высот, на участке обследования колеблются от -23,2 до 23,4 м. Современная дневная поверхность участка на момент обследования представляла собой заброшенные рисовые чеки (карт). Общая площадь обследованного участка составила 0,15 кв. км.

В результате разведки было выявлено 6 новых памятников – 5 в пределах участка 1 и один на участке 2.

Два памятника – поселения Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 представляли собой поселения с весьма насыщенным культурным слоем.

Поселение Малый Костюбе 2, расположенное в правобережье бывшего ерика Мазан-Атал, обнаружено по скоплениям подъемного материала - фрагментам круговых красноглиняных сосудов и сосудов, изготовленных на круге медленного вращения из глины с примесью раковины в тесте, украшенных прорезным линейным орнаментом.

Заложенный на одном из скоплений шурф 6 показал, что непосредственно под тонким слоем гумусированной супеси залегал материк – желтый песок. На его поверхности была обнаружена придонная часть крупного тарного горшка, располагавшаяся в углубленной в материк ямке. Там же располагалась аморфная яма, насыщенная археологическим материалом, включавшим в себя 414 костей животных, в основном мелкой, до 2 см в длину, фракции, 8 костей рыб, 44 мелких фрагмента кирпича, 432 фрагмента керамики, из которых 336 являются мелкими фрагментами расслоившегося тарного горшка, придонная часть которого прослежена в шурфе.

Заполнение придонной части сосуда расчищалось в лабораторных условиях. На его поверхности был обнаружен крупный фрагмент красноглиняного тарного сосуда, под ним был зафиксирован крупный фрагмент кирпича (рис. 3). Слой между кирпичом и крупным фрагментом сосуда был заполнен черным гумусированным суглинком, насыщенным костным и керамическим ломом, с включениями угля. Ниже уровня кирпича слой меняется: кости и керамика почти исчезают, количество угля возрастает. Флотация и просеивание

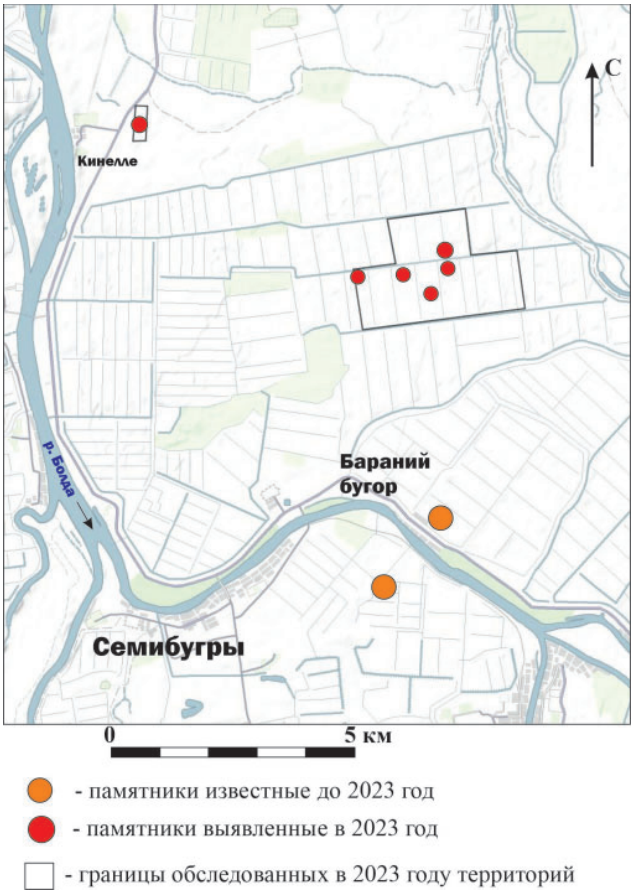

Рис. 2. Расположение памятников.
Fig. 2. Location of monuments.

Рис. 3. Поселение Малый Костюбе 2. Придонная часть пифоса.
Fig. 3. Maly Kostyube settlement 2. Bottom part of Pythos.

через сито с шагом ячейки 2 мм показали наличие большого количества костей мелких грызунов в нижней части заполнения сосуда. Кроме того, в результате флотации был выявлен один образец зерна злаковых.

Керамический комплекс памятника выглядит следующим образом: 36 фрагментами представлены красноглиняные толстостенные (толщина стенки 0,8-1,2 см) сосуды (рис. 4: 1), часть из которых имела зонально-линейный и линейно-волнистый орнамент. Такими же по толщине стенками представлена серия из 32 фрагментов сосудов бежевого обжига с включениями остроугольной серой и коричневой минеральной фракции (рис. 4: 2). Красноглиняная тонкостенная (толщина стенки 0,5–0,8 см) керамика представлена 15 фрагментами.

Большая часть выявленной в шурфе керамики, появилась, вероятно, в результате разрушения крупного тарного сосуда (толщина стенки до 2 см), изготовленного из глины с примесью раковины моллюска. Придонная часть этого сосуда обнаружена в квадрате 2 (рис. 2). Вероятно, к нему относятся и фрагменты ложновитого венчика. Всего в шурфе обнаружено 336 фрагментов подобной керамики.

37 фрагментов являются частями кухонных сосудов (толщина стенки 0,7-1 см), изготовленных из глины с примесью раковины моллюска, орнаментированных прорезанными горизонтальными линиями (рис. 5: 1-2). Для двух фрагментов можно определить тип сосуда – горшок с ручкой (рис. 5: 3).

Результаты осмотра поверхности памятника и шурфовки позволяют предположить, что культурный слой полностью срезан в процессе строительства и эксплуатации рисовых чеков.

Рис. 4. Поселение Малый Костюбе 2. 1 – ручка красноглиняного сосуда; 2 – стенка сосуда с примесью остроугольной минеральной фракции в составе формовочной массы.
Fig. 4. Maly Kostyube settlement 2. 1 – handle of a red clay vessel; 2 – wall of a vessel with a temper of a acute-angled mineral fraction in the pottery paste

Скопления керамики на его современной дневной поверхности, вероятно, маркируют углубления искусственного либо естественного происхождения, в которых культурные отложения остались нетронутыми.

Поселение Бихтобе 1 расположено в 1 км к западу от Малого Костюбе 2. Заложенный на памятнике шурф 15 показал, что под слоем намывного желтого песка, мощностью порядка 35 см, залегает культурный слой хазарского времени – темно-серый гумусированный суглинок мощностью 5–10 см. Этот слой содержал 11 фрагментов толстостенных красноглиняных сосудов, 26 фрагментов тарных сосудов, сформованных из глины с примесью раковины и украшенных сплошным линейным орнаментом (рис. 6: 1), 4 фрагмента кухонных сосудов, сформованных из глины с примесью раковины и украшенных сплошным линейным орнаментом (рис. 6: 2), 2 фрагмента круговой, толстостенной керамики бежевого цвета с остроугольной минеральной примесью (рис. 5: 4), 10 фрагментов красноглиняной тонкостенной керамики, 2 фрагмента круговой красноглиняной керамики, украшенной линейным орнаментом, 6 кусков обмазки, один из которых имел отпечатки торца полой палочки, 19 фрагментов кирпича, 2 фрагмента лепных сосудов, 32 кости млекопитающих.

Шурф 17, заложенный в 80 м к югу от шурфа 15, показал полностью перемешанный распашкой культурный слой, залегавший непосредственно под дневной поверхностью. Слой содержал 22 фрагмента толстостенных красноглиняных сосудов, один из которых покрыт глубоко врезанным линейным орнаментом (рис. 6: 2), 6 фрагментов тарных сосудов, сформованных из глины с примесью раковины, и украшенных сплошным линейным орнаментом, 16 фрагментов красноглиняной тонкостенной керамики, 5 кусков обмазки, 8 фрагментов кирпичей, 9 костей млекопитающих.

Верхняя граница культурного слоя в шурфе 17 расположена на 30-35 см выше, нежели в шурфе 15. Это свидетельствует в пользу того, что поселение располагалось на небольшом всхолмлении, вершина которого располагалась в районе шурфа 17.

Четыре памятника, выявленных в разведке 2023 года, показали слабую насыщенность культурных отложений.

Поселение Малый Костюбе 3 расположено на левом берегу бывшего ерика Мазан-Атал. Выявлено по распространению подъ-

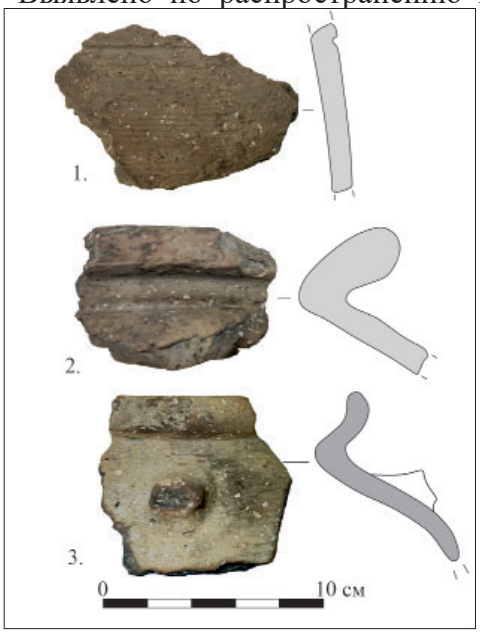

Рис. 5. Поселение Малый Костюбе 2. 1 – стенка кухонного горшка; 2 – венчик кухонного горшка; 3 – венчик кухонного горшка с ручкой.
Fig. 5. Maly Kostyube settlement 2. 1 – wall of a cooking pot; 2 – rim of a cooking pot; 3 – rim of a cooking pot with with a handle.

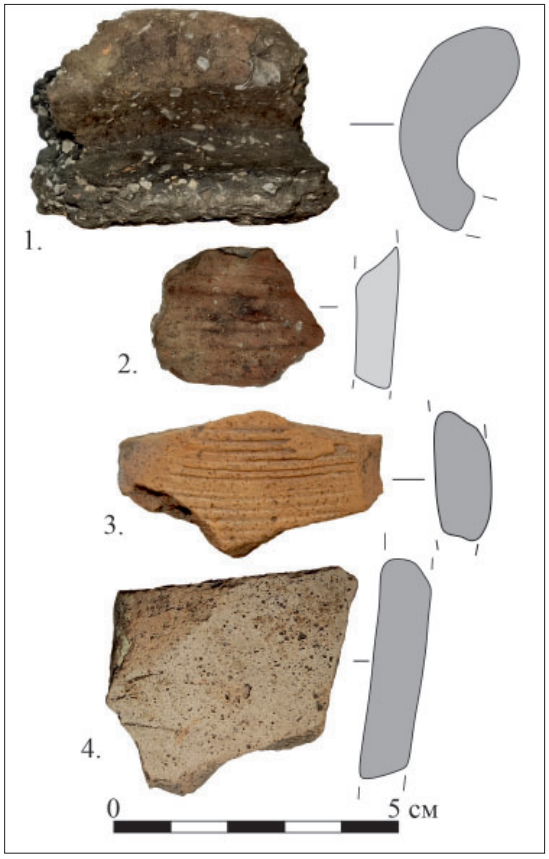

Рис. 6. Поселение Бихтобе 1. 1 – венчик кухонного горшка; 2 – стенка кухонного горшка; 3 – стенка красноглиняного сосуда; 4 – стенка сосуда с примесью остроугольной минеральной фракции в составе формовочной массы.

Fig. 6. Bikhtobe settlement 1. 1 – rim of a cooking pot; 2 – wall of a cooking pot; 3 – wall of a red clay vessel; 4 – wall of a vessel with a temper of a acute – angled mineral fraction in the pottery paste.

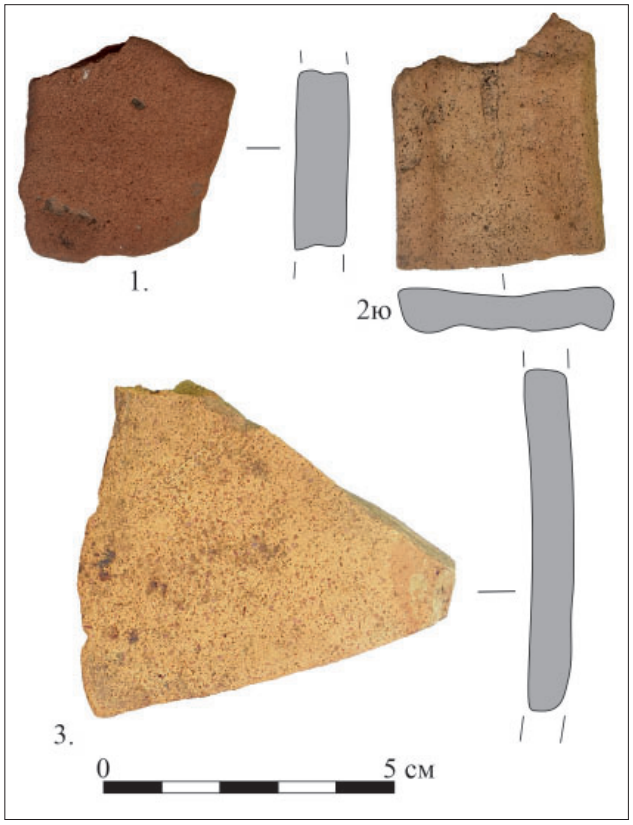

Рис. 7. 1 – поселение Малый Костюбе 4, фрагмент красноглиняного сосуда; 2 – 3 – поселение Малый Костюбе 3, ручка и стенка сосудов с примесью остроугольной минеральной фракции в составе формовочной массы.

Fig. 7. 1 – Maly Kostyube 4 settlement, a fragment of a red clay vessel; 2 – 3 – Maly Kostyube 3 settlement, a handle and the wall of vessels with a temper of a acute – angled mineral fraction in the pottery paste.

емного материала – фрагменты керамики и кости животных рассеяны на площади 2,8 га, не формируя заметных скоплений. Заложенный шурф показал, что непосредственно под пахотным слоем мощностью до 0,3 м) залегал чистый материковый песок. Находки из шурфа представлены тремя мелкими фрагментами красноглиняных сосудов.

Керамический комплекс памятника включает 92 фрагмента круговых красноглиняных сосудов, часть из которых имела примесь остроугольной минеральной фракции в составе формовочной массы (рис. 7: 2-3), два фрагмента стенок лепных сосудов, фрагмент стенки кухонного сосуда с примесью раковины в тесте.

Поселение Малый Костюбе 4 расположено в правобережье бывшего ерика Мазан-Атал. Выявлено по результатам шурфовки. В обоих шурфах (шурфы 29 и 32) под слоями пахоты и намывного желтого песка общей мощностью 0,25-0,4 м залегал горизонт погребенной темно-серой супеси до 0,2 м толщиной. В верхней части горизонта фиксировался археологический материал: в шурфе 29 обнаружены 8 костей животных 2 фрагмента красноглиняной керамики и терочник – уплощенная галька белого песчаника; в шурфе 32 – 5 костей животных, 3 фрагмента красноглиняной керамики (рис. 7: 1), крупный фрагмент кирпича.

Поселение Малый Костюбе 1, примыкающее с юга к Малому Костюбе 4, характеризуется наличием обширного скопления фрагментированного кирпича и известкового раствора, локализующегося в централь-

Рис. 8. 1 – 2 поселение Малый Костюбе 1.
1 – фрагмент красноглиняного кувшина; 2 – венчик лепного сосуда; 3 – 4 – поселение Кинелле 1,
3 – стенка красноглиняного сосуда; 4 – стенка лепного сосуда.

Fig. 8. 1 – 2 Maly Kostyube 1 settlement, 1 – fragment of a red clay jug; 2 – rim of a hand – made vessel;
3 – 4 – Kinelle 1 settlement, 3 – wall of a red clay vessel;
4 – wall of a hand – made vessel.

ной части памятника. Как удалось выяснить в процессе разведки, оно является остатками углубленных в землю кирпичных сооружений (сооружения?). На поверхности памятника встречается немногочисленный подъемный материал, представленный фрагментами тонкостенных круговых красноглиняных сосудов и лепных горшков с примесью органики и шамота в составе формовочной массы.

Из четырех заложенных на памятнике шурфов три (частично либо полностью) попали в заполнение подземной части кирпичного сооружения. Археологический материал был достаточно равномерно распределен в толще заполнения. Он представлен 4 фрагментами толстостенных красноглиняных сосудов, один из которых был покрыт линейно-волнистым орнаментом, одним фрагментом кругового сосуда, сформованного из глины с примесью раковины, покрытого прорезным линейным орнаментом, 46 фрагментами красноглиняной тонкостенной керамики, орнаментированной пролощенными полосами (рис. 8: 1), 27 фрагментами лепной керамики (рис. 8: 2), 244 костями животных.

Непосредственно на поверхности дна шурфа 30 был зафиксирован фрагмент тонкостенного (4 мм толщиной) кругового сосуда коричневого цвета, сформованного из глины со значительным количеством песка (рис. 9: 2). На дне шурфа 19 обнаружен фрагмент тонкостенной круговой красноглиняной чаши (рис. 9: 1).

В шурфе 12 на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности на материковой поверхности зафиксирована выкладка из крупных обломков кирпичей. Положенные на плоскость фрагменты вытянулись полосой (ширина 0,3 м) с СЗ на ЮВ. В юго-восточной части полоса трансформируется в площадку размерами 0,8×0,5 м, края которой уходят под южную и восточную стенки шурфа.

Находки из шурфа представлены 8 фрагментами тонкостенной красноглиняной керамики, орнаментированной пролощенными

Рис. 9. Поселение Малый Костюбе 1. Фрагменты керамики со дна кирпичного сооружения.
1 – фрагмент сосуда из шурфа 19; 2 – фрагмент сосуда из шурфа 30.

Fig. 9. Maly Kostyube 1 settlement. Pottery sherds from the bottom of a brick structure. 1 – fragment of a vessel from test pit 19; 2 – fragment of a vessel from test pit 30.

полосами, 3 фрагментами лепной керамики, 6 костями животных.

Расположение кирпичей свидетельствует в пользу антропогенного происхождения конструкции. Она предварительно интерпретирована как сооружение из вторичного кирпича, используемое населением, занимавшим территорию памятника в XI–XII вв. н.э.

Поселение Кинелле 1 расположено в пределах участка обследования 2, в левобережье ерика Дырыл-Деме.

На памятнике был собран подъемный материал, представленный 7 фрагментами стенок круговых красноглиняных тонкостенных сосудов, покрытых пролощеными полосами и двумя фрагментами стенок лепных сосудов с примесью органики в тесте.

Шурф 26, заложенный на памятнике, показал, что нематериковые напластования на всю глубину (0,25 м) нарушены пашней. Всего было обнаружено 5 фрагментов тонкостенных красноглиняных сосудов (рис. 7: 3) и 2 фрагмента лепных сосудов (рис. 7: 4). Обратим внимание, что в отличии от памятников, выявленных в районе бугров Бихтобе и Малый Костюбе, в данном случае отсутствуют какие-либо намывы и иные следы воздействия реки.

Культурно хронологическая атрибуция

Культурно-хронологическая атрибуция памятников определялась исходя из особенностей керамического комплекса. В материалах поселений Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 значительное место занимают сосуды, изготовленные на круге медленного вращения и имевшие в составе формовочной массы примесь толченой раковины. Стенки сосудов покрыты горизонтальными прорезанными линиями. Толщина стенок и размеры венчика позволяют выделить две размерные группы - крупные тарные сосуды – с диаметром венчика более 25 см и высотой более 50 см, и более мелкие, кухонные. Все фрагменты венчиков тарных сосудов «ложновитые». Среди кухонных сосудов в двух случаях фиксируются горшки с ручкой.

Ближайшие аналогии подобным сосудам встречаются в материалах салтово-маяцкой культуры. Кухонные горшки, украшенные линейным орнаментом, и крупные пифосообразные сосуды с «ложновитым» венчиком широко представлены на степных и лесостепных памятниках Доно-Донецкого региона (Ляпушкин, 1958. с. 108–110; Михеев, 1985. рис. 15). Примесь раковины моллюсков характерна для памятников хазарского времени приморской зоны Приазовья и Причерноморья (Плетнева, 1967. с. 106; Чхаидзе, 2012. с. 170). Кроме того, кухонная керамика с примесью раковины фиксируется в материалах Хумаринского городища (Суханов, 2020. с. 181).

Значительное место в керамическом комплексе Малого Костюбе 2 и Бихтобе 1 занимают фрагменты крупных (толщина стенки 1–1,2 см) красноглиняных сосудов, часть которых орнаментирована зональным линейно-волнистым орнаментом. Наличие в данной серии ручек и донных частей говорит в пользу того, что это, в большинстве своем, обломки крупных плоскодонных кувшиновидных сосудов. Состав формовочных масс позволяет предположить, что часть данных сосудов изготовлена из местных глин, не имеющих видимых примесей и приобретающих при переобжиге фиолетовый оттенок Другая часть представлена привозными сосудами – цвет их поверхности желтый или бежевый, в составе формовочной массы присутствуют включения остроугольной серой и коричневой минеральной фракции. Отсутствие целых форм или морфологически выраженных фрагментов не позволяют обозначить близкие аналогии данным сосудам. Можно предположить, что они близки трехручным кувшинам, прослеженным в шурфе 2 поселения Бараний бугор (Соловьев, Котеньков, 2022). Кроме того, присутствие крупных красноглиняных кувшинов фиксируется в материалах Саркела (Плетнева, 1959. с. 220).

Наличие такого яркого маркера хазарского времени, как кухонные и тарные горшковидные сосуды, украшенные линейным орнаментом, не оставляет сомнений в датировке памятников широким диапазоном VIII–X вв. В то же время, в материалах поселений Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 мы не встречаем два других компонента, типичных для керамического комплекса большинства салтово-маяцких памятников – причерноморских амфор и сероглиняных сосудов с лощением. При этом, на расположенных неподалеку поселениях Семибугры 1 и Бараний бугор эти компоненты представлены.

Некоторое сходство с составом керамического комплекса поселения Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 демонстрирует верхний слой

поселения Бараний бугор, где красноглиняная керамика количественно превосходит серую круговую (40% и 35% от общего числа фрагментов керамики – 1133 шт.), при значительном количестве кухонной, содержащей примесь раковины в составе формовочной массы (19%), малом количестве амфор (4,5%) и лепной шамотировнной керамики (1,5%). Кроме того, подобно поселениям с Мазан-Атала, верхний слой Бараньего бугра содержит фрагменты кирпича.

Для поселений Малый Костюбе 1 и Кинелле 1 в качестве хронологических маркеров выступают фрагменты тонкостенных красноглиняных кувшинов, украшенных вертикальными пролощеными полосами. Ближайшие аналогии прослеживаются в материалах X–XI вв. Самосдельского городища. Входящие в состав керамического комплекса лепные сосуды с примесью органики и шамота в тесте невыразительны и носят «общекочевнический» облик.

Наиболее сложным выглядит вопрос датировки Малого Костюбе 3 и 4. Культурный слой поселения Малый Костюбе 4 полностью разрушен пахотой, что не позволяет уверенно отнести собранный подъемный материал к одному хронологическому горизонту. Для Малого Костюбе 4 наличие погребенной почвы свидетельствует в пользу однослойности памятника, при этом культурные отложения представлены в основном костями, при минимальном количестве керамики. С большой долей условности мы можем предположить, что преобладание толстостенной красноглиняной керамики, орнаментированной линейно-волнистым орнаментом, при отсутствии фрагментов сосудов, содержащих примесь раковины в составе формовочной массы с одной стороны и тонкостенных красноглиняных кувшинов украшенных вертикальными пролощеными полосами, с другой, позволяют датировать памятники промежутком между исчезновением поселений хазарского времени и появлением населения использовавшим керамику типа «самосдельской».

Выводы

Таким образом, исходя из результатов исследований 2019–2023 годов, можно сделать некоторые предположения о развитии материальной культуры раннесредневекового населения обследованных районов. Наиболее ранним горизонтом для известных

Рис. 10. Поселение Бараний бугор. Фрагменты керамики из нижних слоев. 1 – фрагмент стенки амфоры; 2 – фрагмент горла лощеного сосуда, 3 – фрагмент венчика кухонного горшка.
Fig. 10. Baraniy Bugor settlement. Pottery sherds from the lower layers. 1 – fragment of the wall of an amphora; 2 – fragment of a neck of the polished vessel; 3 – fragment of the rim of a cooking pot.

на сегодняшний день памятников хазарского облика дельты Волги можно считать нижний слой поселения Бараний бугор. Керамический комплекс этого поселения, наряду с типичным для салтово-маяцкой культуры набором из кухонных и тарных горшков, столовой сероглиняной керамики и причерноморских амфор (рис. 10), содержит значительное количество лепной шамотированной керамики – фрагментов горшков, сковород и крышек (рис. 11), имеющих некоторое сходство со славянскими материалами Дона. По мере накопления культурных отложений на поселении количество шамотированной керамики и амфор уменьшается, при этом увеличивается число красноглиняных сосудов местного производства, постепенно замещающих сероглинянную столовую посуду. Можно допустить, что зафиксированный на поселении Семибугры материалы (рис. 12) примерно синхронны среднему и, частично, позднему этапу Бараньего бугра – где шамотированная керамика отсутствует, амфоры представлены единичными фрагментами, а местная красно-

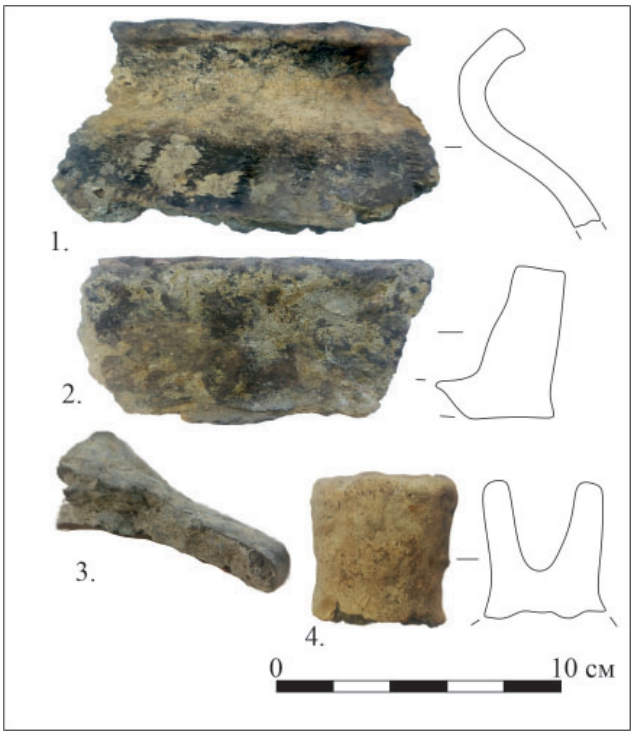

Рис. 11. Поселение Бараний бугор. Шамотированная керамика из нижних слоев. 1 – фрагмент венчика лепного горшка; 2 – фрагмент сковороды, 3-4 – фрагменты крышек.
Fig. 11. Baraniy Bugor settlement. Pottery with grog – temper from the lower layers. 1 – fragment of the rim of a hand – made pot; 2 – fragment of a frying pan, 3-4 – fragments of lids.

глиняная керамика количественно уступает сероглиняной[1].

Керамический материал поселений Малый Костюбе 2 и Бихтобе 1 выглядит синхронным или немногим более поздним относительного верхнего слоя Бараньего бугра (рис. 13). Красноглиняная местная керамика полностью вытесняет сероглиняную, амфоры отсутствуют, единственным элементом салтово-маяцкого набора керамики являются кухонные и тарные горшки с линейным орнаментом.

На поселениях Малый Костюбе 3 и 4 доминируют уже толстостенные красноглиняные сосуды местного производства, схожие по своим морфологическим и технологическим признакам с материалами верхнего слоя Бараньего бугра, Малого Костюбе 2 и Бихтобе 1. При этом ни кухонных горшков с линейной орнаментацией, ни лепных сосудов не обнаружено.

Поселенческие материалы Малого Костюбе 1 и керамический комплекс поселения Кинелле 1, сформированные фрагментами тонкостенных красноглиняных кувшинов и лепных горшков, не имеют связи с отложениями вышеописанных памятников и скорее близки материалам Самосделки.

До некоторой степени в качестве хронологического маркера могут выступать фрагменты кирпича. Они фиксируются в слоях поселений Малый Костюбе 2-4, Бихтобе 1, и в верхнем слое поселения Бараний бугор. Единственным известным нам на сегодняшний день источником раннесредневекового кирпича являются остатки углубленных в землю сооружений на поселении Малый Костюбе 1. Проведенные исследования показывают, что они полностью разобраны – в заполнении котлованов не встречено ни одного фрагмента, у которого сохранилась хотя бы одна сторона. Технологические особенности позволяют достаточно уверено говорить, что именно кирпич Малого Костюбе 1 использовался жителями поселений. Вероятно, кирпичные постройки были возведены на ранних этапах существования поселения Бараний бугор и некоторое время функционировали. По прошествии некоторого времени они стали разбираться, и кирпич выпал в культурные слои.

Характер и насыщенность культурных отложений позволяет разделить памятники на две группы. К первой относятся поселения Семибугры 1, Бараний бугор, Малый Костюбе 2, Бихтобе 1, содержавшие в культурных слоях большое количество керамики, костей животных и рыб, что однозначно свидетельствует в пользу стационарного характера поселений. Некоторое значение для определения хозяйственного уклада имеет придонная часть тарного сосуда с поселения Малый Костюбе 2. Вкопанный в землю сосуд содержал в заполнении значительное количество костей мелких грызунов, кормовую базу которых составляют элементы растительного происхождения. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство земледелия.

Вторую группу составили памятники со сравнительно слабо насыщенным культурным слоем - поселения Малый Костюбе 1, 3-4, Кинелле 1. В керамическом комплексе не фиксируются фрагменты крупных пифосообразных тарных сосудов и кости рыб[2]. Эти поселения могут быть интерпретированы как сезонные скотоводческие стоянки. Не противоречит данному предположению просле-

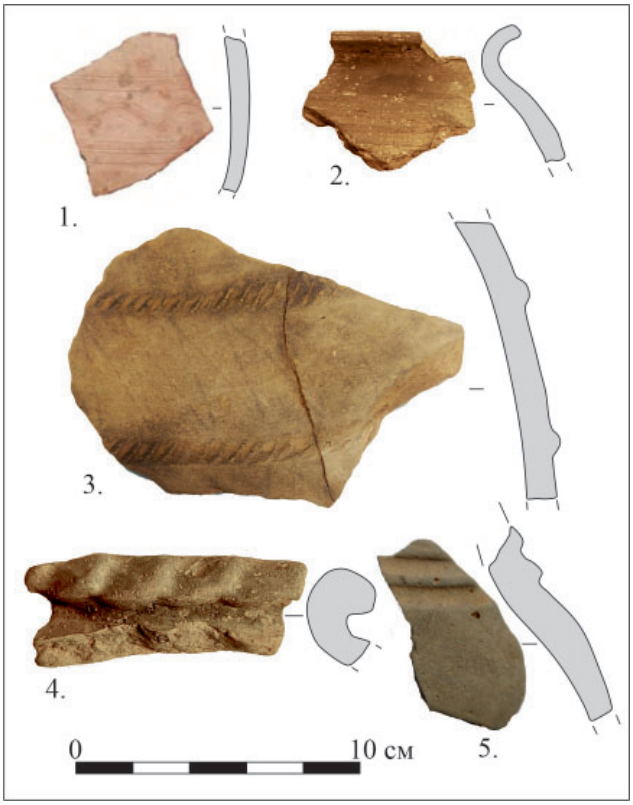

Рис. 12. Поселение Семибугры 1. 1 – фрагмент стенки красноглиняного сосуда, 2 – фрагмент венчика кухонного горшка, 3, 5 – фрагменты стенок сероглиняных сосудов, 4 – «ложновитой» венчик тарного сосуда.
Fig. 12. Semibugry 1 settlement. 1 – fragment of the wall of a red clay vessel, 2 – fragment of the rim of a cooking pot, 3, 5 – fragments of the walls of gray clay wares, 4 – "false" rim of a transport vessel.

Рис. 13. Поселение Бараний бугор. Красноглиняная керамика из верхних слоев поселения. 1-4 – фрагменты стенок.
Fig. 13. Baraniy Bugor settlement. Red clay ceramics from the upper layers of the settlement. 1-4 – wall fragments.

женное в поселенческих материалах сооружение из вторичного кирпича, которое может быть атрибутировано как элемент наземной постройки из легких материалов.

Таким образом, можно в первом приближении допустить следующую последовательность событий: в некий временной промежуток (исходя из общей датировки древностей салтово-маяцкого типа можно определит его VIII веком) в дельте Волги появляются стационарные поселения носителей культуры, близкой донским памятникам хазарского времени. Со временем керамический комплекс эволюционируют – домашнее производство (лепная керамика) вытесняется ремесленной, исчезает причерноморский импорт, сероглиняная керамика заменяется красноглиняной. На финальной стадии существования долговременных поселений в культурные слои выпадает вторичный кирпич. На следующем этапе стационарные поселения исчезают, им на смену приходят сезонные скотоводческие стоянки, в материальной культуре которых первоначально сохраняются черты предыдущего этапа, однако в последствии ее облик меняется, приобретая сходство с материалами Самосделки.

Подобная трансформация может объяснятся многими причинами, и если состояние источника не позволяет обосновано говорить о влиянии политических либо экономических факторов, то в пользу природных говорят два обстоятельства. 1. Наиболее поздние памятники занимают самые высокие участки; 2. Отсутствуют многослойные поселения, то есть места более ранних поселений становятся непригодны для жизни[3].

Это позволяет предположить, что, по крайней мере, одной из причин было изменение гидрологического режима - поднятие уровня стояния воды, носившее, однако, вопреки Л.Н. Гумилеву, не столь катастрофические формы. Во всяком случае, некоторые участки, доступные в хазарское время, были доступны (пусть даже часть года) и в более поздний период.

Примечания:

[1] Вопрос о характере культурных отложений поселения Семибугры 1 не до конца ясен. Непотревоженный культурный слой пока не прослежен. Материал происходит из слоев подвергшихся сильному водному воздействию.

[2] Следует отметить, что и для стационарных поселений кости рыб составляют считанные проценты от общего числа остеологического материала, возможно их отсутствие связано с бедностью выборки.

[3] Это могло бы быть объяснено изменением требований к топографии мест, выбираемых для проживания, однако в условиях аллювиальной равнины отсутствует необходимое подобного выбора разнообразие рельефа.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.В., Двадцать лет исследования Самосдельского городища: результаты, проблемы, интерпретация // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVI. С. 64–75.

Гумилёв Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения ГЭ. Вып. XXII. Л.: ГЭ, 1962. С. 56–58.

Гумилёв Л.Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения ГЭ. Вып. XXVI. Л.; М.: ГЭ, 1965. С. 49–51.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. 192 с.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: ХГУ, 1985. 148 с.

Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской экспедиции. Т II / МИА. № 75 / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 212–272.

Плетнева С.А. От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Соловьёв Д.С., Котеньков С. А, Тимофеев А.А., Стукалов Г.В., Коваленко А.В. Археологические исследования на поселении «Семибугры» в 2019-2020 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII / под ред. А.А. Курапова, А.Н. Алиевой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. С. 99–104.

Соловьёв Д.С., Котеньков С.А Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология Евразийских степей. 2022 № 3. С. 303–313.

Суханов Е.В. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН, 2020. С. 163–192.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI-X веках. М.: ИД Триумф-принт, 2012. 589 с.

Информация об авторах:

Сарапулкин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия); sarapulkin@bsu.edu.ru

Соловьев Дамир Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия); arheocentr@bk.ru

REFERENCES

Vasiliev, D. V. 2020. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 16, 64–75 (in Russian).

Gumilev, L. N. 1962. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. (Reports of the State Hermitage Museum)* XXII. Leningrad: The State Hermitage Museum, 56–58 (in Russian).

Gumilev, L. N. 1965. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. (Reports of the State Hermitage Museum)* XXVI. Leningrad; Moscow: The State Hermitage Museum, 49–51 (in Russian).

Gumilev, L. N. 1966. *Otkrytie Khazarii (istoriko-geograficheskiy etyud) (The discovery of Khazaria (historical and geographical study))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyapushkin, I. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoy ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 62. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 85–150 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate).* Kharkiv: Kharkiv State University (in Russian).

Pletneva, S. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoy ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 75. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 212–272 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo--Mayaki Culture).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Solov'ev, D. S., Koten'kov, S. A., Timofeev, A. A., Stukalov, G. V., Kovalenko, A. V. 2021. In Kurapov A.A., Alieva, A. N. (eds.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* XIII. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 99–104 (in Russian).

Solov'ev, D. S., Koten'kov, S. A. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (3), 303–313 (in Russian).

Sukhanov, E. V. 2020. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Khumarinskoe gorodishche. Itogi mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Khumar Fortified Settlement. Results of interdisciplinary research).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 163–192 (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2012. *Fanagoriya v VI-X vekakh (Phanagoria in the 6th-10th centuries).* Moscow: "Triumf-print" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Sarapulkin Vladimir A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belgorod National Research University. Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russian Federarion; sarapulkin@bsu.edu.ru

Solovyov Damir S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation); arheocentr@bk.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 11.02.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.271.283

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIV–XV ВВ. В ЧУВАШСКОМ ПРИСУРЬЕ

©2025 г. М.И. Федулов

Группа поселений XIV–XV вв. в правобережье р. Сура – уникальный археологический комплекс в русско-ордынском пограничье. После основания на р. Сура г. Курмыш в 1372 г. вокруг него образуется обширная поселенческая структура по обеим сторонам реки. В неё входят укреплённые и неукреплённые поселения, упоминания о которых отсутствуют в исторических источниках. В научный оборот вводятся сведения по археологическим находкам с правобережных поселений I–VIII у д. Выселок №1, I–IV у д. Н. Екатериновка и II у с. Ильина Гора. Отличительным признаком данных поселений является славяноидная керамика. В работе даётся хронологическая и типологическая характеристика металлического инвентаря, отдельных находок и керамики. Среди них преобладают орудия труда, ремесла и быта, реже встречаются предметы вооружения, украшения и монеты. Приведено сравнение коллекции с синхронными памятниками Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Нижнее Присурье, «засурье», Нижегородско-Суздальское княжество, князь Борис Константинович, Золотая Орда, поселения, Курмыш, кузнечное производство.

MATERIAL CULTURE OF RURAL SETTLEMENTS OF THE XIV–XV CENTURIES IN THE CHUVASH SURA BASIN

M.I. Fedulov

Group of settlements of the XVI –XV centuries in the right bank of the Sura River is a unique archaeological complex in the Russian-Horde borderland. Since the foundation of the town of Kurmysh on the Sura River in 1372, an extensive settlement structure was formed around it on both sides of the river. It includes fortified and unfortified settlements that are not mentioned in historical sources. The data on archaeological finds from the right bank settlements I–VIII nearby the village of Vyselok No. 1, settlements I–IV nearby the village of N. Ekaterinovka and settlement II nearby the village of Ilyina Gora is introduced into scientific discourse. A distinctive feature of these settlements is Slavonic ceramics. The paper provides a chronological and typological description of metal tools, individual finds and pottery. Tools of labor, crafts and everyday life predominate among them; weapons, jewelry and coins are rare. A comparison of the collection with synchronous sites of the Middle Volga region is given.

Keywords: Lower Sura region, Trans-Sura, Principality of Nizhny Novgorod-Suzdal, Prince Boris Konstantinovich, Golden Horde, settlements, Kurmysh, blacksmithing.

Поселения на правом берегу р. Сура в окрестностях селений Ильина Гора, Выселок №1 и Новая Екатериновка в Ядринском муниципальном округе Чувашской Республики открывались с 2017 г. М.И. Федуловым. К настоящему моменту можно систематизировать их расположение и дать общую характеристику находок. В единый куст селений XIV–XV вв. следует объединить Козловский комплекс памятников (городище, могильник, поселение) (Федулов, 2019), восемь поселений у д. Выселок №1, четыре у д. Новая Екатериновка, одно у с. Ильина Гора (рис. 1). В ряде статей была дана предварительная характеристика памятников, делалась попытка связать их с владениями городецкого князя Бориса Константиновича у г. Курмыш и летописным термином «засурье» (Федулов, 2020; 2024). Присурские памятники расположены на западной границе ареала распространения славяноидной керамики в Среднем Поволжье и Прикамье, куда входят Марий Эл (Никитина, 2005–2006), Республика Татарстан (Руденко, 2009), Нижегородская область (Грибов, 2019) и Удмуртская Республика (Макаров, 2001).

В данной работе рассматриваются материалы исследований 2023–2024 гг. Все поселения расположены на возвышении, вдоль коренного берега р. Сура или оврагов, направленных устьем к реке. Исключение составляет поселение II у д. Выселок №1, расположенное непосредственно на берегу реки. Поселения имели от 1 до 8 жилых и хозяйственных

Таблица 1. Соотношение основных групп керамики и примесей с поселений Выселок №1, Новая Екатериновка и Ильина Гора
Table 1. TThe ratio of the main groups of pottery and inclusions from the Vyselok No. 1 settlement, Novaya Ekaterinivka and Ilyina Gora

	Примеси			Отдельные типы средневековой керамики					
поселения	ракушка	шамот	песок	Золотоордынская	Белоглиняная	Ангобированная	Поливная	Эпоха бронзы	Количество фрагментов
Поселения у д. Новая Екатериновка									
I	5 (25%)	9 (45%)	5 (25%)					1 (5%)	20
II	18 (38,3%)	10 (21,3%)	19 (40,4%)						47
III	86 (56,2%)	41 (26,8%)	25 (16,3%)	1 (0,7%)					153
IV	12 (37,5%)	11 (34,4%)	9 (28,1%)						32
Средний %	121 (48%)	71 (28,2%)	58 (23%)	1 (0,4%)				1 (0,4%)	252 (100%)
Поселения у д. Выселок №1									
I	222 (37,6%)	198 (33,6%)	156 (26,4%)	14 (2,4%)					590
II	20 (39,2%)	10 (19,6%)	20 (39,2%)	1 (2%)					51
III	6 (24%)	6 (24%)	6 (24%)	2 (8%)	5 (20%)				25
IV	175 (48,3%)	50 (13,8%)	118 (32,6%)	9 (2,5%)	3 (0,8%)			7 (1,9%)	362
V	38 (29,2%)	31 (23,8%)	56 (43,1%)	3 (2,3%)				2 (1,5%)	130
VI	3 (23,1%)	10 (76,9%)							13
VII	63 (37,3%)	29 (17,1%)	63 (37,3%)	2 (1,2%)	2 (1,2%)			10 (5,9%)	169
VIII	2 (40%)	1 (20%)	2 (40%)						5
Средний %	529 (39,3%)	335 (24,9%)	421 (31,3%)	31 (2,3%)	10 (0,7%)			19 (1,4%)	1345 (100%)
Поселение Ильина Гора									
II	10 (15,1%)	38 (57,6 %)	11 (16,7%)			3 (4,5%)	4 (6,1%)		66 (100%)
Козловское городище									
	98 (25,8%)	227 (59,7%)	46 (12,1%)	9 (2,4%)					380 (100%)
Всего:									2043

строений, фиксирующихся по оплывшим ямам-подпольям. Новая Екатериновка III и IV расположены на мысовых выступах берега, но визуально следов земляных укреплений, характерных для мысовых городищ, не зафиксировано.

Ввиду неровностей рельефа культурный слой на памятниках разрушался, но фиксируемая толщина его в среднем составляет до 20 см, реже до 50 см. На поселениях найдены многочисленные следы металлургического производства, металлические предметы. По набору керамических групп выделяется небольшой процент керамики эпохи бронзы, вероятно балановской культуры, и средневековой – золотоордынской, славяноидной, русской (табл. 1).

Славяноидная керамика определяется по наличию примеси дроблёной раковины (от 15,1 до 48%). Примесь шамота составляет от 24,9 до 59,7%, песка от 12,1 до 31,3%. В целом все образцы соответствуют формам русской керамики XIV–XV вв., но имеют нехарактерные примеси в виде раковины или шамота. Это связывается с местными традициями гончарства. Сосуды редко орнаментировались линиями или волной, на единичных донцах имеются клейма (рис. 2).

Привозная золотоордынская посуда составляет от 0,4 до 2,4%, белоглиняная коломенского типа представлена 0,7%.

Преобладают сосуды горшковидных форм, единичными экземплярами представлены чаши, латки (сковороды-жаровни), кувшины.

На поселениях найдено большое количество металлических изделий. О высоком уровне развития обработки металла свидетельствуют следы плавильного производства и большое количество предметов из металла и чугуна. Отдельные крицы (поселение VII у д. Выселок №1, поселение II у д. Новая Екатериновка) и скопления металлического шлака зафиксированы на всех поселениях. Следует предположить, что часть поселений были

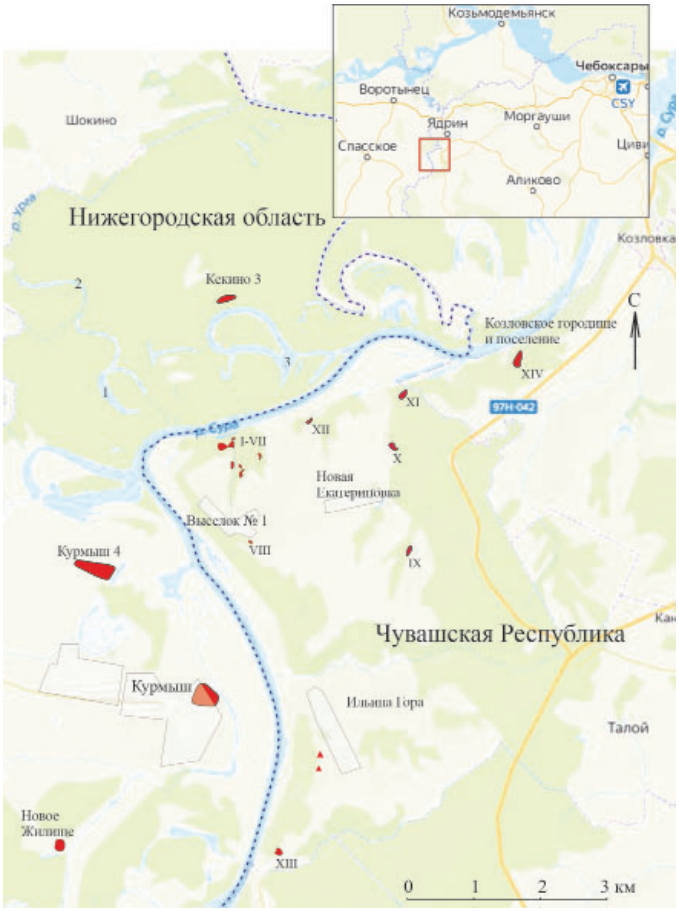

Рис. 1. Карта археологических памятников XIV–XV вв. в окрестностях г. Курмыш.
Условные обозначения: ● – поселения и городища; ▲ – местонахождение керамики; I – 1 поселение у д. Выселок №1; II – 2 поселение у д. Выселок №1; III – 3 поселение у д. Выселок №1; IV – 4 поселение у д. Выселок №1; V – 5 поселение у д. Выселок №1; VI – 6 поселение у д. Выселок №1; VII – 7 поселение у д. Выселок №1; VIII – 8 поселение у д. Выселок №1; IX – поселение 1 у д. Н. Екатериновка; X – поселение 2 у д. Н. Екатериновка; XI – поселение 3 у д. Н. Екатериновка; XII – поселение 4 у д. Н. Екатериновка; XIII – поселение 2 у д. Ильина Гора; XIV – Козловское городище.
Летописные гидронимы: 1 – Соларьево, 2 – Тонкое, 3 – Пашково.

Fig. 1. Map of archaeological sites of the XIV–XV centuries in the surroundings of Kurmysh.
Legend: ● – settlements; ▲ – location of pottery; I – 1 settlement nearby the village of Vyselok No. 1; II – 2nd settlement nearby the village of Vyselok No. 1; III – 3rd settlement nearby the village of Vyselok No. 1; IV – 4th settlement nearby the village of Vyselok No. 1; V – 5th settlement nearby the village of Vyselok No. 1; VI – 6th settlement nearby the village of Vyselok No. 1; VII – 7th settlement nearby the village of Vyselok No. 1; VIII – 8th settlement nearby the village of Vyselok No. 1; IX – settlement 1 nearby the village of N. Ekaterinovka; X – settlement 2 nearby the village of N. Ekaterinovka; XI – settlement 3 nearby the village of N. Ekaterinovka; XII – settlement 4 nearby the village of N. Ekaterinovka; XIII – settlement 2 nearby the village of Ilyina Gora; XIV – Kozlovskoye settlement.
Chronicle hydronyms: 1 – Solaryevo, 2 – Tonkoye, 3 – Pashkovo.

металлургическими центрами. В оврагах и ручьях присутствуют следы залегания болотной железной руды. В Чувашии местонахождения железных руд выявлены в отложениях юрского и мелового возраста (конкреции пирита и сидерита) и четвертичных болотных образованиях (бурые железняки).

Болотные руды четвертичных отложений встречаются в пойме рек, в том числе в Присурском регионе. Водные окислы железа имеют вид бурой землистой массы, иногда в виде шариков, лепёшек или черпаков, залегают отдельными гнёздами. Освоение таких залежей в Чувашии проводилось и в более поздний период, в начале XVIII в. действовали полукустарные «железоделательные» заводы.

Железные замки и ключи. Хорошим датирующим материалом являются цилин-

Рис. 2. Основные группы керамики, состав примесей и орнаментация.
Fig. 2. Main groups of pottery, temper composition and ornamentation.

дрические замки и ключи к ним (рис. 3). По наиболее разработанной новгородской классификации древностей замки и ключи разделяются на семь типов.

Поселения у д. Выселок №1 представлены более 20 фрагментами замков и ключей. Самые распространенными типами являются В, Г (с Т-образной и круглой скважиной), но есть замки индивидуальных форм и типа Е. Классифицированы дужки от цилиндрического замка типа Д, дужки типа Б или В, замки типа Г и Е (XIV – нач. XV вв.), одного фрагмента цилиндрического замка середины XV–XVI вв., также найден железный ключ от цилиндрического замка типа В1 (Колчин, 1959, с. 83, рис. 70; Савченкова, 1996, с. 40, 46).

Замки типа В и Г укладываются в хронологические рамки XIII – первой половины XV вв. Замки типа Е, подтреугольной формы в сечении, появляются в XV в. и продолжают существовать в XVI в. Замки отличаются размерами – от массивных до совсем миниатюрных. Один из миниатюрных замков сделан на подобии современных навесных замков, но из-за плохого состояния сложно определить форму ключной скважины (рис. 3: 10). Один из замков имеет круглый цилиндр, с ключной скважиной на донце (рис. 3: 17).

Железные замки с Ильиногорского поселения по новгородской классификации относятся к типу В и Г (с Т-образной скважиной), а дужка от замка к типу Д (Колчин, 1959, с. 83, 96).

Замки с поселений у д. Новая Екатериновка относятся к типу В, с прямой и В-образной скважиной, и типам индивидуальных форм. Тулово одного выполнено в форме шара, к которому прикреплена дужка на шарнире (рис. 3: 33). Ключная скважина предназначена для ключа-втулки. По материалам г. Болгар они относятся к типу Б шаровидных форм, но известны только по сборам и не датированы (Савченкова, 1996, с. 44, рис. 16).

Ножи. Самая массовая категория находок. По размерам наблюдается широкое разнообразие от миниатюрных хозяйственных и сапожных до больших боевых:

Нож кухонный с прямой спинкой, кончик лезвия немного выгибается кверху (рис. 4: 2, 9, 10, 18, 22, 25, 34, 35);

Нож столярный с выгнутой спиной и лезвием (рис. 4: 1, 3–8, 33);

Боевые «засапожники» отличаются длинным лезвием (рис. 4: 17, 20, 24).

Крепление ручки к рукояти ножа производилось с помощью 1–3 железных или медных заклёпок (рис. 4: 9, 35), загнутого кончика (рис. 4: 31) и с помощью гарды (рис. 4: 15). Переход лезвия к черешку осуществляется через двухсторонний уступ. Черешок всегда сужается к кончику (Колчин, 1959, с. 42–43).

Наконечники стрел. Немногочисленные находки и разнотипные наконечники стрел предназначались для охоты и боевых действий:

Плоские черешковые с ромбовидной формой пера. Переход от пера к черешку через плавный или четырёхгранный уступ (рис. 5: 7, 39);

Плоские черешковые с ромбовидной формой пера. Узкое перо плавно переходит в дротовый черешок (рис. 5: 8);

Ромбовидный втульчатый (рис. 5: 37);

Дротовый черешок небольшим пером (рис. 5: 40);

Рис. 3. 1–4, 6, 10, 17, 18, 19, 21, 25, 26, 29–31, 33 – цилиндрические замки; 5, 7–9, 20, 22, 23, 27, 28, 32 – дужки; 11–16, 24 – ключи.
Fig. 3. 1–4, 6, 10, 17, 18, 19, 21, 25, 26, 29–31, 33 – cylinder locks; 5, 7–9, 20, 22, 23, 27, 28, 32 – shackles; 11–16, 24 – keys.

С утолщением «яблочко» на черешке (рис. 5: 38);

Массивный четырехгранный наконечник с дротовым черешком (рис. 5: 22). По параметрам напоминает тип 2 арбалетных болтов (Кирпичников, 1976, с. 166, табл. 28);

Арбалетный болт – круглый в сечении, при переходе к древку (оно обломано) имеет явно выраженный переход, кончик острия сильно закруглён (рис. 5: 9).

Железный пинцет относится к категории ювелирного инструмента (рис. 5: 15). Единичные предметы ювелирного искусства дают нам смутное представление о процессе производства из цветного металла (они в первую очередь извлекаются из культурного слоя «чёрными копателями»). Пинцет близок к типу 2 по новгородской классификации и более сложен в изготовлении. Он имеет характерное кольцо и изгиб зажимных пластин, которые фиксировались с помощью железного ограничителя (он утрачен). Находка такого типа пинцетов связывается с ювелирным производством и обработкой металлов (скань, зернение и др.) в Новгороде (Колчин, 1953, с. 128) и Болгаре (Полякова, 1996, с. 164).

Железный (сапожный) молоток состоит из бойка для забивания гвоздей и плавно загнутого раздвоенного носка-гвоздодёра. Короткая железная ручка неподвижно вклёпана в головку. На этот черенок могла насаживаться длинная деревянная ручка. Подоб-

Рис. 4. Железные ножи. Условные обозначения: 2, 9, 10, 18, 22, 25, 34, 35 – нож кухонный с прямой спинкой; 1, 3–8, 33 – нож столярный с выгнутой спиной; 17, 20, 24 – боевые «засапожники».
Fig. 4. Iron knives. Legend: 2, 9, 10, 18, 22, 25, 34, 35 – kitchen knife with a straight back; 1, 3–8, 33 – carpenter's knife with a curved back; 17, 20, 24 – combat "shoemakers".

ные находки на Неревском раскопе Новгорода найдены в слоях XIII–XIV вв. Новгородские находки имеют своеобразную стандартизацию формы. У девяти гвоздодёров из десяти длина головки составляла около 9 см, а длина черенка около 18 см (Колчин, 1959, с. 46–47). Найденный нами образец имел размеры 16,5×6,2 см (рис. 6: 6), что тоже отличает от пяти, найденных в Болгаре (Полякова, 1996, с. 164).

Стремена. К находкам статусного характера, которая может указывать на присутствие представителя воинского сословия или феодала, относятся стремена (рис. 6: 3). Стремя имело широкую прямоугольную опорную площадку и прямоугольную прорезь для подвешивания к седлу (Древняя Русь…, 1985, с. 360). Похожие экземпляры найдены на памятниках Нижегородского края (селище Ближнее Константиново 1 конца XIII – начала XV вв.)

Железное кресало. Найдены овальный и калачевидные образцы кресал на II и IV поселениях у д. Выселок №1 (рис. 5: 19). Калачевидные кресала в Новгороде разделялись на два типа – ранний (X–XI вв.) с язычком на внутренней стороне ударного лезвия, и поздний (XII в.) – без язычка, но с более массивной ударной частью. С XIII в. они вытесняются овальными (Колчин, 1959, с. 99). Поскольку материалов ранее XIV в. в нашем распоряжении не было мы склонны считать, что

Рис. 5. Металлический и керамический инвентарь. Условные обозначения: 1–3, 29–30 – рыболовные крючки; 4, 21 – серпы; 31–32 – коса; 5, 6, 20, 36 – чугунная посуда; 7–9, 22, 33, 37–41 – стрелы; 11–13, 34, 43 – скобы; 15 – пинцет; 16 – пряслице; 18, 23–25, 42 – кольцо; 17, 19 –кресало; 10, 14 – пробой; 35, 45 – топор; 27 – глиняное грузило; 28 – подкова; 26 – ушко от котла.
Железо – 1–4, 7–15, 17–19, 21–26, 28–35, 37–45, чугун – 5–6, 20, 36, керамика – 16, 27.
Fig. 5. Metal and ceramic equipment. Legend: 1–3, 29–30 – fishhooks; 4, 21 – sickles; 31–32 – scythe; 5, 6, 20, 36 – cast iron cooking ware; 7–9, 22, 33, 37–41 – arrows; 11–13, 34, 43 – staples; 15 – tweezers; 16 – whorl spindle; 18, 23–25, 42 – ring; 17, 19 – fire lighter; 10, 14 – punch; 35, 45 – axe; 27 – clay sinker; 28 – horseshoe; 26 – cauldron eye.
Iron – 1–4, 7–15, 17–19, 21–26, 28–35, 37–45, cast iron – 5–6, 20, 36, pottery – 16, 27.

тип калачевидных кресал бытовал и позднее XIII в. В Новоядринском чувашском могильнике найден аналогичный образец (Вайнер, 1972, Табл. XIII).

Овальные двулезвийные кресала (рис. 5: 17) в Новгороде довольно частая находка и бытовали с XIII в. до XVI в. (Колчин, 1953, с. 165). Аналогичные находки сделаны на памятниках Нижегородского края (Курмыш 4) и в Болгаре (Грибов, 2023, с. 311; Савченкова, 1996, с. 54).

Железные кольца имели широкий спектр применения. На Козловском городище найдены несколько соединённых между собой колечек, напоминающих кольчужное плетение. Остальные кольца имели явное хозяйственное предназначение, например, входили в состав сбруи, вместе с пробоем служили ручкой двери, использовались для подвешивания котлов (рис. 5: 23–25, 42). Цельносварное кольцо выполнено из витого дрота, по форме напоминает несомкнутую восьмёрку (рис. 5:

18). В материалах Старокуйбышевского городища и Измерского селища кольца в виде восьмёрки входили в состав целой цепной системы (Казаков, 1991, с. 69).

Чугунная посуда. Фрагменты стенок и венчиков чугунной посуды найдены на всех поселениях, что свидетельствует о широком распространении чугуна. До 2008 г. в Присурье они найдены единичными экземплярами на поселениях XIII–XV вв.: Тихомирово, Сурский Майдан 2 и Таутово (Каховский, 1977, л. 35–36; Трубникова, 1957, с. 251–252). На описываемых нами памятниках их количество значительно увеличивается: на поселениях Ильина Гора 2 (1 фр.), Выселок №1 (20 фр.), Новая Екатериновка (2 фр.) и Козловское городище (5 фр.). Принято считать, что чугунная посуда больше характерна для городских центров, а не для сельских поселений. Среди найденных фрагментов преобладают стенки, а венчики имеют выраженный переход-уступ от тулова (рис. 5: 5, 6, 20, 36).

Фрагменты медных котелков (посуды) найдены в фрагментарном состоянии и дают общее представление о существовании посуды из листовой меди. Края (венчики) данных котлов загнуты узкой полосой в несколько миллиметров и отбиты вплотную к телу сосуда. Аналогичные фрагменты известны с поселения Курмыш 4 (Грибов, 2008, илл. 138). Интересна находка железного ушка для прикрепления дужки (рис. 5: 26). По Новгородским материалам подобные ушки были у медных котлов (Колчин, 1959, с. 106).

К кругу находок кухонного обихода относится железный таганок – обруч на ножках, для приготовления на открытом огне (рис. 6: 5). Таганок на трех ножках высотой 6 см известен среди артефактов XIV слоя в Новгороде (Колчин, 1959, с. 105).

Косы и серпы говорят о выращивании зерновых культур и заготовке травы для скота. Серпы представлены обломком средней части с поселения Выселок №1 и целым с Ильиной Горы. У серпа имеется длинная ручка для крепления к рукояти (рис. 5: 4, 21). В Новгороде данные находки немногочисленны, что объясняется городской (неземледельческой) культурой, но косы представлены широко, так как основной инструмент для заготовки сена (Колчин, 1953, с. 90–93).

Обломки косы в 2018 г. найдены на Козловском городище. В отличие от серпов коса имеет небольшой упор для крепления к черенку (рис. 5: 31, 32). На поселении I Выселок №1 найдена целая коса длиной 50 см (от черенка до конца лезвия) и шириной лезвия 3,3 до 3,8 см (рис. 6: 1). В Новгороде их длина составляла 42–50 см, а ширина 30–38 мм (чаще всего 32–34 мм) (Колчин, 1953, с. 94–95).

Плуг (чересло, плужный резак) выкован в форме большого ножа с выпуклой спинкой и очень массивным черенком (рис. 6: 4). Подобные плуги в русских землях существовали в домонгольский период (городище Девичья Гора, Суздаль), в Среднем Поволжье бытовали и в XIV–XV вв., по подъёмным материалам с Болгара, датированы золотоордынским временем (Древняя Русь…, 1985, с. 235; Семыкин, 1996, с. 118).

Рыболовные крючки. Места вылова рыбы на р. Сура и пойменных озёрах, по летописным источникам известные как «рыбные ловли», упоминались в качестве передаваемых «на помин души» монастырям. Рыболовные крючки-закидушки с округлым утолщением для привязывания являлись самым распространённым орудием лова (рис. 5: 1–3, 29–30). Крючки XIV–XV вв. хорошо известны не только по находкам с городища Городок (Грибов, 2003, с. 266) и Курмыш (Грибов, 2009, илл. 82), но и на всей территории средневолжских земель эпохи Золотой Орды (Средние века …, 2022, с. 695). В шурфе с поселения Ильина Гора 2 найдено керамическое грузило от рыболовной сети (рис. 5: 27).

Втульчатое топор-тесло в форме клина с двумя несомкнутыми краями-лопастями для крепления рукояти использовался для выдалбливания выемов в деревянных изделиях (рис. 5: 35). Им работали держа в одной руке поэтому и рукоятка была короткой (Колчин, 1959, с. 29–31).

Топор. От топора найдена только лезвийная часть (рис. 5: 45). Форму и предназначение установить не удалось.

Токарный ручной **резец** (рис. 5: 44), именуется иногда ложкорезом, отличался менее массивной и короткой ручкой от токарного (Колчин, 1959, с. 42–43).

Среди металлического инвентаря найдены другие предметы: пробой (рис. 5: 10, 14), подкова (рис. 5: 28), скоба (рис. 5: 11–13, 34, 43), пластины. Металлический инвентарь находит аналоги в хорошо датированных памятниках Среднего Поволжья. Дужки от

Рис. 6. Металлические изделия.
Условные обозначения: 1 – коса; 2 – дужка от котла; 3 – стремена; 4 – чересло-плуг; 5 – таганок; 6 – молоток. 1 – Новая Екатериновка, 1, 2–6 – Выселок №1; 4 – Ильина Гора.
Fig. 6. Metal items.
Legend: 1 – scythe; 2 – bow from the cauldron; 3 – stirrups; 4 – plough; 5 – trivet; 6 – hammer. 1 – Novaya Ekaterinivka, 1, 2–6 – Settlement No. 1; 4 – Ilyina Gora.

котла (Савченкова, 1995, с. 60), кресала, плуг-чересло, рыболовные крючки найдены при раскопках города Джукетау (Средние века …, 2022, с. 308–310). Почти все аналогичные предметы из металла, найденные на памятниках Прикамья, Л.Д. Макаров определял как изделия русских кузнецов (Макаров, 2001, рис. 10, 49, 52).

Изделия из цветного металла. Представлены случайными и редкими находкам. Чаще всего они обнаруживаются на склонах оврагов с осыпями, где ходить с металлоискателем крайне сложно, благодаря чему не были похищены кладоискателями. Среди металлических украшений и декоративных элементов выделяются различные декоративные накладки, три из которых определяются как накладки на поясную сумку или кошель, широко распространённые в золотоордынскую эпоху.

На поселении 7 Выселок №1 найдена литая круглая накладка с шестью криновидными выступами и с отверстиями на них (рис. 7: 7). В центре её изображён хищный зверь, кусающий свой хвост. Аналогичные находки известны по материалам Новгородских древностей. Одна найдена на Неревском раскопе в слое конца XIV в., другая – на хорошо сохранившейся сумке из Нутного раскопа, что позволило чётко атрибутировать и датировать их серединой 80-х гг. XIV в. – первыми десятилетиями XV вв. Накладка являлась лицевой частью замка «большой» новгородской сумки (Матехина, 2009, с. 110–111, 197; Седова, 1981, с. 162, 167). На территории Среднего Поволжья подобные находки сделаны на Наровчатском городище (Средние века …, 2022, с. 162) и г. Укек.

Медный пластинчатый браслет. Браслет имеет орнамент из отдельных линий, точек и некого подобия цветка (рис. 7: 1).

С поселения 5 Выселок №1 происходят обломок перстня и сюльгам. Перстень щитковый с геометрическим орнаментом в виде овала с изображением прямоугольника, от углов которого расходятся линии (рис. 7: 8). Сюльгам с широкими лопастями и медным язычком имеет аналоги в мордовских могильниках второй половины XIV в. (рис. 7: 16).

В нашем распоряжении имеются две свинцовые пломбы-грузика. Один экземпляр конического грузика с орнаментом найден на Ильногорском 2 поселении (рис. 7: 6), второй на поселении 5 Выселок №1 (рис. 7: 3). По классификации К.А. Руденко они относятся ко второму типу конусовидных (Руденко, 2001, с. 103–104).

Крестик с поселения 1 Выселок №1 бронзовый, литой, односторонний. Равносторонние лопасти с криновидными концами имеют слабо выраженный уступ по краю и плохо сохранившийся орнамент. Железный нательный крест имеет нечитаемый рисунок и остатки серебряного покрытия (рис. 7: 4, 5).

Монеты. Поселение Ильина Гора датируется находками нескольких монет. Медный пул с двумя надчеканами – «лировидная тамга» и «Булгар» (?), использовалась в Среднем Поволжье в конце XIV в. (рис. 7: 9). Две серебряные монеты сильно деформированы, возможно в результате воздействия огня, но имеют признаки удельных монет – более

Рис. 7. Изделия из цветных металлов и монеты. Условные обозначения: 1 – Новая Екатериновка; 2–5, 7, 8, 10–12, 14–15 – поселение Выселок № 1; 6, 9, 13 – Ильина Гора.
1 – бронзовый браслет; 2 – серебряное кольцо; 3, 6 – свинцовый грузик-пломба; 4, 5 – крест-тельник; 7 – накладка на сумку; 8 – перстень; 9 – пул; 10–12, 14 – дирхамы; 13 – русская удельная (?) монета; 15 – медный сюльгам.
Fig. 7. Items made of non-ferrous metal and coins. Legend: 1 – Novaya Ekaterinivka; 2–5, 7, 8, 10–12, 14–15 – Vyselok No. 1 settlement; 6, 9, 13 – Ilyina Gora.
1 – bronze bracelet; 2 – silver ring; 3, 6 – lead weight-seal; 4, 5 – underwear cross; 7 – bag overlay; 8 – ring; 9 –pul; 10–12, 14 – dirhams; 13 – Russian appanage (?) coin; 15 – copper sulgam.

тонкий круг монеты и остатки легенд (рис. 7: 13).

С поселения I, IV Выселок №1 происходят два подражания дирхамам Джанибека, чеканки Сарай ал-Джедид, 741–757 г.х. (1340–1356 и 1346–47 гг.). (Сагдеева, 2005. с. 26). На 7 поселении найден медный пул с надчеканом «лировидная тамга» конца XIV в. (рис. 7: 10–12, 14).

Таким образом, материалы поселенческих памятников дают нам представление о материальный культуре народов Нижнего Присурья. Памятники Курмышской округи, несмотря на узкий хронологический период существования, указывают на развитие разных отраслей производства. Обилие изделий из металла и чугуна, следы выплавки железа свидетельствуют о сложившемся металлургическом центре. Орудия труда указывают на традиционные сельскохозяйственные занятия (орудия обработки земли, уборки урожая), ремёсла и промыслы (ножи, деревообрабатывающий инструмент, рыболовные снасти).

Пограничное состояние региона не могло не отразится на составе предметной коллекции. Среди находок присутствует импорт из русских земель, в том числе предметы христианского культа, и центральных булгарских земель. Все это указывает на сформировавшийся рынок обмена и продажи изделий русских, ордынских и местных финноязычных мастеров. Территория Нижнего Присурья входила в зону распространения джучидской монетной системы.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнер И.С. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1971 г. Таблицы рисунков вещевого материала. 1972. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696а. 54 с.

Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. 105 л.

Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. 169 л.

Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 114–129.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства. Т. 2. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2023. 337 с.

Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. 430 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 года // Архив ИА РАН. №6372. 53 л.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 143 с.

Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 204 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII-XIV вв./ САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 184 с.

Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности славяноидной керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. 2005–2006. №9. С. 114–130.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // Поволжская археология. 2019. №2 (28). С. 96–113.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 6–88.

Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Каталог-определитель. М.: Горячая линия – Телеком, 2005. 80 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 88–153.

Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. 936 с.

Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 году // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. С. 251–252.

Федулов М.И. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): матер. Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.) / Ред. О.Н. Ширинов, О.Г. Вязова, Н.А. Петров, М.И. Федулов. Чебоксары: Среда, 2019. С. 104–113.

Федулов М.И. О локализации удела князя Бориса Константиновича в Нижнем Присурье // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сб. мат. Всерос. науч. конф. с межд. Участием / Гл. ред. О.Н. Широков. Чебоксары: Среда, 2020. С. 203–207.

Федулов М.И. Сельская округа города Курмыш в XIV–XV вв. (по материалам памятников правобережья р. Сура) // Новгород земли Низовской / Отв. ред. О.В. Зеленцова, сост. Н.Н. Грибов, С.И. Милованов. М.: ИА РАН, 2024. С. 108–120.

Информация об авторе:

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

REFERENCES

Vayner, I. S. 1972. *Otchet o raskopkakh Novoyadrinskogo mogil'nika v 1971 g. Tablitsy risunkov veshchevogo materiala (Report on the excavations of the Novoye Yadrino burial ground in 1971. Tables of drawings of findings).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, Inv. R-1, no 4696a (in Russian).

Gribov, N. N. 2007. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Priokskom i Sovetskom rayonakh g. N-Novgoroda, v Bogorodskom i Pil'ninskom rayonakh Nizhegorodskoy oblasti v 2007 godu (Report on archaeological sutvey in Prioksky and Sovetsky districts of Nizhny Novgorod, Bogorodsk and Pilna districts of Nizhny Novgorod region in 2007).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gribov, N. N. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na poselenii Kurmysh IV v Pil'ninskom rayone Nizhegorodskoy oblasti v 2008 godu (Report on archaeological excavations at the Kurmysh IV settlement in the Pilna district of the Nizhny Novgorod region in 2008).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gribov, N. N. 2019. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 114–129(in Russian).

Gribov, N. N. 2023. *Nizhniy Novgorod i ego okruga vo vremya formirovaniya edinogo Russkogo gosudarstva (Nizhny Novgorod and its surrounding during the formation of the unified Russian State).* Vol. 2. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Rybakov, B. A. (ed.). 1985. *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kakhovskii, B. V. 1976. *Issledovaniya Chuvashskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1976 goda (Investigations of the Chuvash archaeological expedition in 1976).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no 6372 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th –15th cc.*). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*) II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., –120 (in Russian).

Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th—15th Centuries).* Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Matekhina, T. S. 2009. *Kozhanye izdeliya srednevekovogo Novgoroda. Chekhly, futlyary, sumki (Leather products of medieval Novgorod. Covers,cases , bags).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2005–2006. In *Finno-Ugrica* (9), 114–130 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language,

Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 96–113 (in Russian).

Savchenko, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 6–88 (in Russian).

Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy. Katalog-opredelitel'. (Silver Coins of the Golden Horde Khans. Catalogue Search Guide)*. Moscow: "Goriachaia liniia – Telekom" Publ. (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders).* Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 88–153 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). 2022. *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1957. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (Scientific notes of the Chuvash Scientific Research Institute of Language, Literature and History)* 16. Cheboksary: "Chuv. gos. izd-vo" Publ., 251–252 (in Russian).

Fedulov, M. I. 2019. In Shirinov, O. N., Vyazova, O. G., Petrov, N. A., Fedulov, M. I. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii (k 30-letiyu osnovaniya kafedry arkheologii, etnografii i regional'noy istorii) (Current issues of archaeology, ethnography and history (to the 30th anniversary of the founding of the Department of Archaeology, Ethnography and Regional History)).* Cheboksary: "Sreda" Publ., 104–113 (in Russian).

Fedulov, M. I. 2020. In Shirokov, O. N. (ed. in chief). *Problemy vysshego obrazovaniya i sovremennye tendentsii sotsiogumanitarnogo znaniya (VIII Arsent'evskie chteniya) (Issues of higher education and modern trends in social and humanitarian knowledge (VIII Arseniev's Readings)).* Cheboksary: "Sreda" Publ., 203–207 (in Russian).

Fedulov, M. I. 2024. In Zelentsova, O. V. (ed.)., Gribov, N. N., Milovanov, S. I. (comp.). *Novgorod zemli Nizovskoy (Novgorod of the Nizovskaya land).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 108–120 (in Russian).

About the Author:

Fedulov Mikhail I. Senior Lecturer of the Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Moskovsky Prospekt, 15, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation; mfedulov.chuvsu@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 737/470.41/ «12» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.284.292

МЕДНЫЕ ДИНАРЫ БУЛГАРА XIII В. ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (МОСКВА)

©2025 г. А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова

В статье рассматривается коллекция медных монет, чеканенных на монетном дворе Булгар[1]. Время выпуска относится к 1230-м – 1250-м гг. Общее количество рассмотренных экземпляров составляет 305 единиц – 192 динара с именем багдадского халифа ан-Насира и 113 динаров с именем монгольского каана Мунке. Кратко рассмотрена история монетного обращения Булгарского вилайата в XIII в. Авторы отдельно останавливаются на метрологических особенностях местных медных монет на примере нумизматического комплекса из Болгарского музея-заповедника. Приводятся ранее полученные результаты – максимум гистограммы с использованием данных 765 динаров фиксируется на значении 2,1±0,2 г. Здесь же выявлены второстепенные моды на значениях 3,1±0,2, 2,7±0,2 и 1,5±0,2 г. В конце статьи указаны веса коллекционных монет с разделением на динары с именем ан-Насира и перечеканенные динары Мунке. На фототаблицах 1 и 2 приводятся изображения наиболее характерных экземпляров.

Ключевые слова: археология, динар, монета, халиф ан-Насир, каан Мунке, метрология, Болгарский музей, Государственный исторический музей, XIII век.

COPPER DINARS OF BOLGAR OF THE 13TH CENTURY FROM THE HOLDINGS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM (MOSCOW)

A.I. Bugarchev, S.V. Ushakova

The article deals with a collection of copper coins minted at the Bolgar mint. The time of issue dates to the 1230s–1250s. The total number of specimens examined is 305 items: 192 dinars bearing the name of the Baghdad Caliph an-Nasir and 113 dinars bearing the name of the Mongol Möngke Khagan. The history of coin circulation in the Bolgar Vilayat during the 13th century is briefly reviewed. The authors specifically focus on the metrological features of the local copper coins, using the numismatic complex from the Bolgar Museum-Reserve as an example. The previously obtained results are given - the maximum histogram using data from 765 dinars is fixed at 2.1 ± 0.2 g. Secondary modes are also identified at values of 3.1±0.2 g, 2.7±0.2 g, and 1.5±0.2 g. The article concludes by listing the weights of the collection coins, separated into dinars bearing the name of an-Nasir and the recoined Möngke dinars. Photographic tables 1 and 2 contain images of the most characteristic specimens.

Keywords: archaeology, dinar, coin, Caliph al-Nasir, Khagan Möngke, metrology, Bolgar Museum, State Historical Museum, 13th century.

Серебряные и медные монеты булгарской чеканки XIII в. представляют большой интерес для историков и нумизматов как единственный источник по реконструкции экономических отношений в Булгарском вилайате. Впервые изображения булгарских монет приводится в статье Х.М. Френа. В статье «De numorum…» будущий академик опубликовал серебряные и медные динары с именем ан-Насира и сделал филологический анализ арабских легенд (Fraehnii, 1816). Для иллюстрации этой работы была использована таблица с прорисовками, позже повторенная в книге 1832 г. «Монеты ханов Улуса Джучиева» (Френ, 1832).

Булгарские монеты активно изучаются в последние 20 лет. В первую очередь можно назвать монографию А.З. Сингатуллиной, где были приведены материалы из фондов четырёх крупнейших российских музеев – Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Государственного музея изобразительных искусств и Национального Музея Республики Татарстан (Сингатуллина, 2003).

В монографии Альфиры Закиулловны приводятся инвентарные номера и вес экземпляров из указанных музеев – в сумме 398 динаров с именем халифа ан-Насир ли-дин Аллаха и 348 монет с именем монгольского

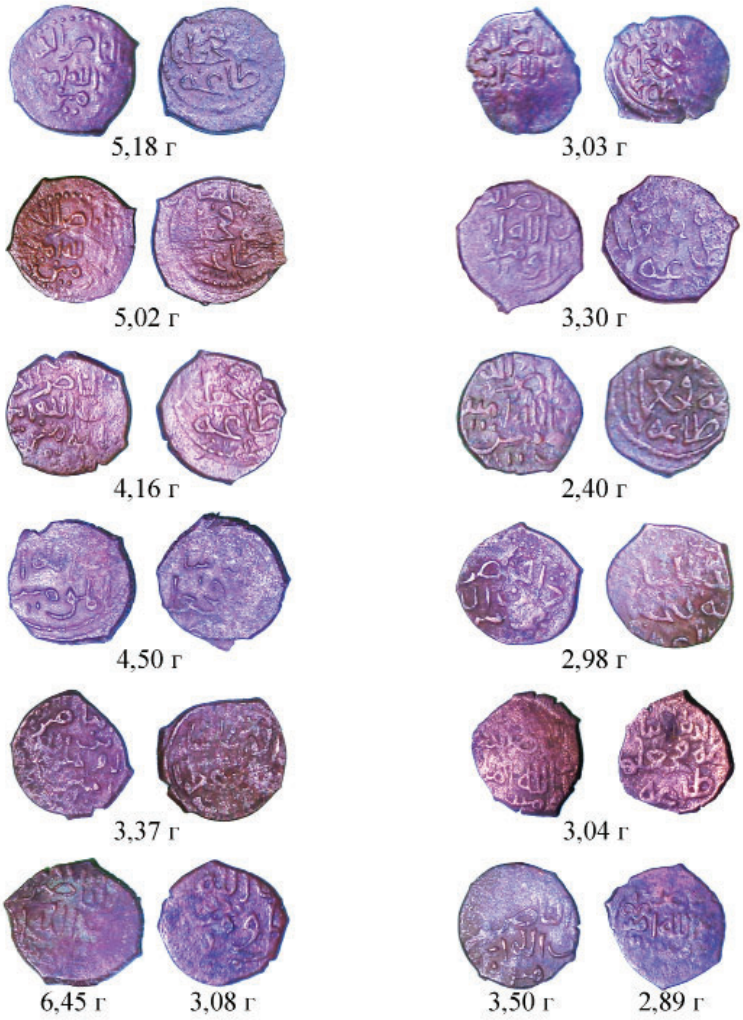

Рис. 1. 1 – Вес 5,18 г.; 2 – Вес 5,02 г.; 3 – Вес 4,16 г.; 4 – Вес 4,50 г.; 5 – Вес 3,37 г (л.с. в 4 строки); 6 – Вес 6,45 г (только А); 7 – Вес 3,08 («Ахди», только А); 8 – Вес 3,03 г.; 9 – Вес 3,30 г; 10 – Вес 2,40 г.; 11 – Вес 2,98 г.; 12 – Вес 3,04 г (Болгар-1948); 13 – Вес 3,50 г.; 14 – Вес 2,89 г.

Fig. 1. 1 – Weight 5.18g.; 2 – Weight 5.02g.; 3 – Weight 4.16g.; 4 – Weight 4.50g.; 5 – Weight 3.37 g (the front side in 4 lines); 6 – Weight 6.45g (A only); 7 – Weight 3.08 ("Ahdi," A only); 8 – Weight 3.03 g.; 9 – Weight 3.30g.; 10 – Weight 2.40g.; 11 – Weight 2.98g.;12 – Weight 3.04 g (Bolgar-1948); 13 – Weight 3.50 g.; 14 – Weight 2.89 g.

каана Мунке (Менгу, 1251–1259) (Сингатуллина, 2003, с. 71–73). Все они выпускались на монетном дворе Булгар. Медные монеты Мунке – это на 99,9% перечеканенные динары ан-Насира, поэтому в нашей статье они будут рассматриваться вместе с ан-насировскими эмиссиями.

Позднее были изданы материалы Болгарского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника, которые не рассматривались в монографии А.З. Сингатуллиной (Бугарчев, Фёдорова, 2015). Особенности метрологии «меди» середины XIII в. были исследованы в отдельной статье 2021 г. (Бугарчев, 2021 А). Недавно вышла небольшая работа, посвящённая собранию булгарских динаров из ГМИИ им. А.С. Пушкина (Бугарчев, 2023).

Джучидские монеты до сих пор регулярно находят в раскопах Болгарского городища. Например, в раскопе CLXXIX[2] было найдено более 2100 средневековых монет, из них с именем ан-Насира и Мунке – 73 экземпляра (ан-Насир – 44 экз., Мунке – 29 экз.), весом от 0,9 г до 4,2 г. Нам ещё предстоит разобрать их вариативные и метрологические особенности.

До создания Болгарского музея в 1969 г. серебряные и медные средневековые монеты с Болгарского городища поступали в фонды Государственного Исторического музея (Москва). Начиная с 1970 г. весь нумизма-

тический материал из раскопок и сборов с 1970 г. и по настоящее время поступает в Болгарский музей-заповедник. Чистка, атрибуция и фиксация метрологии проводятся научным сотрудником музея Джамилем Габдрахимовичем Мухаметшиным.

Данная статья посвящена введению в научный оборот комплекса медных динаров с именами ан-Насира и Мунке, хранящихся в Государственном Историческом музее (Москва).

Приведём легенды на булгарской «меди». Динары с именем ан-Насира: лицевая сторона – «ан-Насир ли-дин Аллах амир ал-муминин»-«ан-Насир ли-дин Аллах повелитель правоверных»; оборотная сторона – рифмованная сентенция «ад дунья сахатун / фа джааль-ха тахатун»-«Жизнь есть час. Употребляй её на дела благочестия». По мнению к.и.н И.Е. Алексеева, эта фраза взята из хадисов – преданий о словах и действиях пророка Мухаммада (Алексеев, 2023, с. 76). Легенды на перечеканах Мунке следующие. На лицевой стороне – «Мунке кан / ал-азам»-«Мунке каан / возвеличенный», на оборотной указано место выпуска – «Чекан / Булгара». На обеих сторонах проставлена вилообразная тамга Мунке.

В основном фонде ГИМ мы насчитали 122 экземпляра – 68 динаров с именем ан-Насира, 54 – с именем Мунке (см. приложение). Кроме этого, в отделе, где хранятся находки с Болгарского городища периода 1945 – 1970 гг., выявлены 26 «медяков» ан-Насира и 15 монет Мунке. Таким образом, нами установлено, что в фондах ГИМ находится 163 медные булгарские монеты XIII века.

Все они были выпущены на булгарском монетном дворе (не исключено, что в указанное время производств с топонимом Булгар было более одного). По нашему мнению, монеты с именем ан-Насира чеканились в период с середины 1230-х до начала 1250-х гг.[3] В 1251 г. в Монгольской империи к власти пришёл Мунке – сын Тулуя, внук Чингиз-хана. С этого времени в Булгарском вилайате стали чеканиться монеты с его именем. И если дирхамы выпускались путём использования чистых серебряных заготовок, то медные динары, как было указано выше – это перечеканенные экземпляры с именем ан-Насира. Видимо, здесь нужно говорить об экономии в региональном монетном деле. В 1259 г. Мунке умер, и кааном был объявлен Арыг-Буга, брат Мунке, внук Чингиз-хана. В Булгарском регионе с 1260 г. стали чеканиться серебряные монеты с его именем. В «меди» же это событие никак не отразилось. Пока мы не можем сказать, продолжали ли использоваться медные динары ан-Насира и Мунке в 1260-х гг. или нет.

В 665 году хиджры (1266–1267) правителем Улуса Джучидов стал Менгу-Тимур, внук Бату, праправнук Чингиз-хана. С этого времени Улус стал независимым от Монгольской империи государством, которое мы называем Золотой Ордой. В монетном деле это отразилось проставлением «двуногой» тамги Менгу-Тимура (в литературе XX в. она называлась «тамгой Дома Бату») на серебряных и медных эмиссиях, которые подробно рассмотрены в монографии А.З. Сингатуллиной.

Метрология медных булгарских монет 1230-х – 1250-х гг. была изучена нами ранее. Отдельно были выделены динары так называемого «архаичного» типа, которые, по нашему мнению, чеканились первыми в череде ан-насировских типов[4]. Нами была собрана информация о весе 84 экземпляров. Результаты анализа метрологии следующие – разброс значений веса от 3,22 г до 9,36 г, максимум гистограммы зафиксирован на значении 6,0±0,2 г, средний вес 6,01 г (Бугарчев, 2021б, с. 155–159). В собрании ГИМ было выявлено 10 динаров «архаичного» типа весом от 4,60 до 7,84 г (Приложение, №№1-10).

Ещё одно метрологическое исследование касалось основной массы медных динаров. Сначала были исследованы экземпляры с именем ан-Насира – 513 монет из фондов Болгарского музея-заповедника, затем – с именем Мунке – 252 экз., также из фондов Болгарского музея. На суммарной гистограмме всего комплекса в 765 единиц выявлены максимум на значении 2,1±0,2 г и второстепенные пики на значениях 3,1±0,2, 2,7±0,2 и 1,5±0,2 г (Бугарчев, 2021а). Исходя из полученных результатов, нами было высказано предположение, что данные пики свидетельствуют о таком явлении, как инфляция и отражают смену технического задания при чеканки медных монет в Булгарском вилайате в 1240-х гг.

Наиболее сохранившиеся экземпляры из музейной коллекции приводятся в фототаблицах 1 и 2. В таблице 1 помещены фото-

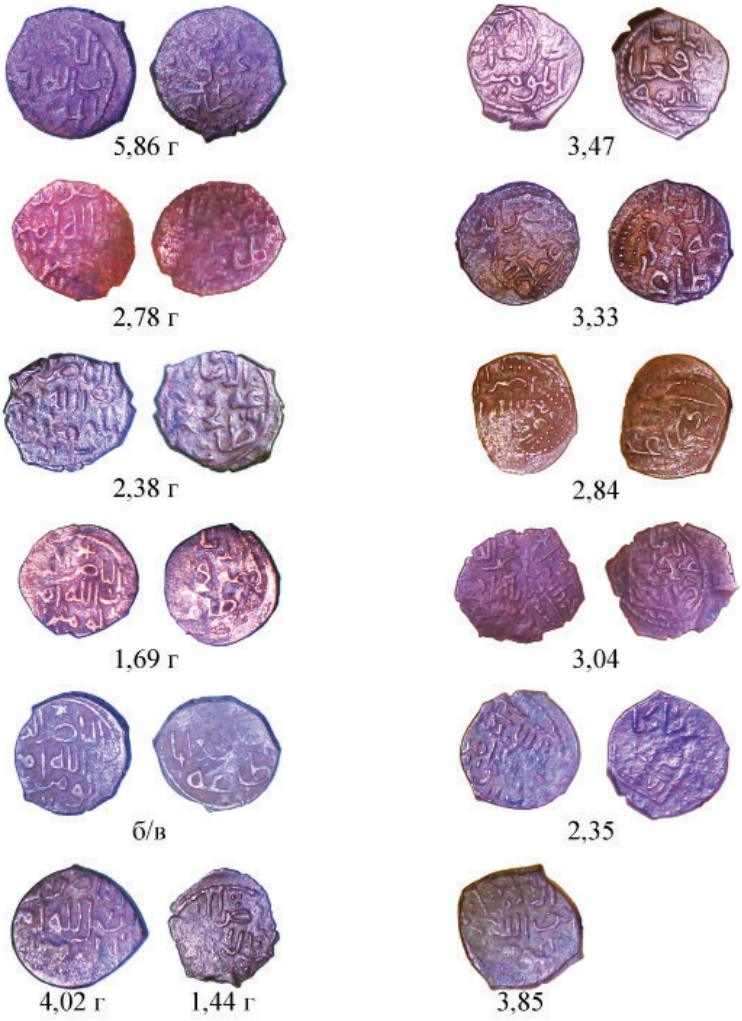

Рис 2. 1 – Вес 5,86 г.; 2 – Вес 2,78 г.; 3 – Вес 2,38 г.;4 – Вес 1,69 г.; 5 – Без веса; 6 – Вес 4,02 (только А); 7 – Вес 1,44 г (только А); 8 – Вес 3,47 г.; 9 – Вес 3,33 г.; 10 – Вес 2,84 г.; 11 – Вес 3,04 г.; 12 – Вес 2,35 г.; 13 – Вес 3,85 г.

Fig. 2. 1 – Weight 5.86g.; 2 – Weight 2.78g.; 3 – Weight 2.38 g.; 4 – Weight 1.69 g.; 5 – No weight; 6 – Weight 4.02 (A only); 7 – Weight 1.44g (A only); 8 – Weight 3.47 g.; 9 – Weight 3.33 g.; 10 – Weight 2.84g.; 11 – Weight 3.04 g.; 12 – Weight 2.35g.; 13 – Weight 3.85g.

графии динаров с именем халифа ан-Насира (рис. 1), в таблице 2 – с именем ан-Насира и каана Мунке (вес 3,33, 2,84, 3,04 и 2,35 г) (рис. 2). Как было отмечено выше, большинство медных динаров имеют на оборотной стороне сентенцию «Жизнь есть час…». Кроме этого, встречаются экземпляры с легендой о.с. «Динар чекан Булгара». Нам известно всего 19 медных монет с подобной легендой, зафиксированные значения веса от 1,10 до 2,28 г, средний вес 1,74 г. Возможно, динары с легендой «Динар чекан Булгара» являлись последними в череде монет с именем халифа ан-Насира и чеканились на рубеже 1240-х – 1250-х гг., или на отдельном монетном дворе.

Работа по изданию комплексов булгарских монет с именами ан-Насира и Мунке будет продолжена. В наших планах подготовка к публикации коллекций из фондов Национального музея Республики Татарстан (Казань), Государственного Эрмитажа, частных собраний Москвы и Казани, а также издание нумизматических блоков из Иски-Казани, Болгарского музея-заповедника, Салмановского комплекса и других.

Полная публикация медных монет середины XIII в. позволит установить все особенности джучидской чеканки средневекового Булгарского региона.

Приведённые в фототаблицах 1 и 2 монеты выделены жирным шрифтом.

Опись медных динаров с именами ан-Насира и Мунке из фондов ГИМ (Москва)

№ п/п	Инвентарный №	Вес, г	Примечание
1	519906	6,10	«Архаичный». Ан-Насир
2	519907	7,84	«Архаичный». Ан-Насир
3	519908	6,36	«Архаичный». Ан-Насир
4	519909	5,92	«Архаичный». Ан-Насир
5	519910	6,72	«Архаичный». Ан-Насир
6	519912	4,96	«Архаичный». Ан-Насир
7	520217	5,58	«Архаичный». Мунке
8	520024	4,60	«Архаичный». Ан-Насир
9	520028	6,40	«Архаичный». Ан-Насир. Двойной удар
10	520243	6,04	«Архаичный». Мунке
11	519911	5,28	Ан-Насир
12	519996	2,95	Л.с. в 4 строки. Ан-Насир
13	**520000**	**2,98**	**Л.с. в 4 строки.** Ан-Насир
14	520022	3,68	Ан-Насир
15	520025	5,08	Ан-Насир
16	520026	5,40	Ан-Насир
17	520027	5,67	Ан-Насир
18	**520029**	**3,03**	Ан-Насир
19	520030	2,21	Ан-Насир
20	520031	2,58	Ан-Насир
21	520032	1,85	Ан-Насир
22	**520058**	**2,38**	Ан-Насир
23	**520059**	**2,89**	Ан-Насир. **Только А**
24	520060	4,21	Ан-Насир
25	520061	2,66	Ан-Насир
26	520062	4,41	Ан-Насир
27	520063	3,10	Ан-Насир
28	520064	4,04	Ан-Насир
29	**520069**	**4,50**	Ан-Насир
30	**520070**	**2,40**	Ан-Насир
31	520071	2,84	Ан-Насир
32	520072	3,32	Ан-Насир
33	**520073**	**4,16**	Ан-Насир
34	520074	2,45	Ан-Насир
35	520075	2,64	Ан-Насир
36	520076	4,26	Ан-Насир
37	**520077**	**4,02**	Ан-Насир
38	**520078**	**3,08**	Ан-Насир. **«Ахди». Только А**
39	520079	3,34	Ан-Насир
40	520080	3,20	Ан-Насир
41	520081	2,47	Ан-Насир
42	520082	3,92	Ан-Насир
43	520083	2,80	Ан-Насир
44	520084	1,54	Ан-Насир
45	520089	3,05	Ан-Насир
46	**520090**	**1,44**	Ан-Насир. **Только А**
47	520091	4,44	Ан-Насир
48	**520092**	**6,45**	Ан-Насир. **Только А**
49	520093	2,93	Ан-Насир
50	520094	2,45	Ан-Насир

51	520095	3,40	Ан-Насир
52	520096	3,75	Ан-Насир
53	520097	2,90	Ан-Насир
54	520098	2,68	Ан-Насир
55	**520099**	**3,50**	Ан-Насир. **Только А**
56	**520100**	**5,18**	Ан-Насир
57	**520101**	**5,02**	Ан-Насир
58	520102	3,63	Ан-Насир
59	520103	4,38	Ан-Насир
60	520104	4,20	Ан-Насир
61	520105	2,55	Ан-Насир
62	520106	2,58	Ан-Насир
63	520107	3,23	Ан-Насир
64	520108	4,49	Ан-Насир
65	**520109**	**3,30**	Ан-Насир
66	**520110**	**5,86**	Ан-Насир
67	520216	4,46	Ан-Насир
68	**538067**	**3,37**	Ан-Насир. **Л.с. в 4 строки**
1	520132	1,92	Мунке
2	520133	2,11	Мунке
3	**520134**	**3,33**	**Мунке**
4	520135	2,61	Мунке
5	520136	3,39	Мунке
6	520137	3,30	Мунке
7	520138	2,40	Мунке
8	520139	2,97	Мунке
9	520259	2,33	Мунке
10	520260	2,51	Мунке
11	520261	2,17	Мунке
12	520262	0,95	Мунке
13	520263	3,36	Мунке
14	520264	3,18	Мунке
15	530834	2,94	Мунке
16	530835	1,96	Мунке
17	538068	2,70	Мунке. Посеребряная
18	530836	1,94	Мунке
19	520228	4,16	Мунке
20	**520229**	**2,35**	**Мунке**
21	520230	2,48	Мунке
22	520231	1,74	Мунке
23	520232	3,39	Мунке
24	520233	1,58	Мунке
25	**520234**	**2,84**	**Мунке**
26	**520235**	**3,85**	**Мунке**
27	520236	2,11	Мунке
28	520237	4,03	Мунке
29	520238	2,51	Мунке
30	520239	3,15	Мунке
31	520240	3,88	Мунке
32	**520241**	**3,04**	**Мунке**
33	520242	2,56	Мунке
34	**520244**	**3,47**	**Мунке**
35	520245	2,22	Мунке

36	520246	2,78	Мунке
37	520247	1,40	Мунке
38	520248	3,52	Мунке
39	520249	1,33	Мунке
40	520250	2,85	Мунке
41	520251	2,26	Мунке
42	520252	3,11	Мунке
43	520253	1,88	Мунке
44	520254	1,33	Мунке
45	520218	1,31	Мунке
46	520219	1,73	Мунке
47	520220	2,56	Мунке
48	520221	1,27	Мунке
49	520222	1,43	Мунке
50	520223	1,42	Мунке
51	520224	2,70	Мунке
52	520225	1,82	Мунке
53	520226	3,71	Мунке
54	520227	2,96	Мунке
1-3	79803 (3 монеты с одним шифром)	2,77; 2,61; 1,64*	Насир (3 экз.). Болгар 1945.
4-6	**81854** (3 монеты)	2,63; 1,65; **2,78***	Насир (3 экз.). Болгар 194Х.
7	82049	3,51*	Мунке. Болгар 1946.
8-9	82292 (2 монеты)	1,80; 1,92*	Мунке (2 экз.). Болгар 1947.
10-13	**82292** (4 монеты). 1-4		Насир (4 экз.). Болгар 1947.
14-16	82528 (3 монеты). 152-154		Мунке (3 экз.). Болгар 1948.
17	82528. 151		Мунке. Болгар 1948
18	82528. 155		Насир. Болгар 1948.
19	82528. 156		Насир. Болгар 1948.
20	82528. 158		Насир. Болгар 1948
21	82528. 161		Насир. Болгар 1948
22	**82528**	**3,04***	**Насир. Болгар 1948**
23	82871. 93		Насир. Болгар 1949
24	82871. 95		Насир. Болгар 1949
1	ПАЭ-70, №61	3,13*	Мунке. Раскоп 35
2	ПАЭ-70, №62	2,69*	Мунке. Рас. 35
3	ПАЭ-70, №63	2,65*	Мунке. Рас. 35
4	ПАЭ-70, №60/51	3,54*	Мунке. Рас. 35
5	ПАЭ-70, №635/18	2,77*	Мунке. Рас. 35
6	ПАЭ-70, №709/20	1,21*	Насир. Рас. 35
7	ПАЭ-70, №542/50	2,70*	Насир. Рас. 35.
8	ПАЭ-70, 1895/32		Насир. Вес ? Рас. 35.
9	ПАЭ-70, 1069/5	1,75*	Мунке. Рас. 36
10	ПАЭ-70, 843/9	1,79*	Насир. Рас. 36
11	ПАЭ-70, 1086/4	1,87*	Насир. Рас. 36
12	ПАЭ-70, 1917/2	1,84*	Насир.. Рас. 35
13	101281. 14/270	3,78*	Насир. Болгар, 1969. Рас. 29.
14	101281. 23/64	1,37*	Насир. Болгар, 1969.
15	101281. 4/1263	2,45*	Мунке. Болгар 1969.
16	101281. 34/296	1,30*	Насир. Болгар, 1969. Рас. 30

Примечания:

[1] В данной статье монетный двор пишется как Булгар, соответственно, также называются регион и денежное обращение XIII века – Булгарское. Центр современного Спасского района Татарстана пишется как Болгар, также как и другие термины нового времени - Болгарское городище, Болгарский музей и т.д.

[2] Руководители к.и.н. В.Ю. Коваль и к.и.н. Д.Ю. Бадеев.

[3] В данной статье мы не будем затрагивать проблему о начале монетной чеканки в Булгарском вилайате.

[4] Отличительные черты «архаичных» динаров от булгарских монет с именем багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха следующие:

1) на лицевой стороне над именем ан-Насира располагается орнамент (тамга?),

2) своеобразный почерк всех легенд с «раздвоенными» концами букв,

3) сами монеты тяжёлые, весом от трёх до девяти грамм.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев И.Е. О происхождении религиозного изречения, размещённого на монетах булгарского чекана XIII в. // Двадцать вторая Всероссийская Нумизматическая конференция (г. Смоленск, 22-26 мая 2023 г.). Тезисы докладов и сообщений / ред. П.Г. Гайдуков и др. Смоленск, 2023. С. 74–77.

Бугарчев А.И. О метрологии медных булгарских монет середины XIII в. // РА. 2021а. № 2. С. 123–130.

Бугарчев А.И. Ранний вариант булгарских медных динаров XIII в. // Поволжская археология. 2021б. № 4 (38). С. 152–166.

Бугарчев А.И. Медные булгарские динары XIII века из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина // Монеты и медали: Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 4 / Под общ. ред. С. Коваленко. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 79–82, 199–200.

Бугарчев А.И., Фёдорова Е.А. Медные булгарские монеты XIII в. из фондов БГИАМЗ // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия, посвященного пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Болгар, 2015. С. 66–77.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.

Fraehnii C.M. De Numorum Bulgaricorum Forte Antiquissimo Commentations Critici-Philologico-Historicae Casani. 1816 (42 стр.; 1 табл.).

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборат-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ (г. Казань, Россия). Abugar.61@rambler.ru

Ушакова Стефания Витальевна, младший научный сотрудник отдела нумизматики, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия). UshakovaSV@shm.ru

REFERENCES

Alekseev, I. E. 2023. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Dvadtsat' vtoraya Vserossiyskaya Numizmaticheskaya konferentsiya (g. Smolensk, 22-26 maya 2023 g.) (The Twenty-second All-Russian Numismatic Conference (Smolensk, May 22-26, 2023).).* Smolensk, 74–77 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2021. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 123–130 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 152–166 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2023. In Kovalenko, S. (ed.). *Monety i medali (Coins and Medals)* 4. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts, 79–82, 199–200 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Fedorova, E. A. 2015. In *Bolgarskii muzei-zapovednik – khranitel' kul'turnogo naslediia (Bolgar Museum-Reserve as Keeper of Cultural Heritage)*. Bolgar, 66–77 (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Cities in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).

Fraehnii, C. M. 1816. *De Numorum Bulgaricorum Forte Antiquissimo Commentations Critici-Philologi-co-Historicae Casani*.

About the Authors:

Bugarchev Aleksei I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Ushakova Stefaniya V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; UshakovaSV@shm.ru

Статья поступила в журнал 09.09.2024 г.
Статья принята к публикации 20.01.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.293.308

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭРЗИ И МОКШИ

©2025 г. Н.М. Малкова

В статье представлен анализ головных уборов мордвы из погребениий XVII – начала XIX вв. на территории Среднего Поволжья. Рассмотрены варианты сочетания головного убора с другими украшениями костюма. Проиллюстрирована разница женских и девичьих уборов. Проанализированы конструкции женских уборов мокши и эрзи. Рассмотрено строение деревянного накосника «пулокерь», история существования которого насчитывает более тысячи лет. Накосник исследован в женских погребениях мордвы-мокши. Проведена его классификация, выделены два типа накосника по форме – конусовидная и с расширяющимися концами. На материалах Коноваловского могильника изучена конструкция эрзянского убора. Рассмотрены принципы орнаментации, выделены варианты вышивки. Проанализировано соотношение орнамента вышивки и нашивных украшений. Рассмотрены нашивные украшения головных уборов – пластинки, бусы, стеклярус, пуговицы-подвески и др.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, позднее средневековье, погребения, головной убор, мордва, эрзя, мокша, накосник, пулокерь

HEADDRESSES IN LATE MEDIEVAL BURIALS OF THE ERZYA AND MOKSHA

N.M. Malkova

The article present an analysis of Mordovian headdresses in burials of the XVII – early XIX centuries in the Middle Volga region. Options for combining the headdress with other costume ornaments are examined. The difference between women's and girls' headdresses is illustrated. The designs of Moksha and Erzya female headdresses are analyzed. The construction of the wooden hair ornament "puloker" (пулокерь), whose history spans over a thousand years, is explored. The headdress puloker were studied in the Moksha female burials. Its classification is provided, two types of headdress are distinguished by shape – conical and flared-end. Based on the materials of the Konovalovka burial ground, the design of the Erzya headdress was studied. The principles of ornamentation are reviewed, and embroidery variants are distinguished. The ratio of embroidery ornament and decorations is analyzed. Sewn-on decorations of headdresses are considered – plates, beads, bugle beads, pendant buttons, etc.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Late Middle Ages, burials, headdress, Mordovians, Erzya, moksha, hair ornament, puloker

Головной убор – важная часть женского костюма мордвы в различные исторические периоды не только по функциональным причинам. В мифологии финно-угорских народов женские волосы наделены особыми свойствами. При описании мордовских богинь уделялось внимание их длинным волосам (Мокшин, 1998, с. 46–47, 57, 62). В создании образа идеальной героини важную роль играли длина, качество и состояние волос. «Одним из признаков красоты мордовской девушки была толстая коса, которую сравнивали с длинным топорищем, кнутом пастуха или ногайца» (Козлова, 2013, с. 31).

Считалось, что волосы хранят информацию о здоровье и репродуктивных возможностях женщины. Через непокрытые волосы можно было воздействовать на женщину, вылечить или навести злой наговор и порчу (Мокшин, 1998, с. 108, 112). Множество поверий, обычаев у мордвы связано со стрижкой волос (Корнишина, 2001, с. 80-89). Существовали особые свадебные (Мельников, 1981, с. 118; Козлова, 2013, с. 32) и родильные (Корнишина, 2007, с. 55) традиции, связанные с волосами. Закрывание волос символизировало подневольное положение замужней женщины. По этнографическим данным в конце XIX в. мордовки Самарской губернии не показывали свои волосы «старшим мужчинам в семействе и крестному отцу ее мужа» (Каминский, л. 61). Сорвать платок, показать волосы считалось оскорблением для женщины.

Цель работы – охарактеризовать головные уборы мордвы как элемент костюма, социальный и этно-территориальный маркер, отражающий определённый исторический период развития позднесредневековой культуры.

Задачи исследования:

проанализировать традиции сочетания головных уборов с другими элементами костюма,

отразить этно-территориальные особенности уборов эрзи и мокши,

раскрыть конструктивные принципы создания уборов, выделив приемы их изготовления,

отобразить разнообразие орнаментов и украшений уборов, демонстрируя богатство декоративных элементов, отражающих традиции и эстетические предпочтения.

При подготовке данной статьи рассмотрены головные уборы из могильников, датированных монетами *XVI-XVII вв.*[1], *XVII-XVIII вв.*[2], *XVIII в.*[3] и *XVIII – нач. XIX вв.*[4]. Кроме того, привлечены уборы из погребений, точная датировка которых не определена в связи с отсутствием находок монет[5].

Большинство изученных к настоящему времени погребальных комплексов мордвы рассматриваемого периода содержали захоронения с уборами. В качестве материала для исследования использованы данные 586 погребений. Из них 238 принадлежали женщинам, 131 – мужчинам, 125 – детям. Пол остальных 92 погребённых определить не удалось.

В работе представлены материалы 180 погребений, содержащих головные уборы, что составляет 30,7% от общего количества. В том числе: «168 – женских (70,6% от общего количества женских), 3 детских (2,4 % от общего количества детских) и 9 – мужских (6,9% от общего количества мужских)» (Малкова, 2000, с. 95–96).

В статье в основном рассмотрены женские и девичьи уборы, поскольку мужские представлены в незначительном для анализа количестве. Из мужских уборов сохранились только остатки трех шапок из черного сукна (могильник Лобаски, курган 2) или войлока (Беловодский могильник, погребение 2).

Сочетание головного убора с другими элементами костюма

Рассмотрим традиции сочетания головного убора с украшениями костюма. Чаще всего в составе костюма вместе с убором фиксировали *сюлгаму.* Аналогичный набор имели более трети (32,4%) всех рассмотренных женских погребений, а также 2,2% детских и 6,8% неопределенных (скорее тоже детские). Мужских захоронений с таким набором не найдено. Сочетание убора с сюлгамой наиболее характерно для женского костюма Сарлейского (91,7%) XVII – середины XVIII вв. и Бутского могильников (80%). В Ачадовском могильнике это сочетание встречено в 60% женских захоронений, в Вертелимском – 42%, в Кельгининском – 38,6%, в Коноваловском – 38%, в Рыбкинском – 21,7% (Малкова, 2000, с. 102–103). Сюлгама была самым распространенным украшением мордвы. Она имела важное функциональное назначение – застегивала глубокий вырез традиционной рубахи. Кроме того, ее использовали как основу для подвешивания дополнительных украшений, в том числе шумяще-гремящих.

Головной убор в сочетании *с пряжкой* найден в 4,6% всех исследованных захоронений – 12,5% женских и 1,8% мужских. Детские и неопределенные погребения с таким набором не обнаружены. Пряжка была остатком набедренного украшения, скреплявшего на поясе несшиты части. Чаще всего в уборе и с поясной пряжкой захоронены женщины в могильнике у с. Коноваловка (19%). В остальных могильниках процент захороненных в уборе в сочетании с пряжкой незначителен.

Головной убор *с сюлгамой и остатками обуви* встречен всего в 1,4% захоронений: женских 2,3%, мужских – 1,8%, неопределенных – 1,1%. Такие погребения датируются XVI – серединой XVIII вв. Более всего таких захоронений встречено в Ачадовском могильнике (28,6 %) (Малкова, 2000, с. 103).

Головной убор вместе *с сюлгамой и пряжкой* встречен только у 1,1% погребенных: женских – 2,3%, такой же процент неопределенных, возможно детских.

Только 1% погребенных облачен в полный костюм – вместе с убором присутствовали *сюлгама, пряжка, остатки поясного либо набедренного украшения и обуви*. Такие погребения найдены в Кельгининском, Больше-Макателемском, Дигилевском и Атяшевском могильниках XVII–XVIII вв. (Малкова, 2000, с. 102).

Итак, захоронение женщин в головных уборах было устойчивой традицией в пери-

од позднего средневековья. Наиболее часто в костюме мордвы головной убор сочетался с сюлгамой. Реже всего встречены полные наборы костюма, сочетание убора с обувью, с сюлгамой и пряжкой. В традициях XVI – середины XVIII вв. превалирует сочетание убора с сюлгамой, обувью, XVIII – начала XIX вв. – с пряжкой.

Женские и девичьи головные уборы

Женские головные уборы мордвы, в отличие от мужских, отличались большим разнообразием. Рассмотрим отдельно девичьи и женские уборы, учитывая принципиально разный подход к форме их конструкций.

По материалам раскопок зафиксировано два типа *девичьих уборов:* налобная повязка и «накосник». В погребении 16 Коноваловского могильника налобная повязка на девочке 5-6 лет представляла собой прямоугольный фрагмент холста размером 15×4 см. Убор был соткан из красно-коричневых[6] шерстяных ниток. Повязка украшена тремя рядами круглых пластинок из латуни, их диаметр 0,5 см (рис. 1: 1). В области висков пришит бисер и подвески (рис. 1: 2). В этом же захоронении найден накосник в виде цепочки из металла. Он был украшен гроздями желтого, прозрачного, гранатового и черного бисера, бусинами, бубенчиками и пуговицей-подвеской (рис. 1: 5, 6). Общая длина украшения составляет 13 см.

Накосник из могильника Торжок (погребение 1) был на тканой основе, украшен жетонами, раковинами-каури и бисером. Накосник в могильнике у с. Корино (курган 15) вплетен шерстяными нитками в косу, украшен большим количеством медных пронизок, жетонов и бус. Нижняя часть накосника из Нароватовского могильника (погребение 1) представляла собой прямоугольный фрагмент войлока. Он был расшит жетонами, шерстяными кистями и подвесками из бус. Накосник на девочке 4-5 лет из Кельгинино (погребение 396) сохранился в виде трех шерстяных кисточек, обмотанных бронзовой проволокой; тесемок из веревочки с раковинами; фрагмента косички из шерстяной веревочки (Вихляев, 2001, с. 36). Рассмотренные образцы накосников крепились к головному венчику или непосредственно к косе.

Женский убор отличался от девичьего своей закрытостью. Так, шерстяная шапочка из Сарлейского и Коринского могильников

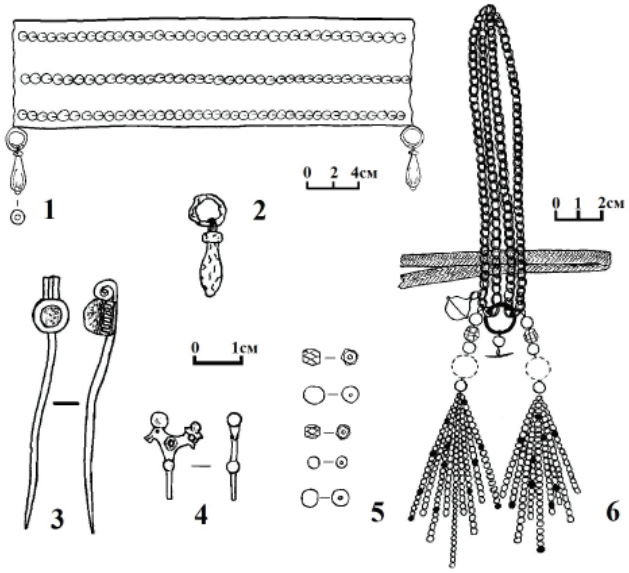

Рис. 1. Коноваловский могильник, погребение 16: 1, 2 – девичий головной убор и подвеска к нему; 3, 4 – булавка для скрепления частей головной убора; 5,6 – подвеска к головному убору и прорисовка бус
Fig. 1. Konovalovka burial ground, burial 16: 1, 2 – girl headdress and its pendant; 3, 4 – pin for fastening components of the headdress; 5,6 – pendant for the headdress and bead drawing

полностью закрывала волосы, доходя впереди до середины лба. Она плотными рядами была расшита раковинами каури, бусами и серебряными копейками. Этот тип убора сравним с терюханским «венцом» из «тканей узорной полосы, лежавшей на темени и украшенной несколькими рядами раковин» (Горюнова, 1948а, с. 32). Убор из погребения 7 Сарлейского могильника украшали «170 раковин каури и 15 голубых стеклянных бус» (Горюнова, 1948, с. 29). Шапочки также украшались шерстяными кисточками, зелеными стеклянными и «фарфоровыми» бусами, бисером, жетонами. В трех из 14 случаев убор сзади скреплен бронзовой булавкой» (рис. 1: 3,4).

Выделено два типа навершия булавок для крепления убора. Первый тип (3 экз.) – бронзовая проволочка с завернутым в спираль верхним концом и приостренным – нижним. К верхнему концу припаяна круглая оправа с голубой бусиной (рис. 1: 3). Такие булавки обнаружены на левобережье Мокши и междуречье Теши и Пьяны. Единственный экземпляр булавки второго типа найден в Тоторшево. Она имела навершие в виде петушка, была изготовлена из серебра (Малкова, 2000, с. 111) (рис. 1: 4).

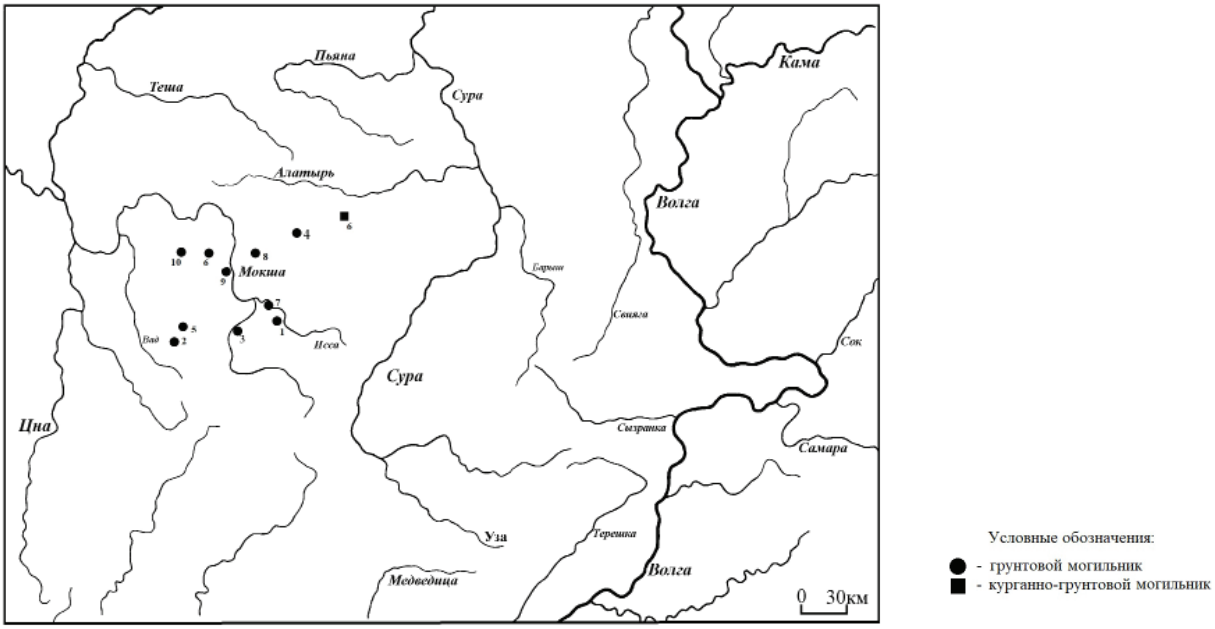

Рис. 2. Карта месторасположения позднесредневековых могильников мордвы с находками накосника пулокерь
Условные обозначения: ● – грунтовой могильник, ■ – курганный могильник
Fig. 2. Map of the location of the Mordovian late medieval burial grounds with the finds of the hair ornament puloker
Legend: ● – ground burial ground, ■ – barrow field

Женские уборы украшали раковинами-каури и бусами (Нароватово, погребение 5), монетами и бусами (Кельгинино, погребение 229); раковинами-каури, стеклянными пуговицами и жетонами (Старо-Яблонский могильник); монетами и жетонами (Ачадово, погребение 37; Сучкино 2, погребение 2).

Итак, женские головные уборы мордвы более сложны по конструкции, чем девичьи, богаче украшались, маркируя таким образом социальный статус и положение. Исследованы два вида девичьих уборов – налобная повязка и накосник. Конструкция, составные части и украшения женских уборов имеют этно-территориальные особенности.

Мокшанские накосники «пулокерь»

В погребениях мордвы-мокши исследован оригинальный тип накосника, не бытовавший у других народов. Накосник «пулокерь» отличался сложной конструкцией: футляр из древесины, обвитый бронзовой проволочкой, полоской кожи, либо тем и другим.

Его прототип зафиксирован в погребениях мокши в среднем течении р. Цны. Самые ранние захоронения датируются началом VIII в. (Воронина, 1991) и даже второй половиной VII в. (Зеленцова, 1998). Его бытование продолжилось в эпоху Золотой Орды и в позднем средневековье. Со временем убор модифицировался, несколько менялась форма, появлялись новые элементы. Однако материалы, основные принципы его конструкции и технология изготовления оставались неизменными (Малкова, 1999, с. 216–233).

Для исследования накосника «пулокерь» привлечены материалы 12 могильников[7], составлена карта их месторасположения (приложение 1, рис. 2).

Отметим, что в археологической литературе, в полевых отчетах существует многообразие в его наименовании: «пулакерь» (Циркин, 1965), «катушка» (Акимова,1951), «игольник» (Вихляев, 1985; Акимов, 1992), «косник-коса», «косник» (Полесских, 1958).

«Пулокерь» – достаточно сложный головной убор, нельзя сказать, что он просто одевался, скорее он собирался на женских волосах следующим образом. Волосы распределяли вокруг деревянного или железного стержня. Иногда для пышности к ним добавляли шерсть или шерстяные нити, или то и другое вместе. Интересно, что в погребениях 281, 285, 300, 306 и др. Кельгининского могильника шерстяные нитки были сплетены в косички (рис. 3: 1,3; 14: 1-2). В ряде случае внутри «пулокеря» обнаружены только шерсть или шерстяные нити, волосы или коса отсутствовали.

Далее, к концу стержня шерстяным шнуром привязывали пучок черных шерстяных ниток или овечьей шерсти. Благодаря образовав-

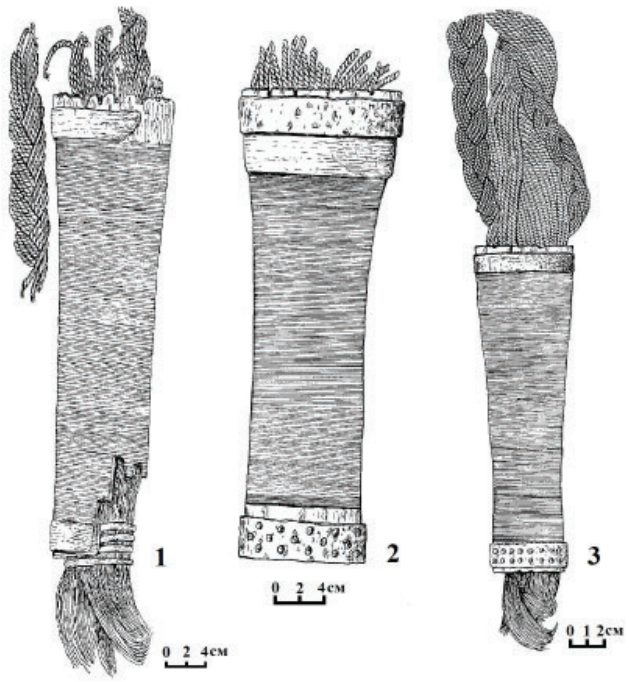

Рис. 3. Накосники пулокерь из Кельгининского могильника: 1 – погребение 281, 2 – погребение 283, 3 – погребение 285

Fig. 3. Hair ornament puloker from the Kelginino burial ground: 1 – burial 281, 2 – burial 283, 3 – burial 285

шемуся узлу, своего рода пробке, футляр не спадал со стержня. Затем вся конструкция помещалась в деревянный футляр из двух половинок. «Длина футляра соответствовала длине стержня и составляла 18-20 см, диаметр (в среднем) по краям – 5-6 см, а в центре – 3,5-4,5 см. Средняя толщина стенок футляра в центре – 0,5 см, на концах – 1,5 см. Расширяющиеся концы футляра скрепляли железной или кожаной полоской, зигзагообразно оббитой железными гвоздиками. В завершении корпус пулокеря плотно обматывали тонкой бронзовой проволокой» (Малкова, 2000, с. 110).

По форме футляра можно выделить два типа накосника «пулокерь».

Тип I. Расширяющийся к одному из концов (конусовидный) футляр (рис. 4: 2,5). Встречено два варианта этого типа: со стержнем внутри и без него. Накосники со стержнем найдены в Мордовско-Паркинском (погребение 16) и в Рыбкинском могильниках (рис. 4: 5). Накосники без стержня встречены в Мордовско-Паркинском могильнике (погребение 106), шесть экземпляров в Ачадовском и еще несколько в Рыбкинском. Концы пулокеря без стержня скреплялись кожаными ремешками, как в погребениях 4,16 и 38 Ачадовского или «железными обручами», как в погребениях 11 и 15 того же могильника. Подобные варианты исследованы и в Кельгининском могильнике, в погребениях 281, 285 и др. (рис. 3: 1, 3)

Тип II. Футляр с обоими расширяющимся концами (рис. 4: 1,6) имел большее распространение, чем конусовидный. Основой его конструкции служил стержень – круглая в сечении палочка из дерева (рис. 5: 2). В коллекции Дигилевского и Ново-Пырменского могильников имеются и железные стержни (рис. 4: 3,4). Ко второму типу отно-

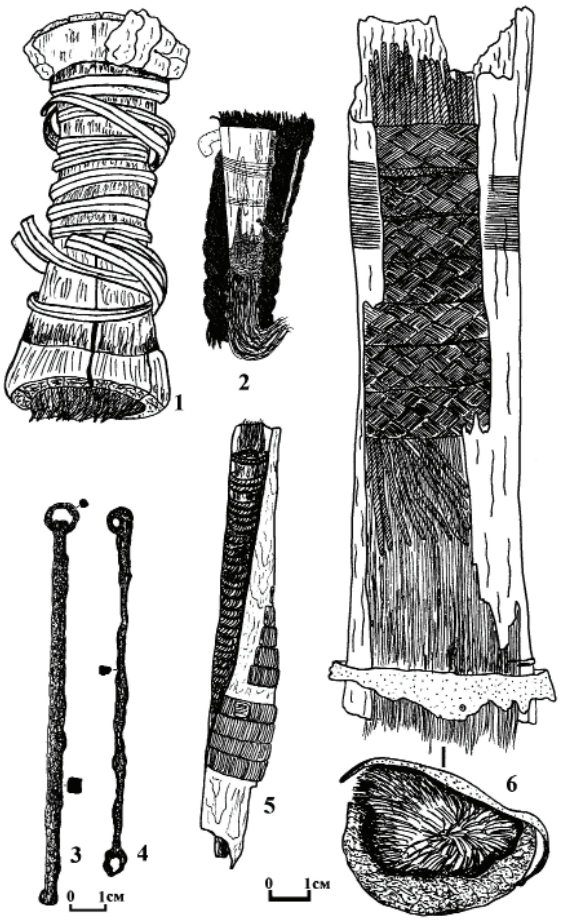

Рис.4. Накосники пулокерь: 1 – Паевский могильник, погребение 17, 2 – Кельгининский могильник, 5 – Рыбкинский, 6 – Вертилимский. Стержни к накосникам: 3 – Ново-Пырменский могильник, 4 – Дигилевский

Fig.4. Hair ornament puloker: 1 – Paevsky burial ground, burial 17, 2 – Kelginino burial ground, 5 – Rybkinsky, 6 – Vertilim. Rods for hair decoration: 3 – Novo-Pyrmensky burial ground, 4 – Digilevsky burial ground

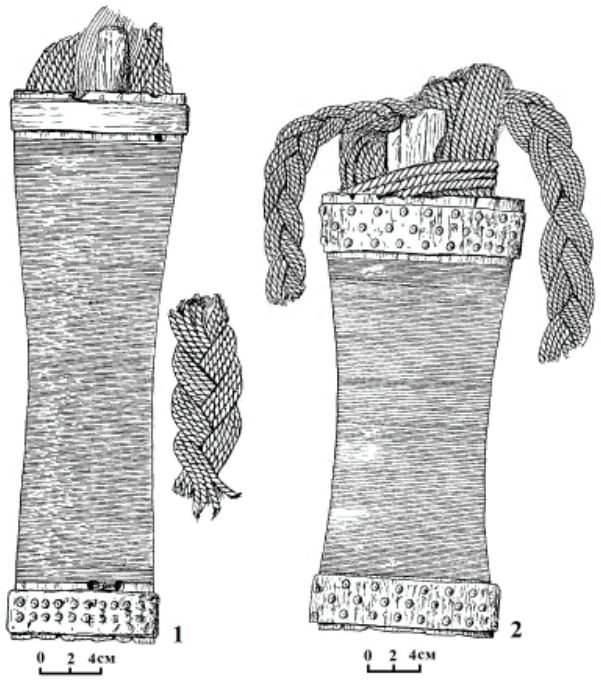

Рис. 5. Накосники пулокерь из Кельгининского могильника: 1 – погребение 300, 2 – погребение 306
Fig. 5. Hair ornament puloker from the Kelginino burial ground: 1 – burial 300, 2 – burial 306

сятся также «пулокери» из Рыбкинского, Вертелимского (рис. 4: 6), Кельгининского (рис. 3: 2; 5: 1-2) Адашевского (погребение 1), Привольевского, Паевского, Старо-Яблонского и Сучкинского 2 могильников (Малкова, 1999, с. 224-225). Футляры накосников из двух упомянутых последними могильников были изготовлены из липы (Арзютов, 1932, с. 37).

«Пулокерь» в конце XVII в. был заимствован эрзей у мокши. Подобный вывод позволяют сделать экземпляры из погребений эрзи (Малкова, 2000, с. 111). Так, накосник без футляра обнаружен в погребении Ардатовского могильника, датированного монетой 1731 года (Степанов, 1956, с. 107). Он представлял собой железный стержень с колечками на концах, обмотанный тесьмой и нитками из шерсти. Здесь же зафиксированы остатки толстых крученых шерстяных ниток, лежавших слоями.

Подъемный материал курганно-грунтового могильника XVII в. эрзи у с. Лобаски также содержал несколько экземпляров пулокерей типа II. Внутри они набиты толстыми шерстяными нитками, дополнившими естественный объем волос. Интересно, что в нескольких погребениях Коринского могильника найдено большое количество грубой черной пряжи без футляра. Она лежала вдоль левого или правого плеча. В одном случае, при лучшей сохранности шерсти заметно, что пряжа заплетена в толстую косу. Сюда также вплетались и концы двух женских кос (Горюнова, 1948, с. 65–66). Традиция вплетения в косу овечьей шерсти, конских волос, а также шерстяных ниток сохранилась и в более позднее время (Паллас, 1773, с. 82).

Заимствование также подтверждает существование в языке эрзи, как и мокши, сложносоставного слова «пулокерь», означающего «головной убор эрзянки». Оно, аналогично мокшанскому, состоит из двух самостоятельных слов: *пуло***,** -т - 1. хвост; 2. коса; 3. ручка; 4. часть мотка пряжи; *керь, -ть* - лубок, кора.

Отметим, что «пулокерь» встречен только в погребениях взрослых женщин. Учитывая особую сложность его использования и смысловое значение, предположим, что данный головной убор использовался только для погребальной церемонии.

В конце XVIII в. «пулокерь» модифицировался в пуло – «хвост» в головном уборе замужних женщин. Так, в Шелехметском могильнике у мокшанок уже нет пулокерей. Их тканевые уборы расшиты большим количеством бус и бисера, украшены кистями из коричневых шерстяных ниток. Женский убор из погребения 1 имел мягкую основу, украшен голубыми и коричнево-золотистыми бусинами, бисером желтого, белого и черного цвета. К его задней части крепился «хвост», спускавшийся, как минимум, до середины спины. Украшение расшито бусами, бисером, бронзовыми пронизками, кисточками из шерсти.

Подобное украшение «пулоцьк» носила мокша Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии (ныне – Зубово-Полянский район РМ). «Пулоцьк» был частью праздничного головного убора «златной». «Пулоцьк» доходил до пояса, имел длину более метра, состоял из «двух рядов снизок кумбрят, скрепленных на шнуре и из длинной кисти шелковых ниток малинового, желтого и зеленого цвета. Сверху на полосу кумбрят накреплены цветные ленточки с прикрепленными к ним медными бубенчиками» (Спрыгина, 1925, с. 33-34). «Пулоцьк» крепился к головному убору сзади большой пуговицей. Подобный убор описан в

Рис. 6. Мордва-мокша. Рисунок из книги П.С. Палласа
Fig. 6. Mordovian moksha. Figure from the book by P.S. Pallas

1768 г. у жительниц с. Пилокшево на р. Пьяне. Он состоял из «высокой набитой и пестро вышитой шапки, у которой позади привешены малые цепочки, небольшая лопасть и болобочки» (рис. 6) (Паллас, 1773, с. 81).

Итак, мокшанский накосник «пулокерь» имел оригинальную конструкцию, не встреченную у представителей других этносов. Использование нескольких материалов (дерево/кора, медь, кожа, шерсть/шерстяные нити), сложность технологии изготовления пулокеря, его громоздкость, отражают характерные черты костюма мордвы в рассматриваемый нами период. Накосник демонстрирует консервативность формы и материалов во времени. История его бытования насчитывает более тысячи лет. В конце XVIII в. «пулокерь» в уборе замужних женщин трансформировался в пуло – «хвост».

Головные уборы мордвы эрзи.

Вариант женского головного убора эрзи прослежен на материалах Коноваловского могильника. Благодаря обилию медных украшений, уборы хорошо сохранились. Шапочка на лубяной основе имела цилиндрическую форму, ее высота от 5–6 до 10–11 см. Луб был покрыт тканью, расшитой плотной ковровой вышивкой. К затылочной части убора крепилось пуло, закрывавшее волосы по всей длине. Оно было расшито геометрическим орнаментом красно-коричневыми, черными и зелеными нитками. Поверх ковровой вышивки нашиты бисер и круглые пластинки из латуни. К нижнему краю пуло пришита дощечка, обернутая красной тканью. На ткань нашиты две полоски бронзовой тесьмы.

Пуло из погребения 50 сохранилось в виде двух прямоугольных фрагментов (18×8 см и 12×108 см), вышитых шерстяными нитками и украшенных бисером и круглыми пластинками (рис. 3: 3,4). Фрагмент пуло из погребения 32 размером 18–10,5 см украшен геометрическим орнаментом. Нижняя его часть дополнена пластинками из латуни диаметром 2–3 см (рис. 5). В нижней части он был укреплен корой дерева, ее остатки зафиксированы на обратной стороне экземпляра. Пуло присутствует всего на трех из девяти экземпляров Коноваловской коллекции. Сохранность пуло обеспечили металлические украшения.

На коноваловских уборах применены следующие техники вышивки[8]:

сплошное шитье, образованное тканными стежками – основной шов;

косые стежки, вышитые горизонтальными полосами;

зигзагообразный шов;

асимметричный косой крест.

В основе узора лежит ритм из чередующихся горизонтальных линий и геометриче-

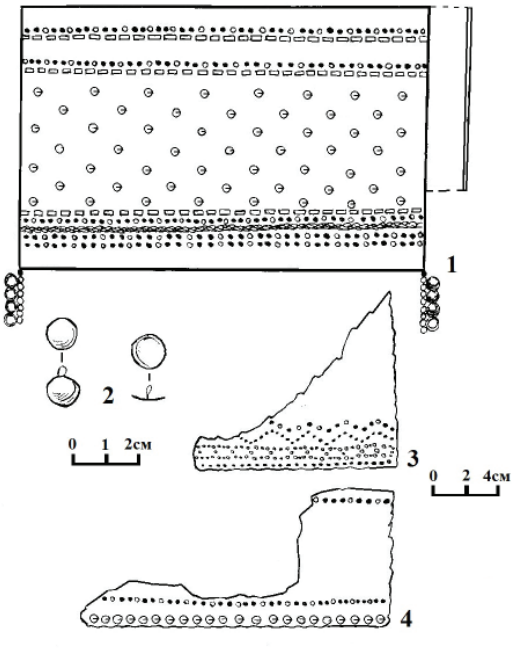

Рис. 7. Коноваловский могильник, погребение 50:
1 – головной убор; 2 – подвески к головному убору;
3, 4 – фрагменты пуло
Fig. 7. Konovalovka burial ground, burial 50:
1 – headdress; 2 – pendants for the headdress;
3, 4 – fragments of pulo

ских фигур. Чаще это ромбы, а также окружности, треугольники и квадраты (рис. 8, 10, 11, 13, 16). Несмотря на довольно ограниченный набор элементов, ни один из орнаментов вышивки не повторяется. Выделены закономерности в расположении элементов орнамента[9]: горизонтальное расположение на уборе, прямоугольная зона в центре очелья и обрамление ее полосами вышивки сверху и снизу.

Уборы из Коноваловки отличает красно-коричневый цвет вышивки. Линии и геометрические фигуры выполнены зелеными и черными нитками. Центральную зону обрамляют орнаментальные ленты, заполненные чередованием горошин, ромбов или зигзагообразных линий. Поверх вышивки нашиты цепочки, «бронзовая» тесьма, круглые латунные пластинки диаметром 0,5 см, стеклярус и бисер зеленого, черного, белого и красного цветов (рис. 7-16).

Бронзовая тесьма изготовлена промышленным способом. Встречено два вида тесьмы: лента шириной 1-2 см[10] (рис. 14: 6; 8,9,15) и косичка из металлических нитей (рис. 11). Несколько экземпляров украшены бронзовой цепочкой, пришитой горизонтальными рядами в верхней (рис. 15), нижней части (рис. 8), либо и сверху и снизу (рис. 16). Убор из погребения 30 (рис. 14) украшен цепочкой по всему периметру очелья (Малкова, 2000а. Т. 1., с. 50). Цепочка и тесьма, как правило, выделяли центральную зону вышивки.

Уборы украшены большим количеством стекляруса и бисера черного, зеленого, белого и красного цветов. Бисер нашит горизонтальными рядами с внутренней и внешней стороны центральной орнаментальной зоны, окаймляя тесьму с двух сторон (рис. 7–9, 14, 15). Второй вариант – бисер нашит в несколько рядов на верхнем и нижнем краях убора, над и под центральной зоной. Цвета бисера разных сочетались между собой. Например, над бронзовой тесьмой (до окисления имела желтый цвет) – ряд зеленого бисера, над ним – черный с чередованием белого, выше – линия прозрачного стекляруса (рис. 13).

К нижней или средней части убора в области висков пришивали подвески: шаровидные полые, с петлей для подвешивания; литые или плоские на ножке; круглые плоские с прозрач-

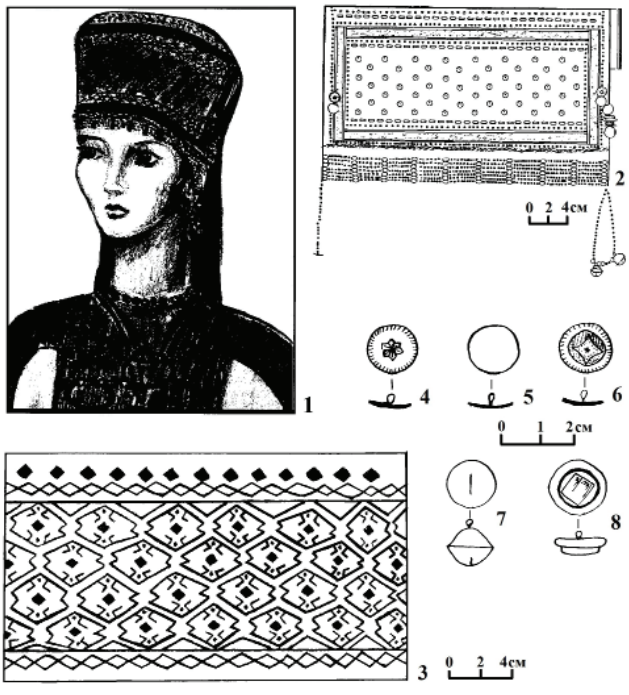

Рис. 8. Коноваловский могильник, погребение 32:
1 – реконструкция головного убора; 2 – головной убор;
3 – прорисовка орнамента вышивки головного убора;
4-8 – подвески к головному убору
Fig. 8. Konovalovka burial ground, burial 32:
1 – reconstruction of the headdress; 2 – headdress;
3 – drawing of the embroidery ornament of the headdress;
4-8 – pendants for the headdress

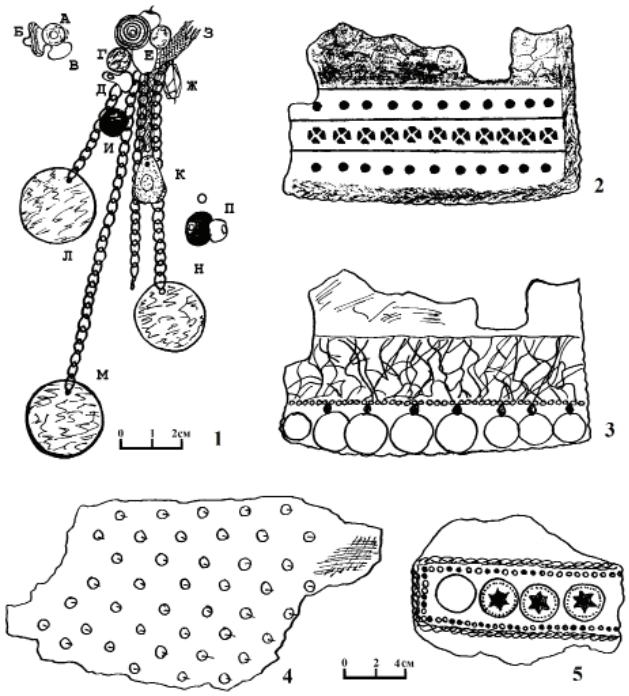

Рис. 9. Коноваловский могильник, погребение 32: 1 – украшение головного убора, а, е, ж, и, о, п – бусы; г – глазок от сюлгамы; б, в, д – пуговица-подвеска; з – шерстяная веревочка; к – раковина каури; л, м, н – жетоны; 2 – прорисовка орнамента пуло; 3-5 – реконструкция нашивных украшений на пуло
Fig. 9. Konovalovka burial ground, burial 32: 1 – decoration of the headdress, а, е, ж, и, о, п– beads; г – sulgama's eye; б, в, д – button-pendant; з – woolen string; к – cowrie shell; л, м, н – jetons; 2 – drawing of the pulo ornament; 3-5 – reconstruction of sewn-on decorations on pulo

ной стеклянной вставкой; из бус различной формы и цвета (рис. 7–10, 13, 14, 16).

Круглые пластинки из латуни были нашиты и в центральной части узора, располагаясь чаще всего в шахматном порядке (рис. 7–9, 13, 14, 16), плотными горизонтальными (рис. 1, 14) или вертикальными рядами (рис. 10). На уборе из погребения 25 использованы все три типа расположения пластинок (рис. 11).

Всю коллекцию уборов по композиции украшений можно разделить на две группы:

выделяется центральная орнаментальная зона прямоугольной формы при помощи орнамента и нашивных украшений (погребения 9, 26, 30, 32, 50)

очелье заполнено ритмично расположенными нашивными украшениями без выделения центральной орнаментальной зоны (погребения 16, 25, 61, 78).

В расположении орнамента вышивки и нашивных украшений отмечается взаимозависимость. Бисер нашивался по горизонтальным линиям узора; пластинки – на ритмично повторяющиеся элементы орнамента (чаще всего ромбы). Эту особенность отмечают исследователи мордовской вышивки: «комплекс украшений включается в структуру в строгом соответствии с его композицией,

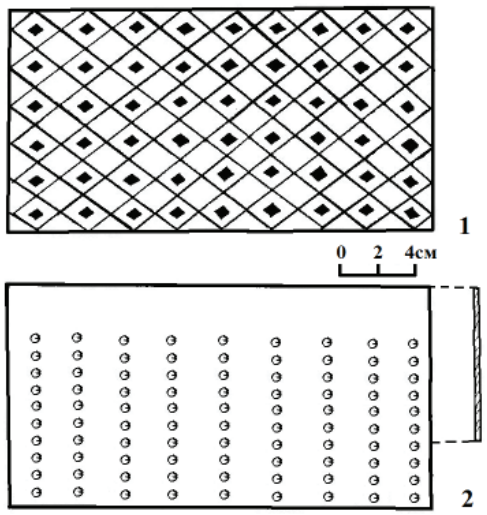

Рис. 10. Головной убор из погребения 61 Коноваловского могильника: 1 – прорисовка орнамента вышивки, 2 – прорисовка нашивных украшений
Fig. 10. A headdress from burial 61 of the Konovalovka burial ground: 1 – drawing of the embroidery ornament, 2 – drawing of sewn-on ornaments

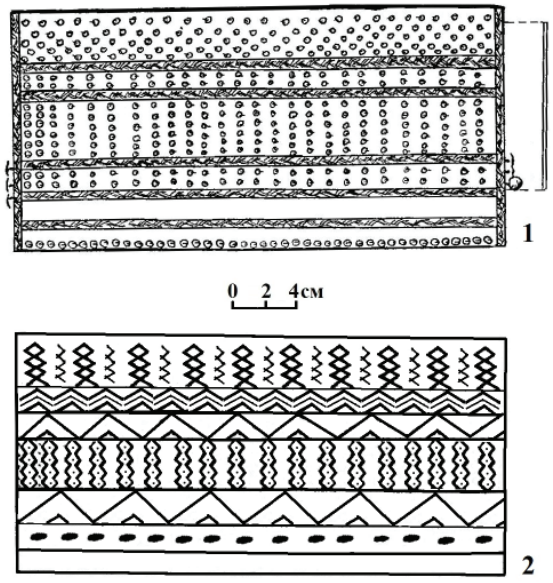

Рис. 11. Коноваловский могильник, погребение 25: 1– фрагмент пуло; 2,3 – подвески к головному убору
Fig. 11. Konovalovka burial ground, burial 25: 1 – fragment of pulo; 2,3 - pendants for the headdress

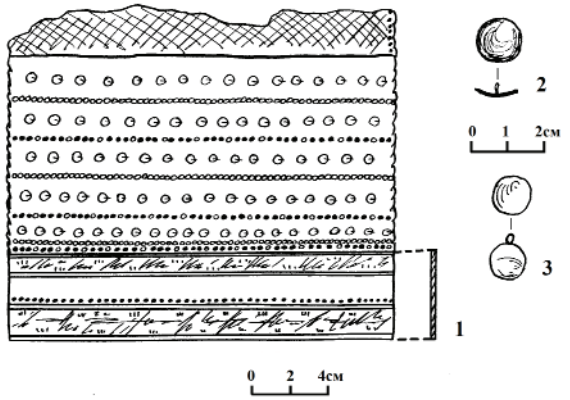

Рис. 12. Коноваловский могильник, головной убор из погребения 25: 1 – прорисовка нашивных украшений; 2 – прорисовка орнамента вышивки
Fig. 12. Konovalovka burial ground, headdress from burial 25: 1 – drawing of sewn-on ornaments; 2 – drawing of the embroidery ornament

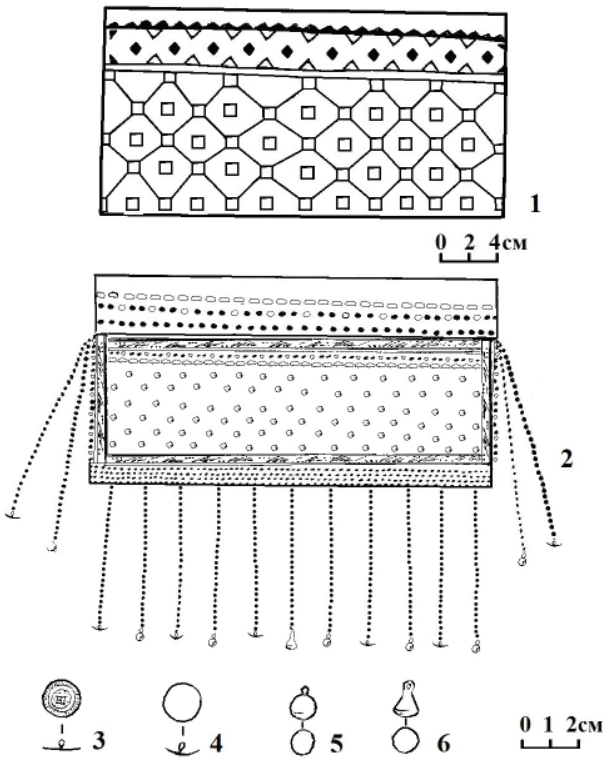

Рис. 13. Коноваловский могильник, погребение 9: 1 – прорисовка орнамента вышивки головного убора; 2 – головной убор; 3-6 – подвески к головному убору
Fig. 13. Konovalovka burial ground, burial 9: 1 – drawing of the embroidery ornament of the headdress, 2 – headdress; 3-6 – pendants for the headdress

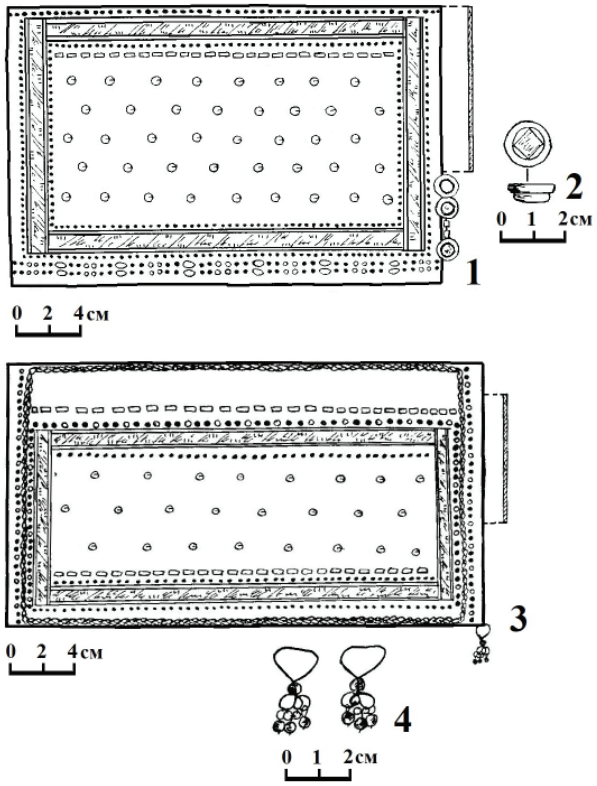

Рис. 14. Коноваловский могильник, головные уборы: 1,2 – погребение 26, 3,4 – погребение 30
Fig. 14. Konovalovka burial ground, headdresses: 1, 2 – burial 26; 3,4 – burial 30

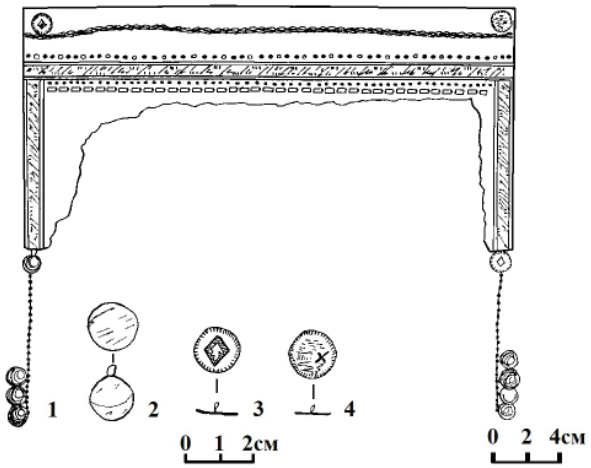

Рис. 15. Коноваловский могильник, погребение 60: 1 – головной убор, 2-4 – подвески к головному убору
Fig. 15. Konovalovka burial ground, burial 60: 1 – headdress, 2-4 – pendants for the headdress

не нарушая общей гармонии, а наоборот – с большим вкусом, тактом, подчеркивая колорит, создавая в нем нужные оттенки и игру красок» (Крюкова, 1966, с. 28). Выполняя декоративную функцию, орнамент головного убора служил оберегом для владелицы и сообщал определенную социальную информацию.

Форма головного убора мордвы, как, впрочем, самого костюма и его украшений, довольно консервативна. Она меньше подвер-

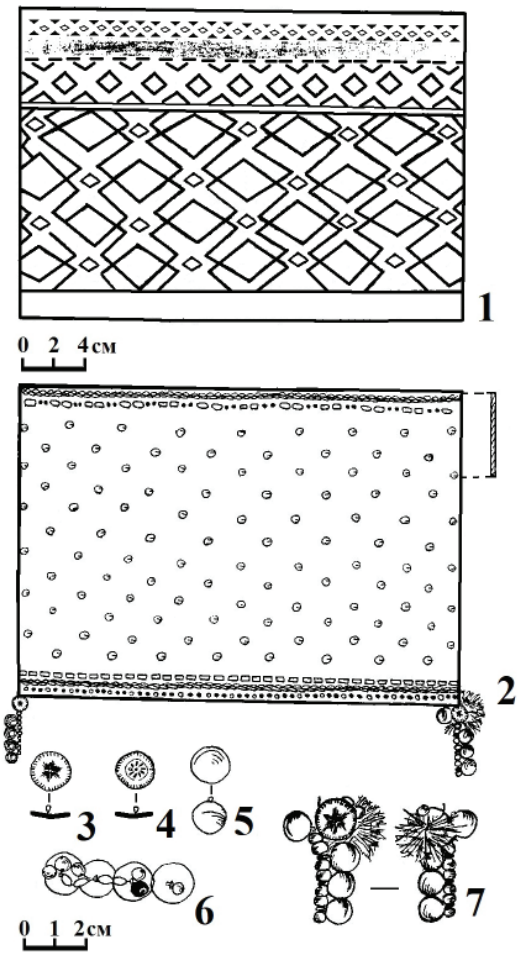

Рис. 16. Головной убор из погребения 78 Коноваловского могильника: 1- прорисовка орнамента вышивки; 2 – прорисовка нашивных украшений; 3-7 – подвески к головному убору

Fig. 16. Headdress from burial No. 78 of the Konovalovka burial ground: 1 – drawing of the embroidery ornament; 2 – drawing of sewn-on decorations; 3-7 – pendants for the headdress

жена изменениям, чем материалы, используемые при его создании. С течением времени и возникновением новых технологий украшения упрощается, уменьшается поле вышивки. По этой причине аналогий уборам из Коноваловки в этнографических материалах не найдено. Ближе всего им по форме клабук XIX в. из Городищенского уезда Пензенской губернии.

В целом можно отметить, что головные уборы эрзи отличает твердая основа, наличие плотной ковровой вышивки, обилие нашивных украшений и подвесок. При украшении убора большое внимание уделяется сочетанию элементов орнамента вышивки и нашивных украшений.

Таким образом, в могильниках мордвы позднего средневековья наиболее широко представлены женские головные уборы. Чаще в составе костюма с убором присутствует сюлгама. Конструкция убора маркирует социальный статус. Женские уборы, в отличие от девичьих, имели более сложную закрытую конструкцию. Головные уборы обозначали принадлежность к определенной этнической и территориальной группе. Мокшанские и эрзянские уборы имели существенные различия по форме и конструкции. Накосник мокши «пулокерь» отличает жёсткая деревянная конструкция. Внутри он имел деревянный, реже – железный стержень. Футляр накосника расширялся к одному или к обеим концам. Позднее «пулокерь» трансформировался в хвост, «лопасть» убора. Головные уборы эрзи изготовлены на мягкой основе с использованием луба. Они практически всегда имели в нижней части «лопасть», спускающуюся вниз и закрывающую волосы. Эрзянские уборы расшивались плотной ковровой вышивкой, нашивными элементами и подвесками. Нашивные украшения вписывались в орнамент вышивки, органично дополняя ее ритм.

В целом можно отметить, что головные уборы в позднесредневековых могильниках мордвы имеют сложный принцип изготовления и обилие украшений, сообщая нам о многоплановой смысловой и социальной нагрузке, которое им придавало мордовское население.

Примечания:

[1] Вертелимский (Старошайговский район Республики Мордовия), Коринский (Шатковский район Нижегородской области), Лобаски (Ичалковский район РМ).

[2] Анютинский (Ардатовский район РМ), Ардатовский (Дубенский район РМ), Атяшевский (Большеберезняковский район РМ), Ачадовский (Зубово-Полянский район РМ), Беловодский (Карсунский район Ульяновской области), Кельгининский (Зубово-Полянский район РМ), Нароватовский (Теньгушевский район РМ), Русско-Маскинский (Ельниковский район РМ), Рузлатский (Лопатинский район Пензенская область), Рыбкинский (Ковылкинский район РМ), Сарлейский (Дальнеконстантиновский район Нижегородская область), Тоторшевский (Ардатовский район Нижегородская область), Мордовско-Паркинский (Краснослободской район РМ), Паевский (Кадошкинский район РМ).

[3] Налитовский (Дубенский район Республики Мордовия), Старо-Яблонский (Саратовская область), Шелехметский (Волжский район Самарская область).

[4] Коноваловский (Борский район Самарская область).

[5] Адашевский (Инсарский район РМ), Больше-Макателемский (Первомайский район Нижегородская область), Бутский (Пензенская область), Дегилевский (Большеберезняковский район РМ), Ново-Пырменский (Кочкуровский район РМ), Привольевский (Краснослободской район РМ), Ревезенский (Перевозский район Нижегородская область), Сучкинский 2 (Саратовская область), Торжок (Вознесенский район Нижегородская область), Черемисский (Ковылкинский район РМ).

[6] Коричневый цвет получался с помощью морены красильной – многолетнего травянистого растения с горизонтальным корневищем и разветвлёнными побегами высотой 1,5–2 м, ее корни содержат красящее вещество.

[7] Адашевский (Степанов, 1940), Ачадовский (Вихляев, 1985), Бутский (Алихова, 1927), Вертелимский (Циркин, 1965), Кельгининский (Циркин, 1966; Вихляев, 1994–1996), Лобаски (Степанов, 1941), Мордовско-Паркинский (Акимов,1991), Паевский (Степанов, 1940; Акимова,1951), Привольевский (Жиганов, 1958), Рыбкинский (Спицын, 1892), Старо-Яблонский (Радищев, 1914) и Сучкинский 2 (Арзютов, 1929).

[8] Орнаментальные мотивы прослежены по уборам из погребений 9, 25, 32, 61 и 78.

[9] Исключение – убор из погребения 25, где все пространство очелья заполнено горизонтальными полосами вышивки с различным орнаментом

[10] Погребения №№ 9,25 (на пуло), 26, 30, 32, 60

Приложение 1

Список могильников к «Карте месторасположения позднесредневековых могильников мордвы с находками накосника пулокерь»

Appendix 1

List of burial grounds for the "Map of the locationof the Mordovian late medieval burial grounds with the finds of the hair ornament puloker"

1. Адашевский
2. Ачадовский
3. Бутский
4. Вертелимский
5. Кельгининский
6. Мордовско-Паркинский
7. Паевский
8. Привольевский
9. Рыбкинский
10. Сучкинский 2

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Н.А. Археологические исследования Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской АССР. Саранск, 1991. 86 с. // Архив Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Мордовской и Марийской АССР в 1951 году. М., 1951 // Архив ИА РАН. Р-1, № 635.

Алихова А.Е. Краткий отчет о раскопках Бутского мокшанского могильника 17-18 вв. на Просвирниной горе близ г. Наровчата Пензенской губернии в июле 1927 года // Отчет о разведках и раскопках Палеонтологической лаборатории Антропологического института при I МГУ в ЦПО. Л., 1927. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113.

Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Археологический сборник. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. С. 13–54.

Арзютов И.К. Мордва 17-18 вв. (по археологической коллекции Нижне-Волжского краевого музея) // Сборник Нижневолжского краевого музея / Ред. П. Рыков. Саратов: Огиз РСФСР. Н.-Волж. краев. изд-во, 1932. С. 32–56.

Вихляев В.И. Отчет об археологических исследованиях зоны оросительно-осушительной системы «Заря» Зубово-Полянского района Мордовской АССР в 1985. Саранск, 1985. 127 с. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Вихляев В.И. Сводный отчет по проекту К 0014 «Наследие предков (аварийные археологические работы на Кельгининском могильнике в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия)». Этап 2001 г. Саранск, 2001. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Воронина Р.Ф. Средне-цнинская мордва VIII-XI вв. Дисс. … канд. истор. наук. М., 1991. 218 с.

Горюнова Е.И. Коринский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Под общ. ред. Ю.В. Готье [и др.]. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 48–87.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1/ Под общ. ред. Ю.В. Готье [и др.]. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948а. С. 6–47.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции в бассейне р. Мокша в октябре 1958 г. Саранск, 1958 // Архив НИИГН. Д. И-408.

Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы. Автореф. Дисс. … канд. истор. наук. Саранск, 1998. 18 с.

Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельной дачи // Архив РГО. СПб. Р. 34. Оп. 1. № 22.

Козлова Т.А. Традиционные головные уборы мордвы (по материалам мордовского фольклора) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. №. 3 С. 31–32.

Корнишина Г.А. Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 80–89.

Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск: Мордовский ун-т, 2007. 122 с.

Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Кн. изд-во, 1966. 121 с.

Мельников-Печерский П.И. (Андрей Печерский). Очерки Мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. 134 с.

Малкова Н.М. Эволюция мокшанского накосника пулокерь // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева, В.А. Скарбовенко, Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999. С. 216–233.

Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI - начала XIX вв. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 330 с.

Малкова Н.М. Отчёт о раскопках Коноваловского I грунтового могильника в Борском районе Самарской области. Т. 1. Самара. 2000а. 620 с. // Архив науч.- исслед. лаборатории СНИУ.

Малкова Н.М. Шелехметский I грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 299–332.

Малкова Н.М. Мордва на территории Самарского края в эпоху Золотой Орды (XIII-XIV вв.) // Мордва Самарского края: история и традиционная культура / отв. ред. Н.М. Малкова. Самара: Слово, 2021. С. 37–51.

Малкова Н.М. Погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. // Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 7 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: АН РТ, 2022. С. 402–427.

Малкова Н.М., Мишина М.Ю. Головные уборы мордвы-эрзи середины - начала XIX вв. по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых (Самара, 3–5 февраля 1998). Самара: СГПУ, 1998. С. 148–150.

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 244 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Кн. 2. СПб : Печатано при Императорской Академии Наук, 1773. 117 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1958 года в Пензенской области. Пенза, 1958. // Архив научно-исслед. лаборатории СНИУ.

Радищев М. Старо-Яблонский могильник // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1914. С. 145–147.

Спицын А.А. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника СПб., 1892 // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. 94.

Спрыгина Н.И. Одежда мордвы Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии (по материалам экспедиции 1925 года). Пенза: Мысль печатника, 1925. 46 с.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции летом 1940 г. По рекам Мокше и Иссе. Саранск, 1940 // Архив НИИГН. Д. И-63.

Степанов П.Д. Дневник археологических разведок в Ардатовском районе Мордовской АССР 1941 г. Саранск, 1941 // Архив НИИГН. Д. И-136.

Шитов В.Н. Отчет о раскопках Нароватовского могильника. Саранск, 1995. 120 с. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Вертилимского могильника. Саранск, 1965 // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.. 42 с.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Кельгининского могильника. Саранск, 1966. 36 с. // Архив Мордовского Национального исследовательского государственного университета им. Н.П. Огарева. И-1011

Информация об авторе:

Малкова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Центральный государственный архив Самарской области (г. Самара, Россия); flower_nataly@mail.ru

REFERENCES

Akimov, N. A. 1991. *Arkheologicheskie issledovaniya Mordovsko-Parkinskogo mogil'nika v Krasnoslobodskom rayone Mordovskoy ASSR (Archaeological studies of the Mordovskiye Parki burial ground in the Krasnoslobods district of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic).* Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Akimova, M. S. 1951. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Mordovskoy i Mariyskoy ASSR v 1951 godu (Report on archaeological excavations in the Mordovian ASSR and Mari ASSR in 1951).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 635 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1927. In *Otchet o razvedkakh i raskopkakh Paleontologicheskoy laboratorii Antropologicheskogo instituta pri I MGU v TsPO (Report on survey works and excavations of the Paleontological Laboratory of the Anthropological Institute at the I Moscow State University in the Central Industrial Region).* Leningrad. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 2, inv. 1, dossier 113 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People).* Series: Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection) 2. Saransk: Mordovian Book Publ., 13–54 (in Russian).

Arzyutov, I. K. 1932. In Rykov, P. (ed.). *Sbornik Nizhnevolzhskogo kraevogo muzeya (Collection of the Nizhnevolzhsky Museum of Regional Studies).* Saratov: "OGIZ" Publ., 32–56 (in Russian).

Vikhlyaev, V. I. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh zony orositel'no-osushitel'noy sistemy «Zarya» Zubovo-Polyanskogo rayona Mordovskoy ASSR v 1985 (Report on archaeological investigations of the "Zarya" irrigation-drainage system area in the Zubova Polyana district of the Mordovian ASSR in 1985).* Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Vikhlyaev, V. I. 2001. *Svodnyy otchet po proektu K 0014 «Nasledie predkov (avariynye arkheologicheskie raboty na Kel'gininskom mogil'nike v Zubovo-Polyanskom rayone Respubliki Mordoviya)». Etap 2001 g. (Final report on the project K 0014 "Heritage of ancestors (salvage excavations at the Kelginino burial ground in the Zubova Polyana district of the Republic of Mordovia)". 2001 Stage).* Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Voronina, R. F. 1991. *Sredne-tsninskaya mordva VIII-XI vv. (Middle Tsna Mordovians of the VIII-XI centuries).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saransk (in Russian).

Goryunova E.I. 1948. In Got'e, Yu. V. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 48–87 (in Russian).

1948. In Got'e, Yu. V. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 6–47 (in Russian).

Zhiganov, M. F. 1958. *Otchet o rabote Mordovskoy razvedochnoy ekspeditsii v basseyne r. Moksha v oktyabre 1958 g (Report on the work of the Mordovian prospecting expedition in the basin of the Moksha River*

in October 1958). Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-408 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 1998. *Khronologiya i periodizatsiya srednetsninskikh mogil'nikov drevney mordvy (Chronology and periodization of the Middle Tsna burial grounds of the ancient Mordovians).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saransk (in Russian).

Kaminsky, A. 1854. *Kratkiy ocherk byta i sostoyaniya krest'yan Samarskoy udel'noy dachi (Brief outline of the way of life and condition of peasants on the Samara Udelnaya Dacha).* Archive of the Russian Geographical Society. R- 34, inv. 1, dossier 22 (in Russian).

Kozlova, T. A. 2013. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova (Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov)* 19 (3), 31–32 (in Russian).

Kornishina, G. A. 2001. In Belousova, E. A. (comp.). *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoy kul'tury (Motherland, children, lay midwives in the traditions of folk culture).* Moscow: Russian State University for the Humanities, 80–89 (in Russian).

Kornishina, G. A. 2007. *Traditsionno-obryadovaya kul'tura mordvy (Traditional ritual culture of the Mordovians).* Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Kryukova, T. A. 1966. *Mordovskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo (Mordovian folk art).* Saransk: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Mel'nikov-Pecherskiy, P. I. (Andei Pecherskiy). 1981. *Ocherki Mordvy (Essays on the Mordva).* Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Malkova, N. M. 1999. In Matveeva, G. I., Skarbovenko, V. A., Stashenkov, D. A. (eds.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Urals and the Volga Region*). Samara: Samara State University, 216–233in Russian).

Malkova, N. M. 2000. *Pogrebal'nyi obriad i inventar' mogil'nikov erzi i mokshi XVI - nachala XIX vv (The Funeral Rite and Inventory of the Erzi and Moksha Burial Grounds of the 16th – Early 19th Centuries.).* Diss. of Candidate of historical sciences. Samara (in Russian).

Malkova, N. M. 2000. *Otchet o raskopkakh Konovalovskogo I gruntovogo mogil'nika v Borskom rayone Samarskoy oblasti (Report on the excavations of the Konovalovka I ground burial ground in the Borskoye district of the Samara region)* Vol. 1. Samara. Archive of the Scientific Research Laboratory of Samara National Research University (in Russian).

Malkova, N. M. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 299–332 (in Russian).

Malkova, N. M. 2021. In Malkova, N. M. (ed.). Mordva Samarskogo kraya: istoriya i traditsionnaya kul'tura (Mordovia of the Samara Region: history and traditional culture). Samara: "Slovo" Publ., 37–51 (in Russian).

Malkova, N. M. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Pozdnee srednevekov'e (seredina XV–XVII vv.) (Late Middle Ages (mid XV–XVII centuries))*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 7. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 402–427 (in Russian).

Malkova, N. M., Mishina, M. Yu. 1998. In *Materialy XXX Uralo-Povolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii molodykh uchenykh (Samara, 3–5 fevralya 1998) (Proceedings of the XXX Ural-Volga Archaeological Conference of Young Scientists (Samara, February 3-5, 1998))*. Samara: Samara State Pedagogical University, 148–150 (in Russian).

Mokshin, N. F. 1998. *Religioznye verovaniya mordvy (Religious beliefs of the Mordovians).* Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire).* Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1958. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1958 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological studies in the Penza region in 1958)*. Penza. Archive of the Scientific Research Laboratory of Samara National Research University (in Russian).

Radishchev, M. 1914. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 31. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 145–472 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1892. *Otchet o raskopkakh Rybkinskogo mogil'nika (Report on the excavations of the Rybkino burial ground).* Saint Petersburg. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 1, dossier 94 (in Russian).

Sprygina, N. I. 1925. *Odezhda mordvy Krasnoslobodskogo i Bednodem'yanovskogo uezdov Penzen-skoy gubernii (po materialam ekspeditsii 1925 goda) (Clothing of the Mordovians of the Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsk districts of the Penza Governorate (based on the materials of the 1925 expedition)).* Penza: "Mysl' pechatnika" Publ. (in Russian).

Stepanov, P. D. 1940. *Otchet o rabote arkheologicheskoy razvedochnoy ekspeditsii letom 1940 g. Po rekam Mokshe i Isse (Report on the work of the archaeological prospecting expedition in the summer of 1940).* Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-63 (in Russian).

Stepanov, P. D. 1941. *Dnevnik arkheologicheskikh razvedok v Ardatovskom rayone Mordovskoy ASSR 1941 g. (Notebook of archaeological prospectings in the Ardatov district of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941).* Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-136 (in Russian).

Shitov, V. N. 1995. *Otchet o raskopkakh Narovatovskogo mogil'nika (Report on the excavations at the Narovatovo burial ground).* Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1965. *Otchet o raskopkakh Vertilimskogo mogil'nika (Report on the excavations at the Vertilim burial ground).* Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, dossier И-988 (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1966. *Otchet o raskopkakh Kel'gininskogo mogil'nika (Report on the excavations at the Kelginino burial ground).* Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, dossier И-1011 (in Russian).

About the Author:

Malkova Natalia M., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Kalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; The Central State Archive of the Samara region. Michurin, 58, litera AA1A2, Samara, 443096, Russian Federation; flower_nataly@mail.ru

Статья поступила в журнал 18.12.2024 г.
Статья принята к публикации 07.07.2025 г.

УДК 930.1:902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.309.318

ПЕРЕПИСКА К.Ф. СМИРНОВА И С.А. ПОПОВА В АРХИВЕ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В 1950-70-Е ГОДЫ

©2025 г. А.А. Евгеньев

В статье анализируется комплекс писем известного советского археолога К.Ф. Смирнова оренбургскому музейному работнику С.А. Попову, выявленный в фондах Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Автором рассмотрены информационные возможности эпистолярного наследия, качественно дополняющего опубликованные и архивные источники об организации археологических исследований на Южном Урале во второй половине XX века. Благодаря изучению переписки выявляется конкретное содержание работы К.Ф. Смирнова над его ключевыми статьями и монографиями, его научные планы и многое другое, что невозможно восстановить только на основе опубликованных материалов. В научный оборот вводится одно из писем К.Ф. Смирнова, характеризующее организацию работы Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР.

Ключевые слова: научная переписка, К.Ф. Смирнов, С.А. Попов, Южный Урал, Институт археологии АН СССР, Оренбургский краеведческий музей, Южно-Уральская (Оренбургская) археологическая экспедиция

CORRESPONDENCE BETWEEN K.F. SMIRNOV AND S.A. POPOV IN THE ARCHIVE OF THE ORENBURG GOVERNOR MUSEUM FOR HISTORY AND REGIONAL STUDIES AS A SOURCE ON THE HISTORY OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE 1950S-70S

A.A. Evgeniev

The article analyzes the letters from the famous Soviet archaeologist K.F. Smirnov to the Orenburg museum employee S.A. Popov, which were found in the holdings of the Orenburg governor museum for history and regional studies. The author examines the informational potential of this epistolary heritage, which provides a significant supplement to published and archival sources on the organisation of archaeological research in the Southern Urals during the second half of the 20th century. The study of this correspondence reveals specific details about K.F. Smirnov's work on his key articles and monographs, his research plans, and other aspects that cannot be reconstructed solely from published materials. One of K.F. Smirnov's letters, characterizing the organization of the work of the Southern Ural archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, is introduced into scientific discourse.

Keywords: scientific correspondence, K.F. Smirnov, S.A. Popov, Southern Urals, Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, Orenburg museum for regional studies, Southern Ural (Orenburg) archaeological expedition.

Для истории и археологии Южного Урала представляет значительную ценность фонд, отложившийся в архиве Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, сформированный благодаря многолетней деятельности музейного работника, краеведа, археолога и историка Сергея Александровича Попова. В нем присутствуют документы, касающиеся заселения Оренбургского края, восстания Емельяна Пугачева и других сюжетов оренбургской истории, но также в деятельности С.А. Попова значительное место занимала археология, этим и обусловлено обращение к этому архивному комплексу.

Сергей Александрович Попов (1905–1986)[1] являлся сотрудником Оренбургского краеведческого музея (далее – ОКМ) в 1948–1983 годах, активно участвовал в археологическом обследовании Оренбургской области, сборе информации об археологических находках,

а с началом в 1956 году работ Южно-Уральской (Чкаловской, Оренбургской) экспедиции ИА АН СССР стал их активным участником вплоть до 1974 года Фактически С.А. Попов стал неизменным помощником руководителей экспедиции – К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой.

В бытность сотрудником музея С.А. Попов со свойственной ему кропотливостью систематизировал собственный архив. Документы им были разделены по папкам по тематическому принципу. Отдельный блок архива Попова – переписка с историками, литературоведами и археологами. Среди писем, адресованных С.А. Попову, можно встретить письма Н.А. Мажитова, П.Ф. Ищерикова и других исследователей (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. С. 40–44). Наибольшее число писем археологической тематики связано с участниками Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедиции – К.Ф. Смирновым, Е.Е. Кузьминой, М.Г. Мошковой, Э.А. Фёдоровой-Давыдовой, Л.Н. Петровым. Среди них наиболее многочисленны письма Константина Фёдоровича Смирнова, систематизированные по четырем папкам по хронологическому принципу (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239–242).

Всего в архиве С.А. Попова сохранилось 130 писем К.Ф. Смирнова. Кроме писем собственно Смирнова Попову, также в архиве отложились:

– 5 писем К.Ф. Смирнова директорам Оренбургского музея в разные годы А.Я. Борисову (1957, 1958) и В.Г. Синельникову (1971) (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 1–3об, 7–7об, 21–21об; АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 12);

– письмо С.А. Попову от Н.Л. Членовой, посвященное разбору Гумаровской стелы (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 51);

– письмо С.А. Попову от М.Г. Мошковой (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 66–66об);

– 6 писем С.А. Попову от сына К.Ф. Смирнова художника А.К. Смирнова (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 2–4, 7, 11–13, 24–27);

– 2 письма С.А. Попову и его супруге от сына К.Ф. Смирнова Николая, извещающие о смерти ученого (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 62–64).

Рис. 1. К.Ф. Смирнов и С.А. Попов на раскопках Ново-Кумакского могильника (1973 год). Фото из архива археологической лаборатории ОГПУ.
Fig. 1. K.F. Smirnov and S.A. Popov at the excavations of the Novy Kumak burial ground (1973). Photo from the archive of the OSPU archaeological laboratory.

За исключением 1966 года, за который по каким-то причинам не сохранилось ни одного письма, К.Ф. Смирнов писал своему респонденту не менее 2-3 раз в год, а в годы крупных экспедиций (1960, 1973, 1974) – до 10 раз. Не прекратилась переписка двух друзей (а Смирнов неоднократно говорит о дружбе с оренбургским краеведом) и после свертывания работ ЮУАЭ в Оренбуржье, вплоть до самой смерти Смирнова в 1980 году.

Контент-анализ писем выявил основную проблематику писем К.Ф. Смирнова. Предсказуемо главную роль играет обсуждение финансовых, организационных и кадровых вопросов экспедиции, возложенных на оренбургского краеведа. Очень показательно в этом плане письмо от 31.01.1960, где представлена информация обо всех направлениях деятельности Попова (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 23–25об). Это письмо в качестве примера анализируемой переписки

Рис. 2. К.Ф. Смирнов и С.А. Попов (в центре) в составе Оренбургского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР (1964 год). Также на фото присутствуют, справа от К.Ф. Смирнова: М.П. Абрамова, Л.П. Оплачко (Лукьянова), Э.А. Фёдорова-Давыдова. Фото из архива участника экспедиции Г.С. Немальцева.

Fig. 2. K.F. Smirnov and S.A. Popov (center) - members of the Orenburg team of the South Ural archaeological expedition of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences (1964). Also in the photo, to the right of K.F. Smirnov: M.P. Abramova, L.P. Oplachko (Lukyanova), E.A. Fyodorova-Davydova. Photo from the archive of expedition participant G.S. Nemaltsev.

приводится полностью в приложении к настоящей статье (прил. 1).

Первый момент – это финансовая составляющая экспедиции, в письмах присутствует различная информация, в том числе о стоимости проведения экспедиции и всех необходимых производственных затратах. Южно-Уральская экспедиция, как правило, финансировалась минимум из двух источников – ИА АН СССР и ОКМ, в разные годы добавлялись другие источники финансирования (ГИМ, Орский музей, ВООПИК и т.д.). Финансирование экспедиции так или иначе упоминается не менее чем в 35 письмах. В упомянутом письме для экспедиции 1960 года пишется об институтских 55000 (15000 на Еленовский отряд) и музейных 25000 рублей. Впрочем, подобные суммы были для экспедиций Смирнова скорее редкостью, в 1960 году благодаря таким тратам были раскопаны могильники Пятимары, Увак, Мечет-сай. Чаще всего Институт либо не давал финансирования, и тогда, как в конце 1960-х годов, экспедиции не проводились, либо основную долю финансирования на себя принимал именно музей.

Второй момент – организационные вопросы, которым посвящено не менее 45 писем К.Ф. Смирнова. Согласно вышеупомянутому письму восстанавливается сфера ответственности С.А. Попова: экспедиционное снаряжение и оборудование (за исключением профессионального оборудования из Института), решение вопросов с землеройной техникой, сопровождение экспедиции автомашиной, закупка продуктов, наем кухарки и завхоза. Сюда же примыкают кадровые вопросы. Со Смирновым из Москвы приезжали научные сотрудники, художник, топограф, реставратор, иные специалисты узкой направленности. Большая часть экспедиционных работников физического труда собиралась в Оренбурге стараниями Попова, а в 60-70-е годы – также Т.П. Оплачко (Лукьяновой). В большинстве своем это были студенты и учащиеся вузов и школ Оренбурга и добровольцы.

Весь цикл работы на памятнике от организации экспедиции до передачи находок в Оренбургский музей обсуждался Смирновым с Поповым. Коллекции из раскопок Смирнова в настоящее время представлены в экспозиции и фондах ОГИКМ, но первоначально они, конечно, обрабатывались в Институте археологии в процессе подготовки отчета, и лишь затем с различными оказиями передавались в Оренбург. Помимо раскопочных материалов, в переписке Смирнова и Попова фигурируют и другие находки. Во-первых, Смирнов нередко обращался к Попову с просьбой о консультации по тем или иным хранящимся в фондах музея находках – как, например, серьгой из могильника Сара, раскопанного в 1920-е годы музейным работником Д.И. Захаровым (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 43–43об). А во-вторых, С.А. Попов организовал качественный сбор информации о случайных находках по всей области, периодически справлялся у К.Ф. Смирнова о культурно-хронологической интерпретации тех или иных находках. Одной из таких находок был, в частности, алебастровый сосуд с надписью «Артаксеркс, царь великий», благодаря обнаружению которого стали возможны трехлетние раскопки Ново-Кумакского могильника (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 9–10).

В связи с этими раскопками особо следует остановиться на проблеме охраны археологических памятников и охранных исследованиях по данным переписки Смирнова и Попова. Вторая половина XX века вплоть до вступления в силу закона 1976 года – период, не слишком богатый на мероприятия по охране археологического наследия. Экспедиция ИА АН СССР – классическая академическая экспедиция, занимавшаяся исследованием памятников в рамках научных интересов сотрудников Института, но мало внимания уделявшая разрушающимся памятникам. По сути, С.А. Попов в одиночку занимался в Оренбуржье сохранением археологического наследия, начиная с конца 1960-х годов – в рамках Оренбургского отделения ВООПИК. В архиве Попова сохранилось множество карточек с информацией о выявленных памятниках, в том числе разрушающихся, о случайных находках, в том числе в рамках культурных слоев. В 1968 году Попов обратился к Смирнову с просьбой о содействии включению оренбургских археологических памятников в список памятников союзного значения. К.Ф. Смирнов считал возможным включить в этот список лишь «наиболее важные с точки зрения их исторического значения, с хорошей стратиграфией, внешне выразительные и содержащие художественные ценности» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 32). К таковым он относил городища (в частности, Сакмарское), древние рудники и крупные курганные группы (Пятимары, курганы под Бузулуком и Орском).

Практика привлечения хоздоговорных средств к финансированию раскопок в Оренбуржье не сложилась. К.Ф. Смирнов, не получив достаточного финансирования от Института, гипотетически писал: «может быть, нам удастся получить денежки от какого-нибудь местного строительства… ссылаясь на Закон об охране исторических памятников от 1948 года» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 6). В 1961 году Смирнов прямо писал о несовершенстве законодательства, цитируя возглавлявшего Комитет по новостройкам А.П. Смирнова: «закон об охране памятников очень расплывчат и неопределенен» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 39).

Случай использовать закон подвернулся лишь в 1971 году, когда строительство Орского завода тракторных прицепов предваряли раскопки Ново-Кумакского могильника. Однако из переписки мы узнаем, что в этих раскопках всё было не так благополучно. В первый год работ экспедиция получила достаточное финансирование, во многом благодаря административному ресурсу Б.А. Рыбакова, обратившемуся в инспекцию по охране памятников истории и культуры Минкульта СССР (И.В. Маковецкий). Однако в дальнейшем хозяйствующие субъекты просто отказались оплачивать раскопки. К.Ф. Смирнов пишет об этом так: «постановление правительства об охране памятников, поскольку оно расплывчато, банк трактует по-своему – дескать он не обязан платить» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 28). Вполне обычная ситуация для начала 1970-х годов, ведь и после принятия закона 1976 года, прописывающего процедуру охранных раскопок, долгое время механизм обязательных новостроечных исследований не работал (Хмелевская, Евгеньев, 2023).

Полевые исследования, организация экспедиции, комплектование фондов – этим далеко не исчерпывались общие темы Смирнова и Попова. Находится место на страницах писем и научным вопросам, и вопросам публикаций – как совместных, так и каждого из корреспондентов. Обсуждению подлежали совместные статьи как в местной прессе, так и в научных сборниках (например, «Сарматское святилище огня») (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 28). По всей видимости, именно с подачи Смирнова С.А. Попов написал самую известную свою работу – научно-популярную книгу «Тайны Пятимаров» (Попов, 1982). В одном из писем Смирнов упоминал об идее написания научно-популярной книги: «Очень жаль, что не могу сейчас уделить времени для популярной книги по археологии Оренбургской области в духе работ К.В. Сальникова… Очень надеюсь, что Вы возьметесь за такую книгу, не дожидаясь меня. Ведь действительно книга очень нужна» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 31об). На пути к изданию книги, согласно переписке, Смирнов оказывал значительную помощь, прежде всего научно-консультативную. Фотоиллюстрации к книге были получены от одного из научных сотрудников Л.Н. Петрова, штатного фотографа экспедиции. Попов также обращался к Смирнову за консультацией по своим раскопкам в 1968-70 годах. Один из памятников, раскопанных им, – золотоордынский мавзолей Тептяри, и из переписки следует, что К.Ф. Смирнов по просьбе Попова показывал его материалы С.А. Плетневой и Г.А. Фёдорову-Давыдову (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 60, 62об).

Однако, пожалуй, наиболее ценна та часть переписки, которая касается научных планов и научных публикаций самого К.Ф. Смирнова. Из писем можно получить довольно подробную информацию о творческой кухне Смирнова. В марте 1960 года он жаловался Попову, что его книга «распухает», написано 32 авторских листа и планируется не менее 10, и именно в этой связи Смирнов принял решение опубликовать часть монографии в виде работы «Вооружение савроматов» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 31). Но и несмотря на издание «Вооружения савроматов», «распухание» не прекратилось, в сентябре 1962 года Смирнов писал о монографии в 50 листов, которую из-за требований издательства он разделил на две части – «Историография, источники и хронология савроматской культуры» и «Савроматы (ранняя история и культура сарматов)» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 3). В итоге, как известно, была издана последняя, вобравшая в итоге часть проблематики, заявленной в первой.

В 1972 году К.Ф. Смирнов писал о завершении темы «Азиатская Сарматия IV в. до н. э. – II в. н. э. (по погребальному обряду)», но всё по той же причине избыточности текста не смог ее опубликовать в полной мере и решил публиковать отдельными статьями (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 23). Также в переписке освещена и подготовка к публикации «Сарматов на Илеке» и работы «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии». Так, например, К.Ф. Смирнов жаловался, что Б.А. Рыбаков отказывается печатать «Сарматов на Илеке» по причине того, что «сарматы» много печатаются и подождут» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 44). В итоге этот отказ привел к обратному эффекту: Смирнов организовал посвященный сарматской тематике сборник «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени» (1972), в котором материалы экспедиции Смирнова (Новый Кумак, Аландское) занимали достойное место.

О работе экспедиций К.Ф. Смирнова, их результатах, интерпретации материалов известно достаточно. Тем интереснее узнать, благодаря анализируемой переписке, о том, какие исследовательские планы были у К.Ф. Смирнова, что было задумано, но не реализовано. Такие планы он обсуждал с Поповым неоднократно. Так, в 1963 году он высказывал мысль о рекогносцировочных раскопках на Сакмарском городище (частично исследовано в 1975 году Н.А. Мажитовым), о раскопках каменных курганов в месте обнаружения Поповым Гумаровской стелы (раскопаны в 1979–1980 году Р.Б. Исмагиловым) (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240, л. 3–3об). В мае 1971 года, когда еще не был обнаружен египетский сосуд, давший старт раскопкам Ново-Кумакского могильника, Смирнов писал о планах разведочных исследований в Северном и Шарлыкском районах – «белых пятнах» археологии Оренбуржья. В том же письме выдвигалась развернутая программа археологических исследований на

несколько лет вперед: 1) КМ Тара-Бутак на землях колхоза «Дружба», 2) курганы эпохи бронзы и РЖВ близ Илека, 3) курганы у Нежинки и Благословенки, исследованные в 1920-е Граковым, 4) курганы по р. Бердянке, 5) Дедуровский мар, 6) курганы на р. Бурте у Беляевки (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 7–7об). В 1972 году, в разгар работ под Орском, К.Ф. Смирнов писал о возможности археологической разведки в месте строительства проектируемого Сорочинского водохранилища (такие исследования были проведены в 1976–1978 году Средневолжской археологической экспедицией) (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 23об). Всем этим планам не суждено было сбыться, после 1974 года Смирнов исследования в Оренбуржье не проводил.

При этом К.Ф. Смирнов неоднократно писал о том значении, какое для его научной деятельности имеют «благотворные степи Оренбуржья». Пожалуй, наиболее показательное «признание в любви» состоялось в 1971 году, в преддверии возвращения Смирнова в южноуральские степи. За несколько лет до этого, в августе 1968 года у Смирнова произошло нарушение мозгового кровообращения, приведшее к частичному правостороннему параличу. По этой причине руководство Института археологии запретило Смирнову участвовать в экспедициях, и лишь в 1971 году ему было позволено организовать здесь раскопки. Об этом с характерным юмором сам Смирнов пишет: «Никогда с таким наслаждением я не писал письмо, кроме любовных (некогда своей собственной жене), как это делаю сейчас. Ура! Мне разрешили провести небольшую экспедицию в Оренбургской области» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 3). В дальнейшем от Смирнова также звучали слова признательности региону за его научные успехи. Когда в 1974 году состоялась его последняя экспедиция в Оренбуржье, он писал, что «жаль расставаться с тем, к чему привык за долгие годы, здесь вырос и состарился» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241, л. 43).

Несмотря на то, что совместные экспедиции Попова и Смирнова завершились, два исследователя не прекратили переписку. Смирнов продолжал рассказывать о своих научных достижениях, публикациях, экспедициях с его участием в других регионах. Переписка к концу 1970-х становилась еще более личной. Смирнов рассказывал о своем состоянии здоровья (а за время переписки с ним случилось два микроинсульта), о семье, о поездках на отдых, помогал бытовыми советами Попову и его жене. Отдельный сюжет – работа сына К.Ф. Смирнова Александра над полотном для музея на сарматскую тематику. Неизвестно, как сложилось бы сотрудничество А.К. Смирнова и Оренбургского музея, если бы не его безвременная кончина в декабре 1976 года, во многом надломившая К.Ф. Смирнова. Судя по письмам последних лет, он порывался вернуться на Южный Урал, предполагая сотрудничество с Б.Ф. Железчиковым в Уральске, Н.Л. Габелко (Моргуновой) в Оренбурге или Н.А. Мажитовым в Уфе (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 49). Однако этого не случилось.

В ставшем последним письме Попову Смирнов писал: «Крепко Вас обнимаю и остаюсь до конца жизни Вашим ближайшим другом» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242, л. 60). Именно дружеские отношения – так можно охарактеризовать взаимодействие этих двух личностей, причем об этом писал Смирнов еще в первые годы общения с оренбургским краеведом (в 1958 году): «Мне очень приятно, что я так тесно сдружился на почве совместной работы с Вами и коллективом музея и надеюсь, что мы еще многие годы будем совместно плодотворно работать по археологическому исследованию Чкаловской области» (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 18).

Таким образом, на примере переписки К.Ф. Смирнова и С.А. Попова мы видим, как изучение эпистолярного наследия ученых дает возможность составить целостное представление о жизни археологического сообщества, предоставляет информацию, не отраженную в научных публикациях и отчетах. Можно полагать, что полноценная публикация переписки С.А. Попова с археологами, в которой центральное место занимают письма К.Ф. Смирнова, будет представлять несомненный интерес для истории археологической науки.

Примечание:

[1] Подробно о жизни и деятельности С.А. Попова см.:(Зобов, 2007; Евгеньев, 2014; Трегубов, 2001)

Приложение 1. Письмо К.Ф. Смирнова С.А. Попову от 31.01.1960 г.

Дорогой Сергей Александрович!

Как Вы обрадовали меня своим последним письмом! Я задержался с ответом, ожидая распределения Институтских средств на экспедиции этого года. Вчера дирекция Ин[ститу] та рассматривала этот вопрос и отпустила на Оренбургскую экспедицию 55000, из которых 15000 Е.Е. Кузьминой на самостоятельный Еленовский отряд и 40000 на раскопки курганов на Илеке, где работу буду возглавлять я с Вашим участием, а также с участием М.Г. Мошковой и Э.А. Фёдоровой-Давыдовой, которая возглавляет отряд ГИМ со своими средствами для раскопок Увакского мог[ильни]ка и курганов внизу между Кумаком и Черным Яром. Все будем жить единым лагерем (конечно, кроме Кузьминой, у которой будет своя автомашина). Если Музей, кроме 25000, сможет отпустить еще указанную Вами в письме сумму, то мы сможем развернуть очень большую стационарную работу. Очень, очень нужна техника! Без нее мы не осилим поставленной перед собой задачи – раскопать большие курганы, разнести Тара-Бутак и Мечет-Сай. Нужен мощный скрепер (и лучше два), в крайнем случае – бульдозер.

Второй крупный вопрос – рабочая сила. В этом отношении Вы меня успокаиваете, проводя соответствующую работу с оренбургскими студентами. Нам необходимо при наличии техники не менее 20–25 крепких парней, из них не менее 8 человек для Лоры ***[Э.А. Фёдоровой-Давыдовой. – А.Е.].***

Я очень хотел бы, чтобы Вы провели соответствующий отбор среди желающих принять участие в экспедиции студентов. Мне известно, что в прошлом году не все одинаково работали. Поэтому из старого состава надо отобрать наилучших.

Третий вопрос – организация экспедиционного лагеря. Надо реализовать все имеющиеся у Вас палатки, спальные мешки, кухонное оборудование. Вообще в отношении оборудования экспедиции мы должны договориться заранее. Вскоре я вышлю Вам список необходимого оборудования, чтобы выяснить, что везти с собой, а что можно достать в Оренбурге. То же и с продовольствием, но это уже поближе к началу экспедиции. Необходима <u>хорошая кухарка</u> и даже <u>лучше две</u> – одной будет трудно справиться в большом коллективе, который может превышать 30 человек. <u>Совершенно необходим хозяйственник</u>. ***[Подчеркивание в тексте – К.Ф. Смирнова. – А.Е.].*** *Очень прошу совместно с К.Н. Пономаревым[1] подобрать надежного человека, энергичного, расторопного, честного, который мог бы добывать продукты, вести переговоры с колхозом, районными организациями по всяким хозяйственным вопросам.*

Одновременно я посылаю письмо К.Н. Пономареву, где пишу о деньгах, технике, археологической конференции и пр.

Теперь о конференции. Идею ее организации очень одобряю. О точном сроке ее созыва сейчас сказать трудно[2]. Ориентировочно я бы предложил конец этого года или начало будущего, когда будут подытожены результаты работы экспедиции этого года. Если К.В. Сальников[3] не сможет принять в ней участие, то я предложил бы выдвинуть докладчиком Э.А. Фёдорову-Давыдову (по проблемам эпохи бронзы) – она работает серьезно и продолжит исследование памятников эпохи бронзы и более ранних[4]. Очень хотел бы, чтобы Вы выступили по проблемам средневековой археологии области и этнографии. Обо всем точно и подробно поговорим на пленуме и в период экспедиции.

Пленум состоится в Киеве, ориентировочно намечается на 20/IV. Я хочу выступить там с докладом «О характере хозяйства ранних кочевников (по материалам сарматской культуры)»[5].

Ну вот пока всё. Очень жду Вашего письма.

С дружеским приветом Ваш [подпись – К.Ф. Смирнов]

31.I–60 г.

P.S. Забыл вот о чем. Необходимо заранее через Облисполком, на основе Закона об охране истории[ческих] памятников освободить от засева территории Мечетсайского, Тарабутакского мог[ильни]ков и Пятимаров, чтобы беспрепятственно начать в июле там раскопки. Очень прошу выяснить вопрос о состоянии этих могильников к моменту раскопок.

Текст воспроизводится по: (АОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 23-25об)

Примечания:

[1] Константин Николаевич Пономарев – директор Оренбургского краеведческого музея в 1960-е годы.

[2] Первая Оренбургская историко-археологическая конференция по вопросу «Состояние и задачи историко-археологического изучения Оренбургской области» состоялась в Оренбурге в марте 1961 года (Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239, л. 38). Организатором ее выступил Оренбургский краеведческий музей в лице С.А. Попова, доклады были сделаны К.Ф. Смирновым, М.Г. Мошковой, Э.А. Фёдоровой-Давыдовой, Е.Е. Кузьминой, К.В. Сальниковым, музейными и архивными работниками Оренбурга (Тезисы, 1961).

[3] Константин Владимирович Сальников (1900-1967) – выдающийся советский археолог, внесший значительный вклад в исследование проблем археологии бронзового века Южного Урала. Его жизнь и научная деятельность отражена в серии работ (Евгеньев, 2021; Зобов, 2000; Мельникова, 2007; Моргунова, 2000; Рыбаков и др., 1967; Творческий путь, 1968).

[4] Элеонора Александровна Фёдорова-Давыдова являлась одним из соруководителей Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР, в разные годы возглавляя отряды по исследованию Ново-Белогорского и Уракского могильников или руководя раскопами в экспедиции К.Ф. Смирнова. На базе проведенных в Оренбуржье исследований сложилась ее концепция позднего бронзового века Южного Приуралья, отраженная в кандидатской диссертации и серии публикаций (Архив ИА РАН. Р-2. № 2586; Фёдорова-Давыдова, 1964, 1971, 1973). В совокупности с исследованиями Е.Е. Кузьминой в восточном Оренбуржье научная деятельность Э.А. Фёдоровой-Давыдовой способствовала уточнению и пересмотру концепции бронзового века К.В. Сальникова.

[5] Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, пленум Института археологии АН СССР и X конференция Института археологии АН УССР состоялись 5-10 мая 1960 г. в Киеве. К.Ф. Смирнов выступил с докладом «Характер хозяйства ранних номадов». По итогам работ в Оренбургской области выступали также М.Г. Мошкова и Э.А. Фёдорова-Давыдова (Максимов, 1961, с. 309).

ЛИТЕРАТУРА

Евгеньев А.А. Сергей Александрович Попов и его вклад в изучение археологического наследия Южного Приуралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 4 (12). С. 112–119. Доступно по URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/Yevgenyev4-12.html

Евгеньев А.А. Константин Владимирович Сальников: материалы к биографии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 4(40). С. 42–58. Доступно по URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/4_4_2021.html

Зобов Ю.С. Константин Владимирович Сальников: вехи жизненного пути (1900-1966) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 6–9.

Зобов Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. Оренбург: ОГПУ, 2007. 427 с.

Максимов Е.В. Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР // Советская археология. 1961. №1. С. 306–311.

Мельникова О.М. К.В. Сальников как педагог высшей школы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: сб. ст. Уфа: Китап, 2007. С. 15–21.

Моргунова Н.Л. Константин Владимирович Сальников (1900–1966) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 3–5.

Попов Сергей Александрович. Опись №1 документов личного фонда за 1939–1986 гг. // Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1.

Попов Сергей Александрович. Материалы исторических исследований. Личная переписка. Письма Смирнова Константина Фёдоровича [1956–1961 гг.] // Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 239.

Попов Сергей Александрович. Материалы исторических исследований. Личная переписка. Письма Смирнова Константина Фёдоровича [1962–1970 гг.] // Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 240.

Попов Сергей Александрович. Материалы исторических исследований. Личная переписка. Письма Смирнова Константина Фёдоровича [1971–1974 гг.] // Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 241.

Попов Сергей Александрович. Материалы исторических исследований. Личная переписка. Письма Смирнова Константина Фёдоровича [1975–1980 гг.] // Архив ОГИКМ. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 242.

Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. 248 с.

Рыбаков Б.А., Крупнов Е.И., Бадер О.Н., Смирнов А.П., Халиков А.Х., Харисов А.И., Кузеев Р.Г., Мажитов Н.А., Бикбулатов Н.В., Матюшин Г.Н., Пшеничнюк А.Х. К. В. Сальников // Советская археология. 1967. № 1. С. 322.

Творческий путь Константина Владимировича Сальникова // Археология и этнография Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1968. Т. 3. С. 7–11.

Тезисы докладов на Первой Оренбургской историко-археологической конференции по вопросу «Состояние и задачи историко-археологического изучения Оренбургской области». Оренбург, 1961. 29 с.

Трегубов В.Е. Археологическое наследие С.А. Попова // Из истории музея: 1831–2001 / Отв. ред. Н.А. Еремина. Оренбург: ОГАУ, 2001. С. 74–82.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Дисс. … к. и. н. (на правах рукописи) // Архив ИА РАН. Р-2. № 2586.

Фёдорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Вып. 2. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 84–92.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. : Советская Россия, 1971. С. 46–60.

Фёдорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 133–152.

Хмелевская О.Е., Евгеньев А.А. Проблема охраны памятников археологии Оренбургской области в 1990-е годы и пути ее решения на законодательном уровне // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 200–218. Доступно по URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/13_45_2023.pdf

Информация об авторе:

Евгеньев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); oren-arch@mail.ru

REFERENCES

Evgeniev, A. A. 2014. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik of Orenburg State Pedagogical University)* 4 (12), 112–119 (in Russian).

Evgeniev, A. A. 2021. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik of Orenburg State Pedagogical University)* 4 (40), 42–58 (in Russian).

Zobov, Yu. S. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 6–9 (in Russian).

Zobov, Yu. S. 2007. *Istoriki i issledovateli Orenburgskogo kraya. Istoriko-biograficheskie ocherki (Historians and researchers of the Orenburg region. Historical and biographical essay).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Maksimov, E. V. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 306–311 (in Russian).

Melnikova, O. M. 2007. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya (Formation and interaction of the Uralic peoples in the changing ethnocultural environment of Eurasia: issues of study and historiography).* Ufa: "Kitap" Publ., 15–21 (in Russian)

Morgunova, N. L. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 3–5 (in Russian).

Popov Sergey Aleksandrovich. Opis' №1 dokumentov lichnogo fonda za 1939–1986 gg. (Popov Sergey Aleksandrovich. Inventory No. 1 of documents from the personal collection for the years 1939–1986.). Archive of the OSIKM. The S.A. Popov Foundation. Inv. 1 (in Russian).

Popov Sergey Aleksandrovich. Materialy istoricheskikh issledovaniy. Lichnaya perepiska. Pis'ma Smirnova Konstantina Fedorovicha [1956–1961 gg.] (Popov, Sergey Aleksandrovich. Materials of historical research. Personal correspondence. Konstantin Fedorovich Smirnov's letters [1956-1961]). Archive of the OSIKM. The S.A. Popov Foundation. Inv. 1, dossier 239 (in Russian).

Popov Sergey Aleksandrovich. Materialy istoricheskikh issledovaniy. Lichnaya perepiska. Pis'ma Smirnova Konstantina Fedorovicha [1962–1970 gg.] (Popov, Sergey Alexandrovich. Materials of historical research.

Personal correspondence. Konstantin Fedorovich Smirnov's letters [1962-1970]). Archive of the OSIKM. The S.A. Popov Foundation. Inv. 1, dossier 240 (in Russian).

Popov Sergey Aleksandrovich. Materialy istoricheskikh issledovaniy. Lichnaya perepiska. Pis'ma Smirnova Konstantina Fedorovicha [1971–1974 gg.] (Popov, Sergey Alexandrovich. Materials of historical research. Personal correspondence. Letters of Konstantin Fedorovich Smirnov [1971-1974]). Archive of the OSIKM. The S.A. Popov Foundation. Inv. 1, dossier 241 (in Russian).

Popov Sergey Aleksandrovich. Materialy istoricheskikh issledovaniy. Lichnaya perepiska. Pis'ma Smirnova Konstantina Fedorovicha [1975–1980 gg.] (Popov, Sergey Alexandrovich. Materials of historical research. Personal correspondence. Letters of Konstantin Fedorovich Smirnov [1975-1980]). Archive of the OSIKM. The S.A. Popov Foundation. Inv. 1, dossier 241 (in Russian).

Popov S.A. Tajny Pyatimarov. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1982. 248 s.

Rubakov,, B. A., Krupnov, E. I., Bader, O. N., Smirnov, A. P., Khalikov, A. kh., Kharisov, A. I., Kuzeev, R. G., Mazitov, N. A., Bikbulatov, N. V., Matyushin, G. N., Pshenichuk, A. Kh. 1967. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 322–323 (in Russian).

In Kuzeev, R. G. (ed.). 1968. *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–11 (in Russian).

1961. *Tezisy dokladov na Pervoy Orenburgskoy istoriko-arkheologicheskoy konferentsii po voprosu «Sostoyanie i zadachi istoriko-arkheologicheskogo izucheniya Orenburgskoy oblasti» (Abstracts of reports at the First Orenburg Historical and Archaeological Conference on the issue "The state and objectives of the historical and archaeological study of the Orenburg region").* Orenburg (in Russia).

Tregubov, V. E. 2001. In Eremina, N. A. (ed.). *Iz istorii muzeya: 1831–2001 (From the history of the museum: 1831-2001)*. Orenburg, 74–82 (in Russian).

Fedorova-Davydova, E. A. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II . Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 84–92 (in Russian).

Fedorova-Davydova, E. A. 1968. *Plemena Yuzhnogo Priural'ya v epokhu bronzy (Tribes of the Southern Urals in the Bronze Age).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.R-2, no. 2586 (in Russian).

Fedorova-Davydova, E. A. 1971. In Oreshnikov, S. M. (ed.). *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym (History and culture of Eastern Europe based on archaeological data).* Moscow: "Sovetskaya Rossiya" Publ., 46–60 (in Russian).

Fedorova-Davydova, E.A. 1973. In Smirnov, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii Urala i Sibiri (Issues of the archaeology of the Urals and Siberia).* Moscow: "Nauka" Publ., 133–152 (in Russian).

Khmelevskaya, O. E., Evgeniev, A. A. 2023. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik of Orenburg State Pedagogical University)* 1 (45), 200–218 (in Russian).

About the Author:

Evgenyev Andrey A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya, str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; oren-arch@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 09.12.2024 г.

ХРОНИКА

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.319.329

АРХЕОЛОГ СО СТАЛЬНОЙ ВОЛЕЙ, ОТКРЫВШИЙ СЕКРЕТЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (К 65-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Ш.Б. ШАЙДУЛЛАЕВА)

©2025 г. Ш.Б. Абдуллоев, А.Г. Ситдиков, А.М. Курбонов, Е.Е. Воробьева

Статья посвящена 65-летию известного ученого, доктора исторических наук, профессора Шапулата Базаровича Шайдуллаева, внесшего значимый вклад в изучение эпиграфики и археологии древней истории Южного Узбекистана и Центральной Азии в целом, а также в сохранение историко-культурного наследия Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. В статье рассмотрены основные этапы становления Ш.Б. Шайдуллаева как ученого, факторы и события, повлиявшие на исследовательские интересы ученого. Научная деятельность Ш.Б. Шайдуллаева тесно связана с двумя крупнейшими учреждениями Узбекистана – Институтом археологии им. Я. Гулямова (1982–2004 гг.) и Термезским государственным университетом (2004 г. по настоящее время). Именно в Институте археологии им. Я. Гулямова произошло становление Ш.Б. Шайдуллаева как профессионального археолога, исследования которого характеризуются мультидисциплинарным подходом и использованием новых технологий. Ш.Б. Шайдуллаев является одним из тех ученых, кто создал уникальную научную школу в археологии Узбекистана, отличающуюся интегрированным подходом к истории, археологии, религиоведению и искусствоведению. Под научным руководством Шапулата Базаровича многие магистранты, самостоятельные исследователи и докторанты не только занимаются учебой, но и активно участвуют в конференциях, полевых экспедициях. В настоящее время Ш.Б. Шайдуллаев возглавляет совместные узбекско-чешские, узбекско-российские и узбекско-французские археологические экспедиции, обеспечивая тесную интеграцию восточного и западного археологического опыта в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова: археология, Ш.Б. Шайдуллаев, Центральная Азия, Узбекистан, Сурхандарья, Древняя Бактрия, Авеста, бронза, ранний железный век, эпиграфика, история, археология, экспедиция, Термезский государственный университет.

THE ARCHAEOLOGIST WITH AN IRON WILL, WHO UNCOVERED THE SECRETS OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES (CELEBRATING THE 65TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR SH.B. SHAIDULLAEV)

Sh.B. Abdulloev, A.G. Sitdikov, A.M. Kurbonov, E.E. Vorobyova

This article is dedicated the 65th birthday of the renowned scholar, Professor Shapulat Bazarovich Shaidullaev, Doctor of History. Professor Shaidullaev has made significant contributions to the study of epigraphy and archaeology of the ancient history of Southern Uzbekistan and Central Asia as a whole, as well as to the preservation of the historical and cultural heritage of the Surkhandarya region of the Republic of Uzbekistan. The article examines the main stages of Sh.B. Shaidullaev's formation as a scholar, and the factors and events that influenced his research interests. His scholarly career is closely associated with two of Uzbekistan's largest institutions: the Ya. Gulyamov Institute of Archaeology (1982–2004) and Termez State University (2004 to the present). It was at the Ya. Gulyamov Institute of Archaeology that Sh.B. Shaidullaev developed into a professional archaeologist, whose research is characterized by a multidisciplinary approach and the use of new technologies. Under the scientific guidance of Shapulat Bazarovich, many master's students, independent researchers, and doctoral candidates not only pursue their studies but also actively participate in conferences and field expeditions.Currently, Sh.B. Shaidullaev heads joint Uzbek-Czech, Uzbek-Russian and Uzbek-French archaeological expeditions, ensuring the close integration of Eastern and Western archaeological experience within the framework of international cooperation.

Keywords*:* archaeology, Sh.B. Shaidullaev, Central Asia, Uzbekistan, Surkhandarya, Ancient Bactria, Avesta, Bronze Age, Early Iron Age, epigraphy, history, archaeology, expedition, Termez State University

Изучение древней истории Центральноазиатского региона требует самоотверженности и терпения. Шапулат Базарович Шайдуллаев занимает особое место в ряду ученых Узбекистана, создавших свою научную школу, неразрывно связывающую области археологии и истории.

65 лет своей жизни Ш.Б. Шайдуллаев посвятил углубленному изучению истории Узбекистана, в частности, археологии Средней Азии в эпоху бронзы и раннего железного века, обучению науки молодого поколения. Сегодня доктор исторических наук, профессор Ш.Б. Шайдуллаев широко известен как ученый, педагог, общественный деятель, автор монографий, учебно-методических пособий, огромного количества статей по археологии Центральноазиатского региона.

Будущий ученый Шапулат Базарович Шайдуллаев родился 12 августа 1960 года в селе Янгиер Жаркурганского района Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Эта земля с древних времен известна своим богатым историко-культурным наследием и традициями жителей. Детство Ш.Б. Шайдуллаева прошло на лоне этой прекрасной и плодородной земли, в семейной атмосфере, проникнутой духом уважения и трудолюбия к истории страны.

Честный труд отца в колхозе, его воспитательный образ как главы семьи и любовь матери сыграли важную роль в становлении личности Шапулата Шайдуллаева. Родители Шапулата воспитывали своих детей, поощряя труд, науку, честность и ответственность.

Интерес к истории и археологии стал проявляться с ранней юности. Окончив сельскую среднюю школу, в 1977 г. Шапулат Шайдуллаев поступает в Ташкентский государственный университет на специальность «Историк-социолог». В студенческие годы студент Ш. Шайдуллаев не ограничивался только теоретическими знаниями. Он активно участвовал в археологических экспедициях, что укрепило его научное мышление.

Полновесный путь к науке начался у Шапулата Базаровича, когда он, окончив в 1982 году исторический факультет Ташкентского государственного университета, был принят на работу в Институт археологии имени Яхьи

Рис. 1. Шайдуллаев Ш.Б.
Fig. 1. Shaidullaev Sh.B.

Гулямова Академии наук Узбекской ССР. Это учреждение стало его первой научной школой, экспериментальным полем и основой его последующего научного подъема. Работая в Институте археологии старшим лаборантом (1982–1985 гг.), затем младшим научным сотрудником (1985–1988 гг.), научным сотрудником (1988–1990 гг.), старшим научным сотрудником (1990–1993 гг.), ученым секретарем Института (1993–1998 гг.), докторантом Института (1998–2001 гг.), старшим научным сотрудником Института (2001–2005 гг.) ученый Ш. Шайдуллаев заслужил уважение своих наставников и коллег своим упорным трудом, исследовательскими изысканиями. В 1985–1989 годы археолог Шапулат Базарович провел ряд важных исследований, посвященных изучению культур эпохи бронзы и раннего железа Центральной Азии. В сотрудничестве с У.В. Рахмоновым, Т.Ш. Ширинovым, Т.Дж. Аннаевым молодой ученый проводил исследования, направленные на определение влияния степных бронзовых культур на керамические комплексы культуры Сапаллитепа, определение хронологической периодизации памятника Кучуктепа, изучению археологических слоев и находок поселений раннего железного века Южного Узбекистана.

Именно здесь Ш. Шайдуллаев попадает в поле зрения одного из виднейших научных деятелей археологии Средней Азии академика Ахмадали Аскаровича Аскарова. Эта встреча окончательно определила научный путь Ш.Б. Шайдуллаева. Будучи сотрудником Института археологии им. Я. Гулямов будущий ученый Ш.Б. Шайдуллаев принимает активное участие в Сурхандарьинской экспедиции Института археологии под руководством А.А. Аскарова, которая сыграла важную роль в становлении настоящей научной школы, жизненного опыта и археологического мышления Шапулата Шайдуллаева. Являясь участником Сурхандарьинской экспедиции, в 1990 году археолог Шайдуллаев Шапулат Базарович в своей уделил особое внимание глубокому изучению археологических памятников на территории древней Бактрии. В результате пристального изучения керамических комплексов периода Кучук III и Кучук IV были подняты вопросы периодизации культурных слоев рассмотренных памятников на основе анализа керамических материалов, что важно при определении археологической стратиграфии в данном регионе. (Шайдуллаев,1990, с. 42–46).

На основе проводимых Сурхандарьинской экспедицией научных исследований ученый в 1990 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Памятники раннего железного века Северной Бактрии» (Шайдуллаев, 1990). В диссертации впервые были систематически проанализированы хронология, типология и методы периодизации культурных слоев раннего железного века на основе раскопок таких памятников как: Кучуктепа, Джаркутан, Хайтабад, Таллашкантепа, расположенных на территории Северной Бактрии. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ш.Б. Шайдуллаева была позже, в 2000 году, опубликована в виде монографии (Шайдуллаев, 2000, с. 119), а в 2002 году она была опубликована в журнале престижного издания немецкого археологического института (Deutsches Archäologisches Institut) «Archaologischer Anzeiger» (Huff D., Shaidullaev Sh., 2002.).

Таким образом, одним из важнейших направлений научных исследований Ш.Б. Шайдуллаева становится археология Сурхандарьинской области (Шайдуллаев, Рахманов, 1985, с. 58–63; Шайдуллаев, Ширинов, 1988, с. 13–26; Шайдуллаев, 1988, с. 31–34). Следует отметить, что древняя Бактрия, которая, по выражению известного археолога М.Е. Массона, считается «… Меккой археологов, … — особенно ее часть на территории Узбекистана – Сурхандарьинская….» (Массон, 1941, с. 78) — всемирно известна не только руинами древнего города, но и научной школой, в которой воспитываются ученые. Именно в этой школе сформировался Ш.Б. Шайдуллаев, посвятивший всю жизнь изучению объектов археологического наследия Сурхандарьинской области (Шайдуллаев, Рахманов, 1985, с. 58–63; Шайдуллаев, Ширинов, 1988, с. 13–26; Шайдуллаев, 1988, с. 31–34.). Занимаясь этой темой в археологии, Шапулат Базарович поднялся на высокий международный уровень. Ш.Б. Шайдуллаев выступал с докладами на международных конференциях, симпозиумах и научных конференциях, организованных крупными научными центрами и университетами, в том числе Международный симпозиум по древним цивилизациям Центральной Азии (Франция, 1994 г.), международные конференции по археологии Ближнего Востока и Средней Азии, организованные Dai (Германия, 1995, 1998, 2000, 2004, 2006 гг.; Объединенные Арабские Эмираты, 2000 г.; Султанат Оман, 2000); Международный археологический форум по культуре древнего Шелкового пути (Китай, 2010 г.; Казахстан, 2013 г.; Кыргызстан, 2014 г.); на научных встречах в рамках международного проекта, посвященного сравнительному изучению культур бронзового и железного веков Европы и Центральной Азии. (Чешская республика, 2019 г.). На этих конференциях профессор Ш.Б. Шайдуллаев делал доклады на английском и русском языках по таким темам, как: древние очаги культуры на территории Узбекистана; археологическое наследие Бактрии; стратиграфические особенности памятников раннего железного века, социально-семиотический анализ печатей и надписей, а также сочетание археологии с «Авестой».

Ш.Б. Шайдуллаев не только принял участие в работе международных конференций, но и сам разрабатывал и организовывал различные международные проекты. В частности, в период с 1994 по 2002 год он руководил узбекско-германской совместной археологи-

ческой экспедицией. Эта экспедиция, организованная совместно с Институтом археологии Академии наук Узбекистана и авторитетными археологическими центрами Германии, была направлена на углубленное научное изучение одного из важнейших археологических памятников Северной Бактрии — памятника Джаркутан (Хуфф, Шайдуллаев, 1999, с. 19–26).

В рамках деятельности вышеупомянутой международной экспедиции Ш.В. Шайдуллаев стал не только научным руководителем, но и важной фигурой в организации межкультурного научного диалога. На основе комплексных археологических исследований, проведенных узбекскими археологами под руководством Ш.Б. Шайдуллаева совместно с зарубежными специалистами, археологическая наука была пополнена фундаментальными сведениями о градостроительной архитектуре, фортификационных сооружениях, хозяйственном строе и материальной культуре памятника Джаркутан. Материалы археологических исследований узбекско-германской совместной археологической экспедиции были опубликованы в научных изданиях не только Узбекистана, но и Германии, Франции, России, и вызвали большой интерес международного академического сообщества. По большому счету, на своем примере Ш.Б. Шайдуллаев показал, что солидные, серьезные исследования мирового уровня могут вестись не только в столицах и крупных научных центрах, но и в глубинке.

Научная деятельность Шапулата Базаровича Шайдуллаева характеризуется последовательными и тщательными исследованиями, направленными на ценностно-ориентированное осмысление древней истории Узбекистана. Это нашло отражение и в его докторской диссертации наук по теме «Возникновение и этапы развития государственности на территории Узбекистана» (Шайдуллаев, 2009). Это исследование относится к числу первых крупных работ в узбекской археологии, в которых был теоретически обоснован подход к вопросу о ранней цивилизации и государственных структурах, обогащенный археологическими данными. Особое внимание в диссертационной работе было уделено таким археологически проявляемым признакам ранних государств как: печати, административные знаки, элементов пиктографического письма. В частности, в диссертации объясняется роль печатей как знака частной собственности и административного строя, а также роль и влияние ранней письменности на формирование и постепенное развитие государственности.

В диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Ш.Б. Шайдуллаев осветил эволюцию государственного строя на территории древней Бактрии на основе исторических этапов в виде города-государства (Джаркутан), оазиса-государства (Древняя Бактрия) и империи (Ахемениды). Этот анализ проводился с учетом того, что исторический процесс протекал на каждой территории по-своему, и были разработаны теоретические основы государственности.

Благодаря этому научному труду Ш.Б. Шайдуллаева в археологии Узбекистана сформировалось новое научное направление, получившее название «Археология Авесты». В этом направлении происходит изучение исторических сведений главного текста зороастризма «Авесте» и сопоставление этих данных с археологическими материалами. В основе такого подхода лежит междисциплинарный подход - изучение древних верований и социальных систем с помощью материальных (археологических) доказательств.

Важнейшим достижением научно-педагогической деятельности Ш.Б. Шайдуллаева стало создание им собственной археологической научной школы. Школа профессора Ш.Б. Шайдуллаева начала формироваться в 2005 году, когда ученый пришел работать в Термезский государственный университет.

В период своего пребывания на посту декана факультета истории и гуманитарных наук Термезского государственного университета в 2005-2009 годах он выдвинул важные инициативы по повышению качества образования на факультете, разработке новых учебных планов и научных программ, повышению квалификации молодых специалистов. Особенно высоко были оценены такие базовые принципы учебно-воспитательной, научной и организационной работы Ш.Б. Шайдуллаева как:

- осмысление истории и археологии с позиции своего народа и с учетом общечеловеческих ценностей;
- предоставление междисциплинарных подходов в археологических и исторических исследованиях;
- возможности организации археологической практики на объектах историко-культурного наследия Сурхандарьи.

В 2009 году Ш.Б. Шайдуллаев возглавил кафедру истории Узбекистана Термезского государственного университета (2009–2010 гг.); затем – кафедру истории Узбекистана и гуманитарных наук (2010–2011 гг.); кафедру истории Узбекистана (2011–2013 гг.) Термезского государственного университета. В эти годы он уделял большое внимание модернизации научного и учебного процессов в университете, внедрению прогрессивных методов, расширению базы электронных ресурсов. Одной из исторических заслуг ученого является непосредственное участие Ш.Б. Шайдуллаева в формировании Центра повышения квалификации специалистов-археологов, созданного по инициативе Первого Президента Республики Узбекистана И.А. Каримова в Термезском государственном университете.

В 2009–2012 годах ученый участвовал в проекте по составлению археологической карты оазиса Шерабад на основе современных технологий-GPS, ГИС — карт. Данный проект имел большое значение для систематического учета древних памятников Сурхандарьинской области, научно обоснованного определения динамики их распространения.

В то же время Ш.В. Шайдуллаевым созданы и внедрены в систему университетского образования электронные учебники «История Узбекистана», «История узбекской государственности». Эти учебники и сегодня широко используются в высших учебных заведениях республики.

С 2016 года по настоящее время Шапулат Базарович Шайдуллаев, занимая должность заведующего кафедрой «История и источниковедение Узбекистана», не только организует учебные и научные процессы, но и проводит плодотворную работу по привлечению кафедры к научно-образовательным проектам, подготовке молодых исследователей, расширению зарубежного сотрудничества.

Организованные по инициативе ученого научные семинары, полевые экспедиции, археологические практики и научные кружки с участием молодых исследователей — все это укрепляет фундамент школы и служит воспитанию нового поколения ученых. Он осуществляет научное руководство студентами, магистрами, независимыми исследователями и докторантами, выступая в качестве наставника, который направляет их научные исследования и обеспечивает научно-методологическую основу. Содержание и направления диссертаций, подготовленных под его научным руководством, наглядно демонстрируют мультидисциплинарный характер деятельности учёного, объединяющий направления истории, археологии, религиоведения и культурологии. Исследования, проведённые под научным руководством Ш.Б. Шайдуллаева, относятся к различным периодам и регионам, охватывая археологические памятники, религиозные идеи, культурные проявления и социальные структуры.

В частности, исследования, проведенные О. Хамидовым по археологическим памятникам Северной Бактрии, Н. Икромовым по древнебактрийской системе управления, Ж. Чутматовым по духовной жизни города Термеза в VII–IX веках, А. Бокиевым по социальной структуре цивилизации Окса, Г. Каттаевой по изучению культуры Сапалли через ювелирные изделия, Ш. Абдуллоевым по эволюции образа “дэва”, К. Тошалиевым по архитектуре среднеазиатских дахм и Х. Хуррамовым по историографии цивилизации Окса отражают широкий научный спектр школы Шайдуллаева. Рассмотрение таких актуальных тем, как роль религиозных образов (например, образа дэва) в мышлении, формы обрядовой и религиозной архитектуры (дахмы), а также оценка цивилизации Окса зарубежными, в особенности немецкими учеными, обеспечило новый подход к историко-культурному контексту в этих диссертациях. Этот подход, в свою очередь, воплотил в себе научные инновации, новые методологические взгляды и широкий спектр анализа.

Ученый вооружает своих учеников не только теоретическими знаниями, но и навыками прикладной археологии, стратиграфического анализа, документирования находок в полевых условиях и вывода на международную научную арену. В результате сегодня среди его учеников растут молодые доктора наук, исследователи и археологи, работающие в высших учебных заведениях республики. Это – Икромов Н.М, Хамидов О.А, Чутматов Дж.О., Тошалиев К.Б, Каттава Г.Ч, Хуррамов Х.Б.

В этом отношении Шапулат Базарович Шайдуллаев как ученый, педагог не только продолжает свое научное наследие, но и обогащает его на основе подготовки и пере-

дачи молодому поколению обновленных и современных методик и методов в археологии. Являясь ведущим ученым Термезского государственного университета, Ш.Б. Шайдуллаев плодотворно работает над углубленным научным изучением истории Сурхандарьинского оазиса, введением археологических памятников в научный оборот и их приобщением к подрастающему поколению.

Научная школа Ш.Б. Шайдуллаева отличается интегрированным подходом к истории, археологии, религиоведению и искусствоведению. На сегодняшний день эта школа формирует прочную методологическую основу и богатый научный опыт для современных историко-археологических исследований.

Одной из самых устойчивых опор в жизни Ш.Б. Шайдуллаева является его крепкая семья, преданная науке, интеллигентная и любящая. Вместе со своей супругой Зиядой Чоршанбиевой воспитал в верности нации и науке четверых детей. В частности, в семейной среде приоритетными были такие ценности, как уважение к науке, свобода мысли, приверженность историческому наследию.

Сегодня каждый из его детей занимается научной или педагогической деятельностью. Это свидетельствует о том, что Ш.Б. Шайдуллаев продолжает свои научные традиции не только в рамках университетов и лабораторий, но и в рамках своей семьи.

Посвящение себя археологии детей ученого – Алишера и Гульжахан – является свидетельством того, что Ш.Б. Шайдуллаев – интеллигент, который не только сумел создать научную школу, но и оставил ее в наследство своим потомкам, сформировав научную династию.

Таким образом, ученый-наставник обогащает свое научное наследие через своих учеников, коллег и детей, логически и духовно продолжая его в современной историографии и археологии.

Деятельность ученого в Термезском государственном университете развивалась не только в руководящей и педагогико-организационной работе, но и продолжалась в научной сфере. Археологические изыскания Ш.Б. Шайдуллаева приобретали все более международный размах. В 2014 году, благодаря знакомству с чешскими коллегами-археологами познакомилась со своим чешским коллегой-археологом, Ш.Б. Шайдуллаев совместно с чешскими археологами начинает проводить археологические исследования района хребта Пашхурд–Зарабаг (Shaydullayev at all, 2016). Этот проект был реализован в сотрудничестве чешских и узбекских археологов и был основан на современных технологиях, оборудовании GPS и методике определения культурных слоев с помощью геофизических методов. В результате исследований были обнаружены 10 памятников сельского типа, относящихся к древнейшим земледельческим и ремесленным обществам Средней Азии, а также богатые археологические материалы, связанные с культурой расписной керамики. Эта керамика предоставила важные научные сведения о культурном переходном этапе между эпохами бронзы и раннего железа, о культуре жилища и миграции этнических групп.

Одним из наиболее заметных результатов проекта стали обнаруженные петроглифы, датируемые эпохой бронзы. Еще одна уникальная группа памятников, выявленная в рамках исследования, – дахма-курганы. Эти сооружения, вероятно, предназначались для представителей ранних зороастрийских общин и имеют большое научное значение с точки зрения архитектуры среднеазиатских некрополей и эволюции погребальных обрядов.

Результаты этих исследований впоследствии были опубликованы в виде научных статей и докладов и представлены на научных конференциях в Ташкенте, Термезе, Праге. (http://tersu.uz/news/view/1337). Это стало еще одной важной вехой в продвижении археологии Узбекистана на международную научную карту.

В 2017–2019 гг. Ш.Б. Шайдуллаев организовал и принимал непосредственное участие в международных проектах, посвященных изучению историко-культурного наследия эпохи Александра Македонского на территории Сурхандарьи. Благодаря этим проектам было уточнено историко-материально-техническое значение Термеза, Кампиртепа и других памятников эллинистического периода, их место на торговых путях, их военно-фортификационная инфраструктура.

Такие крупные и глубокие исследования ученого являются неоценимым вкладом в продвижении археологии Узбекистана не только как средства изучения материальной культуры, но и как ключ к пониманию социальных и политических процессов на Евразийском пространстве.

Рис. 2. Шайдуллаев Ш.Б. с китайскими коллегами (Северо-Западный университет, г. Сиань, Китай) на месте археологических раскопок
Fig. 2. Shaidullaev Sh.B. with Chinese colleagues (Northwestern University, Xi'an, China) at the archaeological site

Его участие не только сделало археологию Узбекистана известной на международном уровне, но и послужило формированию устойчивых научных связей с зарубежными научными учреждениями. В результате сегодня многие зарубежные археологи проявляют интерес к проведению археологических экспедиций и совместных проектов в сотрудничестве с Термезским государственным университетом, что способствует укреплению позиций археологии Узбекистана в мировой науке посредством мультидисциплинарного подхода, международного сотрудничества и эффективного использования новых технологий.

В последние годы археолог Шапулат Базарович в своей научной деятельности сосредоточился на глубоком археологическом изучении древней истории Южного Узбекистана и Центральной Азии в целом, выступая автором важных исследований в рамках международного научного сотрудничества (рис. 2). Совместно с чешскими, французскими, немецкими и другими зарубежными учеными он провел полевые исследования на археологических памятниках (Бургуткурган, Кайрит, Зарабаг, Лунги-тепа и др.) Сурхандарьинской области и сделал важные научные выводы о слоях раннего железного века и эллинистического периода этих памятников (рис. 3). В частности, благодаря многоавторским научным публикациям, таким как «Шерабадский оазис: поиск исторического ландшафта» (Stančo, P. Tušlová, 2019) и «Археологический проект Кулал-тепа» (Shaydullaev, 2024, p. 177–190), он предложил новые концептуальные подходы к изучению процессов урбанизации, а также формирования религиозно-культурной среды и социальных структур. Статья «Ancient Plasmodium genomes», опубликованная в 2024 году, представила передовые результаты в истории здоровья человечества на стыке археологии и геномных исследований (Shaydullaevl, 2024, p. 125–133).

Профессор Шапулат Базарович Шайдуллаев является одним из крупнейших ученых, активно участвующих не только в научном сообществе Узбекистана, но и на международной арене археологии. Его научный потенциал и направления исследований привлекли внимание мировых ученых, которые в рамках ряда престижных зарубежных грантов и научных программ способствовали популяризации исторического наследия Узбекистана в мире. Он был удостоен грантов немецкой программы академического обмена DAAD (German academic Exchange Service) в 2000 году, гранта немецкого Института археологии (Dai) в 2004 году и грантов международного научного обмена и сотрудничества в рамках программы TEMPUS Европейского союза в 2012–2015 годах. В частности, благодаря проекту TEMPUS он провел практическую деятельность по повышению качества археологического образования в высших учебных заведениях, применению европейского опыта в высших учебных заведениях Узбекистана.

На сегодняшний день профессор Шапулат Базарович Шайдуллаев продолжает углубленное изучение фундаментальных вопросов, связанных с историей материальной культуры народов Центральной Азии, историей первых городов и цивилизаций, а также с формирова-

Рис. 3. Обсуждение результатов полевых исследований.
Fig. 3. Discussion of the field research results.

нием первых государственных образований. Освещение археологических основ урбанизации и социально-политических структур, возникших в древности в оазисах, особенно на территории Узбекистана, является центральным направлением его научной деятельности.

Научное наследие ученого Ш.Б. Шайдуллаева состоит из крупных произведений, которые способствовали популяризации истории Узбекистана в мире. Шапулат Базарович Шайдуллаев – автор 6 монографий и брошюр на узбекском, русском, английском, французском и немецком языках, а также более 250 научных и научно-популярных статей. Эти издания ценятся не только в масштабах республики Узбекистан, но и на международной академической арене и являются достойным вкладом в развитие исторической науки и археологии Узбекистана. Ярким подтверждением международной репутации в научном сообществе профессора Ш.Б. Шайдуллаева является и его участие в составе редакционных коллегий рецензируемых академических журналов «Поволжская археология» и «История Узбекистана».

Профессор Шапулат Базарович Шайдуллаев награжден памятными знаками «25 лет независимости Узбекистана» и «30 лет независимости Республики Узбекистан». Кроме того, Ш.Б. Шайдуллаев долгое время принимал участие в общественной жизни в качестве активного члена Сурхандарьинского областного Совета народных депутатов.

Ш.Б. Шайдуллаев известен не только своей плодотворной научной деятельностью, но и своими человеческими качествами. Он является образцовой фигурой в работе с молодежью как знаток своего дела, открытый, честный, добрый и требовательный наставник. Ученый — наставник, готовый протянуть руку помощи своим ученикам, коллегам при любых обстоятельствах не только преподает свой опыт, но и руководствуется своим подходом, искренностью, верой и созерцанием.

Имя Шапулата Базаровича Шайдуллаева стало символом научного мира Узбекистана. Шапулат Базарович — талантливый организатор, невероятно творческий человек, достойный пример для коллег и учеников. Шапулат Базаровича всегда отличают многогранность мышления, результативность в научной деятельности, беззаветная преданность выбранной профессии и специальности, высочайший профессионализм, самоотдача, стремление к совершенству, принципиальность и дипломатичность одновременно, утонченный ум и потрясающее чувство юмора — все это мы с гордостью говорим и пишем о Вас, дорогой и глубокоуважаемый Шапулат Базарович!

ЛИТЕРАТУРА

Курбонов А.М., Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н., Абдуллоев Ш.Б. «Международный научно- практический семинар «Неразрушающие методы в сохранении объектов историко-культурного наследия Центральной Азии» // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 334–340.

Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Труды Узбекского филиала Академии наук СССР. Серия I: История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / Отв. ред. Л.В. Баженов. Ташкент: УзФАН, 1941. С. 5–122.

Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: УзФАН, 1999. С. 19–26.

Шайдуллаев Ш.Б. Талашкантепа I - крепость раннего железного века на территории Северной Бактрии // Я.Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане / Отв. ред. А.Р. Мухамеджанов. Ташкент: Фан, 1988. С. 101–103.

Шайдуллаев Ш.Б. Новые данные о керамических комплексах периода Кучук III и Кучук IV // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 23 / Отв. ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1990. С. 42–46.

Шайдуллаев Ш.Б. Памятники раннего железного века Северной Бактрии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд: ИА АН РУз. ССР, 1990. 21 с.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Фан, 2000. 119 с.

Шайдуллаев Ш.Б. Возникновение и этапы развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Дисс. ... докт. истор. наук. Самарканд, 2009. 288 с.

Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж. Два новых пункта раннежележного века на юге Узбекистана // Общественные науки Узбекистана. 1989. № 5. С. 31–34.

Шайдуллаев Ш.Б., Рахманов У.В. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы Сапаллинской культуры // Общественные науки Узбекистана. 1985. № 11. С. 58–63.

Шайдуллаев Ш.Б., Ширинов Т.Ш. К вопросу о хронологической периодизации Кучуктепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 22 / Отв. ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1998. С. 13–26.

Augustinová A., Stančo L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. Archaeological Survey of the Oases of Zarabag, Karabag and Kampyrtepa in the Piedmont of the Kugitang Mountains, South Uzbekistan – Preliminary Report for the Season 2016 // Studia Hercynia. 2016. Vol. XXI, № 1. P. 104–148.

Havlík J., Toshaliyev K., Hora A., Hořenínová M., Shaydullaev Sh., Morris L. The Kulal Tepa Archaeological Project: Preliminary report for the first season of archaeological survey, autumn 2023 (southern Uzbekistan) // Studia Hercynia. 2024. Vol. 28, № 2. P. 177–190.

Michel M., Skourtanioti E., Pierini F., Guevara E.K., Mötsch A., Kocher A., Barquera R., Bianco R.A., Carlhoff S., Coppola Bove L., Freilich S., Giffin K., Hermes T., Hiß A., Knolle F., Nelson E.A., Neumann G.U., Papac L., Penske S., Rohrlach A.B., Salem N., Semerau L., Villalba-Mouco V., Abadie I., Aldenderfer M., Beckett J.F., Brown M., Campus F.G.R., Chenghwa T., Cruz Berrocal M., Damašek L., Duffett Carlson K.S., Durand R., Ernée M., Fântăneanu C., Frenzel H., García Atiénzar G., Guillén S., Hsieh E., Karwowski M., Kelvin D., Kelvin N., Khokhlov A., Kinaston R.L., Korolev A., Krettek K.-L., Küßner M., Lai L., Look C., Majander K., Mandl K., Mazzarello V., McCormick M., de Miguel Ibáñez P., Murphy R., Németh R.E., Nordqvist K., Novotny F., Obenaus M., Olmo-Enciso L., Onkamo P., Orschiedt J., Patrushev V., Peltola S., Romero A., Rubino S., Sajantila A., Salazar-García D.C., Serrano E., Shaydullaev Sh., Sias E., Šlaus M., Stančo L., Swanston T., Teschler-Nicola M., Valentin F., Van de Vijver K., Varney T.L., Vigil-Escalera Guirado A., Waters C.K., Weiss-Krejci E., Winter E., Lamnidis T.C., Prüfer K., Nägele K., Spyrou M., Schiffels S., Stockhammer P.W., Haak W., Posth C., Warinner C., Bos K.I., Herbig A., Krause J. Ancient Plasmodium genomes shed light on the history of human malaria // Nature. 2024. Vol. 631, № 8019. P. 125–133. DOI: 10.1038/s41586-024-07546-2.

Huff D., Shaidullaev Sh. Djarcutan // Archaologischer Anzeiger. 2003. DAI. Berlin. - 2002. - P. 110-113.

Śajdullaev Śapulat. Unterchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien // Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002. P. 243–342.

Sherabad Oasis: Tracing Historical Landscape in Southern Uzbekistan / eds. L. Stančo, P. Tušlová. Prague: Karolinum Press, Charles University, 2019. 496 p.

http://tersu.uz/news/view/1337 (дата обращения: 02.06.2025).

Информация об авторах:

Абдуллоев Шухратджон Бобоисмоилович, доктор философии (PhD) по историческим наукам, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); abdulloyevshuxrat@gmail.com

Курбонов Абдусамад Мелигалеевич, преподаватель, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и реставрации наследия, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия);доцент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

REFERENCES

Kurbonov, A. M., Vorob'eva, E. E., Golubeva, E. N., Abdulloev, Sh. B. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* (2). 334–340 (in Russian).

Masson, M. E. 1941. In Bazhenov, L. V. (ed.). *Trudy Uzbekskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya I: Istoriya, arkheologiya (Proceedings of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences. Series I: History, Archaeology)* 2. Tashkent: Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–122 (in Russian).

Huff D., Shaidullaev, Sh. B. 1990. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Samarkand: Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences, 19–26 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 1988. *Ya.Gulyamov i razvitie istoricheskikh nauk v Uzbekistane (Ya.Gulyamov and the development of historical sciences in Uzbekistan).* Tashkent: "Fan" Publ., 101–103 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 1990. In Askarov, A. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 23. Tashkent: "Fan" Publ., 42–46 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 1990. *Pamyatniki rannego zheleznogo veka Severnoy Baktrii (Monuments of the Early Iron Age of Northern Bactria).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2000. *Severnaya Baktriya v epokhu rannego zheleznogo veka (Northern Bactria in the Early Iron Age).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2009. *Vozniknovenie i etapy razvitiya gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (The emergence and stages of the development of statehood in Uzbekistan (using the example of Bactria)).* Diss. of Doctor of Historical Sciences (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B., Annaev, T. Zh. 1989. In *Obshchestvennye nauki Uzbekistana (Social sciences of Uzbekistan)* 5, 31–34 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B., Rakhmanov, U. V. 1985. In *Obshchestvennye nauki Uzbekistana (Social sciences of Uzbekistan)* 11, 58–63 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B., Shirinov, T. 1998. In Askarov, A. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 22. Tashkent: "Fan" Publ., 13–26 (in Russian).

Augustinová A., Stančo L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. 2016. In

Studia Hercynia. (XXI) 1, 104–148.

Havlík J., Toshaliyev K., Hora A., Hořenínová M., Shaydullaev Sh., Morris L. 2024. In *Studia Hercynia*. 28 (2), 177–190.

Michel, M., Skourtanioti, E., Pierini, F., Guevara, E. K., Mötsch, A., Kocher, A., Barquera, R., Bianco, R. A., Carlhoff, S., Coppola Bove, L., Freilich, S., Giffin, K., Hermes, T., Hiß, A., Knolle, F., Nelson, E. A., Neumann, G. U., Papac, L., Penske, S., Rohrlach, A. B., Salem, N., Semerau, L., Villalba-Mouco, V., Abadie, I., Aldenderfer, M., Beckett, J. F., Brown, M., Campus, F. G. R., Chenghwa, T., Cruz Berrocal, M., Damašek, L., Duffett Carlson, K. S., Durand, R., Ernée, M., Fântăneanu, C., Frenzel, H., García Atiénzar, G., Guillén, S., Hsieh, E., Karwowski, M., Kelvin, D., Kelvin, N., Khokhlov, A., Kinaston, R. L., Korolev, A., Krettek, K.-L., Küßner, M., Lai, L., Look, C., Majander, K., Mandl, K., Mazzarello, V., McCormick, M., de Miguel Ibáñez, P., Murphy, R., Németh, R. E., Nordqvist, K., Novotny, F., Obenaus, M., Olmo-Enciso, L., Onkamo, P., Orschiedt, J., Patrushev, V., Peltola, S., Romero, A., Rubino, S., Sajantila, A., Salazar-García, D. C., Serrano, E., Shaydullaev, Sh., Sias, E., Šlaus, M., Stančo, L., Swanston, T., Teschler-Nicola, M., Valentin, F., Van de Vijver, K., Varney, T. L., Vigil-Escalera Guirado, A., Waters, C. K., Weiss-Krejci, E., Winter, E., Lamnidis, T. C., Prüfer, K., Nägele, K., Spyrou, M., Schiffels, S., Stockhammer, P. W., Haak, W., Posth, C., Warinner, C., Bos, K. I., Herbig, A., Krause, J. 2024. In *Nature*. Vol. 631, № 8019. P. 125–133. DOI: 10.1038/s41586-024-07546-2.

Huff D., Shaidullaev Sh. 2002. Djarcutan // Archaologischer Anzeiger. 2003. DAI. Berlin. P. 110–113.

Śajdullaev Śapulat. 2002. In *Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 34. Berlin, 243–342.

Stančo, L., Tušlová, P. 2019. (eds.). *Sherabad Oasis: Tracing Historical Landscape in Southern Uzbekistan*. Prague: Karolinum Press, Charles University.

http://tersu.uz/news/view/1337 (accessed: 02.06.2025)

About the Authors:

Abdulloev Shukhratjon B. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; abdulloyevshuxrat@gmail.com

Kurbonov Abdusamad M. Lecturer, Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology named after A.Kh. Kalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of Archaeology and Heritage Restoration, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent of the Department of Archaeology, Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Статья поступила в журнал 09.06.2025 г.
Статья принята к публикации 11.08.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902.01/903.02 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.330.345

КАМЕННЫЙ ВЕК НА ВОСТОКЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА ТОМ «КАМЕННЫЙ ВЕК» МНОГОТОМНОГО ИЗДАНИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА»[1]

©2025 г. Л.Л. Косинская

Том «Каменный век» академического издания «Археология Волго-Уральского региона» подготовлен коллективом ведущих отечественных специалистов. Он включает четыре части (палеолит, мезолит, неолит и палеоантропология), территориальные рамки охватывают лесную и лесостепную зоны Среднего Поволжья и Предуралья. В основу концепции издания положены археологический, историко-антропологический и экологический подходы. Каждая часть содержит палеогеографический очерк, материал дается по физико-географическим районам с существенным уточнением абсолютной хронологии. В первой части представлена сложная картина культурно-исторических процессов на территории региона в позднем плейстоцене. Доминирующими культурными образованиями финального палеолита выступают уральская и усть-камская культуры. Вторая часть «Мезолит» наглядно демонстрирует неравномерность в обеспеченности источниками географических районов. В лесной зоне выделены русско-луговская, усть-камскя и камская мезолитические культуры. Памятники на остальных территориях отражают динамичные кросскультурные связи. В неолите (третья часть тома) ведущие процессы культурогенеза определялись волго-камской культурой с накольчатой керамикой, камской культурой гребенчатой керамики и памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой. По поводу последних предложена гипотеза этнокультурной непрерывности. Кроме того, вводится понятие памятников, переходных от неолита к энеолиту: русско-азибейского, татарско-азибейского типов и новоильинской культуры. Итог обзору неолитических культур подводит очерк развития гончарных технологий и концепция неолитизации региона. В последней части на основе немногочисленных погребальных памятников обобщены данные палеоантропологии с позиций современного понимания процессов расогенеза и палеогенетики.

Ключевые слова: археология, палеолит, мезолит, неолит, Среднее Поволжье, Предуралье, рецензия.

THE STONE AGE IN THE EAST OF THE EAST EUROPEAN PLAIN. REVIEW OF THE "THE STONE AGE" VOLUME OF THE MULTI-VOLUME EDITION "ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-URALS"[2]

L.L. Kosinskaya

The volume “The Stone Age” within the academic series “Archaeology of the Volga-Urals” was prepared by a team of leading Russian specialists. It comprises four parts (Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, and Paleoanthropology), covering the forest and forest-steppe zones of the Middle Volga region and the Urals. The publication's conceptual framework integrates archaeological, historical, anthropological, and ecological approaches. Each part includes a paleogeographic overview, with the material organized according to physiographic regions and incorporating significant refinements in absolute chronology. The first part presents a complex picture of cultural and historical processes in the region during the Late Pleistocene. The Ural and Ust-Kama cultures emerge as the dominant cultural formations of the Final Paleolithic. The second part, on the Mesolithic, clearly demonstrates the uneven distribution of source material across geographical areas. The Russko-Lugovskaya, Ust-Kama, and Kama Mesolithic cultures are identified within the forest zone. Sites in

[1] Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ № FEUZ-2023-0018

[2] The work was carried out as part of state assignment № FEUZ-2023-0018 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

the remaining territories reflect dynamic intercultural connections. In the Neolithic (the volume's third part), the leading processes of cultural genesis were defined by the Volga-Kama culture with stroked ceramics, the Kama culture of combed ceramics, and sites with pit-comb ware. For the latter, a hypothesis of ethnocultural continuity is proposed. Additionally, the concept of sites transitioning from the Neolithic to the Eneolithic is introduced, including the Russkiy Azibey, Tatarskiy Azibey types, and the Novoilyinskaya culture. The review of Neolithic cultures concludes with an outline of pottery technology development and the concept of the region's neolithization. In the final part, paleoanthropological data from a limited number of burial sites are synthesized, interpreted through the lens of contemporary understanding of race formation processes and paleogenetics.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Middle Volga, Urals, review.

Одна из закономерностей любого исследовательского процесса состоит в том, что время от времени возникает необходимость аккумулировать всю накопленную информацию и заново проанализировать сформулированные концепции, разнообразные подходы и дискуссионные проблемы. Именно такого рода коллективным трудом является семитомное академическое издание «Археология Волго-Уральского региона». Его инициировал и подготовил Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ, собравший авторский коллектив ведущих отечественных специалистов. Издание осуществлено за счет средств Государственной программы РТ «Сохранение идентичности татарского народа (2020–2024 гг.). В основу концепции издания положены археологический, историко-антропологический и экологический подходы (Каменный век, 2021, т. 1, с. 6). В каждой части материал дается по физико-географическим районам.

В настоящем обзоре рассматривается содержание первого тома «Каменный век». Он включает четыре части (палеолит, мезолит, неолит и палеоантропология), отражая хронологический отрезок от последнего оледенения до климатического оптимума голоцена. Территориальные рамки охватывают обширный регион Среднего Поволжья и Предуралья в границах современных лесной и лесостепной зон, что позволяет проследить развитие каменных индустрий и археологических культур в их взаимодействии.

Во введении (М.Ш. Галимова, А.А. Выборнов) дана краткая характеристика трех периодов каменного века и поставлен ряд дискуссионных вопросов, призванных раскрыть причины и закономерности культурной эволюции при переходе от одного периода к другому. Внутри периодов материал дается по физико-географическим районам. Помимо анализа собственно археологических данных и рассмотрения вопросов генезиса и исторических судеб групп древнего населения значительное внимание уделено реконструкции систем жизнеобеспечения и образа жизни, культурной специфике первобытных сообществ.

Первую часть тома открывает очерк палеогеографии Волго-Камья и Предуралья (глава 1, А.Ю. Березин). Охарактеризованы основные природно-климатические периоды, начиная с молого-шекснинского потепления среднего валдая (древнейшие следы пребывания человека в регионе) до начала голоцена. На всем протяжении этого отрезка палеолита в регионе господствовали открытые ландшафты, сочетавшие участки тундр, лесостепей и степей с соответствующей фауной. Лишь в позднеледниковье (17–12,4 тыс. л. н.) произошла деградация многолетней мерзлоты, границы лесостепи и степи сдвинулись к северу. Динамику растительности региона в плейстоцене и раннем голоцене прекрасно иллюстрирует рис. 1 (Каменный век, 2021, с. 15).

Остальные шесть глав первой части тома описывают палеолитические материалы Среднего Поволжья, Южного Предуралья, Прикамья и Северного Приуралья по физико-географическим районам, в разной степени обеспеченным источниками. В центральной части Среднего Поволжья (глава 2, Л.В. Кузнецова) по берегам Куйбышевского водохранилища и Самарской Луки выявлены местонахождения переотложенных артефактов и отдельные находки нижне- и среднепалеолитического возраста –свидетельства того, что Среднее Поволжье могло быть заселено человеком уже в раннем палеолите, а в среднем палеолите входило в область так называемого «восточного микока» (с. 29–30). К верхнему

палеолиту относится местонахождение Ундоры с переотложенным материалом, которое, судя по находке обломка треугольного бифаса, указывает на пребывание в регионе представителей стрелецкой культуры. Единственный пункт с сохранившимися культурными слоями позднего палеолита в урочище Постников Овраг в черте г. Самары представляет временные сезонные стоянки и мастерские по первичному расщеплению кремня у его выходов. Местонахождения относятся к последней стадии осташковского оледенения, ориентировочный возраст 16–8 тыс. л. до н. э.

Севернее, в устье Камы и Нижнем Прикамье (глава 3, М.Ш. Галимова) наряду с немногочисленными местонахождениями мустьерского и позднепалеолитического облика с переотложенным культурным слоем изучены более сохранные памятники: кремнеобрабатывающая мастерская Камское Устье II (нижний слой) и стоянка Долгая Поляна (нижний слой) с пластинчатыми индустриями позднего палеолита. По заключению автора главы, памятники представляют собой стоянки-мастерские без жилищ и даже без кострищ. Они содержат широко распространенные типы нуклеусов и орудий, что не позволяет дать им четкую культурную атрибуцию, но в целом являются основой формирования усть-камской мезолитической культуры.

В северной части Приволжской возвышенности (глава 4, Н.С. Березина) на правобережных притоках Волги выявлено несколько малоинформативных пунктов, а также стоянка Юнга-Кушерга (верхний палеолит) и стоянка-мастерская Шолма I (финальный палеолит). AMS-датировка по костям и вмещающая почва относят последнюю к концу аллерёда – началу позднего дриаса. Мастерская приурочена к выходам кремневого сырья, содержит большое количество отходов и орудий. Своеобразие техники расщепления состоит в сочетании крупных пластин и микропластин-вкладышей, снимавшихся со специализированных типов нуклеусов ударной техникой с использованием жесткого и мягкого отбойников. Особенности вкладышей, в том числе низких симметричных трапеций, находят аналогии на стоянках среднего дриаса Рогаликско-Передельского района на Северском Донце, как и специализация охоты на лошадей населения обоих районов. Высказано предположение о вероятности миграции охотничьих коллективов на Приволжскую возвышенность вслед за стадами лошадей и дальнейшей связи этого населения с усть-камской культурой раннего мезолита.

Глава 5 «Палеолитические памятники бассейнов Печоры и Верхней Камы» (П.Ю. Павлов, А.Ф. Мельничук) содержит развернутую концепцию развития палеолита этой территории, основанную на высокой, по сравнению с другими районами, обеспеченности источниками. Древнейшие фрагментарные следы присутствия здесь человека относятся к раннему палеолиту (стоянка Гарчи I, около 80 тыс. л. н.). Заселение бассейнов Верхней Камы и Печоры происходило в начале верхнего палеолита и на переходе к его среднему этапу. Выделено два эпизода: первичные рейды Homo Sapiens с юга Европы на север (стоянка Заозерье, 35–33 тыс. ^{14}C л. н.) и более поздняя миграция носителей стрелецкой культуры с центра Русской равнины (Гарчи I, около 29 тыс. ^{14}C л. н.). В период экстремального похолодания в первой половине позднего валдая памятники отсутствуют, что трактуется авторами как депопуляция территории. Последующий период плейстоцена и перехода к голоцену связан с формированием уральской позднепалеолитической культуры, имеющей генетические корни в западносибирских мелкопластинчатых индустриях каргинского и сартанского времени. В развитии культуры прослеживаются три хронологических этапа: ранний (19–15 тыс. л. н.) – стоянки Талицкого, Ширококово II и др.; средний этап (15–11,8 тыс. л. н.) – стоянки Медвежья пещера, Кумышанская; поздний этап (11,5–9,5 тыс. л. н.) – Горная Талица, грот Столбовой, Пымва-Шор I в Заполярье. Памятники, аналогичные уральской культуре, известны в соседних областях: Постников Овраг на Средней Волге, Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II в Нижнем Прикамье, Черноозерье II и Луговское в Западной Сибири. Все они характеризуются рядом сходных признаков в технологии и типологии каменного инвентаря, включая вкладышевую технику. Связям населения столь обширных территорий способствовали, во-первых, природные особенности – отсутствие значительных естественных препятствий и наличие развитой речной сети, и, во-вторых, специфическая система жизнеобеспечения в виде неспециализированной охоты на крупных стадных

животных (лошадь, северный олень и др.), связанная с высокомобильным бытовым укладом. В Прикамье выявлены базовые охотничьи лагеря с жилищами и кратковременные охотничьи лагеря, а в субарктической зоне Печоры – стоянки на природных кладбищах мамонтов.

В главе 6 «Палеолит южного Предуралья» (В.С. Житенёв) подчеркивается важность географического положения района на перекрёстке Европы, Урала, Западной Сибири, Прикаспия и Центральной Азии для понимания культурно-исторических процессов в палеолите. Вместе с тем район отличается от других отсутствием долговременных поселений. Большинство памятников – это кратковременные пещерные стоянки и стоянки у скоплений костей фауны. Надежных данных по раннему и среднему палеолиту нет, ранняя пора верхнего палеолита представлена несколькими местонахождениями. Памятники позднего палеолита, в том числе лагеря многократного посещения Байсланташ и Кульюрт-Тамак с обильным каменным инвентарем и фауной, в культурном плане соответствуют уральской культуре по схеме П.Ю. Павлова. Концепция уральской культуры рассматривается автором как наиболее разумная и аргументированная. Особое внимание привлекают святилища в Каповой и Игнатиевской пещерах, в каждой из которых красочные панно сочетаются с разнообразными объектами в культурном слое. Фауна и палинология Каповой пещеры соответствуют тундровым условиям, следы трапез мясом зайцев и сурков указывают на летне-осенний сезон посещений. Капова пещера по каменному инвентарю напоминает стоянки уральской культуры, но происхождение ее изобразительного ансамбля напрямую связано с Франко-Кантабрийской областью. Специфические породы каменного сырья и украшения указывают на связи с Магнитогорской областью Зауралья, с Поволжьем и Прикаспием. Время посещения пещеры укладывается в интервал 19,5–16 тыс. кал. л. н., но имеются более ранние и более поздние горизонты. Новейшие датировки торий-урановым методом по углю Игнатиевской пещеры 17,4–16,2 тыс. кал. л. н.

Глава 7 «Памятники рубежа палеолита и мезолита устья Камы и лесостепного Заволжья» (М.Ш. Галимова, Д.А. Сташенков) посвящена дискуссионному вопросу происхождения и связей усть-камской культуры в финальном палеолите. Периодизация позднеледниковья дана с соответствующими калиброванными хронологическими интервалами. Охарактеризована динамика природных условий от смешанных лесов и тундростепей в периоды потепления до восстановления перигляциальных степных условий при похолоданиях. В зоне затопления Куйбышевского водохранилища в ходе многолетних работ был исследован ряд памятников, вызвавших дискуссию между А.Х. Халиковым и М.Г. Косменко. Первый полагал, что в верхнем палеолите они тяготели к восточноевропейскому кругу, а в раннем мезолите вошли в сферу сибирского влияния, к которой относились и позднепалеолитические стоянки Прикамья и Приуралья. М.Г. Косменко, выделивший усть-камскую культуру позднего палеолита – раннего мезолита, отстаивал культурное единство памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, входивших в восточноевропейскую общность культур с трапециями. Работы 1980–2000-х гг. (М.Ш. Галимова, Е.П. Казаков, Н.С. Березина и др.) существенно пополнили свод источников по усть-камской культуре, уточнили и детализировали ее характеристики. Результатом стал новый виток дискуссии о ее месте среди культур конца плейстоцена по обе стороны Урала. Авторы подводят определенный итог этой темы. В главе опубликованы материалы ряда новых опорных стоянок. По геолого-геоморфологическим условиям памятники усть-камской культуры разделены на переходные от плейстоцена к голоцену и раннеголоценовые. Дана сводная характеристика технико-типологических особенностей комплексов усть-камской культуры. В конце главы изложены современные версии ее происхождения. М.Ш. Галимова отстаивает автохтонное происхождение на местной позднепалеолитической основе типа Камского Устья II; с ней солидарны М.Г. Жилин, С.А. Васильев, А.Н. Бессуднов и др. А.Н. Сорокин включает усть-камскую культуру в состав аренсбургской культурной общности мигрирующих охотников на северного оленя. Ему возражает С.Н. Лисицын, считающий эту концепцию не подкрепленной палеогеографическими основаниями; он полагает, что отжимная микропластинчатая техника усть-камской культуры имеет уралосибирские корни. А.Ф. Мельничук и П.Ю.

Павлов выводят усть-камскую культуру из позднепалеолитического этапа уральской культуры типа стоянки Талицкого. Аналогии некоторым чертам усть-камской кремневой индустрии, в том числе типам трапеций и наконечников на пластинах, отмечены в памятниках рогаликско-передельского района Северского Донца, а также южноуральских пещер и Северного Казахстана (Шидерты 3). Согласно палеоэкологическому подходу к реконструкции систем культурной адаптации, в финальном палеолите Русской равнины выделяется восточная область культур с крупными трапециями. В период межстадиального потепления бёллинг – аллерёд и в периоды похолодания (средний и поздний дриас) в Днепро-Донецком междуречье, Среднем Поволжье и Пермском Прикамье существовала единая природная зона с перигляциальными лесостепными и степными ландшафтами. С учетом фаунистических данных допустимо предполагать миграции на этой территории групп специализированных охотников на лошадей с близким набором составного вкладышевого вооружения с трапециями. Не исключены и связи с северным Казахстаном. Вопрос об исходной территории этого населения, появившегося в Среднем Поволжье, остается открытым. Дальнейшая его судьба связана с усть-камской культурой.

Следует отметить, что авторский коллектив первой части первого тома сумел в целом согласовать взгляды на имеющиеся материалы верхнего палеолита, учитывая порою противоречивые факты и дискуссионные вопросы. В итоге читателю представлена сложная и динамичная картина культурно-исторических процессов на обширной территории восточной части Русской равнины и Предуралья в позднем плейстоцене.

Вторая часть тома «Мезолит» организована по тому же географическому принципу, что и первая часть. Ее открывает палеогеографический очерк с новейшими данными по периодизации голоцена (глава 1, М.Ш. Галимова). В классической пятичленной схеме Н.А. Хотинского уточнены хронологические рамки климатических периодов за счет калиброванных радиоуглеродных датировок. Приведена также трехчленная периодизация голоцена, предложенная коллективом зарубежных исследователей. Характеристика динамики природных условий дана по географическим районам с опорой на пятичленную периодизацию. Тенденция климатических изменений состоит в потеплении и облесении значительной части территории и формировании современных ландшафтных зон с соответствующим составом флоры и фауны.

В главе 2 «Мезолит северной части Среднего Поволжья» (В.Н. Никитин, Н.С. Березина) памятники марийской и чувашской частей района объединены в оригинальную русско-луговскую культуру. Большинство их, особенно поселения с жилищами, образуют на левобережье скопления-кусты, которые, как полагает В.В. Никитин, могут отражать племенные группировки. По обоим берегам встречаются и недолговременные стоянки. Жилища-полуземлянки площадью от 20–50 до 100–200 кв. м и глубиной 0,2–1,1 м поражают обилием ям различного назначения, занимающих весь пол. Это вызывает вопрос об их синхронности, как и об одновременности жилищ на поселениях. Каменный инвентарь отличается разнообразием сырьевых источников, пластинчатой индустрией с микролитическим комплексом, разнообразием типологии ножей, скребков, резцов. Примечательно многообразие наконечников стрел: симметричных и асимметричных на пластинах, трапеций с прямыми и вогнутыми сторонами. Типичны шлифованные рубящие орудия. Предполагается, что культура оставлена оседлым охотничье-рыболовческим населением рубежа бореала-атлантика, имевшем взаимные контакты с соседями – носителями усть-камской, бутовской, камской, южноуральской традиций. Данные о памятниках пребореального возраста отсутствуют, вопрос о времени и путях сложения русско-луговской культуры в главе не обсуждается.

В главе 3 рассматривается район устья Камы и Нижнего Прикамья (М.Ш. Галимова). В результате многолетних исследований здесь выделены памятники позднего мезолита двух культур: усть-камской и камской. Позднемезолитический инвентарь усть-камского типа наследует традиции предшествующих этапов культуры, сложившихся в конце палеолита – начале мезолита. Изменения выражаются в появлении новых типов нуклеусов и скребков, в увеличении доли орудий на узких ровных пластинах. Сохраняются трапеции, в том числе с боковыми выемками. Инвентарь камской культуры характеризуется обили-

ем мелких и средних правильных пластинок – заготовок ретушированных вкладышей, резцов, скребков и острий, отсутствием типологически явных наконечников стрел. Немногочисленные трапеции и ретушные резцы в составе коллекций породили гипотезу о продвижении населения усть-камской культуры за пределы своего ареала, вверх по Каме. Но элементы сходства, как полагает автор главы, могут быть вызваны сходной, но не идентичной финально-палеолитической основой. Историческая судьба усть-камского населения не ясна.

Глава 4 «Мезолит лесостепного Поволжья» (К.М. Андреев, А.А. Ластовский) охватывает отрезки Самарского и Ульяновского Поволжья. Из-за бедной источниковой базы периодизация и хронология намечены лишь приблизительно. Стоянки раннего этапа мезолита существовали в полупустынных условиях пребореала. Пластинчатая индустрия базируется на стабильных источниках кремневого сырья, не содержит специфических форм. В позднем мезолите (начало атлантика) территорию занимали сосново-березовые леса с разнотравьем. В кремневой индустрии несколько снижается доля пластин, появляются отдельные новые типы орудий. На некоторых стоянках фиксируются очаги и скопления кремня – возможно, следы легких наземных жилищ типа шалашей. Фаунистический материал указывает на занятия охотой, но наличие рыболовства и степень его развития остаются под вопросом. О контактах местного населения с окружающими территориями свидетельствуют единичные находки на разных памятниках: трапеция усть-камского типа с вогнутыми сторонами, шлифованные рубящие орудия русско-луговского типа, наконечники постсвидерского облика. В нескольких комплексах заметны черты нижневолжских традиций. Облик пластинчатой индустрии указывает на устойчивые связи прежде всего с Приуральем (романовско-ильмурзинская и камская культуры). В первой половине VII тыс. до н. э. мезолитическое население сосуществовало с пришельцами – носителями ранненеолитической елшанской культуры, однако свидетельств контактов между ними не зафиксировано. К середине VII тыс. до н. э. мезолитическая культура полностью исчезает, уступив место раннему неолиту. Текст главы дополняет таблица из 17 радиоуглеродных дат Самарского и Ульяновского Поволжья (с. 13–194).

Глава 5 «Мезолит Камско-Вятского междуречья» (Т.М. Гусенцова). Район исследовался преимущественно в 1960–1990-х гг., в значительной степени силами Удмуртского госуниверситета. В мезолите территория была, вероятно, занята лесными и лесостепными ландшафтами с примесью широколиственных; фауна на стоянках представлена преимущественно лесными видами. Изученные памятники распадаются на стоянки со слабо насыщенным культурным слоем без жилищ и поселения с жилищами, от 1–2 до 11 на памятнике. Жилища – крупные, слабо углубленные, площадью 60–160 кв. м, и квадратные небольшие (25–40 кв. м). В них прослеживаются столбовые конструкции, очажные ямы, переносившиеся с места на место, выходы, иногда с тамбуром. На стоянках, возможно, существовали наземные жилища. Известны охотничьи лагеря на высоких террасах. В качестве примера памятников многократного заселения приводится подробно описанная Кошкинская стоянка.

По набору орудий и характеру вторичной обработки на левобережье Вятки выделяются две группы памятников; их различия могут быть вызваны как хронологическими, так и культурными особенностями. Для одной группы характерен высокий индекс пластинчатости, преобладание неретушированных пластинок и сечений-вкладышей, микропластинок, частое использование техники резцового скола. Немногочисленны трапеции с прямыми и выемчатыми краями. В другой группе несколько больше число ретушированных орудий, ниже доля техники резцового скола, более разнообразны типы скребков, появляются рубящие орудия из мягких пород камня. Некоторыми особенностями отличаются и поселения правобережья Вятки, в частности Кошкинская стоянка. Мезолитические памятники существовали в VIII–VII тыс. до н.э. Их устойчивые технологические традиции во многом схожи с Прикамьем, но более тяготеют к материалам Нижней Камы и Марийского Поволжья.

Глава 6 «Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья» (А.Ф. Мельничук) характеризует камскую мезолитическую культуру, открытую и исследованную во второй половине XX в. О.Н. Бадером. Предложенная им концепция развития культуры и ее периодизация в целом сохраняют актуальность до настоящего време-

ни, будучи дополнены и уточнены более поздними исследованиями. По топографии, степени выраженности и составу культурного слоя выделено пять типов памятников: долговременные летние стоянки-мастерские у выходов сырья; относительно долговременные поселения с жилищами, очагами и прочими хозяйственными объектами; кратковременные сезонные летние (?) стойбища с жилищами без очагов; сезонные промысловые охотничьи лагеря с сооружениями и без них на водораздельных плато; малые кратковременные охотничьи стоянки в местах промысла. Памятники представляют три хронологические стадии. Индустрия огурдинского типа раннего мезолита характеризуется сочетанием мелко-и микропластинчатого инвентаря с архаичными орудиями из более крупных пластин, в частности высокими симметричными трапециями с выемчатыми и прямыми боковыми сторонами; встречаются кварцитовые топоры-унифасы. Средний мезолит представлен памятниками нижнеадищевского типа с классическим микропластинчатым инвентарем, малой долей ретушированных пластин при господстве дорсальной ретуши, с разнообразными нуклеусами, топорами с пикетажем и пришлифовкой. Известны небольшие полуземлянки и наземные хозяйственные постройки. Памятники позднего, косинского этапа расположены на низких боровых террасах и в пойме, что, по мнению автора, вызвано возросшей ролью рыболовства и охоты на водоплавающую дичь. Каменный инвентарь отличается вариабельностью степени микролитизации, резко возросшей ролью ретуши, в том числе вентральной, снижением доли резцов, значительным числом коротких сечений, появлением шлифованных тесел. Единичные костяные изделия – игловидные вкладышевые наконечники – найдены в горной части территории, в частности в пещерах. Жилища на стоянках этого этапа – прямоугольные полуземлянки и слабо углубленные постройки площадью 10–40 кв. м. Мезолит Среднего Приуралья по степени микролитизации и стандартизации каменного инвентаря схож с памятниками р. Белой и Нижнего Прикамья; от Среднего Зауралья отличается отсутствием разнообразных геометрических форм. Эта картина напоминает финальный палеолит с его сходными усть-камскими, средне- и южно-приуральскими традициями. Такое культурное единство могло быть обусловлено сходством природных условий как в финале палеолита, так и в мезолите. Предполагаемый возраст камского мезолита (при отсутствии независимых датировок) VIII–VI тыс. до н. э.; он является основой камской неолитической культуры с гребенчатой керамикой.

Глава 7 «Мезолит Северного Приуралья» (А.В. Волокитин) включает материалы бассейнов Северной Двины, Вычегды и Печоры. Подробно изложена эволюция взглядов исследователей разных поколений, начиная с Г.М. Бурова (1950–1980-е гг.), на мезолит региона. К настоящему времени сложилось представление о том, что большинство памятников относится к так называемой приуральской культурной традиции. Она включает средневычегодскую, по Г.М. Бурову, культуру, а также стоянки Выми, Вычегды и Ижмы с микролитическим инвентарем. Их индустрии имеют, вероятно, общий генезис, а широкое территориальное распространение обусловлено высокой мобильностью населения. Другая традиция – западная – связана с мезолитом Волго-Окского междуречья, в частности с бутовской культурой. Третья группа памятников на Вычегде, Ижме, Северной Двине демонстрирует индустрии смешанного облика. В их основе лежат камские традиции, модифицированные инокультурным (западным) влиянием. Возможно, сходный облик имеют некоторые стоянки на Сухоне и Ваге. Индустрии приуральской традиции характеризуются сходной техникой расщепления, высоким показателем пластинчатости (до 70–80%) и высокой степенью микролитизации. Детально описан материал стоянок, относящихся к приуральской традиции, а также памятников смешанной традиции. Особенность последних состоит в том, что на технологическую основу приуральской традиции наложены черты орудийного набора западной традиции. Стоянки располагаются на надпойменных боровых террасах рек или стариц. На многих обнаружены остатки жилищ – небольших (до 17–20 кв. м) округлых или прямоугольных наземных построек, иногда с очагом. На основании комплекса признаков (топография, размеры стоянок, характер жилищ, интенсивность и особенности кремнеобработки) памятники разделены по хозяйственной специализации на пять типов: кратковременные стойбища, летние стоянки-мастерские, относитель-

но долговременные зимние и летние поселения с домашними мастерскими, а также крупные летние кратковременные стойбища. Немногочисленные фаунистические остатки принадлежат лосю, бобру, северному оленю, медведю, волку. О занятиях рыболовством свидетельствуют памятники западной традиции и находки на Висском I торфянике. К сожалению, они не вошли в состав главы. Между тем, эти материалы, объединенные в парчевскую культуру, представляют яркое явление в мезолите региона, расширяющее и дополняющее картину сложных процессов освоения и заселения крайнего северо-востока Европы в раннем голоцене и взаимоотношений групп населения – выходцев из Верхневолжья и Прикамья.

Подводя итог материалам по мезолиту, отметим явную неравномерность в обеспеченности источниками географических районов. Более полно выглядит территория лесной зоны по сравнению с лесостепной, как по количеству памятников, так и по их информативности. Возможно, это вызвано не только неравномерностью изученности отдельных районов, но и объективными факторами: с одной стороны, меньшей их заселенностью, с другой – недостаточной сохранностью культурных отложений. Правда, последнее отчетливо ощущается и на лесных памятниках, что пагубно отражается на возможности привлечения естественно-научных методов для реконструкции палеосреды и специфики хозяйственных комплексов охотничье-рыболовческого уклада мезолитического населения.

Наиболее объемная третья часть тома, посвященная неолиту, состоит из 13 глав, девять из которых включают материалы отдельных археологических культур, а остальные посвящены более общим вопросам.

В главе 1 «История изучения неолита региона» (Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов) выделены четыре этапа накопления и осмысления источников и очень явственно обрисован вклад исследователей разных поколений: от случайных находок краеведов конца XIX – начала XX вв. и довоенных экспедиций ГАИМК до работы новостроечных экспедиций, расширения географии полевых исследований на весь регион силами академических институтов, вузов и музеев и разработки локальных культурно-хронологических схем, дискуссий о возникновении и взаимодействии выделенных в регионе археологических культур.

В главе 2 «Палеогеография неолита Прикамья и Среднего Поволжья» (Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов) отчетливо продемонстрированы зональные особенности двух этих районов в атлантическом периоде голоцена. В Верхнем Прикамье в начале неолита преобладали темнохвойные леса с примесью березняков, сосняков, а в период термического максимума голоцена – широколиственно-темнохвойные леса подтаежного типа. В этих условиях развивалась камская культура, ее памятники располагались в пойме и на первой надпойме. В лесостепном Среднем Поволжье в начале атлантического периода реконструируются степные ландшафты. Во второй его половине в условиях оптимального режима увлажненности появляются березняки и широколиственные с разнотравьем в напочвенном покрове. В лесной части Поволжья (стоянки с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой) распространены лесные формации с сосной и широколиственными.

Центральными участниками процессов культурогенеза в неолите региона были три группы культур: волго-камская культура с накольчатой керамикой (глава 4, А.А. Выборнов, В.В. Никитин, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, В.В. Ставицкий, Н.С. Березина, К.М. Андреев, В.В. Морозов), камская культура гребенчатой керамики (глава 5, А.А. Выборнов, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, В.В. Никитин, В.В. Ставицкий, Н.С. Березина, В.Н. Карманов, В.В. Морозов) и памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (глава 6, Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Никитин, В.В. Ставицкий).

Материалы с накольчатой керамикой лесостепного Поволжья, Посурья, Примокшанья, Марийского Поволжья, бассейна Вятки и Прикамья в разное время обозначались как волго-уральская, средневолжская, дубовоотарская культуры. Авторы главы в заголовке закрепляют за ними название «волго-камская» в трактовке О.Н. Бадера, но в тексте для лесостепных памятников по-прежнему используют термин «средневолжская культура». Она сформировалась в среднем неолите в первой половине VI тыс. до н. э. в результате взаимодействия елшанской традиции и пришлого нижневолжского населения с накольчато-прочерченной керамикой. Елшанская

культура (глава 3, К.М. Андреев, Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий) наиболее ранняя, время ее существования приходится на период аридизации климата и остепнения лесостепной зоны. Керамика включает яйцевидные остродонные, баночные плоскодонные сосуды и круглодонные чаши с накольчато-прочерченным орнаментом в верхней трети. Каменный инвентарь пластинчатый и отщеповый, причем степень пластинчатости возрастает на поздних памятниках. Встречаются рубящие орудия с двусторонней оббивкой. Немногочисленны жилища – наземные каркасные постройки, размеры которых возрастают от ранних (20–25 кв. м) к поздним (до 35 кв. м). Комплексное присваивающее хозяйство, как полагают, могло характеризоваться сезонной сменой угодий и поэтому недолговременностью поселений. Проблема наличия производящих отраслей остается дискуссионной. Хронология елшанской культуры также спорна. Авторы считают наиболее приемлемой гипотезу о ее формировании в первой половине VII тыс. до н. э. и существовании вплоть до середины – третьей четверти VI тыс. до н. э., когда она контактировала со средневолжской. Значительное сходство елшанской керамики с посудой Средней Азии подкрепляет гипотезу о юго-восточных связях раннего неолита, но кремень этих районов, наоборот, сильно различается. Взаимодействию населения двух районов могла способствовать близкая природно-климатическая обстановка.

Из беглого обзора материалов с накольчатой керамики по локальным районам (глава 4) можно сделать вывод об одинаковых тенденциях ее изменения от раннего этапа к позднему: смена пластичного сырья, постепенная замена наколов насечками и гребенчатым орнаментом. Остальные изменения касаются локальных районов: соотношение плоскодонных и остродонных сосудов, различия в формах венчиков, орнаментальных мотивах и т. д. В Прикамье предполагается взаимодействие с группами населения с гребенчатой керамикой. От себя заметим, что сходные процессы наблюдаются в Зауралье и таежной Западной Сибири: господство накольчатой орнаментации в начале неолита и постепенное ее вытеснение гребенчатой в позднем неолите, динамика соотношения плоскодонных и остродонных форм. Подчеркнем, что сходство выражается именно в общих тенденциях, но временами оно выливается в конкретные аналогии поволжско-камских и зауральских материалов.

Кремневые пластинчато-отщеповые индустрии базируются на местном сырье, характеризуются близким набором орудий, обычно с неполной односторонней ретушью. В лесном Среднем Поволжье высок процент орудий на пластинах, типичны разнообразные наконечники стрел с неполной ретушью, многочисленны рубящие орудия из мягких пород с частичной или полной шлифовкой. В бассейнах Камы и Вятки орудий на отщепах чуть больше, чем на пластинах, типичны шлифованные рубящие орудия. Встречаются наконечники и ножи с бифасиальной обработкой, изготовленные из привозного мелового кремня. В Марийском Поволжье изучены углубленные и наземные жилища, иногда соединенные переходами, в Камско-Вятском междуречье – слабо углубленные прямоугольные жилища площадью от 20 до 40–50 кв. м, с очагами, столбовыми и хозяйственными ямами.

Хронология волго-камской культуры базируется на многочисленных радиоуглеродных датах. Наиболее ранние относятся к первой четверти VI тыс. до н. э. в лесостепном бассейне Свияги, где могло начаться формирование традиции плоскодонной накольчатой керамики. Во второй четверти VI тыс. до н. э. памятники появляются в Марийском Поволжье и в устье Камы, в третьей четверти этого тысячелетия – в Камско-Вятском районе, затем в Посурье и Примокшанье. Традиция сохраняется и в лесостепи, и в степных районах вплоть до первой трети V тыс. до н. э.

К северу от ареала волго-камской культуры располагается массив памятников с гребенчатой керамикой (глава 5). Он охватывает бассейн Камы, лесное Среднее Поволжье и бассейн Вычегды и включает три этапа. К раннему относятся несколько разрозненных памятников. Небольшие тонкостенные полуяйцевидные сосуды со сплошным горизонтально-зональным орнаментом из оттисков длинных и коротких гребенчатых штампов сопровождаются кремневыми изделиями на пластинах с краевой ретушью и бифасами на плитках, а также шлифованными рубящими орудиями. Пластинчатый инвентарь близок местному позднемезолитическому. Датировка этапа – вторая – четвертая четверть VI тыс.

до н. э. На втором этапе (первая половина V тыс. до н. э.) появляются крупные поселения с прямоугольными жилищами-полуземлянками площадью 25–70 кв. м. Сосуды становятся крупнее, а орнамент – разнообразнее; распространены типичные для камской керамики венчики с наплывом изнутри. В Нижнем Прикамье и Поволжье особенности посуды отражают взаимодействие с носителями накольчатой керамики. Состав каменных орудий не претерпевает изменений, но возрастает доля изделий на крупных пластинах и отщепах. Для поселений третьего этапа (вторая половина V тыс. до н. э.) также характерны прямоугольные жилища-полуземлянки, полуяйцевидные сосуды со сплошным гребенчатым орнаментом из горизонтальных поясов разнонаклонных оттисков и каменный инвентарь, сходный с предыдущим этапом. На основе топографии поселений, остеологических остатков, функциональных определений орудийного комплекса реконструируется охотничье-рыболовческое хозяйство. Промысловые виды – крупные и средние млекопитающие, боровая и водоплавающая дичь, рыболовство круглогодичное сетевое и гарпунно-острожное. Происхождение камской неолитической культуры связано с местным мезолитом, что проявляется в преемственности топографии поселений, типов жилищ, способов обработки камня. Переход к оседлости способствовал внедрению в обиход керамики. Г.Н. Матюшиным высказывалась гипотеза о южном ее происхождении из Икско-Бельского междуречья, но не исключена связь с западносибирской посудой еттовского типа. Дальнейшая судьба камского неолита связана с энеолитической новоильинской культурой, появившейся в конце V тыс. до н. э.

Немногочисленные следы камской культуры выявлены в бассейне Вычегды (глава 7, В.Н. Карманов). Они представлены двумя стоянками, стратифицированным местонахождением и фрагментами керамики на нестратифицированных памятниках Синдорского озера. Кроме того, фрагменты керамики камского типа известны далее к западу, вплоть до притоков Северной Двины. Типологически керамика соответствует посуде основного ареала по форме, технологии и орнаментации. Ее особенности могут объясняться кратковременностью интервала существования памятников либо слабой изученностью региона. Малочисленный каменный инвентарь невыразителен. Хронология вычегодских стоянок определяется ^{14}C датами местонахождения Пезмог IV в пределах второй четверти VI тыс. до н. э., что соответствует раннему этапу культуры в Прикамье. Вычегодские памятники рассматриваются как северная периферия камской культуры, их характер указывает на кратковременность пребывания. Историческая судьба не ясна.

В начале главы 6 о памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой историографический обзор завершается изложением гипотезы этнокультурной непрерывности внутри единой культуры, представленной сгустками локальных признаков на участках ландшафтов, благоприятных для рыболовства, которые разделены слабо заселенными территориями. Образование локальных вариантов связано с усилением оседлости. Наиболее ранние памятники в Марийском Поволжье относятся к концу бореала, но в целом культура связана с теплым и влажным атлантическим периодом. Большая роль рыболовства проявляется в общей приуроченности поселений к проточным или старичным водоемам. В Сурско-Мокшанском междуречье стоянки, видимо, сезонные, со слабо углубленными прямоугольными и овальными жилищами площадью 20–50 кв. м. Памятники Марийского Поволжья более многочисленны. Они крупнее, с насыщенным культурным слоем, с прямоугольными полуземлянками площадью 56–85 кв. м и меньшими овальными; на поздних поселениях жилища сокращаются в размерах и становятся квадратными.

Проблема происхождения культуры по-прежнему дискуссионна. Вероятно, она зародилась первоначально в каком-то одном центре, а затем быстро распространилась в среде родственного ранненеолитического населения, гончарные традиции которого должны были повлиять на ямочно-гребенчатую керамику. На Европейском Северо-Востоке происхождение культуры могло быть связано с развитием местных традиций либо с миграциями льяловцев. Этот район представляет северную периферию ареала культуры ямочно-гребенчатой керамики, Сурско-Мокшанское междуречье – ее юго-восточную оконечность, Среднее Поволжье и Нижнее Поочье – восточную окраину. Периодизация и датировка льяловской культуры Волго-

Окского междуречья распространяются на Волго-Уралье. Авторы приводят две хронологические шкалы – традиционную и среднестатистическую калиброванных значений ^{14}C дат:

Таблица 1
Table 1

период	датировка	^{14}C BC cal
архаический	рубеж V/IV – перв. четв. IV тыс. до н. э.	5000–4750
ранний	перв. четв. – сер. IV тыс. до н. э.	4700–4350
развитый	сер. – четв. четв. IV тыс. до н. э.	4300–4000
поздний	четв. четв. IV – нач. III тыс. до н. э.	в Волго-Уралье этап не представлен

В тексте используются обе шкалы, что представляет некоторое неудобство для восприятия материала. В Марийском Поволжье изучены памятники первых трех этапов. Они различаются по гипсометрическому расположению, особенностям формы и орнаментации сосудов; на 2 и 3 этапах заметно влияние камской культуры. Материалы Посурья аналогичны марийским и генетически с ними связаны, а отсутствие последних двух этапов объясняется экспансией хвалынской раннеэнеолитической культуры. Балахнинские поселения Нижнего Поочья связывают Волго-Окский и Волго-Уральский регионы в археологическую непрерывность. Своеобразная керамика Примокшанья датируется ранним этапом и аналогична посуде мещерского локального варианта. В отличие от других районов, судьба этого населения не ясна. На Европейском Северо-Востоке памятники с ямочно-гребенчатой керамикой раннего этапа выявлены на реках, но в основном они сосредоточены на водораздельных озерах, где есть остатки жилищ; правда, характер этих поселений – долговременный или сезонный – не ясен. Финал развития культуры в Марийском, Чувашском и Казанском Поволжье отмечен контактами с культурой камского неолита, что послужило импульсом к сложению волосовской культуры.

Каменный инвентарь различных районов представляет отщеповые индустрии и имеет ряд общих признаков. В бифасиальной технике изготовлялись разнообразные наконечники стрел и копий, ножи. Остальные орудия обрабатывались краевой ретушью. Рубящие орудия представлены шлифованными топорами, теслами, долотами, в т. ч. желобчатыми.

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Средней Вычегды и Большеземельской тундры обозначены как льяловские (глава 8, В.Н. Карманов). Версии их происхождения и культурной принадлежности варьировались от миграционных до автохтонных гипотез. На вычегодских стоянках изучены слабо углубленные подпрямоугольные жилища площадью до 100 кв. м и малые округлые, все недолговременные, возможно односезонные. Судя по составу находок, поселения были неспециализированными, с разными видами деятельности. Автор полагает, что они могли принадлежать незначительной по численности группе населения (70–220 человек). В отличие от речных стоянок на памятниках водораздельных озер керамика и каменный инвентарь значительно более многочисленны. Но остается неясным, являются ли они остатками долговременных поселений или следами многократных кратковременных посещений. Каменный инвентарь характеризуется отщеповой техникой, ориентированной на изготовление бифасов – наконечников стрел ромбической и листовидной формы и асимметрично-листовидных ножей. Встречается прием предварительной тепловой обработки кремня и намеренная поперечная фрагментация изделий; характерно обилие резцов. Все эти особенности имеют аналогии в льяловской культуре Верхней Волги. Керамика – округлодонные закрытые сосуды со сплошным орнаментом из чередующихся гребенчатых оттисков и ямок или угловых наколов. Две группы памятников Вычегды различаются по типу штампов: длинных косозубых и относительно коротких. Автор предполагает, что различия этих двух групп могут отражать разные исходные локальные группы льяловцев и относиться к переходному времени от верхневолжской культуры к льяловской (четв. четв. VI – нач. V тыс. до н. э.) и к архаичному этапу льялова (втор. четв. V тыс.

до н.э.). Возможность дальнейшего развития этой культурной традиции пока слабо документирована.

Остальные три главы рассматривают поздние группы памятников, переходные от неолита к энеолиту. Во-первых, это памятники русско-азибейского типа (глава 9, А.А. Выборнов, А.В. Шипилов) – поселения с воротничковой круглодонной керамикой. Сосредоточены гнездами на северной периферии лесостепи по левому берегу Нижней Камы, встречаются в Икско-Бельском междуречье, в левобережье Волги вплоть до Казани и в Камско-Вятском междуречье вплоть до Перми. Располагаются по берегам пойменных и старичных озер, что вызвано нуждами рыболовства, часто на местах стоянок камской культуры. Ее традиции заметны в крупном прямоугольном жилище на Русско-Азибейской стоянке. Остеологические находки свидетельствуют об охоте на лесных травоядных и грызунов. Развитая деревообработка документируется многочисленностью и разнообразием орудий. Керамика представлена тремя морфологическими типами со сплошным горизонтально-зональным орнаментом, в целом аналогичным камской неолитической керамике. Особенности посуды могут быть обусловлены хронологическими различиями двух последовательных этапов и причинами культурного порядка. Типологический облик керамики отражает два последовательных этапа и, с одной стороны, наследует камские неолитические традиции, с другой – несет влияние самарской и хвалынской энеолитических культур, а также контактов с населением Волго-Окского региона. Т. о., керамика русско-азибейского типа является гибридом поздненеолитических и раннеэнеолитических традиций. Крупнопластинчатая кремневая индустрия содержит, помимо прочего, наконечники кельтеминарского типа, на отщепах изготовлены наконечники со сплошной двусторонней обработкой. Среди мелких долот имеются круммайзели. Судя по стратиграфии, нижняя граница воротничковой керамики смыкается с финалом камской неолитической культуры, а верхняя может быть синхронна новоильинским или предшествующим им комплексам. По данным радиоуглеродных анализов, она занимает интервал третьей четверти V тыс. до н. э., что совпадает с поздним этапом самарской и хвалынской культур. Следовательно, они реально могли оказывать влияние на поздненеолитическое население Нижнего Прикамья и Предуралья.

Глава 10 «Памятники татарско-азибейского типа» (В.В. Морозов, А.А. Выборнов, А.В. Лыганов). Памятники данного культурного типа с накольчатой керамикой отнесены Р.С. Габяшевым к кругу культур южного происхождения. Поселения сосредоточены на дюнах в пойме и на низких надпойменных террасах р. Ик и устья Белой. На эпонимном памятнике исследованы остатки наземных прямоугольных и округлых жилищ с очагами и хозяйственными ямами. Керамика – тонкостенные плоскодонные банки с орнаментом из вдавлений-наколов, чаще в отступающей манере. Все памятники многослойны, поэтому с накольчатой керамикой удалось связать лишь некоторые каменные изделия на пластинах. Радиоуглеродные данные определяют интервал существования комплексов татарско-азибейского типа концом первой четверти – второй четвертью IV тыс. до н. э. Р.С. Габяшев считал их поздним наследием ранненеолитической накольчатой керамики (соврем. – волго-камский тип). А.А. Выборнов и А.В. Вискалин полагают, что они оставлены очередной миграционной волной лесостепного населения на рубеже неолита – энеолита и могли контактировать с носителями новоильинской культуры. Определенное сходство отмечается с более ранней боборыкинской и синхронной липчинской культурами Зауралья, но различия существенны. Не исключена и версия автохтонного развития от раннего неолита щербетьского типа к позднему неолиту Верхнего Прикамья и миграции в Икско-Бельское междуречье из-за климатических изменений. Немногочисленность памятников, их смешанный характер, отсутствие могильников не позволяют рассматривать этот тип в ранге археологической культуры.

Глава 11 «Новоильинская культура» (А.А. Выборнов, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, А.В. Шипилов, Т.А. Цыгвинцева). Распространена на Средней и Нижней Каме, в Камско-Вятском и Икско-Бельском междуречьях. Жилища – прямоугольные и квадратные бревенчатые полуземлянки площадью 50–90 кв. м с двускатной крышей. Керамика представлена полуяйцевидными открытыми сосудами с горизонтально-зональным гребенчатым орнаментом, включающим простые

и сложные (треугольники, ромбы, флажки и пр.) узоры. По керамике выделяются локальные и хронологические варианты. Кремневый инвентарь демонстрирует технику расщепления ударом через посредник для получения крупных пластин и прямоугольных отщепов. Ножи и скребки на пластинах, фигурные ножи обработаны краевой ретушью, наконечники – сплошной двусторонней ретушью. Разнообразны шлифованные рубящие орудия. Вопрос о принадлежности находок металла остается открытым. Имеющиеся датировки (четвертая четв. V – нач. III тыс. до н. э.) позволяют отнести ранний этап к неолиту, поздний – соотнести с гаринской энеолитической культурой. Но поздние даты сомнительны; скорее новоильинская культура занимает интервал 5200–4500 BP Uncal. В основе ее лежат лёвшинские комплексы, возможно при участии красномостовского типа и накольчатой традиции. Т. о., эта постнеолитическая культура сформировалась на основе камской и западных компонентов.

Две последние главы подводят итог обзору неолитических культур региона. Главу 12 «Гончарная технология населения Среднего Поволжья в эпоху неолита» (И.Н. Васильева) открывает небольшой теоретический раздел, излагающий концепцию гончарного производства, сформулированную школой А.А. Бобринского. Гончарные технологии рассматриваются как системы устойчивых и взаимосвязанных навыков труда на всех ступенях производства, имеющие характер культурной традиции. Возникновение гончарства явилось адаптацией к резкому скачку в производстве средств жизнеобеспечения в результате интенсификации комплексного присваивающего хозяйства в процессе неолитизации. Изложена полицентрическая гипотеза возникновения гончарства в результате накопления знаний и опыта использования различного пластичного сырья в быту в «догончарный» период и независимое возникновение гончарных технологий в разных группах древнего населения. Согласно этой гипотезе, различие видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики может указывать на принадлежность древних мастеров к разным ареалам происхождения гончарства.

Результаты изучения гончарства Среднего Поволжья и сопредельных территорий опираются на выявление совокупности массовых навыков труда как культурных традиций, а также на изучение специфичных и единичных традиций. Учитывая эмпирический характер передачи технологической информации в традиционных обществах, появление смешанных традиций возможно только при устойчивых контактах их носителей. Эти положения раскрыты и проиллюстрированы на материалах четырех основных культурных комплексов региона. Самая ранняя, елшанская керамическая традиция характеризуется использованием тощих илистых глин с органическим раствором и изготовлением остродонных сосудов, сформованных на формах-основах лоскутным налепом. Появление позднее плоскодонных емкостей и сложного рецепта с шамотом указывает на смешение двух традиций. Истоки елшанского гончарства лежат в Средней Азии и Приаралье, а само оно сыграло заметную роль в формировании средневолжской культуры. Возможно, елшанское население постепенно мигрировало на запад вплоть до Суро-Мокшанского междуречья. Средневолжская культура сформировалась на рубеже VI–V тыс. до н. э. (некалибр.) в результате его смешения с пришлыми нижневолжскими группами орловской культуры. Средневолжская керамика разнообразна, включает накольчатый и гребенчатый культурно-хронологические комплексы, группы с гладким и ямочным орнаментом. В накольчатом комплексе выделяется ранняя группа нижневолжского происхождения, для которой характерна тонкостенная плоскодонная керамика из илов с геометрическим орнаментом в технике отступающей палочки. Гребенчатая керамика различается по типу орнаментиров (длинные, средние, короткие гребенчатые штампы); изготовлена из илистых глин с раковиной, иногда с шамотом; встречается «расчесывание» внутренней поверхности. Источниками гребенчатой керамики в средневолжской культуре могли служить группы с юго-запада, из Подонья и Украины, а также камское население, продвигавшееся с севера.

Камский керамический комплекс характеризуется круглодонными сосудами с печатным гребенчатым орнаментом. Для раннего этапа характерно использование жирных глин в сочетании с шамотом в виде сухих смесей с органическим раствором, лоскутный налеп на формах-моделях, лощение и костровой обжиг. На поздних этапах появляются новые тради-

ции, в частности изменение формовочных масс за счет илистых глин в результате длительного смешения со средневолжскими и другими инокультурными группами. Волго-камский керамический комплекс – преимущественно плоскодонные сосуды без орнамента или с накольчатым, отступающим орнаментом и с насечками. Гончарные технологии включают черты средневолжских, камских и смешанных традиций. Т. о., в третьей четверти V тыс. до н. э. в Среднем Поволжье появляется камский ареал. Происхождение самой камской культуры требует дальнейшей проработки, поскольку аналогии ей обнаруживаются в Среднем Зауралье (полуденская культура) и на севере Западной Сибири (Амня I, Ет-то I).

Т. о., на основе анализа исходного пластичного сырья выделены три ареала гончарных традиций. Древнейшей является традиция использования илов без искусственных примесей – плоскодонные сосуды с прочерченно-накольчатым орнаментом (Северный Прикаспий, Нижнее Поволжье, перв. полов. VI тыс. до н. э., некалибр.). Вторая, елшанская традиция – использование илистых глин и появление шамотной примеси, остро- и плоскодонные сосуды с ямочно-жемчужным пояском и прочерченным и точечным орнаментом в Волго-Уралье (перв. полов. VI тыс. до н. э.). Позже формируется ареал камской керамической традиции использования сухих смесей природных глин, шамота и органического раствора – круглодонные полуяйцевидные сосуды (Прикамье, третья четв. V тыс. до н. э.). В Среднем Поволжье основными процессами были контакты и взаимодействие населения трех указанных ареалов и разнонаправленные миграции.

Глава 13 «Итоги изучения неолита Среднего Поволжья и Предуралья» (А.А. Выборнов) предлагает концепцию культурогенеза в эпоху неолита всего региона. Елшанская культура с остродонной слабо орнаментированной керамикой из илистых глин появляется в лесостепях Среднего Поволжья 8200 л. н. Ее каменная индустрия не содержит признаков преемственности с местным мезолитом, поэтому приоритетна гипотеза о неместном характере культуры. Ее носители могли мигрировать в регион из среднеазиатского междуречья из-за аридизации климата. Группы елшанского населения оказали влияние на неолитизацию западных и северных районов Волго-Уралья. 7500 л. н. в лесостепном Среднем Поволжье сформировалась средневолжская культура на основе смешения елшанского и пришлого из Нижнего Поволжья орловского населения. Последнее принесло традицию изготовления из илов плоскодонной керамики с накольчато-отступающим геометрическим орнаментом и кремневую индустрию с повышенной долей пластинчатости и геометрическими микролитами. Дальнейшее развитие средневолжской традиции связано с диффузией в лесную часть Волго-Камья. В ряде регионов самобытные культурные образования не сложились, здесь прослеживается явление археологической непрерывности.

Неолитизация Среднего Поволжья и Предуралья связана не только с южными, но и с восточными культурными импульсами, но без признаков производящего хозяйства. В местный неолитический пакет можно включить изменения в каменном инвентаре, распространение стационарных жилищ как признака возросшей оседлости в связи с развитием рыболовства. Исходя из этих критериев, в лесном Среднем Поволжье к раннему неолиту следует относить памятники с накольчатой керамикой, а к позднему – с ямочно-гребенчатой посудой. Стоянки северных лесных районов, где нет полного неолитического пакета, допустимо рассматривать как переходные от мезолита к неолиту, а памятники новоильинского, красномостовского и русско-азибейского типов – как переходные от неолита к энеолиту.

Опираясь на массив радиоуглеродных дат, наиболее вероятное время появления раннего неолита в лесостепном Поволжье относится к 7200 BP, в лесном Среднем Поволжье и Предуралье – 6800 BP. Около 6000 BP сюда проникают носители льяловской и балахнинской культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Те и другие контактируют с группами камской культуры среднего этапа ее развития, складываются локальные варианты средневолжской культуры. Около 5200 BP в лесных районах неолитические культуры сменяются переходными красномостовской и новоильинской, а с 4900 BP сюда проникает степное население, определившее переход к раннему металлу. В Прикамье это процесс стартует с 4500 BP. Если принимать ^{14}C даты татарско-азибейских комплексов, то их архаизм может быть результатом не только местного субстрата, но и зауральского липчинского импульса.

Жилища неолитических культурных групп Волго-Уралья различаются по форме и размерам; заметна тенденция к более крупным сооружениям в лесной зоне по сравнению со степной и лесостепной. Погребальный обряд неолита не поддается характеристике из-за крайней малочисленности материалов, к тому же не имеющих надежных датировок; их хронология может охватывать период от мезолита до энеолита.

Приходится отметить, что в данном разделе автор неожиданно переходит к использованию некалиброванных ^{14}C дат (BP) и противоречит датировкам, приведенным в начале главы, а также датировке елшанской культуры в главе 3. Кроме того, из неолитического обзора выпал сюжет о трансуральских связях камского неолитического населения, которые были отмечены еще О.Н. Бадером благодаря присутствию на некоторых стоянках керамики зауральского облика с характерной примесью талька в тесте, а также материалы эньтыйского типа и других групп раннего неолита Европейского Северо-Востока с накольчатой керамикой.

Часть 4 «Палеоантропология Волго-Уралья в эпоху камня» (А.А. Хохлов) содержит информацию о палеоантропологических материалах региона, известных на сегодняшний день. Они определяют концепцию В.В. Бунака о древней недифференцированной североевразийской формации – основе современной уральской расы. Эта концепция, сформулированная еще в середине прошлого века, принята значительным числом специалистов, но с учетом влияния на разных этапах миграционного фактора с востока и с запада. Основное внимание в тексте уделено материалам недавних раскопок. Палеоантропологические материалы могильников у с. Меллятамак демонстрируют неоднородность. Часть из них связана, вероятно, с лесным населением Прикамья, другая – с черепами северо-западной Европы, третья отражает вектор географической связи между Приуральем (самарская раннеэнеолитическая культура) и Приаральем (кельтеминарская неолитическая культура). Далее автор анализирует скелеты восьми комплексов, обеспеченных независимыми датировками и генетическими кодами ДНК (табл. 1). Наиболее ранние погребения на горе Маяк датированы переходным временем от палеолита к мезолиту. Всесторонний анализ позволил отнести их к древнеуральскому типу и подтвердил глубокую древность и расовую недифференцированность уралоидного краниометрического комплекса. Более поздние погребения соотнесены с елшанской (Чекалиино IVa и Лебяжинка IV) и волго-камской (Чекалино IVb) культурами. Материалы проявляют значительные индивидуальные морфологические особенности, что может указывать на формирование древнеуральского очага расогенеза из различных контактирующих микропопуляций с присваивающим хозяйством. Все они отнесены к северной евразийской формации, отличавшейся физическим полиморфизмом.

Результаты палеогенетики получены по географически разобщенным материалам и не являются полными, т. к. содержат лишь коды половых гаплогрупп, дополненные субкладами. По женской линии все индивиды наследуют несколько гаплогрупп кода U, которые распространены в Европе в верхнем палеолите и мезолите. По мужской линии код Q характерен для некоторых народов Сибири и Америки, а гаплогруппа Q1a2 (мог. Лабазы) близка образцам мезолитического могильника Звейниеки в Прибалтике и носителям окуневской культуры бронзового века Западной Сибири. Гаплогруппа R1b (Лебяжинка IVa) происходит из популяций верхнего палеолита Северной Евразии, распространившихся в начале мезолита на запад вплоть до Скандинавии.

Данные палеоантропологии и палеогенетики иногда совпадают, демонстрируя сложный состав населения и общую его генетическую преемственность от верхнего палеолита Северной Евразии. Итогом развития этого населения, принадлежавшего разным археологическим культурам, является формирование к концу неолита условно единого антропологического субстрата. Его основа или компоненты (древнеуральский, сублапоноидный, субуральский типы), отличные от типичных еропеоидов и монголоидов, внесли существенный вклад в последующие этногенетические процессы региона и сопредельных территорий.

Подводя итог, можно констатировать, что достоинства издания несомненны. Авторский коллектив создал достаточно детальное полотно сложного и многогранного культурного развития обширного региона; насколько это возможно, реконструирован экологический фон событий. В меньшей степени детализи-

рованы особенности хозяйственно-бытового уклада населения лесной и особенно лесостепной зон из-за явной скудости источников. Уточнена хронология, хотя подача абсолютных датировок не унифицирована. Наконец, обобщены данные палеоантропологии с позиций современного понимания процессов расогенеза и палеогенетики. Историографические сюжеты каждой части и отдельных глав позволяют оценить степень решения дискуссионных вопросов и остающиеся проблемы. Издание богато иллюстрировано и снабжено картографическими материалами. Появление тома «Каменный век», безусловно, является заметным событием в научной жизни отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.

Информация об авторе:

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории и доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); kosinkova4949@mail.ru

REFERENCES

Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (ed.). 2021. *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Kosinskaya Lyubov L., Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University. Mira str., 19, Yekarinburg, 620062, Russian Federation; kosinkova4949@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.05.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.346.349

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГОРБУНОВА В.В., ТИШКИНА А.А. «КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО. 2022 Г.»[1]

© 2025 С.Г. Боталов

В 2022 году вышла монография «Курганы сросткинской культуры на Приобском плато», подготовленная учеными Алтайского государственного университета В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным. Издание посвящено обобщению и систематизации археологических материалов сросткинских памятников, исследованных за 150 лет на Приобском плато. Основная публикационная часть монографии включает результаты исследований АГУ в конце 1990-х – начале 2000-х гг. 34 погребальных памятников левобережья Средней Оби, долины Нижнего Алея и Чарыша. В результате типологического анализа вещевого комплекса и последующей систематизации элементов погребального обряда установлена датировка некрополей в рамках 2-й половины VIII – XII в. н.э. (с разделением на этапы). Авторам удалось создать впечатляющую картину этносоциальных процессов, происходивших в среде населения сросткинской общности в этот период и выявить устойчивые признаки, характерные для сросткинских памятников исследуемого региона: курганные или гораздо реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; вытянутое положение умерших людей с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них можно объединить понятием «сросткинский погребальный комплекс» в изучаемой культуре.

Ключевые слова: сросткинский культурогенез, археологическая культура, погребальный комплекс, Приобское плато, тюрко-самодийские племена

REVIEW OF THE MONOGRAPH "GORBUNOV V.V., TISHKIN A.A. THE SROSTKI CULTURE BARROWS ON THE OB PLATEAU. 2022"[2]

S.G. Botalov

In 2022, the monograph "The Srostki culture barrows on the Ob Plateau" was published, prepared by scientists of the Altai State University V.V. Gorbunov and A.A. Tishkin. The publication is dedicated to the generalization and systematization of archaeological materials of the Srostki sites studied over 150 years on the Ob Plateau. The main publication part of the monograph includes the results of ASU research in the late 1990s – early 2000s, including 34 burial sites on the left bank of the Middle Ob, the valley of the Lower Alei and Charysh. As a result of the typological analysis of the artifacts and the subsequent systematization of the burial rite elements, the necropolises were dated to the second half of the 8th to the 12th centuries AD (divided into stages). The authors managed to create a picture of the ethnosocial processes that took place among the population of the Srostki community during this period and to identify stable features characteristic of the Srostki sites of the studied region: barrow necropolises or, much less often, necropolises without mounds; a row arrangement of burials with the allocation of a central burial; moats or frame-fences; pillars at the "head end" of the graves; above-ground coverings of burial pits; intra-grave frames with a covering and a floor; an elongated position of the deceased with orientation towards the eastern sector. The combination of all these features or the presence of most of them can be united by the concept of "Srostki burial assemblage" in the studied culture.

Keywords: Srostki cultural genesis, archaeological culture, burial assemblage, Ob Plateau, Turkic-Samoyedic tribes

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

[2] The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20283 "The world of the nomads of the Southern Urals in the light of Magyar archeology (VIII–XI centuries)", https://rscf.ru/project/24-28-20283/

Сросткинская культура (общность), несомненно, является культурным феноменом в средневековой истории степей Центральной и Западной Азии. Впечатляют территориальные границы, в рамках которых существовало кочевое и скотоводческое население этой культурной общности: Томское и Новосибирское Приобье, Кузнецкая котловина, Приобское плато, Верхнее Прииртышье. Однако территория сросткинского культурного влияния простиралась гораздо дальше на восток, вплоть до Енисея, и на запад – до Южного Урала.

В этой связи наш интерес к результатам обобщающих исследований по сросткинским памятникам вполне оправдан (Горбунов, Тишкин, 2022). В этом конкретном случае речь идет о памятниках Приобского плато. Следует согласиться с выводами авторов исследований, что во время существования сросткинского объединения, особенно в период его расцвета во второй половине IX – первой половине XI в., Приобское плато являлось географическим центром всего ареала культуры, именно там находятся самые крупные и «богатые» курганы. Это позволяет считать Приобское плато политический центром сросткинского объединения. Поэтому обобщение информации по всем раннесредневековым могильникам с этой территории в одном издании представляется актуальным.

Изучение этого ключевого сросткинского региона продолжается более 150 лет. В монографии приводится не просто историографический анализ, а систематизация исследований, проводимых в Приобском плато с 1860 года. В целом этот процесс включил три исследовательских этапа. Первый из них (1860–1910-е гг.) характеризуется началом эпизодических раскопок, создавших определенный задел для дальнейших работ. Второй период (1960–1980-е гг.), несмотря на преобладание попутного (аварийно-спасательного) характера раскопок, привел к значительному росту источниковой базы и включению территории Приобского плато в ареал уже выделенной сросткинской культуры. Третий период (1990–2000-е гг.), помимо охранных работ, отмечен целенаправленными раскопками сросткинских могильников, более активной их публикацией, в том числе и предыдущих результатов.

Информация, приводимая в публикациях, до начала XXI века по первым двум этапам носила зачастую краткий обзорный характер. Вероятно, это послужило причиной публикации итогов исследования памятников XIX–XX вв. в наиболее развернутом виде, позволяющем представить те или иные сведения в общестатистической характеристике сросткинской культуры рассматриваемого региона. Основная публикационная часть монографии посвящена результатам исследований АГУ в конце 1990-х – начале 2000-х гг. 34 погребальных памятников левобережья Средней Оби, долины Нижнего Алея и Чарыша, где было исследовано 56 курганов, включающих 108 погребений.

Публикационная часть логично продолжается анализом вещевого комплекса и погребального обряда. Типология предметов вооружения, конского снаряжения, костюма и бытового инвентаря позволила авторам в итоге построить дробную хронологию курганов и могильных комплексов, а также общую хронологию сросткинской культуры Приобского плато, которая состоит из четырех этапов. Из них наибольшее число памятников относится ко второму, грязновскому этапу, 2-я половина IX – первая половина X в., включающему 10 памятников: Быково-IV, Грязново I–IV, Камень-II, Нечунаевский Елбан – 2, Успеновка-II, Хабазино-4, Яровское-III (из них памятник Хабазино-4 является более ранним, а Грязново-III и Камень-II – более поздними). К третьему, шадринцевскому этапу, вторая половина X – первая половина XI в., относятся 11 памятников: Гоньба, Грань, Заковряшино, Камень-1, Кучук-1, Поповская Дача, Поспелихинский, Прудской, Рогозиха-1, Филин-1, Яровское-V (из них памятники Грань и Рогозиха-1 являются более ранними, а Поповская Дача и Прудская – более поздними).

Наиболее ранний, иньский этап, вторая половина VIII – первая половина IX в., включает только три памятника: Кипринский Борок – 7, Мало-Панюшово и Плотниково, к самому позднему, змеевскому этапу, вторая половина XI–XII в., относятся четыре памятника: Барчиха, Боровиково-IV–V, Ильинка. Вероятно, эти этапы характеризуют период становления и распада сросткинской культуры.

Установление тройной хронологии, благодаря глубокой систематизации вещевого комплекса и последующей систематизации элементов погребального обряда, позволило авторам создать впечатляющую картину

этносоциальных процессов, происходивших в среде населения сросткинской общности. Эти выводы, на наш взгляд, являются своеобразным эксклюзивным итогом данного исследования. В конечном результате удалось выявить устойчивые признаки, характерные для сросткинских памятников исследуемого региона: курганные или гораздо реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; вытянутое положение умерших людей с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них можно объединить понятием «сросткинский погребальный комплекс» в изучаемой культуре.

Рассмотрение происхождения курганных и могильных конструкций, а также типов погребений позволило выделить в составе сросткиного общества четыре условных этнических компонента: тюркский, самодийский, кыпчакский и угорский. В процессе развития сросткинского общества они имели разное значение. Основными являлись тюркский и самодийский, который доминировал численно, но появление именно тюркского населения привело к образованию нового объединения. Слияния населения Приобского плато в один этнос не произошло, что было обусловлено в том числе социальными отношениями.

Сравнительный анализ инвентарных наборов из могил с элементами погребального обряда выявил различные уровни имущественной, профессиональной и социальной стратификации сросткинского общества Приобского плато. Было выделено четыре имущественных группы населения: «богатые», «состоятельные», «малоимущие» и «неимущие». В первой из них преобладали тюрки и кыпчаки, в остальных – самодийцы. Сходная тенденция обозначалась и при выделении пяти групп воинских погребений, где командирами среднего и высшего звена оказались тюрки и кыпчаки, а в рядовом и младшем командном составе было больше самодийцев. Среди четырех социальных групп в составе «правящей элиты» оказались представители тюрок и кыпчаков, в составе «племенной «аристократии» – представители тюркского и самодийского этносов при преобладании последнего, в составе «простого народа» – самодийцы и небольшое число тюрок и угров, в составе «зависимого населения» – только самодийцы.

Думается, проведенные представления не вызывают возражения у рецензента, как, вероятно, и у многих исследователей сросткинской проблематики, потому как являются своеобразным обобщением уже существующих многочисленных заключений.

Сросткинская культурная общность Приобского плато в изложении исследований В.В. Горбунова и А.А. Тишкина представляется своеобразным цельным историко-культурным явлением, интегрирующим основные характерные черты данной культуры.

Однако при этом продолжают оставаться определенные вопросы, которые связаны с региональным своеобразием культурных проявлений этой общности в рамках всего макрорегиона ее существования. Это касается характера курганных конструкций, ориентировки погребений, захоронений лошади, наличия кремации и др. Не углубляясь в эти исследовательские нюансы, тем более они не являются задачами настоящего исследования, заметим лишь один парадокс: памятники более западной группы (Верхнее Поиртышье, Средняя долина Алея), исследованные и опубликованные В.И. Могильниковым, по общим чертам, безусловно, входят в единый ареал сросткинской общности, однако содержат целый ряд существенных отличий (каменные насыпи, набросы, ограды, значительная доля и разнообразие керамики) (Могильников, 2002, с. 67–80, рис. 214). Устойчивое региональное своеобразие наблюдается и в других западных регионах распространения памятников сросткинского типа: Казахстанское Поиртышье (II Бобровский могильник), Южное Зауралье (Синеглазовский и Уелгинский могильники).

Однако, как уже указывалось, вопросы динамики сросткинского культурогенеза на грязновском и фоминцевском этапах наивысшего его развития остались за пределами настоящей монографии. Думается, это следующий исследовательский этап изучения этого удивительного явления, которое называется сросткинской культурной общностью.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: АлтГУ, 2022. 320 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

REFERENCES

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (The Srostki culture barrows on the Ob Plateau)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th-11th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences,Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Статья поступила в журнал 27.04.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести.
АЛ БГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КГПИ – Куйбышевский государственный институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ ИАЭ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
мокш. – мокшанский
МСК – местная система координат
НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РСМ – Раннеславянский мир.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СНИУ – Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П.Королёва
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
ТЕВ – Тамбовские Епархиальные ведомости
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЦПО – Центральная промышленная область
эрз. – эрзянский

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Объявление редакции

К сведению читателей и научного сообщества

В статье «Житенёв В.С., Анисовец Ю.Д., Литвинова Е.В., Кожарина М.Г., Малышева Я.А., Виноградова Е.А., Статкус М.А. *(Москва, Россия)* Стена и пол пещеры как культурный слой: особенности методики изучения палеолитических художественных практик // Археология Евразийских степей. 2025. № 3.С. 148–160» исправлена техническая ошибка в дате поступления рукописи.

Причина: Обращение Житенёва В.С. от 15.08.2025.

Исправление: Дата поступления изменена с 01.04.2025 на 31.10.2024.

Электронная версия статьи исправлена. Запросы на изменение данных направлены в реферативные базы данных.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 28.08.2025
Дата выхода в свет 30.08.2025
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,92
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+

